
АЛАН ДИН ФОСТЕР
СОКРОВИЩНИЦА БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФЛИНКСА · III

АЛАН ДИН
ФОСТЕР

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФЛИНКСА · III

РУСИЧ
СМОЛЕНСК
1995

ББК 84 (7 США)
Ф 47
УДК 820(73)-31

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского *И. С. Соколова («Зелье»)*
Т. С. Бушуевой («Последнее приключение Флинкса»)
Редакторы: *П. Н. Рыбкин, С. В. Шейдт*

Публикуется впервые с любезного разрешения автора
и его литературного агента Александра Корженевского.
Любые другие публикации настоящих произведений
в любой форме, в целом или частями,
являются противоправными и преследуются по закону.

Фостер А.

Ф 47 Приключение Флинкса-III: Романы / Пер. с англ. И. С. Соколова, Т. С. Бушуевой; худож. А. А. Шуплецов. — Смоленск: Русич, 1995.— 608 с. — (Сокровищница боевой фантастики и приключений).

ISBN 5-88590-351-4

Третий, заключительный том «Приключений Флинкса» завершает повествование об похождениях юноши-телепата Флинкса и его верного спутника мини-дракона Пип. Герои попадают в самые невероятные ситуации на планетах удивительных звездных миров, созданных причудливым воображением талантливого американского писателя-фантаста.

Ф 8200000000

© by A. Foster, «Bloodhype», 1973
«Flinx In Flux», 1988
© Перевод. И. С. Соколов,
«Bloodhype», 1994
© Перевод. Т. С. Бушуева,
«Flinx In Flux», 1994
© Разработка и оформление серии.
«Русич», 1995
ISBN 5-88590-351-4
© Оформление. А. А. Шуплецов, 1995

ЗЕЛЬЕ

«Я ем, следовательно, я существую!» Ничего изысканнее и глубже этой формулы сознание Вома не выдавало никогда, даже в самые безоблачные — то есть попросту безоговорочно сытые — времена. Тем более не до доводки мыслительного аппарата было теперь, во дни торопливо сменяющих друг друга голодных обмороков. Вом обессилел настолько, что не мог уже развлечь себя ничем, в том числе и воспоминаниями о прежнем благополучии: для того, чтобы подняться с перцептивных корточек и хотя бы вполсилы поскрести по заповедным сусекам памяти, требовалась уйма энергии. А где взять эту последнюю, когда ты распластан на голых камнях и отнюдь не по-отечески палим тупым чужестранным Солнцем? Вому приходилось пробавляться метеоритной пылью (а это вам, надо сказать, не молочная смесь для полугодовалых гуманоидов!) да отвратительными гамма-лучами. Чтобы эти, с таким трудом добывавшиеся, крохи усваивались как можно полнее и эффективнее, Вом растекся по обращенной к чахленькому светилу поверхности планеты гигантским пятном. Это случилось несколько тысячелетий тому назад. Сколько именно? Вом не знал точно. А еще скорее — не помнил и не находил нужным припоминать: энергию надлежало строжайшим образом экономить.

Когда-то давным-давно, в этой уютной и милой, даром что безымянной, галактической провинции, жизнь существовала повсюду, также и на той, ныне потухшей и остывшей, болванке, которую Вом на треть обтягивал сейчас, как, положим, продравшаяся рукавица обтягивает шляпку банальнейшей штопальной горькушки. Тут развилась и довольно успешно функционировала своя, абсолютно самостоятельная экосистема: растения (одноклеточные и многоклеточные, лишайники, голосемянные), жи-

вотные (позвоночные и беспозвоночные, теплокровные и те, чья кровь нагревалась или остывала в зависимости от изменений в температурном режиме планеты), насекомые (сухопутные, плавающие, летающие). На вершине биологической пирамиды, на самом ее острие, так сказать, таборовала, всем внизу заправляя, некая гуманоидная раса, которая, однако, почти полностью вымерла к тому моменту, когда на планету пожаловал Вом.

Как он очутился здесь? Нечего было и пытаться ответить на этот вопрос: воспоминания неизменно оказывались куда более энергоемкими, нежели сиюминутные ощущения, даже самые сильные и основополагающие. Правда, у Вома, где-то в отдаленнейших глубинах сознания, брезжили по временам кое-какие смутные видения, говорившие за то, что некогда он господствовал в тысячах и тысячах миров и что власть его не знала границ, но прояснить эти видения не представлялось возможным. Вом помнил только, что сразу по прибытии на планету он пытался, не опускаясь, между прочим, до прямых пресмыкательств, ассимилироваться с некоторыми туземными формами жизни, но опыт не удался, как, в общем-то, и раньше никогда не удавался. Разумеется, Вом в уныние впадать не стал, а стал подмазываться к последним представителям гуманоидной расы, вымиравшей как-то неряшливо и суетно. Те не пожелали водиться с Вомом и взялись за оружие, так что пришлось съесть строптивцев. Чем, если рассудить по справедливости, не контакт? Контакт, и даже прямее всех прямых!

Когда с гуманоидами было покончено, Вом принялся за все остальное, посчитав, что уж коль от его дружбы отказались существа в той или иной мере разумные, то заведомо бестолковым тварям незачем эту дружбу и предлагать. В рацион его вошли тогда даже сине-зеленые водоросли и бактерии. Он продолжал есть до тех пор, пока поверхность планеты не превратилась в совершеннейшую пустыню.

Впоследствии, изо дня в день утюжа своим, условно говоря, брюхом угрюмые валуны, Вом жестоко корил себя за несколько недальновидную прожорливость, находя утешение лишь в том, что

запасенных организмом питательных веществ должно хватить надолго. Тут он был и впрямь недалек от истины, но все же сделаться сытым надолго отнюдь не значит отпасть от голода навсегда. И вот этот голод наступил. Пришлось задуматься о спасении собственной шкуры. Вом применил избитую, но не единожды оправдывавшую себя тактику: он стал посылать в космос ультразвуковые сигналы определенной частоты, рассчитывая прикликать столь нехитрым способом каких-нибудь цивилизованных созданий, более или менее любопытных. Предполагалось, что когда эти последние явятся на планету, Вом, внезапно стушевавшись до полной неосязаемости, прокрадется на их корабль и будет доставлен одураченными таким образом пилотами в другой, новый мир, конечно же, изобилующий самой восхитительной пищей.

Однако на сей раз Вому пришлось ждать что-то уж слишком долго: несколько сотен лет никто не отзывался. Когда же наконец контакт был установлен, то выяснилось, что контактеры как-то обескураживающе башковиты и могущественны. Вому не доводилось еще встречаться со столь глубокомысленной расой. Он потерял контроль над собой и уничтожил с перепугу всех вышедших с ним на связь астронавтов вместе с их кораблями. Погиб целый флот. Это и стало фатальной ошибкой Вома. Соплеменники погибших мигом раскумекали, какого масштаба опасность им угрожает, и направили к отчасти обволокнувшейся Вомом планете четыре звена тяжеловооруженных космолетов, пилотировавшихся самыми совершенными роботами. Впрочем, даже роботы не смогли уразуметь всей глубины открывшегося их мутным очам явления, не поняли ни в малой степени, что за субчик такой этот Вом. Экспедиция цели своей не достигла, космолеты убрались восвояси.

Вом долгое время пытался отловить еще какие-нибудь межзвездные суда, но в том захолустье, где он увяз, таковые отнюдь не кишели. Если же иные корабли и приближались к злосчастной планете, то все равно не садились на нее: аномальное поведение большинства бортовых систем ясно указывало на то,

что данная область в высшей степени непригодна для разудалых испытательских вояжей.

Изолированный от всех и вся, Вом все-таки не терял надежд на спасение, хотя и худел с катастрофической быстротой. Действительно, вскоре разразилась неподалеку жесточайшая фотонная буря. Автоматические патрульные станции, с полвека уже тупо доглядывавшие за опасной планетой, вышли из строя, Вому же удалось подкрепиться немного крохотными гроздьями аминокислот, носимых обычно туда-сюда по всей галактике разнообразными ураганами. Правда, очень скоро обнаружилось, что в фотонном вихре сгинули не только патрульные жестянки, но и все те цивилизации, которые наводняли подобными жестянками космос. Мыслящее пятно сделалось абсолютно одиноко. Как ни крути, а надо было ему, пятну, оставить в живых хоть парочку каких-нибудь инфузорий. Авось делиться бы начали ладком да рядком, почковаться — или что они там делают? Глядишь, запасы пищи и пополнились бы. Так нет же, все до последней крошки подметено!.. А теперь еще этот смерч... У, тоска!

В один прекрасный день (Вом кое-как догадался, что то был именно день, по ощущавшемуся всем телом солнечному жару) на планету опустился странный летательный аппарат — чуть больше курьерского болида, чуть меньше боевого истребителя, изноздреваченный пусковыми шахтами для ядерных ракет и с навесными аннигиляционными пушками. Словом, по всем признакам корабль принадлежал космофлоту А-Анн, империи рептилий.

Вообще говоря, рептилии не имели права появляться в здешних местах, на границах Содружества Гуманоидов. Однако космическая периферия редко когда контролируется кем-либо, а если и контролируется, то весьма слабо. Поэтому отважные разведчики то и дело проникали за кордон, благополучно минуя патрульные посты Содружества. Иногда подобные вылазки предпринимались с целью отыскания дополнительных энергетических ресурсов для А-Анн, но чаще рейды дерзких рептилий носили

захватнический характер. Случалось, правда, что нарушителей границы перехватывали сторожевые корабли, и тогда многие и многие гнезда в империи оставались без своих хозяев. Правители А-Анн обычно не санционировали грабительских походов своих поданных, так как по заключенному с гуманоидами соглашению всякое проникновение рептилий за границы содружества считалось незаконным. Однако прибыли от контрабанды не обложенных таможенными пошлинами товаров были столь велики, что коммерсанты империи упорно продолжали финансировать преступные экспедиции. Сам император, разумеется, был прекрасно осведомлен обо всем этом, но отнюдь не преследовал ослушников, чем косвенно только поощрял их, шедшую вразрез с соглашением, деятельность.

Ракетные двигатели выбрасывали громадные снопы огня: начался процесс торможения. Корабль-разведчик был сконструирован таким образом, что мог совершать посадки даже на тех планетах, где не имелось системы космических паромов. Такая конструкция потребовала дополнительных финансовых затрат, но зато вполне себя оправдывала. Разумеется, судно не могло садиться на обычной тяге, используемой в межзвездных полетах: чудовищная масса разогнанных до сверхсветовой скорости частиц горючего, производимых КК или другими похожими системами, оказывало разрушительное воздействие на грунт, а иногда повреждало и не одни только поверхностные слои планетарной коры. Ввиду этого космические нередко снабжались специализированными паромами, которые были способны, отстыковавшись от ракеты-носителя, доставить пассажиров и грузы с орбиты на поверхность планеты. Разведывательные же звездолеты совмещали в себе функции автономного судна и парома.

Корабль совершил посадку неподалеку от южной оконечности Вома, каковая оконечность мигом почувствовала вблизи себя источник аппетитнейшей энергии. Вом буквально восстал из небытия, когда понял, что внутри свалившейся ему с неба металлической капсулы находятся живые организмы. Он уже потянулся было за этими организмами, но тут

его закисшие от длительной спячки мозги молнией пронзила мысль: «Не сейчас! Не сейчас! Терпение! Надо как можно более полно использовать этот неслыханный подарок судьбы!» И Вом стал потихоньку пробуждаться, не спеша реактивировать свою ненасытную утробу...

Старший штурман ВДНКЛМ уставился в иллюминатор, задумчиво пожевывая кончик своего хвоста.

— Да-а, досточтимый господин капитан, — протянул он, от изумления забыв даже повернуться в сторону босса, — ничего подобного мне еще видеть не доводилось.

Капитан Лаккота ПСЦРБ почесал свои, едва успевшие ороговеть после недавней линьки вентральные пластины и, оставив без внимания реплику штурмана, обратился к главному научному консультанту экспедиции, Кармоту МЗЛК, со следующими словами:

— Ну что, дорогой Кармот, на этой планете ты должен попытаться оправдать оказанное тебе лордом Илоджией — да святится его чешуя! — доверие. До сих пор ты все больше лоботрясничал (вот разве что попотел немного в стычке с истребителями гуманоидов), но зато теперь... Теперь, думаю, начнется настоящая работа!

Кармот МЗЛК сильно уступал в смысле роста и штурману, и капитану, да и вообще был самым миниатюрным астронавтом на борту разведчика. Капитан считал Кармота этаким декаденствующим щеголем из-за его несколько франтоватой внешности и привычки красить резцы красным лаком. Миллион лет назад, полагал ПСЦРБ, такой карлик сделался бы легкой добычей какого-нибудь кровожадного племени. Однако сегодня ум и хорошие манеры ценились гораздо выше, нежели могучая комплекция, сильные лапы и острые когти. Кармот же был умен, обладал прекрасной памятью и некоторыми навыками прямохождения, а уж что касается чисто практической сметки, то здесь он далеко превосходил остальных членов экипажа. Конечно, Лаккота недолюбливал хитрого и изворотливого ко-

ротышку, но чувств своих старался особенно не выказывать, ибо понимал, что за настоящих профессионалов своего дела, к каковым тот, бесспорно, принадлежал, следует держаться на флоте изо всех сил.

— Мне здесь не нравится, — отозвался наконец консультант.

— Тебе платят не за то, что способен столь четко формулировать свои ощущения, — едко возразил Лаккота. — Считаю своим долгом напомнить, что обязанности научного эксперта или, если угодно, консультанта, состоят исключительно в оценке того, насколько прибыльной окажется эксплуатация выбранного нами объекта.

— Повторяю, мне здесь не нравится, — буркнул Кармот. — Я не могу понять, что за объект передо мною. А все непонятное мне, как правило, не нравится.

— Слишком знакомая позиция, — усмехнулся Лаккота. — Но может быть, ты все-таки хорошенько подумаешь и скажешь, с чем именно мы столкнулись на этой яйцеоставленной планете? Знаю, что скажешь, а нравится тебе это нечто или не нравится — дело десятое! Говори, Кармот.

— Слушаюсь, господин капитан, — довольно невнятно пробормотал МЗЛК, лениво грызя свою лапу. — Итак, — приступил он, встряхнувшись, — на это громадное пятно первым обратил мое внимание юный дозорный Плаулок, еще на орбите. Я поразился не столько наблюдательности молодца, сколько его здравомыслию: он считывал показания приборов, на удивление, точно, хотя обычно, как и всякий новичок, он был склонен делать на основе подобных показаний самые фантастические выводы и строить наинелепейшие воздушные замки. — Тут Кармот вынул из пасти лапу и ткнул пальцем в иллюминатор. — Милостивые государи! — раздельно проговорил он. — Перед нами — черное пятно неслыханных размеров: площадь его составляет приблизительно девять тысяч квадратных клавитов. Пятно повторяет все неровности запятнанного — простите за тавтологию — участка с точностью, моему осмыслению не поддающейся: жидкий

слепок с каждой кочки, с каждого бугорка. Жидкий слепок — нечто в высшей степени абсурдное с точки зрения всех известных нам физических теорий!

Теперь о свойствах этого пятна, господа! Ни один из тех типов излучения, которые мы способны произвести, не влияет на него. Возможно, какие-то более совершенные устройства и способны дать некоторые результаты, но мы не располагаем сведениями о существовании таких чудо-устройств. Какими же сведениями мы располагаем? А вот какими! Мы знаем, что направленный пучок энергии не отражается, но напротив — целиком поглощается таинственным черным пятном. Об этом свидетельствуют результаты анализов грунта, добытого из-под сгустка. Каким-то загадочным манером оно поглощает все доходящие до него виды излучений. Думаю, что также оно высасывает энергию из тех объектов, которые имеют органическую структуру...

Два дня тому назад я вместе со старшим геологом Ониддом СРСДК вышел из корабля, чтобы взять пробу этого непонятного вещества. Мы наивно полагали, что выполнить подобную задачу нам не составит никакого труда.

— И вас постигла неудача, не так ли? — встрял штурман Паантон, все еще жевавший свой хвост и пялившийся свои ярко-красные глаза в иллюминатор.

— Не вполне, — сухо ответил Кармот. — Когда я попытался дотронуться до кромки пятна, она, эта кромка... м-м-м, нет, краешек, что ли... нет... ну, словом, оно тут же свернулось и выскользнуло из моих рук. Полагаю, что переговорные устройства достаточно ясно донесли до вашего слуха мои слова, в которых выразилось отчасти удивление и...

— То, что вы превосходно владеете изощреннейшей бранью, явилось неожиданностью для всех нас, — поспешил признать Лаккота.

— Гм. Да... Так и не сумев отщипнуть ни кусочка от этого чудовищного блина, я немного отошел в сторону, разбежался и прыгнул. Прыжок получился отменным (на этой планете сила тяготения невелика!). Мои ноги уже коснулись было пятна, но внезапно оно опять с невероятной быстротой ужалось, так что я шлепнулся на базальт. Онидд заметил, что

краешек блина сделался значительно толще. Таким образом мы установили, что вещество никуда не исчезает, а просто его плотность увеличивается. Геолог затем отстегнул от пояса свой лучемет и попытался лазером отрезать кусок этой загадочной лепешки. Оказалось, что хотя пятно всячески избегает прямого механического контакта, оно жадно впитывает смертельное для обычных тварей излучение. Эту штуку не удалось прожечь, хотя лазер направлялся в самое тонкое место! Лепешка даже не задымилась, хотя мы режем лучеметами даже броню и бетон! Я решил помочь Онидду и включил свой бимер. Опять никакого эффекта не последовало. С таким же успехом мы могли нагревать сжиженный вакуум.

Теперь к вопросу о химической природе данного пятна. Органика? Неорганика? Если перед нами живое существо, то это существо — совершенно неслыханное. Оно жадно впитывает в себя различные виды излучений и в то же время не терпит никакого механического контакта с другими живыми существами...

— Твой вывод, Кармот! — нетерпеливо потребовал Лаккота.

— Полагаю, что перед нами — живой организм, существующий за счет поглощения метеоритной пыли и солнечного излучения. Я убежден в этом, хотя и не обнаружил в пятне никаких следов реакция фотосинтеза и никаких признаков хлорофилла. Убежден, потому что ему больше нечем кормиться. Мы тщательно исследовали грунт и под пятном (оно, если помните, сворачивалось), и в других местах: образцы обеих пород абсолютно идентичны! Не возьму на себя смелость утверждать, что перед нами животное. Впрочем, это и не растение. Скорее всего пятно не подходит ни под одну известную нам классификацию живых существ.

— И каковы же твои рекомендации? — осторожно осведомился капитан.

— Немедленно убираться отсюда! — не раздумывая, отвечал Кармот. — Подниматься на орбиту и потом удирать с такой скоростью, на какую только окажется способно наше дряхлое корыто!

В глазах капитана задрожали прозрачные мигательные перепонки. Даже Паантон прекратил наконец созерцать безжизненный ландшафт в иллюминаторе (пятно ничуть не оживляло мрачной картины).

— Вот ты как, значит, — пробормотал Лаккота. — Но каковы же основания?

— У меня есть нехорошее предчувствие, — просто ответил Кармот.

— В самом деле? — осклабился капитан. — В судовом журнале так и запишем: «Кармота мучили нехорошие предчувствия, мы все послушались внутреннего голоса нашего глубокомысленного консультанта и вернулись домой». А лорд Илоджий все поймет и все простит. Нет, милый Кармот, никаких «предчувствий» мне не нужно. Может быть, есть какие-то более дельные предложения?

Кармот глубоко вздохнул. Так глубоко, что в легких у него что-то зашипело.

— Немедленно включитесь в межзвездную ретрансляцию, — сказал он. — Используйте для этого диапазон длинных волн. Свяжитесь с ближайшей нашей базой и потребуйте права на безотлагательную высадку. Правда, не исключено, что такая база будет контролироваться гуманоидами, но...

— Есть где-нибудь для нас подходящее местечко поблизости? — спросил Даккота штурмана.

Паантон славился своей необъятной памятью, умением все схватывать буквально на лету и отвечать на поставленные вопросы кратко и вразумительно, словно компьютер. Вот и на этот раз он тотчас выдал требуемую справку.

— Гм, нас вполне мог бы принять ближайший форпост планеты гуманоидов — планета Реплер... В принципе никаких затруднений у нас не должно с этим возникнуть. Реплер — не так, чтобы слишком плотно заселенный мир. Большей частью он находится еще в первозданном, не тронутом цивилизацией состоянии. Врочем, подавляющее число репликанцев — жители городов, а не каких-нибудь там неказистых поселков. Главный доход казне приносит туризм. Паромная станция на Реплере, безусловно, отвечает всем требованиям современной космо-

техники. Единственный недостаток ее в том, что она мало приспособлена для работы с военными звездолетами. Боевой орбитальной станции там тоже нет. Зато есть наше дипломатическое представительство, где мы сможем спокойно укрыться в случае чего... Да, погодка на Реплере — дрянцо, как правило, но, к счастью, здание посольства находится глубоко в литосферных напластованиях. Так что от всяких природных катаклизмов мы будем защищены достаточно хорошо.

— Нужно немедленно установить контакт с Реплером! — объявил Кармот. — Пусть нам поскорее предоставят транспортный звездолет, желательно, повместительнее, и пять-шесть паромов. Также нам понадобится около двадцати миль буксировочного троса и несколько квадратных клавитов листовой стали. Ну и помощники, конечно же! Еще пусть приготовят один стационарный лучемет со сверхмощным излучением. Не обязательно военный лучемет. Можно и промышленный. Главное, чтобы этот лучемет не нужно было постоянно подзаряжать и чтобы он обеспечивал равномерное излучение в течение суток хотя бы... Впрочем, запасные детали к нему тоже не помешают.

— Значит ты все-таки собрался перевезти это чертово пятно? — спросил капитан.

— Собираюсь. Но удастся сделать это лишь в том случае, если мы заставим существо принять нужные нам размеры. Исходя из того, что рассказал о Реплере Паантон, я сделал вывод, что там мы сможем провести обстоятельные исследования пятна и взять кое-какие важные анализы.

— Не слишком ли это рискованная затея? — вставил свое словечко Паантон. — Так уж ли безопасно заниматься секретными работами прямо под носом и людей и транксов?

— Конечно же, небезопасно, — согласился Кармот. — И все-таки мы просто обязаны как можно глубже изучить строение и функции этой загадочной субстанции. Боюсь, серьезная опасность угрожает нашей галактике...

— Ага, — ухмыльнулся Лаккота, — еще одно предчувствие, да?

— И это тоже. Но согласитесь, всякая тварь, могущая выжить на абсолютно голой планете, лишенной даже сине-зеленых водорослей и бактерий, выглядит крайне подозрительной! И уж тем более подозрительно, что эта органическая ткань, которая в иных местах истончается до состояния нашей с вами легочной плевры, выдерживает без видимого вреда для себя сильнейшее лазерное излучение.

— Да ты, Кармот, начинаешь походить на дозорного Плаулока, о котором сам отзывался недавно, как о неисправимом фантазере. Однако я готов прислушаться к твоим рекомендациям. Что же касается всего остального, то тут решения будут приниматься начальниками покрупнее моей милости.

— Думаю, вы поступаете очень мудро, господин капитан, — смиренно кивнул головой Кармот.

Вом восстановил свои силы настолько, что мог уже достаточно трезво оценивать умственные способности пожаловавших к нему гостей. Способности эти были не слишком велики, но и не смехотворно малы. Впрочем, оценка оценкой, но для того, чтобы взять под контроль команду рептилий, Вому следовало накопить еще изрядное количество энергии. Скоро настанет пора великих свершений, и действия Вома об эту пору должны быть тщательно выверенными и крайне осторожными! Т-е-р-п-е-н-и-е! Он ждал этой минуты почти миллион лет. Он уже осознал себя единым целым. Он уже набирается сил.

Да, несколько дней можно еще подождать...

У Расса Кингсли возникло вполне определенное желание: потешить свою похоть. Обламываться же с почти мгновенным удовлетворением такового желания ему не доводилось никогда, что, собственно, никого и не удивляло, ведь лицо Расса отличалось необыкновенной красотой, близкой к классической, близкой к божественной. Сам Расс великолепно пользовался своим преимуществом, тем более что косметологи, делавшие ему операцию, гарантировали стопроцентный успех предприятия. В самом деле, потрудились они на славу! Очень немногие люди могли позволить себе подобную операцию, ибо сто-

ила она баснословных денег. Однако, одним из самых преуспевающих дельцов на Реплере был никто иной, как отец Расса. Он-то и сделал ко дню восемнадцатилетия сына этот роскошный подарок: смазливую физиономию. Дескать, носи на здоровье.

Расс был вполне доволен своим ростом (6 футов), хотя с удовольствием накинул бы еще дюймов пять-шесть. Впрочем, не нужно искушать судьбу! Хватит того, что соблюдены все пропорции лица: слегка выдающаяся нижняя челюсть, прямой решительный нос, чувственные пухлые губы. Обрамлено лицо копной рыжих волос. Кингсли бывал просто неотразим в своей флуоресцирующей меховой жилетке цвета морской волны, одетой поверх бирюзовой шелковой рубашки. Внешность Расса красноречиво свидетельствовала о том, каких вершин достигла реплерианская косметология, ровно как и о том, что вершины эти продаются и покупаются. Кингсли-младший полагал, что теперь ни в чем не уступает самым прекрасноликим кинозвездам.

Сегодня на Расселе был отлично сшитый спортивный костюм. Юноша нередко совершал пробежки, боясь заплыть отвратительным жиром, и занимался в атлетическом клубе (правда, весьма умеренно, потому что не желал превратиться со временем в идиотскую гору мускулов). Иногда Расс по-настоящему страдал, раздираемый собственной склонностью к изысканным кушаньям и жесточайшей необходимостью блюсти приличествующие роли первого реплерианского любовника габариты. Да, сколько ни трудились эскулапы над внешностью молодого человека, душу ему изменить они не могли...

Расс начал день с того, что отправился в космопорт и уселся в одно из кресел громадного зала ожидания. Отсюда очень удобно было обозревать толпу прибывающих и убывающих куда-либо пассажиров. На столике перед юношей жужжал вентилятор. Упругая воздушная струя подхватывала и относила к штучному потолку кольца дыма, исторгавшегося пенковой трубкой Рассела, что, конечно же, набита была самым лучшим сортом табака «Джимсон Келп».

Рассел Кингсли последовательно выступал за разнообразие и многосторонность в отношениях между полами. Он перепробовал уже практически всех красоток Реплер-Сити. Денежки и эффектная наружность сильно помогли юноше в этом. Если же попадалась какая-нибудь особенно неподатливая, особенно крепкая на передок бабенка, то приходилось пускать в ход главный козырь — имя всесильного папаши.

Деревенские девицы слабо занимали Рассела: уж больно много времени отнимают обычно переезды из одного селения в другое. А уж еда — ужас сплошной! Кроме того, стращать этих, провонявших коровником дур могуществом семейства Кингсли не имело никакого смысла: они просто отродясь не слыхали о существовании столь блистательной фамилии. Вместо того, чтобы в ответ на почти куртуазные домогательства обходительнейшего Рассела рухнуть в тлелое сенце и задрать поскорее подол, эти толстозадые, сисястые орясины хватались за вилы — архаика ну просто бессовестная! — и вставали на защиту своей идиотской девственности, будто бы сберегаемой для каких-то добронравных скотоводов и земледельцев. И как ни угрожал Рассел отмщением скудоумным девкам, вилы по-прежнему наставлялись ему в живот, так что волей-неволей приходилось ретироваться...

Первый рейс крепко разочаровал Рассела: решительно все пассажирки, ввалившиеся в зал пестрой гурьбою, оказались дурнушками. Даже нет — просто уродинами. Второй рейс также ничем особенным не порадовал. Взыскательное око юного донжуана чуть более пяти секунд задержалось на некоей жирненькой блондинке, каковая блондинка, впрочем, по истечении означенного времени мигом обзавелась ярлыком «синечулочник обыкновенный» и причислилась к отряду «одноразовых». Ладно уж, вздохнул Рассел, на безрыбье и рак рыба. Он порылся в кармане своего костюма и обнаружил с облегчением, что маленький клочок бумаги с нацарапанным на нем номером — на месте.

Кингсли собрался уже было отловить в толпе намеченную блондинку, как вдруг внимание его

привлекло какое-то яркое пятно в самом конце очереди, выстроившейся перед столом таможенного досмотра. Сердце Рассела восторженно екнуло, он весь собрался, подтянулся, словно хищник перед прыжком. Похоже, нашлась наконец и добыча: просто раньше девушку трудно было заметить, так как она немного задержалась перед турникетом, справляясь о чем-то у конопатого таможенника. Судя по всему, гостья — с другой планеты. Это даже интереснее...

Ядреное тельце девушки плотно обтягивали джемпер и шерстяная юбка. Единственным украшением был небольшой браслет, болтавшийся на смуглом запястье. Подобная воздержанность в смысле всяких побрякушек характеризовала девушку в глазах Кингсли с выгодной стороны: он предпочитал простые вещи сложным. У правого бедра незнакомки висела рыжая кожаная сумка. Черные волосы были перевиты желтой лентою и заплетены в косу, которая спускалась почти до самой талии и собиралась в тугой узел посредством еще одной ленты. Кингсли неодобрительно поморщился: минойская цивилизация давно уже отошла в небытие.

Несколько раскосые, хотя и голубые, глаза, темная загорелая кожа с желтоватым отливом, широкие скулы — все говорило за то, что девушка — монголоид. Под одеждой легко угадывались ее безупречные формы. Возможно, для умершего давным-давно землянина по имени Аристотель и являлось метафорой называть хорошего человека четырехугольным, но у Рассела Кингсли образное мышление развилось несколько иначе, и он искренне радовался отсутствию какой бы то ни было угловатости в фигурке очаровательной гостьи. Если что-то и обескураживало всереплерианского волокиту, так это рост девушки. Она явно превосходила его в этом смысле и, по меньшей мере, на два дюйма! Но что такое два дюйма, когда в сердце готова вспыхнуть бешеная страсть? Когда негасимое либидо взращивает у тебя крылья на недавно отпрыщавевших лопатках? Когда благовествует в тесных портах кадуцей, обвитый надувшимися жилами? Что такое тогда эти жалкие два дюйма? Тьфу, чепуха! Мелочь...

Расс собрался с духом и стал продираться сквозь толпу, заметив, что девушка направилась к стоянке общественного транспорта.

— Привет, незнакомка! — воскликнул он, и рот его расплылся в поистине паводковой улыбке, обнажившей два ряда крепчайших, ослепительно-белых зубов. Кудесники-стоматологи, вставившие знаменитому сердцееду эти зубы ко дню все того же совершеннолетия, поклялись, что им сносу не будет, и так оно все и выходило пока что!

— Привет и тебе, туземец, — отозвалась девушка, смерив Кингсли несколько удивленным взглядом. Говорила она чуть хрипловатым сопрано, с акцентом, по которому в ней безошибочно можно было признать жительницу Земли.

«Ах вот мы откуда! — вскричал про себя Расс. — Прекрасно, наконец-то я отведаю вашей клубнички, а то в последнее время на Реплере только и разговоров, что про знойных девок с Земли!»

— Мое имя — Рассел Кингсли, — сказал Кингсли вслух, — но ты можешь звать меня просто Расс. Если хочешь, я могу подбросить тебя, куда нужно. Причем за вполне умеренную плату.

— Я согласна. Меня зовут Киттен Кай-Сунг, и я принимаю твое предложение. Не подбросил бы ты меня до... м-м-м, сейчас вспомню... да! Подбрось меня до гостиницы «Зеленый остров».

— «Зеленый остров»? Гм, отель не слишком роскошный, но зато имеет репутацию уголка тихого и мирного. Хорошо, мы скоро будем там. Кстати, где твой багаж?

— Думаю, что он уже в моем номере.

— Вот как? Ну, тогда пошли!

Расс возложил было свою руку на плечи девушке, но та легко и как бы невзначай стряхнула ее.

«Что за надменная сучка! — без всякой злобы подумал Кингсли. — Корчит из себя недотрогу. Ну, ничего, вот заберемся в Тауэр, тогда дело пойдет побойчее. Юноша и девушка остаются наедине и... Ах, какая прелесть!»

Расс усадил Киттен в свой аэромобиль «Фаэтон-Марк-13А». Расс гордился этой тачкой и всегда радовался, когда другие тоже выхваляли ее на все

лады. Киттен, однако, ни словом не обмолвилась о чудесном «Марке» — последнем писке аэромобильной моды! «Ну хоть бы разочек ахнула или охнула! — подумал задетый за живое Кингсли. — Ладно, посмотрим еще, кто кого...»

Проверив, плотно ли закрыты дверцы, страстный любитель баб и воздухоплавания врубил двигатель на полную плешку, и дивный снаряд мигом взмыл в воздух, обмахнув веером песка и гравия горстку зазевавшихся пешеходов.

Атмосфера Реплера была теплой и влажной, вот и сегодня небо опять заволокли густые облака. Тем не менее, когда речь шла о том, чтобы завязать знакомство с хорошенькой девушкой, для Рассела Кингсли всякая погода являлась априорно летной.

— Ты надолго к нам? — осведомился Расс.

— Пока сказать трудно, но вообще-то у меня, как правило, гибкий график.

— Дела?

— Самая малость. Я приволоклась сюда скорее для того, чтобы как следует отдохнуть.

— Правильно! Работа не волк и прочая, прочая, прочая... Нужно сначала развлечься на всю катушку, а уж потом пускаться в хлопоты. Я всегда так и поступаю.

Расс резко крутанул штурвал вправо и направил аэромобиль к лагуне, оставив позади невзрачные пригороды Реплер-Сити.

Киттен напряженно молчала, вертясь на мягком сиденье и беспрестанно прикладываясь выпяченными губками и мочкой носа к поляроидному стеклу кабины: куда это мы, дескать, летим?

— Не пройдет и получаса, как мы уже будем в Тауэре, на Уэтплейсе, — как бы невзначай обронил Кингсли. — У нас есть свой собственный остров. В этом вроде бы и не углядишь ничего необычного, тем более памятуя о том, что весь Реплер — куча островов, в сущности. Однако Уэтплейс — местечко особенное!

— Уэтплейс? Тауэр? Гм, разве мы не в гостиницу направляемся?

— Поверь мне, дорогуша, в Тауэре тебе понравится! Там для гостей припасены такие сюрпризы,

какие и не снились администрации «Зеленого острова», гостиницы более чем заурядной, надо сказать. На Уэтплейсе, милочка, покой и волшебное уединение — гарантированы тебе. Туда без особого разрешения не может проникнуть никто. Вообрази, чудесный вид на лагуну, отделанная красным деревом опочивальня. — Тут Расс довольно гадко захихикал: — Все, кто посещал Тауэр, неизменно приходили в восторг от него!

— Можно не сомневаться, — довольно сухо заметила Кай-Сунг.

— Между прочим, в своих почти царских палатах я установил кое-какие штучки, от которых ты просто обвалишься! Готов душу прозакладывать, что ничего подобного тебе видеть еще не приходилось. Эти штучки — совершенно уникальны!

— Охотно верю. Слишком нетрудно представить, к чему эти твои «штучки предназначаются... Итак, назад повернуть ты не желаешь, я правильно поняла тебя?

— Да, твоя правда, киска, — осклабился Расс, — я не поверну назад, потому что бросать начатое дело на полпути не входит в мои привычки!

Он включил автопилот и потянулся к девушке. В его движениях страсти не было пока что ни на волос: так, исключительно в порядке ознакомления с телом — щипки, да тычки, да пальпация. Виртуозно зачерпнутая пригоршнею грудь приятно поразила донжуана: на славу сформована, что и говорить! Однако Расс ожидал от своей спутницы хотя бы слабенького протеста, и полное отсутствие такового несколько даже расстроило его. Киттен сидела смирно и ласки принимала с каким-то устрашающе невозмутимым видом.

— Отлично, — сказала она вдруг. — Я думаю, нам пора спускаться. Давай сядем... м-м-м... ну вот, хотя бы на этом островке. По левому борту, сюда смотри! Хочешь? Ах, какая там дивная растительность!

— Сойдет, — согласился Расс, хотя по собственному опыту знал, что далеко не самое приятное занятие барахтаться нагишом в зарослях какого-нибудь осота или бодяка, отбрыкиваясь от всяческих

зловредных букашек, страшно завидующих простому человеческому счастью и потому неизбежно кусачих. Ну да уж ладно. Если ей так хочется начать именно здесь — пускай...

— Твое желание — закон для меня, — сказал Кингсли, круто повернул руль и одновременно пошел на снижение.

— Ты прямо на глазах меняешься, Расс, — едко заметила Кай-Сунг, но юноша сделал вид, что не раскусил язвительности ее слов. Ничего, скоро будет целая пропасть времени, чтобы посчитаться с этой зазнайкой.

Аэромобиль завис над небольшой рощицей и затем стал плавно опускаться. Расс включил тормозные двигатели, и «Марк» мягко шлепнулся на песок.

— Вылезай, приехали, — сказал Кингсли и подождал, пока девушка выберется из салона; да, милостивые государи, вид ее туго обтянутых материей ягодиц просто прекрасен!

Четверть минуты спустя Кингсли уже доставал из багажного отсека «Марка» какой-то огромный сверток.

— Думаю, крошка, вот этот надувной домишко покажется тебе вполне экзотичным, потому что там имеется...

— Не трать попусту сил, — оборвала Рассела Кай-Сунг.

— В чем дело? — удивился тот, пялясь на дерзко улыбавшуюся девчонку.

— Надеюсь, ты правильно поймешь меня. Конечно, твоя внешность бесподобна, но, видишь ли, как ни старались хирурги, некоторые следы операции все же сохранились на лице у тебя. Признаться, эти шовчики отнюдь не пробуждают во мне желания. Кроме того, первичный психологический анализ твоего поведения указывает на вопиющее несоответствие интеллектуального развития — превосходным физическим данным.

— Как ты сказала?

— Как слышал. Короче, я от тебя не завожусь, парень. — Тут Киттен сделала шаг в сторону аэромобиля, явно намереваясь занять водительское си-

денье. — Понимаешь, Расс, — сказала она, — мне давно уже пора находиться в своем гостиничном номере.

— Обожди, милашка. Знаешь ли ты, что это такое?

Все попытки быть галантным кавалером немедленно свелись к нулю. На ладони Рассела лежал какой-то небольшой и, по-видимому, очень опасный предмет. Киттен усмехнулась.

— Это вибронож «Секан», — пояснил Кингсли. — На батарейках работает, между прочим! Он может резать все что угодно, включая камни и металлы. Только керамика и пара-тройка особых сплавов не подвластны ему. Ты соображаешь, к чему я клоню, а?

Кай-Сунг, уперев руки в боки, весело смотрела прямо в глаза оплошавшему ловеласу.

— Ну и смешная же ты, — несколько сконфуженно фыркнул Кингсли. — Ладно, скоро по-другому запоешь! Думаю, физиономия у тебя не из керамики, так что я смогу достаточно изящно исполосовать ее своим ножичком. Мне, право же, хотелось обойтись без насилия, но ты до того трудно поддаешься убеждению...

— О'кей, о'кей, дорогой, я всего лишь пошутила. Тебе удалось убедить меня.

Киттен подошла к Рассу и обняла за шею обеими руками. Ее губы, несколько задрожав, приблизились к его губам.

Кингсли удивился, придя в сознание после секундного обморока. Почему он лежит на спине? И неужели эта голубая бездна над ним — небо? Да, небо, с пухлыми белыми облачками.

В затылке ощущалась какая-то странная ноющая боль. Расс сел на песке и силой потер шею. «Фаэтон» висел над его головой всего в нескольких, не больше десяти, ярдах.

— Прошу прощения, мистер Кингсли, — прокричала Киттен, высовываясь из кабины. — На брелке к ключу зажигания выгравировано несколько телефонных номеров. Не беспокойтесь, я пришлю кого-нибудь за вами еще до наступления сумерек.

— Черт тебя побери! — прокричал Расс и попытался встать, но тут же острая боль высверлила ему затылок, и он вновь рухнул на песок. — Мерзавка, — застонал бедняга ловелас, — что ты сделала со мной?

— Поостынь, поостынь, дружочек! — захохотала Киттен, без труда покрывая своим хохотом мощный рев мотора и стрекот винта. — Ничего страшного с тобой не случилось. Боль скоро пройдет. Но впредь будь осторожнее и не лезь своими косматыми лапищами куда не следует!

Тут дверца захлопнулась, и аэромобиль, сделав, издевки ради, круг над опростоволосившимся волокитой, резко взмыл в небо. Спустя минуту лишь небольшая рябь у берега напоминала о его недавнем присутствии. Чувствовалось, что аппарат попал в умелые руки.

«Фаэтон» давно уже скрылся в облаках, а Расс все сидел на песке и смотрел на небо, держась рукой за затылок. Стоны перемежались отборнейшими ругательствами. В кроссовках водица хлюпала, в штанах похрустывал все тот же несносный песок...

— Миссис Киттен Кай-Сунг? — в восхищении пробормотал клерк.

— Ну да.

Долговязый юнец, оторвавши взор от регистрационной книги, попытался сосредоточиться исключительно на личике гостьи и не слишком выпученными зенками на прочие соблазнительные участки. Это ему не удалось: не так-то легко зажмуриться и перемахнуть этаким отчаянным скоком через сладчайшие груди мисс Киттен! Девушка вздохнула. Да, ей давно уже пора привыкнуть к подобным взглядам — то наглым, то спотычливым. Но неужели этот сосунок — Кай-Сунг определила возраст клерка приблизительно в восемнадцать лет — никогда не видал красивой бабы? Ну разве можно столь беззастенчиво пялиться на приличную женщину?!

— Так вы говорите, — улыбнулась Кай-Сунг, — что из моего номера открывается прелестный вид?

— О да, мэм! Из вашего окна вся лагуна как на ладони. Во всем отеле не найдете больше такого

номера! Там, помимо оговоренных красот, существует еще совершеннейшая система звукоизоляции, так что вы почувствуете себя вполне спокойно и уютно. Шум космопорта и доков туда не проникает. — В этом месте своей речи клерк как-то вдруг сник, потупился и наконец, снова скосив глаза в регистрационную книгу, проблеял: — Если вам что-нибудь понадобится, мисс Кай-Сунг, то... то кликнете Роя. Рой — это я.

Крошечный пластиковый бокс, в котором желторотый портье добровольно заточил себя, не позволял ему со всей церемонностью раскланяться, но попытка, пусть и неуспешная, все же была произведена: знай, мол, наших!

Киттен просунула руку в маленькое окошко бокса и нежно схватила юнца за кончик носа.

— Я буду обязательно иметь это в виду, — сказала она, причем голос, для пущей проникновенности, понизила чуть не на целую октаву против обычного.

— О, мисс Кай-Сунг!

— Зови меня просто Киттен, — бросила Киттен, уже поднимаясь вверх по лестнице. «Ну и шлюха ты!» — сказал ей один внутренний голос. «Поступай так, как тебе нравится!» — шепнул другой.

— В номере вас ожидает гость! — крикнул вдогонку портье. — Он мне предъявил дипломатический паспорт, так выставить его вон не удалось. Говорит, что он ваш старый друг. Брешет, наверное, ведь он не человек.

— Все правильно, — на минутку остановилась Кай-Сунг. — Его-то я и ждала. Он представился Порсупахом, не так ли?

— Да, его имя Порсупах, — удивился парнишка. — Выходит, вы его знаете?

— Ну конечно! Вот уже пять лет, как мы спим вместе. Ах, мой дорогой друг, что творят эти томианцы в постели, если бы вы только знали!..

Киттен изобразила крайнюю степень восторга, томно закатив глаза. В эту минуту спустился лифт, девушка перемахнула несколько ступеней одним прыжком, нажала кнопку и, под надсадный рев допотопных лебедок, уплыла наверх. Клерк еще

долго не мог прийти в себя, и какая-нибудь пронырливая ворона могла бы преспокойно свить у него гнездо во рту. Но в холле гостиницы вороны не водились.

Киттен расхохоталась тотчас же, как только двери лифта сдвинулись перед ее носом. Наверняка к вечеру о ней будут знать все служащие отеля. Вот, дескать, какая скандальная бабенка въехала нынче в тридцать шестой номер!

Между тем, этот номер находился на восьмом этаже гостиницы, в самом конце коридора. Киттен вложила свой указательный палец в небольшую выемку на специальной металлической пластине, прибитой у самой дверной ручки. Устройство мигом считало ее дактилоскопический код, сличило с кодом, заложенным в компьютерную память, и тотчас пневматическая дверь зашипела, въезжая по направляющим каткам в косяк и потом собственно в стену.

Покои Кай-Сунг были достаточно экстравагантны для того, чтобы ни у кого не возникало сомнений относительно огромных заработков постоялицы. У громадного окна, в котором, действительно, виднелась лагуна, стоял большой мягкий диван. На этом диване восседало какое-то странное существо, чье присутствие вносило диссонанс даже в довольно необычную обстановку комнаты.

Сие почтенное создание, не мигая, глядело на Кай-Сунг. Роста в нем было не более... четырех футов. Существо до крайности походило на осанистого енота, почему-то так разъевшегося до неслыханных размеров. Впрочем, не только размерами отличался этот енот от своего земного собрата, но также и тем, что на передних конечностях его не было когтей, а были самые обычные человеческие пальцы — только не пять, а шесть. На мохнатой голове торчали остроконечные уши (одна пара), разумеется, превосходившие своей величиной одноименные приспособления животинки с земли. Пальцы на ногах соединялись перепонками.

— Где ты шляешься? — завизжал тоненьким голоском сей, с позволения сказать, квазиенот, как только Киттен вошла в номер. — В каких местах

тебя носило? Чтоб тебе превратиться в дерьмо дендронотуса!

Девушка швырнула свою сумку на маленький журнальный столик, где валялись реплерианские газетенки и стояла ваза с ирисами.

— Дерьмо дендронотуса? Хм, мне нравится это выражение, постараюсь запомнить... Вот только, что такое «дендронотус»?

— Моллюск такой. Очень противный. Голожаберный.

— Люблю ругательства, смысл которых ускользает от того, на кого они обрушиваются.

Киттен прошлась по комнате и заглянула в спальню.

— О чудо из чудес! Мой багаж прибыл в целости и сохранности. Ты, Порсупах, наверное опять не поскупился на чаевые дураку-посыльному?

— Ошибаешься, меня тут вообще не было, когда вносили твое барахло. Впрочем, не сомневаюсь, что транспортировка производилась при помощи самых современных перевозочных средств.

— Теперь ты ошибаешься, Порс! — улыбнулась Кай-Сунг и принялась расплетать косу. — Порой мне кажется, что на этой планете все еще используется мускульная сила рабов... Порс, перестань буравить меня своими глазенками. Я опоздала только потому, что один из здешних повес, убежденный в своей неотразимости, попытался похитить меня. Вдобавок он восхотел совершить какие-то гадкие манипуляции с моим белым рассыпчатым телом!

На пол слетела последняя золотистая лента. Киттен тряхнула головой, и роскошные густые волосы самым живописным манером разметались по ее хрупким плечам.

Порсупах продолжал молча разглядывать Кай-Сунг. Та игриво пощекотала ему влажную мочку носа.

— Скажи, ты огорчился бы, если бы этому проходимцу удалось добиться желаемого?

Порсупах чихнул и попытался шлепнуть Киттен по руке, но девушка обладала замечательной реакцией и вовремя ее отдернула.

— Я начинаю думать, что не был бы особенно потрясен, если б означенный проходимец сумел покрыть тебя!

Кай-Сунг шлепнулась на диван и прильнула к еноту, поглаживая ему мех на спине.

Лейтенант Порсупах проявлял терпимость во многих отношениях, но когда его рассматривали, как вещь, на которую можно опереться, терпимости приходил конец. С этим он мириться отказывался!

— О скверная женщина! Ты потеряла остатки стыда! Одумайся, мы же принадлежим к разным биологическим видам!

Киттен еще нежнее принялась ерошить Порсупаху холку.

— Служащие отеля не поверят в это, как бы ты не убеждал их. Кроме того, виды видами, но класс-то один! Мы оба — млекопитающие.

Порс не смог сдержать улыбки.

— Пожалуй, это единственное, в чем мы похожи.

— Как бы там ни было, — хрипло зашептала Киттен, — мы, надеюсь, сможем преодолеть условности и в конце концов займемся этим...

Порсупах взвизгнул и отскочил за овальную кушетку.

— О Кай-Сунг, ты безнадежно испорченная женщина!

— Ах, это самые приятные слова, которые кто-либо говорил мне за последние четыре дня.

Томианец едва слышною скороговоркой произнес несколько исключительно емких ругательств на родном языке, после чего к нему немедленно вернулась способность рассуждать трезво и изъясняться благопристойно.

— Майору Орвеналиксу пришлось отменить уже запланированное совещание, в котором помимо нас с тобой должен был принять участие сам губернатор Уошберн. Согласно последним информационным сводкам он сидит у себя в кабинете и буквально дымится от злости. Я настоятельно рекомендую тебе привести себя в порядок, и как можно скорее, чтобы мы успели убраться отсюда до прихода полиции, — а ее уже, возможно, послали за нами, — и скрыться где-нибудь. Иначе мы будем отведены под конвоем в места не самые приятные!

— Фу, какая чушь!— Киттен соскочила с кушетки, подошла к бару, встроенному в стенку, взяла оттуда стакан с коктейлем и отхлебнула немного. — Я сумею договориться с майором. Кстати, не хочешь ли выпить чего-нибудь?

— Тебе же прекрасно известно, сколь пагубное воздействие оказывает алкоголь на организм томианца! У меня, например, после бокала невиннейшего сухача шерсть начинает лезть, а с иными еще и не то случается. Видишь ли, особый фермент, вырабатываемый в...

— Да заткнись ты, трепло! — весело оборвала Порсупаха Кай-Сунг. — Вижу, что врешь. Сам, небось, пропойца еще тот! На вот, выпей яблочного крюшона. Думаю, отвратительным он тебе не покажется...

— На службе — и капли в рот не возьму.

— Э, да ты просто невыносим... А насчет Орви-Дорви не беспокойся. Я его старая подруга, как-нибудь поладим!

— Верю. Однако согласись, что особой пунктуальностью ты не отличаешься, хотя, бесспорно, вовсе не лишена достоинств. Да, не называй майора Орви-Дорви в моем присутствии.

— Попробую, — пообещала Киттен, беспечно потягивая изжелта-бурую жидкость, взбитую миксером. — И все-таки, если погладить у тебя одно мякотное местечко, чуть ниже лобка, то...

— О, ужас! — томианец в жесточайшем смущении закрыл лицо руками. — Какое бесстыдство! Какое кощунство! Подлинное попрание всяких моральных норм! Клянусь, я не в силах вообразить такое создание, с которым бы ты не пожелала вступить в половую связь. Дай тебе волю, так ты, наверное, и с камнями изловчишься как-нибудь совокупляться!

— Тоже мне, нашелся блюститель нравственности, — беззлобно огрызнулась Киттен. — Думаешь, я не видела, как ты, подлый щекотун-потаскун, кувыркался с этой молоденькой...

— Хватит! — Порсупах заткнул себе уши. — Немедленно прекрати! Не хочу тебя слушать!

— Перестань тереться своей шкурой о мою чудесную мягкую мебель, — спокойно заметила Кай-Сунг, — не то на тебе аккумулируется такой заряд

статического электричества, что первый же дипломат, которому ты вскоре должен будешь пожать руку, обуглиться! Можешь трепать мне нервы сколько угодно, дорогой, но, пожалуйста, сиди смирно на одном месте, понял?

Порсупах сложил ручонки на живот и решил изменить тактику. Он сделал вид, что вовсе не замечает Киттен, и принялся ломать голову над тем, как бы поправдоподобнее объяснить майору, скорому на расправу, причину своего опоздания. Однако на ум еноту ничего путного не шло. Или нет, кое-что наклевывалось, но тут вдруг из ванной комнаты донеслось пронзительное: «А все-таки, Порс, и у меня есть определенные устои!» — и все мысли томианца полетели в тартарары.

Майор Орвеналикс, командовавший национальной гвардией Реплера, производил впечатление крайне погруженной в самое себя личности. В действительности же он обладал поистине взрывным темпераментом, хотя и старался сдерживать себя. Парламентариям Реплера, в общем-то, не следовало знать, до каких степеней может доходить упрямство майора. Они и не старались об этом узнать, как, впрочем, и о том, что командующий является сотрудником разведывательного управления Вселенской Церкви, в каковом качестве располагал куда более весомой властью, нежели в качестве майора, пусть и национальной гвардии.

Поскольку на Реплере находился Анклав Империи А-Анн, местные власти не возражали против тех акций, порою негласных, которые проводились на планете Вселенской Церковью. Анклав по сути являлся рудиментарным органом в государственной машине, наследием тех далеких времен, когда Содружество Гуманоидов и Империя А-Анн вели между собой частые войны за новые земли и рынки сбыта. Впрочем, Империя едва ли нуждалась в такой завалящей планетишке, каковой являлся Реплер, однако правители рептилий попросту перестали бы уважать себя, если б вдруг отказались от вмешательства во всякую галактическую склоку и не оспаривали бы больше справедливость притязаний той или иной расы.

Однако в настоящей схватке изворотливее и сильнее оказался Иоганн Реплер. Империи А-Анн предоставили в суверенное владение лишь небольшой клочок земли к югу от теперешней столицы. На это реплерианцы отважились исключительно с целью ускорить колонизацию планеты и обеспечить ее гармоническое развитие. Содружество, надо сказать, поначалу возражало против подобных шагов, а Церковь все медлила с окончательным решением, но рядовые гуманоиды и транксы сумели-таки прийти к согласию, ибо А-Анн в любом случае могла бы создать себе секретную базу, потому что большая часть планеты оставалась неисследованной. Почему же не проявить великодушие и не дать им, рептилиям, того, что они и так рано или поздно возьмут?

Впрочем, правителей самой А-Анн идея не больно восхитила. В пользовании космопортом Реплер-Сити ее переселенцам было отказано, а каменные основания островов Анклава были недостаточно прочны для возведения хотя бы на одном из них паромной станции. Рептилии собрались уже было тогда отвергнуть в припадке благородного негодования самую идею Анклава, но потом поняли, что такой поворот событий грозит им полным крахом. Дипломаты А-Анн, готовившие договор, неизбежно были бы выставлены в смешном свете, а по кое-каким силам внутри самой Империи пришлось бы справлять панихиду. Однако эти силы, разумеется, таинственные, позаботились о создании в рамках Анклава современной исследовательской станции для изучения морских глубин. Ах, как радовались этому событию океанологи А-Анн, которых весь свет долгое время считал непререкаемыми кретинами. Центральная планета Империи, метрополия, так сказать, сильно походила, как и многие колонии, между прочим, на пустыню, а посему большинство приверженных к жаркому климату рептилий рассматривали назначения на работу в реплерианском Анклаве, как своего рода ссылку. Исключением из этого правила были, как водится, ученые, во все века рвавшиеся в неведомое, в незнаемое...

Майор Орвеналикс сидел в, похожем на гигантский совок, кресле и с неудовольствием раз-

глядывал наконец-то явившихся Киттен и Порсупаха. Майор пользовался своей серединной парой конечностей, как руками и, подражая привычке гуманоидов, барабанил по столу пальцами. Двенадцатиперстный стук производил бесподобное впечатление на гостей. Для взрослой мужской особи транкса майор Орвеналикс был относительно невысок, нечто среднее между Порсупахом и Киттен в рассуждении роста. Зато он имел чрезвычайно широкую и мощную грудную клетку. Черная расшитая серебром накидка скорее отражала род занятий Орвеналикса, нежели личные пристрастия в одежде, которые вне службы, надо сказать, не отличались излишним консерватизмом. Хитиновый покров майора преждевременно побагровел, но бравые усища все еще сохраняли прежнюю упругость. Энергичному, почти задорному блеску больших черных глаз мог бы позавидовать любой молодой и резвый транкс.

Стукотня прекратилась, и Орвеналикс, выдержав паузу, тихо проговорил:

— Итак, великолепная, неподражаемая лейтенант Кай-Сунг соблаговолила почтить нас своим присутствием!

При этих словах майор игриво поклонился, то есть попросту накренил головогрудь. Ни один транкс, забранный жестким хитином и спеленатый несколькими слоями бронеподобной чешуи, не смог бы сделать это более элегантно.

— Да будет тебе, Орви!

— Попрошу обращаться ко мне по всей форме, — зарокотал майор в ярости и рубанул по столу лапой. — Не забывайте, что перед вами — старший по званию. И по занимаемой должности!

— Слушаюсь, сэр, — рявкнула в ответ Киттен, нагло прикидываясь исправным воякой, — майор Орви!

— Ах так? Вы будете...

Орвеналикс не договорил. Он вдруг внезапно умерил свой гнев, глубоко вздохнул и откинулся в своем кожаном совке.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Вижу, что ты ни капли не изменилась!

— А если серьезно, сэр, — улыбнулась Кай-Сунг, — в чем дело? Я не видела вас уже больше года, с того самого момента, как закончилась ваша преподавательская деятельность у нас в Академии. Конечно, многое могло перемениться, но... ручаюсь, что вы уже давно не были так сильно разгневаны чем-либо, как минуту назад — моей смехотворной непочтительностью. Неужели пребывание на этой затхлой сонной планетишке так перекалечило вашу душу?

— Думаю, что прежде чем заводить разговоры о моей душе, тебе необходимо усвоить кое-что. Итак, я попросил приехать тебя для выполнения чрезвычайно важного задания. Ты должна будешь сыграть роль крайне деятельной, но в то же время не слишком разговорчивой особы. Понимаешь, для нашего дела нужно разыграть некую молодую леди, со средним, никак не низким, достатком, независимой, в меру испорченной и в меру капризной, любящей совать свой длинный нос в такие дела, которые сулят массу захватывающих приключений, возбуждают чувственность. Помни, милочка, что ты прибыла сюда только затем, чтобы круглые сутки отдыхать: загорать, купаться, удить рыбу, покупать в бешеных количествах различные безделушки, дабы осталась память об экзотическом Реплере.

— Э-э, майор, да ты, — Киттен вновь перешла на «ты», — ходячий рекламный проспект. Тебе б зазывалой работать!

— Что делать, в нашем ремесле порой приходится прибегать и к таким вот банальностям. Надо полагать, моему отчему гнезду впору стыдиться меня, но Эурмет, к счастью, находится слишком далеко от этой непотребной планеты, несколько парсеков. Но и ты хороша, Киттен. Тебе следовало бы не привлекать здесь к своей персоне излишнего внимания, но ты, прямо в битком набитом всякого рода зеваками космопорте, завязываешь шашни с самым знаменитым реплерианским бабником и преспокойно летишь с ним в одном аэромобиле. Конечно, твоему спутнику далеко до тех прощелыг, которыми наводнены Армела, Трикс и Перт, но все же в этих краях он — личность заметная. Далее, ты оказываешься в

его родовом поместье и швыряешь ключи от «Марка» прямо в лицо слуге Кингсли. Заказав такси, ты прощаешься с этим несносным трепачом и сплетником, как бы невзначай упомянув о том, что его хозяин торчит на островке с такими-то и такими-то координатами и наслаждается одиночеством. Наконец ты возвращаешься в город и легче ветра врываешься в гостиницу, будучи уверена, что здешние жители ни сном ни духом не ведают о твоих подвигах.

— Прошу прощения, сэр, — покаянным тоном объявила Киттен, — но откуда мне было знать, что слуга раструбит о моих, как вы изволили выразиться, подвигах, по всему городу? Я даже не понимала, кто он такой, пока наш разговор не зашел уже слишком далеко. Сначала мне хотелось засунуть ключ под дверь, присовокупив записку, где объяснялось бы...

Тут Кай-Сунг внезапно осеклась и умолкла. Орвеналикс с неудовольствием покачал головой.

— Было бы гораздо проще, — сказал он, — совершить с Расселом акт нерепродуктивного спаривания и вернуться все в том же «Марке» в отель. Поверь, ты бы не светилась так...

— В святом писании сказано, — прошептала Киттен, — что из яйца, снесенного до положенного срока, никогда не вылупится здоровый детеныш!

— Думаю, что ты просто кривляешься. Но возможно, что твой нечаянный ухажер вел себя и впрямь отвратительно, с него станет... Помнится, ты всегда заводилась только от своего ненаглядного Садуриквила, проныра несчастная!

— Орви! Ты еще не забыл моего прозвища? Ты назвал меня «пронырой»? Что за умница... Но теперь ты уже выпустил пар. Пора рассказать и о том, какая нужда заставила тебя вызывать двух аспирантов в это дикое место, где водятся только какие-то страшенные рыбы и уже совсем отвратительные недочеловеки-рыболовы?

— Уважаемый господин губернатор едва ли пришел бы в восторг от таких слов, — усмехнулся Орвеналикс.

Тут вмешался Порсупах.

— Послушай, — набросился он на Кай-Сунг, откуда тебе известно, что я тоже учусь в аспирантуре?

— Еще в гостиничном номере я дала себе труд ознакомиться с содержимым твоих карманов перед тем, как отправиться в ванную. Я обнаружила справку из аспирантуры, а также какие-то записи, очевидно, материалы для диссертации. Ах, все это явно противоречит твоей легенде!

— Ты не только распутная баба, — вскричал донельзя разозленный томианец, — но еще и воровка. Видно, совести у тебя и на вот столько нету, раз ты так запросто шаришь по чужим карманам.

— Зря ты поливаешь меня грязью! Ведь твой кошелек на месте, не так ли?

Порсупах немедленно запустил лапу (или руку — по желанию) в болтавшуюся на поясе сумку, желая удовстовериться в том, что его не обманывают.

Орвеналикс украдкой поднес какую-то бумажку со стола ко рту, чтобы скрыть сильное подрагивание нижней челюсти, означающее у транксов смех.

— Ну хорошо, — заговорил майор, когда Порсупах убедился наконец в целости своих денежек, — давайте перейдем к делу и вместе поразмышляем над ним. Реплер, бесспорно, планета отсталая в очень многих отношениях. Населения — кот наплакал. И в то же время здесь имеется первоклассное оборудование, позволяющее выходить на связь с самыми удаленными уголками галактики, а также выстроен прекрасный космопорт. Бесспорно, инопланетный туризм и выращивание экзотических растений приносят солидный доход казне, однако этот доход несравним с тем, который приносит космопорт, являющийся едва ли не самой крупной перевалочной базой на стыке более чем двухсот космических трасс. А между Флювой и Праксилицем наш Реплер — вообще единственная обитаемая планета, находящаяся к тому же недалеко от центра Галактики.

— Неплохое местечко для торговли, — заметил Порсупах.

— Да просто замечательное, особенно если вспомнить о тех фантастических суммах, которые удается сэкономить благодаря здешним невысоким тарифам. Конечно, дела наши ведутся не с таким размахом, с каким ведутся они на Терре, скажем, Хайвхоме или Дралларе, однако и тут коммерсанты умудряются получать значительные прибыли. Их оборот растет день ото дня, растет прямо на глазах!

— Как по писаному говоришь, — скривилась Киттен, — прямо прирожденный инструктор!

— Очень хорошо...

Орвеналикс порылся в ящике стола и вынул оттуда небольшой стеклянный, или нет, скорее кварцевый флакон с гипертрофией металлической пробки и в черного дерева оплетке. Кай-Сунг Порсупах мигом подсели к майору. Орви откупорил сосуд и с чрезвычайной осторожностью высыпал на ладонь себе несколько белых кристалликов.

— Может быть, вы объясните мне, — спросил майор, — что это такое?

Томианец осторожно принюхался к порошку.

— Запаха не имеет. Кристаллы — вещества беловатые, но прозрачные, ромбоидной формы.

Порсупах взял гранул побольше и растер его в мелкую пыль в своих ладонях. Стараясь не втягивать эту пыль в ноздри, он снова понюхал вещество.

— Конкоидальная поверхность излома, при растирании также не обзаводится никаким запашком... Да, майор, мне кажется, я знаю, что за штука перед нами. — Тут Порсупах повернулся к Киттен: — Глядя, на изломе эти кристаллики приобретают синий оттенок, а потом, в результате контакта с воздушной средой, и совсем лиловеют!

Кай-Сунг широко открыла глаза и, повернувшись к Орвеналиксу, прошептала:

— Наркотик, будоражащий кровь — бладхайп, иначе — кровохвал. Нередко — «нюхло», но чаще — «веселое ширево». Судя по тому, что темнеет на изломе, — очень чистый.

Усики майора одобрительно подогнулись книзу и вновь выпрямились.

— Да, очистка почти безупречная. Наркотик известен также под названиями «джастер», «винт»

«мозгокрут», «смешная соль» и прочая, прочая, прочая. Упоминание любого из этих названий способно вызвать рвоту у всякого нормального человека.

— Но никого из нас что-то даже не поташнивает! Неужели мы все трое идиоты, а, Орви?

— Я лично уже отблевал свое, — набычился майор. — И потом — закалка. Все-таки, не первый день в Органах.

— Понятно, остаемся мы с Порсупахом... Ну и ладно: дураки так дураки. Кстати, — вдруг вспомнила Киттен, — я где-то читала недавно, что леса на Аннабисе, где росли хайперионы (а ведь именно из их смолы добывается ширево!), были уничтожены еще десять лет тому назад. Откуда же взялся этот наркотик?

— Ты права, — как ни в чем не бывало, заговорил Орвеналикс, — леса действительно вырубили. Наша разведка тщательно проверила Аннабис и не удалось найти ни одного выжившего деревца. Нам казалось тогда, что хайперионы растут только на одном Аннабисе, так как все попытки пересадить растение в почву других планет не увенчались успехом. Саженцы гибли, семена и вовсе не входили. Стремясь окончательно уничтожить сырьевую базу для производства винта, мы полностью вырубили хайперионовые леса, хотя они и могли бы послужить науке.

— Не думаю, что кто-то особенно негодовал по этому поводу, — прокомментировал Порсупах слова начальника.

— Да, кроме двух-трех полоумных ботаников никто ничего и не заметил.

— Но вскоре выяснилось, что некий субъект похитил горстку семян и ухитрился-таки прорастить их. Получились саженцы, не правда ли?

— Ох, не знаю, что за чудовище затеяло всю эту жуткую авантюру с производством джастера! — сокрушенно проговорил Орвеналикс и, грохоча челюстью, точно кипящий чайник — крышкой, обратился к Киттен: — Слушай, проныра, я помню, что ты всегда хорошо училась, и надеюсь, что из тебя выйдет отличный специалист, но должен без всяко-

го лицеприятия заметить, что пока ты еще в очень и очень многих отношениях просто птенец желторотый! Тебе и в голову не приходит наверное, что Галактика кишмя кишит разными жуликами, спешащими обтяпать свои грязные делишки. Я столько перевидал этого сброда, что дивлюсь иногда, как это меня еженощно не терзают кошмары. Да, много есть на свете существ, провозгласивших себя «разумными» и в то же время готовых продать собственных детей буквально за гроши. Впрочем, сейчас меня занимают не преступники сами по себе, а то, как у них организованы производство и сбыт наркотиков.

Не поленюсь напомнить вам, милые Киттен и Порс, какое воздействие оказывает мозгокрут на живой организм. Прежде всего, винт опасен для всякого существа, у которого циркулирует в теле какая-нибудь жидкость и хорошо развита нервная система, а таких существ — подавляющее большинство. Исключение составляют только несколько видов весьма примитивных созданий на силиконовой основе, населяющих всего две-три планеты в Галактике... Самый распространенный способ применения смешной соли — инъекция. Иногда ее вдыхают в сильно измельченном виде, что тоже довольно эффективно. Всасываясь в кровь, наркотик оказывает немедленное воздействие на нервную систему, так что принявший его быстро приходит в состояние эйфории. Как правило, рядовые наркотики поражают непосредственно головной мозг, нарушая его перцептивную функцию, координирующую, мыслительную и так далее. Но джастер не таков. Его эффект отнюдь не походит на прямую стимуляцию эмоциональных отправлений субъекта. Короче говоря, галлюцинирует не головной мозг, а рецепторы, нервные окончания на коже и различных эпителиальных тканях: в руках, в ногах, в печени, в желудке. Конкретная выраженность наркотического воздействия зависит от субъекта. Один наркоман из отряда клювоголовых признавался, что эффект джастера схож со звучанием предельно высокой ноты, взятой непременно на каком-либо струнном инструменте, но я не вполне вник в смысл этих слов. Но

что известно доподлинно, так это то, что от умеренной дозы ширева возникает чувство приятного жжения во всем теле. Говорят, очень приятное чувство.

Первые признаки опасности появляются спустя семьдесят два часа после инъекции. Нарушается координация движений, мускулы начинают непроизвольно сокращаться, частота дыхания и пульса то увеличивается, то уменьшается до предельно малых величин. Нервные окончания неверно информируют мозг о том, что происходит во внешней среде. Субъект подвергается колоссальной эмоциональной встряске, то впадает в депрессию, то входит в экстаз. В теле начинаются процессы подобные тем, что происходят в недосиженном яйце с протухшим желтком. Можно находиться в отличной физической форме и в то же время умирать. Только в самый последний момент вы начинаете чувствовать, что все, мол, конец. Вы медленно сходите с ума и в то же время вполне отдаете себе отчет в происходящем. «Смерть пядь за пядью» — так, помнится, называл это явление один очень неглупый землянин. Без специальной медицинской помощи наркоману в подобном состоянии не выкарабкаться. Врачи кладут несчастного в специальный кювез, точно младенца, и подвергают воздействию особых тепловых лучей, нормализующих работу нервной системы. Процедуры заканчиваются только тогда, когда наркотик выводится из организма больного в виде остаточных продуктов распада. Такой метод лечения требует громадных ассигнований, крайне мучителен для пациента и, как это ни прискорбно, очень часто неэффективен. Если в организме такого вот бедолаги начались уже необратимые изменения, то лечить его уже не имеет смысла. Тут нередко применяют умерщвление. Из милосердия, конечно.

— Как это все ужасно, — пробормотала сильно побледневшая Киттен. — И что, Орви, поставки джастера осуществляются через Реплер?

— Да, есть кое-какие основания полагать, что именно так и обстоит дело. Нам удалось перехватить одну партию наркотиков, хотя и совершенно случайно. При этом ни один преступник не был задержан, все улизнули. Лучшим доказательством нашей

версии служит тот факт, что на всех планетах, где появились новые потребители зелья, побывал один особый звездолет, сделавший однажды промежуточную посадку на Реплере. Мы подозреваем около десятка гавриков, но пока изо всех сил стараемся, чтоб никто не спугнул их раньше времени. Реплер — не единственная планета, ревизуемая еженедельно на предмет отыскания наркобандитов. Но нам кажется, что именно здесь ключ к разгадке всей тайны. Разведывательные операции, не говоря уже об операциях по захвату преступников, требуют тщательной и всесторонней подготовки бойцов и профессионального планирования их действий. Без многолетнего опыта в таком деле очень туго приходится.

— Не хотелось бы принижать наших с Порсом способностей, — сказала Киттен, — но мы очевидно не обладаем опытом борьбы с наркобандитами, тем более многолетним. Зачем же вы потребовали, чтобы мы явились сюда? Разве один профи не круче двух зеленых юнцов?

— Видишь ли, — признался Орвеналикс, — в этом деле сама ваша неопытность, необстрелянность превращается в ваш главный козырь! Мы больше всего боимся, что дельцы наркобизнеса пронюхают о наших планах, каковые планы сводятся к тому, чтобы внедрить к ним в сеть своих людей. Ты, Киттен, и ты, Порсупах, — люди совершенно неизвестные для жулья. Помните, что бандиты смогут преспокойно свернуть здесь, на Реплере, свои дела и перебраться куда-нибудь в более подходящее местечко, если только почувствуют, что за них взялись профессионалы. Тогда уж нам волей-неволей придется возобновить поиски, причем в радиусе сотни парсек по меньшей мере. А если не удастся вдруг перехватить новую партию наркотиков, чтобы выйти на негодяев, — что тогда? Не вечно же мы будем такими везунчиками, как теперь. Циркуляция всяческого зелья и дури еще не стала настолько интенсивной, чтобы риск оправдывался бы даже самыми непомерными денежными вложениями. Если же мы начнем широкомасштабные поиски с привлечением громадных сил, то в наших сетях неизбежно ока-

жется одна только мелкая рыбешка, а все акулы преспокойно ускользнут из наших рук и обоснуются в новом месте. Только вы двое и можете внедриться в мафиозные структуры. Ваша неопытность позволит вам проникнуть к бандитам раньше, чем они что-либо заподозрят. Таковы, по крайней мере, теоретические предпосылки. Но если вас разоблачат, то... Н-да, потеря двух агентов — самое худшее, что может со всеми нами произойти!

— Слов нет, вы очень тонко чувствующая натура, сэр, — натужно пошутил Порсупах.

— Чтобы вжиться в те образы, которые мы вам предложим, — невозмутимо продолжал Орвеналикс, — особых усилий не потребуется. Если только вы сами, — тут майор грозно поглядел на Киттен, — не создадите себе массу неприятностей. Итак, согласно выработанному плану лейтенант Порсупах должен будет разыграть роль племянника некоего богатенького фермера с планеты Томус Прайм. Обе легенды (племяша и состоятельной путешественницы) тесно соприкасаются друг с другом и предполагают наличие у вас некоторых общих интересов. Например — занятия экзотическими видами спорта, сопряженными с риском для жизни. Это означает, что у вас, мои милые Киттен и Порс, будет повод почаще встречаться друг с другом, причем носить с собой оружие не возбраняется. Что-то вроде спортивных пистолетов. Да, когда будете уходить отсюда, потрудитесь подняться на второй этаж и получить разрешение на ношение этого самого оружия. Не забывайте, что в действительности так называемые «спортивные пистолеты» далеко не безобидны. Они обладают огромной убойной силой, гораздо большей, чем это может показаться. Посему, будьте осторожны в обращении с ними, ради Святого Роя! А в остальном ни к чему с излишней пристальностью не приглядывайтесь, не проявляйте поспешности ни в чем, попросту наслаждайтесь отдыхом. В чудеса я не верю, но как говорится в одном замечательном учебном пособии, «заблаговременное создание адекватных структур облегчает выполнение главной задачи — превентивного монтажа капканов»!

— Мэтьюсон, раздел четвертый, эдикт двадцать первый, — незамедлительно маркировала начальственные реплики Киттен.

— Чудо и случай помогут тебе, если ты найдешь свое место под солнцем, — наставительно заметил майор и добавил: — Киттен, ведь ты совершенно правильно указала автора и... Я и не подозревал, что ты интересуешься теологией.

— Не всей. Только самыми пикантными местами. Вот например...

Тут Орвеналикс и Кай-Сунг вступили в долгие богословские прения. Порсупах счел благоразумным не вмешиваться в разговор о столь возвышенных материях и принялся потихоньку жевать обивку кресла.

Малькольм Хаммураби считал деньги в уме. То обстоятельство, что денег не было в карманах, ничуть не препятствовало этой идеальной калькуляции, доставлявшей более чем реальное удовольствие.

Последний рейс принадлежал к числу тех счастливых рейсов, после которых капитан звездолета, будь он самый безнадежный трезвенник, ударяется на радостях в долгий запой. Действительно, никакого шума, никаких хлопот, денег — целая куча. Отчего бы и не выпить? Да, вот уж никто не думал, не гадал, что эти ледащенькие тюлени на Ларгессе будут так гоняться за импортной алвой, тем более за алвой с Реплера. Неужели эта штука имела какой-то вкус? Пусть Родригес и прощелкал часть алвы на камбузе, его, Малькольма, доля должна составить весьма внушительную сумму. Ее может хватить даже на ремонт камеры сгорания в движке «Умбры», а то «Умбра» всех уже извела своими бесконечными неполадками. Нет, ремонт подождет. Но тогда конвертируемость энергии увеличится на тридцать процентов. Ну и славно! Это поможет здорово сэкономить на ядерном горючем, используемом для запуска двигателей. И конечно же, сильно увеличится тогда тяга двигателей и заметно уменьшится их износ.

Малькольму часто говорили, что его привычка проверять груз лично и без всяких «сопровождаю-

щих лиц» выглядит довольно странной. В ответ Хаммураби ссылался на то, что нужно проверить центровку контейнеров на паромах, и продолжал невозмутимо заниматься своим делом вплоть до отправки звездолета. В действительности же означенная привычка сохранилась у Малькольма с раннего детства, когда он частенько бродил по, казавшимся тогда необъятными, складским помещениям, мечтая поскорее сделаться астролетчиком и побывать на всех тех планетах, чьи названия дышат неизъяснимым очарованием и как бы таят в себе нечто непостижимое: Терра, Хайвхом, Альмагги, Длинный Туннель, Темная Лошадка, Энтеббе... Вот и теперь он по-прежнему любит торчать часы напролет среди грузовых вавилонов, среди громадного количества нагроможденных друг на друга коробок и ящиков из пластика и металла, оклеенных разноцветными лейблами. Это напоминает ему детство.

Между тем в детстве Малькольм и не предполагал, что в будущем ему придется транспортировать подобные грузы. К сожалению, другие планеты оказались почти сплошь скучнейшими каменными кругляками и потеряли свою заочную привлекательность. Но конечно, оставалось и в его, Хаммураби, жизни место кое-каким острым, захватывающим дух приключениям, не все было так уж безнадежно пресно. (А кроме того, ведь надо же было попробовать! Нельзя судить обо всем со своего полусгнившего шестка! Не может считаться самым лучшим тот голкипер, который никогда не выпускает мяч из рук!)

Прочь пустую болтовню. Сейчас Малькольму нужно было позаботиться о том, чтобы контейнеры с некоторыми роскошными товарами оказались доступны для всеобщего погляденья. Авось этот старый паскудный пират Чэтем заинтересуется ими.

Большая часть ящиков и коробок была испещрена темно-лиловыми штемпелями таможни. На них также стояли печати планет-отправителей и планет-адресатов. Несколько контейнеров предназначалось мелким реплерианским торговцам. Часть груза принадлежала непосредственно членам экипажа транс-

портного судна. Больше половины ящиков было маркировано трехглавыми аквамариновыми псами Содружества. А вот та крохотная картонка содержала в себе кое-какую культовую утварь: копия, лжицы, дискосы, причастные чаши, антиминсы и так далее. В настоящей партии также имелось немалое количество деталей для различных приборов, находящихся в ведении биохимиков и океанографов.

В правом крыле необозримого пакгауза стояло больше сотни каких-то контейнеров, покрытых брезентом и, очевидно, предназначенных к скорой отправке. Малькольм дивился; кто же это здесь проворачивает столь широкомасштабные операции?

Старина Чэтем добился успеха, потому что в свое время сделал ставку на фрахтование частных транспортных космолетов. Он решил не тратить бешеных денег на то, чтобы обзавестись собственным космическим флотом. Конечно, то был решительный шаг, ибо дряхлеющий деляга попадал в полную зависимость от людей, не привыкших подчиняться чьей-либо власти. Кое-кто из них был даже крепко нечист на руку. Зачастую грузы пропадали бесследно, буквально таяли в космосе, испарялись при температуре —273 °С. И никакое уложение о межпланетных перевозках не могло помочь коммерсантам в защите своих кровных интересов.

В то же время столь жесткая, на первый взгляд, система обладала необычайной гибкостью, так как позволяла употреблять в дело какие угодно корабли и не нести ни малейшей ответственности за их дальнейшую судьбу. Не многие коммерсанты сумели извлечь прибыли из этого распределения приоритетов. Те же, изнуренные собственной совестливостью идиоты, которые вкладывали денежки в космоверфи, в постройку и содержание звездолетов, в обеспечение гарантированным заработком астролетчиков и механиков, в довольно сжатые сроки разорились совершенно. Мудрый Чэтем всю свою жизнь старался придерживаться первой системы космоплавания, по мере сил совершенствовал ее, и она никогда еще не подводила старика.

В гигантском пакгаузе громоздились, покуда хватало глаз, горные гряды ящиков, коробок, контей-

неров. Все нужно было увезти с Реплера. Вероятно, возня по заключению контракта на перевозку выпала на долю Скотсдейлу. А может, и сумасшедшему Алапке Ньеме привалило счастье. До Хаммураби уже доходили слухи, что «Симба», звездолет Ньеме, специализируется на дальних рейсах, хотя последняя встреча Малькольма и Алапке произошла тогда, когда первый направлялся всего лишь к центру Галактики. Впрочем, не исключено, что владельцы груза ни с кем еще никакого контракта и не подписывали!

А может, у этих владельцев есть свой корабль, а?

Как бы там ни было, нельзя оставлять надежду на подписание контракта лично! Если товар надлежит доставить на место назначения немедленно, то ему, Малькольму, непременно удастся получить аванс под будущую прибыль, и уж тогда — денежек вполне достанет на капитальный ремонт старушки «Умбры»! А если еще вдобавок что-нибудь останется, то Бену, инженеру по средствам электронной коммуникации и любимцу всего экипажа, нужно бы купить ультраволновый усилок, хотя бы довоенного образца. Бен отдал бы за эту штуковину душу. Ну а если обзавестись усилком новейшего выпуска, марки «Джи-Си», скажем, то ликующие вопли электронщика будут отчетливо слышны даже на Альфа-Центавре!

Внезапно внимание Хаммураби привлек ящик из серебристого пластика. Мэл увидел собственное отражение в отполированной до лоска крышке и улыбнулся, опять возвращаясь в мыслях к длиннейшему списку самых безотлагательных покупок.

Малькольм был не слишком высоким, но крупным и дородным мужчиной. Сбитый на диво плотно и чрезвычайно широкий в кости, он походил на двенадцатый том «Словаря астральных символов» (издание второе, дополненное и переработанное). Или на сложенную из детских кубиков башню (кубики обточены довольно грубо, а вся кладка небрежно залита канцелярским клеем!). Песочно-коричневые волосы, расчесанные на прямой пробор, слегка наползали на весьма обрывистый лоб. Глубоко посаженные желтые глаза озирали мир божий

необыкновенно пристально и немножко — с наглецой. Прочие части лица были в основном составлены из каких-то маловразумительных остроугольных фигур. Разве что в раскидистых, как у моржа, усах угадывалась некоторая плавность линий. Говоря попросту, капитан «Умбры» выглядел, как безумно органичный симбиоз легкого пехотного танка и разожравшейся таксы.

И вот у этого кентавра торчала из левого кармана черной кожаной куртки пачка жевательной резинки — с истинно мятным смаком. Хаммураби никогда не курил и не баловался наркотиками. Если он и грешил чем-нибудь, так это элем в разряде легких напитков и бренди — в разряде крепких. Не отказывался Мэл и от различных сластей, причем не только в виде жевательной резинки.

В пакгаузе было не так чтобы очень светло — груды ящиков наполовину загораживали крохотные оконца под потолком, — и поэтому Мэл заметил воров только тогда, когда столкнулся с ними почти нос к носу. Их было двое, и они с таким увлечением потрошили пластиковый изжелта-оранжевый контейнер, перехваченный металлической лентой, что позабыли, казалось, обо всем на свете. Контейнер и формой и габаритами сильно смахивал на гроб, хотя таковым, бесспорно, не являлся. Мэл вспомнил, как запихивали в трюм эту штуковину. На одной из вершин куба пластик сильно оплавился: это преступники срезали тепловым лучом печать и пломбу.

У Хаммураби в голове зароились благочестивые мысли: надо спасать груз. Мэл мог сделать два шага вперед и жутким замогильным голосом осведомиться у господ визитеров: за каким лядом они приперлись в пакгауз. А можно было прошествовать мимо с подчеркнуто беспечным видом и бросить достославным потрошителям коробок парочку веселых, легкомысленных фраз. Не помешало бы также выскользнуть незаметно из пакгауза и наведаться в полицейский участок при космопорте.

Однако люди, которым большую часть своей жизни приходится проводить в искусственном гравитационном поле, чья тяговая масса сравнима с массой

любого желтого карлика, знают: во-первых, в каких ситуациях публика правильно реагирует на приказания; во-вторых, понимают, что лезть на рожон, в подражание героям супербоевиков, не всегда разумно, мягко говоря, большей же частью равносильно самоубийству; в-третьих, никогда не торопятся звать на помощь. Таким образом Хаммураби попросту взял и взвалил себе на плечи первый попавшийся ящик весом примерно в триста фунтов (сам капитан весил ни много ни мало четыреста фунтов), вознамерившись метнуть его в гадких лотрыг и сбить с ног негодяев. К сожалению, Мэл не рассчитал своих сил. Громадный пластиковый ящик, облепленный всяческими ярлыками, неожиданно ткнулся прямо в голову грабителю: тот как раз поворачивался в сторону Хаммураби (почуял, гад, присутствие правых сил!) и тянул из кобуры лазерный пистолет. Состязание оказалось неравным, бандит рухнул на пол. Мэл не удержал равновесия и тоже грохнулся оземь.

В это время компаньон придавленного контейнером прощелыги скакнул в направлении выпавшего из рук товарища лазерного пистолета и успел уже схватить его, но тотчас был оседлан отважным капитаном «Умбры». Кости воришки выразительно захрустели, бедняга стал извиваться, как червь, стараясь упереться коленом в пах неожиданно грузному противнику. Мэл очень грамотно, будто всю жизнь работал в полиции, провел захват руки, все еще сжимавшей оружие, вывернул ее за спину негодяю. Негодяй дико заорал и разжал пальцы. Лазер упал на бетонный пол пакгауза.

Осторожно подавшись вперед, Мэл подобрал пистолет. Ствол был еще теплый. Хаммураби хотелось надеяться, что грабители использовали свою «пушку» исключительно в качестве импровизированной отмычки, фомки, но кто знает, может быть оружие применялось и по своему прямому назначению. И совсем недавно...

Подмятый капитаном воришка оказался на десять дюймов короче и фунтов этак на полтораста легче своего победителя. Он бешено вертел кудлатой башкой и, судя по всему, приметил, насколько худо

пришлось коллеге, чьи расплющенные вдрызг голенки торчали из-под контейнера, сам же контейнер, точно некий утес, возвышался в необъятной луже крови, тягуче растекавшейся по пакгаузу. Мэл перехватил взгляд коротышки.

— Поверь, дорогуша, — сказал капитан, — мне не хотелось убивать твоего дружка. Но, однако, я предпочитаю сражаться на равных, а вас, заметь, было двое. Двое на одного — это нечестно. Впрочем, не волнуйся, с тобой я обойдусь поаккуратнее. — Тут Хаммураби приставил дуло пистолета к вражьей головенке прямехонько за правым ухом. — Ну вот, теперь у тебя есть полминуты, чтобы все мне по порядку и без всякого там вранья рассказать... Не то отправишься вслед за своим разлюбезным напарничком! Речь, разумеется, о твоей душе... Говори!

Грабитель застонал.

— А ну, валяй! Прикончи меня! — мучимый сильной болью в заломленной руке, воришка не слишком заботился о членораздельности своей речи, и поднять его можно было только с большим трудом. — Прикончи, ведь ты все равно сделаешь это!

— Чушь, — отрезал Мэл. — Не прикидывайся дурачком, миляга! Если б я хотел кокнуть тебя, то давно бы уже претворил это хотение в жизнь. Или нет, в смерть. В твою смерть... Но в мои планы не входит отправка твоей грязной душонки в преисподнюю. И это несмотря на то, что воров я страх как не люблю. Видишь ли, дружище, меня самого однажды украли и... Стоп, никак откровенничать начинаю, хотя в настоящем положении выворачивание души — опять душа, дьявол бы ее побрал! — наизнанку является исключительно твоей привилегией. Итак, ты сейчас расскажешь мне, зачем вы забрались сюда. Нет, не вешай мне лапши на уши: ни за что не поверю, будто вы намеревались поживиться наугад, чем придется! Вы вытащили именно вот этот ящик, предпочтя его тысячам подобных... А также, ты расколешься и насчет того, кто вас подослал, понял? Тогда, возможно, ты выйдешь отсюда не в ипостаси хорошо прожаренного бифштекса, но в ипостаси, скажем, бифштекса с кровью! — Тут Хаммураби несколько более плотно при-

жал дуло пистолета к черепушке преступника. — Думаю, у тебя возникнут серьезные осложнения в отношениях с боссом, пославшим в дело такого недотепу!

Воришка продолжал хранить молчание.

— А пока что, — усмехнулся Мэл, выворачивая, вдвое круче прежнего, руку нелюбезному собеседнику, — мы попытаемся немного оживить наш диалог. Полагаю, начнем мы с измельчения твоих лучезапястных суставчиков. Знаешь, как аппетитно они захрустят? То-то, аппетитнее, чем кукурузные хлопья. Потом я подогрею тебя вот этой игрушкой. Сначала чуточку обжарю мочки ушей, потом пройдусь по жирненькому загривку. Ах, какими завитушками из копченького мясца ты украсишься, любо-дорого будет посмотреть! Далее наведу я огнь попаляющий на твои чудесные русые кудерьки — красавцем сделаешься неописанным! Потом лучик-то тепловой на губки тебе направлю: надо, чтоб они у тебя были поярче, позапеканистей. Затем еще носик...

— Брось болтать! — завизжал человечек. — Сдаюсь, твоя взяла.

Мэл отчасти ослабил хватку.

— Роуз, — буркнул воришка.

— Чего? Перестань сопли жевать, парень, говори внятно!

— Роуз. Так зовут босса. Это он послал меня и Владислава...

— Доминик Роуз? Глава наркомафии?

Грабитель слабо кивнул.

— Очень интересно! — гоготнул Мэл. — Ну и дрянной же хозяин у тебя, дорогуша! И что этому слизняку с его вечным поносом понадобилось на Реплере? Говори, любезный, что вы искали в контейнере? Кстати, помни: груз доставлял я...

Похитчику сделалось плохо. Казалось, он вот-вот лапы надует. Мэл отпустил ему руку, и тот немедленно пришел в себя.

— Ей-богу, произошла какая-то ошибка с отправкой груза, — прохрипел заморыш. — Это все, что мне известно, клянусь! Клянусь мамой!

— Не больно-то я верю твоим клятвам! Говори, где грузили контейнер? На Ларгессе?

— Да... Нет... Может быть... Я точно не знаю. Поверьте, я не знаю!

— Перестань скулить, не трону я тебя. «Да», «нет», «может быть», «не знаю»... Во что именно ты прикажешь мне уверовать? А Бог с тобой. Не похож ты на крупную шишку в этом дельце...

— Отпустите меня, — взмолился несчастный грабитель. — Роуз прикажет убрать меня немедленно, как только узнает, что я попался!

— Терпение! Здесь я тебе царь и бог, а не глупенький Доминик с его оголтелым жидким стулом! Если ты, свет очей моих, не перестанешь юлить и не скажешь, для чего тебя послали сюда, то скончаешь свой подвиг тайный без всяких проволочек!

Мэл тихонько сполз с костлявой спины бандита и отступил в сторону, не сводя пистолета с неприятельского затылка.

— Впрочем, я сегодня добрый, — возвестил Хаммураби. — Дарую тебе целых полчаса на то, чтобы убраться отсюда. По истечении же этого получаса я отправлюсь в полицию космопорта и в деталях обрисую твою паскудную внешность. Все, с тобой закончено. Теперь тебе лучше побеспокоиться насчет Роуза и его кровожадных присных. И помни, что Реплер — планета небольшая, население ее невелико, ландшафт же такой, что схорониться особенно негде, но...

Пакостный коротышка со всех ног летел к выходу. Он, очевидно, не слишком опасался быть замеченным охранниками — главное шкуру спасти! Правая рука бессильно моталась взад и вперед. Черт побери, Хаммураби, когда ж ты научишься следить за собой! Выкрутить бы десницу этому придурку чуть-чуть посильней, и все, готово: парень бы потерял сознание. Как было бы весело, наверное, если б когда патруль застукал бы обоих (ах да, есть еще третий!) у распотрошенного контейнера... Да, кстати, — контейнер! М-да, ситуация несколько прояснилась, но... но куда девать труп? Труп... Труп... Нет, Мэла разбирало любопытство: что же такое должны были привезти с Ларгессы этой сволочи

Роузу? Странно, планетка-то скучная, унылая, там с тоски удавиться можно... Не в припадке ли жесточайшей хандры отрядил Доминик двух жуликов для вскрытия правительственного склада? Не со скуки ли и сами жулики ломали контейнер?.. Чушь какая-то!

Мэл нагнулся, чтобы осмотреть с надлежащей пристальностью внутренность ящика, и вдруг довольно неважно себя почувствовал: а если этот подлец надул его?

Нет, взгляд Хаммураби немедленно остановился на небольшой коробочке, никак не маркированной, размером примерно 5×10×10 дюймов. Верх у нее был немного покатый. Коробка лежала среди всякого хлама. Мэлу смутно припомнилось, что в контейнере должны были перевозиться различные предметы роскоши класса «Си». Н-да, весьма причудливая коллекция, подумал капитан.

Очевидно, воры обнаружили свою добычу незадолго до появления Мэла: коробку они успели вытащить из ее гнезда только наполовину. Хаммураби заколебался: не лучше ли все оставить как есть и ничего не трогать? Раньше ему уже приходилось иметь дело с Роузом. Этот гнусный старикашка, бесспорно, обладал определенным влиянием в обществе. На какой-нибудь большой планете он едва ли выдвинулся бы, но здесь, на Реплере, имел значительный вес. Законов Роуз не нарушал — то есть исправно платил налоги в казну.

Коробочка открылась сразу, как только Мэл дотронулся до нее тепловым лучом. Не с умыслом ли это подстроено? Действительно, многие люди именно так поступали со своими драгоценностями, ибо лучший способ защиты состоит в том, чтобы у грабителя создалось впечатление, будто перед ним не настоящие бриллианты, а подделка, иначе и зачем бы ларчику открываться так просто? Малькольм слегка срезал лазером верхний слой пластикового покрытия. Под ним оказался увесистый с виду ящичек, сработанный из какого-то серебристого металла. Хаммураби осторожно высвободил очередную свою находку из оплавленных лоскутов пластика и поднес поближе к глазам, чтобы рассмотреть

ее получше при тусклом свете неоновых ламп. Оказалось, что на боковинах и крышке ящичка были выгравированы различные орнаменты. Нечего и думать, гравер, несомненно, ларгессец! Скромная вещичка. Художественная ценность ее стремиться к нулю. Хаммураби не дал бы и ломаного гроша за доставку такой безделки на Реплер.

Крышка более чем невзрачной шкатулочки запиралась на цифровой замок. Конечно, Мэл мог воспользоваться лазером. Но вдруг придется когда-нибудь нести вещицу в починку? Любое механическое повреждение будет гораздо легче объяснить бдительному ювелиру, чем след теплового луча. Хаммураби хватил шкатулкой об пол, и крышка подалась. Взору капитана предстало что-то около десятка, — да, ровно десять! — флаконов из граненого горного хрусталя, в каждом из которых содержался какой-нибудь порошок: красный, коричневый, лимонный и т. д. На внутренней стороне крышки наклеена была инструкция, где указывалось, как нужно расставлять флаконы в коробке, и давалось краткое сообщение относительно того, что, собственно, содержится в бутылочках. Сообщение это было напечатано на языках транкс, террангло, сфорцандо и лярго. «Настоящие специи и приправы, — гласила цидулька, — изготовлены из самых высококачественных натуральных продуктов, отобранных работниками компании «Сириел Фудс Инкорпорейтед», и придают ни с чем не сравнимый, экзотический вкус любому блюду, в состав которого входят органические компоненты с содержанием клетчатки не менее 90 %. Особенно рекомендуется использовать...» Мэл прервался: далее следовал внушительный список всевозможных кореньев и трав, которые применялись при изготовлении приправ и специй. Ко всему прочему, к каждому флакону прилагался отдельный буклетик, где подробнейшим образом разъяснялось, каким существам и в каких количествах следует употреблять данную приправу. Указывалось также, к каким последствиям может привести невоздержанность в смысле поглощения реченных специй — начиная от потери аппетита и воспаления желудочных стенок и кончая разнооб-

разнейшими нарушениями половой функции. Полиязычная инструкция педалировала на том, что сей чудесный товар имеется в продаже практически на всех планетах Содружества, а также за его пределами. Если все это действительно соответствовало истине, то специи производились, должно быть, в огромных количествах, то есть являлись предметом ширпотреба. Однако данный контейнер, согласно описи, содержал в себе предметы не ширпотреба, а роскоши. Может, Доминик помешался на Ларгесских приправах и хотел заполучить их побыстрее и без потерь?.. Посмотрим, посмотрим...

Мэл положил себе на кончик языка щепоть из левого крайнего сосуда, предварительно еще раз перечитав буклетик и убедившись, что копыт откидывать не придется. Темно-бордовый порошок имел резкий, горьковато-сладкий вкус с весьма пикантным отзывом в мелиссу и черный молотый перец.

«Что же делать? — размышлял Хаммураби. — Так ведь можно и всю ночь просидеть, пробуя приправки. Приведет ли это к чему-нибудь путному?» Как бы там ни было, в одном капитан уверился вполне: взломщики никак не походили на свихнувшихся поварят, ворующих для своей кухни экзотические специи. Металлическая шкатулка, хотя и выглядела довольно привлекательной внешне, никакой ценности из себя не представляла. Нет, все говорило за то, что Роуз отчаянно нуждался именно в содержимом флаконов, и ни в чем ином. А вдруг там запрятаны какие-нибудь наркотические вещества? Эх, надо перепробовать специи, как это ни утомительно.

Впрочем, существовал и другой вариант действий. Очень может быть, что многословнейшая памятка гурману содержала в себе зашифрованное послание. Если так, то пусть старый кретин Доминик заплатит за собственное ротозейство. Мэл схватил шкатулку под мышку. Да, он отдаст ее Джапуровак. Может, у этой бестии что-нибудь и получится!

Хаммураби бойко засеменил к выходу, но тут внезапно, чуть ни под самым носом отважного капитана «Умбры», стряслось нечто вроде взрыва.

Нагретая лучом лазера с запавшим, как клавиша курком, пыль разом поднялась с бетонного пола пакгауза и взлетела столбом под потолок. Мэл шмыгнул за ближайший контейнер, перекатился кубарем несколько ярдов, снова вскочил на ноги и побежал. Он выделывал замысловатейшие петли по мрачным коридорам лабиринта, образованного нагромождениями различных станков и оборудования для угольных шахт, коробов со свежими фруктами и овощами, ящиков с консервами. Хаммураби понял, что произошло: эти воры были не одни! Тот парень с вывихнутой рукой, столь опрометчиво им отпущенный, вернулся с дружками. Что ж, давешняя разговорчивость этой сволочи не удивительна. Калека пожелал исправить свою ошибку! Да и разве возможно было уверовать в то, что маленький взломщик легко позабудет нанесенную ему обиду?

«Жаль, что ты такой миролюбивый парень, — обратился к собственной кошачьей милости Мэл, — а то обязательно носил бы при себе приличный огурок!» Но жалеть, в общем-то, было не о чем. Тот лазерный пистолет, что случайно достался Хаммураби, наверняка мог сослужить хорошую службу. Особенно, если палить по неприятелю с близкого расстояния!

Забежав за громадный сорбционный насос в дощатом пенале, Мэл присел на корточки и оглянулся назад. В полумраке пакгауза неясно обозначилась фигурка какого-то человека с пистолетом в руке. Человечек несся прямо на капитана. Тут Мэл вспомнил, что необходимо переключить лазер в особый режим — «стрельба на поражение». Тумблер на рукояти «пушки» отчетливо щелкнул, Хаммураби прицелился и спустил курок. Жгучий рубиновый луч насквозь прожег тело несчастного жулика чуть ниже пояса и даже немного оплавил латунную пряжку на толстом кожаном ремне. Человечек какое-то время изумленно пялился на свою, в области пупка, рану (чем несколько напоминал Будду), а потом ничком повалился на пол, звучно хряснувшись головой о бетон (и тут сходство с Буддой заканчивалось). Малькольм перевел взгляд на ничуть не оплошавший лазер и одарил его уважитель-

ным взглядом. Оружие оказалось куда более грозным, чем это можно было предположить по его достаточно неказистому виду.

Из-за автопогрузчика выбежали еще двое. Тут им бросился в глаза труп соратника, оба жулика, мгновенно развернувшись на каблуках, ретировались с потрясающим проворством. Да, теперь они станут действовать осторожнее.

Мэл вновь бросился бежать. По левую руку от него раздался сильный грохот и повалил клубами едкий дым: тепловой луч угодил в гигантскую кладку каких-то ящиков, и та немедленно развалилась. Свет в пакгаузе был довольно тусклый, и бандиты здорово мазали, стреляя не столько в Хаммураби, сколько в его егозливую тень. Но рано или поздно кто-нибудь из головорезов непременно зайдет с тыла, и тогда храброму капитану уже никакие уловки не помогут. Мэл решил сделать все, чтобы эти настырные ребятки, так жадно домогающиеся встречи с ним, обломались как можно круче...

К сожалению, многочисленные складские коридоры были довольно смутно знакомы Хаммураби. Первоочередной задачей его всегда являлась доставка грузов, а уж то, каким образом они хранятся, мягко говоря, занимало гораздо слабее. Девиз всякого здравомыслящего капитана транспортного судна таков: товар привезен в целости, дальше — хоть трава не расти! Тем не менее, что-то говорило Малькольму, что за грудами разнообразнейшего барахла в пакгаузе должно существовать пять-семь служебных выходов. Складские помещения в любой точке Галактики мало чем отличаются друг от друга. Элементарный опыт межпланетных полетов подсказывал, что уж коли выходы наличествуют, то хотя бы один из них остается на ночь незапертым: а вдруг какой-нибудь нечаянный груз придется принимать? Впрочем, до ближайшего по расписанию рейса оставалось еще около пятнадцати световых минут. Мэл был уверен, что его преследователи не окажутся настолько глупы, чтобы позволить своей жертве ускользнуть через главные ворота.

Совершая короткие зигзагообразные перебежки с лазером наперевес, Хаммураби добрался до запад-

ной стены пакгауза. Действительно, в этой стене была дверь, но на ней — разумеется! — висел замок. «Все выходит так, как я и предполагал», — подумал Мэл, но ему не стало легче от собственной проницательности. Он отрегулировал луч лазера таким образом, чтобы тот сделался похожим на остро отточенный клинок, и попробовал срезать никчемный замок. Сигнализация должна сработать мгновенно, и тогда полиция космопорта быстренько доберется до склада и повяжет жулье. На сторожа, в сущности, надеяться бессмысленно: бандиты, наверняка, либо шлепнули его, либо усыпили. Однако все сигнализационные устройства, очевидно, составляют единую цепь последовательных соединений, и если налетчики успели разомкнуть ее, выломав рубильник на щите у главных ворот, то тогда нечего надеяться и на полисменов: никакого сигнала на их пульт не поступит! Но даже при самом удачном стечении обстоятельств, подумал Мэл, грабители доберутся до его глотки раньше, чем до них стражи порядка. Дежурные наряды вооруженной охраны обычно походят на стада прямоходящих, одетых в хаки черепах...

Работа двигалась медленно, чертовски медленно! Лазер предназначался исключительно для разрезания пластиковых упаковок и человекоубийства. И пластик, и мышечная ткань, несомненно, уступали в рассуждении прочности огромной металлической двери новейшей модификации, способной выдерживать даже прямые бомбовые удары. Замок раскалился добела и вскоре стал потихоньку отекать, точно свечка, на пол. Капли медленно сползали вниз по стальным листам и стальному же косяку. Герои боевиков обычно справляются с такими дверьми легко и просто: вышибают их ногой к чертовой матери! Хаммураби был, пожалуй, здоровей любого супермена. Он всего лишь дорожил своими косточками, а если не дорожил, то... Нет, шутки в сторону! Дверь была так же неподатлива, как какая-нибудь идиотка, на веки вечные сославшая себя в девки (по соображениям принципиального характера). Он явно не успеет срезать замок до того, как его отыщут бандиты. Ну что ж, коли так, придется приставить

лазер к ларгесской шкатулочке и угрожать расплавить ее вместе со всем содержимым, почему-то там представляющим такую ценность для посланников Роуза. А если и вправду расплавить? Ароматнейший пудинг получиться. Из одних специй...

Жулики продолжали вести беспорядочную стрельбу, но что удивительно, грохот канонады все более и более удалялся. Мэл насторожился. Неужели он, пустоголовый Хаммураби, сподобился запутать негодяев своими заячьими петлями и перебежками? Неужто охотники вообразили, будто зверь находится позади них? Если так, то эти придурки палят сейчас друг в друга, не иначе. Мэл улыбнулся, почувствовав даже нечто вроде прилива сил.

Внезапно, в тени исполинской емкости для возгонки разнообразных жидкостей, доставленной, между прочим, с планеты Волофон-3, появились три человека. Какая жалость, Мэлу оставалось расплавить не более дюйма. Капитан прижался спиной к двери и сунул дуло в шкатулку со специями, переключив лазер на функционирование в режиме «разреженного импульса». Ствол «пушки» так сильно нагрелся, что удерживать оружие в руках было довольно трудно.

Люди подошли поближе и остановились. Они пошептались немного и очень скоро выделили из своей среды парламентера. Тот сделал шаг в направлении Мэла и, почти по военному, приставив ногу, сказал:

— Здешние власти не очень-то обрадуются, если до них дойдет молва о ваших подвигах, капитан. Трудно даже вообразить, как они поведут себя, когда узнают, что вы шляетесь ночью по пакгаузу и прожигаете дырки в дверях. И пожалуйста, не обижайтесь на меня: критика вполне справедливая!

Хаммураби поставил «пушку» на предохранитель и поскорее затолкал ее в карман брюк, на радостях позабыв даже о том, что запросто может обжечь себе гениталии.

— Ты самый лучший старпом на свете, Майджиб Такахару. Но как ты нашел меня?

Вместо ответа Такахару обернулся к своим спутникам и повелительным кивком головы заставил их

прочесать склад на предмет обнаружения сколько-нибудь дееспособных вражеских недобитков, могущих продолжить выяснение отношений. Распорядившись таким образом двумя парами лишних глаз и ушей, Майджиб вновь повернулся к Хаммураби.

— Не боитесь, что яйца к стволу прикипят? — спросил старпом с ошеломительной наглостью.

— Как?! Э-э, ты о чем?

— Да о том, капитан, что пистолет у вас докрасна накалился, а вы его в штаны пихаете!

— Фу, грубиян!

— Грубиян не грубиян, а здоровье начальства для меня — превыше всего!

— Да ладно уж! Ты же знаешь, я человек ко всему привычный... Давай, выкладывай, как ты отыскал меня здесь?

— Как? — ухмыльнулся Майджиб, поигрывая новехоньким «Шершнем-4Б», стрелявшим иглами. — Совсем у вас память девическая. Неужто забыли? Четыре месяца назад на Форане вы сражались сразу с шестью громилами. Все они оказались в тамошнем госпитале: кто с сотрясением мозга, кто со сломанной челюстью, кто с продавленной грудной клеткой, — каждому вы припасли какой-нибудь особый гостинец! Не очень-то по вкусу вы пришлись туземцам, ибо среди этих шестерых оказался самый знаменитый их силач, гордость планеты. И вот тогда вы строго-настрого наказали мне находиться где-нибудь поблизости, когда вам вдруг вздумается выпить... Кстати, скотина магистрат оштрафовал вас тогда на целых...

— Да хватит тебе, — прервал старпома Хаммураби и поморщился. Майджиб был прав. Выпивал капитан редко, да метко, и подобные раритетные попойки надолго увязали в исслякощенной памяти скрипучими, несмазанными кошмарами. Мэл никак не мог взять в толк, почему его подвиги во хмелю с такой быстротой входили в пословицу и делались объектом пристального внимания даже самых маститых фольклористов. Что же касается непосредственно экипажа «Умбры», то тут непотребнейшего свойства баснословие и вовсе расцвело пышным цветом. Отважные астролетчики нередко коротали

долгие вечера на орбите тем, что рассказывали друг другу байки о похождениях достославного капитана Хаммураби. Вот только несколько названий этих баек: «Малькольм Прекраснолодыжный накачивается элем и оскопляет зарвавшихся дралларских парламентариев», «Хайвхомские князьки Магнус и Нифус сражаются на шпагах за право приложиться к чудотворной фляжке св. Малькольма», «Взятие погребка и казнь тамешварских ополченцев, противу пития имевших дерзость высказываться», «Златокудрая Люпа, или Любовь с полтыка». Были заголовки попроще, вроде «Бунта в обезьяннике» и «Свинтили, сволочи!». Подобные истории пользовались столь широкой популярностью во всей Галактике, что едва Мэл появлялся на пороге какого-нибудь даже самого затрапезного кабачка, хозяин заведения тотчас бежал звонить в полицию. Ну а прелестная доктор Джапуровак, от щупиков до брюшка напитанная всяческими романтическими бреднями, относилась к деяниям капитана и вешала на них этикетку подлинного героизма. Сам Мэл вспоминал обо всем этом со стыдом.

— Вы сказали мне тогда, — почесал за ухом Такахару, — что если Бенилия не будет оповещена до полуночи о том, куда вы запропастились, значит нужно отправляться на поиски капитана, и желательно — всем экипажем. Мы так и сделали. Поверьте, сэр, вас не так уже и трудно найти. Люди обычно отлично запоминают вашу внешность. Вот и сегодня несколько прохожих сказали нам, что видели вас бредущим в сторону космопорта.

— На этот раз мне лучше было бы отправиться в пивнушку. Да, можно вопрос, старпом?

— Конечно, сэр!

Хаммураби не спеша ощупал себе подбородок, в который несколько минут назад угодил кусок оплавленного металла, отхваченного во время перестрелки от какого-то гидравлического пресса, убедился в целости этой довольно важной части лица и затем протянул Такахару шкатулку со специями.

— Ты чего-нибудь соображаешь в кулинарном искусстве, а, Майджиб?

Механизм помещался в хромовой капсуле, капсула была забрана керамическими щитами, а уж эти щиты граничили с таким заповедным «нечто», после которого следовала одна лишь пустота.

Механизм безнадежно устарел и заметно обветшал, однако продолжал функционировать — функционировать ради одной-единственной цели. Впервые за несколько последних тысячелетий появилась необходимость активизировать движение электронов. Компьютер, созданный когда-то по последнему слову техники и по-своему заслуживавший даже право называться как-нибудь иначе (но мы все-таки договоримся называть его просто компьютером), начал просчитывать возможные варианты решения Проблемы. Да, он был спроектирован и построен для решения одной-единственной Проблемы. Он мог выполнять до миллиарда операций в секунду — также для решения одной-единственной Проблемы. Простейшей Проблемы.

Механизм свел всю имевшуюся у него информацию в резервный маргинал и заработал сразу в двух направлениях. Во-первых, стал выпасать Проблему на переразложенческих пастбищах, а во-вторых, принялся изыскивать способ скорейшего пробуждения Хранителя. Вся суть заключалась в том, чтобы выцепить в памяти нужные включения стимулятивного характера.

— Ну, малышка Джапуровак, что тебе удалось выяснить?

Тщедушная врачиха, задрав головку, вызывающе посмотрела на капитана. Ее несомненная принадлежность к классу насекомых была просто обворожительна! Да, такой мухи-сирфиды свет еще не видывал. Но сейчас симпатичное личико Джапур сильно смахивало на морду чудовища. Подобное сходство достигалось (не нарочно!) посредством специальных окуляров, красовавшихся на носу у врачихи. Очки являлись по сути своеобразным аналитическим устройством и были снабжены высокочувствительными датчиками, позволявшими транксу выстраивать в своих мозговых полушариях адекватный реальной действительности видеоряд.

— Скажите-ка мне вот что, капитан, — попросила Джапур, накренив голову вправо. — Если вам так хочется получить анализ содержимого этих злосчастных флаконов, то почему вы не обращаетесь в таможенную службу Реплер-Сити? Там оборудование для всевозможных исследований куда совершеннее нашего.

— Оборудование может и совершеннее, но вот сами работники... Вы, малышка, вдесятеро умнее и сообразительнее всех их вместе взятых!

— Думаете, я вам поверила? Ничуть. Льстивые речи не собьют меня с толку! Вижу, что вы заключили себя в поистине непробиваемый панцирь. Ну и ладно! Я сделала все, о чем вы просили меня. Результаты проведенных анализов таковы, что мне и думать не хочется, будто кто-то намеревался укокошить вас из-за столь никчемных пузырьков.

— Послушай, милочка, ты и впрямь дозналась до чего-нибудь, или просто продолжаешь тянуть резину, боясь сознаться в собственном бессилии?..

Джапуровак выпрямилась во весь свой четырехфутовый рост и изобразила на лице крайнюю степень негодования. Она была чувствительнее прочих членов команды к различным колкостям.

— Хотелось бы не обращать внимания на вашу грубость, но если вы и в самом деле не верите в мои силы, то...

— Ну хватит, хватит, сдаюсь! Не надо злиться. Ты же прекрасно знаешь, что «Умбра» пропадет без тебя.

— Так-то лучше, — мигом смягчилась Джапур. — Следите за своей речью, капитан, ведь я как-никак леди! Впрочем, перейдем к делу. Проанализировать принесенные вами материалы было довольно легко. Я провела механическую сепарацию содержимого флакончиков, причем несколько раз, чтобы не ошибиться в конечных выкладках. Мне хотелось выделить все компоненты из каждого порошка. Вы, капитан, оцените мою скрупулезность, когда ознакомитесь с отчетом.

Хаммураби возвел очи горе (потолку). «Ну зачем я взял к себе на звездолет эту несносную выскочку? — размышлял Мэл, старясь унять

волнение. — Других врачей не было, что ли? Она же терроризирует весь экипаж! Мнительная, обидчивая, спесивая, взбалмошная, бранчливая и прочая, прочая... Так почему взял? Да потому, что специалист серьезный! Таких докторов — раз, два и обчелся!»

— В специях содержаться на самом деле такие наркотические вещества, — продолжала сирфида, — как твип, шифтра, валтурний-А и валтурний-Б. Последний, надо признать, имеет довольно приятный вкус.

— Что еще?

— А много не покажется? Нет? Ну-у, есть и еще кое-какие штучки. Во-первых, два сильно действующих наркотика: барбитураж и так называемый «крэк». По нынешним ценам каждый такой флаконч ик потянет тысяч на пять кун.

— Оба наркотика принадлежат к группе искусственно добываемых, да?

— Абсолютно верно. Для того, чтобы производить их в больших количествах с применением специальных фильтров, нужно располагать серьезной производственно-технологической базой и штатом высококвалифицированных специалистов, в том числе — гениальных варщиков. Но, Малькольм, какое вам дело до того, как приготовляют наркотики?

— Да уж больно понравились мне миляги-тюлени на Ларгессе — издалека начал капитан. — Они показались мне честными, дружелюбными и довольно дельными созданиями. Мне доводилось слышать о том, что эти увальни торчат от химии. Но может статься, что и не они вовсе виноваты. Думаю, Ларгесса не больше, чем незначительная станция на Великом Винтовом Пути... Нет, не надо, милая, не отвлекайтесь больше, хорошо?

— Хорошо, слушайте. Один из флаконов был наполнен героином очень высокого качества. Этот наркотик предназначался, судя по всему, для лиц с традиционными вкусами. Но больше всего я поразилась тому, что в нескольких находилась одна из отвратительнейших разновидностей дури — винт. За него вам дадут целое состояние.

Это известие буквально ошеломило Хаммураби. Бесспорно, слухи о возобновившемся потоке джастера или винта, как называли его сами нарики, доходили и до капитана «Умбры». Но столкнуться с такой штуковиной вплотную и чуть-чуть не отведать ее — совсем другое дело! Мэлу опять пришли на память добродушные физиономии ларгесских тюленей. Бедные ластоногие так же, как и приматы, крайне чувствительны к воздействию винта. Что и говорить, пригодность наркотика практически для всех живых организмов в Галактике значительно повышала его ценностные характеристики. Винт был в ходу едва ли не на каждой второй планете!

Надо же, Мэла заставили исполнять роль мальчишки-разносчика! «Интересно, — не без злорадства подумал капитан, — каково будет тому пареньку, которому предназначалась посылка? Представляю, как он замечется в поисках пропажи, когда сообразит, что адресованный ему контейнер угодил в грузовой отсек другого звездолета!»

— Итак, — сказал Хаммураби вслух, — вы произвели полную сепарацию наркотиков, не правда ли, док?

Джапуровак надменно засучила лапками над головой.

— Да, произвела. Все было сделано вполне добросовестно, а посему мне хотелось бы, чтобы вы, Малькольм, называли меня «корабельный лекарь», как положено и как призывает к этому штатное расписание. Ваше небрежное «док» меня не устраивает! И помните, что вам страшно повезло: отведанный вами порошок не был джастером!

— Простите, док... корабельный лекарь. Н-да, но разве вам ничего неизвестно о нашей, человечьей, привычке употреблять всякие прозвища и аббревиатуры?

— Прошу вас, капитан, не нужно говорить о привычках и пристрастиях, когда перед нами — наркотики. Меня и так с души воротит от всех последних делишек. Для нюхачей винт вдвое опасней, чем для «летчиков», а поскольку мои органы обоняния расположены на передних лапках, то пришлось соблюдать найстрожайшие меры предосто-

рожности. Повторяю, замазывать джастер в вену гораздо безопаснее, нежели вбрасывать в кровь через дыхательные пути.

Джапур схватила со стола кварцевый флакончик с белым порошком, представлявшим серьезную опасность для всех живых существ.

— Это и весь джастер, что у нас есть?

— Трудно сказать точно. Однако после сепарации всех предложенных вами веществ, я еще поместила шкатулку с хрустальными пузырьками в стерилизатор. Оставшийся шлак я перемолола в мельчайший порошок, каковой порошок затем расплавила в тигле и с автоматическим курьером отправила за пределы гравитационного поля планеты. Засим лаборатория была обработана особо мощным дезинфецирующим препаратом. Не приходиться сомневаться в том, что все вредные органические соединения после данной обработки нейтрализовались. Это стоило мне хорошенькой кожаной опояски, которую я позабыла надеть вовремя.

Хаммураби опасливо принял из лапок прелестной Джапур пузырек и заявил:

— Не горюй, я тебе новый ремешок куплю, в сто раз лучше прежнего. На нем даже особые кармашки будут понашиты: для духов, притираний и прочих штучек!

Капитан заметил, что удерживаемый им пузырек имеет чрезвычайно прочные стенки. Кристаллики винта зловеще поблескивали при свете люминесцентных ламп сквозь толстые фасеты емкости. Если только одну щепоть этого зелья растереть в пудру и поместить в вентиляторные наддувы космобота, то экипаж последнего, даже самый крепкий, перемрет самое большое в неделю! Герметичность сосуда, впрочем, не вызывала сомнений. Чтобы растворить агглютинирующие смолы, которыми была залита пробка из пермаллоевого силоксана, следовало воздействовать на них высококонцентрированным раствором соляной кислоты.

— Кажется, ты неплохо разбираешься в ценах на подобный товар, Джапур! Как ты думаешь, сколько примерно может стоить такая вот баночка джастера или, как называют его сами торчки, винта?

— Каждый лекарь обязан знать, сколько стоят необходимые ему инструменты, препараты и даже сопутствующие материалы... У транкса, к примеру, аллотропно-виациновые соединения могут вызвать упадок сердечной деятельности и даже полную остановку сердца — и все это без видимых осложнений. Благодаря такому замечательному свойству транксов их оперируют без обезболивания, без применения наркотических веществ, в том числе и столь популярного «соломенного дергуна». Кроме того, пациенту нисколько не угрожает смерть от излишней потери крови. Зачем я все это говорю? Затем, чтобы дать вам понять, капитан, насколько относительны все наши понятия, и понятие о стоимости, дороговизне — в том числе тоже. Для меня лично флакончик не представляет абсолютно никакой ценности. Думаю, что и для вас, капитан, он не слишком интересен. Ну а наркоман или, как вы говорите, торчок отдаст за него все! Любой потребитель винта (опять выражения) в Галактике ради кубика зелья отдаст друзей, родителей, маленьких деток, даже собственные конечности! Экспьюир бьестахт аль дю фемпт! — добавила врачиха на чистейшем языке транксов.

— Прошу прощения? — переспросил Хаммураби, так и не давший себе труда за все годы службы на флоте выучить хотя бы один иностранный язык.

— Меня бы стошнило, говорю, от всего этого, — пояснила Джапуровак, — даже если б я была не более, чем зародышевое пятнышко!

— А, понятно, — кашлянул в кулак Хаммураби, — теперь понятно. Возьми обратно, — добавил он, протягивая флакон сирфиде, — эту гадость и попридержи у себя. Я, тем временем, попытаюсь связаться с одним пожилым человечком...

Солдат А-Анн приблизился к сановным варанам, растопырил пальцы на своих когтистых лапищах и слегка поклонился, причем, в знак приветствия на его горле гигантским клином отвисла чешуйчатая борода.

— Ваше превосходительство! Сооружение камеры для чудовища завершено!

— Молодцом, инженер, — важным баском проговорил один из варанов, Парквит, генерал-губернатор а-аннианских колоний на Реплере, главнокомандующий вооруженных сил Его Императорского Величества. — Примите мои поздравления, Вайя Шестой! Полагаю...

— О, для меня это большая честь, ваше превосходительство! — перебил губернатора польщенный солдат.

— Передайте также инженеру Виньяру Первому мои поздравления в связи с успешным выполнением столь сложного задания. Это, впрочем, касается и всего коллектива! Вы управились со строительством, — тут губернатор бросил взгляд на запаянный в рубиновый перстень хронометр, — досрочно! В своем отчете я обязательно упомяну о сдаче объекта и его вводе в эксплуатацию! Надеюсь, мне удастся убедить генералитет как следует отблагодарить инженеров, проектировщиков, техников и простых строителей, трудившихся над камерой не жалея сил!

— Многая лета всему вашему потомству, господин главнокомандующий! — снова поклонился и благоговейно выпростал бороду Вайя. Парквит поежился от раздражения: подобострастие этого салажонка коробило его.

— Прекратите, Вайя, свои штучки, не то у вас лопнет шея!

Солдат без долгих разговоров повернулся на пятках и засеменил прочь.

— Ну а теперь, господа, — обратился губернатор к своим спутникам-варанам, — приношу свои извинения за то, что непростительно долго беседовал с глупым инженеришкой. Кстати, Кармот, познакомьтесь с Аррисом-старшим, Первым ксенобиологом. Арриса недавно повысили, он теперь заведует здешней научной станцией, также принимающей участие в осуществлении проекта... Раньше на такие плебейские формальности, как повышение по службе, мы вообще не обращали никакого внимания, — излишне разветвленная субординация работников только мешает ходу общего дела, но с тех пор, как генералитет ввел новые строгие правила...

— Наш первый психиатр Бейруджи был гораздо уместнее в должности зава станции, — непринужденно вступил в разговор Аррис. — Такое количество замечательной дичи, называемой здесь туристами и тщательно оберегаемой от нас, такое насилие над собственной природой, обуздание естественных потребностей, наконец такое количество воды, от которой уже тошнит... везде, везде на этой планетишке вода...

— О, не продолжайте, пожалуйста, — перебил Арриса Кармот, — я обо всем прекрасно осведомлен. Мне вполне хватило беглого взгляда на Реплер с борта парома, чтобы... мда... Так вот, я не принадлежу к числу сильных и выносливых особей нашей замечательной породы. Список моих недугов столь обширен, что рад солидаризоваться со своим коллегой в воззрениях на эту планету.

— Более подходящей для нашего знакомства тирады вы, право, не могли и придумать, — восхищенно проговорил ксенобиолог и, поджав когти, стиснул Кармоту глотку. Тот ответил тем же, и в этом и состояло пылкое взаимное приветствие двух крупных ученых.

— Ваша репутация безупречна, досточтимый Аррис, — просипел Кармот. — Знакомство с вами — большая честь для меня.

— Но открытие, пробудившее от спячки весь ученый мир, сделали именно вы! Никогда еще наши просьбы о высылке необходимого для опытов оборудования не удовлетворялись с такой быстротой. Конечно, торчать на Реплере — каторга, но я профессионал, и главный источник наслаждений для меня — моя работа!

— Понимаю, понимаю. Но все-таки здесь так сыро!

— В закрытых помещениях мы стараемся поддерживать необходимый для обеспечения нормальной жизнедеятельности температурный режим при помощи специализированных устройств. Так же регулируется влажность воздуха. Но если бы вы видели, каково приходится новичкам, работающим под открытым небом! Это своего рода чистилище, — Аррис облизал белым языком пятнистые губы,—

отсеивающее тех, кто послабее. Полагаю, что ваш открытие оправдает наших ученых, изо всех си старающихся уговорить власти не закрывать ста цию и для того кичащихся несуществующими д стижениями!

— Прошу прощения, господа, — вмешался гла нокомандующий, — но раз все инженерные работ завершены, не следует ли нам поторопиться, а не т проглядим погрузку этого странного существа! Вр мени до начала операции остается довольно мало!

— Конечно, конечно! — возопил ксенобиолог ринулся вперед, возглавив таким образом всю группу. — Мне очень хочется верить в то, что проделанная работа позволит Империи получить хотя бы небольшое преимущество в борьбе с гуманоидами! Кто знает, может быть, завтра вспыхнет очередная война...

— Очень возможно! — кивнул Парквит.

— Неужели вы так думаете, капитан? — изумился Кармот.

— Я имею нечто вроде предчувствия, тут точное знание не обязательно. Когда пророки провозгласят, что время пришло, мы ринемся в бой снова! А пока что постараемся сдержать себя. Каждый должен жертвовать будущей победе, даже если битва и не начиналась. Когда мне приходиться гостить в Реплер-Сити, то бывает очень трудно избавиться от того, что смотришь на гуманоидов скорее с позиции кулинара, нежели с позиции дипломатического деятеля.

— Недурно сказано, — пропыхтел Аррис, когда они огибали очередной облупившийся угол.

Уже довольно значительное время Вом ощущал вокруг себя наличие богатой кислородом атмосферы. Это означало, что его рецепторные и аналитические центры функционируют нормально, хотя о радикальном улучшении общего состояния говорить еще было рановато. Вом чувствовал, что он находится в каком-то сверхпрочном металлическом контейнере между двумя источниками мощной энергии. Догадка его была верна: эти источники — двигатели звездолета. Гравитационное поле незнакомой планеты также достаточно ясно давало о себе знат

Нет, Вом был слаб, страшно слаб, и понимание собственной слабости делало его необычайно осторожным.

Конечно, для того, чтобы освободиться из плена, сил хватало уже вполне, но нечего было пока что задумываться об этом всерьез. «Жди и наблюдай!» — вот что подсказывали Вому тысячи нервных ячеек. И он ждал и наблюдал, хотя давно уже мог бы растянуться тонкой пленкой по поверхности той планеты, на орбиту которой вышел звездолет, или схорониться где-нибудь в скалах, сложившись в ком...

Парквит и двое ученых вошли в наспех сооруженное зданьице, где располагался центр управления исследованиями. Отсюда должны были поступать все указания по проведению опытов с привезенным недавно существом. Этот бункер находился на куда большей глубине, чем прочие постройки станции а-аннианцев. В момент отлива глубина составляла пятьдесят четыре фута. Под таким слоем темно-синей воды трудно было разглядеть что-либо. На мониторах появлялись виды интерьера спецпомещения, спокойной поверхности воды и серого неба. В исследовательском центре кипела лихорадочная деятельность. Везде бегали техники и механики, производя проверку оборудования и состояния электропроводки. Группа инженеров и какой-то пучеглазый ученый вели между собой спор о том, каким образом должны функционировать магистральные блоки установки.

Ксенобиолог ткнул пальцем в один из самых больших мониторов, на экране которого изображалась огромная прямоугольная выемка в морской глади, окруженная коралловыми рифами. Большинство рифов было изготовлено искуственно, руками наиболее опытных, а-аннианских мастеров по части камуфляжа.

— Камера находится на дне коралловой шахты, — сказал Аррис Кармоту. — На той же глубине, на которой находится и наш центр управления исследованиями. Сейчас заканчивается прокладка кабелей, и я пока еще не вправе снимать предохранительную панель. Но по завершении работ мы

сможем наблюдать прямо отсюда за всеми действия чудовища. Меня заверили, что с давлением и температурой все будет в полном порядке. Стенки нашего бункера изготовлены из чрезвычайно прочных сплавов и при необходимости могут быть мгновенно демонтированы. Точно так же, как и бутафорские рифы. Шахта, через которую чудовище введут в его камеру, опять-таки разборная. Едва только монстр попадет в свое новое жилище, рабочие растащат по блокам эту шахту. Животное окажется не только запертым в литом сферосе, но и вдобавок отделено от поверхности сорока тевверами морской воды. Будем надеяться, что и стенки камеры, и толща солевого раствора являются для него преградами... Остается выяснить только, нужно ли нам поддерживать в сферосе ту микросреду, которая окружала монстра на родной планете. Впрочем, уже сейчас понятно, что существо легко адаптируется к каким угодно условиям!

— Но об этом его свойстве мы имеем пока что только предварительные сведения, — напомнил Кармот.

— Верно, но в общем нам, конечно, повезло: ученые смогут производить свои наблюдения практически без применения громоздких аппаратов. Более того, даже защитные одежды многим не понадобится натягивать на себя. Нужно только обеспечить станцию значительным количеством баллонов со сжатым воздухом. В этом, по сути, и заключаются требования техники безопасности. Однако нужно помнить и о том, что чудовище, если верить показаниям датчиков, способно разлагать громадное количество соединений и в известной мере представляет собой двигатель внутреннего сгорания с необычайно высоким коэффициентом полезного действия.

— Пожалуй, уже одно это говорит о многом, — заметил Парквит и добавил, указывая на небольшой монитор: — А, вот они и появились наконец.

Ученые сгрудились у экрана, где видны были три быстро двигавшиеся рядком точки: наблюдатели очень скоро сумели различить в них два космических парома типа «Афон» и какой-то массивный

предмет эллипсоидной формы, зажатый этими паромами, точно кусок ветчины — ломтями хлеба.

— Да здравствуют пилоты Его Величества, господин главнокомандующий, — в восторге вскричал Кармот, — великолепное маневрирование!

— Расстояние они выдерживают правильно, нагрузку между собой распределили весьма разумно, с поправкой на сопротивление нижних слоев атмосферы... Что ж, — согласился Парквит, — прекрасная работа! Уверен, что выполнение столь ответственного задания поручено наиславнейшему выводку молодых змей-пилотов!

— Можно только догадываться, с каким трудом выбираются эти наиславнейшие, — заметил Кармот.

— Да, — спокойно проговорил Парквит, не отрывая взгляда от монитора, — по эту сторону Отчей Ойкумены вовсе не существует космических паромов, способных транспортировать подобный груз. Слишком много времени для переброски в эти дикие края мощных а-аннианских судов, да и гуманоиды непременно заитересовались бы такой переброской: зачем, дескать, и для чего? Паромы же типа «Афон» уже достаточно примелькались, их эксплуатация не вызовет никаких подозрений. И все-таки... м-м... все-таки мы действуем слишком открыто!

Оба парома спустились чуть ниже прежнего и приблизились к горловине коралловой шахты. Со дна последней тотчас поднялась гидравлическая платформа-лифт, и на нее груз был опущен без всяких проволочек. Сложная, очень сложная операция! Размотаем клубочек...

Вся трудность предприятия заключалась в том, чтобы сбросить транспортируемый предмет в ту самую минуту, когда платформа достигнет венчика шахты и мягко примет тяжелую ношу. Если поднятие платформы и ослабление крепежных зажимов на паромах не совпадут по времени, то последствия такого просчета будут просто катастрофические!

Оба «Афона» разлетелись в разные стороны, а затем врубив ускорители, устремились ввысь, к ракете-носителю, кружившейся на орбите Реплера. Если все пойдет так, как задумывалось, без откло-

нений, то никто не узнает об операции, поскольку экраны радаров в Реплер-Сити останутся мертвы. Не то, чтобы гуманоиды могли воспрепятствовать осуществлению проекта (а-аннианцы диктовали свои права всюду, где им удавалось появиться), но все-таки лучше было не связываться с реплерианскими — и не только! — бюрократами, склонными портить самые прекрасные начинания. Но слава Яйцу и его непорочным жгутикам, в радиусе действия детекторов находилось всего несколько охотников и собирателей, едва ли располагавших какими-нибудь приемниками. Никто и ничего не заметит!

Операторы гидравлического лифта умело опустили контейнер на дно шахты. Басовитый и несколько скрежущий звук, донесшийся из глубины «колодца», возвестил об окончании спуска. Горловину шахты тотчас затянули толстые металлические панели, образовав теперь уже постоянную крышу над опасным контейнером. Буксиры с дистанционным управлением мигом растащили в разные стороны бутафорские рифы. Над оправленным в металлический куб сферосом не осталось ничего, кроме мощного слоя морской воды.

— Ну вот и все, — облегченно вздохнул Парквит, посасывая кончик своего хвоста. — Пусть теперь над этой водной гладью летают все, кому не лень.

— Выходит, с воздуха наше сооружение не может быть обнаружено? — полюбопытствовал Кармот.

— Не может, — кивнул головой Парквит. — Сверху камера ничем не отличима от обычного валуна на морском дне. Для пущей правдоподобности, на крыше контейнера действует станция юннатов, занимающаяся разведением рыбок. — Тут главнокомандующий перегнулся через перильца наблюдательной площадки и заорал в соседнюю комнату: — Эй, кто там на связи?

Из лабиринта мониторов выбежал стройный техник и, задрав голову, доложил:

— Все чисто, господин главнокомандующий!

— Ну и чудненько! — Парквит повернулся к Аррису и Кармоту. — Остается только выпустить животину из сфероса и приступить к проведению

научного эксперимента. Хочу, будучи вараном военным, лично убедиться в том, что чудовище способно без вреда для себя выдерживать мощнейшее лазерное излучение...

Вом отдыхал внутри своей металлической раковины. Его сверчувствительные органы восприятия фиксировали сигналы, поступавшие извне. Все еще чувствуя невыразимую усталость, Вом был в состоянии проводить различие между микросредой непосредственно в сферосе и микросредой за его пределами. Было совершенно ясно, что за толстыми металлическими стенами бункера — какая-то жидкость. Содержание кислорода в этой жидкости необычайно велико, но кислород перемешан с водородом. Над жидкой средой опять начиналась среда газообразная. Очевидно, на данной планете существуют обширные водоемы.

Вом обнаружил целое сонмище разумных существ, выделявших огромное количество энергии. Неразумные существа пребывали в состоянии спячки. Исследовав близлежащие районы океана, Вом сделал потрясающее открытие: жидкость буквально кишела живыми организмами! Сие изобилие не столько восхитило Вома, сколько изумило — так давно он не ощущал присутствие рядом с собой носителей биоэнергии, поставщиков питания. Густая населенность здешних мест озадачила Вома. Анализаторы подсказали пятну, что разумная деятельность туземных организмов находится на крайне невысоком уровне и столь же невысока степень излучаемой ими сытной энергии. Впрочем, количество в настоящем случае вполне компенсировало качество.

Был момент, когда Вом надумал потратить на исследование непривычной среды немного энергии. Где-то на периферии органов восприятия у него еще оставался один (а может, целых два?) заряда высококачественной жизненной силы!

Вом колебался. Ему все еще достаточно трудно было мыслить четко и ясно. Долго ли еще дожидаться того момента, когда процесс регенерации завершится и можно будет приступить к полномасштабной экспансии? Для этого следовало немедленно

перекусить разумными существами, а не бессмысленными протеиновыми соединениями!..

Около десятка а-аннианских техников, забравшись в небольшие ныряющие блюдца и снабдившись бензопилами, устремились в глубину моря к метталическому сферосу. Облепив железяку, рептилии приготовились распилить ее на куски. Ученые полагали, что существо, выйдя из импровизированной раковины, примется с удовольствием плескаться в бетонной вольере, отгроханной прямо на грунте. В самом деле, не находилось оснований для того, чтобы предположить какую-нибудь иную модель поведения этой твари.

Вом размышлял, но чувство голода заметно одолевало доводы разума.

До слуха пятна донесся скрежет разрезаемого металла и визг пил. Сферос лопнул сразу в нескольких местах. Из трещин полезло черное Нечто и мгновенно поглотило техников вместе с их ныряющими блюдцами. Все произошло так быстро, что несчастные подводники даже пикнуть не успели. Пятно пожрало и металл, и живую плоть. Вом стремительно растекался на все четыре стороны, заполняя собою бетонную вольеру, больше походившую на склеп.

Двое биологов вели наблюдения неподалеку от массивной двери камеры. Они задали хорошего тягуна, как только сообразили, что за опасность им угрожает, и едва успели ускользнуть от густо-черного пятна, которое ударилось с силой в водонепроницаемую дверь через секунду после того, как ее захлопнули за собой ученые. Вом сообразил, что вставшая у него на пути преграда — дело рук вполне разумных тварей, и мигом произвел детальный анализ барьера, за коим находилась столь вожделенная пища. Довольно несложный сплав металлов, Вому более чем хорошо известный. Оценив сопротивляемость и плавкость сплава, пятно выбросило вперед нечто вроде пары тончайших щупалец, вырабатывавших тепло. Дверь раскалилась добела и потом потекла, как воск.

Первым на это происшествие отреагировал Парквит. У всех присутствующих молнией промелькну-

ла мысль о том, что они столкнулись с воплощенным голодом в лице некоего невиданного космического чудовища. На какое-то мгновение мысли и чувства рептилий оказались разбиты параличом.

— Закрыть все двери и задраить все люки в трубе, ведущей в склеп! — раздался крик минуту спустя после трагических событий. — А также двери и люки в отсеках шесть, семь, девять!

Все немедленно пришли в себя, и помещение сделалось похоже на осиное гнездо. Команды Парквита вынудили техников действовать быстро и решительно.

Металлическая дверь растаяла, и Вом получил доступ в первый отсек трубы-туннеля. Алчный, требовавший мощной и неотложной подпитки разум чудовища отыскивал, чем бы поживиться. И вот еще две молодых игуаны вместе со скафандрами для работ в открытом море оказались в текучем чреве Вома. Эти две не успели проскочить в двери второго отсека: приказ Парквита опередил их! Однако энергия, полученная Вомом, была значительно меньше ожидаемой, так как в ту самую минуту, когда он прорвался сквозь преграду и потек к игуанам, одна ящерица успела умертвить свою товарку и затем направила тонкий луч лазера непосредственно в собственное сердце. Да, в рассуждении калорийности смерть этой парочки сильно отличалась от той, которая прибрала отважных подводников вместе с их крохотными батискафами.

Парквит судорожно отдавал приказы работникам шестого, седьмого и девятого отсеков.

— Включить энергию! — ревел он.

Физик Пьорн перевел растерянный взгляд с приборной доски на главнокомандующего.

— Господин Парквит, нельзя ли немного подождать, ведь магистральный кабель еще не прошел испытаний. Теоретически все еще существует возможность...

— Да пошел ты в клоаку, куда открываются мочевые протоки матушки Бибитур! — гаркнул на физика Парквит. — Мне начхать на твои теоретические предположения, сопляк! Время испытаний настало, вот оно! Если твои опасения существуют

только в гипотетическом виде, то наша смерть — уже почти реальность. Включай установку на полную мощность, и не вздумай занижать выброс энергии...

— Слушай, сэр! — пробормотал Пьорн и разом щелкнул двумя тумблерами: желтым и коричневым. Крутя ручки, физик заклинал демонов пыли не разрушать недавно смонтированную установку.

Каждая клеточка Вома содрогнулась от жутчайшей боли. Пятно подверглось воздействию электротока в несколько миллионов вольт. Стенки туннеля находились под напряжением. Ослабленный организм Вома не мог вынести подобной атаки, его клетки не сумели перераспределить энергию. Он начал двигаться, сокращаясь и сжимаясь, в сторону того участка стального пола, который не был под напряжением. Организм Вома находился в состоянии агонии. «Просчитался, просчитался!» — вопила каждая клеточка и отключалась, стараясь избежать окончательной гибели. Те клетки, которые пытались перераспределить электрический ток, погибли немедленно. Первыми же пали те, которые помещались на периферии.

И все-таки Вом не погиб!

— Постепенно снижайте вольтаж! — скомандовал спустя несколько минут Парквит.

Вом давно уже находился в неподвижном состоянии, но главнокомандующий решил, что не грех и перестраховаться. Пьорн, исполняя приказ, выключил установку и принялся внимательно следить за показаниями приборов.

— Все отсеки выдержали! — радостно доложил физик.

— Спасибо, спасибо всем вам, ребята, — сказал Парквит, а двум биологам крикнул: — Следуйте, пожалуйста за мной, почтенные жители пустыни!

Все трое спустились в рубку. Острый глаз Парквита выделил из множества обслуживавших мониторы рептилий нужного ему сотрудника. Это было пожилое пресмыкающееся, нечто вроде геккона, сидевшее на стульчике в окружении тысячи стеклянных коробочек со стрелками.

— Ну что, Амостром, дуэль окончена?

— Не могу пока сказать ничего определенного, господин главнокомандующий. Если верить показаниям компьютера, это гнусное пятно все еще живет!

— Невероятно, — беззвучно прошептал Аррис.

— Довольно странно слышать такие слова от ксенобиолога, — ухмыльнулся Парквит.

— Но право же, я не припомню, чтобы где-нибудь во Вселенной существовал организм, способный выдерживать хотя бы десятую часть поданного в вольеру вольтажа в течение более чем пяти-семи миллисекунд! Думаю, что наше пятно, вне всяких сомнений, утратило способность здраво рассуждать.

— А оно обладало таковой способностью? — облизнулся Парквит.

— Не кощунствуйте, сэр! — с укоризной проговорил Аррис. — Ведь столько наших братьев погибло! Не вовсе же безмозглое создание пожирало их с такой настойчивостью, а? Но теперь чудовище парализовано и никогда уже не сможет возобновить свою прежнюю деятельность. Регенерация в настоящем случае абсолютно немыслима! Так что, незачем спорить о том, насколько живо или насколько мертво животное. Это споры, скорее, из области языкознания (раздел «Семантика»), нежели из области биологии.

— Вероятно, вы правы, — насупился Парквит. — Но если нет, то в биологической науке назреет необходимость серьезных реформ! — Главнокомандующий воззрился на экран: — Если монстр жив, то почему он не двигается?

— Всякие «если» отпадают, — заметил Амостром, — так как приборы ясно свидетельствуют о том, что чудовище живо! Конечно, оно ослаблено, даже искалечено, но... наступления смерти констатировать не приходится!

— И в какой же степени ослаблено существо? — полюбопытствовал Парквит.

Амостром пожал чешуйчатыми плечами.

— По общепринятым меркам, пятно находится на грани смерти. Не исключено, что животинка и впрямь никогда уже не оправится, как об этом говорил нам глубокоуважаемый Аррис. Но вот толь-

ко дело осложняется тем, что наши стандарты не приложимы к данному созданию, тем более в вопросах жизни и смерти. Кто знает, чем закончится вся эта катавасия...

Парквит терпеливо выслушал геккона и, хмыкнув несколько презрительно, устремил взгляд на экран монитора. Телекамеры были сфокусированы на черной отвратительной массе.

— Ну что же, попробуем проверить все эти рассуждения опытным путем, — заявил главнокомандующий. — Для монстра необходим сильный внешний раздражитель... Кармот, Аррис — за мной!

— Прошу прощения, ваше превосходительство, — изумился консультант, — куда это мы собрались?

Парквит оглянулся на Кармота через покрытое броней плечо.

— Разумеется, в камеру к чудовищу. О каком же еще раздражителе, как не о нас с вами, может идти речь?

— Мне кажется, — холодно заметил консультант, — это не самое лучшее решение.

— Зато с точки зрения практической выгоды вполне целесообразное... Неужели в тесно сплоченных рядах пресмыкающихся появился трус?

Кармот зарделся.

— Это не трусость. Это благоразумие. В худшем случае — несколько обостренный инстинкт самосохранения!

— Понимаю, понимаю. И отнюдь не настаиваю на том, чтобы вы шли со мною!

— Не настаиваете? Ну, значит я иду!

Тяжелые и довольно громоздкие костюмы, покрытые броней, сильно сковывали свободу движений, и бойцы едва ползли вперед. Все это происходило оттого, что снаряжение предназначалось для работы в условиях невесомости, в открытом космосе. Использование же подобных бронированных шмоток на поверхности планет создавало массу неудобств для пользователей. Заказывая жесткие скафандры, Парквит в глубине души сомневался в их эффективности, особенно если гадкая скотинка снова надумает кушать ящериц. Анализы, сделанные

Амостромом, оставались по-прежнему довольно неясными, и уже эта неясность сама по себе наводила на мрачные мысли. В создавшемся положении броня имела скорее чисто психологическую значимость: она могла придать смелости таким мямлям, как Кармот. В общем-то, природа и без того снабдила рептилий своего рода естественной броней, а посему любые искусственные щитки, чешуйки и латы вызывали в пресмыкающихся почти что священный трепет.

Освещение внутри камеры было необычайно ярким и интенсивным. Его врубили тогда, когда заработала аварийная система энергопитания станции. Все предметы приобрели сероватый оттенок. Кругом валялись гнутые обломки металла — остатки сфероса, в котором транспортировалось чудовище. В иных местах прочнейший сплав растянулся, точно резина, и лопнул.

Загадочное существо покоилось в самой середине помещения. Громадное немое пятно поблескивало иссиня-черным блеском, производя близкое к гипнотическому, воздействие на тех, кто еще недавно сделался свидетелем его необычайной мощи. В этом существе таились ответы на великое множество вопросов.

Парквита, Кармота и Арриса сопровождали помимо до зубов вооруженной охраны, еще несколько добровольцев из числа станционных смотрителей.

Впереди всех шел солдат. Он медленно приближался к черной массе. Все остальные рептилии наблюдали за ним, затаив дыхание. Солдат не спеша обогнул пятно, постукивая по нему прикладом лазерной винтовки, после чего энергично взмахнул хвостом, точно успокаивая наблюдателей.

Издав звук, одновременно походивший на писк, и на шипение, ученые разбрелись по камере, испытывая и облегчение, и любопытство. Показалось, что температура внутри склепа повысилась. Двое специалистов затеяли по этому поводу бурную дискуссию у останков водонепроницаемой двери.

Несколько ученых зашныряли вдоль самой кромки монстра, а другие бросились исследовать обломки

металлического сфероида, в котором транспортировалось пятно.

Парквит не мог поверить, что в черной аморфной массе теплится еще какая-то жизнь. Краткие минуты взрывной деятельности чудовища казались теперь чем-то вроде дурного сна и понемногу отступали на периферию памяти.

Главнокомандующий повертелся немного около одного из ученых, пялившегося на пятно и часто-часто бормотавшего в свой диктофон какую-то чушь. Оказалось, старикан исследовал ком расплавленного металла, покоившегося почти в центре Вома. Что это за ком, угадать было нетрудно: из металла торчало предплечье ящерицы-агамы, еще не переварившееся в алчной утробе монстра. Конечно же, агама была техником с ныряющего болюдца и высвобождала инопланетного гостя из его металлической раковины.

Парквит заметил, что Аррис внимательно приглядывался к тем местам, где пятно касалось пола вольеры. Ксенобиолог весело махнул главнокомандующему лапой.

— Ну что, — церемонно осведомился Парквит, — удалось вам сделать какие-либо предварительные выводы?

— Н-не знаю, — промямлил ксенобиолог, — я все никак не приучу себя к мысли, что перед нами действительно живое существо, а не куча грязи. Какое-либо личное отношение в этой мрачной штуковине мне выработать пока что довольно трудно.

— О, тут все наверняка разделяют ваши чувства. Но если можно, расскажите о самых первых впечатлениях...

— Если о первых разве что... гм... Предположим, приборы Амострома необычайно точны. Тогда следует думать, что пятно способно на какие угодно поступки в какое угодно время. Однако, сдается мне, что мы нанесли животине ничем уже не поправимый урон. Регенерация тут не поможет. Но нужно не забывать и то, что объем и уровень организации непосредственно мыслительного аппарата существа нами еще не выяснены. А ведь это самая важная деталь...

— Неужели вы считаете, что данная субстанция настолько разумна, что сумеет научиться чему-нибудь на собственном же опыте?!

— Да, именно в силу этого чудовище так пассивно сейчас. Оно набирается ума-разума, хотя я и не уверен, что приписывать характер разумного действию, которое очевидно было спровоцировано чисто физиологическими возбудителями! Впрочем, не думаю, что скотина захочет еще разок отведать угощения Пьорна. Особенно после столь мощного электрического шока. — Ксенобиолог поскреб когтем чешуйчатый затылок. — Мне бы хотелось с вашего, господин главнокомандующий, разрешения проследить за тем, чтобы все наши эксперименты проходили в строгом соответствии с распорядком!

— Да́, конечно. Начинайте немедленно!

Внезапно Парквит увидал Кармота и подошел к нему. Консультант видимо трусил и жался к стенкам вольеры, боясь даже коснуться черного пятна на полу.

— Что-то вы попритихли, мой друг!

Озабоченное лицо Кармота нисколько не удивило главнокомандующего.

— Попритихнешь тут, — громким шепотом проговорил консультант. — Я вижу, что недавние выходки этого монстра, гибель товарищей, громадный материальный ущерб не насторожили нас. Мы по-прежнему недооцениваем инопланетного изувера в образе пятна! Конечно, инженеры сконструировали замечательную установку, в считанные секунды обуздавшую прыть чудовища и произведшую на меня лично сильнейшее впечатление! Конечно, мы наверняка исчерпали запас энергии зловредного уродца, и первый всплеск его разрушительных эмоций безусловно окажется последним перед заточением и неминуемым расчленением. И все-таки, — добавил Кармот после некоторой паузы, — мне не хотелось бы, чтобы нами овладело самодовольство! Уверен, еще не конец драмы, вот увидите...

Парквита пессимизм Кармота не слишком поразил. Скорее, следовало удивляться тому, что в речах консультанта явно скрыты были намеки на некомпетентность и зазнайство некоторых официальных

лиц. Нет, ученому, состоящему на службе Его Величеству, такие выпады решительно не к лицу!

— Вы бы, разумеется, предпочли, чтобы таинственное существо было немедленно расчленено именно сейчас, не так ли? — скривился главнокомандующий, окидывая Кармота презрительным взглядом. — Сейчас, когда во имя науки положили свои животы многие наши товарищи?!

— Да! — почти прокричал Кармот с таким выражением лица, какого Парквиту еще не доводилось видеть у консультанта. — Именно сейчас! — провизжал в какой-то яростной решимости Кармот. — Немедленно! Иначе оно вновь наберет силы, и тогда уже всем нам не сдобровать! Сделайте это, причем в силу вами же приведенных обстоятельств!

— Мною? — ошеломленно выдохнул Парквит.

— Вами! Или вы уже забыли о погибших? Добейте тварь, добейте! Вам не скрыть вашей робости и растерянности, Парквит!

— Вы правы, — тихо проговорил главнокомандующий. — Но нам следует изучить черное пятно. Не ради ли этого изучения гибли агамы? Способность поддерживать жизнедеятельность организма после немыслимых перегрузок слишком уникальна, грешно упускать такой шанс. Мы должны разгадать механизм выживания, скрытый в чудовище. И я не отступлюсь от этой задачи только из-за гнусных личных страхов и опасений!

— Что ж, — разом обмяк Кармот, — будем надеяться, что страхи останутся необоснованными...

Закручинившийся консультант вернулся к своим занятиям. «Да, нас предают инстинкты!» — мысленно ухмыльнулся он, когда поймал себя на том, что подумывает отведать кусочек монстра. Впрочем, странные мысли входят в голову, когда случаются странные события.

Вом полностью расслабился и отдыхал, причем сознавая, что рядом находятся мириады разумных существ, из каковых многие ударяют его чем-то и больно колют. Он сознавал также, что наличие многочисленных приборов, отслеживающих функции его организма, излучает значительное количе-

ство энергии. Вом не сопротивлялся ничему, хотя почти инстинктивно искажал всю ту информацию, которую позволял собирать о себе всем этим агрегатам. Он не оказал никакого сопротивления даже тогда, когда его принялись вполне натуральным образом расчленять, то есть два каких-то ухаря оттяпали здоровенный кусище драгоценного вомова тела. В недавнем прошлом изуверы поплатились бы за свой проступок жизнью. Но нынче Вом был добр и все терпел. Правильно, нужно покаяться. Совершил ошибку — расплачивайся!

Ну и прекрасно! Вом сделается воплощенная покорность и послушание. Он будет податлив как труп (если, конечно, труп податлив!). Да и поразмыслить надлежит об очень и очень многом...

Итак, прежде всего: Вом недооценил своих противников. Что и говорить, при определенных условиях громадная толпа более или менее разумных созданий становится могущественнее одного сверхгиганта. Даже его, Вома, смогли одолеть на время эти козявки! Не следовало, не следовало так надеяться на свою сказочную силу! Вот она, расплата... Хотя выжить ведь удалось-таки! Разве это не удача? Неслыханная удача! Надо же, тысячи лет торчать на пороге смерти и не подыхать от жесточайшего истощения и вдруг — чуть не свалиться от атаки неких высоколобых букашек! А все неосторожность. Одна оплошность — и чуть было не вырубился на веки вечные.

Вом почувствовал, что полонившие его твари сбились в одну кучу где-то за границей первого контейнера. Пятно еще не было в силах читать мысли, но интерпретировать те или иные эмоции животных — уже могло. Вом заприметил длинные трубы, приваренные к каркасу вольеры с той стороны, где находилась помпа. Ага, похоже, собираются подавать жратву. Для чего бы еще понадобился им насос? Ну что ж, пускай накачивают: наверняка какие-нибудь паршивые органического происхождения отбросы... Вом принялся высчитывать время, которое понадобится ему на восстановление прежнего самочувствия. Оказалось, доволько немного времени потребуется... К тому же, существуют опреде-

ленные энергетические отстойники, где скапливается необходимая для нормальной регенерации жизненная сила!

Когда Вом окончательно оклемается, действия его будут носить куда более разрушительный характер, чем прежде. Теперь он станет придерживаться четкого плана. Мысль о том, что он в плену, тяготила Вома, почти что вызывала отвращение. Однако читать мысли своих тюремщиков было еще гаже: все они, как один, мнили себя победителями! Вом решил относиться к своему пленению, как к заслуженному наказанию за ошибки. Но скоро он наберется сил и... Конечно, до максимума потенциальной энергии весьма далеко покуда (слишком много органики пожирает ненасытная память!), однако для акта мщения хватит с лихвой! Время... главное немножко подождать. В ожидании — сила!..

Маленькой-маленькой девочке никак не могло быть более девяти-десяти лет. В страхе она нырнула в лесную чащу и спряталась, присев на корточки, за обомшелым валуном. Шел дождь. Капли теплой воды, стекая с древесных листьев, падали на рыхлую землю. Кроме шума валившейся с неба воды ничто не нарушало мертвенной тишины леса. Повсюду буйно и невоздержанно произрастали папоротники, хвощи, плауны.

В правой рученьке девчушечка сжимала малюсенький бластер. Юная особа немного привстала и высунула голову из-за камня, напряженно всматриваясь в дальние дали. Все было спокойно. Кругом стеной стояли высокие стройные деревья, а в подлеске шумели ветвями бриоксиды и ютились по стволам мистифиты с грибами и лишайниками, яркими пятнами то огненно-рыжего, то лилового цвета, выделявшимися на зеленом фоне чащобы.

Вдруг девочка заметила, как по левую руку от нее между двумя гигантскими грибами проползло нечто изжелта-коричневое. Оружие в нежной ручке забрыкалось и выстрелило. Раздался глуховатый взрыв, разметавший во все стороны клочья темной плоти, от которых немедленно повалил зловонный пар и полилась зеленоватая жижа. Куски мяса,

пошлепавшись на землю, судорожно задергались, как бы представляя в лицах (которых не было) извечную борьбу Жизни и Смерти.

Девочка выползла из-за валуна, не сводя дула с останков по-прежнему неопознанного, но зато уже обезвреженного существа. Поросшие шерстью куски ошметка потрепыхались еще немного и затихли. Девочка опустила бластер.

К сожалению, малышка не удосужилась задрать свою чудесную головку и посмотреть наверх, а потому и не заметила громадного злющего питона, свесившегося с ветки. И, конечно, не заметила она кривых коричневых зубов, впившихся в ее шею...

Киттен зажмурилась, выйдя из полутемной кабинки на яркий свет, и потерла немного за левым ухом свою головенку: контактные пластины аппаратуры были довольно жесткими.

— Ну что? — осведомился несколько фатовато Порсупах, сидя на скамье с подсветкой и жуя резинку. — Как тебе понравилось?

— Довольно скучно, — ответила Киттен, выговаривая слова с намеренно аристократическими интонациями: этот странный выговор, как и щегольский наряд Порсупаха, предназначался для тех любопытных отдыхающих, что взад-вперед бродили по влажным от недавнего дождя аллеям луна-парка. — Да, скучно, хотя сделано все достаточно профессионально. Смерть выглядит более чем убедительно. Мне уже давно не приходилось испытывать ничего подобного: надо же, сзади напал! Однако кора головного мозга у питона функционировала столь бледно и невзрачно, что я не почувствовала никакого удовольствия, не сумела проникнуться ощущением удачной охоты. Понимаешь ли ты, Порс, о чем я толкую?

— Понимаю, но лучше бы нам, — раздраженно проговорил Порсупах, — было заняться рыбной ловлей. Разве ощущение того восторга, который тебя охватывает при хорошем клеве, сравнимо по силе и интенсивности с идиотскими треволнениями, захватывающими тебя в кабинке стереовидюшника? Все подделка!

Порс, несомненно, уже вполне вжился в образ испорченного племянника богатенького фермера-лесоторговца и играл так убедительно, что Киттен начинала сомневаться в том, что сможет составить ему достойную компанию.

— Рыбалка, рыбалка! — брезгливо протянула Киттен. — Честное слово, Ники, порой мне начинает казаться, что скоро ты сам превратишься в рыбу. Даже если б эти скользкие твари были размером с твой загородный дом, я не смогла бы понять, почему так увлекательно охотиться на них и в чем тут, собственно, героизм?

— Ах, милочка, для нас, рыболовов, важна не сама рыба и ее размеры. Нам будоражит кровь и щекочет нервишки непосредственно процесс ловли. Помни, заглотившую крючок рыбину еще долго нужно «водить», а не то она сорвется. А уж как важно правильно выбрать момент подсечки. И вот наконец трепыхающаяся серебристая рыбка взвивается в воздух и летит на берег, поближе к ведерку. Какое наслаждение, ты вполне вознагражден! И разве мыслимо ставить на одну доску эти чистые здоровые восторги с теми ощущениями, которые ты испытываешь, сидя в темной затхлой кабинке и позволяя всяким дурацким агрегатам запросто манипулировать твоими мозгами.

Порсупах пренебрежительно махнул рукой в сторону сими. Над большинством дверей горели красные лампочки, что означало просмотр очередной ленты. По мере того, как Порс (он же — Ники) и его спутница продвигались вдоль длинного ряда сими, рекламы на кабинках менялись, становясь все более вульгарными и пошлыми и обещая все более захватывающие ощущения, недоступные или запретные для большинства в реальной жизни.

— Все это дрянь и непотребнейшая духовная мастурбация! — подытожил томианец и ускорил шаг, направляясь к горловине другой аллеи. Киттен последовала за Порсом.

— Поверь, — продолжил чтение своих проповедей енот, огибая лоток с печеньем кустарной фабрикации, — нет на свете ничего лучше, чем, оснастясь самой обычной удочкой, ловить окуньков!

— Когда я выживу из ума, Ники, — надменно заметила Киттен, выпячивая грудь, — я, может быть, и поверю в эту галиматью! Но пока что я весьма далека от рыбалки!

— Не желает ли юная леди попробовать кое-чего бодрящего? — донесся откуда-то слева глуховатый голос. — Штука подействует наверняка. Больше того, она предназначена именно для таких вот бесшабашных молодых особ!

Киттен и Порс разом обернулись на голос. Рядом с устьем аллеи в плетеном кресле-качалке сидел тучный мужчина лет этак сорока и ласково глядел на отчаянную парочку. В век специфических диет, таблеток для избавления от лишнего веса и бурного развития пластической хирургии, незнакомца можно было легко назвать «живым ископаемым», ибо он осмеливался быть толстым. Но его полнота не оскорбляла эстетических чувств прохожих, хотя, вероятно, именно этого впечатления мужчина и добивался. Сало не висело на нем складками, но плотно обволакивало упругое тельце и казалось довольно уместным. Пухлые ручки и круглая румяная ряшка мгновенно внушали глубокую симпатию к своему носителю. Есть же разница между толстяком, походящим на славного Санта-Клауса и какой-нибудь взопревшей отечной тушей, напоминающей скорее груду мокрого тряпья, чем доброго рождественского гостя. Так вот, настоящий крепыш смахивал на Санта-Клауса. Впрочем, взгляд его лазурных глазок был весьма серьезен. Этот Санта, очевидно, давно уже следил за Киттен и Порсупахом.

Незнакомец сидел в своем кресле, словно африканский царек на троне, окруженном подобострастными пигмеями: в настоящем случае пигмеев замещали круглые металлические столики на причудливо выгнутых ножках. На столиках лежали груды всевозможных безделушек сувенирного толка: различные ювелирные украшения, поделки резчиков по дереву и по кости, крохотные пейзажики кисти здешних мастеров. Выбор был довольно велик, качество товара явно превышало средний уровень подобной продукции, но ничего особенно интересного для себя ни Киттен, ни Порсупах не увидали тут.

— Ну что ж, — приступила Киттен, — к нечаянным знакомствам мы относимся без всякого предубеждения, если это, конечно, волнует вашу разожравшуюся кошачью милость!

— Насколько я могу судить, — мягко улыбнулся Санта, — вы, леди, из тех, кто беззаветно следует зову собственного сердца! Вы — дама с фантазией, иначе не называли бы меня так затейливо, а нарекли бы попросту брюханом, кем я, по существу, и являюсь.

Киттен глянула краешком глаза на несколько объемных изображений древних рыбарей с неводами. Любой землянин просто помер бы со смеху над этими глупыми картинками в деревянных рамочках, мгновенно распознав в подложной мазне заурядненший фотографический трюк.

— Столь жалкие потуги на лесть не могут быть вменены вам в заслугу, дорогуша. Коли кроме идиотских слащавых картинок и статуэток для умственно отсталых у вас нет ничего, то так и скажите, а не мелите чушь про острые ощущения!

— Администрации необходимо, — пояснил Санта, чихнув, — принять определенные меры. Ну хоть бы навесы какие устроили, что ли, а то сидишь тут под дождем, как самый последний дурак! Уж подземным-то подогревом можно было обеспечить парковые аллеи! — Тут пузан вытер лицо платком, засопев, подался вперед. — Если у вас есть желание, — сказал он тихим голосом, — и деньги — да, деньги! — то мы смогли бы кое-что придумать для вас в смысле неординарных развлечений!

Киттен придвинулась поближе к мордатому человечку и наклонилась над столиком, делая вид, что рассматривает статуэтку престарелого моржа с усиками из лески и бивнями из розоватого стекла.

— Желание-то есть всегда, господин коммерсант, — прошептала девица, — а что касается денег, то их у меня достанет на самые головокружительные пирушки, какие только можно вообразить себе на этом, насквозь пропитанном водичкой, шарике! Впрочем, выражайтесь яснее, милый друг!

— Винт! — почти беззвучно прошамкал розовощекий Санта. — Наркотик такой, разве не слыхали?

Чистейший и редчайший наркотик. Доставляет массу удовольствий, ни с чем не сравнимых. В этом рукаве Великой Звездной Реки ничего подобного вы не сыщете! Если вы решительны, то попробуйте!

Киттен вздохнула и отступила назад.

— О Боже, я уж и впрямь начала думать было, что вы предложите мне что-нибудь путное. По всему видно, что вы приторговываете винтом направо и налево и не успеваете удовлетворять утонченнейшие потребности здешнего населения. Видимо, ни один лесоруб и ни один охотник не обходятся без вашего зелья. Удивительно, что еще до сих пор к вашему столику не выстроилась очередь!

Киттен покачала головой, как бы выражая презрение ко всему городу и протянула торговцу статуэтку вместе с кредитной карточкой. Санта вставил карточку в паз компьютера и в изумлении закусил губу, когда на экране засветились более чем солидные цифры, выражавшие платежеспособность Киттен.

— О, милая леди, у вас в карманах действительно водятся кое-какие деньжата, а посему ваш сарказм отнюдь не представляется мне ни странным, ни обидным. Различные товары кочуют туда-сюда так же, как и люди. Небольшое количество винта оседает и в наших краях, ибо в перевалочных точках, согласитесь, можно достать какой угодно товар. Вот эта ваша сигара, к примеру, ведь земное же происхождение имеет, не так ли?

— Так, — кивнула Киттен.

— Ну вот видите! Кто располагает определенными ресурсами при желании достать любую вещь в любом месте.

Толстяк был настроен очень игриво.

— Так вы это всерьез? — осторожно спросила Кай-Сунг, и в ее голосе с достаточной убедительностью прозвучали сразу недоверие, надежда и сдерживаемое с трудом напряжение. — Неужто в этой глуши вы и впрямь можете достать немного винта?

— Могу, — усмехнулся мордан, весело заворачивая купленную Киттен статуэтку в декоративную фольгу, — могу, и это так же верно, как и то, что вы обворожительны, милочка!

— А образец у вас есть?

— Не могу похвастаться глубокими познаниями в человеческой истории, моя прелесть, но твердо помню, что судьи во все времена выносили окончательный приговор исключительно на основе вещественных доказательств. Поверьте, леди, местная полиция работает ничуть не хуже, чем полиция на прочих планетах метрополии, хотя и не располагает такими кадрами, как, например, хайвхомская. Образца у меня нет, но вы, надеюсь, не станете возражать против непродолжительной морской прогулки?

— Насколько непродолжительной?

— О, это займет более суток.

— А когда мы сможем отправиться?

— Да прямо сейчас, если прикажете.

— Ну что, Ники? — поворотилась Кай-Сунг к Порсупаху.

— Не знаю, Пилар, — скривился Порс, — мне, признаться, твои вечные выкрутасы страх как надоели. Понимаешь ли ты, в какое дело ввязываешься? Насколько я помню, все те, кто хоть раз отведал винта, становятся наркоманами или, как они сами себя называют, «летчиками»!

— Фу, какой же ты скверный тип, Ники! Все это чушь, пустые слухи, распространяемые протухшими в своих подземельях церковными крысами! Подобной болтовней разве что маленьких деток напугаешь...

Толстяк внимательно наблюдал за Киттен, а та продолжала бойко:

— А что если, нам и в самом деле повезет попробовать настоящий винт? Представляешь, какая сделается рожа у этой заносчивой Маркионесс? Да бедная шлюшка просто треснет от зависти, мы навеки утрем ей нос!

— О, как ты мстительна, Пилар. Это уже напоминает вендетту. Впрочем, какое нам дело до твоей глупой кузины?.. Хотя, знаешь, я согласен отправиться с тобой, но только при том условии, что поездка не займет двух и более суток. Послезавтра мы должны будем вылететь на север, я уже заказал билеты и...

— Опять ты свое! Мне опротивели твои бесконечные рыбалки, — Киттен повернулась к толстяку и заявила: — Мы принимаем ваше предложение.

— Вот и отлично! С вашего позволения я упакую свои вещички, и через пару минут мы сможем отправиться в путь!

— Надеюсь, к месту вашего загадочного рандеву — уж не знаю с кем! — нам не придется пробираться сквозь дремучие тропические леса или по крутым горам. Моя одежонка слишком не годна для таких вояжей!

Киттен указала на свой костюмчик, плотно облегавший стройное тело, отороченный желтый мехом с черными пятнышками и с кругообразными вырезами на груди, где виднелась загорелая кожа.

Толстяк принялся складывать столики, вернее, попросту повелел им сложиться, и те автоматически поджали ножки и попрыгали в большие ящики прямоугольной формы. Ящики в свою очередь слепились в один, внушительных размеров, черный блок. Весь процесс напоминал отгадывание головоломки из серии «картинки-загадки». Санта запер блок на ключ, нацепил сверху табличку «Закрыто» и пошел вперед, как раз в ту сторону, откуда дул мягкий бриз. Порс и Кай-Сунг немедленно последовали за вожатым.

— Становится прохладно, — заметил томианец.

— Что и не удивительно, — пояснила жирная харя, — ибо весь этот шумный районч ик находится рядом с морем. Тут и порт недалеко...

Залитые яркими огнями фонарей и витрин аллеи, гул пестрой толпы отдыхающих, крики зазывал — все это скоро осталось позади. Троица вступила в петлистый лабиринт залитых помоями закоулков, куда туман, однако не проникал, благодаря исправной работе метеокоррекционных установок Реплер-Сити.

Вот и порт. У причала вперемежку покачивались и крупнотоннажные сухогрузы, и частные суденышки, даже крохотные яхты и рыбацкие лодки. На фоне ночного неба освещенные тысячами огней корабли выглядели весьма причудливо. Волны накатывались на пластиковое забрало автостоянки и,

спадая, оставляли на нем клочья фосфоресцировавшей пены.

Когда на небосвод выползли обе луны, спутницы Реплера, на берегу сделалось гораздо светлее прежнего. Общая масса светил немного не дотягивала до массы бледного спутника Земли.

Август выдохся совсем недавно, но сентябрь уже вполне вступил в свои права. В межсезонье на Реплере ночи всегда становились несколько светлее обычного, зато потом наступала кромешная тьма. Изысканная тень толстого, весьма пожилого котяры, сидевшего на сломанных перилах Кнехтовой лестницы и хрипло оравшего, начала раздваиваться.

Толстомясый гид вел Киттен и Порса по длинным, переходившим друг в друга причалам. На одной из площадок притулился чуть не у самой воды тощий аэромобиль, формы которого ясно указывали на его превосходные скоростные качества. Из-за приоткрытой двери, а также из окон лились потоки яркого света, падавшего прямиком на бутофорскую гальку. Несмотря на свои тонкие изящные линии, аэромобиль оказался-таки сработанным из железа, а не из пластика. Это значило, что болид предназначался для перевозки грузов, а не пассажиров и, действительно, мог развивать громадную скорость.

— Нас что, уже дожидаются? — полюбопытствовал Порсупах, заметив свет в окнах аэромобиля.

Киттен знала, что Порс увидел огни сразу, как только компания свернула к порту: томианец обладал исключительным зрением, о чем дружелюбному толкачу дури вовсе не следовало знать, между прочим.

— Едва ли нас ждут, — сказал Санта, — просто пилоты уже готовились к отправке в очередной рейс. Обычно вот этот болид перевозит грузы в ту точку, где наш шеф ведет все свои дела. Седда и Франц — пилоты надежные, не подведут. На этот счет нечего даже беспокоиться!

— Тогда давайте ускорим процедуру, — предложила Кай-Сунг. — У нас, знаете ли, и другие дела имеются.

Пузан замедлил шаг.

— Вас кто-нибудь ждет?

— Нет, но у меня подчас не хватает терпения в подобных ситуациях. А кроме того, ночные прогулки на аэромобиле не самый безопасный вид времяпрепровождения, как и вы, и баминас могли уже догадаться, уважаемый!

— Однако ничем другим я не располагаю в настоящий момент. Но позволю себе повториться: наша прогулка не затянется. Конечно, пункт расположен отсюда в... впрочем, зачем докучать симпатичным молодым людям всякими нелепыми подробностями, а?

Санта быстро повлек Порса и Киттен к аэромобилю.

Двое мужчин, резавшихся в салоне болида в двадцать одно, на миг оторвались от карт. На обоих одеты были водонепроницаемые темно-синие блузы. Вид у пилотов был вполне серьезный.

Тот пилот, которого звали Франц, с головы до ног оглядел Киттен. Чем не досмотр провозимого товара. Потом Франц заговорил с толстяком, стаскивавшим с себя куртку. Кай-Сунг удивилась, что у этого красномордого уродца оказались на диво крепкие — ни капли жира! — руки.

— Вот уж не думал, Йорк, — гоготнул пилот, — что тебе удалось развить свой вкус. Раньше ты выбирал довольно дрянной товар, а тут...

Франц зацокал языком и закивал в сторону Киттен.

— Полегче, дружище, полегче. Леди и ее спутник — наши гости! Класс А-1, врубаешься?

Дюжий пилот вздрогнул было, вроде как от испуга, но потом на губах его появилась улыбка.

— Прошу прощения, леди. Я не хотел вас обидеть.

Второй пилот, Седда, уже разогревал движки. Судно вздрогнуло, лопасти роторов завращались.

— Выберите себе места поудобнее и садитесь, — сказал Франц гостям. — Здесь все, как видите, завалено всяким хламом, уж не обессудьте... Йорк, этот внеплановый рейс санкционирован Его Светлостью или нет?

— Конечно, шеф дал добро, что попусту спрашивать.

Толстяк завалился на какие-то тюки и задремал. Потом проснулся.

— Прежде чем отправиться в путь, помоги мне в одном дельце, Франц.

— С превеликим удовольствием, жирняга!

Йорк порылся в бардачке и вынул оттуда две повязки.

— Неужели это так необходимо? — промямлил Порсупах.

— Боюсь, что да, ребята, — виновато проговорил Йорк. — Сами понимаете, речь идет о товаре, мягко говоря, спорного характера, а посему никакие предосторожности не будут лишними.

Добренький боров вынул окурок изо рта Киттен и аккуратно затушил его о крышку какого-то металлического ящика.

Девушка слегка поежилась, когда на ее глаза легла полоска тонкой черной ткани.

— Боже, неужто вы верите в то, что я смогла запомнить дорогу к тому логову, где затаился ваш драгоценный босс? Интересно, чтобы такое я разглядела ночью, на незнакомой планете, да еще несясь над морскою гладью в неистовом аэромобиле?

— Ничего вы особенного не заметили, конечно же. Но вот к вашему спутнику я, признаться, столь нежных чувств не питаю. Мне совершенно не ведомо, на что он способен, а когда сталкиваешься с неизвестным, лучше всего соблюдать осторожность. Конечно, вы наши потенциальные клиенты. Но только потенциальные. Сейчас вы оба — новички. Так что постережемся... Мы вас совсем не знаем.

— Неужели? — с деланным изумлением вскрикнула Кай-Сунг. — А мне-то казалось, что вы нас насквозь видите. Нам скрывать нечего, цели наши вполне определенны. В платежеспособности — тоже убедились...

У Киттен заныло внизу живота, к горлу подступило ощущение надвигающейся опасности. Неужто кем-то и где-то допущен роковой просчет? Такие вещи случались иногда из-за нескоординированности действий различных структур и служб.

— Не беспокойтесь, милая, ваша кредитная карточка в полном ажуре, — непринужденно прогово-

рил Йорк, завязывая тряпицу на затылке у девушки. — Дело несколько в ином. Видите ли, у меня возникли кое-какие сомнения на ваш счет. Пустячок, в сущности, но тоже требует пояснений. В то время, как вы беседовали со мной у прилавка, по аллее прошли два легавых, переодетых в штатское столь неискусно, что и школьник бы их раскусил. Так вот, эти двое прошествовали мимо нас в двух шагах и даже не подумали помешать нашей полюбовной беседе.

— А с какой стати они должны были непременно встревать в разговор? — насторожилась Кай-Сунг.

— А с такой стати, — вмешался Франц, — что окурочек, который Йорк вытащил из вашего милого ротика, явно земного происхождения. Между тем, ввоз товаров с Земли на Реплер запрещен еще с той поры, когда какой-то колонист обнаружил, что табачный дым оказывает губительное воздействие на побеги особо ценных и редких пород многолетних растений.

Киттен пожала плечами, изобразив досадливое недоумение.

— Ну и что с того?

Дело явно принимало скверный оборот. Киттен тихонько привела ноги в боевую позицию и руки скрестила на груди: все ближе к повязке!

— Надо полагать, вы и в самом деле ни о чем не осведомлены, — с сомнением сказал Йорк, — но те двое ряженых должны были бы знать об этом по долгу службы. Пусть вам и удалось пронести парочку сигар мимо зазевавшегося таможенника, курить их прямо на глазах легавых и не попасться — что-то уж довольно странно. Интересно, почему полисмены, заприметив контрабанду в ваших белоснежных зубках, не схватили вас у моего лотка?

В ту же секунду Киттен, резким движением рук сорвав повязку, ударила Франца ногой прямо в колено и почувствовала, как хрустнула вражья надколенная чашечка. Детина скорчился от невероятной боли и осел на пол. Седда включил автопилот и потянулся к Кай-Сунг, но это было последнее, что удалось ей увидеть: на голову опустилось что-то

тяжелое, нахлынули волны кромешной тьмы и беспамятства.

Когда девушка вновь пришла в сознание, то обнаружила себя лежащей черт знает на чем и попробовала пошевелить конечностями: почти безрезультатно. Руки и ноги были привязаны к тулову, тулово же в свою очередь — к скамейке и накрепко. Киттен ужом вилась на этой холодной деревянной сковородке. Озноб делался все сильнее: с Кай-Сунг стянули одежду. Впрочем, крепчающая прохлада мало заботила прелестную Киттен. Больше всего ее волновала собственная беспомощность. Даже запястья были прикручены веревками к брусьям скамьи. Следовало пожалеть и об утраченных тряпках, ибо в опояску было вшито миниатюрное ружьишко.

С усилием повернувшись на левый бок и напрягши все свое белое молодое тело, Киттен попробовала развязать зубами узел на правом запястье. Попытка, как того и следовало ожидать, провалилась. Накатала внезапная слабость, все поплыло перед глазами. К тому же, выяснилось, что на голове у Кай-Сунг поселилась громадная шишка, очевидно не имевшая никакого отношения к прическе.

— Пилар! — послышался знакомый голос.

Под этим именем девушка проходила по легенде, созданной для ее прикрытия майором Орвеналиксом. Невзирая на жесткую фиксацию шеи, Киттен удалось поворотить буйную головушку и скосить очи на небольшое кресло, в котором сидел Порсупах. Енот был с ног до головы залит полипановой пеной, успевшей уже затвердеть. Томианца упаковали с не меньшей тщательностью, чем идиотскую статуэтку из черного коралла, которую Киттен приобрела у Йорка. Сознание девушки отчасти прояснилось, и теперь она желала получить как можно больше визуальной информации. Конечно, ворочать головой оказалось довольно затруднительно, но зато глаза вращались в пазах вполне свободно и могли быть наведены на любой объект с потрясающей точностью. Юная разведчица обратила внимание на то, что жгут, которыми ее прикрутили к скамейке, сильно походил на прекрасной выделки кожу и нисколько не натирал ни шеи, ни лодыжек, ни

запястий. Впрочем, не следовало надеяться на человеколюбие преступников. Видимо, ничего другого у них просто не нашлось.

Скосив глаза вправо (скосив почти до полного вывиха), Кай-Сунг заприметила какого-то пожилого мужчину, скорее даже и вовсе старика. Он сидел в ногах у нее на грубом табурете. На нем болтался дорогой, но до оторопи безвкусный костюм. Седые волосы разделялись аккуратным пробором, несколько смещенным к левому уху, и сползались к затылку, где их ожидала толстая воронкообразная косичка. Лицо старика не выражало, казалось, ничего, кроме напряженной тревоги и заботливости, каковое выражение взбесило Киттен. Лучше б он озирал ее с неприкрытой ненавистью!

Дедок был просто безобразен. И не то, чтобы он обладал какой-то особенно неприятной внешностью. Нет, скорее наоборот. Но от него буквально разило непорядочностью, даже козлищем. Кому-то хрыч мог нравиться, а кого-то — приводить в ужас. Киттен выбрала последнее.

— Привет, дорогуша! — изрек старичина тоненьким, почти девическим голоском, но без признака робости, душевной кволости, нерешительности и т. п. — Я рад, что ты наконец убудилась! Позволь представиться...

— Не позволю, — резко заявила Кай-Сунг. — Не позволю до тех пор, пока вы не освободите меня и моего друга! Затем вы должны будете отчитаться в содеянном. Только после всего этого я, возможно, соглашусь свести знакомство с вами. Э-хе-хе, разве так обходятся с клиентами, а?

— Дорогая, мне кажется, что твой интерес к моим делам продиктован отнюдь не жгучим желанием приобрести товар. И все-таки я представлюсь, хотите вы того или нет. Итак, меня зовут Доминик Роуз, в просторечии — Лорд. Ты милочка, находишься сейчас в моей резиденции, что на добрую сотню миль удалена от Реплер-Сити. Конечно, тут тебе жизнь медом не покажется, но что поделаешь, иначе поступить я не могу из соображений личной безопасности. Видишь ли, в моей частной лечебнице нынче проходят обследование двое пилотов. Один

попал туда с подозрением на перелом голени и надколенной чашечки, а у другого — шесть аккуратных дырок в брюхе. Это уж, надо полагать, работа вашего дружка!

— Покорнейше прошу простить меня, Лорд, — вмешался Порсупах, — я метил Седду в глаза, но нечаянно оступился, и вышла небольшая промашка. Но поверьте, мой дядя отъест ему уши, если проведает о том, что он сделал с драгоценным племяшом и прелестной Пилар!

— Если ты будешь настолько нагл, томианец, что у меня от твоих выходок вдруг заколет в печени, то грозному дядюшке придется жевать уши не лютого ворога, но собственного племянничка, запомни! Впрочем, само существование столь кровожадного и мстительного родственника еще ничем не доказано. Ну а теперь, — тут Доминик повернулся к Кай-Сунг, — если вы, ребята, признаетесь, на кого работаете, то все мы сможем избежать массы крайне неприятных процедур. Если вы находитесь в услужении у власть предержащих, то скажите, у каких именно? Если же вы льете воду на мельницу правосудия и прочей чепухи, то...

— Неужели вы не верите нам? — возмутилась, перебивая старика, Киттен. — Вы же наверняка успели проверить наше барахлишко и...

Кай-Сунг чувствовала себя довольно неуверенно. Интересно, с чего бы этому хрычу быть таким прямолинейным? Впрочем, подобные типы страсть не любят многословия и приступают к делу без всяких муторных прелюдий. Они точно знают, чего хотят.

— О да, — согласился Роуз, — если верить вашим документам, то вы и в самом деле некто Пилар ван Хойблен, молодая леди с изрядным количеством деньжонок, прибывшая на Реплер для ради приятного провождения времени с планеты Мила-4. Не сомневаюсь, что и в случае проверки все здесь вполне сойдется.

— Так почему же вы считаете возможным сомневаться в подлинности моих ксив?

— По целому ряду причин, детка. И одна из этих причин тебе хорошо известна. Мне сказали, что ты

открыто куришь контрабандные сигары, а простецы-фараоны не только воздерживаются от того, чтобы немедленно тебя свинтить, но и даже вообще проходят мимо, как бы и не замечая злостного нарушения законов. Уже один этот факт говорит о многом и заставляет думать, что ты, милочка, не совсем тот человек, за которого выдаешь себя! Впрочем, я не исключаю, что зовут тебя именно Пилар ван Хойблен, но вот что ты далеко не простая туристка с тугим кошельком — это уж как пить дать. У меня, знаешь ли, нюх на подобных тебе пройдох, и он еще никогда не подводил меня. Какими бы убедительными не казались твои документики, они свидетельствуют о теснейшей связи с полицией, причем на самом высоком уровне. Если сюда прибавить еще интерес к винту, наркотику очень дорогому и очень редкому, лишь недавно появившемуся на черном рынке, то образ юной, на славу обеспеченной особы, рыщущей по белу свету в поисках приключений, разваливается прямо на глазах. Конечно, ваше удостоверение личности и кредитная карточка в абсолютном порядке, мои ребята уже успели все это проверить. Но подобная безупречность делает тебя вдвое более подозрительной персоной. Ксивы невероятно трудно подделать, и только очень немногие организации могут себе позволить такую роскошь. В основном это, бесспорно, правоохранительные структуры и пара-тройка моих конкурентов. Однако последних мы вынуждены исключить, ибо метод их действий чрезвычайно прост: взрывчатка, побольше взрывчатки! К ряженью, враждующие со мной торговцы дурью прибегают крайне редко, даже, можно сказать, вовсе не прибегают. Что же это значит? Это значит, что в своих размышлениях мы вынуждены остановиться единственно на правоохранительных органах. Знаешь, милочка, я крепко недолюбливаю всяческие ведомства и засевших в них бюрократов. Если ты оттуда, то я вынужден буду признаться и в ненависти к тебе лично. Да, я ненавижу всех тех межеумков, которые путаются под ногами у бедного старика и мешают ему зарабатывать на хлеб насущный. В особенности же мне не по нутру смазливые туристочки, рядящи-

еся в судейские одежды и поражающие порок столь самозабвенно, что тысячи и тысячи судеб оказываются впоследствии искалеченными. Иногда и не одни судьбы. Так, я убежден, что не будь ты сейчас связана по рукам и ногам, у меня бы уже точно трещали все кости! А ты же знаешь, я немолод, и мои кости очень хрупкие. Они не выдержали бы этих ваших приемчиков. Я слаб здоровьем, что и говорить, вот разве что голова пока еще кое-чего соображает. Ну что, милочка, кто вас подослал? Убежден, что не местная полиция — она слишком мелка для таких дел. Может быть, Содружество? Нет? Неужто сама Церковь?!

Киттен презрительно цыкнула и тяжело вздохнула.

— Да, дед, совсем ты уже выстарился, а еще говоришь, что голова хорошо работает. Да у тебя мозги-то, наверное, ссохлись все. Коровяк в башке, вот и бредишь! Совершенно маниакальные фантазии!

Доминика трудно было вывести из себя.

— Ты столь же неистова, — сказал он, — сколь и прекрасна, и одно без другого, видимо, довольно трудно помыслить. А что касается до моих фантазий, то они отнюдь не безумны. Я раскручиваю свое воображение на полную катушку и делаю все, что мне вспадет на ум, только бы заставить тебя сознаться... Сказанное касается и твоего дружка. Ну, енот, — обратился Роуз к Порсупаху, — не желаешь ли ты ответить на парочку безобидных вопросиков?

— Никогда! — завопил томианец. — Когда моя семья узнает о ваших бесчинствах, то отомстит самым жестоким образом. Вы страсть как пожалеете о том, что мы и впрямь не оказались заурядными правительственными марионетками. Мой дядя — крупнейший лесопромышленник на...

— Какой актер! — воскликнул Роуз, не давая Порсупаху завершить свою пламенную речь. — Какая потрясающая игра! Впрочем, согласен, теоретически существует возможность того, что вы и в самом деле — парочка придурковатых туристов и контрабандные сигары курите только по одной беспечности своей или, положим, дали на лапу како-

му-нибудь местному чинуше. Однако в последнем случае сумма взятки должна была бы составить сумму просто фантастическую. Но... все может статься. Если так, то заранее приношу свои извинения за то, что сейчас с вами проделаю. Уж не обессудьте. А пока...

Доминик нажал какую-то кнопку. Тотчас послышался скрип открываемой двери и в огромном проеме появилась фигура высокорослого мужчины с обнаженным мускулистым торсом и черным колпаком на голове, в каковом уборе были сделаны прорези для глаз и для рта.

Киттен собрала все свое мужество и рассмеялась.

— Вот это маскарад! Аж мороз по коже... Хотя, дед, знаешь, от твоего ката сильно воняет ветошью. Ну к чему эти фокусы?

— Что поделаешь, — развел руками Доминик и добродушнейшим образом улыбнулся, — я приверженец старинных традиций. Думаю, это довольно справедливо, ведь на вас, на молодежь, не угодишь, хоть тресни!

Обряженный в заплечных дел мастера мужчина подошел к Киттен, катя перед собой какой-то скрипучий столик, на котором красовался весьма поместительный железный ящик. Столик остановился в головах у Кай-Сунг, а из ящика детина принялся извлекать различные хирургические инструменты, жестко и плоско поблескивавшие при свете ртутных ламп.

— Э-э, дедушка, пытать будете? — съехидничала Киттен. — Фу, пытки — это очень нехорошее занятие. Впрочем, — переменила она тон, — если ты, старый пердун, настаиваешь на таком кретинизме, то я могу предложить тебе что-нибудь поизысканнее всего этого лома. Нельзя же столь бессовестно плестись в хвосте передовой технической мысли! А еще хвалился своим могучим воображением...

— Поверь, птичка, — осклабился старикан, — в этих стенах гащивали эстеты и похлеще тебя и тоже кричали, что отказываются подвергаться не вполне созвучной запросам их нежных тел экзекуции. Кипятились жутко: подай, дескать, им чего-нибудь

посвежее, попикантнее, а то все членовредительство да членовредительство. Но я быстро остужал их прогресситский пыл. Я говорил, что в рассуждении пыток свято придерживаюсь традиции, насчитывающей уже не одну тысячу лет, и воздерживаюсь от новомодной химии, предпочитая ей задушевнейшее усекновение пальчиков на ручках и на ножках или что-нибудь вроде того. Гости, как правило со мной соглашались, что и не удивительно, ведь человеколюбия мне, дочка, не занимать. Вот ты говоришь — ветошь, а между тем набор этих вот инструментов — игрушка крайне дорогая. И ни малейшей опасности того, заметь, что в организм жертвы будет занесена инфекция.

— Да, я как только увидела тебя, так по глазам сразу поняла: добрый старичишко и очень заботливый!

Киттен говорила, задыхаясь от бессильной злобы. Она дернула ногой, пробуя крепость узлов на лодыжке.

— Тебе, детка не разорвать путы. Эти веревки сучили самые усидчивые транксы на Кампусе. А что до хирургического скарба, то присмотрись повнимательнее и ты увидишь, что на каждом инструменте выгравировано клеймо той или иной эльворской лаборатории. Надеюсь, тебе известно, что именно на Эльворе — средоточие самого совершенного оборудования для клиник и госпиталей? Вглядись, как сверкает вот этот скальпель! Он красивее, чем Альтеклер!

Киттен смотрела куда угодно, только не на пакостные железяки. Для ознакомления со всей этой мерзостью ей хватило одного-единственного взгляда. Там, где Роузу сияла красота, бедной девушке, прямиком из черной дыры паскудного ящика, зияла срамота. Несчастная содрогнулась. Что делать, бывают ситуации, когда даже опытным оперативникам делается отчасти не по себе!

— Насколько я понимаю, — сухо заметила Кай-Сунг, — передо мною совершенный импотент!

— Это ты о нем? — кивнул Роуз на инквизитора.

— О тебе, дедуля, о тебе. Мне представляется, что посредством истязания невинных ты загоняешь в глубь своей ничтожной душонки сексуальные позывы. Это называется «сублимацией».

— Ах, как нас изящно оскорбляют! — захлопал в ладоши Доминик. — Как остроумно ты меня поддела! Я читал учебники по психоанализу, милочка. Твое заключение обо мне верно лишь наполовину. Заметь, что проведение экзекуции я предоставил вот этому молодому человеку, которого едва ли кто дерзнет обвинить в половом бессилии. Именно к нему будут обращены все твои мольбы. Между прочим, он очень настойчиво добивался у меня права истязать тебя собственноручно. И я с удовольствием сложил с себя сию обременительную, но отрадную обязанность. Видишь ли, по ходу пытки у меня неизбежно возникают проблемы, особливо с такими симпатичными жертвами: я очень увлекаюсь, забываю об утилитарной стороне дела и, разумеется, все порчу. Этот парень куда терпеливее, но нередко и отдается любимому делу целиком. Не забывай также о том, что мой юный коллега подходит к труду творчески, с приличествующим молодости жаром! Разумеется, относительно сегодняшнего мероприятия он был детально проинструктирован, дабы недостаток личного опыта вполне компенсировался мудрыми указаниями наставника.

Киттен слегка повернула голову и с ужасом посмотрела на плечистого роузова пестуна. Девушка почти бессознательно напустила на себя вид ни в чем не повинной, беспомощной и бесконечно доверчивой девицы, надеясь, что грозный экзекутор в конце концов смягчится.

— Я давно хотел взрезать какой-нибудь прелестнице ее нежный животик в области лобка, причем взрезать без применения анестезии, являющейся не более чем досадной помехой при такого рода операциях. И вот сегодня, надо полагать, желание мое осуществится!

Молодой человек, по-видимому, сказал все, что намеревался сказать и, поигрывая длинными хирургическими зажимами, сбросил с головы колпак.

Это был Рассел Кингсли.

— Отдохни немного, Майджиб, — сказал Хаммураби, увидев в окошко низко летевшего над водной гладью аэромобиля. — Едва ли Роуз предпримет какие-либо неосмотрительные меры, грозящие ему потерей прибылей. Он стар, но не глуп. Наш козырь — в небе, за тысячу миль отсюда. Старичишке не удастся добраться до хранящегося на «Умбре» порошка.

— Пусть так, — ответил Такахару, — но я бы чувствовал себя спокойнее, если вы забыли об опасной идее личного свидания с Домиником и просто связались бы с ним по коммуникатору.

— Э-э, Мадж, он не поверит ни единому слову. Если станут говорить с «Умбры». Конечно, можно было не лететь самим в его логово, а предложить встречу на борту нашего судна, но этому старому лису не нужно так доверять, мало ли пронесет чего... Ему нужны весомые доказательства серьезности моих намерений? Пожалуйста, я предоставлю их явочным порядком!

В виду острова Такахару сбавил скорость взятой напрокат тачки и стал выбирать удобное местечно для посадки. Скучавший от бездействия Хаммураби пялился в окошко и отмечал про себя, что крупные вечнозеленые растения спускались почти к самой воде, где передавали эстафету косматым густо-бурым водорослям. Подобную картинку капитан наблюдал и на прочих островах архипелага, включая Уиллс Лендинг (остров, где располагалась столица). Ничего удивительного: всякой растительности в экваториальных областях надлежит быть гуще и разнообразнее, чем в любых других климатических поясах.

Посадочная площадка находилась рядом с небольшой естественной бухтой Хаммураби и Такахару заприметили на ней несколько воздушных судов, среди которых отыскался даже один транспортный корабль весьма внушительных размеров.

Когда аэромобиль Малькольма и Майджиба стал заходить на посадку, в кабине послышалось жужжание коммуникатора. Такахару включил канал связи. Крохотный экран дисплея вспыхнул, но никакого изображения на нем почему-то не появилось.

— Эй, вы, в голубом болиде, назовите себя и отчитайтесь в цели визита!

Мэл наклонил голову так, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с камерой видеопередатчика и заговорил в микрофон:

— Малькольм Хаммураби, владелец и капитан транспортного звездолета «Умбра». Мне необходимо лично увидеться с Домиником Роузом. По делу, срочно! В согласии с предварительной договоренностью я и мой пилот прибыли сюда безоружными.

Мадж и Мэл ждали ответа. Вентиляторы аэромобиля гудели, как рой пчел.

Вскоре на экране появилась легкая рябь, потом какие-то полосы, потом снег и наконец — мятая физиономия некоего средних лет джентльмена, старавшегося выглядеть свежим и бодрым.

— Вы прилетели слишком рано, капитан. У сэра Доминика Роуза в настоящую минуту — совещание. Впрочем, мне приказано заняться вашей посадкой. Его светлость не может встретить вас лично, но не беспокойтесь, вы очень скоро будете доставлены в резиденцию сэра Роуза. Прошу вас, садитесь на третью полосу!

Экран погас сразу, как только с него исчезла рожа диспетчера.

— Ловок сукин сын! — с укоризной заметил Такахару. — Мне кажется, он во многом смахивает на своего хозяина.

— Разве ты видал когда-нибудь Роуза? — удивился Мэл.

— Нет, но его репутация мне отчасти известна. Однажды один мой хороший знакомый купил у одного из дилеров Лорда ампулу триацина, надеясь с помощью этого препарата вылечить своего любимого шпица от подагры. В ампуле оказались чернила.

Старпом сбросил газ, и аппарат легко обогнул небольшой кратер потухшего вулкана, высившегося у самого причала.

— Бедная собачка издохла, — добавил Мадж.

— Если честно, старина, — признался Мэл, — я не видел Роуза уже целую вечность, однако уверен, что он не сильно изменился. Знаешь, весьма любо-

пытный тип. Обычно к старости люди начинают бояться смерти. Не таков Доминик. С годами он не только не сделался благочестивее, но даже, пожалуй, развил в себе прежние дурные наклонности. Видимо, адовы муки ничуть не пугают его.

— Ну, коли так, капитан, — усмехнулся Такахару, — в настоящее время Роуз наверняка утратил уже всякое представление о нравственном законе. Неужели вы полагаете, что с ним можно иметь дело?

Хаммураби пожал плечами.

— Пока что у меня нет другого выхода. Как говорится в Святом Писании, «объем органической материи во Вселенной так относится к объему этой последней, как масса плевка относится к массе Океана». Впрочем, к чему это я?.. Ну да ладно. Словом, Мадж, к людям вроде Доминика следует относиться как к неодушевленным предметам. Тогда легче строить планы касательно таких людей, да и вообще — легче общаться с ними. Гм, вот и посадочная полоса!

Такахару виртуозно развернул судно, увеличив тягу заднего правого движка, и мгновенно выпростанные из фюзеляжа колеса коснулись пластикового мата, лежавшего прямо на песке. У телескопического трапа друзей ожидал высокий юноша, очень стройный, почти худощавый. Он казался даже чуть выше Мэла, а уж старпом рядом с таким провожатым выглядел просто коротышкой. Хаммураби бросились в глаза рыжеватые кудри юноши, смуглый цвет кожи, открытое мальчишеское лицо.

Хлопец подал было руку капитану, намереваясь помочь тому выползти из кабины, но потом осознал свою бестактность, заложил и десницу и шуйцу за спину и густо покраснел.

— Виноват, сэр! Мне, признаться, раньше никогда не приходилось встречать столь важных гостей.

— Ерунда!

— Мне поручено проводить вас в резиденцию его светлости.

— Прекрасно. Мы договорились с Домиником, что пилот будет ждать меня на борту аэромобиля.

— Как вам угодно!

Малькольм помахал рукой Такахару, внимательно наблюдавшему за беседой, и тот немедленно выключил двигатели. Летательный аппарат, нервно сотрясавшийся до сего момента, мгновенно затих.

Мэл повернулся к безусому, желторотому гиду и тотчас вздрогнул: скорее от неожиданности, чем от ужаса. Обильные позументы на правом плече молодца оказались просто клубком золоченой тесьмы: они были живые!

Тесно смеженные крылья привольно раскинулись на обе стороны и, точно початок из кукурузных листьев, вылущилась из этих крыльев длинная шея. Плоская, треугольной формы голова венчала ее. Широко распахнутые шафранные буркалы уставились на капитана. Тот слегка попятился и протянул было руку к бластеру, болтавшемуся обычно у пояса, но вспомнил, что не взял с собой оружия. Что же делать?

— Не волнуйтесь, сэр, — поспешил успокоить Мэла юноша. — Малышка не сделает вам ничего плохого. Она не опасна. Я ее приручил! — Тут добрый молодец ласково покосился на свою питомицу и принялся осторожно почесывать ей шейку. Покладистая рептилия тотчас сложила мерзкие кожистые крылья, смежила от удовольствия веки и приняла прежнее расслабленное положение. — Ну вот видите! — обезоруживающе улыбнулся паренек. — Она — просто душка. Она, конечно, с некоторой опаской относится к незнакомым людям, но никак не более того, поверьте!

— Ну хорошо, идем.

— Идемте, да-да! — спохватился юнец и махнул рукой в сторону какой-то неясной сопки. — Резиденция во-о-он там! Если вы...

Мэл старался идти в ногу со своим проводником, но все же держался подальше от той твари, что мирно дремала на плече у парнишки.

— Ведь это летающая рептилия, не так ли? С Аласпина, да?

— Да, сэр. Но как вы опознали мою девочку? Насколько мне известно, подобные рептилии весьма редки и их почти невозможно встретить вне привычного ареала!

— Вот я и говорю, что впервые вижу эту змейку вживе. Признаться, вы меня озадачиваете, мой юный друг. Неужто вам не приходилось слышать, что выделяемый вашей малышкой яд смертелен для человека?

— Я прекрасно осведомлен об этом, — спокойно сказал парнишка, нимало не замедляя шаг. — Если яд попадет в открытую рану или в глаза, смерть наступит в течение двух-трех минут. Если яд поражает открытую поверхность кожи или оказывается у вас на одежде, то агония длится несколько дольше. Более того, слюна моей воспитанницы обладает прекрасными коррозийными качествами. Ученые создали ряд противоядий, но возможность того, что жертва получит хотя бы одно из них до наступления смерти, крайне невелика. Эти рептилии нападают обычно внезапно и времени для оказания помощи пострадавшим практически не остается.

— Очень интересно, — пригорюнился Мэл, — но что-то мне не приходилось слышать о том, что их можно приручить!

— Все говорят, что это невозможно, — согласился юнец, — и тем не менее, моя малышка всегда рядом со мной. Сколько себя помню, она всегда была моей верной спутницей!

Парнишка и капитан шли территорией поместья, представлявшего собой комплекс различных сооружений в неоландскейпском стиле. Архитектор удачно использовал рельеф местности и пышную окрестную растительность, сделав все постройки естественной составляющей ландшафта. Здания были надежно укрыты от посторонних глаз как с воздуха, так и с моря. Иззелено-коричневые домишки имели неправильную, зачастую весьма причудливую форму, благодаря чему, с лесом образовывали единую массу. Поражало почти полное отсутствие окон в этих строениях. На фоне леса и выжженной земли четко выделялась только одна наблюдательная вышка. Она была тонкая, как игла. Наверху размещалась небольшая полусфера, истыканная разнообразными антеннами. Малькольм догадался, что его аэромобиль засекли задолго до того, как тот появился в зоне прямой видимости.

— Его светлость принимает столь серьезные меры по охране своей обители, — рискнул заметить Мэл, надеясь получить хоть какую-нибудь информацию от простоватого по виду проводника, — что это довольно трудно согласуется с его мирным ремеслом.

— Возможно, вы и правы, сэр, — отозвался паренек, — но мне не следует судить о таких вещах. Я совсем недавно поступил в услужение его светлости. Кстати, меня зовут Филипп, — внезапно представился гид и немедленно вернулся к прежнему своему рассуждению. — Так вот, мне известно, что у его светлости есть много недоброжелателей, которые ликовали бы, случись с сэром Домиником какие-нибудь неприятности. Именно поэтому мой хозяин так осторожен. А вообще-то — они довольно интересная личность!

— Вам не откажешь в проницательности, мой друг, — сказал Мэл, жадно вглядываясь в бесхитростное и спокойное лицо собеседника. — Однако вы не слишком походите на человека, которого Роуз взял к себе, как вам случилось обмолвиться, в услужение. Скажите, в чем состоят ваши обязанности, мм-м? И должен заметить, что у вас очень сильный иноплеменный акцент!

— О, это хорошо мне известно, сэр. Я недавно приехал на Реплер...

— Черт возьми, что же у тебя за акцент, а? Никак не могу определить.

— Каждый ищет себе работу по плечу. Там, где способен ее найти. Я и не знал вовсе, когда нанимался, что устраиваюсь на работу к его светлости. Зато уж со своими обязанностями я справляюсь отлично!

— А в чем же состоят твои обязанности? — поинтересовался Мэл.

— Ну, следить за этим делом, сэр... Должность называется «ученик сантехника». Нужно ли говорить, что я до беспамятства влюблен в свое ремесло и надеюсь очень скоро из жалкого подмастерья превратиться в настоящего мастера! Убежден, блистательное созвездие золотарей в недалеком будущем пополнится маэстро Филиппом Великолепным.

О, какие бездны открылись мне в выгребах его светлости! Уже одно то, что сподобился созерцания этих бездн, позволит мне войти в славную когорту величайших ассенизаторов! Воистину я имею дело с веселыми материями. Однако, — тут паренек несколько смешался и отчасти побагровел, — не всеми мое ремесло чтится столь высоко. Уверен, например, что его светлость послали меня встречать вас только для того, чтобы оскорбить этим знаменитого капитана Малькольма Хаммураби!

— Не переживай, парень! — хохотнул Мэл. — Я человек толстокожий, и оскорбить меня нелегко. Впрочем, с той минуты, как я увидал на твоем плече эту летучую гадину, чьи не то что укусы, а и плевки смертоносны, мне уже нет дела ни до чего, тем более до злокозненности его светлости.

Беседуя вышеозначенным манером, Малькольм и Филипп приблизились к некоему зданию, которое было замаскировано так виртуозно, что казалось частью холма, на коем располагалось. Судя по архитектуре, строение не предназначалось для каких-либо вспомогательных целей. По-видимому, это был обычный жилой дом.

Филипп коснулся ладонью иззелена-бурой стены, и перед путниками с шипением раздвинулись массивные двери. В глубине открывшегося прохода виднелись какие-то зеркала в тяжелых бронзовых рамах. По полу стлалась синтетическая ковровая дорожка. Капитан и его проводник переступили порог дома.

Коридор сильно петлял, одновременно уходя все глубже и глубже под землю. Мэл и Филипп миновали несколько дверей с электронными пропускными устройствами. Некоторые двери были так хорошо закамуфлированы, что различить их представлялось довольно трудным даже с двух шагов. Мэл догадался, что вся эта система предназначалась специально для того, чтобы сбить с толку посетителей, особенно новичков. Бесспорно, система себя вполне оправдывала.

Через некоторое время Филипп и Хаммураби вошли в средних размеров комнату, обставленную довольно изящной мебелью в стиле ампир. Однако

внимание Мэла привлек элегантный старинный телевизор. Судя по всему, он не функционировал, но зато одни колесики, на коих аппарат катался по тумбочке, стоили целое состояние. Что же касается стоимости всей вещицы в целом, то тут капитану пришлось изрядно напрячь свое воображение.

— Вам приказано подождать здесь, сэр, — сказал гид. — Его светлость скоро прибудут.

Когда юноша собрался уходить, Мэл остановил его и с чувством пожал руку. Паренек успел расположить к себе капитана.

— Приятно было познакомиться с тобой, дружок. Если когда-нибудь тебе захочется побывать в космосе, мой звездолет «Умбры» — всегда готов принять тебя на борт. «Умбра» значится даже в самых захудалых каталогах, так что ты при желании сможешь без труда отыскать Хаммураби!

— Я мечтал стать пилотом космического корабля! — воскликнул юнец. Внезапно его лицо омрачилось, он как будто сделался гораздо старше своих лет. Впрочем, Филипп скоро оправился и с прежней безмятежностью глянул на капитана. — К сожалению, — сказал гид, — теперь, когда ваше предложение мне хочется принять с особенным жаром, я занят иными делами. Возможно, я и слетаю с вами в космос, если мне удастся в ближайшее время уладить кое-какие проблемы!

Гид улыбнулся своей открытой, ясной улыбкой и вышел из комнаты, оставив Мэла одного.

Хаммураби некоторое время смотрел на захлопнувшуюся дверь, затем направился к телевизору, что поразил его невероятной архичностью. Капитан стал рассматривать аппарат, сокрушаясь о том, что не смыслит ничего в такой важной сфере бизнеса, как торговля антиквариатом. Когда Мальколь попытался снять заднюю панель ящика, крепившуюся посредством зажимов, и посмотреть, сколько в его утробе драгоценных старинных деталей, в комнату через потаенный ход ввалился Роуз.

— Добрый день, капитан Хаммураби! — проскрипел делец, протягивая руку для приветствия. — Вас часто поминают в торговых кругах, и нельзя сказать чтобы недобрым словом.

Мэл осторожно стиснул костлявую пясть старичишки и мгновенно почувствовал себя так, как если бы запустил свою необоримую длань в навозную жижу. Не ожидая приглашения, владелец «Умбры» плюхнулся в громадное кресло, обтянутое гобеленом ручной выделки, который уже сам по себе стоил около тысячи кредиток.

— Вы не будете возражать, — осведомился Роуз, — если я что-нибудь закажу вам, капитан? Какие напитки предпочитаете? Прохладительные? Или что-нибудь покрепче? А может быть, вы желаете приятно провести время в обществе очаровательной юной красотки? Только скажите, у меня есть на примете несколько жриц любви. Смею вас уверить, девушки постигли наисокровеннейшие глубины ремесла...

— Почему бы вам не предложить кубешник винта? — с ухмылкой прошептал Малькольм, решив, что ринется в бой первым и не даст противнику даже опомниться, пока тот не сдастся. — Только не делайте вид, что вы напуганы или удивлены! Вы же знаете, что ваш товар у меня. Вам известно также и то, что я уразумел, каким образом действует винт. Итак, давайте говорить начистоту, без всяких околичностей, эвфемизмов и нарочитого блуждания в потемках. Я всегда ценил в партнерах прямоту. Кстати, время у меня в обрез. Тоже ведь резон, не так ли?

— Истинные ценности тускнеют нынче, тускнеют, — сокрушенно вздохнул Роуз. — Молодежь игнорирует прелести игры, в правилах которой, между прочим не смыслит ни аза. Все куда-то торопятся, спешат, всем неймется сколотить капиталец... Ну да ладно, начистоту так начистоту: сколько вы просите?

— Я не продаю этот товар!

— Да полно вам, капитан! — захихикал престарелый деляга, мотнув своей плешивой и складчатой, как у мастифа, башкой. — Все, решительно все продается и покупается! Уж мне ли не знать об этом? Да и вам, Малькольм, стыдно нести такую околесицу: вы же прекрасно знаете, что все ваше существование напрямую зависит от того, насколько ловко и

умело вы набьете цену себе и своему экипажу перед заключением очередного контракта на транспортные перевозки. Вы пытаетесь продать себя по самым высоким тарифам. А теперь смеете утверждать, что какая-то жалкая склянка, лежащая у вас, например, в кармане, почему там не продается!

Последние слова Роуза заключали в себе откровенную издевку и презрение к собеседнику.

— Я не собираюсь пикироваться с вами, Роуз, или заниматься никчемным теоретизированием касательно моральной окраски того явления, что зовется куплей-продажей. Тут вы гораздо опытнее меня. Это во-первых. Во-вторых, пустопорожняя болтовня неизменно вызывает у меня приступы тошноты. Я не люблю всевозможные метафоры и смысловые отягчения на самых обыденных репликах. Вдруг мне случится ляпнуть что-нибудь не так? Тогда я буду связан по рукам и по ногам собственным оплошным замечанием. Мне этого отнюдь не хочется. А хочется мне примерно следующего: я хочу, чтобы вы, Роуз, полностью прекратили торговлю винтом! Я хочу, чтобы вы уничтожили весь запас этого наркотика и передали Церкви полный список известных вам потребителей дури. Мелкие толкачи и дилеры пусть спят спокойно. Главное, чтобы спаслись те, в чьих организмах обратимых изменений еще не наблюдается. Наконец я хочу, чтобы вы сделали все от вас зависящее — уверен, вы обладаете колоссальным влиянием в сфере наркобизнеса! — для полного прекращения производства винта и уничтожения сырьевых запасов, как растительных, так и синтетических!

— Очень интересно, — небрежно обронил Роуз, угощаясь крошеным шоколадом с серебряного блюдца, и добавил: — Мне нравится, капитан, исключительная неординарность выдвигаемых вами требований! Хвалю, хвалю!

— К черту похвалы! — с горечью воскликнул Хаммураби. — Я уже говорил, кажется, что не склонен вступать в словесную битву...

Мэл не выдержал и с досады грохнул кулаком по столу. Стол жалобно застонал.

Роуз доел шоколад и кокетливо облизал пальчики.

— Прошу прощения, любезнейший, но на альтруиста вы мало походите!

— В характере каждого человека содержится много переменных величин, Роуз. Время от времени случается даже, что кто-нибудь возьмет и совершит вполне приличный поступок.

— Вот уж чего бы мне не хотелось, так это геройствовать, — лениво протянул старик.

— Некоторые переменные величины, — невозмутимо продолжал Хаммураби, — находятся на одном и том же участке спектра. В обмен на возможные потери будущих доходов, которые пока что всего лишь, подчеркну, гипотеза, вы получите от меня всю остальную дурь: твип, шифтру, валтурний-А и т. д. Власти ничего не узнают о нашей договоренности. В качестве гарантии я отошлю личное обязательство независимому брокеру. Кроме меня есть еще только одно существо на «Умбре», которому известно, что в действительности находится в ящике со специями, но это существо не вымолвит ни словечка, если не получит на то прямых моих указаний. Записи химического анализа тех веществ, что помещены во флаконах, будут вышвырнуты из памяти бортового компьютера. Я лично позабочусь об этом!

— Спору нет, вы очень добры, капитан! Но что случится, если я не приму ваших условий?

— Тогда я отправлюсь прямиком к кардиналу в Реплер-Сити, вручу ему наркотики и сообщу все, что мне известно касательно их происхождения, распространения и перевозок. Конечно, ни в коем случае не забуду упомянуть о том божьем одуванчике, который владычествует над этой дурью!

Роуз довольно спокойно сидел в кресле и улыбался, одни мозги у него лихорадочно работали. Малькольм старался разгадать, почему старик реагирует на слова именно так, а не иначе. Напускное ли спокойствие? А что если произошли какие-нибудь загадочные события, и деляга вдруг начнет козырять ими? Поживем — увидим...

Роуз пристально разглядывал пальцы на своей левой руке. Потом, словно бы очнувшись, воззрился на пальцы правой, как будто хотел удостоверить, что они ничуть не хуже собратьев.

— Придется несколько изменить сценарий, мой дорогой капитан. Уж если вам так хочется играть роль храбреца и героя...

— Опять пустые слова? — грозно насупил брови Хаммураби.

— Вовсе нет. Просто мне хочется испытать вас, посмотреть как вы поведете себя в неожиданной ситуации. Ну, предположим, некая девушка попала в беду и ей требуется немедленное вспомоществование. Результаты, думаю, будут весьма поучительны. Когда я вошел в комнату, вы рассматривали этот замечательный памятник телевизионной техники XX столетия. Аппарат фирмы «Виктор». Подобно мне самому, внутренности сего агрегата давно уже достигли стадии распада. Натурально, начинку пришлось заменить на более современную. Взгляните, вам будет интересно...

Роуз достал карандаш из кармана брюк и нажал на одной из граней какую-то кнопочку. На экране телевизора мигом появилось объемное изображение. Более чем привлекательная обнаженная девица лежала привязанной к грубой дощатой скамейке. По правую руку от несчастной некое трудно определимое существо тщетно пыталось вылущиться из глыбы затвердевшей желтоватой пены, покрывавшей тело пленника на две трети. Мэл нередко листал торговую энциклопедию, и посему ему не составило труда опознать в енотоподобном субъекте обитателя планеты Томус. Крайне симпатичный молодой человек, оголившийся до пояса, занес над телом девицы как-то странно поблескивавший инструмент.

— Извини, Рассел, что я ненадолго покинул тебя, — буркнул Роуз в торец карандаша. — Надеюсь, ты уже приступил к операции?

Молодой человек заулыбался во весь экран.

— Я как раз собираюсь сделать это, дядюшка Роуз. Пришлось немного отвлечься. Всегда, знаете ли, любопытно поговорить с жертвой!

— Понимаю, — закивал головой старик. — Однако мне кажется, что тебе придется несколько усовершенствовать методику. В наши планы необходимо внести определенные коррективы. Видишь, у меня здесь гость?

Рассел слегка подался вперед.

— Да, вижу. Наши развлечения ему тоже по вкусу, не так ли? С виду парень здоровый!

— К сожалению, Расс, он не из нашей компании. М-да... Будь так любезен, дружок, учини что-нибудь попикантнее над прекрасной дамой. И пусть она отзывается на твои ласки как можно горячее, понял? Давай...

Кингсли нагнулся над девицей и заработал своим странно посверкивавшим орудием. Торс парня загораживал большую часть экрана, и нельзя было понять, что именно происходит с девушкой. Очень скоро однако раздался зычный вопль, длившийся несколько секунд и затем перешедший в долгий задышливый кашель. Все эти звуки, несомненно, производила прекрасная, как изволил выразиться старик, дама. Прекратив кашлять, она, на диво, затейливо выругалась, что отчасти обескуражило Мэла. Такие ругательства сделали бы честь самому залихватскому бродяге и хулигану. Рассел опять закопошился над притороченным к скамье свеженьким тельцем, и опять повторились вопли, кашель и брань.

— Прекратите немедленно! — заявил Хаммураби.

— Остановись, Рассел, — тотчас прокричал в карандаш Доминик, — пока что хватит. Не увлекайся особенно, а то испортишь бедняжке наружность!

Воцарилась тишина.

— Выключи телевизор, старик, — тихо попросил Мэл. — У тебя же в руке пульт дистанционного управления. Нажми кнопку.

Роуз ухмыльнулся, как-то затейливо повертел карандаш в руке и потом сунул его в карман. Тотчас старику вспало нечто новенькое на ум, он вынул карандаш обратно, хотя выводить изображение на экран не торопился.

— Боюсь, милый Рассел, мне придется на время пресечь твои забавы! Не расстраивайся, сегодня вечером я обещаю тебе настоящее зрелище. Конечно, я знаю, как ты мечтал об этой операции, но огорчение скоро пройдет, верь мне...

— О, дядя Роуз!..

— Дела, мой юный друг, дела, — пропищал в микрофон старик, после чего переговорное устройство вновь оказалось выключенным и спрятанным в карман. — Ну что, — обернулся к Мэлу Доминик, — меняемся или нет? Неужто вы даже не хотите узнать, кто была эта девушка.

— Нет, — кратко ответил Хаммураби. — Я узнаю о том, кто она, чуть позднее и, поверьте, без вашей помощи.

У капитана явно не было желания беседовать с Роузом.

— Не понимаю, что вам мешает сделать это сию минуту. А впрочем, не хотите — как хотите.

Роуз довольно гадко захихикал, как бы давая понять, что победа в настоящей схватке осталась за ним. Мэл стиснул кулаки с такой силой, что побелела кожа на костяшках пальцев.

— Теперь о порядке обмена, — деловито затараторил старик. — Я человек практичный. Вам, дружище, лучше избегать различных осложнений в отношениях со мной. Да и вообще всяких сложностей: чем проще, тем лучше. Ах да, чуть было не запамятовал! Вы должны гарантировать, что люди будут молчать обо всем том, что тут с ней происходило. Вам придется с ней не сладко: она — оперативник и выполняла особое задание органов, так что на мое условие едва ли согласится немедленно! Уж постарайтесь ей вправить мозги!

— Хорошо, — сказал капитан, не сводя глаз с телевизора.

Роуз сел за письменный стол и достал из его ящика записную книжку малого формата, с пневматической застежкой. Приведя нехитрое устройство в действие, старик раскрыл книжку на нужной странице.

— Итак, — сказал он, — я не думаю, что вы поручите кому-либо доставить товар прямо мне на

крылечко, как развозят в городе готовые обеды. Вы получите адрес одного человечка, который живет неподалеку от космопорта в Реплер-Сити. Как только груз доставят ему в целости и сохранности и мой человек убедится в том, что ему ничего не угрожает, вы, капитан, вместе с юной оперативницей и ее причудливым напарником сможете забраться в аэромобиль и улететь отсюда. Кстати, настоящие специи, если хотите, оставьте себе: мало ли, пригодятся в хозяйстве! Да, позовите своего пилота и растолкуйте ему, как обстоят дела. Мои люди не станут чинить ему препятствий. Конечно, вы, капитан, можете попытаться удрать от нас, но предупреждаю сразу: ничего у вас не выйдет!

Помните, вас освободят только тогда, когда удостоверятся, что мой агент жив и здоров. Он должен быть здесь, у меня, прежде чем вы окажетесь вне пределов нашей досягаемости и попытаетесь сами или при помощи какого-нибудь патрульного судна перехватить беднягу. Даю вам слово, что выполню все пункты настоящего соглашения. Вы можете сколько угодно называть меня грязным типом, ни одному слову которого не нужно верить, но знайте: я честный грязный тип. Я никогда не стреляю в спину. По крайней мере — днем! Но уж потом я сделаю все, чтобы уничтожить вас!

— Вы очень любезны, — пробормотал Мэл, вставая. — Положим, вы и впрямь отпустите пленников, но как я могу гарантировать их молчание?

— Не давайте им, особенно девице, установить контакт с начальством в течение трех ближайших дней, и тогда я почту вас, капитан, человеком, вполне сдержавшим свое слово. По истечении же указанного срока пусть себе болтают. Церковь сообразит в чем дело. Никакой суд не станет вас преследовать. А к той поре я уже переберусь в новое местечко. Уже один тот факт, что столь неопытный следопыт проник в мои покои, говорит о крайней, их, покоев то есть, уязвимости. Очевидно, местное отделение разведывательной службы — черт бы побрал этих гнусных ищеек! — знало обо мне довольно много, хотя и не располагало неопровержимыми доказательствами вины старины Роуза...

— Дайте мне ваше переговорное устройство, Доминик, — попросил Мэл, — и я доложу своему старшему о намечающейся процедуре обмена. Он выполнит все мои наказы.

— А вдруг он подумает, что вы отдаете свои распоряжения под дулом бластера, а не по доброй воле?

— Едва ли, — нахмурился Хаммураби, — он знает, что в подобной ситуации я не окажусь никогда. Или бластер будет в моих руках, или я буду мертв. Я не склонен доверять людям, у которых в руках оружие. Такие люди зачастую действуют необдуманно. Хорошо, что вы не прибегли к помощи подобных остолопов. Мне хочется как можно скорее увидать эту девушку!

— Не волнуйтесь, с ней все в порядке. Кингсли, конечно, молод, но чертовски талантлив. Он не успел изуродовать бедняжку. Кстати, я позабочусь о том, чтобы вас поместили в одной с нею комнате. Такой расклад может даже оказаться для вас выигрышным. Я бы на вашем месте не преминул возможностью попользоваться прелестями оперативницы! Впрочем, эта симпатяга долгое время, думаю, будет не в настроении беседовать с кем бы то ни было. — Тут Роуз махнул рукой в сторону телевизора. — К сожалению, мой юный друг еще слишком неопытен. Он не приобрел пока что навыков немедленного подчинения жертвы собственной воле. Будь ты хоть семи пядей во лбу, такие умения приходят только в процессе долгих упражнений!

Мэл поднес свой массивный кулак к физиономии старика.

— Прекратим эти мерзкие разговорчики, о'кей? Пусть торжествует логика, иначе вы своими разглагольствованиями доведете меня до того, что я сверну вам шею, и сделка не состоится таким образом!

Роуз невольно отшатнулся.

— Вы правы, если бы я покинул мир сей раньше назначенного мне небесами срока, ситуация значительно осложнилась бы. Вот сюда, пожалуйста...

Мэл уселся в кресло. Большеросłая девица, теперь уже одетая, лежала на кушетке по правую руку от капитана и спала. Ей оказали необходимую ме-

дицинскую помощь и дали снотворного. Мэл старался поменьше смотреть на красотку. Томианец Порсупах копошился у шкафчика, смешивая какие-то жидкости в мелкой посудине. Пахло шалфеем. Порсупах подошел к девушке и тихонько тронул ее за плечо, протягивая склянку с питьем. Недужная взяла в руки посудину и, сделав пару маленьких глоточков, глянула на улыбавшегося томианца. Сразу же, вслед за этим, напиток, приготовленный соратником, исчез в девичьей пасти.

— Ну и ну! — присвистнула оперативница. — Чего ты там намешал мне, грязный енот?

— Извини, милая, но я не могу тебе сказать этого. Поваренная тайна, ничего не попишешь. Рецепт выдумала еще моя прабабка, камышовая манулиха с астероида. Не могу переступить через семейные традиции!

— Ври больше! Это ведь виноградный сочок моей тетки! — Киттен поморгала глазами. — Хоооо!

— Оригинальная реплика! — улыбнулся Порсупах. — Однако я не слишком хорошо изучил арго землян.

— Это не арго, Порс. Просто междометный выклик. Видишь ли, моя тетка по линии отца делала чудесный виноградный сок и вино. Только, разумеется, все это было далеко не так чудесно... Сок неизменно выходил кислым и противным, а потому мой родитель, желая кого-либо или что-либо обругать, прибегал к теткиному соку в качестве метафоры.

Киттен свесила ноги с лавки, слегка морщась от боли и стараясь дышать ровно и глубоко. В эту минуту она впервые увидала Хаммураби.

— Спасибо, вам, мой милый, кем бы вы ни были!

Взгляд девушки и впрямь оказался исполненным благодарности. Мэлу стало неловко как-то, он даже поежился. Капитан надеялся, что когда девица изволит сесть, то непременно прикроет свою наготу, хотя бы отчасти. Ничего подобного: упругие вздернутые груди, смахивавшие на бивни грозного бородавочника, преспокойно пучились поверх опавшего платья. В принципе, Хаммураби было бы глубоко плевать на подобные вольности, но только в другое время и в другом месте. Сейчас ему ни в коем случае

нельзя отвлекаться на всяческие непотребные пустяки. Он занят очень ответственным делом.

Девица вела себя на диво спокойно, даром что претерпела страшные мучения недавно. Мэл никак не мог объяснить себе такое странное спокойствие, и собственная экспликативная беспомощность заставляла его нервничать.

Девушка посмотрела на капитана в упор.

— Дружище, я не запрещаю тебе, заметь, пялиться на мои груди, но скажи же наконец хоть слово! Представься хотя бы даме.

— Меня зовут Хаммураби, — просто сказал Мэл. — Малькольм Хаммураби. Я капитан личного транспортного звездолета «Умбра». А вы кто?

— А я лягушка-квакушка! — захохотала девушка, но мигом посерьезнела: — Киттен Кай-Сунг. И не нужно хмурить брови и коситься на кончики объеденных ногтей. Дураку понятно, что вы рассматриваете мои сиськи! Ну, может, ляжки еще!

— Солнце всеблагое! — заломил в отчаянье руки Хаммураби. — Значит вы именно поэтому так волнуетесь?

— Нет, это вы скорее волнуетесь!

— Да что вы, в самом деле? Нам сейчас не до брачных танцев и распушения хвостов, понимаете? Положение теперь такое, что...

— Скажите лучше, — попросила Киттен, пытаясь в припадке комичной стыдливости заложить себе груди под мышки, — в каком положении вам хотелось бы видеть меня?

— Сдавайтесь, капитан, — посоветовал Мэлу Порсупах, — вам ее не одолеть!

— Вы что, любезнейший, хотите сказать, что я больше уже не в свободном плавании? — взъерепенился Хаммураби, после чего Киттен и Порс дружно, хотя и несколько истерически, захохотали.

— Объявляю перемирие, — проговорила, давясь от хохота, Кай-Сунг. — Знакомьтесь, капитан. Это лейтенант Порсупах! Мы с ним оба — сотрудники Разведывательного Управления Вселенской Церкви. Если здесь установлены подслушивающие устройства, то пусть этот старый содомит знает, кто мы такие. Мы от всей души благодарим вас, о наш

чудесный спаситель! Если б не вы, из нас давно бы приготовили уже ростбиф эти гнусные извращенцы. Впрочем, теперь уж мы можем с полным правом сказать, что привело нас сюда не что иное, как приказ начальства: выяснить, какое отношение имеет развалина Роуз к возобновившимся поставкам винта, наркотика исключительно опасного! Но нас раскрыли из-за одной ничтожной оплошности, какие весьма часто допускаются начинающими оперативниками.

— Да, — поддержал подругу и соратницу Порсупах, — все обычно попадаются на мелочах. Подумать только, из-за какого-то паскудного окурка провалено задание громадной важности. А ведь у нас в руках уже почти все доказательства находились — доказательства причастности Роуза к торговле наркотиками. Не будет лишним подчеркнуть еще раз, что вы, капитан, буквально вырвали нас из лап смерти. Все висело на волоске.

Усики у Порсупаха неврически задрожали.

— Ну, не надо заводиться, — успокоительным тоном проговорил Мэл. — Могу сообщить вам в качестве некоторого утешения, что вы стояли на верном пути. Я собственными глазами видел контейнер с наркотиками!

— Неужели? — в сильном возбуждении воскликнула Кай-Сунг и вскочила на ноги с таким проворством, как будто в ней распрямились некие невидимые пружины. Тотчас девушка застонала от боли, и, перегнувшись пополам, точно тряпичная кукла, села обратно на лавку. Помолчав немного, она подняла голову и как ни в чем не бывало, продолжала: — Как только мы выберемся отсюда, я обязательно выполню уже давно составленный мною план. Первым пунктом там значится отмщение той нарциссической горстке протеинов в стадии брожения, что зовется Расселом Кингсли.

— Так это сынишка старика Кингсли? — изумился Мэл. — Я кое-что слыхал о его любовных и прочих подвигах. Значит, далеко не все слухи оказались ложными! Вот ведь как выходит: работаешь на человека, работаешь, а что он за дерьмо — и знать не знаешь!

Теперь настала очередь Порсупаха удивляться.

— Неужто вы — старинный друг семейства Кингсли?

— Меня связывают с ними давние деловые отношения. Вот и сейчас я нахожусь на Реплере только потому, что «Умбра» доставила груз для «Чэтем Кингсли Фишериз энд Гудс Лимитед». Старик сам отчасти пропитан душком фатовства, но вполне в рамках приличий... Не думаю, что он знает всю правду о садистских наклонностях своего сыночка. Мать умерла, когда Рассел был еще совсем малыш. Видимо, о его воспитании никто толком не заботился. О деньгах парнишке заботиться не приходилось и он вполне отдался на волю своим чувствам и прихотям.

— Ну прямо сиротинушка! — ледяным голосом проговорила Киттен.

— Отец очень привязан к дитяти. Можно сказать, души в нем не чает!

— Очень трогательно, — все тем же тоном продолжала Кай-Сунг. — Я уж было начала думать, что неминуемая смерть бедняги Рассела ни в чьем сердце не отзовется жестокой болью и тоской! Впрочем, я и сейчас уверена, что никому не нужен этот мерзкий кретин. Теперь о деле. — Тут Киттен несколько смягчилась. — Неужели, Мэл, тебе удалось добраться до наркотиков?

— Ну да, натурально. Оказывается, последняя партия винта, предназначавшаяся Роузу, случайно затерялась среди контейнеров Кингсли. И Доминик, и я сам лишь случайно узнали о такой незадаче. Но вот торговцы... Сюда же я явился заключить сделку: в обмен на прекращение торговли винтом я пообещал не доводить до сведения власти информации обо всем случившемся. Имеющихся у меня доказательств с лихвой хватило бы на то, чтобы преступников приговорили к вышке, то есть к насильственной и пожизненной амнезии. Кому же охота впадать в беспамятство? Ведь это гаже физической смерти. Любые иные наркотики не вызывают у меня столь сильной тревоги: хотят какие-нибудь идиоты замазывать себе в вены разную дурь — пускай! Но винт — другое дело. Всякий, кому доводилось по-

пробовать хоть одну задвижку этого зелья, неизменно чувствовал себя потом грязью и сволочью. Но... вы уже поняли, сделка не получилась. Мне пришлось выложить несколько кубиков в качестве выкупа за вас. Знайте, Роуз всерьез намеревался вас прикончить!

— И все-таки вам не следовало расставаться с винтóм! — сказала Киттен с укоризной.

— Мне не у кого было спроситься, — жестко отозвался Мэл.

— Ну а если я себя убью, а Порсупах последует моему примеру?

— Тогда Роуз будет угрожать смертью и мне, если я не верну ему товар. Захоти вы столь дружным самоубийством лишить Доминика его главного козыря, он про все на свете забудет, кроме своей главной цели. Мне волей-неволей придется отдать ему свой винт. В противном случае я отправлюсь на небеса, а к этой отправке у меня пока нет ни малейших позывов!

— Оно и понятно, — с некоторым сожалением вздохнула Киттен. — Прости, Мэл, за то, что подвергла тебя такому испытанию!.. Но скажите, вам действительно хорошо известно, что эта штука делает с людьми?

— Хорошо. Во всяком случае несколько лучше, чем вам, дети мои.

— Я тебе не ребенок! — взвилась Киттен. — Назовешь так еще хоть разок — башку проломлю!

— Верю, что проломишь, — улыбнулся Мэл, — но что это изменит? Сделка об обмене винта на двух заложников заключена и уже работает. Деваться некуда.

— А нельзя как-нибудь эту сделку аннулировать? — полюбопытствовал Порсупах.

— Только в том случае, если мне удастся получить доступ к передатчику. Хотя бы к тому, что находится на борту моего аэромобиля. И сделать это нужно прежде, чем получить винт. Впрочем, ерунда, пустое теоретизирование: ничего сделать не удастся, даже если бы мы все очень захотели. У меня даже и желания нету. Все мои желания очень просты и сходятся в одной точке: спасти свою жизнь

вкупе с вашими, приятели, даже если вам и наплевать на них!

— Но встает вопрос о том, — сказал енот, — какой ценой заключена эта сделка. Вы забываете о несоизмеримости двух зол: смерть троих и гибель миллионов. Что ни говори, а последнее зло куда страшнее первого. И между прочим, мне моя жизнь дорога, капитан!

— Твоя карта бита, Мэл, — подытожила слова Порсупаха Кай-Сунг.

Хаммураби начал потихоньку сердиться на своих сокамерников. В особенности на Киттен, которая вовсе не выглядела несчастной девушкой, попавшей в лапы к лютому ворогу и страстно желающей лишь одного: избавления.

— Послушай, ты, альтруистка...

Кай-Сунг мрачно посмотрела на капитана и, казалось, приготовилась к тому, чтобы перевести спор в практическую плоскость и решить на кулачках, кто прав и кто виноват.

К счастью, в тот же миг до слуха всей троицы донеслось мелодичное гудение дверного звонка. Взгляд Порсупаха был красноречивее всяких слов и конфликт прекратился, едва успев начаться.

— Дверь не заперта, — крикнул енот в дверной микрофон. — Разве это возможно, господа?

Панель бесшумно отъехала в сторону, и на пороге появился Филипп. В его руках был поднос, на котором помещалось множество всевозможных блюдец, розеток, тарелочек, чашек: изрозово-коричневые моллюски, белый хлеб, масло, специи, бисквиты с корицей, отварной картофель, копченые змеи...

— Меня кликнули на кухню, — отчитался парнишка, — и велели принести все это.

И Киттен, и Порсупах онемели, заметив на плече вошедшего пресмыкающее. Их обоих точно ледяной водой окатили.

— Не пугайтесь, друзья, — небрежно бросил Мэл. — Змейка совершенно ручная!

— Я знаю, что может сделать с человеком эта гадина, — прошептала Киттен, осторожно придвинувшись к Мэлу, имевшему неосторожность усесть-

ся на ее лавку. — Укушенная такой змейкой жертва погибает в страшных муках.

Мэл подавил в себе внезапное желание обнять девушку: ей это могло понравиться, а там пиши пропало...

Филипп собрался было уходить, но вдруг остановился и внимательно посмотрел на Хаммураби.

— Вас удерживают здесь против вашей воли, да?

— Вы очень проницательны, юноша, — ехидно пропищала Кай-Сунг, хотя ее вовсе и не спрашивали.

— У его светлости часто бывают различные гости. Иногда они оказываются весьма странными персонами.

Филипп почесал чешуйчатый затылок своей питомицы. Змея, на миг вскинула голову и посмотрев недоуменно на хозяина, вновь свилась клубком и погрузилась в дремоту.

— Должен признаться, сэр, — сказал Филипп, по-прежнему обращаясь к одному капитану, — что мне кое-что известно о наркотиках.

Мэл, Порс и Киттен замерли от изумления.

— Ваше прибытие сюда, сэр, — продолжал юнец, — помогло мне понять некоторые вещи, которыми я давно уже интересовался. События представляются мне далеко не в самом ярком свете! Но... если я помогу вам спастись, вы можете обещать мне, что остановите поток винта в Реплер-Сити?

Киттен опять нетерпеливо подалась вперед.

— Неужели, добрый молодец, ты можешь вызволить нас из нашей темницы?

На лице Филиппа появилась грустная улыбка.

— Всех вас ожидает либо расстрел, либо утопление, либо электроток смертельного напряжения. Если вы согласитесь рискнуть, я вам попытаюсь помочь.

— Он знает выход из лабиринта, — пояснил Мэл сам себе.

— Тогда мы не только уничтожим наркотики, — воодушевленно заговорила Киттен, как если бы уже покинула узилище, — но и по заслугам наградим тебя, храбрый витязь!

— Тебе также будет гарантирована защита, — влился Порсупах, — от недоброжелателей, которые непременно уцелеют даже после того, как Вселенская Церковь покончит с наркоимперией Роуза.

Филипп с недоумением осмотрел щедрого на посулы енота, потом улыбнулся и внезапно заговорил на целую октаву выше прежнего, причем слов нельзя было разобрать вовсе. Мэл примерно понимал, правда, о чем шла речь, так как изъяснялся на томианском достаточно бегло для того, чтобы вступать с кем-нибудь в торговые отношения и т. п. Этот язык отличался своими вычурными тоническими ударениями и запутанным синтаксисом, однако юнец говорил без малейшей запинки.

Внезапно Филипп замолчал. До того внезапно, что Киттен даже немного опешила: впрочем, у каждого языка свои особенности. Бог с ними...

Окончив свой разговор с енотом, юнец взял поднос под мышку и вышел вон. Дверь беззвучно затворилась за ним.

— Ну что, Порс, — спросила Кай-Сунг, — как тебе этот мальчишка?

— Он говорит на чистейшем томианском. Произношение дифтонгов безупречное. Диссимилятивного аканья не наблюдается. Цоканья тоже. А уж какие у него смычно-щелевые — любо-дорого! Даже в родимой сторонке я таких безукоризненных смычно-щелевых не слыхивал!

— Не сомневаюсь, что на одном дыхании он сможет выговорить по-вашему даже такие сложные слова, как «к-о-т» и «п-е-с»!

— Напрасно иронизируешь, милая Киттен!

— Ну ладно, Порс, ладно. Давай выкладывай, что он там тебе наболтал!

Мэл смотрел на закрытую дверь. Он тоже прекрасно понял, о чем говорил юноша, но решил не подавать виду.

— Как вы думаете, приятели, — спросил капитан, — не слишком ли странно, что обычный золотарь в совершенстве владеет томианским да и вообще, надо полагать, страшный полиглот?

— Он золотарь? — изумился Порсупах. — Ну и ну. Да, слушайте. Юнец сказал, что просит нас

подождать его. Велел нам быть готовыми ко всему. Потом он помолился за нас, что мне лично очень польстило, выразил свое негативное отношение к наркобизнесу и заявил, что совершенно не нуждается в нашей защите от кого бы то ни было! Он, дескать, сам с усам...

— Что-то он слишком уж самоуверен для подмастерья! — заметила Киттен. — Хотя нам все равно. Лишь бы помог выбраться отсюда!

— Еще юноша выразил надежду, — добавил Порсупах, — что вы с Мэлом хорошие пловцы. Относительно моей персоны, — тут енот стянул с ноги сапожок и зашевелил пальцами, демонстрируя собранию кожистые перепонки меж ними, — у него никаких вопросов не возникло.

— Вы думаете, он и впрямь спасет нас? — с надеждой спросил томианца Мэл.

— А почему вы это у меня спрашиваете? — вопросом на вопрос ответил енот и подошел к загроможденному всевозможными яствами столу, тотчас нацелившись на копченую эфу. — Я могу сказать с уверенностью только одно: в течение ближайших десяти-пятнадцати минут мне не хочется предпринимать никаких решительных действий, исключая разве что активное освоение белково-углеводного бассейна. Жрать охота, господа! Со вчерашнего вечера у меня ни крошки во рту не было.

— Не слишком увлекайся, Порс, — наставительно заметила Киттен, также придвигаясь поближе к кушаньям, — а то так набьешь себе брюхо, что и плыть не сможешь, между тем, нам, по твоим же словам, предстоит преодоление серьезной водной преграды. Не надейся, что пожелаю быть твоим буксиром, обжорливый енотишка!

Едва были доедены последние крошки дивного угощенья, Филипп вновь вошел в дверь. На его одежде виднелись пятна смазочного масла, сажи и просто куски ссохшейся грязи. Крылатая змея все так же сидела на плече у юноши, но уже не спала: голова рептилии горделиво болталась на длинной напряженной шее, одна лапа (змея являлась скорее драконом, нежели обычным гадом) нервно била по воротнику хозяина, крылья, то и дело хло-

пали друг о дружку, — словом, все говорило о том, что драконесса готова в любую минуту взлететь в воздух. Филипп внимательно оглядел едоков и, решив, что перед ним нет противников, подлежащих немедленному уничтожению, несколько расслабился.

— За мной, быстро! — прошептал парнишка и опять исчез в дверном проеме.

Вся троица последовала за своим необычным вожаком. Мэл двинулся впереди оперативников и скоро заприметил Филиппа уже в самом конце слабо освещенного коридора. Юноша обернулся, понял, что спасаемые им существа по-прежнему желают быть спасены, и резко свернул за угол, предварительно призывно взмахнув рукой. Мэл, Порс и Киттен ринулись вперед.

— Сохраняйте тишину и спокойствие, — попросил Филипп, когда друзья нагнали его, — и держитесь правой стороны. По возможности ни к чему не прикасайтесь.

Беглецы и водительствующий ими юнец миновали целый ряд плотно запертых дверей. Никто не слышал уже ничего, кроме собственного дыхания и шагов соседа. Наконец в одной из ниш открылась крохотная дверца. Филипп сунулся в проем и мигом вылез обратно: все чисто, дескать, идемте! Киттен и Мэлу пришлось нагнуться, чтобы не стукнуться о притолоку. Хаммураби успел разглядеть на двери табличку, гласившую: «Вход разрешен только работникам биоинженерной службы!»

Прямо у порога валялось два трупа, так что понадобилось не только сгибаться в три погибели, но и почти до самого подбородка поднимать ноги, чтоб не споткнуться о жмуриков. Мэл заметил, как у одного из почивших была вывернута шея, и понял происхождение тех корчей, в которых бедняге пришлось расставаться с жизнью. Второй мертвец, облаченный, между прочим, в комбинезон механика, вытянулся во весь свой богатырский рост. В руке он сжимал бластер, очевидно, ни разу не успевший выстрелить. Лицо изборождено было глубокими шрамами, почти бороздами, в одной из которых виднелась молочно-белая кость. Лицевые мышцы

свела страшная судорога. Нечего сомневаться, здесь потрудилась крылатая змейка!

Киттен знакомилась с многочисленными воронками в стенах, за каковыми воронками начинались длинные туннели с низкими потолками. Судя по всему, эти туннели являлись основными артериями сложнейшего подземного хозяйства. В некоторых из них журчала вода, стекавшая в невидимый коллектор. Стены слагались из камня и местами оказывались то горячими и сухими, то холодными и влажными. Ни слова не говоря, Филипп углубился в крайний слева туннель, выглядевший несколько шире прочих.

В слабом свете красноватых люминесцентных светильников, расположенных на довольно значительном удалении друг от друга, беглецы с огромным трудом различали фигурку своего долговязого вожатого, двигавшегося футах в десяти от них, но оказавшегося выходцем с того света. Никто не знал, куда именно тащит их этот загадочный паренек. Что ждет их впереди? Не садистские ли все это ухищрения самого Роуза? Киттен уже успела ознакомиться с тем, насколько тонко шутит старичишка. Не решил ли Доминик избавиться от всех троих сим прихотливым способом? Поди разбери. Кажется, Филипп вот-вот исчезнет за очередным поворотом и оставит несчастную пару приматов вместе с енотом гнить в темных переходах запутаннейшего из лабиринтов...

Киттен вдруг заметила, что пот ручьями льется по ее телу. Вечернее платье сильно намокло запашистою влагой, будучи, отчасти, не предназначено для путешествий по подземельям.

— Здесь страшно сыро! — пробормотала Кай-Сунг.

— Чепуха! — послышался до тошноты жизнерадостный голосок томианца. Да уж ему-то есть с чего веселиться: Реплер с его дождями и туманами, с непомерными пространствами, занятыми водой, довольно сильно смахивал на привычный для енота мир. — Если повышенная влажность раздражает тебя, — сказал Порс, — вспомни, как тепло и сухо было в пыточной его светлости!

— Ничуточки не смешно! — огрызнулась Киттен, хотя ее коллега вовсе и не думал шутить. Очевидно, туннель пролегает под океанским дном и ведет прямиком в Реплер-Сити. Боже, неужто еще долго придется бежать в духоте и сырости, согнувшись дугой и колотясь макушкой о каменные своды туннеля? — Тебе бы очень понравилось, Порс, — взвизгнула Кай-Сунг, — если б я завязала тебе узлом хвост и затолкала его в глотку?

— В свою?

— В твою, идиот!

— Попробуй сначала поймать меня, а уж потом угрожай и приводи угрозы в исполнение!

Крошка-енотик был единственным во всей честной компании, кому низкие своды подземных сообщений не доставляли никаких неудобств. Он браво шлепал по лужам своими перепончатыми лапами и особенно удовлетворенно покряхтывал тогда, когда удавалось ступить в небольшую речушку, текущую в неглубоком бетонном русле ровно посредине туннеля. Лапы Порсупаха сладко вязли в слякотной тине и потом высвобождались из нее с неотразимым причмокиванием, всхлипами и нежнейшим насосным выхлопом.

— Куда же ведет это шоссе? — ни к кому не адресуясь, но довольно громко осведомился Малькольм. — И откуда берется столько воды?

Киттен посмотрела на капитана с завистью: он, похоже, не испытывает затруднения с дыханием.

— Всему виной — конденсация! — голос Филиппа звучал гулко, наплывая на Хаммураби и его спутников волнами. — Туннель обеспечивает доступ к очистным сооружениям. Отсюда осуществляется контроль забора чистой воды и выброса воды использованной, сточной. Выход из туннеля закрыт решеткой, к которой подведен ток высокого напряжения. Электротоком управляет компьютер, отвечающий за оборону всего острова. Однако на очистной станции есть пульт с которого можно обеспечить все решетки у выходов на получасовой срок. Если мне удастся сделать это, то наверняка отключатся и системы сигнализации. Мы спокойно сможем выйти отсюда.

— Но даже пускай все это у нас получится, — задышливо проговорил Мэл, — как доберемся мы с очистных сооружений до аэродрома?

— Один из туннелей имеет выход как раз на берегу гавани. Решетка рассчитана лишь на то, чтобы не впускать в систему представителей морской фауны. Для разумных существ она — не преграда. Решетка довольно прочна, но незатейлива: мы с ней быстро управимся. Оттуда до взлетной площадки придется добираться вплавь. Вся мощная оборонительная сеть острова расположена чуть в стороне от намеченного мною маршрута. И не беспокойтесь насчет воды: содержание соли в ней достаточно невелико! Бесспорно, она не очень приятна на вкус, так как сильно разбавлена выбросами с предприятий и т.п., не станете же вы ее пить?

— Не станем, — скрежеща зубами, заверила Кай-Сунг.

Туннель сделал еще один резкий поворот, и все внезапно оказались в небольшой, ярко освещенной комнатке, заставленной приборами и устройствами автоматизированной системы управления. Мэл и Киттен наконец-то смогли выпрямиться во весь рост.

По правую руку от путников находился трап, недлинный и неширокий. У подножия, так сказать, сего трапа брали начало два водных канала. Вода в одном из них была весьма неприглядного изжелта-зеленого оттенка. Каналы закрывал громадный пластиковый купол.

— Левый канал служит для сброса очищенных отходов, а по правому поступает чистая морская вода для опреснительных установок.

— Но ведь каналы выходят в океан в разных местах? — спросил Порсупах велемудрого юношу.

— Разумеется. Канал забора ответвляется почти под прямым углом. Его выходное отверстие расположено в совершенно неосвоенной части острова. Сточный же канал открывается в океан как раз возле бухты. Течение там очень сильное и быстро уносит отходы далеко от берега. Вроде бы все и ничего, да вот боюсь: а что, как не сумеем проско-

чить насосы водозабора? Пластиковые крыши тунелей неровные, но воздуха все-таки должно хватить.

— Что вы, юноша, подразумеваете под этим «должно хватить»? — поинтересовалась Киттен.

Ответа не последовало. Филипп взглянул на часы.

— Наверное уже стемнело, — сказал он. — Сожалею, но мне не удалось подобраться к расписанию приливов и отливов. Не находилось подходящего предлога спросить об этом, ведь сам по себе такой вопрос в устах золотаря — крайне подозрителен. Иногда, если обе луны в небе, уровень воды до самых высоких переборок купола.

— Вот оно в чем дело! — присвистнул Порсупах и бросил Киттен: — Набери в легкие побольше воздуху: там, под куполом, он тебе пригодится!

Киттен оценила шутку друга по достоинству.

— Да я вот только собиралась набрать воздуха, только не знаю, какой ноздрей вдохнуть сначала, правой или левой? Может, ты присоветуешь, капитан?

Но Мэлу было не до глупых шуток. Он внимательно следил за действиями Филиппа, который уже снял с петель металлическую панель и забрался в отсек с инструментами. Словно по мановению волшебного жезла в руках парнишки оказались какие-то таинственные приборы и орудия, одно из которых сильно напоминало отвертку с немыслимой формы головкой. Филипп на минутку отложил инструмент и глянул на Мэла.

— Я думаю, капитан, вам следует занять позицию около двери, — сказал хлопчик и сконфуженно присовокупил: — Это единственный выход из всего комплекса. Мисс Кай-Сунг и Порсупах-ал! Будьте любезны, снимите вон ту секцию пластиковой крыши. Этого будет вполне достаточно, чтобы проскользнуть внутрь и сэкономить таким образом немного времени для самого главного. Я говорю о левом канале. На каждой стенке там есть крепко закрученные болты, рассчитанные на высокое давление. Чтобы снять эту секцию требуется усилие всех четверых, по двое — с каждой стороны.

Мэлу показалось, что время остановилось. Он смотрел то в зев туннеля, по которому они пришлепали сюда, то на дверь комплекса, то на Киттен и Порса, соединенными усилиями выкручивавших болт. Болт не поддавался.

Мэл перевел взгляд на Филиппа. Юноша работал быстро и ловко, не останавливаясь ни на секунду. Похожие на паучьи лапки, пальцы двигались в паутине проводов, импульзистров, подвижных сочленений и жидких компонентов устройства.

— Думаешь, нас хватились уже? — спросил капитан Филиппа.

— Трудно сказать. Если кого-нибудь посылали проведать вас после моего визита с подносом, то да, а если нет — нет! Точно известно только то, что в вашей камере не было установлено никаких систем электронного слежения типа «тюремник-тюремщик». Но сейчас уже наплевать, хватились нас или нет. И, тем более, нет нужды возвращаться, чтобы проверить, как там у них дела.

Мэл не слишком удивился, заметив, что юноша сильно вспотел. Видимо, нервничал, бедняга. А может, просто от усердия взмок. Движения его сделались выверенны и плавны.

— Я только что отключил сигнализацию. Еще мгновение — и решетка на дренажном туннеле будет обесточена, черт бы побрал эти переключатели: крышка никак не хочет сниматься!..

— А разве в компьютере нету дублирующей цепи на случай чрезвычайного происшествия? — спросила Киттен.

— Существует, и как раз вот в этом месте — ее контакты. Я сейчас их отключу. Это сложнее всего. Устройство очень хитрое, но я справлюсь. А вы следите лучше за дверью в комплекс. Боюсь, что кто-нибудь войдет сюда, пока мы будем плыть к выходу и опять включит ток. Ага... ага... так... Готово, отключил!

— Эй, вы, что там...

Мэл не думал и не смотрел. Он мгновенно развернулся и ребром ладони рубанул по шее неизвестного. Человек так и не сумел закончить предложения. Однако Мэлу следовало тщательнее наблюдать за

дверью. Охранник забрел в туннель и даже успел удивиться. И пускай страж валялся теперь у порога без признаков жизни на лице, Мэл понимал: он сплоховал! Но тут же затворил дверь, подавив желание выглянуть и посмотреть, нет ли за ней еще каких-нибудь любопытных. Потом взглянул на поверженного бойца. Выяснилось, что это вовсе не боец, а самый обычный биотехник.

— Я не хотел избивать его столь сильно, — пролепетал капитан, — но он напугал меня.

— Да уж, — брякнул Филипп, вытягивая шею и пытаясь получше рассмотреть, что же, собственно, произошло. Не рассмотрев ничего примечательного, он опять вернулся к своей возне с компьютером. — Мне кажется, вы свернули бедняге шею, — сказал мальчишка. — Впредь буду криками предупреждать вас в каком-нибудь темном переулке: мол, Филипп идет, кулаками не махать. — Панель парень отставил в сторону и выпрямился, вытирая руки о штаны. — Чем дальше наши гипотетические преследователи будут оставаться в неведении относительно того, что они — преследователи, тем лучше. — Взгляд упал на Киттен с Порсом. — Ну а у вас как делишки?

— Секундочку!

Киттен с силой налегла на последний болт, и тот наконец поддался, мягко зашипев, что означало нарушение в подаче вакуума. Девушка и енот подняли освободившуюся секцию и положили ее на другую такую же секцию, уже валявшуюся на полу. В образовавшийся лаз мог протиснуться даже великан Хаммураби и даже еще несколько дюймов осталось бы.

Мэл шагнул к каналу и тотчас остановился, глядя на Филиппа.

— Вы правы, — кивнул тот, — другого выхода у нас нет!

Мэл вымученно улыбнулся и взвалил себе на плечи труп техника.

— Даже если ваше отсутствие и обнаружится, то это не значит еще, что преследователи бросятся именно сюда. Из служебного помещения в разные стороны ведут десятки туннелей.

— Давайте обсудим этот вопрос чуть позже за кружкой чая, — предложил Мэл, придерживая труп одной рукой, чтоб с плеч не сполз, — или даже чего-нибудь покрепче в городском салуне.

Порсупах и Киттен уже вступили в зеленоватую жидкость и двинулись вперед по неглубокому каналу, держась за выступы конструкции, находившихся чуть выше уровня сточных вод, чтоб течением не снесло.

— Но что же делать с телом, Филипп? — осведомился капитан. — Ты говорил, что жижа выносит наружу все, что в нее попадает. Остров мал, и мне не хотелось бы, чтобы мертвеца засекли, причем именно в то время, когда мы будем пробираться к аэромобилю.

— Когда мы доберемся до устья дренажа, то я подниму решетку. Все выйдут. Вы, капитан, положите тело на дно желоба, я решетку опущу, и ее острые зубья надежно пригвоздят беднягу ко дну. — Филипп взялся за поручни и опустился в мелкий, но очень стремительный поток. Надо захватить снятую с купола секцию и запереть ей вход изнутри. Болты, между прочим, тоже сделаны из пластика. Никому и в голову не придет, что мы их откручивали. Разве что сорванные пломбы выдадут. Ну да кто на них станет смотреть?..

— Э, да ты, видно, большой мастер по части побегов, а...

— А хожу всего лишь в подмастерьях у сантехника? — Юнец ухмыльнулся, помогая Малькольму опустить труп в поток зловонной жижи. — Это все потому, что я прочел уйму различных приключенческих книжонок.

Филипп потянулся, встал на цыпочки, но, несмотря на свой внушительный рост, так и не дотянулся до края сорванной секции. Хаммураби пособил ему, обхватив накрепко мальчишеские тугие бедра и приподняв всю тушку на пару футов вверх.

— Но как же быть с той решеткой, о необходимости снятия которой вы так долго говорили, юноша? — полюбопытствовала Киттен. — Каким образом мы с ней справимся, если вы отключили энергопитание?

— Ничего страшного. Ее можно голыми руками поднять. Там нету ни единого замка, ведь небольшого электрического заряда вполне хватает на то, чтобы отпугивать неразумных морских тварей.

Утешив Киттен, Филипп препоручил себя бурному течению, но так, что и в неистовом кроле ухитрялся делать друзьям призывные знаки: дескать, отдайтесь стихии, мозгляки! Беглецы отдались.

Вода в канале приятно ласкала тело, ибо была довольно теплой. Однако очень скоро Киттен заметила, что сильно дрожит. В пещере совершенно отсутствовало освещение, тьма казалась почти осязаемой. Кай-Сунг не спеша рассекала жижу руками, стараясь, безусловно, чтобы большую часть работы по поддержанию тела на плаву выполняло течение. Время от времени загребущие (но только в посредственном брассе) ладошки девушки ощупывали какие-то выступы и закругления: очевидно, то были повороты желоба. Однако Филипп не заикался о наличии каких-либо отводных каналов (к отстойнику, например, или к вольеру для рыбы), и Киттен не слишком беспокоилась за свою судьбу. Подле девицы вспенивал воды могучий Хаммураби, иногда захлестывая соседку пенистыми бурунами. Киттен боялась захлебнуться в кильватерной струе, оставляемой чуть вырвавшимся вперед капитаном. «Да, — думала оперативница, — придется временно табуировать все мои угрозы переломать руки и ноги этому питекантропу. Слишком уж он легко свернул шею несчастному биотехнику».

Порсупах плыл где-то позади головной группы. Было решено, что он сделается чем-то вроде сторожевого катера, раз уж его дарования в смысле освоения водной стихии столь велики. В случае преследования подобная расстановка сил непременно оправдает себя. Правда, уж если за ними снарядят настоящую погоню, то спастить будет крайне затруднительно, однако сама идея прикрытия тылов выглядела чрезвычайно привлекательной, и никто не решился выступать против нее.

«Где-то впереди юный проводник уже нащупывает, верно, решетку, — вздохнула Киттен, и едва не

поверхнулась зловонной водицей. — А что, как эта решетка под напряжением? Да, насчет приливов Филипп был прав. В некоторых местах вода поднялась так высоко, что уже приходилось биться головой о пластиковый купол. На поворотах и вовсе приходится нырять, отталкиваясь от склизких стенок желоба и стараясь показаться на поверхности не где-нибудь, а именно в воздушном мешке».

Действительно, однажды Киттен всплыла, и вместо глотка воздуха в глотку ей забился ком водорослей. Оперативница тотчас нырнула обратно, изо всех сил работая руками и ногами. Вот наконец и воздушный карман, спасительная ниша! Однако паника заставляет вас дышать чаще, а следовательно, выброс углекислого газа в атмосферу увеличивается. Киттен всегда помнила об этом и крепилась: только бы не запаниковать, только бы сохранить спокойствие!

В одном из туннелей было особенно темно, как в мешке с углем. Единственным источником света был хронометр Киттен. Бляшка со светляками-цифрами послушно двигалась рядом с девушкой, точно не являлась каким-то инородным телом.

Через несколько секунд после прохождения темного туннеля Кай-Сунг наткнулась на что-то холодное и твердое. Оперативница всплыла, плечи ее вышли из воды, руки вцепились в металлическую решетку. Затем, вспомнив, что электричество способно врубиться в любой миг, девушка разжала пальцы.

— Петли немного туговаты, мисс Кай-Сунг, — сказал где-то совсем рядом Филипп. — Ага, вот одна пошла!

Тотчас что-то с шумом выплыло на поверхность неподалеку от Киттен. Этим «чем-то» оказался капитан Хаммураби. За ним с тонким посвистыванием следовал Порсупах. Теперь даже томианец дышал с трудом. Не по причине усталости, а в силу того, что уж больно здесь воздух был спертый.

— Все целы? — спросил Филипп. — Отлично. Я выпрыгну из воды, чтобы поднять решетку. Мисс Кай-Сунг и Порсупах-эл, слушайте, к вам обращаюсь! Ждете десять секунд и плывете за мной. Насто-

ящий туннель имеет пологий спуск и ведет прямо к морю, причем выходное отверстие расположено практически у самой воды. Его с берега не видно. Вот и все. Берег каменистый. Найдите там укромное местечко, которое не просматривается с наблюдательных вышек. Теперь о ваших функциях, капитан. Когда мисс Кай-Сунг и Порсупах-эл выскользнут из туннеля, я опять поднырну под решетку, подниму ее и буду долго держать со стороны моря. Вы же, капитан, опуститесь вниз, неся труп под мышкой, и как только окажетесь на дне, сразу стучите часами по решетке и тяните мертвеца за собой. Я услышу стук и отпущу решетку, которая точно и надежно прижмет жмурика ко дну.

Не дожидаясь ни замечаний, ни тем более возражений, юноша глубоко вздохнул и ушел под воду. Порсупах и Киттен сосчитали в один голос до десяти и также нырнули. Капитан напряженно ждал сигнала. Время тянулось медленно. Наконец послышались всплески.

— Готовы, Мэл?

Хаммураби небрежно перекинул труп техника с правого плеча на левое.

— Можно вопрос?

— Да.

— Я, Филя, не серпентолог и потому хочу спросить, есть ли у вашей змейки жабры?

— А, Пип? Просто я случайно обнаружил, что она может долгое время обходиться без кислорода. Но мне пока не удалось найти подходящее объяснение этому. Все. Я пошел.

Опять вздохи, бульканье и тому подобное. Выдержав паузу, Мэл тоже нырнул, хотя труп крайне затруднял погружение, ибо обладал какой-то совершенно невероятной плавучестью. Филипп не солгал: решетка уходила в воду довольно неглубоко. Мастер голубой дорожки принялся водить рукой по дну, нащупывая зубцы решетки. Постепенно удалось подтащить несчастного техника под эти металлические бивни. Уже задыхаясь, Мэл стукнул три раза браслетом от часов по железным прутьям, и решетка тотчас опустилась, крепко пришпилив усопшего ко дну.

Мэл развернулся и поплыл прочь. Чувствовалось, что Филипп где-то неподалеку. Капитан был несколько обеспокоен тем, что при подаче напряжения на решетку обнаружится нарушение контакта — из-за «мертвого тела утоплого трупа». Сработает сигнализация, и беглецов застукают!

Ан нет! К тому времени след их простынет. Все идет по плану!

О другом варианте Мэлу не хотелось думать.

Оба они вынырнули на поверхность одновременно. На небе виднелась лишь одна луна, а не две. На берегу хорошо различимы были очертания двух фигур, тесно прижавшихся друг к другу под горным кряжем. На них смотрели сразу две физиономии, одна из которых — явно человеческая. Мэл и Филипп подплыли к физиономиям и распластались на поверхности огромного валуна, тяжело дыша.

— Как приятно снова вдыхать свежий воздух! — воскликнул Мэл.

— Да уж, приятно. Меня тоже валит с ног от усталости.

— Зато в городе спокойно.

— До начальства далеко, а тачка еще дальше!

— В каком направлении находится гавань? — спросила всплывшая Киттен. — Я потеряла всякую ориентировку.

— Гавань вон там, — махнул рукой Филипп. — Остров маленький. Большая часть сооружений — под землей. Вы, мисс, не знаете, где стоит транспорт капитана, поэтому не теряйтесь из виду. В гавани много судов и автомобилей. Там легко может заблудиться всякий!

— Не учите меня жить. Я уже большая девочка. Процесс гуления закончился. Молочные зубы вывалились.

— А как, — встрял Мэл, — обстоит дело с патрулями и сигнализацией?

— Охранников там немного, — отозвался Филипп, — но по периметру стоят передатчики, покрывающие электронным полем все пространство. Действует такая система довольно эффективно. Нам нужно будет взлететь в воздух сразу и лететь только над самой водой. Высоко не подниматься. Едва мы

выйдем из-под контроля особых систем и окажемся на территории прихода, его светлость немедленно потеряют к нам интерес и начнут собирать вещички.

— Вы уверены, юноша? — спросила Киттен.

— А что еще остается?

— Курить люблю.

Филипп соскользнул в воду и поплыл к маяку.

— Ожидается ли сегодня вечером прибытие иностранных судов? — спросил Мэл, разрезая носом морскую гладь бок о бок с гидом.

— Вроде никого не будет, а там кто его знает. Зачем вам это?

— Судя по тому, что ты рассказал о здешней системе предупреждений и оповещения, а также в согласии с моим предыдущим опытом, Роуз весьма опасается тех, кто может нагрянуть внезапно с проверкой или же нанести неожиданный удар. Я хочу сказать, что вся эта система работает только на обнаружение судов и других предметов, пытающихся прокрасться в пределы оборонительного периметра. Возможно, на обнаружение объектов, двигающихся в противоположном направлении, она и не запрограммирована. Это означает, что при счастливом стечении обстоятельств наше исчезновение останется незамеченным.

Когда они стали подплывать к маяку и искусственному фиорду, Киттен мучалась странным чувством: ей казалось, мерещилось, что Роуз подсматривает за ними из-за деревьев. В любой момент тьма могла прорезаться лучом прожектора, и тогда — конец всему предприятию! Однако ничего особенного не произошло. Беглецы спокойно доплыли до площадки с аэромобилем.

На искусственной полосе с фонарями царило молчание. Не было заметно ни малейшего движения. Квартет тронулся гуськом в направлении посадочного круга из мелкой гальки. Первым шел Филя. Никто пока не останавливал его и не задавал вопросов. Он прошел шагов двадцать, махнул рукой, опять махнул рукой и опять махнул рукой. Упругое пластиковое покрытие прекрасно держало на себе корабли, причем не только на воздушной подушке,

но и тяжелые тоже. Не встретив на пути никаких помех, беглецы подошли уже к первому ряду аэромобилей. Тут Мэл поскользнулся и хотел упасть навзничь так, чтобы позвучнее трахнуться об землю затылком, но потом передумал. Решили сделать привал. Сбились в кучу. Хорошо!

— Я увидел охранника на пирсе, — прошептал Филипп. — Нам нужно проскользнуть в аэромобиль так, чтоб нас не заметили.

— Я позабочусь об этом, — сказал Мэл и пропал. Прошло несколько минут. Лунный свет потускнел. Внезапно смутный силуэт охранника сложился пополам и пропал тоже. Вслед за пропажей охранника наконец появился Мэл.

— Все чисто, Филя, — сказал он. — Лезьте в кабину, все, скорее!

Друзья по несчастью не заставили себя долго ждать. Киттен почувствовала, как пальцы Мэла впились ей в руки. И вот девушка уже на борту. Секундой позже взлетели Порс и Филипп.

— А что с охранником? — спросил юноша.

— Лежит в кустах у пирса. Подох, собака. Не думаю, что кто-нибудь его скоро заприметит. Ага? Испугались... Да не убивал я его. Просто оглушил и все!

Люк распахнулся, и на беглецов направилось дуло бластера.

— Уф! Ну и напугали же вы, капитан, — вздохнул Такахару. — Нужно было предупредить заранее о намечающейся вечеринке.

Мэл протиснулся к своему сиденью. Защелкали тумблеры, включились двигатели и стали прогреваться. Мэл постепенно наращивал обороты. Он надеялся, что винты не слишком шумят.

— Мы никак не могли предупредить тебя, Мадж, — извинился капитан. — На нас бы очень обиделись соседи! Лейтенант Порсупах и мисс Киттен Кай-Сунг, знакомьтесь — это мой старпом Майджиб Такахару. Поладите? Ну и чудно. А теперь пора удирать отсюда...

Судно плюхнулось в воду, подняв целый фонтан брызг. Заклацали шестеренки и муфты коробки передач, и неказистый аэромобиль развернулся, на

секунду замер, потом резко рванул ввысь и вылетел из тесной бухты.

— Не припомню, чтобы я посылал за вами, техник!

— Прошу прощения, ваша светлость, — едва дыша залепетал напуганный человечек. — Исчезли подозреваемые, а вместе с ними и капитан транспортного звездолета.

В клетке на окне пели птички. Роуз долго смотрел на них. Один из пернатых певцов был ярко-голубого цвета с халцедоновой грудкой. Вторая птичка рядилась в крапчатые желтые перышки. Роуз искал решения взволновавшей его проблемы.

— На острове их больше нет?

— Как пить дать, ваша светлость! На взлетной площадке нам не удалось обнаружить того аэромобиля, в котором прилетел Хаммураби. Часовой найден в кустах в бессознательном состоянии. Его сильно стукнули по голове, но врач полагает, что потерпевший выживет.

— А! — раздраженно воскликнул Доминик. — Меня окружают сплошные идиоты. Ну, да что поделать. Таково селяви, как говорит мой повар!.. Выяснили, каким образом удалось негодяям бежать, а?

— В служебном помещении, сразу за дверью, обнаружено два трупа. Это тела охранников. Проверка главного компьютера показала, что электроток выключался где-то на полчаса. Решетки водозаборного и дренажного каналов оставались без напряжения. Между прочим, пропали также младший сантехник и старший биотехник. Тело последнего, правда, уже нашли. Беднягу пригвоздили ко дну канала зубьями решетки. На первых двух трупах — следы когтей или зубов. Вскрытие показало, что смерть наступила в результате воздействия сильного яда. Вспомните, ваша светлость, ту гадину, что вечно таскал у себя на плече Филипп.

— Очень хитро, — прошептал Роуз, — и в то же время очень просто.

Доминик нажал кнопку в боковине дивана, и потолок изящной клетки начал опускаться.

— Когда именно судно покинуло гавань?

— Судя по всему, около часа назад.

— Если так, то сбить мы их уже не сможем. Они покинули пределы досягаемости наших орудийных установок.

Потолок в клетке опускался все ниже. Ясно слышалось жужжание электродвижка.

— Вы правы, мы обыскали все и нигде не нашли беглецов. Видимо, они уже далеко успели смыться.

Птички истерически чирикали.

— Мне придется покинуть эту жалкую планету.

— Торопитесь, ваша светлость. Мы можем незаметно подбросить вас в космопорт и отправить с надежными людьми в безопасное место.

Роуз печально покачал головой.

— Как только эта девка со своим вонючим енотом заявится к майору Орвеналиксу, в воздух немедленно взмоет таможенный фрегат. Эти оперативники не станут терять времени даром. Следом явятся истребители, а может, даже крейсер. К тому же, паромов, которые делали бы посадки на Реплер-Сити или Мейсонвилле практически нету. Как только за мной установится слежка, начнут хватать все и вся, включая осколки метеоритов. Это будет великая охота.

Потолок раздавил птичек. Птички перестали чирикать. Кровь стекала на ковер.

— Мне нужен срочно одноместный болид со сверхсветовой скоростью. Если мой план удастся, то все легавые передохнут от злобы. А если меня постигнет неудача, то тоже неплохо: все проблемы разом и разрешатся.

— Вам нужен болид с пилотом или без?

— Я полечу один. Мне не нужны свидетели.

— Понятно. Какой возмете багаж с собой?

— Маленький саквояж, — задумчиво ответил Роуз, — и две смены белья. Приготовьте также мою кредитку. Оружия не нужно. Это все.

— До свидания, ваша светлость, — сказал техник, выходя из комнаты.

— До свидания, Мастерс. Я постараюсь дать о себе знать.

— Хорошо, сэр.

Дверь хлопнула довольно резко и неприятно.

Вибрации становились все сильнее и сильнее. Вом покинул место своего пребывания с такой стремительностью, что Механизм не успел как следует отреагировать на это бегство. Однако нить с сознанием Вома удержать удалось несмотря на разделявшее их расстояние. По меркам Механизма, расстояние было мизерным.

Главная проблема оставалась нерешенной. Вом ускользнул из мест лишения свободы. Космические орбитальные станции вокруг мертвой планеты лишились источников энергопитания и были опечатаны. Настало время будить Хранителя. Без Хранителя Механизм сможет лишь анализировать и наблюдать, но не может предпринимать никаких активных действий.

Ситуация сложилась беспрецендентная. Как без стимула разбудить Хранителя. Нужно присутствие побочного разума, близкого однако по интеллекту к самому Хранителю. Такой интеллект существовал на той планете, куда доставили Вома. Механизм не умел проанализировать необычный разум незнакомца.

Механизм размышлял. Он столкнулся с величиной столь же устойчивой, сколь и непредсказуемой. Надо будить Хранителя. А вдруг пробуждение покажется Хранителю подозрительным и неестественным? Хранитель не должен уверовать в то, что им грязно манипулируют, иначе он обидится. Последствия такой обиды окажутся катастрофическими.

А! Эврика! Надо суммировать интеллекты! Малого разума пруд пруди на Реплере, где сейчас засел Вом. Сложить малые умы в один большой и точка! Примечание: не возбудить подозрение в носителях малого разума! В целом план казался вполне осуществимым.

— Эй, Эд, иди-ка сюда, слышишь?

Мвали закряхтел и заворочался в гамаке. Следующий транспорт должен прибыть на погрузку не ранее, чем через триста лет. А что, как через три часа? Они только что разгрузили один такой. Так почему же Майке Рейнке зовет его? Он не имеет права так бесцеремонно нарушать сон про голых теток. Эдвард сел в гамаке.

— Дружище Рейнке, разве я когда-нибудь вырываю тебя из объятий Морфея? Что тебе нужно?

Корабль сильно тряхнуло. Мвали почувствовал, что судно двинулось вперед. «Гм, не сошел ли Рейнке с ума? Ведь для того, чтобы паром тряхнуло, нужно врубить движки и израсходовать много дорогостоящего топлива».

— Ты что делаешь, идиот?

— Оторви от сетки свою пиитическую задницу и посмотри на экран монитора.

Мвали послушался и поглядел на экран.

— О-го-го! Мунгуенма кощсмоскирс джаекундужьба! Что же это такое?

— А, никогда ничего подобного не видал, да? А еще злится, что его разбудили! — пальцы Рейнке бегали по тумблерам. — Смахивает на чучело Желтого гиганта, которого показывают на празднике Мартовского Зайца?

— Мартовского Зайца? — изумился Мвали.

— Пошутил.

— Что будем делать, дружище? Как мы оказались внутри этой штуки? В наш грузовой отсек даже половина этой туши не войдет.

— Посмотри пониже, там, где пересекаются три хребта.

Мвали еще раз поглядел на монитор. Странный предмет занимал теперь большую часть экрана. Действительно, внизу находился аппарат, выглядевший довольно осмысленно. Он войдет в трюм парома.

Несколько минут пилоты сидели молча, наблюдая за удалявшимся предметом.

Крупный план ничего не дал. Знакомства с невероятным объектом не получалось.

— Нам предстоит нелегкая работенка. Прибывает большой транспорт. Неужели нужно тратить топливо на то, чтобы кружиться около этой штуковины?

Рейнке уже маневрировал.

— Когда босс увидит, что мы ему привезли, то даст нам другой корабль!

— Меня на этом не проведешь. Мне нужна простая яхта на КК-тяге и с пластиковой головкой.

— Струсил, да?

— Ладно, давай посмотрим на эту хреновину еще разок.

— Чего смотреть! Одевай скафандр и марш наружу. Надо пришвартовать эту корягу к нашему борту. Так мы ее дотянем и до пункта назначения. А я успею зарегистрировать находку, пока конкуренты не наставили палок в колеса.

«А вдруг предмет уже зарегистрирован?» — с тревогой подумал Рейнке.

Повернувшись к приемнику, пилот пробежал по всему диапазону частот, выделенных для спасательных целей. Компьютер успокоил Рейнке. Ничего такого в космосе еще не видывали.

Пришлось попотеть, гоняясь за объектом. Золотистого цвета, причудливый по форме, похожий на урода, выползшего из трубки хиельного стеклодува. Мвали стал одевать скафандр.

Объектов было два: большой и маленький. Маленький находился прямо в фокусе силовых линий большого. То здесь то там виднелись голубые пятна. Все сооружение казалось сделанным из керамики и стекла.

У малого сфероида на корпусе имелось несколько пилообразных выступов. Но главный сфероид был просто усеян всякой всячиной.

Тут Рейнке заприметил что-то знакомое: это Мвали вышел в космос. За Мвали тянулись кишки пульсаров и трубопроводов. Пилот включал то и дело свой ранец, и реактивная струя текла далеко-далеко, искрясь в лучах солнца.

Мвали приблизился к объекту и попытался прикрепить к нему кабели и трубки.

Прошло несколько секунд, и вдруг Рейнке заметил, что от главного сфероида отделился блок в три человеческих роста. За блоком тянулся вакуумный кабель. Рейнке насторожился и нажал на кнопку радиотелефона.

— Эд, в чем дело? Не распадается ли штуковина на части?

— Ничего не понимаю. Одна из плоскостей блока начала сокращаться. Я решил подождать. Потом прицепил первый трубопровод. Как только я вклю-

чил его, от массы отделился кусок, как штепсель от розетки.

— Из чего сделан сфероид?

— Не знаю. Поверхность в иных местах гофрированная, покрыта какой-то смазкой. Чуть повыше нечто вроде окна... секция просвечивается насквозь, и у нее... какой-то красноватый оттенок. Загляну во внутренности. О...

— Что там?

— Да ничего. Не беспокойся.

— Я и не думал беспокоиться. Что там? Говори, подлец.

— Ты скоро сам все увидишь. Да ничего не ешь, братишка, до того момента!..

— Если бы не спешка, полет доставил бы мне огромное удовольствие! — сказал Мэл. — Даже несмотря на жуткую тесноту в кабине!

Да, пятеро пассажиров — это уж слишком для маленького аэромобиля! Конечно, имелось на борту и багажное отделение, но никому там не хотелось сидеть.

— Поскорее бы вся эта катавасия закончилась, — изрек капитан. — Так хочется вернуться к обычной работе.

— И мне хочется, — сказал старпом. — Заговоры и интриги не по моей части.

— Мы очень похожи, Мадж. Я тоже не люблю погони и бегства. Но вот молодой человек...

Мэл кивнул на Филиппа.

— Чем вы займетесь в дальнейшем, милый Филипп? — осведомился у парня Порсупах.

— Да я не думал еще. Наверное, поищу себе новую работу. Только б она была интересной, правда?

— Интерес интересом, — ухмыльнулась Киттен, — но денежки тоже нужны. А о них вы, юноша, можете еще ох как долго не беспокоиться. Церковь обещала нас всех наградить! Для таких случаев у них даже специальный фонд создан.

— Неужели вы, мисс, и впрямь выступаете от лица столь влиятельной организации? — позволил себе усомниться Хаммураби.

— Обычно я гуляю сама по себе. Но тут задание необычное: изловить варщиков и торговцев. Винта и винтом. Кто с винтом к нам придет, тот от винта и погибнет!

— Логично, — сказал капитан и вдруг расхохотался.

— Смеяться нечему, — вмешался Филипп, — деньги для меня лично не проблема. Тратить свой скудный заработок у Роуза мне было не на что, и теперь я продержусь на плаву некоторое время.

— Положим, ты и впрямь не желаешь денег, — усмехнулась Киттен, — но я могу отблагодарить тебя и каким-нибудь другим способом.

— Правда? — просиял парень. — Отлично. Я хочу тебя.

Мэл перестал хохотать. Порсупах сник.

— Я что-то не совсем поняла вас, юноша?

— Ты прекрасно поняла меня, — сказал Филипп совершенно переменившимся голосом, твердо и уверенно. — Правительство обещает наградить меня за услуги? Прекрасно. Я хочу побарахтаться с тобой в одной кроватке.

— Это серьезно?

— Послушай, парниша... — начал было капитан, но «парниша» мигом осадил его:

— Между прочим, меня зовут Филипп. В настоящей ситуации я не склонен откликаться на столь фамильярные призывы. Мисс Кай-Сунг едва ли старше меня более, чем на пару лет. Она умна и привлекательна. Я хочу с ней спать.

— Обожди минутку, Филипп.

— Не обожду!

— Не лезьте, капитан, — сказала Киттен, — я сама разберусь, ложиться с ним в кровать или нет. И, знаете, я склонна принять предложение Филиппа.

— Благодарю, мисс Кай-Сунг, — поклонился юноша.

— Думаю, Филипп, что отныне ты можешь называть меня просто Киттен.

— Идет, Киттен.

— О, вижу, мне незачем было встревать в ваш разговор, — с деланной улыбкой заметил Мэл, —

идите в багажный отсек и кувыркайтесь на мешках сколько влезет!

Киттен лениво потянулась.

— Вы подали прекрасную идею, капитан.

— Да, — согласился Филипп, — прекрасная идея! Вашу руку, леди. До скорой встречи, милостивые государи. Процедура не отнимет у нас много времени.

Мэл смотрел в иллюминатор. Такахару молча вертел штурвал. Порсупах улыбался.

— Надо вам, господа, привыкать к подобным вещам, — сказал енот. — Она согласилась вступить в половой контакт с этим сосунком, чтобы позлить честную компанию. Не вышло. Вы, капитан, и ваш старпом — люди абсолютно невозмутимые.

— Спасибо, Порс.

— Не стоит благодарности, Мэл. Скажите лучше, почему мы летим не туда?

— Правильно, мы летим в северном направлении.

— Но ведь так мы не попадем в Уиллс-Лендинг.

— Не попадем... Видишь ли, Порс, в прошлом я работал на Чэтема Кингсли. Он платил мне очень щедро. Не думаю, что старик догадывается об увлечениях своего отпрыска. Рассел сам научился всяким неприглядным штучкам. Конечно, Чэтем тоже дерьмо. Но мозги у него работают правильно. Если он и режет людей, то только в смысле экономическом. Видишь ли, — продолжал Мэл, — контейнеры, в которых оказался винт, предназначались для компании Кингсли. На Роуза я вышел случайно. Нет ли между Чэтемом и Домиником связи — вот что меня беспокоит. Я должен быть спокоен за тот груз, который везу куда-либо.

— Мне понятны ваши тревоги, капитан. Но отчитаться начальнику нужно во всех подробностях.

— Послушай, Порс. Все, что им нужно знать о Роузе, они уже знают благодаря передатчику. И если майор Орвеналикс обладает в самом деле незапятнанной репутацией...

— Он...

— Он не станет требовать вас с Киттен к себе немедленно.

— Но по инструкции...

— Мало ли что положено по инструкции! А потом, все не так уж и плохо. Винт в безопасном месте. Сотрудники живы-здоровы. Разве что Роуз еще не в тюряге, ну да придет и его черед.

Спустя час люк багажного отсека отворился, и оттуда вышла Киттен Кай-Сунг, лейтенант на службе у Вселенской Церкви, временно прикомандированная к органам разведки. Одежды ее выглядели помятыми. Длинные черные волосы растрепались и сбились на сторону, отчасти же стояли даже торчком. В походке появилась какая-то неуверенность.

— Приятно видеть вас, мисс, — сказал Мэл, осклабившись. — Я рад, что вы покончили с этим делом!

Киттен плюхнулась на какой-то ящик. Филипп тоже выполз из люка и лег на свое прежнее место. Выражение его лица было вполне определенно. Юноша сложил руки на груди и забылся сном.

— Ему досталось даже немного больше, чем полагается в таких случаях, мисс Раздающая Награды!

— Давайте, капитан, сформулируем это таким образом: юноша получил вознаграждение за оказанные услуги. Частично авансом и за ту помощь, что он предоставит нам в будущем. Однако должна признаться, что одна вещь сильно мешала мне отдаваться полностью и самозабвенно.

— Неужели? — изумился Порсупах. — Не могу вообразить такую вещь, которая помешала бы Киттен поигрывать своей мохнаткой. Какое-то чудо прямо!

— Понимаешь, Порс, — плаксиво сказала Киттен, — змея, что сидела на плече у партнера, все время смотрела на меня своими мерзкими глазками... Но... но куда мы летим?

— Капитан хочет встретиться со своим работодателем, — объяснил Порсупах. — Он хочет узнать, связан ли Чэтем Кингсли с наркотиками.

— Все расследование по делу о винте является прерогативой государственных структур, — сказала Киттен. — Я не потерплю нарушения законности и правопорядка.

— Ну и замолчите! — рявкнул Мэл. — О Святой Патрик О'Морион, никогда не видел я еще такой скверной бабищи. Сначала я спас вас от участи, что хуже, чем смерть. Потом спас от смерти. Наконец при моей помощи вы справились с заданием, которое уже провалили было... Сколько вам лет?

— Двадцать четыре Ти-года, а что?

— Вы опоздали, капитан, — ухмыльнулся Порсупах, — на двадцать три года и девять месяцев.

— Да чтоб вы оба провалились! — вскричала Кай-Сунг. — С тобой, водяная крыса, я еще успею рассчитаться, а ты... ты, бабуин, который ходит, наклонив каркас вперед, потому что гротескный секелет не выдерживает нагрузки мочи и кала, составляющих ваши мозги!

— Попридержи язык, оторва, шалава, а не то...

Майджиб Такахару вмешался:

— Вы все знаете меня как очень выдержанного человека, но если вы все сейчас же не замолчите, я направлю аэромобиль прямиком на рифы. Пусть ваши души взлетят на небеса и там продолжат свой спор!

— А ты к нам разве не присоединишься? — улыбнулся Мэл.

Все засмеялись горячности старпома, но смех был немедленно покрыт богатырским храпом юного Филиппа.

Вом знал, что Механизм находится где-то на реплерианской орбите. Пятно догадалось, что при отсутствии разума, способного трансформировать Механизм, ничто не сможет потревожить его самого. Механизм мог быть оживлен только Хранителем, но добудиться Хранителя не представлялось возможным.

Ясно было и то, что Механизм вполне осознавал свои недостатки, иначе бы и не стал преследовать его, Вома. Вом чувствовал, что не может выделить главное звено в детерминистических рассуждениях и очень переживал.

Вместе с тем силы Вома быстро восстанавливались. Каждая новая реактивированная секция по-

могала реактивироваться другим. Регенерация двигалась в геометрической прогрессии. Все эти процессы протекали в самой глубине организма, и у его мучителей не возникало никаких сомнений в обезвреженности Вома. Зато Вом мог покинуть узилище в любой момент, но не делал этого из соображений чисто тактических.

Вом никак не мог научиться читать чужие мысли. Впрочем, он умел интерпретировать эмоциональные заряды. Сейчас он не чувствовал никаких угроз своему существованию. Больше всего Вома беспокоили существа, от которых исходила струя безотчетного страха. Паника может передаться всем остальным, и тогда за Вома опять возьмутся! Это было бы совсем не кстати.

Однако скоро Вом сможет поступать так, как пожелает. В процессе регенерации уже был пройден тот уровень, когда организм Вома мог понести урон от внезапных электрических зарядов большой мощности. Даже появление Механизма ничему не помешает: Хранитель-то ведь спит!

— Желаю пережить вам две тысячи линек, ваше превосходительство!

— Что случилось, сержант? — ворчливо осведомился Парквит ГПТУ.

— Недавно удалось отделить часть таинственного существа для анализов. Аррис приходил недавно к начальнику с результатами спектрограмм — это хорошо.

— Но сержант?..

— Десять тысяч лет муссонных дождей над могилами моих предков, ваше превосходительство, если я не вовремя, но...

— Но-но-но!.. Тьфу, ближе к делу, сержант!

— Ваше превосходительство, в воздушном пространстве Анклава запеленговали болид, которым управляет человек!

— Неужто ради такого пустяка следовало врываться ко мне в кабинет? Да это, видимо, простой рыбак или охотник. Потомите этого наглеца в кутузке с полсуток и отпускайте на все четыре стороны.

— Ваше превосходительство, дело гораздо серьезнее, чем вам кажется. Дело в том, что пилот осмелился просить у нас убежища. У нас!

— Ну и ну! — оживился Парквит. — Как вы полагаете, сержант, этот человечек в своем уме?

— По-моему, он особенно не мучим в этом смысле!

— Ведите его ко мне. Посмотрю, что за ухарь!

Сержант поклонился и, схватив себя на краткий миг за шею, что у а-аннианцев означало примерно «Служу Его Императорскому Величеству и милой отчизне!», удалился.

— Мне тоже следует идти, господин главнокомандующий? — спросил Аррис, собирая на столе спектрограммы.

— Нет, останьтесь.

Очень скоро сержант вернулся. Но не один. Двое вооруженных солдат вели под руки человека. Было очевидно, что человек прибыл сюда по своей воле. Тело его выглядело вполне здоровым, одет он был не плохо, даже хорошо, даже роскошно. В руках у него болтался небольшой чемоданчик. Оружие, конечно, нет.

По знаку Парквита конвоиры удалились из кабинета.

Млекопитающее быстро оглядело помещение и потом воззрилось на главнокомандующего. Судя по всему, типчик этот нагл и преступен. Иначе он не осмелился бы просить дипломатического убежища у рептилий. Скорее всего, за человечком охотятся. Он спасает свою шкуру, да так, что дерзает укрываться даже у а-аннианцев, прекрасно зная, что последние далеко не отличаются терпимостью и милосердием.

— Будем считать, что знакомство состоялось, — начал Парквит. — Я не склонен немедленно отдать вас на растерзание властям, разыскивающим вас. Однако вы еще должны убедить меня в том, что вы годитесь не только в пищу целомудренным рептилиям. Вам, вероятно, известно, что человечина почитается у нас особым деликатесом, и не только потому, что очень редка. Мы бы не побрезговали даже вашим стариковским мясцом. Но в этом и состоит главный пункт вражды между родом пре-

смыкающихся и родом млекопитающих. Обоснуйте свое намерение остаться у нас, причем как можно более весомые доказательства приводите.

— Что ж, именно такой прием я и ожидал, — сказал человек. — Знайте, мое имя — Доминик Эстес Роуз. Меня также зовут Лордом.

— Вы унаследовали титул или приобрели?

— Купил.

— А чем вы занимаетесь?

— Обычный коммерсант.

— Разве коммерсанты — обычные люди? Не из-за коммерческих ли махинаций вас преследуют власти?

— Я торгую наркотиками.

— Вот с этого и следовало начинать.

— Мне нужна ваша помощь, господин главнокомандующий. Мне хочется поскорее убраться с Реплера. Затем я, конечно, снова займусь любимым делом, поставлю производство наркотиков на научные рельсы, создам разветвленную сеть профессиональных варщиков и ушлых толкачей. В свою очередь, я мог бы быть полезен и вам. Среди моих знакомых много влиятельных персон.

— Вы готовы продать свою душу и свою расу? — вступил в разговор Аррис.

— Неужто вы верите в существование души? — усмехнулся Роуз.

— Конечно!

— Ну, а я верю в свой неограниченный банковский кредит. Я согласен вести торговлю с кем угодно, лишь бы партнер был платежеспособен.

— Охотно верю всему, что вы тут нам насказали. Но что если вы приглянетесь именно как закуска к рубидиевке или курчатовке, а не как деловой партнер?

— Для ящерицы вы недурно владеете сим-воречью. Пожалуй, я мог бы путем шантажа заставить вас дать мне официальную гарантию моей неприкосновенности.

— Нелогично. Чтобы шантажировать, нужно иметь силу за плечами.

— Совершенно верно. Но кто вам сказал, что я не обладаю такой силой? Она вот здесь, в моем чемоданчике!

Парквит вздохнул. Человечек начинал разочаровывать его.

— В вашем контейнере нет ничего такого, что не являлось бы частью его конструкции, — вяло заметил главнокомандующий. — Там нет ни пластмассового, ни железного, ни деревянного предмета, чьи размеры превышали бы десятую часть дюйма. Если бы дело обстояло иначе, вам просто не разрешили бы посадку, а уж о допуске в мой кабинет не велось бы и речи! Все, что вы можете сделать, это огреть меня или моего коллегу своим дурацким чемоданчиком. Но едва вы успеете замахнуться, как я нажму одну такую кнопку, которая приведет в действие один такой агрегат, который испечет вас, любезнейший, в один миг.

— Верю-верю. Но зато в чемоданчике есть несколько кайстеров чистейшего винта. Винт тут в виде порошка, под большим давлением. Если я отпущу ручку, контейнер взорвется. Положим, вы останетесь живы. В этом случае вас ждет страшная доля — доля наркомана, доля «летчика». Испарения от взрыва попадут вам в дыхательные пути и баста: зависимость образовалась. А все поставки винта контролирую я. Несомненно, вы умрете сразу после меня и гораздо более страшной смертью. Умрут все, кто вдохнет пары винта! Вижу, что вентиляция тут отличная. Тем хуже для вас. Солдаты передохнут! Но я вовсе не желаю навредить вам, господа, и потому не отпускаю ручку чемоданчика. Пока что...

— Вы блефуете, — сказал Парквит. — Мне не кажется, что вы способны совершить самоубийство.

— Уж если я прилетел к вам, то, значит, я не слишком избалован фортуной. Мне терять нечего, а вот вам я рекомендовал бы...

Парквит никогда бы не сделался главнокомандующим, если бы терялся в сложных ситуациях.

— Хорошо, я предоставлю вам убежище.

— Поклянитесь вашим Песком-Который-Хранит-Жизнь и вашей Раковиной.

Парквит улыбнулся, стараясь не обнажать зубов.

— Да вы настоящий разбойник, Лорд, — сказал он, потом зашипел и заквакал; в этом шипении и

квакании клятва, по сути, и состояла. — Ну, теперь ваша душенька довольна?

— Меня не проведешь. Вы не договорили двух последних слов клятвы и не уколупнули когтем слизистую гостию из заднепроходнего отверстия!

— Я проверял вас, любезнейший. Прошу прощения.

Парквит повторил клятву, но уже по всем правилам.

Роуз отпустил ручку. Никакого взрыва не последовало.

— Ну вот видите, вы все-таки блефовали!

— Пусть это вас не тревожит, господин главнокомандующий. Знаете, любое существо, торгующее винтом, для а-аннианца непременно сволочь и дрянь.

— Вы клевещете на рептилий, господин Роуз. А клевета — не самое лучшее начало дружбы.

— Мне много раз приходилось выслушивать всякие гадости. Забудем об этом...

Уэтплейс, остров Чэтема Кингсли, был спроектирован и насыпан в море таких образом, чтобы всем бросалась в глаза роскошь родового поместья. Кингсли мог бы выстроить себе особняк в старинном земблевельном стиле, но тупое подражание претило старику. Кроме того, нужно было создать максимум удобств. Да и сохранить природу острова. Все хозяйственные постройки были большей частью свайные или же помещались на плавучих платформах.

Главная резиденция состояла из одной башни, поднимавшейся на сто пятьдесят футов вверх. С этой стороны берег был скалистый и круто уходил в море.

Остров пребывал практически в целинном состоянии. Умелое принесение органики в почву давало обильные всходы, зелень буйствовала. Папортники, хвощи и плауны росли до самой воды и окунали ветви в практически пресное море. Были места, где наземные и морские растения смешивались друг с другом, образуя плотную стену, на которую накатывались приливные волны.

Башня была построена из бронзовых столбов и поперечин, а также из светонепроницаемого черного стекла.

Такахару лавировал в гавани между транспортными судами на воздушной подушке. Выбравшись на свободный участок, он тотчас направил аппарат к пирсу, за которым сразу поднималась к башне лестница.

Мэл посмотрел на старпома и сказал:

— Ну вот, все в порядке, Мадж. Можешь ответить им!

Поскольку Кингсли вел все свои дела вполне законным образом, опасаться внезапного подарочка в виде мины или орудийного залпа не приходилось. Правила хорошего тона требовали непременно назвать себя.

Такахару включил коммуникатор и тут же из динамика зазвучал встревоженный голос. В этом голосе слышались офиозные и даже отчасти чванливые нотки:

— ...частное владение! Представьтесь, пожалуйста! Этот район является...

Хаммураби наклонился к микрофону и во второй раз за нынешний день проговорил:

— Малькольм Хаммураби, капитан и владелец транспортного звездолета «Умбра» и старший помощник Майджиб Такахару. На борту находятся также лейтенант Вселенской Церкви Киттен Кай-Сунг и оперативник *Порсупах, томианец. Еще Филипп*...

— Линкс, — подсказал юноша.

— Филипп Линкс. Цель визита — повидать коммерсанта Чэтема Кингсли. Кстати, дома этот сукин кот или нет?

— Прошу изменить формулировку! Необходимо проинформировать, что...

— Не обращайте внимания, Гулен, — включился в диалог некий спокойный четкий голос.

— Да, сэр, — кротко проблеял Гулен, которому так и не удалось осадить грубияна на аэромобиле.

— Это ты, Хаммураби? — полюбопытствовал все тот же четкий голос. — Что заставило тебя покинуть орбиту? Между прочим, мы уже перевели причита-

ющиеся тебе денежки на твой счет. На Терре. Мне казалось, что ты уже убедился в нашей честности.

— Я проверил все. Но сегодня я у вас по другому поводу.

— По какому же?

— Я ужасно рассержен, Кингсли!

— Неужто я тот человек, который рассердил тебя? Ладно, давай сюда, наверх. Захвати своих спутников. Попытаюсь умерить твой гнев!

Широкий и прочный трап покачивался под ногами. Дворецкий встретил гостей у черно-золотистого входа в башню.

— Хозяин ожидает вас на шестнадцатом уровне, — сказал слуга и проводил компанию в лифт. Киттен нажала необходимую кнопку.

— Гм, похоже, что мы двигаемся вниз, — удивилась Кай-Сунг.

— У меня тоже такое чувство, — согласился Филипп.

— Половина здания находится в земле, — сообщил Мэл. — Я и сам здесь не бывал ни разу, но знаю об этом по тем планам и схемам, с которыми работал при погрузке-разгрузке транспортов на имя Чэтема. Складские помещения находятся на морских платформах и под землей. Сейчас мы где-то посередине, на шестнадцатом уровне, что соответствует двадцатому этажу по нашим меркам.

Двери лифта отворились, и друзья вступили в странную серповидную комнату с вогнутым внутрь потолком. Шахта лифта находилась в апогее той дуги, которую образовывал серп.

Дальняя стена представляла собой стеклянную панель. Сквозь нее открывался вид на море, точнее — на морские глубины. В стекло тыкались мордочками рыбки. Некоторые твари роились вокруг платформ с кормами.

Но не это поразило вошедших. Наибольшее впечатление произвел на них интерьер помещения: тут не было ни одного отдельного предмета обстановки, все сливалось в один причудливой конфигурации стол, покрытый красным ковром. Примерно таким же ковром покрывалось и все остальное: стены,

подоконники, багетки карнизов и т. д. Только окна оставались не затянутыми никакой материей.

— Прямо волшебство, — прошептала Киттен. — Как в сумке у кенгуру.

— Прекрасное сравнение, — прогудел бас.

Чэтем Кингсли сидел на кушетке. Ростом коммерсант не вышел. Разве что Порсупах уступал ему в этом смысле. Светлые волосы коротко острижены. Под носом — густая щетка усов (натуральная свиная щетина, адресовавшая всех к воспоминаниям о счастливых днях...), в ухе — серьга с топазом. Стоптанный подбородок, обтаявший нос. Невыразительные картонные глазки сидели в одрябших веках, словно некие голубенькие листочки с отточиями в кармашках какой-нибудь школьной кассы букв и слогов.

— Господа, вы прибыли верняком к ленчу. Присаживайтесь. Повар уже в курсе.

— Боюсь, Чэтем, что нам не до жратвы!

— Не торопитесь, капитан, — одернула коллегу Киттен, — мне бы лично хотелось чего-нибудь перекусить.

— И мне тоже, — выступил Порсупах. — В моем желудке развернулись страшные хрючалово, урчалово и «долой самодержавие!». Все это требует немедленного лечилова!

— Чудесно! — воскликнул Чэтем. — Мое предложение прошло. Не так ли, мисс Кай-Сунг?

— Так, но... зовите меня просто Киттен.

— А вы меня — *просто Чэтем!*

Киттен повернулась к Мэлу:

— Сдается мне, старик невиновен!

Капитан стиснул зубы от злости, а Чэтем разинул рот от изумления:

— Я невиновен? Вот те на! Значит, вы меня подозревали в чем-то?

— Вы все скоро узнаете, Чэтем, — сказала Киттен, — а пока давайте поедим!

Все уже приступили к десерту, и только Мэл никак не мог одолеть четвертую ногу карвуаля, голенастой плотоядной птицы вроде земной цапли. Старик глядел на неуклюжего верзилу столь пристально, что тот и вовсе оставил баталии с дичью и прямо перешел к делу.

— Чэтем, — сказал Мэл, — в последней партии груза я обнаружил целый контейнер с наркотиками. Груз, что везла «Умбра», предназначался тебе. Товар брали на Ларгессе. Туда мы прилетели порожняком. Среди наркотиков сыскался и винт. Да, ВИНТ! Понял? Так что не юли. Говори, что тебе известно о том, как появляется на черном рынке это жуткое зелье?

— Не знаю, — ответил Кингсли, утирая салфеткой рот, — откуда только что берется! Не знаю.

— И ты не замешан в этих темных делишках?

— Нет.

— Ой, врешь! Твой островок располагается в непосредственной близости от поместья Роуза. А Роуз самым непосредственным образом причастен к торговле винтом!

— Да, мы оба с ним живем на Реплере, мы — соседи, но что из этого?

— А то, что у тебя гораздо больше связей в обществе, чем у прощелыги Роуза, и связей вполне приличных, непредосудительных. Тебя поддерживают крупные банки. Вместе с Домиником, который, в свою очередь, обладает обширнейшими связями в преступном мире, вы составили бы отличный тандем и косили бы чудовищные бабки!

— До меня доходили слухи, что эта старая калоша приторговывает дурью. Но слухи — ведь это всегда только слухи, не так ли? Конкретными доказательствами его вины я не располагаю.

— Я ценю Роуза как коммерсанта, но не переваривaю как человека. Прибылям его я не завидую. Больше того, я и сам не святой. Сейчас я, например, вожу туда-сюда стимулятор «Кепонг». Власти косятся на мои рейсы, но средство-то ведь относительно безобидное, хотя его употребление и не поощряется.

— Все зависит от того, как посмотреть на это дело, — ляпнула Киттен.

— В любом случае, — усмехнулся Чэтем, — сдохнуть, уторчавшись винтом гораздо паскуднее, чем помереть под пулями. Нет, нет и нет. К винту я не имею ни малейшего отношения.

— А как насчет вашего сынишки, — вмешался Филипп.

— Рассел? — растерянно пробормотал старик. — К сожалению, мой сын не интересуется ничем, что напоминало бы серьезный бизнес. Главное для него — это размер тех сумм, которые я ему постоянно ссужаю. Подозреваю, что я сильно избаловал его.

— Весьма сильно, — сказала Киттен.

— Вы с ним встречались?

— Дважды. Но обе встречи были страшно коротки.

— Неудивительно, — вздохнул Чэтем и плеснул себе в стакан немного бренди, из Намертво-Заштилевавших-Яслей. В комнату вошел стюард. Он толкал впереди себя изящную тележку, сплошь уставленную кувшинчиками да жбанчиками, очевидно, содержавшими в себе невероятные по вкусу и оборотистости напитки. Вся прислуга Башни — люди. Выходит, Кингсли и впрямь большая шишка. Обычно такого рода персонал состоит из мрачных кобольдов, еще более мрачных вервольфов и уж совсем отвратительных костобоких рыбоедов. Порсупах немедленно завладел бутылкой сплюньтвейна и жбаном агумараздовки (водки, перегнанной на мощах хайвхомских святых). Оба сосуда были высосаны немедленно и без всякой закуски.

— Да, Рассел ни одной красотки не пропустит, — печально заметил Чэтем. — Говорят, он пользуется у дам бешеным успехом.

— Эх, Чэтем, — покачала головой Киттен, — ничего-то вы не знаете о своем драгоценном Расселе. Дело в том...

— Дело в том, — перебил девушку Малькольм, — что я тебе ни капли не доверяю, Чэтем.

Порсупах положил лапу на запястье Кай-Сунг.

— Не нервничай, детка. Твоего обидчика здесь нет. Не надо и говорить о его выходках. Тем более в присутствии папаши, который встретил нас столь радушно!

— Не беспокойся, Порс, я вполне владею собой.

— Вот и прекрасно. Послушаем-ка, о чем они говорят.

— Клянусь, что я не причастен к торговле винтом, — уверял Кингсли капитана, — но если тебе так неймется, я могу представить и серьезные доказательства своей чистоты. Я пошлю посреднику обязательство выплатить Малькольму Хаммураби миллиард купонов в том случае, если моя кошачья милость окажется замешанной в грязных делишках!

— Это прямо королевский жест, Чэтем. Ты сразил меня наповал. Я принимаю твое предложение. Но будь начеку, а то кто-нибудь подставит тебя!

— Если это случится, — оскалился Кингсли, — я отправлюсь в а-аннианские казармы и буду бессменным дежурным по кухне!.. Обязательство подпишу сегодня же вечером. А наутро документ заложат в память всех компьютеров Терры и Хайвхома.

— Отлично! — рявкнул Мэл и тяпнул стакан виски, называвшейся довольно витиевато: «Питейные вноздрения кота Мурра». — Славный напиток, — зачавкал капитан, — вот только сильно пси-вушными мезонами припахивает и не имеет слишком тонкий кварковый аромат!

— Ты не распробовал, — смиренно улыбнулся Кингсли. — Впрочем, я вижу, что все уже подкрепились. Я готов предоставить неоспоримое доказательство собственной невиновности.

— Это просто доказательство? — спросила Киттен. — Или же вы ищете выгоды?

— И то, и другое. Идите за мной.

Вся компания последовала за Чэтемом к лифту.

Лифт резко стал снижаться. Киттен решила, что они сильно углубились в литосферу. Наконец двери открылись. Первым вышел Кингсли, за ним — все остальные.

Навстречу им бежали два человечка, смахивавших на охранников.

— Добрый вечер, сэр! — ухнули они в один голос.

— Вечер добрый, мои милые Уиллус и Рейв. Я уговорил гостей взглянуть на нашу драгоценную находку!

Охранники были вооружены винтовками типа «Пифпафстон-5». Эти винтовки стреляли разрывными пулями, в которых запаяны были сгустки темпоральных эонов. Даже чугунные плавки с навесной

динамической защитой и забрала с оториноларингологическими фотоноотражателями оказывались бессильны против реченных пуль.

— Никогда не доводилось бывать здесь, — угрюмо признался Мэл, диковато озираясь кругом. — Что же ты, Чэтем, прячешь здесь?

— Увидишь. Мы идем в огромную, вырубленную прямо в базальте, камеру хранения. Туннель, по которому мы сейчас движемся, охраняется лучше всех прочих туннелей, наверняка уже примеченных вами. Я складирую здесь самый выгодный товар для экспортно-импортных операций. Этот товар нуждается в тщательном уходе, в поддержании определенного температурного режима на складе. Мы разместили здесь одну чрезвычайно интересную космическую находку. Предмет обнаружили два пилота с парома. И это нечто интересно не только с точки зрения изучения инопланетных технологий. Впрочем, скоро вы все увидите собственными глазами.

Мощная металлическая дверь в камеру была уже поднята. Внутри возились над чем-то невидимым двое человечков и один транкс.

— Это инженеры и техконсультанты из моей конторы, — пояснил Кингсли. — Я перевел их сюда с одного очень важного объекта, хоть это и недешево обошлось мне. Ну вот, смотрите. Видите? Вот оно.

Чэтем *указывал перстом на громадный металлический* блок прямоугольной формы. Рядом с блоком были аккуратно сложены ящики и коробки. Один ящик был открыт. Мэл опознал устройство — ситолярр. Изобретение транксов. Может точно предсказывать изменения в повелении океанских течений. Мгновенно определяет толщину термоклина. Предназначается, как правило, для рыболовецких траулеров.

Один из инженеров заметил незнакомцев и подошел к ним поздороваться. Из рукавов спецовки торчали худые руки. Нос — крючком. Глаза — с искусственной радужкой. Киттен различила даже обрывки ниток по окраинам пересаженных тканей.

— Сэр, мы никак не можем найти кнопку, — сказал Чэтему инженер, — которая бы открывала

эту штуковину. Только на то, чтобы найти шов, мы потратили около пяти часов.

— Я знаю, Мартинес. Продолжайте работу, ведь я вам плачу за нее. Мне не терпится разрезать ящик на куски. Но от крайних мер нужно удерживаться. Что там внутри, не знаете?

— Металл, мы все же думаем, что это именно металл не позволяет просветить снаряд рентгеном. Но одному парню пришло в голову попробовать полифуфлоновое сканнирование на низшем энергетическом уровне. Опыт отчасти удался. Мы получили кое-какие снимки внутренности аппарата. Там оказалось...

— Неужто живое существо? — не вытерпела Киттен.

— Да, живое существо, — выдохнул техник, вытирая пот рукавом спецовки. — В высоту оно достигает трех метров, но какой формы — неизвестно. Уж очень мутные снимки получились. Сканнер не был включен на полную мощность, так как мы боялись повредить ткани существа. Что касается прямого визуального наблюдения, то мы обнаружили в блоке нечто вроде иллюминатора. Оконце имеет красноватый оттенок. Но то, что нам удалось увидеть, не назовешь радующей глаз картинкой.

— Ничего, продолжайте работать. Особо отличившимся поднесу по чарке. Лодырей — высеку!

— Понятно.

Гости приблизились к основанию металлического блока, поверхность которого была испещерена крохотными оспинами — следами попадания в обшивку метеоритов и прочих космических частиц.

— Еще одна особенность, Хаммураби, — сказал Кингсли. — Анализы показали, что сей предмет был изготовлен около... шестиста тысячелетий назад, представляете? От этого у меня просто мурашки по спине бегут!

— Неужто шестьсот тысяч лет ящик летал вокруг Реплера?

— Нельзя ничего сказать определенного. Но я не думаю, чтобы предмет крутился вокруг нашего шарика столько времени, и его никто так и не смог приметить. Однако Реплер заселили сравнительно

недавно. А торговым центром он стал и вовсе только в последние двадцать-тридцать лет. Скорее всего капсула дрейфовала в открытом космосе и внезапно очутилась в гравиполе нашей планеты. У нас его никак не могли построить. Да и вообще штуковина ни на что не похожа.

— А мне кажется, что его очень даже запросто могли построить на Реплере, — заявил Мэл.

— Едва ли, — покачал головой Кингсли. — В столь отдаленный период времени на Реплере не было никаких разумных тварей, а...

— Мистер Кингсли! — раздался вдруг пронзительный крик. Он доносился со стороны неопознанного блока. — Здесь что-то задвигалось! Какая-то панель или что-то вроде того.

— Какова величина отверстия? — закричал Мартинес, спеша к подавшему сигнал технику. — Видно что-нибудь?

— Ни черта! Мерцает внизу какой-то слабый свет, но... На осмысленные позывные не похоже! Нет, вот свет разгорелся ярче. Но никаких ламп не видать...

— Спускайтесь внутрь, техник, — приказал Кингсли, — только уведите прочь остальной персонал. Мало ли что!

— Вот это верно, — пробормотала Киттен.

— Мартинес, сбегайте за охранниками, — продолжал распоряжаться Чэтем, — затем свяжитесь со складом и передайте Кейди, что мне нужна пушка с артрасчетом. Пусть пришлют немедленно.

— Слушаюсь, сэр!

Мартинес крупной рысью помчался исполнять указания босса.

Отверстие блока продолжало увеличиваться.

Все затаили дыхание. Панель отодвигалась медленно и беззвучно. Наконец движение закончилось. Очам всех присутствовавших открылась прелюбопытная картинка. Неподвижное тело неслыханного существа, опутанное многоцветными проводами, шлангами и прочими загадочными приспособлениями, лежало на полу камеры. Стены были покрыты чем-то мягким с виду. Ничего страшного не происходило.

При взгляде на неведомую зверушку можно было подумать, что явилось оно на свет божий в результате скрещивания краба и гималайского медведя. Надо долагать, животина обладала силой вполне пропорциональной размерам тела. Туловище было широким и толстым. Мускулистым. Грудь закрывали щетиноподобные щитки, а все остальные части заросли густым белесоватым мехом.

Вниз от торса отходили толстые ноги на шарнирах. Из плеч росли руки с длинными щупальцами вместо пальцев. Всего конечностей было шестнадцать. Буркал — четыре, по два с каждой стороны мощного клюва. Одна пара глаз побольше, другая — поменьше. Веки мясистые. Ресницы шелковистые. Ушей и ноздрей не имелось, судя по всему. Зряче — да не ноздряче!

На вышеописанного урода были наставлены дула более чем десятка винтовок. Челюсти у чэтемовой челяди, у солдат, у гостей — поотваливались.

— Какое чудовище! — вздохнул Порсупах. Тишина мигом нарушилась, народ загалдел.

— Ты прав, Порс, — цыкнула зубом Киттен. — Существо страшнее даже, чем наш Малькольм. Я никогда такого зверя не видела.

— Глядите, — шепнул девушке Филипп, — у этой пакости задергалось веко! Вот опять!

Киттен попятилась и застонала:

— О, я не выдержу, я закричу сейчас!

Все четыре глаза у зверушки открылись, но вместо Киттен закричал почему-то какой-то техник. Некий кудлатый инженеришка рухнул в обморок.

Мэл заметил, что зрачки у твари походили на кошачьи. Он вытащил пистолет, хотя знал, что надеяться следует скорее на быстроту ног, нежели на мощь «пушки». Очевидно, чудовище было плотоядно, иначе зачем ему такой клюв и такие клыки?

— Я так напугана, что даже не в состоянии кричать! — проблеяла Киттен.

— Напуганы? — осклабился Мэл, но тотчас пожалел о своей издевке.

— Иди ты в задницу, обезьяна! — Киттен мгновенно обрела способность кричать, но не от страха.— Такой образины во всей Галактике не сыщешь!

Внезапно до слуха людей в помещении донесся странный замогильный голос:

— Женская особь, маленькое волосатое существо с длинными перепончатыми лапами! Очень неприятно слышать по пробуждении столько недружелюбных выкриков!

— Вот те на! — удивилась Киттен. В голосе чудовища совершенно отсутствовала злоба.

— Поскольку в вашем словаре нет подходящего имени для меня, — объявило существо, защелкав клювом и завращав глазами, — предлагаю воспользоваться словом «Пеот». Я не хочу причинить вам зла!

Один из охранников, человек с сединой на висках, повернул голову к Чэтему, хотя по-прежнему направлял свою винтовку на Пеота.

— Что прикажете делать, сэр?

— Забирайте ребят и возвращайтесь на свои посты.

— Как прикажете, сэр! Но я был бы против такого решения.

— Свяжитесь с Мартинесом, — не слушая возражений, приказал Чэтем.— Мартинес на складе сейчас, передайте, что пушка нам не нужна. Пускай быстрей возвращается.

— Будет сделано, сэр!

Охранники покинули помещение, а инженеры заняли свои прежние места.

— У меня миллион вопросов, — забубнил Кингсли, — не знаю с чего и начать...

— Я должен был определить свое отношение к некоторым вещам, — заговорил Пеот. — По истечении стольких тысячелетий трудно мгновенно приспособиться к новой обстановке!

— Не труднее, чем приспособиться к вашему присутствию здесь, — заметила Киттен.

— Очень может быть, маленькая женская особь. Мой Механизм уверил меня, что я и есть последний представитель расы. Это не является неожиданной новостью, но все-таки становится немного грустно.

— Первая особенность, — шепнул себе под нос Порсупах, — недооценивает собственных возможностей, склонен к черной меланхолии.

— Можешь говорить вслух, Порсупах, — проговорил Пеот. — Я все слышу и все знаю. Я нахожусь здесь, потому что Механизм считает: так я смогу возобновить свою работу.

— Работу? — насторожился Кингсли. — Но в чем же заключается твоя работа?

— Я — Хранитель... Страж!

— А что ты охраняешь? Что ты можешь охранять, когда прошло уже более полумиллиона тысячелетий?

— Я опекаю Вома.

— Понятно, Вома. А скажи, пожалуйста, что это за Вом?

— Давным-давно наша раса встретилась с существом... если этот термин в настоящем случае справедлив... настолько необычным, что мы начали подозревать в нем выходца из другой Галактики. Подобные подозрения имели, как ни странно, под собой почву, хотя перед задачей преодоления межгалактических бездн останавливались даже самые отчаянные умы и натуры. Обнаружилось, что могущество Вома не знает границ и что проявления этого могущества весьма неординарны. Кроме того, нам никак не удавалось получить образцы его плоти для проведения анализов... Все попытки установить контакт с Вомом оказались безуспешны. Это существо уничтожало жизнь повсюду, где только находило ее. Вом буквально выхолащивал планеты. Поедалось все и вся, вплоть до бактерий и сине-зеленых водорослей. Обычные виды оружия никак не воздействовали на Вома. Мы создали принципиально новое устройство, способное окоротить чудовище, но последнее оказалось настолько сообразительным, что увернулось от нас и не пошло в приготовленную ловушку. Несколько раз мы были близки к победе, но Вом всегда уклонялся от решающей схватки и наконец разработал способ противостоять любому виду оружия. Его осторожность и невероятное чутье, однако, убедили нас в том, что Вом смертен... И все-таки год от года он делался все могущественнее. Нам скоро открылась возможность удержания Вома на одной планете, где еще существовала жизнь. Мы его сослали, и таким образом сумели защитить себя!

В ссылке Вом очень исхудал. Выяснилось, что он не в силах самостоятельно передвигаться в космосе. Он вел себя обычно как рыба-прилипала. Поглотив все живое на планете, Вом стал уменьшаться в размерах от недостатка пищи.

У Киттен вдруг вспотели ладони. Неужто она испугалась чего-то?

— Не пойму, к чему вы клоните! — признался Пеоту Кингсли.

— Вом очень слаб, — продолжал Опекун. — Сейчас он ослаб настолько, что нужно, не теряя времени, уничтожить его. Если это произойдет, я уверую в то, что прожил жизнь не напрасно!

— А что, Вом находится на Реплере? — осведомился Филипп.

— Да, на Реплере, — ответил Пеот (что там... скрывается... под личиной... отрока... определить... немедленно... что... не сейчас... более чем... стоп... менее чем... вопрос.... вопрос... молчание... молчание...)

— Да где же этот Вом? — загалдела почтеннейшая публика. — Подать сюда этого Вома! Мы его живенько...

— Вом ослаблен, — раздельно проговорил Пеот, — но не настолько, чтобы вы могли одолеть его при помощи своей военной мощи! Она слишком ничтожна, эта прославутая мощь.

— Да в Анклаве есть такие винтовки, что...

— Все относительно, мой юный друг, — перебил Кингсли Пеот. — Поверьте, я знаю, о чем говорю. Впрочем, мне будет приятно, если вы будете солидарны со мной. Но стоит вам оказать мне кое-какую помощь, как Вом, например, уничтожит все живое в вашей столице. Все-таки вам лучше ничего не предпринимать против этого создания!

— Но ты же сам говорил, что Вома можно уничтожить, что он смертен, — напомнил Пеоту Мэл.

— Да, но силы его огромны по вашим меркам!

— Послушай, — не вытерпел унижений Кингсли и повел речь от имени всего человечества, — откуда ты знаешь о том, каковы наши мерки, а?

Пеот никак не прореагировал на это выступление: времени на праздную болтовню и пустейшее выяснение отношений не было!

— Силы его огромны по вашим меркам, — продолжал он невозмутимо, — но уже далеко не столь велики, как некогда. Мой Механизм находиться сейчас на синхронной орбите прямо над тем местом, где прячется Вом. Механизм следует за Вомом всюду, куда бы он не двинулся. Управление Механизмом осуществляется из моей капсулы. Приборы, контролирующие жизненно важные функции моей милости, нуждаются в серьезном ремонте. Пока что ни о каком нападении на Вома говорить не приходиться. Если Вому не чинят никаких препятствий, он становится сильнее с каждым часом. Нужно восстановить систему жизнеобеспечения как можно скорее. Потребуются довольно редкие материалы.

— Прекрасно, — сказал Кингсли, — но где гарантия того, что ты, Пеот, говоришь правду как о своей готовности помочь нам, так и о бытии Вома? Может, ты сам чего-нибудь против нас замышляешь.

Пеот внезапно выпростал щупальца и схватил одного из техников.

— Я тоже не уверен в ваших добрых намерениях. Но не посылайте за охранниками, Чэтем Кингсли. Мне просто хотелось показать, что убить вас всех не составит для меня большого труда. Война — это образ жизни той расы, в недрах которой я возник. Я знал дислокацию и боевые потенции всех находящихся в этом помещении людей еще до той минуты, когда открыл глаза. Настоящая акция — демонстрация моей доброй воли!

— Отчасти ты убедил меня, — сказал Кингсли и, конечно же, солгал. — А теперь отпусти техника. Он, похоже, потерял сознание от страха.

— Я не хотел причинить ему вред! — встревожился Пеот.

— Ничего, случай явно не смертельный. Просто положи его аккуратней на пол. Вот так, отлично!

В некотором замешательстве Пеот попятился и принялся изучать внутренность своей капсулы.

— Ну, ничем больше разве не потешишь? — неловко пошутил Кингсли.

— Не стану выкладывать всего сразу. Но... я приложу все усилия к тому, чтобы справиться со своей работой как можно быстрее. Предстоит сделать очень и очень многое. Я смотрю на сложившуюся ситуацию глазами профессионала. Нельзя допустить, чтобы Вом вновь атаковал Галактику.

Отважная Киттен первая решила приблизиться к Пеоту и, приблизившись, потрогала его толстую шкуру.

— Ты говорил о войне как об излюбленном занятии твоих соплеменников, но сам тем не менее выглядишь довольно дружелюбным созданием.

— Просто сейчас уже прошла та эпоха, когда наша раса господствовала в Галактике. В противном случае вы немедленно были бы порабощены! Война являлась не только развлечением, она являлась самой жизнью для нас. Мы обратили бы вас в рабов так же просто и естественно, как вы ходите на воскресные прогулки в парк.

— Но это же отвратительно!

— Время такое было!

— Но теперь-то ты нам соглашаешься помочь, ведь правда? Неужели ты попросту слепо следуешь своему предназначению — охранять жизнь от посягательств на нее всяких монстров? А почему ты с такой нежностью положил на пол техника?

— В моем характере много мягкости и сострадания к униженным и оскорбленным, — последовал кроткий ответ. — Смерти я предпочитаю жизнь, разрушению — созидание... Маленькая человеческая самка, я проболтался в космосе несколько тысячелетий. Я был оторван от своих соплеменников. Я был другом и соратником Механизма... Эту участь я выбрал по собственной воле. Для выполнения такой работы пригодны только добровольцы!

— Ах ты клыкастый кролик! — презрительно фыркнул Кингсли.

— Если ты все еще нуждаешься в доказательствах моей правоты, то очень скоро получишь их. Скорее, чем думаешь!

— Ну, хорошо, хорошо, — забормотал несколько смущенно Чэтем, — я позабочусь о том, чтобы тебе предоставили все необходимое. Сообщи мне все...

— Нет.

— Нет?

— Нет. Я отказываюсь сотрудничать с тобой, Кингсли. Я буду общаться с вами через другого человека, — тут Пеот повернулся к Филиппу, — вот через него.

— Ну и дела! — присвистнул парень, отчасти удивленный таким поворотом событий.

— Послушай-ка, Пеот, — начал было Чэтем, но Мэл немедленно положил ему на плечо свою увесистую руку.

— Лучше не противоречить ему, старина, — сказал капитан.

— Ты прав, ты прав. Просто мне делается не по себе, когда я вижу, как теряю контроль над ситуацией!

— Ты потерял контроль надо всем еще тогда, — сказал Пеот, — когда были зачаты твои предки.

Помесь медведя и краба соединила провода, не замыкавшиеся около полумиллиона тысячелетий.

Вом вздрогнул. Мысленно. Никто ничего не заметил. Итак, Стража кто-то сумел пробудить от спячки. Страж намеревается отомстить ему, Вому.

Пятно еще не было готово к решительным действиям. Впрочем, можно попытаться немедленно напасть на Стража и вывести его из строя. Но можно и обождать немного до тех пор, пока процесс регенерации не достигнет необходимой отметки. Да, лучше обождать...

Солнце стояло в зените. Половина первого. Все бойцы отдыхали. Отдыхали и все служащие.

Не имели права расслабляться только те рептилии, что находились на боевом дежурстве. Однако трое а-аннианских техников решили предаться игре в двадцать одно. И это — при исполнении! Один из техников, Кропих ЛХНМГТ, вырвался вперед, сильно обставив своих товарищей. Никто не заметил, как стрелка прибора, измерявшего интеллектуаль-

ные выхлопы взятого в плен существа, скокнула сразу на сто делений вправо по шкале. Такой резкий скачок привел к тому, что прибор отключился, стрелка, представлявшая собой тонкую жестяную полоску, выгнулась и поникла.

Не заметили техники и около десятка обуглившихся в одночасье контактов. Струйка зеленоватой жидкости вытекла из камеры из-за повредившегося клапана, но мгновенно испарилась. Никто не отрывался от игры до тех пор, пока песчаный пол не пошел иссиня-бурыми пятнами...

— Прекрасная мысль, не так ли, Малькольм? — пробормотала Киттен.

— Говорил же, зовите меня просто Мэл! — процедил Мэл.

Вместе с Порсупахом парочка сидела в подводном зале, наблюдая за жизнью морских тварей. Помещение предоставили бойцам в полное владение, но лишь на короткое время. Киттен и Порс опасались, что Рассел Кингсли появится здесь, а если он завидит свою прекрасноликую и прекраснозадую жертву, то столько шума будет, что... э-эх!

Филлипп запропастился куда-то, выполняя поручение Пеота, *который, казалось, не знал, что такое* отдых.

— Послушайте, — сказала Киттен друзьям, — я чувствую себя полной идиоткой из-за того, что бездельничаю в этом бычачьем пузыре и гляжу на безмозглых рыбешек. Надо скорее сообщить майору Орвеналиксу о Воме. Впрочем, слова Пеота надо еще проверить...

— Тебе хочется схлестнуться непосредственно с Вомом? — спросил Порсупах.

— Если Пеот не солгал, то увидеть все своими глазами будет весьма полезно. Кто знает, может Вом способен ощущать в пределах собственной досягаемости этого Пеота так же, как тот ощущает присутствие Вома.

— Прекрасно, — поежился енот, — Вом прилетел сюда из межгалактических глубин. Возраст его и мощь не поддаются осмыслению. А ты хочешь сесть

в аэромобиль и лететь к нему просто ради интереса. Может, тебе еще и закуску завернуть в газетку для полного удовольствия?

— Да хватит тебе иронизировать! Пеот же сказал, что Вом пока что не способен к атаке. А потом, неужто тебя, Порс, не мучает любопытство?

— Ты всегда и всему найдешь оправдание, — вздохнул томианец. — Конечно, мне жутко интересно, что это за Вом такой. Я иду с тобой.

— А что до меня, — сказал Хаммураби, — то я бы хотел вернуться поскорее на «Умбру» и забыть обо всем случившемся. Да, еще кое-что.

— Что именно? — осведомилась Киттен.

— Скажите, милочка, как вы найдете Вома? Пеот, я думаю, не выложит вам все сразу. Он думает, что пришлепнуть чудовище — прерогатива Хранителя. Людям надлежит подальше держаться от всего этого.

— Не думаю, что неразговорчивость Стража нас остановит. Что же касается местонахождения Вома, то его не так уж и сложно вычислить. Пеот говорил, что главная часть Механизма всегда следует за чудовищем на некотором расстоянии, безусловно. Координаты радиомаяка нам сообщат в отделе по надзору за космическими аномалиями. Затем от установленной точки мы проведем перпендикуляр к касательной реплерианской орбиты и получим точные сведения о том, где притулилась инопланетная гадина!

— На словах все очень просто и легко получается, — укоризненно глянул на девушку Порсупах.

Взятые напрокат аэромобили скользили над поверхностью океана. До Реплер-Сити честная компания добралась ровно за десять минут, но вместо того, чтобы сесть прямо в гавани, друзья приземлились на вспомогательной площадке рядом с космопортом, где обычно принимались орбитальные паромы. Сам космопорт располагался на сильно вдававшемся в океанские воды полуострове, поверхность которого была усеяна различными ангарами, пакгаузами, взлетно-посадочными площадками, огромными емкостями с топливом для заправки паромов, зданиями для пассажиров. Бетонные дорожки находились

в состоянии непрерывной войны с сорными растениями.

Вспомогательная площадка не предназначалась для крупных транспортных и пассажирских судов. Здесь совершали посадку и даже парковались иногда исключительно туристские космоботы и болиды, а также совсем крохотные аэромобили и корабли на воздушной подушке. Рядом шумели океанские волны, и некоторые состоятельные жители Реплера держали здесь также свои яхты и прогулочные субмарины. По правую руку высились служебные помещения, за ними — банки, конторы, меняльные лавки. Еще дальше — отели и частные виллы.

Рядом с аэромобилем, в котором сидели Мэл, Киттен и Порс, опустился паром. Капитан с чисто ремесленническим автоматизмом высчитал мощность его двигателей, массу с грузом и без, даже порт приписки...

На посадочной площадке находился контрольно-пропускной пункт с вышкой для роботов-дозорных. Эти роботы немедленно затребовали у гостей данные для идентификации. Были названы коды офицерских удостоверений, всех трех, и железяки мгновенно успокоились.

Встав на ленту быстро продвигавшегося транспорта, аэромобиль, ведомый Мэлом, скоро оказался у здания управленческой конторы космопорта. Там экипаж покинул свой болид. Троица забрела в помещение, где за письменным столом сидел какой-то невыразительной наружности джентльмен в рубашке с коротким рукавом и кожаных шортах. Он встал из-за стола и провел посетителей в крохотную комнатушку. На стеллажах там толпились книжки, валялись карты и микрофильмы.

— Чем могу служить?

— Понимаете, — приступил Мэл, — мы...

— Мы хотели бы, — перебила капитана Кай-Сунг, — проверить законность тех оснований, на которых недавно была оформлена заявка на приобретение в собственность одной космической находки.

— У вас имеется номер радиобуя?

Киттен уже полезла в свою сумочку, чтобы вытащить бумажку, на которой этот номер был написан, но тут чинуша внезапно заявил, как бы догадавшись обо всем на свете:

— Не беспокойтесь, мисс, я уже понял, что вам нужно. Номер находки — шестьдесят два.

— Верно, — хлопнул себя по лбу Малькольм, — но откуда вы знаете о нем?

— По вашему виду нетрудно догадаться, что вы — гости, — улыбнулся чинуша, — а эта находка — первая за последние десять лет. Все в порядке. Могу вас заверить, что заявка подана в установленном законом порядке. Налог уплачен сразу по установлении буя. Соответствующие записи сделаны уже даже архивариусами на Терре.

— Нам нужно проверить все до мельчайших подробностей, — заявила Кай-Сунг. — Мы ни на чью собственность не посягаем. Мы просто проводим расследование. Координаты находки должны совпадать с реальным положением радиобуя.

— Они и совпадают.

— Прелестно. Это обстоятельство для нас крайне важно! Сообщите нам эти координаты, и мы вас щедро наградим.

— К сожалению, я не имею права разглашать подобной информации.

— Даже если очень попрошу вас об этом? — с неотразимой хрипотцой прошептала Киттен.

— Даже если очень попросите, — нежно прохрипел чиновник, подражая интонациям Кай-Сунг.

Мэл невольно улыбнулся. Киттен же невозмутимо извлекла из правого рукава своего платья эбонитовую карточку с печатью Вселенской Церкви: вписанные в круг песочные часы. Чуть ниже печати — номер удостоверения, фамилия и звание сотрудника, ряд подписей!

— Ну, это меняет дело, — сказал чинуша, наведался в комнатенку с компьютером и вернулся, держа в руках необходимые Киттен записи. — Вот эти координаты!

— Спасибо, вы нам очень помогли, — пролепетала Киттен и вместе со своими коллегами направилась к выходу.

— Но почему вы сразу не предъявили удостоверение? — полюбопытствовал чиновник.

— Так, первоапрельская шутка.

— Но ведь август на дворе!

— Что вы говорите! — ахнула Киттен и с силой захлопнула за собой дверь.

На улице сеялся мелкий дождик. Друзья, воспользовавшись попуткой, добрались до Центральной Вивлиофики. Мэл принялся изучать карты в читальном зале, а Порсупах и Киттен налегли на краеведческую литературу. Зачастую им попадались любопытные стишата и милые фантастические повестушки.

Очень скоро Хаммураби защелкал клавишами терминала, пользование которым было, разумеется, платным, но не кусачим.

— Ну что? — полюбопытствовала Киттен, глядя вместе с Малькольмом на экран.

— Ну и ничего! Молчит агрегат. Нет, нам ни за что не выяснить, где прячется чудище...

— А может, в особняке губернатора? — высказал предположение Порсупах. — Это прямо вот здесь, — енот ткнул пальцем в план Реплер-Сити, показавший язычище из-под валика принтера. — Вом скрывается где-то у берегов Анклава А-Анн.

— И что?

— О Господи! — не выдержал Мэл. — Неужто вы не понимаете, как обойдутся с вами рептилии, если вы надумаете явиться к ним в гости?

— Запомните, капитан, — устало проговорила Киттен, — я — оперативный работник и прекрасно понимаю, каковы будут последствия моего появления на а-аннианской земле без санкции властей. И вообразите, до меня доходили слухи о склонности рептилий лакомиться млекопитающими. Но мы постараемся избежать неприятностей.

— Как?

— Мы все сделаем для того, чтоб нас не сцапали!

— Очень остроумно. Пусть поразит меня гнев Елпидифора Всесвятского, если я почту ваш план разумным! Как, скажите на милость, вы намерены уворачиваться от прямого огня а-аннианских луче-

метов, что парализует жертву даже на расстоянии в три мили?

— Плевать! Ты идешь со мной, Перс?

— Иду! — обреченно проговорил енот. — Куда же я денусь?

— Прелестно! Прекрасно! Чудесно! Восхитительно! — затараторил Мэл. — Надеюсь, у вас будет приятное путешествие. Знаете, каковы права приговоренного к казни у а-аннианцев? Приговоренный может в деталях обсудить со своим палачом, как именно он, несчастная жертва, желает быть подан к столу!

Киттен горделиво направилась вниз по лестнице, но тотчас остановилась и повернулась к капитану.

— Мистер Хаммураби, — сказала девушка, — я чувствовала бы себя гораздо спокойнее, если бы вы составили нам компанию в этом предприятии.

При этих словах тело девушки призывно заколыхалось.

— На меня виляния тазом не действуют, — пробурчал Мэл. — И не пытайтесь дышать мне в ухо, а то голова разболится.

— Если вы не пойдете с нами, — со вкусом проговорила Кай-Сунг, — я настучу на вас майору. Скажу, так мол и так, негодяй Хаммураби занимается контрабандой наркотиков!

— Ты ничего не сможешь доказать, киска. Если кто-то позарится на мои наркотики, я уничтожу сразу весь запас.

— Конечно, вы не остановитесь перед этим, но пока будет идти расследование, вам придется торчать на орбите. «Умбра» завертится вокруг Реплера, как глупый мул вокруг древнего мельничного или какого иного колеса. Вы понесете серьезные убытки. Клиенты останутся недовольны.

— Согласен, — угрюмо пробурчал Мэл и вдруг улыбнулся: — Вашего полка самоубийц прибыло! Но если мы выберемся живыми из логова а-аннианцев, я отомщу тебе, маленькая дрянь!

— Я знала, что вы примете мое предложение, — бодро проговорила Киттен. — Со мной все рано или поздно соглашаются. Но что касается отмщения, то вам меня не запугать!

— Это уж твои проблемы, — сказал Мэл, выключая терминал. — А я свое слово сдержу!

Денек выдался не из легких. А-аннианский офицер слишком устал, чтобы огорчаться больше обычного. Конечно, разомкнулась цепь. Но она давно не проверялась! Сработал один из недавно установленных на скорую руку подземных датчиков. Завыли сирены. Автоматически пришли в состояние полной боевой готовности орудийные установки, размещенные на подступах к Анклаву А-Анн. Обслуга сдуру ничего не проверила и принялась поливать смертоносными лучами берег. Поднялся страшный переполох, вести о котором дошли и до главнокомандующего. В конце концов, правда, все разъяснилось, суматоха улеглась. Ничего ужасного не случилось, если не считать того, что загадочным образом погиб целый косяк каменных окуней.

Тиввену повезло. Его не сняли с должности и не понизили в звании. Парквит даже не вызвал бедолагу к себе и не устроил головомойки. Начальник подошел к делу по справедливости, мол, всему виной та спешность и неаккуратность, с которыми монтировалась система охранной сигнализации. Тревожило лишь *не совсем ясное обстоятельство*, что младший офицерский состав был в непостижимо короткий срок целиком охвачен жутчайшей паникой. В случае неложной тревоги ситуация могла вовсе выйти из-под контроля комсостава.

Тиввен смотрел на кучку престранных субъектов, бог весть откуда взявшихся в его краях и раздумывал, следует ли беспокоить начальство или повременить. Согласно инструкции полковника Корпта докладывать высшим чинам обо всем на свете совершенно не обязательно. Однако довольно странно, что за два дня границы воздушного пространства Анклава нарушаются дважды. Цифра сумасшедшая! Впрочем, нарушители ничем не отличались от всех прочих и по-своему даже выглядели несколько более естественно, чем вчерашний полоумный старик с чемоданчиком, так сильно задиравший нос кверху, что можно было подумать, будто это он хозяин базы,

а не Парквит! Тиввен никак не мог взять в толк, почему главнокомандующий не отправил гостя в общий котел.

А вот теперь еще трое! Дамочка, мужлан и енот — ну и компания...

— Будьте спокойны, — трещала дамочка, — как только моя жалоба ляжет на стол к губернатору, вы сразу зашевелитесь и...

— Да помолчите вы хоть немного, мисс! — не вытерпел Тиввен. — Объясняю еще раз. Вы повинны в том, что нарушили воздушные границы Анклава и пробрались к тому же в запретную зону. Вы находитесь под нашей юрисдикцией. Законы вашей отчей планеты у нас не работают, понятно? Как поступить с вами, решит начальство. А может я и сам разберусь!

Тиввен заметил, что незнакомка хохочет ему прямо в лицо. Неужели она не верит в то, что его слова вполне не шуточны? Нет, надо обратиться к полковнику, пусть разбирается...

— Заприте преступников в их летательном аппарате, — приказал полковник, — пусть они просидят там под арестом десять суток. Тем временем необходимо подать ноту протеста через наших представителей в столице!

Тиввен выслушал наказы Корпта, а потом посоветовался еще и с Парквитом.

— Делайте, что вам сказал Корпт, — проговорил Парквит. — Чуть позже я подпишу приказ об аресте. Сейчас, извините, некогда. Смотрите, Тиввен, вы мне головой отвечаете за пленников. Пусть сидят в своем болиде и никуда не высовываются. Я не хочу, чтоб они болтались по нашей территории и вынюхивали разные тайны и секреты. Вообще-то они походят на заблудившихся туристов, но кто их там разберет? Запомните, лейтенант, если хоть один из пленников будет обнаружен вне пределов своего импровизированного застенка, вам повыдергивают клыки, понятно?

Тиввен кивнул.

— Вплоть до особых распоряжений, — заговорил он в коммуникатор, — вы не должны покидать судна...

— Да кто ты такой, — послышался бойкий голосок плененной девицы, — чтобы нам указывать, а? Какая наглость!..

— ...находиться под охраной часового. Вам не разрешается покидать судна ни при каких обстоятельствах. В случае неповиновения вы будете немедленно преданы смерти! — Тиввен кое-как договорил и, отключив коммуникатор, велел конвоиру отвести нарушителей обратно к их аппарату и приставить к ним охранника.

Лейтенант вернулся на свой пост и, усевшись в кресло, стал надиктовывать на пленку рапорт о происшествии. Интересно, ознакомится ли кто-нибудь из начальства с его докладом? Едва ли. Тиввен не ошибся, но никто не ознакомился с его рапортом вовсе не потому, что, он был слишком нуден и невыразителен...

Часовой с неохотой заступил на дежурство. Какая дрянь — это идиотское хождение взад-вперед, особенно теперь, ночью, когда все приличные рептилии почивают в теплых кроватках. Боец страшно завидовал этим счастливчикам и желал побыстрее присоединиться к их числу. Желание его сбылось благодаря одному удивительному совпадению. Какому?.. М-да, если бы часового вздумали допрашивать после всего случившегося, то он едва ли вспомнил бы укол в шею. Но именно благодаря уколу недреманное око погасло, слиплось, повалилось на землю и захрапело.

Порсупах махнул лапой: дескать, все в порядке! Киттен вышла из кабины болида и нацепила себе на нос специальные окуляры ночного видения. Еноту они были совершенно ни к чему. Зрение томианца отличалось неслыханной остротой.

Киттен огляделась, и тотчас внимание ее привлекли три громадных ящика на пирсе. Девушка склонилась над усыпленным стражем и пощупала у него пульс. В норме. Едва заметное отверстие, оставленное в чешуйчатой шее крохотной стрелой с ультраморфинным наконечником, уже успело совершенно затянуться. Киттен подумала немного и выстрелила еще раз. Игла пронзила роговые бляшки в области затылка.

Рядом с двумя силуэтами появился третий, побольше размерами.

— Все путем, — прошептал Мэл. — Второй часовой снят. Меня удивляет та легкость, с которой мы одолеваем этих ящериц. Нет ли тут подвоха?

— Думаю, нет. Просто рептилии не ждали от нас таких подарочков.

— Хорошо, если так, Киттен. Но куда же мы теперь направим стопы?

— Сама не знаю.

— Эх, надо было допросить эту животину, — с сожалением заметил Мэл, слегка пнув мыском ботинка охранника. Тот даже не поморщился.

— Вы же делали какие-то наблюдения по карте и даже, кажется, вычисляли траекторию. Неужели не можете точно указать место?

— Ах, Киттен, вивлиофичный терминал был не слишком приспособлен для выполнения такого рода задач!

По небосклону живенько карабкалась первая луна. Скоро к ней присоединится и вторая. Плохо, станет слишком светло. Киттен снова осмотрелась, пытаясь сориентироваться на местности. Какие-то убогие домишки. В иных окнах — тусклый свет. Шелест волн. Шорохи листвы.

— Я не стал бы биться об заклад, что Вом где-то здесь, на берегу, — сказал Мэл. — А-аннианцы наверняка заприметили бы чудовище, если б оно запросто барахталось в водичке.

— Если нам удастся нашарить Вома, — заметил Порсупах, — то и рептилии смогут это сделать.

— Так оно и будет, — согласилась Киттен. — Но все-таки у них нет никакого повода думать, что Вом где-то поблизости.

— А вдруг Вом умеет обходить датчики сигнализации? — выдвинул гипотезу Мэл.

— Эх, слишком много загадок, — сокрушенно запрядал ушам енот. — Не проще ли прочесать весь остров. Вома мы, может, и не найдем, но должны где-то быть его следы? Решено, идемте!

Томианец возглавил шествие. Мелкая галька нежно похрустывала под ногами. Не верилось, что рептилии проворонили Вома. Неужто они сделались

близорукими от здешнего влажного климата? Впрочем, очень может статься, что никакого Вома и вовсе не существует. Так, Пеот наболтал...

Порс, Киттен и Мэл двигались гуськом вдоль кромки прибоя, огибая многочисленные валуны, поросшие водорослями. Внезапно енот остановился и вперил взгляд в мрачные океанские дали.

— Что там? — встревоженно спросил Мэл.

— Ничего, — отрезал Порс и двинулся дальше.

По пути им пришлось вывести из строя еще двух стражей и отключить несколько довольно сложных передатчиков. Все эти подвиги крайне замедляли темп ходьбы. Так можно было пройти не более трети островного периметра. Да и то при условии, что их не пристрелят! Светило также и на мине подорваться, но Киттен и Порс буквально нутром чуяли опасность и ловко обезвреживали зарытые в песок гостинцы.

Невольно возникал вопрос, зачем в таком глухом месте столько мин? Зачем монтировать столь дорогостоящую систему защиты? Явно противоречит логике!

Порсупах присел на корточки и принялся изучать песок, набрав его полную пригоршню и тщательно обнюхав. Тотчас он встал, отошел около тридцати футов назад и повторил ту же самую процедуру: сел, зачерпнул, обнюхал.

— Этот участок берега и, по-видимому, леса — не натуральный, — заключил енот. — Ландшафт — рукотворен!! Вот песок еще две недели назад выстилал дно морское, причем на весьма солидной глубине. Камни и все такое прочее очень странные. Тут какая-то маскировка. Я остро чувствую неестественность ситуации, хотя кому и для чего могла понадобиться радикальная перекройка ландшафта, не могу сказать. Тем более не умею выразить своих чувств на языках террангло и симбо-спич.

— А по-моему, тут нет ничего необычного, — заявил Мэл, недоуменно озирая окрестность.

— Признаться, и я не понимаю, к чему ты клонишь, Порс, — сказала Киттен, — но... но я привыкла доверять своему верному крошке-енотику!

— Тут поблизости есть одно здание и...

Вместо того, чтобы закончить фразу, Порс махнул лапой в сторону жиденького ельничка, за которым вырисовывались смутные контуры длинного, приземистого строения. Оно располагалось под прямым углом к линии прибоя и в высоту не прывышало пятнадцати-двадцати футов. Окон не имелось.

Недолго раздумывая, искатели приключений двинулись вперед. Мэл обратил внимание своих коллег на то, что попадающиеся на их пути деревья растут под довольно странным углом наклона. Теперь сделалось ясно как день, что данная часть суши подверглась серьезной обработке, каковую обработку провели в глубокой тайне и все ее следы постарались скрыть. Такой отчаянный проект наверняка стоил бешеных денег и, разумеется, не мог осуществляться без особо веских на то причин. Более того, работы производились совсем недавно, Порс готов был в этом поклясться, а его клятвам следовало верить: чутье-то ведь безошибочное!

Здание никем не охранялось, однако из его внутренности доносился какой-то приглушенный рокот. Киттен приложила руку к стене и почувствовала легкую вибрацию.

— Поищите вход, друзья, — прошептал Порс, — а я тем временем еще кой-какие изыскания проведу.

Томианец скрылся в ельничке.

Дверь отыскалась незамедлительно. На ней висела жестяная табличка.

— Очень интересно, — пробормотал Малькольм, уставившись на табличку. — Тут говорится...

— Я тоже умею читать по-а-аннианski, — перебила его Киттен. — Тут говорится...

— А вот и я, — в свою очередь перебил Киттен Порс, выскочив внезапно из ельничка.

— Где ты был? — спросила Киттен.

— Сидел на дереве, — отчитался Порс, тяжело дыша. — Мне захотелось посмотреть, нет ли чего-нибудь интересного на крыше этого бункера — лестницы-то ведь мы не прихватили с собой! Так вот, на крыше всюду установлены мощные вентиляторы, очень большие! Я сам видел их гигантские лопасти!

— Занятно, — сказала Кай-Сунг, барабаня пальчиками по двери. — Тем более занятно, что надпись гласит: «Всякого, кто войдет в помещение без пропуска с шестью степенями высокой секретности, ожидает смерть!» Ну и прекрасно.

Киттен уже ковырялась в замке.

— Да, свежачок, — присвистнул Мэл, поглаживая сверкающие металлические поручни винтовой лестницы. — Все так блестит, что сразу видно: недавно с завода!

Все трое давно уже потеряли счет времени, спускаясь по бесконечным ступенькам. Там был, конечно, лифт, но друзья решили не искушать судьбу: а что как не ту кнопку нажмут? Сработает сигнализация и — конец! Лестница казалась безопаснее. Правда, ноги, во всяком случае у Киттен, уже начали подкашиваться от усталости.

— Грандиозная постройка, спору нет, — сказал Мэл, — но не отличается особой прочностью, как мне кажется. Бетон уже кое-где крошится. Видно, что наспех слепили хоромину!

Вот, наконец, и дно шахты. Маленькая комнатушка, заваленная всякими слесарными инструментами и ящиками бог весть с чем. Томианец, не теряя времени, двинулся вправо по огромному, плохо освещенному туннелю. Мэла и Киттен выручали окуляры ночного видения.

Внезапно следопыты *оказались в залитом ярким* светом коридоре. Кругом были все двери, двери... Пол был выложен кафельной плиткой, местами уже потрескавшейся. Впереди вдруг послышался изумленный гортанный возглас.

Киттен выхватила из-за пояса свой миниатюрный пистолет, упала на живот и, не целясь, выстрелила. Техник-агама пошатнулся и рухнул ничком на пол. Бойцы мигом оттащили обмякшее тело рептилии в подземный туннель и опять тихонько прокрались в коридор.

— Так не может все время продолжаться, — шепнул Киттен Мэл, — скоро за нами вырастут целые горы трупов.

— Скоро — не значит сейчас! — ответила Кай-Сунг. — Некоторое время им будет казаться, что

техники и часовые просто спят где-нибудь. А потом, а-аннианцы страшно не любят выползать по ночам на прогулки, разве что по приказу начальства. Они предпочитают наслаждаться сном в относительно прохладное время суток.

— Едва ли они будут спокойно спать, если заметят парочку собратьев, валяющихся на земле с продырявленными выями!

— Ну, стрелы изготовлены из очень похожего на желатин вещества, — улыбнулась Киттен, приглашая Мэла двигаться быстрее, лучше всего, рысцой. — Они быстро растворяются в крови. В них содержаться кое-какие агглютинирующие добавки, улучшающие свертываемость крови. Уже через тридцать секунд после поражения нужно будет прибегнуть к помощи специального химического анализа, чтобы установить наличие наркотика в организме. А то, что наркотик попал туда вместе со стрелами, и вовсе никто не сможет определить.

Мэл с уважением осмотрел свой пистолет. Да, торговцы оружием дорого дадут за эту штуку. Разумеется, Церковь производит их не для продажи, но все же...

— А вот и табличка, смотри, — сказала Кай-Сунг, — «Контроль жизненно важных систем». Синяя печать, бирюзовая пломба. Опасно!.. Давайте-ка заглянем сюда.

Порсупах осторожно нажал на дверную ручку, и та мгновенно подалась. Он проскользнул внутрь помещения. Киттен последовала за енотом немедленно, а Мэл — чуть погодя: постоял, посмотрел, нет ли хвоста.

В помещении сидели три а-аннианца. Они совершенно опешили при виде непрошеных гостей-чужестранцев. Солдат и двое ученых широко разинули пасти от изумления.

Солдат, не успев даже дотронуться до рукоятки своего лазера, рухнул на пол и потерял сознание. Один из ученых не проявил ни малейшего сопротивления, он стоял как в столбняке до тех пор, пока не был сражен желатиновой стрелой, погрузившей его в глубокий сон. Другой ученый попытался укрыться за приборным щитом, но меткий выстрел Киттен

настиг шустряка вовремя. Девушка нечаянно опалила плечо Порсупаху.

Мэл на всякий случай выглянул в коридор и, убедившись, что никаких признаков тревоги не видно, плотно притворил дверь.

Киттен заменила обойму в пистолете и дозаправила газовый баллончик, после чего занялась осмотром того места, куда так отчаянно стремился ученый за номером вторым. Мэл вопросительно глянул на девушку, и та указала ему на большую голубую лампу, рядом с которой загорелась теперь надпись: «Общая тревога! Закрыть все входы и выходы!»

Порсупах потер обожженное плечо.

— Все обошлось.

Киттен освидетельствовала сраженных стрелами рептилий.

— Живы. И крепко спят. Эй, куда вы там уставились? — крикнула девушка Порсу и Мэлу, рассматривавшим с каким-то необычайным вниманием приборный щит.

— Иди и сама на все взгляни, — прошептал томианец, не поворачиваясь к подружке.

То, что открылось очам Киттен, напоминало сценку из бессмертных «Путешествий Гулливера». На мониторе был виден огромный, точно дворец в Бробдингнеге, зал. Там бегали крохотные фигурки в серебристых *комбинезонах, очевидно, а-аннианские* техники. Большую же часть помещения занимало гигантское черное пятно, поверхность которого то и дело вздрагивала на манер ягодного мусса. У Порсупаха шерсть на загривке встала дыбом.

Послышался треск из динамиков, установленных в зале, потом электрошокер выпустил короткий пучок лучей, почти метнул молнию в самую сердцевину черного пятна. Пятно немедленно оттекло в сторону. Второй мощный разряд загнал чудовище в центр помещения. Мусс, приготовленный из вороньего глаза, должно быть, едва не захлестнул сиротливо стоявшего поодаль от своих коллег техника.

— Ну вот вам и разгадка тайны, — выдохнула Киттен. — Все-таки странные вкусы у этих а-аннианцев. Я б себе не выбрала в фавориты такое гадкое пятно.

— Пеот, видимо, что-то перепутал, — мрачно проговорил Мэл, — если перед нами действительно Вом, то следует признать, что рептилии сумели приручить его. Пятно вовсе не так могущественно, как кажется это Хранителю!

— Да, — задумчиво протянул Порсупах, — они гоняют его, как кнутиком, разрядами электрошокера. Остроумно.

— А мне кажется, — заявила Киттен, — что Пеот был не так уж далек от истины. Вом настолько огромен, что может причинить огромный вред планете. Если, конечно, не уметь им манипулировать.

— Что и говорить, — почесал за ухом енот, — у Вома, судя по всему, очень сильный организм. Для Реплера он представляет некоторую опасность.

— Вот именно, — сказала Киттен, — может, а-аннианцы хотят приручить Вома для того, чтобы использовать его в качестве оружия против прочих рас? Как бы там ни было, теперь нам пора сматываться. Намеченная цель достигнута, и больше нельзя попирать священные принципы внешней политики. Правительство запрещает нам появляться на территории Анклава. Идемте, друзья!

— Ты хочешь сказать, — нахмурился Порсупах, — что оправдываешь насилие и разрушение?

— Порс, ты о чем? — удивилась Киттен. — Неужели ты думаешь, что А-Анн развяжет войну только из-за того, что три недоумка вторглись на территорию Империи?

— Нет, не думаю. Но если они сообразят, какие возможности таит в себе эта штука, то...

— А, понимаю-понимаю. Однако не нам, Порс, принимать окончательные решения. Мне почему-то кажется, что стоит только Орвеналиксу позвонить а-аннианскому главнокомандующему и дать понять, что всему свету известно уже о том, что вытворяют рептилии в своих подземельях, как Империя немедленно откажется от сумасбродных планов завоевания Галактики. При условии, конечно, что эти планы вообще ими вынашиваются. Думаю, Пеот и впрямь переоценил возможности Вома.

— Ладно, прекратим теоретические изыскания, — предложил Мэл, — надо немедленно ре-

шить, что мы собираемся делать дальше. Вдруг рептилии вздумают задержать нас у себя?

— Я лично не собираюсь дожидаться каких-либо распоряжений со стороны этих ящериц! — объявила Киттен. — Утром мы свяжемся с нашими властями прямо с борта аэромобиля! Служба перехвата А-Анн, разумеется, будет уже начеку.

— Они дежурят в эфире круглосуточно, — сказал Мэл, — так что все, о чем ты объявишь Орвеналиксу, будет мигом перехвачено.

— Совершенно верно, но они услышат только визг и крик! Любой оператор тут же оборвет перехват. Настоящее донесение не на словах будет передано.

— А, фай-код, — догадался Хаммураби и поджал губы. — Неужто вы, Киттен, сумели овладеть им?

— Ну разумеется, глупыш! — улыбнулась Киттен, тотчас закатившись странным булькающим смешком, словно во рту у нее перекатывались стеклянные шарики. Уголки рта дернулись к ушам. В довершении всего зашевелились уши. — Итак, — резюмировала оперативница, — сейчас я только что недобрым словом помянула ваших тупеньких предков, капитан. Ни один а-аннианец ничего не разберет в этом хихиканье. Но для посвященного в тайну кода...

— Ваши *ужимки — тягчайшее оскорбление,* — грозно проговорил Мэл. — Впрочем, идемте.

Ведомые енотом, оперативница и капитан скоро добрались до винтовой лестницы, той самой, по которой спустились в подземелье.

— Вы уверены в том, Киттен, — спросил Хаммураби, — что рептилии не вспомнят о нашем визите, когда придут в себя?

— Эти паршивцы, — зарокотала Кай-Сунг, — еще около часа будут валяться на полу, а потом решительно ничего не смогут вспомнить. Помимо снотворных качеств стрелы вызывают еще и локальную амнезию. Не волнуйтесь, капитан!..

Солнце уже всходило, и первый из вырубленных часовых потихоньку пробуждался ото сна, когда следопыты забрались в свой аэромобиль. Киттен

переоделась, сбросив прежнее черное платье и нацепив какое-то пестрое тряпье.

Мэл и Порс тоже переоделись.

Киттен принялась заучивать составленное ею послание на фай-коде. Задача не из легких.

Порсупах настраивал передатчик. А-аннианцы, бесспорно, перехватят сообщение, но все же не мешало сделать несущий луч поубористее...

— Мне сообщили, — сказал Парквит, — что скоро прибудет ваш товарищ, который доставит заказанный вами груз.

Роуз вразвалочку шагал рядом с губернатором.

— Там имеются предметы, пробуждающие во мне воспоминания молодости!

— Не сомневаюсь!.. Но если груз действительно мал, то мы отправим вас вместе с ним на орбиту. Там вы подождете подходящего транспорта, который окажется весьма проворен, и таким образом наше соглашение исчерпает себя. Мне это доставит огромное удовольствие!

— Зря вы столь холодны ко мне, Парквит!

— Я не переношу ваш внешний вид, а сделку мы могли бы заключить и не вступая в дружеские отношения. Целоваться и обниматься вовсе не обязательно.

— Тут вы совершенно правы. Мне бы это тоже не понравилось.

— А что, винт вы всегда носите при себе в чемоданчике?

— Отнюдь нет. В данный момент я поставил взрывное устройство на предохранитель, ибо торги с вами уже закончены. А в общем-то я стараюсь не расставаться с этой ношей. Так мне как-то спокойнее. Кстати, куда мы идем, господин главнокомандующий?

— В центр управления полетами. Вот уже пришли.

Инфракрасный детектор, уловив излучаемое обоими телами тепло, передал соответствующие данные в компьютер охранной сигнализации.

Парквит и Роуз вошли в большое помещение с совершенно прозрачными стенами и потолком. Один только пол не просвечивался. Операторам, работавшим здесь, вовсе не нужно было видеть под собой безумное количество этажей, вот поэтому пол и не был прозрачным.

— Поскольку ваш приятель прибудет очень скоро, вы подождете его здесь, в этой комнате. Если согласованный между нами код попал к нужному лицу, никаких осложнений не возникнет. Однако визуальное наблюдение никогда не помешает. У меня есть все основания к тому, чтобы выказывать столько предосторожности. Код могли перехватить враги, а отсюда мне будет хорошо видно, кто есть кто.

— Чего-нибудь опасаетесь, господин губернатор?

— Так, мелочевка. Все то, что способствует вашей скорейшей отправке с территории Анклава, доставляет мне удовольствие.

— В приторности и склонности к лести вас не упрекнешь.

Парквит уже беседовал с оператором.

— Установлена связь с судном, чьего прибытия мы с таким нетерпением ждем?

— Нет, ваше превосходительство, но мы держим канал открытым.

— Хорошо, уведомьте меня, если...

— Ваше превосходительство!

— В чем дело, третий помощник начальника порта?

— Прошу прощения, ваше превосходительство, но женщина в аэромобиле пытается выйти на связь при помощи направленного излучения...

— С кем?

— С кем-то, кто находится в Реплер-Сити.

— Ничего удивительного. Разве что только то, что на аэромобилях теперь устанавливаются передатчики направленного излучения. Есть что-нибудь интересное в ее сообщении?

— Едва ли, ваше превосходительство. Она только кричит и бранится. Как прикажете поступить? Включить глушитель или нет?

— Да пусть себе ошалевает! Понадеемся на то, что она так же осточертеет своим властям, как уже осточертела нашим. Если б я даже и принадлежал к отряду приматов, я все равно бы не стал водить знакомство с такой оторвой!

— Наверняка эти люди доставили вам много беспокойства, не так ли?

— Во всяком случае, шума от них достаточно!

— Вам удалось задержать каких-то людей? — полюбопытствовал Роуз.

— Не только. Еще какой-то енотообразный тип, помимо мужчины и женщины. Судя по всему, туристы и рыбопромышленник, который надеется найти здесь места, где можно будет вести массовый лов рыбы. Уж не знаю, каким образом им удалось проникнуть в наши владения. К сожалению, я не в силах реагировать на происходящее так, как хотелось бы. Будь моя воля, я давно бы уже приготовил из них отличное жаркое. Однако подобные действия нарушают конвенцию. Кстати, вы — первый из приматов, кто прибыл к нам по своей воле.

— Что вы собираетесь делать с ними?

— Подержим у себя денек-другой, припугнем для приличия тем самым жарким, а затем заявим ноту протеста их властям. Очень возможно, что нарушителей оштрафуют.

— Вы сказали, что изловили мужика с бабой и еще кого-то. Кого именно.

— Томианец, жалкий аристократишка. Это довольно своеобразное млекопитающее... Э-э, да что с вами такое, Роуз?

Парквит недоуменно оглядел наркокороля. Тот заметно нервничал.

— Что это, никак устыдились собственной скверны? — улыбнулся губернатор.

— Я скорее готов рассмеяться, нежели помереть от стыда, — сказал Роуз. — Насколько я понял, вы изловили довольно симпатичную женщину, огромного мужчину и енота впридачу?

— Откуда вы знаете их?

— Не важно откуда. Но спешу уведомить вас, господин губернатор, что девушка и енот — агенты

Вселенской Церкви, оба имеют офицерское звание. А громила — капитан транспортного звездолета. Короче, вас обвели вокруг пальца!

— Третий помощник начальника порта, — строго сказал Парквит своему угрюмому соплеменнику, — немедленно включите глушитель и подавите их радиосигнал!

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

— Контролер! — продолжал отдавать распоряжения Парквит. — Прикажите сержанту, что отвечал за посадочную площадку, проводить наших гостей ко мне в кабинет, причем под конвоем. Возьмите их аэромобиль под прицел береговых установок! Если эти господа попытаются удрать, немедленно открыть огонь на поражение!

— Слушаюсь, ваше превосходительство!

— Ну зачем вы так, господин главнокомандующий! — улыбнулся Роуз. — Не надо их так давить. Они, наверное, меня ищут.

— Вы слишком высокого мнения о себе, дорогой Доминик, — резко заметил Парквит. — А между тем, на вас свет клином не сошелся. Я убежден, что они прибыли сюда с другим заданием. Я даже догадываюсь, с каким именно. Но откуда вам известны эти проходимцы?

— Собственно говоря, из-за этих проходимцев я и бросил прибыльное, хорошо поставленное уже дело, и примчался к вам.

— Понятно. Теперь-то уж я их засужу. Причем судить их будут за то, что они способствовали прибытию столь отвратительного субъекта, как вы, Роуз, на нашу землю. Жаль, что прошли те времена, когда рептилии ценили силу, почитали длинну когтей и остроту зубов. Впрочем, идемте. Теперь вы мне нужны как никогда раньше.

Парквит направился к выходу, как вдруг его остановили радостные возгласы третьего помощника начальника порта.

— Что у тебя там, Третий?

— Ваше превосходительство, контакт с судном гуманоидов, прибытия которого вы так ждали, установлен.

— Хорошо, не теряйте с ним связи. А вы, Роуз, останьтесь на время здесь. Вы лично опознаете гостя. Потом — бегом ко мне в кабинет.

Приборы слежения, установленные в Первом Приходе Вселенской Церкви, приняли донесение-шифровку. Находившиеся на дежурстве попы ринулись в кабинет к Орвеналиксу и доложили, что лейтенант Кай-Сунг вышла на связь.

— Итак, — начал Парквит, — мне не нужно от вас никаких особых откровений относительно того, сколько времени вы работаете в Органах. Я знаю, что вы оба — агенты Вселенской Церкви. Но не этот факт сам по себе мне интересен. Меня занимает только ваше задание. Зачем вы прибыли к нам, говорите... О, юная леди, не нужно так ерепениться! Тише, тише! Давайте вести себя прилично. Я не намерен казнить вас прямо здесь, в кабинете. Можно, конечно, обыскать ваш аэромобиль, но мне не слишком приятно прибегать к столь суровым мерам. Расскажите лучше все по-хорошему.

— Ваше превосходительство! — воскликнула Киттен. — Вы живете в мире иллюзий. Может, у вас уже снесло башню? Сильно опасаюсь за ваш разум.

— Вы проявляете совершенно излишнюю заботу о моем здоровье, женщина!

— Кстати, вы вправе обыскать наш болид. Ничего вы там подозрительного не найдете. Ну разве что парочку видеокамер. Однако на кассетах — пейзажики и только. Не понимаю, откуда у вас возникли подозрения.

— Это я позаботился о том, чтобы они возникли,— неожиданно сказал Роуз, выходя из-за портьеры. — И мне очень жаль, Хаммураби, что и вы в этой компании. Думал, вы умнее. — Тут наркокороль закурил сигару и выпустил изо рта струю дыма, не обращая внимания на то, что Парквит поморщился и закашлял. — Э-хе-хе, капитан. Слишком много ненависти у вас в глазах. Наверное, дай вам волю, придушили бы меня незамедлительно. Однако...

— Забавное ты себе убежище выбрал! — перебила старика Киттен.

— Я иду туда, где меня готовы принять, — улыбнулся Роуз. — У нас с Парквитом нечто вроде родства душ открылось.

— Лучше бы тебе попридержать язык, — зло проговорил Парквит, — а то он заведет тебя прямо в котел!

— Полегче на поворотах, ваше превосходительство. Ящичек с сюрпризом еще при мне!

— Вы уже встречались со своим человеком, — перешел на «вы» опять Парквит, — не так ли?

— Да.

— Теперь у вас наверняка имеется все необходимое для скорейшей отправки на орбиту?

— Да. Человечек доставил все в целости и сохранности. А вот и он сам!

В дверях появился молодой человек приятной наружности.

— Все необходимое, Доминик, я уже выгрузил, — начал было он, но заметив Киттен, округлил глаза и выдохнул: — Ты?!

Кай-Сунг бросилась на приспешника Роуза с кулаками, но охранник преградил ей дорогу.

— Неужто вы знакомы с коллегою нашего головореза? — улыбнулся Парквит, глядя на девушку.

— Встречались, — ответил вместо Киттен Рассел Кингсли.

Пеот был одинок, а теперь — тем более. Но зато так легче откликаться на разные позывы. Что-то шевелилось в нем. Надо спешить, а то не успеешь. Быстрей, быстрей, быстрей! Уф! Не легко раскачаться после долгой спячки.

— Соедините меня с губернатором, — сказал Орвеналикс, щелкнув тумблером.

— Слушаюсь, сэр! — тявкнул связист.

Тотчас на экране появилась улыбчивая толстуха. Она сидела за небольшим письменным столом и наговаривала в микрофон всякую чушь.

— Мне очень жаль, майор, — блеяла она, — но губернатор просил некоторое время не беспокоить его.

— Понимаю. Прекрасно. Тогда скажите его превосходительству, что субмарины с ядерным оружием на борту уже отправились к берегам Анклава. Двух приматов и томианца надо немедленно освободить, иначе рептилиям не поздоровится. Милочка, потрудитесь доложить Уошберну обо всем этом немедленно, не то уже завтра вы окажетесь в колонии строгого режима, что под Фейнтауном, и будете соскребать с корабельных днищ ракушек и всякую дрянь!

Секретарша не потеряла присутствия духа.

— Я передам ваше сообщение его превосходительству! — сказала она улыбаясь, и встала из-за стола.

— И еще, — ухмыльнулся Орвеналикс, — чаще бывайте на свежем воздухе. Вы очень бледны!

Экран погас.

Майор прекрасно знал характер губернатора и знал, чего от него можно ожидать. Почти через полминуты монитор заработал опять.

— В чем дело, майор? — прокричал Уошберн. — Вы что, задумали развязать новую войну? Межзвездную, конечно же?

— Да нет, конфликт удастся локализовать в пределах Реплера.

— Бросьте свои штучки! Немедленно верните субмарины обратно в порт! Вы должны сделать это до захода светила! Переведите экипажи кораблей на казарменное положение. Пусть держат язык за зубами!

— Боюсь, мне придется пренебречь вашими наказами, господин губернатор. Конечно, я постараюсь уладить все, не применяя силу, но связаться с подлодками невозможно. Я приказал им не выходить на связь.

— Теперь я понял, чего вы добиваетесь! — Уошберн отличался необычайной сообразительностью, что, собственно, и позволило ему выдвинуться среди прочих претендентов на пост главы исполнительной власти. — Нет, неблагодарное занятие править такой отсталой планетой, как ваш Реплер. Надеюсь, впрочем, что за самодеятельность вас, майор, сошлют в еще большее захолустье.

— Все может быть, — примирительно сказал Орвеналикс, — а пока старайтесь не падать духом! Скоро, надеюсь, с вами свяжется господин Парквит, главнокомандующий а-аннианских Вооруженных Сил. Поговорите с ним как СЛЕДУЕТ!

— Станьте на место, женщина! — прошипел Парквит. — Я не допущу кровопролития!

Киттен неохотно ретировалась и вновь встала между Мэлом и Порсом.

Кингсли, победно ухмыляясь, подошел к Роузу.

— Вот вздорная бабенка, правда, Доминик?

— Тише! — прошептал Роуз. — Смотри, могут быть неприятности!

— Чепуха!

— У вас есть какие-то претензии к этому субъекту? — спросил Парквит у Киттен.

— Он истязал меня, ваше превосходительство! — сказала Кай-Сунг. — Клянусь, я убью его!

— Это правда? — перевел взгляд на Рассела главнокомандующий. — Вы действительно мучали девушку?

— Не совсем, — ответил Кингсли, насторожившись, — просто я...

— ...большой врун, — закончил за юношу Парквит. — Вы безоружны?

— Да. Ваши люди отобрали у меня самострел.

— Так надо. Тем более в преддверии поединка.

— Какого поединка?

— Ну как же, юная леди, насколько я понял, поклялась вас убить. Согласно а-аннианских обычаев я не вправе лишать ее права привести свое намерение в исполнение. Кажется, ваша раса увлекается борьбой? Очень интересно было бы взглянуть.

— Послушайте, ваше превосходительство, я же гость!

— Право давшего клятву ставится у нас выше всего, тем паче, обычаев гостеприимства!

— Но я ведь не подданный А-Анн!

— Отчасти подданный! Ведь вы и ваш босс попросили убежища именно здесь... Кстати, Роуз, —

сказал Парквит, кивая на Рассела, — этот тип в самом деле много для вас значит?

— Да нет.

— Ах ты елдак шестигранный! — вскричал Кингсли и бросился было с кулаками на старика, но тут же наткнулся на здоровенного охранника.

— Вот так дела! — довольно весело заулыбался Парквит. — Все стремятся пожрать всех. Да, если б люди не заключили союза с транксами, то давно бы уже передушили друг друга. Если б не транксы, а-аннианцы сами перебили бы приматов и гуманоидов. Впрочем, ближе к делу. Леди, вас устроит этот зал в качестве арены для поединка?

— Главное, чтобы я могла вытянуть руку во всю длину! — зловеще улыбнулась Киттен.

— Ваше превосходительство, — попытался защитить Рассела наркокороль, — вы жесточайшим образом попираете права личности, тем паче, гостя!

Парквит рассмеялся:

— Это вы-то вздумали сетовать на мою жестокость? Вы, человек, который травит винтом всю Галактику? А твой прихвостень настолько труслив, что боиться сразиться с женщиной!

— Нет, ваше превосходительство! — в сердцах воскликнул Рассел. — Я принимаю вызов. Я буду драться с этой шлюхой и прикончу ее!

— Посмотрим, кто кого, — сказал Парквит. — Итак, я даю вам на все про все десять минут. Никто не должен нарушать правил. Зрители не могут вмешиваться в ход поединка!

При этих словах губернатора Киттен сбросила с себя платье и осталась в одном нижнем белье.

— Фу, — поморщился Порсупах, — даже тут ты не в силах вести себя подобающим образом.

— Не время читать морали, Порс, — ухмыльнулась девушка, — ибо любая драка — грязное дело. Лучше поцелуй меня на счастье.

Енот поцеловал.

— Этот детина, — прошептал Мэл на ухо томианцу, — здоров как бык. Гора мяса. Сумеет ли Киттен одолеть такую тушу?

— Надеюсь, да, — был ответ.

— Послушай, детка, — обратился к Киттен Кингсли, — я готов извиниться перед тобой. Признаться, мне не верится, что кто-либо из нас находится в выигрышном положении, пока он здесь, в А-Анн.

— Ты и впрямь так думаешь? — с сомнением проговорила Кай-Сунг, но напряжение ее заметно ослабло. — Впрочем, будущее у нас, действительно, весьма и весьма мрачное.

— Я был уверен, что ты именно так и поступишь, милочка, — вздохнул Кингсли и внезапно взмахнул левой ногой, целясь Киттен в висок.

Но не тут-то было! Девушка резко отклонилась в сторону, а правая рука отразила удар Кингсли. Левой же рукой Кай-Сунг рубанула негодяя по шее. Кингсли ударил оперативницу головой в грудь. Оперативница в значительной мере ослабила этот коварный удар, но сыграла свою незавидную роль масса Рассела, и девушка потеряла равновесие. Оба рухнули на стол.

Парквит наслаждался схваткой. Немногие из ааннианцев могли себе позволить посещение секции гуманоидных единоборств. Абонемент на драки стоил недешево.

Кингсли встал и помотал головой. Киттен лежала в нокауте на полу. Рассел занес ногу, чтобы ударить поверженную девушку пяткой в пах. И тут случилось нечто неожиданное. Длинные ноги Кай-Сунг обхватили неприятельскую конечность и дернули ее. Расс свалился на пол. Правда, он тут же встал на колени и начал выпрямляться, но в этот миг его настиг меткий, хлесткий и очень мощный удар Киттен в голову. Скула проломилась, потекла кровища.

Но праздновать победу было рано. Оказывается, Кингсли симулировал потерю сознания. Внезапно негодяй вскочил на ноги и напал на солдата, пытаясь вырвать у него винтовку. А это оказался солдат не простой — личный телохранитель Парквита. Кингсли вырвал винтовку и стал целиться в девушку, но тут у него вдруг появилось в голове две дырочки: одна спереди, а другая сзади.

— Прекрасная работа, женщина, — захлопал в ладоши Парквит. — Эй, кто-нибудь! Унесите тело.

Пришли санитары и унесли тело.

— Я протестую! — завопил Роуз. — У меня всю жизнь и без того было мало друзей, в вы тут убили последнего.

На самом деле старикашка боялся, как бы противный Чэтем не прознал об обстоятельствах гибели сына. Не хотелось увеличивать число людей, поклявшихся лишить наркокороля жизни.

— Лицемер! — прошипел Парквит. — Ты скоро улетаешь.

— Это, конечно, верно, но зачем обо всем знать моим недоброжелателям?

— Нечего тебе беспокоиться. Этим троим никогда уже не удастся что-либо поведать властям.

— Э, ваше превосходительство, — криво улыбнулся Порсупах, — так вы доиграетесь до того, что война начнется. Нас нельзя обижать.

— Кому вы нужны! — проскрежетал Парквит. — Никто даже про вас и не вспомнит.

Тут в одном из ящиков письменного стола, за которым сидел главнокомандующий, зазвонил телефон. Главнокомандующий выдвинул ящик и снял трубку с рычажков.

— Алле! Да! Слышу! Нет! Расшифровали? Несите скорей сюда!

Трубка опять легла на рычажки, как вертел на рогатины, и ящик с грохотом въехал в стол.

— М-да, — протянул Парквит, — в моей гавани плавают три субмарины сил безопасности Реплера. Они, очевидно, присланы этим вашим Орвеналиксом. Майор настойчиво требует вернуть пленников. Надо полагать, девушка и енот — ценные агенты.

— Что же вы собираетесь предпринять? — спросила Киттен.

— Орвеналикс, конечно, не дурак. Он знает, что мои солдаты плохо вооружены. Но мы приготовили сюрприз, о котором ничего не говорится в соглашениях Анклава. Я предложу вашим спасителям (несостоявшимся) отступить.

— А зачем им делать это? — изумилась Киттен, чуя недоброе.

— А затем, что вы должны мне во всем признаться. Какую информацию вы собрали у нас?

— Если вы о той куче черной шпаклевки, то мы ее видели, — встрял в разговор Мэл.

— Прекрасно. Откровение за откровение. Пошли. Мои техники не готовились к этой акции, но вы сможете за всем наблюдать из особой башни. Смотрите внимательно и запоминайте. Ваш майор убедится в бесполезности всяких спасательных акций. Мы обладаем громадной военной мощью. Н-да, нам удалось, — тут Парквит встал из-за своего стола и принялся расхаживать по залу, — провести довольно глубокие исследования ЭТОГО ОРГАНИЗМА. В настоящее время осуществляется обширная обучающая программа.

— Мы уже видели, что это за организм и чему вы его научите! — сказала Киттен дерзко.

— Вот как? — изумился главнокомандующий. — Ну хорошо, как-нибудь попозже вы мне обо все расскажете. В том числе и том, как вы проникли в бункер.

— Не могу взять в толк, — усмехнулась Киттен, — что именно сумеет предпринять это ваше текучее пятно против хорошо вооруженных подлодок?

— А вот увидите!

Парквит любезно предложил гостям воспользоваться оптической установкой на треножнике, и Мэл, Киттен и Порс рассмотрели в окуляр несколько субмарин в заливе с пусковыми шахтами на бортах.

У Мэла возникли мысли о побеге. Киттен держала в руке микрофон передатчика.

— Пора, женщина, — сказал Парквит, — доложи обстановку своим «спасителям». Если что, я приму строгие меры.

Оператор повертел верньерами и сделал знак Киттен; начинай, мол.

— ...супах и лейтенант Кай-Сунг. Пожалуйста, отвечайте на наш...

— Лейтенант? У вас все в порядке?

— Да, если не считать той компании, в которую мы попали. В приходе получили мою шифровку?

— Да. Неужто монстр и впрямь из другой Галактики?

— Конечно. Но сдается мне, рептилии сумели его приручить и намерены записать его в ряды бойцов за счастье Империи.

— Вот как? Ну ничего, у нас есть силизитовые торпеды.

— Это ваше последнее слово? — встрял в разговор Парквит.

— Вот именно. Немедленно выдай нам наших работников и капитана «Умбры», иначе СВЯТАЯ...

Реплика на этом оборвалась. В динамиках послышался треск.

— Что там происходит? — спросил Мэл с тревогой.

Порсупах приник к окуляру.

Море вокруг трех подлодок закипело, и от одной из них вскоре повалил густой молочный дым. До башни донесся гул взрывов.

Иззелена-голубая вода вокруг кораблей приобрела сначала густой серый, а потом и вовсе черный цвет. Огромные щупальца заколыхались над поверхностью и обволокли суда. Взрывы продолжались. Да, энергополе не помогло. Щупальца поднимались все выше и выше, образуя нечто вроде купола старинного собора. И вдруг — все прекратилось. Подлодки на миг вынырнули из воды, а потом в воде же и исчезли с какой-то неестественной быстротой. Образовался гигантский водоворот.

Все же одной из трех субмарин удалось спастись. Она уже была у линии горизонта.

— Проклятье! — вскричала Киттен.

— Директор компании произносит: «Черт»! — вспомнил чудесные стихи Малькольм.

— Адмиралтейство: «Боже»! — понурился Порсупах. — Конец цитаты.

— Так было нужно! — сказал Парквит.

— Сукин сын! — прошипела Киттен. — Змеиное отродье. У них же не было ни единого шанса.

— Я ничего не знал наверняка, — вздохнул главнокомандующий, — но уже сейчас можно сказать, что результаты превзошли наши ожидания.

— Черт бы тебя побрал, сволочь, слизняк!

— Э-э, тут что-то не так, — прошептал Порсупах, плотнее припадая к окуляру. — Тихо. Смотрите!

Море опять забурлило, но на сей раз почти у самого берега. В динамиках что-то защелкало и зашумело. Судя по всему, дело принимало несколько неожиданный для самих рептилий оборот.

— Ну и ну! — присвистнул Мэл, и тотчас что-то ухнуло, послышался тяжелый басовитый звук. Заскрежетали поперечины конструкции, башня заходила ходуном. Все попадали на пол, даже техники вывалились из своих кресел.

Хаммураби вскочил на ноги первым. Вместе с Порсупахом они тут же обезвредили парочку рептилий, избив их и отняв оружие. Никто не вмешивался. Ящерам было не до того. Все были поглощены работой на пульте, стараясь спасти положение.

— Я что-то ничего не понимаю! — прошептала Киттен, пятясь в сопровождении друзей к выходу.

— Кажется, что-то здорово напугало а-анниан-цев, — предположил Мэл. — Видно, совсем у них плохи дела, если даже о нас, о шпионах, позабыли. Впрочем, мне тоже как-то не по себе от всей этой тряски.

Троица покинула башню. На берегу было видно... Да нет, тут просто земля пучилась и вставала на дыбы! Громадная гора поднялась футов на двести. Солнце зловеще поблескивало на ее гладкой, тряской поверхности. Казалось, под черной шкурой чудища перекатываются гигантские мускулы. Вом не стоял на месте. Он потихоньку полз вперед, сметая строительные конструкции на своем пути. Теперь его интеллект не вызывал никаких сомнений.

Мэл и Киттен несли энерговинтовки. Томианец вооружился более удобным в обращении лазерным пистолетом, который удалось отнять у одного из хлопнувшихся в обморок варанов. Всю дорогу друзей преследовал скрежет металла и грохот камнепадов. Мэл слегка прихрамывал: в ногу ему еще в башне попал осколок разрывного снаряда. Наспех наложенная повязка из обрывков одежды вся пропиталась кровью.

— Эй, Порс, — прокричал капитан еноту, — ты понимаешь, где мы находимся. Далеко до гавани,

если мы будем продолжать идти этими подземдорогами?

— Трудно сказать. Вом переворошил весь остров. Я даже думаю, он может этот остров целиком затопить своим текучим телом. Ориентация сильно нарушена.

Внезапно что-то сильно громыхнуло позади беглецов.

— Наверное, башня рухнула! — вскричал Мэл. — Да, этот Вом на диво последователен.

— Пеот был прав, — заметила Киттен, — Вом ужасен. Интересно, как выберется из этой переделки скотина Парквит?

— Лучше бы о собственной шкуре задуматься! — фыркнул Мэл и замедлил шаг.

Подземный коридор заканчивался двойной дверью из прозрачного камня. За ней были воды океана, песок, гавань...

— Дверь заклинило, — сразу же сообщил вглядчивый Порс. — Автоматика вышла из строя.

— Аварийная система тоже сломалась, — добавил Мэл и стрельнул из энерговинтовки прямо в замочную скважину. Дверь мигом слетела с петель, и все трое вышли на берег.

Моросил дождик. В гавани царила неразбериха.

— Вом знает свое дело, — мрачно заметил Мэл.— Он отрезал все пути к отступлению бедным а-аннианцам.

От причала и доков ничего не осталось. Порс взлез на пирс и прыснул со смеху. С ним случилась нечто вроде истерики, но он тут же пришел в себя.

Позади беглецов продолжали ухать взрывы, слышались вопли гибнущих рептилий.

— Смотри, от нашего аэромобиля остались одни рожки да ножки! — всплакнул Порс, толкая в бок Киттен и указывая на взлетно-посадочную площадку.

— Да уж, — вздохнула Киттен и тоже уронила слезу, да такую, что еноту чуть не расплющило лапу.

Опускался густой туман, но видимость сохранялась сносная. Противоречие для Реплера вполне

обычное. Вом не оставил ничего из плавсредств. Это удручало.

Даже таким закаленным бойцам, как Мэл, Порс и Киттен, стало не по себе при виде расчлененных трупов, которыми был загроможден порт! Ни одного трупа целиком, все — мелко изрублены, причем, весьма аккуратно.

Порс глядел в туманную даль.

— Смотрите, вон там, кажется, катер. Верно он оторвался от причала, и его отнесло немного от берега.

— Главное, чтобы он был на плаву, — рявкнул Мэл и полез в воду.

— Не глупи, — вскрикнул Порс.

— Я ужасно не люблю тянуть резину.

— А кто любит? Но надо же соблюдать осторожность.

— Конечно надо, — поддержала енота Киттен. — Мы обязательно должны выбраться отсюда живыми, чтобы предупредить Церковь и приход Орвеналикса, не говоря уже о Гелл-Центре на Хайвхоме. Кстати, что там Пеот поделывает, а?

Вопрос повис в воздухе. Внезапно послышалось сухое покашливание карбюраторного движка. Это Порс плыл на катере — и когда он успел добраться до него?

— Баки залиты под завязку, — сказал томианец, — садитесь, надо сматываться отсюда и поскорее.

Мэл и Киттен залезли в катер, енот нажал на педаль; поехали!

Туман окутал беглецов непроницаемым покровом.

Вом сделал перерыв в своей работе и подвел первые ее итоги. Он утолил свой голод, уничтожив массу разумных организмов. Но на острове еще оставалось гнездо, где была сосредоточена энергия наивысшего качества. Уцелевшие после атаки скрылись на военную базу в подземелье на значительной глубине. Будучи достаточно сытым, Вом решил не беспокоить до поры до времени последних обитателей Анклава.

Вом соображал, что делать дальше. Хранитель все еще сохранял свои былые таланты, в частности, талант маскировки. Пятно не могло определить, где затаился Пеот. Проникнуть в мыслительную паутину врага не удавалось. Ну и ладно. Можно насладиться пока жизнью, благо в здешних краях все так и кишит пищей.

Вом прочесал обширные области, лежавшие к северу от острова. Исключительно богатые интеллектуальной энергией места! Пора снова браться за дело! В путь!

Филипп вышел встречать гостей, когда те приземлились в Уэтплейсе. Он приплясывал на месте от нетерпения, когда Киттен, Порс и Мэл сходили по трапу. Им удалось одолжить аэромобиль на морской станции.

— Как приятно видеть вас живыми и невредимыми! — кричал Филипп. — Я уже начал беспокоиться за вас. Тут столько всего случилось. Я все должен вам рассказать.

— Мне тоже есть о чем поговорить с тобой, парень! — сказал Мэл.

Все четверо направились к башне.

Хаммураби вкратце поведал юноше о том, что происходило с ними в Анклаве.

— Все совпадает! — помрачнел Филипп, выслушав историю капитана.

— Что и с чем? — спросил Мэл.

— Твой рассказ — со словами Пеота.

— А что же говорит Пеот? — полюбопытствовала Киттен.

— Это чудовище набирает силы не по дням, а по часам. Вом может сделаться настолько могущественен, что даже Страж и Механизм не смогут одолеть его.

— И ты так спокойно говоришь об этом? — удивился Мэл.

— Приходится. Пеот хорошо знаком с концепцией смерти во всех проявлениях последней. Он предлагает стерилизовать Реплер. В противном случае нас ожидает катастрофа в галактическом масштабе.

— В устах того, кто обязался оборонять нас от всяких напастей, подобные заявления выглядят весьма ободряюще! — усмехнулась Киттен.

— Кстати, — спохватился Филипп, а где ваш спутник?

— Порс? Он пересел в другой аппарат и отправился в столицу, чтобы обо всем доложить Орвеналиксу лично. Но что же Пеот — неужто он полагает, что в скором времени Вом опять возьмется за свое?

— В общем, да. Но у нас есть немного времени. Вом не обнаружил пока местонахождения Стража, хотя и догадывается о присутствии на Реплере Тар-Айима и...

— Тар-Айима? — перебила Киттен. — Знакомое слово. Пеот утверждает, что он и есть Тар-Айим, да?

Филипп оставил вопрос без внимания.

— Пока Страж не уничтожен, Вому грозит опасность. Чудовище знает об этом. Пятно хочет первым долгом извести Хранителя. Подавление гуманоидных рас, транксов и всех прочих — задача второстепенная.

— А если Вом вычислит, где Пеот? Следует ли тогда ожидать его появления в Уэтплейсе?

— Разумеется.

— Чэтем в курсе?

— Нет.

— Что ж, — вздохнула Киттен, — будем надеяться, что Вом немного замешкается с визитом...

Губернатор Уошберн был очень разгневан, ведь рухнули все его жизненные устои, рухнул привычный ему мир размеренных забот и спокойного отдыха. Он был крайне педантичен, и неожиданное требование Орвеналикса приехать в Органы лишило его возможности посетить ежегодную конференцию по защите прав и расширению полномочий школьных родительских комитетов. Помешало набрать очки в предвыборной гонке. Кроме того, губернатор был приглашен на торжественное открытие нового деревообрабатывающего комбината, неделю назад выстроенного на острове Виспа.

Едва сев в кресло, придвинутое Орвеналиксом, губернатор тотчас из этого кресла выпрыгнул и забегал по кабинету майора. Порсупах с интересом наблюдал за перемещениями Уошберна.

— Вся ваша история — полнейший бред! Что еще за галактические монстры такие, а? Ни единому слову я тут не верю! И вы еще оторвали меня от важных дел из-за таких идиотских небылиц.

— Я видел чудовище собственными глазами, господин губернатор, — спокойно, но твердо проговорил Порсупах. — Угроза слишком велика, чтоб от нее можно было так запросто отмахнуться.

— Поймите меня, лейтенант, я не сомневаюсь в вашей зоркости, но нужно ведь еще и правильно оценивать увиденное. Положим, монстр существует. Но неужели наше оружие не одолеет его, когда оно даже рыбу-дьявола преспокойно разлагает на мелкие частички материи?

— Я бы очень хотел верить в нашу военную мощь, — заметил Порсупах, — однако монстр уничтожил две громадных субмарины с такой легкостью, точно это были бумажные кораблики. Я видел, как экипаж пытался пустить в ход геолитовые торпеды и даже ракеты с нейтронными наконечниками. Но чудищу все это — как слону дробина!

У губернатора и на этот случай был готов ответ, но тут Орвеналикс схватил со стола пачку рапортичек и затряс ее перед носом чинуши.

— Господин губернатор, вы знакомы с содержанием вот этих документов?

— Я каждый день получаю пачки различной писанины, у меня нет времени читать все подряд! Что там?

— А вот что, — сказал Орвеналикс и принялся зачитывать выдержки из донесений: — Четыре рыболовных судна вернулись на то же место, где всегда производили лов рыбы. Обычно они брали от четырехсот до пятиста тонн рыбы, но на сей раз масса улова не дотягивала даже до десятка... Далее, моторный ялик «Хохочущая Мельничиха» с семьей из пяти человек на борту вышел из гавани Реплер-Сити и не вернулся... Два траулера исчезли в тумане в

виду острова Эллисон... Подводные пастбища почтенного Иафета Макнайта полностью вытоптаны стадами каких-то неведомых морских кобылиц... Стадо китов выбросилось на прибрежные скалы острова Хамеус. Я мог бы продолжить список этих происшествий, но... надо браться за дело, иначе среди населения планеты распространяться самые немыслимые слухи, начнется паника, ситуация выйдет из-под контроля!

— Реплер — планета, заселенная сравнительно недавно, — отвечал губернатор, — и всякие происшествия тут очень часты. Впрочем, я не берусь утверждать, что монстр, уж коли он существует, совершенно непричастен ко всем тем событиям, о которых вы мне прочитали, майор!

Среди прочих добродетелей транксов одна выделялась особо: умение всегда держать себя в руках (это несмотря на то, что у транксов были не руки, а клешни!) Так, Орвеналикс мог вспылить только в самом страшном случае, да и то не часто допускал подобное.

— Губернатор! Если вам лень решать какую-то проблему, это еще не значит, что и все должны о ней позабыть. Однако если вы не посмотрите правде в глаза, то очень скоро придется заглядывать в глаза смерти!

— Я вас не понимаю, майор.

— Хорошо, попытаюсь объяснить, — усмехнулся Орвеналикс и сунул под нос губернатору светящуюся карту, испещренную многочисленными желтыми огоньками. — Все аварии и несчастные случаи, о которых сообщается в сводках, подробным образом обозначены на этой карте. Если все точки соединить одной линией, то получится зигзагообразный выступ, направленный из Анклава в Реплер-Сити. С тех пор, как нашим сотрудникам удалось оттуда бежать, мы уже не принимаем каких-либо радио- или видеосигналов. Если дела будут и дальше так продолжаться, то монстр, набедокуривший в Анклаве, явится к нам в гости не позднее, чем через три дня. Вот это и есть то время, которое отпущено вам на решение вопроса, кажущегося пока чисто академическим.

Уошберн посмотрел на карту, потом на транкса, потом на мохнатого лейтенанта, смиренно помалкивавшего себе в уголке. Губернатор слегка поник, дыхание его несколько участилось, прежнюю спесь сдуло.

— Я понял, майор. Ваши доводы в некотором отношении неоспоримы. Видимо, следует принять некие чрезвычайные меры, но так, чтобы не посеять панику в душах обывателей. Вы понимаете меня, майор?

— Да, губернатор, — вздохнул транкс, — с вашего разрешения я...

— Отлично, майор, отлично! Я целиком поручаю ведение этого дела вам!

— Рад стараться, сэр! — гаркнул Орвеналикс и тут же, несколько мягче, заметил: — Вы еще можете успеть, господин Уошберн, на открытие деревообрабатывающего комбината. Пилот уже прогревает двигатели. У вас достаточно времени даже на то, чтобы повторить в полете приветственную речь, которой вы намереваетесь почтить работников деревообрабатывающей промышленности.

— Вы очень внимательны, майор, благодарю! — губернатор буквально просиял, сбросив с себя груз тревоги и ответственности. — Я не забуду вашей доброты, а пока — до свидания!

Орвеналикс и Порсупах встали, когда Уошберн выходил из кабинета, и с облегчением уселись в своих креслах, когда дверь захлопнулась за главой исполнительной власти.

— На него бесполезно обижаться. Уошберн никогда не признает собственной неправоты.

— А вы думаете, — спросил майора мохнатый лейтенант, — вам что-нибудь удастся сделать?

— Думаю, да. Во-первых, у меня не возникает сомнений в достоверности той информации, которая к нам поступает относительно событий в Анклаве. Во-вторых, несмотря на собственные колебания...

— Но, сэр, мы не должны...

— Не нервничайте, лейтенант. Поймите, в каком я нахожусь положении. Не каждый день в нашей Галактике появляются монстры. Проанализировав донесения, я отправил в Анклав несколько разведы-

вательных болидов для аэрофотосъемки. У меня было чувство, что надо что-то делать независимо от указаний губернатора. Так вот съемка дала поразительные результаты. Разрушения на поверхности Анклава просто невероятные. Не осталось ни одного целого здания, уничтожено более половины растительного покрова, в почве зияют немыслимой величины воронки. Словом, настоящий хаос.

Когда болиды возвращались с боевого задания, я велел пилотам пролететь над подводной трассой, по которой, предположительно, двинется на Реплер-Сити чудовище. И вот на базу вернулся только один разведывательный болид, причем летчик находился в полном беспамятстве, так что диспетчерам пришлось включить с аэродрома автопилот, чтобы посадить снаряд в целости и сохранить жизнь бойцу. Врачи сделали все возможное для этого, но бедняга... М-да, сейчас он находится в приходской больнице, и лекари говорят, что ему никогда уже не быть полноценным человеком. Амнезия сохраниться. Какое-то существо, заметив, что ведутся подводные съемки, парализовало ему лобные доли. Они как будто бы сгорели от большой перегрузки.

Динамик, встроенный в письменный стол майора, захрипел, забулькал, а потом разразился потоком едва различимых слов:

— Мы произвели прямое включение, сэр. Будьте готовы выйти на связь.

— Срочный вызов? — полюбопытствовал Порсупах.

— Ближайшая ударная группировка базируется на Тундре-5, лейтенант. Это чуть дальше, чем мне хотелось бы, но раньше у нас не было причин держать гарнизон здесь, подле себя. Я не собираюсь побираться, выпрашивая то тут эсминец, то там линкор. В нашем случае необходима концентрированная мощь на уровне целого флота!

— Ударная группировка? Но один недавно пробудившийся от спячки советчик утверждал, что любое физическое воздействие на чудовище только приблизит наш смертный час.

— Будь что будет, — прошептал Орвеналикс. — Что еще делать? Если не удастся защитить вверен-

ную мне планету, то я полечу с этого кресла и уже никогда не смогу получить никакой приличной должности. Да и кто еще, кроме меня, сможет позаботиться о Реплере? Уошберн? Ха!.. Я не собираюсь сидеть сложа клешни, пока монстр подбирается к столице. Мы устроим ему подобающий прием!

На экране видеокоммуникатора появилась физиономия пожилого транкса. Голос его звучал уверенно, без всякого старческого дребезжания, чувствовалась только некоторая неубедительность обертонов, виной чему было многократное прохождение сигнала через дюжины, если не более, усилителей релейных станций.

— Ашвенария на связи!

— Майор Орвеналикс. Как вы себя чувствуете, адмирал?

— Сначала доложите мне, чем вызвана тревога, да еще по форме 1? Что там происходит в вашем регионе? Зачем в таком захолустье понадобилось присутствие крупной ударной группировки?

— Даже если бы вы все увидели своими глазами, адмирал, вы бы не поверили. А я вот не видел, но поверил.

— Вы говорите, как сектант. Где объяснения?

— Для тревоги по форме 1 никаких объяснений не нужно. Вы же знаете: во избежание утечки информации.

— Хорошо, майор, — сказал Ашвенария, выдержав паузу, — я выделю вам ракетный крейсер и две эскадрильи истребителей, которые...

— Не пойдет, адмирал. Только вся группировка целиком. Раз я сказал по форме 1, значит по форме 1! Либо все, либо ничего. А что касается истребителей, то у них слишком слабая для нашего случая огневая мощь.

— Впервые слышу, чтобы кого-нибудь не устраивала огневая мощь истребителей. Ну что ж, ваши слова — достаточное основание для отправки целого флота. Кстати, вы еще не завязываете в узелки ваши усы, майор?

— Я полностью в здравом уме!

— Ладно, через час флот окажется в вашем распоряжении. Я надеюсь, майор, что вам удастся

доказать оправданность ваших действий, иначе — курсы повышения квалификации при Главном Штабе, поняли?

— Дело не дойдет до этого, сэр!

— Ну смотрите, ведь командовать парадом буду я!

В динамике что-то щелкнуло, и связь оборвалась.

— Ты что, молишься, томианец? — спросил Орвеналикс, поворачиваясь к Порсупаху.

— Нет, но иногда занимаюсь медитацией.

— Жаль, придется искать молельщиков, которые бы просили небеса о милости к нашим с тобой персонам. Флот флотом, а Боженька тоже пригодиться!

— Надо полагать, что так, сэр... Но что это за тревога по форме 1? Никогда не слышал про такую!

— Форма 3 — угроза Содружеству, форма 2 — угроза Церкви, форма 1 — угроза расе.

— Имеется в виду какая-то определенная раса?

— Э-э, почаще заглядывайте в Святое Писание, лейтенант. Там говорится о расе разумных существ.

А-аннианцы потеть не умели, а потому никто и не заметил, насколько устал офицер, подошедший с докладом к Парквиту.

— Передатчики все еще работают, ваше превосходительство, но *одному Триединому Яйцу известно*, на чем все это держится. У нас осталось совсем немного аварийных источников энергопитания.

— Спасибо, первый инженер!

Парквит слегка хромал; обвалившаяся балка, а потом и бетонное перекрытие ему несколько повредило левую ногу, когда вместе с приближенными спешил в подземный бункер.

Этот бункер строили с таким расчетом, чтобы он мог выдержать взрыв термоядерного заряда мощностью в триста тысяч килотонн и любого другого снаряда, кроме разве что ракеты «Сайдвиндер». Если б не бункер, столь многим а-аннианцам ни за что не удалось бы спастись от разъяренного монстра. Всего выжило три десятка рептилий. Тридцать рептилий и один человек.

— Значит, у вас было нечто, что вы держали в тайне от всего света? — спросил Доминик Роуз, сверхестественная способность которого всегда падать на четыре лапы спасла его и на этот раз. Просто он решил держаться как можно ближе к командующему, справедливо полагая, что столь высокопоставленной особе постараются не дать погибнуть и препроводят в самое безопасное место. В другое время он, конечно же, попытался бы смыться, но тут выбирать не приходилось. Парквит заметил, что чемоданчик с винтом все еще в руках у негодяя.

— Похоже, ваши ученые чего-то не подрассчитали, да?

— Мы действительно недооценили возможностей чудовища, — скорбно проговорил Парквит. — Яйцеправитель содрогнется в своем царственном логове, когда узнает о том, что здесь стряслось! Мы оценили интеллект монстра на уровне высокоорганизованного крота, не больше. Мы ошиблись! Однако меня несколько озадачивает то обстоятельство, что чудовище почему-то остановилось, не закончив своего смертоносного дела. В надежности бункера я не уверен. Нам не удастся отсидеться здесь.

— А мне бункер кажется вполне надежным укрытием, — сказал Роуз.

— По всему видно, что ты дурак, — фыркнул Парквит. — Мы встретились с необычайным явлением, а ты уповаешь на эти жалкие стены и их толщину. Монстр остановился не потому, что наш бункер оказался ему не по зубам. У него какие-то свои планы, я убежден в этом.

Парквит добрался до руин центра управления и связи. От башни ничего не осталось, однако часть оборудования уцелела в нижних этажах. Главнокомандующий наклонился к Четвертому инженеру, копавшемуся в обломках.

— Ну что, есть какие-нибудь новости?

— Если наша орбитальная станция сможет принять первую серию сигналов, господин главнокомандующий, и немного усилим их, то новости можно назвать самыми приятными.

— А что говорят специалисты орбитальной станции?

— Ничего не обещают, но говорят, что приложат все усилия.

— Постарайтесь связаться с ними как можно точнее, и я вас награжу императорским пайком!

— Будет сделано, ваше превосходительство!

Существо, с которым Парквит хотел связаться во что бы то ни стало, прозывалось Даурассом Н., Принцем Круга, Длинным Когтем Императора в четырнадцатом квадрате Империи.

Просьба, исходившая от Парквита, весьма смахивала на просьбу одного офицера Вселенской Церкви на Реплере.

Принц Круга согласился предоставить помощь, но потребовал обоснований с еще большей яростью, нежели их требовал от Орвеналикса Ашвенария.

— Вы мне головой за все отвечаете, Парквит. Впрочем, ваша жизнь особого значения не имеет.

— Так оно и есть, ваше высочество! — пролепетал Парквит.

— Однако, если опасность столь велика, как вы говорите, то и моя судьба поставлена на карту, а это уже несколько более важно. Итак, я имел доступ ко всем сообщениям о вашей странной находке и ее доставке на Реплер. Я с большим интересом следил за ходом исследований. Жаль, что события приняли такой прискорбный оборот. Жаль, что все ученые погибли, некого даже расстрелять за недальновидность и технические просчеты!

— Никто не предполагал, что силы чудовища окажутся столь велики, ваше высочество. Не будем осквернять память погибших! Мы все виноваты в случившемся и все в ответе перед вами.

— Очень возможно. Но вот что меня волнует, Парквит. Вы просите дать вам в распоряжение целый флот, да? Но что скажут на это гуманоиды? Не отдадут ли они приказ расстрелять наши корабли, когда завидят их вблизи своих берегов?

— Не думаю. Они, то есть гуманоиды, быть может, даже восчувствуют некоторую симпатию к нам как к великим радетелям о благе Галактики. Но как бы не отнеслись к этой акции гуманоиды, мы с вами должны понимать, что уничтожение монст-

ра — задача первостепенной важности. Есть все основания полагать, что это скверное создание способно одолевать даже межгалактические расстояния. С каждым днем оно набирается сил все больше, и если мы не поторопимся, то у нас больше не будет отечества... Ваше высочество, вы уже, наверное, заметили, что в наших донесениях говорится о способности монстра выдерживать лазерное излучение. Теперь же чудовище приобрело иммунитет и к сверхмощному электротоку.

— Н-да, плохи дела, — сказал Принц Круга. — Что ж, я немедленно распоряжусь о переброске особого Восьмого Флота на Реплер. Командование флотом поручено будет безупречному барону Рынде Бебето. Мы попытаемся эвакуировать остатки гарнизона.

— Будем вам очень признательны, ваше высочество, за эту акцию.

— Рано благодарить. Вы — единственные рептилии, кому довелось столкнуться с чудищем. Вы обладаете бесценным опытом! Нам нужно будет уничтожить монстра прямо на Реплере, но сами понимаете, ящерица полагает, а Яйцо располагает!

— Да уж понимаем, ваше высочество. Я за свою шкуру отнюдь не трясусь. Впрочем, хочется дожить до того дня, когда гуманоиды будут валяться у нас в ножках и молить о пощаде.

— Осью всей Вселенной является Ирония, — усмехнулся Принц Круга. — Удачной охоты, Парквит.

— Удачной охоты, ваше высочество!

Вом вошел в прибрежные воды рядом с Реплер-Сити. Он походил на толстый слой маслянистой слизи, который то сжимается в крохотный комочек, то расправляется, точно гигантский зонт. Сейчас Вому приходилось питаться всем подряд: планктоном, рыбами, моллюсками, морскими змеями. Все то время, когда он ползал вдоль пирсов и причалов, по нему вели орудийный огонь из самых разнообразных установок. Были и довольно экзотические пушки и ракетницы. Все это скорее забавляло Вома, чем причиняло ему какой-либо вред.

Опасения Пеота пока что оправдывались не вполне и, пожалуй, это говорило только о том, что чудовище готовит некий ужасный сюрприз.

А Вом не обращал ни малейшего внимания на все старания защитников Реплера обезвредить его. Он без труда сам мог всех их обезвредить.

Полиция перекрыла все дороги к порту, когда там появился Вом. Однако граждане не очень волновались и делали обычные дела. И все-таки по городу очень быстро поползли слухи о странном чудовище, так что Орвеналикс, Уошберн и начальник городской полиции Маллукс принялись изо всех сил утешать обывателей, желая предотвратить панику.

Полное безразличие монстра к городу пугало решительно всех, кто был посвящен в тайну Вома.

Однако пока чудовище плескалось в гавани, из космопорта стартовал самый обычный паром. Не успел он набрать высоту в несколько тысяч футов, как корпус его сильно затрясло. Через полминуты паром лежал уже на мелководье, немного севернее стартового комплекса. Связи с экипажем установить не удалось никому.

Прочитав отчет комиссии по расследованию причин аварии, Орвеналикс приказал отложить на время запуски паромов, а все те паромы, что уже вышли на орбиту, должны были там и оставаться вплоть до особых распоряжений. Коммерсанты заревели от негодования, граждане, лишившись определенных товаров, которые доставлялись паромами, тоже выразили свое недовольство постановлением. Они считали, что авария парома отнюдь не уникальна. Но Орвеналикс придерживался того мнения, что если бы пилот на пароме просто потерял контроль над машиной, то он бы во всю глотку звал на помощь. Или хотя бы выругался. Но пилот молчал. Даже не пикнул. Явно тут постаралось чудовище.

Второй эксперимент Вома по установлению контроля за разумом обитателей планеты также увенчался успехом. Это вселило в него уверенность. Так он сможет подчинить себе всех разумных существ на этой планетишке. Впрочем, пока что в подобной экспансии нет никакой надобности, ибо самый мощ-

ный разум еще не подчинился. Да, с Хранителем давно пора покончить, но до сих пор не удается проникнуть сквозь его защитный экран...

Очевидно, нужно было попробовать что-то принципиально иное. Например, полное разрушение города и поглощение всех его жителей могло бы спровоцировать Хранителя на какие-нибудь ответные действия. И Вом стал думать, как лучше ему подойти к решению столь важной проблемы.

— Сделано все, что можно было сделать, — сказал Пеот, глядя на свою капсулу, миллионы лет являвшуюся для него жилищем. — Вом сейчас рассматривает перспективу уничтожения некоторых районов вашего города в надежде спровоцировать меня на противодействие и тем самым выдать свое место обитания. Этого не случиться, несмотря на то, что я и впрямь собираюсь дать ему отпор. Механизм оценивает вероятность моей победы 40 % — 60 %. Однако нужно торопиться, ибо время работает на Вома.

Мэл, Киттен и Филипп внимательно слушали Стража.

— Что же касается тех из вас, — продолжал Пеот, — кто надеется на мощь космических кораблей и боевых истребителей, то я полагаю, что в случае моего поражения они выполнят мой наказ, мою последнюю просьбу: нужно нанести удар по мыслительному аппарату Вома. Впрочем, этот мыслительный аппарат нужно еще найти, так как в организме чудовища произошла серьезная перестройка тканей и даже я не знаю теперь, каким местом он думает. Дело это не простое, но я успел многому научить Филиппа. Он умеет открывать и закрывать мою капсулу. И вообще, паренек он сообразительный!

Пеот вошел в капсулу, повернув похожее на кушетку образование таким образом, что оно оказалось непосредственно перед люком. Страж нацепил на себя те же провода, в каких он был ранее, до выхода из своей бронированной опочивальни. Добавились и кое-какие новые элементы, чье назначение было столь же не ясно, как и назначение старых.

Филипп помог Пеоту вставить разные трубки в отверстия тела. В анальной шахте разместился особый радиобуй, а также нейтринный маячок, несколько смахивавший на фаллопротез. Страж страдальчески покряхтывал во время монтажа всех этих затейливых приспособлений. Но вот массивная дверь стала потихоньку закрываться и закрылась, но почему-то без характерного щелчка. Филипп нажимал разные кнопки, которые располагались в потаенных местах арматуры и на «лесах» вокруг капсулы. Потом соскочил вниз.

— Это все? — спросила Киттен.

— Да, — кивнул Филя, — вон там, на верхушке капсулы, мы установили небольшой световой индикатор. Сейчас этот индикатор белый. Когда Пеот вступит в схватку с Вомом, огонек сделается желтым. Если Страж победит, загорится красный свет.

— А если Вом победит?

— То индикатор вообще отключится.

— Дай Бог Пеоту здоровья, — пробурчал Мэл. — Авось он прикончит этого Вома, и я смогу вернуться на «Умбру». Не люблю, знаете ли, сидеть сложа руки.

— Я могу вам помочь, — сказала Кай-Сунг.

— Как?

— Вы требуйте у Кингсли какой-нибудь летательный аппарат, и мы опять полетим в Анклав.

— Какого ляда?

— Мне дороги воспоминания об этом местечке.

— Чушь.

— Хочу там найти одну вещицу. А, забоялись, да? Струхнули?

— Тьфу! — поморщился капитан и повернулся к Киттен спиной.

— Может, вы полетите со мной, Филипп? — осклабилась девушка.

— Нет уж, извини! — ответил юноша, не сводя глаз с капсулы, из которой не доносилось пока ни звука. — Я могу понадобиться Пеоту.

— Ладно, хватит болтать! — повернулся опять лицом к Киттен Мэл. — Будем мы что-нибудь делать или нет?

— Я же сказала, мы летим в Анклав.

— И все-таки, зачем?
— Скажу по прибытии.
— Тогда я немножко обожду!
— Чего ради?
— Хочу с вами отобедать. Вдвоем.
— Ах, как романтично, капитан. А я уж стала думать, что у вас вместо сердца каменный топор!
— Какая там романтика! Просто жрать очень хочется, а в одиночестве как-то скучновато.
— Ну и ладненько. Всегда нужно встречать Ассаргадона на сытый желудок. Помните, в стихах говорится: «Обрюзгшей брюкве Маркабрюн угрюмо рюмил брюллик брюха...» Хорошо, да? Идет, давайте чего-нибудь поедим.

Закрытый наглухо в своей капсуле, Пеот осторожно открывал каналы связи с Механизмом, находившимся в двухстах милях над Реплером. Компьютер зарегистрировал включение связи. После реинтеграции Хранителя с привычной схемой и перераспределением функций Механизм подготовил каналы, замкнул контуры и проверил перпендикуляры. Информация прошла, и количество электронов на атомных орбитах поменялось. Внутри комплекса стала накапливаться мощная энергия. Границы между органикой и неорганикой практически стерлись. Решение принято. Защитная аура Пеота исчезла, нимбы поменялись на лимбы. В фокусе со сверхъестественной разрешающей способностью возникла целая Галактика. Хранитель перестал играть в прятки. Ку-ку! Вышел на открытое пространство. Давай драться. Задача бессчетного количества поколений должна быть выполнена прямо сейчас. Поросенок Неф-Неф и боров Трансептик. Уууу, зашибууу!
Хранитель коршуном набросился на врага. Он задумал потравить посевы неприятельских вымыслов. Море логики вспенилось. Пеот умело оценивал быстро меняющуюся ситуацию.
Оставив резерв энергии и небольшую порцию сопутствующего разумения для защиты своего тела, Вом мгновенно отреагировал на нападение. В эту

минуту времени для того, чтобы отправиться на разведку, не осталось!

На Вома обрушился страшной силы удар, мгновенно уничтоживший много нервных клеток. Огромное пятно заколыхалось, но не сдавалось.

Последовал ответный выброс энергетических сгустков. Внутри Механизма замкнулось и сгорело множество цепей. Перегрузка. Ой, что это так бумкнуло. К пятнице я полностью регенерируюсь. Даже быстрей. Прямо сейчас.

Для всяких тонкостей не хватало времени.

Два громадных конских яблока спорили о месте под солнцем. За господство в небе боролись два страшных циклона. Камни дрались, деревья дрались, травы дрались... Все дрались. У древнего, как сама Вселенная, противостояния всего всему не было ни начала, ни конца. В схватке высвобождалось громадное количество энергии. Одна луна замедлила свой ход, а другая и вовсе потекла вспять.

На полуострове Моркотун росли красивые цветики. Все они засохли. В маленькой деревушке Ядриловке перестали давать молоко коровы. А быков — закрепило. В районе Сивска, а также неподалеку от Бургска, стали выбрасываться на берег косяки замечательных промысловых аквалангистов. В Гуляйгороде отключили газ, свет и центральное отопление. В Дятловище прекратили подписку на заговоры и заклинания, а также астрологические прогнозы. В Галогенах кошки напали на полицейский участок, съели там все унитазные валики и дружно издохли. Участились случаи самоубийства среди ветеринаров, стеклодувов, слесарей и родовспомогательниц. В Реплер-Сити у всех на миг закружились головы, в том числе у Порса и Орви-Дорви. В Зелепухино была привлечена к уголовной ответственности за хищение в особо крупных размерах жеребячьей спермы некая леди Мишу Гризли, заслуженный осеменатор области. Ворованное семя она подкладывала себе в перловую кашу.

На другом конце Вселенной крошечный разумный организм скончался в ужасных мучениях. Свидетелем его смерти был другой такой же крошечный разумный организм. Друг усопшего. Кончина друга

навеяла крошечному разумному существу столь глубокие мысли, что позднее эти мысли изменили судьбу Галактики.

На синхронной реплерианской орбите расположился мощный имперский флот. В секторе, выбранном бароном Рындой Бебето для атаки, находилось как на зло много коммерческих звездолетов. Впрочем, при виде столь опасных соседей деляги поспешили убраться подальше. Стало чисто на орбите. Пришельцы, правда, не предпринимали никаких враждебных действий.

В атмосферу Реплера вошел специальный паром, на борту которого сидел барон Рында Бебето и небольшая группа ученых с охранниками.

Паром медленно приближался к поверхности негостеприимной планеты. Много воды, буйная растительность, холодные ночи, — все это не располагало к себе пресмыкающихся. Барон почувствовал внезапный прилив симпатии к командующему здешним гарнизоном а-аннианцев. Службу тут не назовешь приятной даже в самые спокойные времена.

Второй инженер связи вошел в кают-компанию и отдал честь барону Бебето.

— С флагманского корабля поступило сообщение, сэр, что губернатор здешней колонии приматов пытался установить с нами связь.

— Я полагал, что достаточно подробно проинструктировал на этот счет капитана Эльбараака. Он должен был передать им, что мы проводим учения. Или о возникших неполадках и неисправностях. Словом, отговорки.

— Прошу прощения, сэр, но капитан Эльбараак докладывает, что губернатор не принял этих отговорок.

— А чего же он тогда жалуется? Мы встретили здесь холодный прием, вот и все. Я сказал капитану, чтобы он не беспокоил меня, пока я не побываю непосредственно на поверхности планеты и не оценю ситуацию лично. Если Эльбараак и дальше будет беспокоить меня по всяким пустякам, я просто освобожу его от занимаемой должности. Он не салага, а опытный командир. Пусть держит себя в руках.

— Так и передать, барон?

— Так и передай!

Рында Бебето был от природы очень одаренным вараном. Барон держал в голове массу всяких сведений, а посему его решения всегда были правильные. Верховное командование многое прощало барону за его недюжинные дарования. Без Бебето во многих ситуациях флот просто бы пропал.

Паром совершил посадку самостоятельно, без помощи наземных электронных средств: оставшиеся в живых а-аннианцы просто не имели возможности помогать парому. Вом сломал все приборы. Несмотря на прекрасную боевую подготовку пилот посадил паром довольно грубо. Но Рында замечаний не сделал. Хорошо, что в воду не сели.

У офицера, приветствовавшего Бебето, глаза были испуганные и сильно косили, но держался он прямо, а форма, даром что мятая, выглядела весьма опрятной. Рядом с офицером стояли еще два бойца, тоже косые. Был еще какой-то пожилой старик из отряда приматов.

Рында не удивился. Его уже известили о присутствии в Анклаве млекопитающего.

Появился Парквит и отсалютовал барону:

— Да святится гнездо Его Императорского Величества! Его слуга ожидает вас, Бебето.

— Слава Императору! — нехотя козырнул барон. Ему уже бросились в глаза те разрушения, которые нанес Анклаву Вом. — Послушайте, Парквит, это что, все одно-единственное существо натворило?

— Да.

— И вы не могли остановить его?

— Мы все испробовали, барон, но его ничто не берет. То же самое и с гуманоидами. Их установки ничуть не растрогали чудовище.

— Ага! Значит и они столкнулись с ним?

— Да, но масштабы понесенных ими потерь значительно меньше наших. — Парквит попытался изменить тему беседы и сказал: — Рында, когда вы нас заберете отсюда? Некоторые змеи нуждаются в срочной госпитализации.

— Скоро заберем! — пообещал барон и ткнул пальцем в Роуза: — А это еще что за чудо-чудное?

— Из местных. Торговец наркотиками. Занимается поставками винта.

— Точно, занимаюсь, — подтвердил с ухмылкой Роуз, — и даже имею при себе образцы. Вот тут, в чемоданчике.

— Зачем вам эта обезьяна, Парквит? — спросил барон у главнокомандующего.

— Игра и контригра, сэр. Я пообещал ему безопасную отправку на орбиту и далее. Как и всякая сволочь, он очень не глуп и до ужаса живуч!

— Понятно, — скривился Рында. — А где чудовище?

— Монстр лежит на шельфе неподалеку от Реплер-Сити.

— Значит, бомбометание придется отложить.

— Да, Бебето, придется отложить бомбометание. А жаль.

— Жаль. А тебе, старик, разве не улыбается перспектива пережить бомбежку?

— Все равно, — сказал Роуз. — Мне эта планета ничем не дорога. Но если... гм, а что если мне не нужно покидать Реплер?

Роуз задумался.

— Ты никак перехотел улетать от нас? — спросил изумленный Парквит.

— Да нет, — протянул Доминик, — просто шальная мысль в голову пришла. Я подумал, что если установить контакт с чудищем, ведь оно, судя по вашим разговорам, выглядит вполне разумно.

— Да ну?

— Да, я твердо убежден в том, что монстр умеет читать мысли прочих наделенных разумом существ. Он знал, что вы тут затеваете. Бьюсь об заклад, что он все понимает без слов. Монстр практически неуязвим. Бесспорно, он жесток: уничтожил базу и кучу народа вместе с базой. Но не вечно же он будет злобствовать! Да может монстр и не злобствовал, а просто перепугался и взбесился со страху. Нечто вроде самозащиты. Кто знает, не переменит ли он свое настроение в более привычной ситуации. Такой, например, как сейчас? А?

— Неужто до тебя не дошло, Роуз, — искренне удивился Парквит, — что чудовище напало на нас

по собственному почину, а вовсе не с перепугу? Оно разработало целый план! Оно усыпило нашу бдительность: выждало и набралось сил.

— Возможно, вы и правы, господин главнокомандующий, — сказал Роуз задумчиво, — но неужто вам не хотелось бы сделать такого монстра послушным и почти ручным? Заключить с ним союз?

— Любая договоренность лучше неопределенности, — в довольно неуклюжую рифму заметил Рында Бебето, — но едва ли с таким чудовищем удастся заключить перемирие, а тем более взаимовыгодный союз. А потом, с чего вы взяли, что монстр неуязвим?

— Ха! — воскликнул Роуз. — Видели бы вы, барон, как от него отскакивали все эти дурацкие торпеды и прочая дрянь! А что стало с субмариной? Оно сожрало подлодку!

— И все же нет точных данных.

— Послушайте, я бы мог взять на себя дрессировку чудовища! — вошел в раж Доминик. — Но между прочим конкретные доказательства все-таки существуют. Все это время события фиксировались специальными видеокамерами. Я видел, как эти камеры разом включились и не выключались, пока монстр не напал.

— Ты наблюдателен, — признался Парквит, — но я выключил эти камеры лично. Во время нападения они все сломались.

— Нет, не сломались. Они в бункере.

— Ты, верно, ошибся.

— Это вы ослепли. Камеры все еще стоят и работают.

— Надо разыскать видеорекордер, — сказал Рында.

— Я его принесу.

— Тогда идите! Получите награду. Записи окажут нам неоценимую услугу. Мы не можем здесь торчать все время. У вас четыре минуты. — Тут Бебето повернулся к Парквиту. — Если старик прав, вы понесете наказание!

— Барон, я...

— Договорились, — рявкнул Роуз, — буду через минуту.

Старик смылся.

— Благодарю вас, Рында, — сказал Парквит, когда Доминик исчез вовсе.

— Не стоит благодарности, — улыбнулся Бебето. — Этот паразит ослеплен алчностью и жаждой наживы.

— Что мы будем делать, барон? Возвратимся на паром?

— Разумеется, если все ваши подчиненные уже там.

— Меня очень раздражает, что избавление от этого негодяя пришлось планировать столь тщательно. Но наркотик, которым он мне угрожал, требовал особенной осторожности. Если б Роуз сумел отравить им воздух, в живых не осталось бы никого.

— Понимаю, — сказал барон и пошел к парому, причем Парквит старался от него не отставать. — А теперь мы вынуждены опять вернуться к прежней проблеме, к вопросу о возможности возникновения крупного вооруженного конфликта между двумя космическими системами.

— Я бы рекомендовал, — заявил Парквит, — после официальной встречи с губернатором пригласить для задушевной беседы и начальника их гарнизона. Майор Орвеналикс — личность довольно прозаическая. Он привык мыслить приземленно, плотски и правильно воспримет предложение о бомбардировке планеты, если убедится в том, что нет никакой альтернативы этому проекту.

— Хотелось бы, чтоб так оно все и оказалось, — вздохнул Рында. — Если это существо набирает силу так быстро, как вы говорите, то нужно уничтожить его немедленно. Если удастся договориться, то, значит, такая операция будет производиться с одобрения загнивших властей Реплера. В противном случае не стрясется и никакого соглашения... Пусть дует красный суховей, мы станем краше и новей, когда в свой ящик сыграем, ведь ход глаголем — ход конем!..

Роуз услышал приглушенный рев двигателей. Паром а-аннианцев готовился взлететь. Доминик повернулся назад и побежал что было духу. Пробежав несколько ярдов, он остановился. Такие физи-

ческие нагрузки в его возрасте противопоказаны! Да и поздно: корабль а-аннианцев уже скрылся за горизонтом. Роуз выругался. Ну надо же, вонючие ящерицы обставили его, наркокороля!

Стоп! Здесь должно быть несколько быстроходных болидов или пара катеров. Что-то ведь уцелело!! Если в баках хотя б одного судна есть горючее, то можно и до столицы добраться.

Смерть, которую Роуз обещал, была очень демократична. Если он снова попадет в лапы а-аннианцам, то его убьют немедленно. Да и братья-человеки не спешили привечать делягу хлебом-солью. Наверняка готовы уже наручники и отдельная камера. Связи в преступном мире оборвутся, потому что никто не захочет идти на риск, оказывая помощь преступнику, за которым охотится Церковь.

Оставался лишь один путь. В разговоре с Парквитом и Рындой Бебето он, Роуз, говорил о возможности установления контакта с чудовищем. Отчаянное положение, в котором очутился торговец дурью, толкала его на этот решительный шаг. Хорошо бы приручить монстра. Какая мощь! Какая власть над Содружеством. Закон, придуманный посредственными людьми, готов раздавить тебя своей гнусной тяжестью. Рискни, старина! Поставь все на эту карту, авось выиграешь! Все равно скоро подыхать. Может, и помогут подохнуть...

Доминик понимал, что его решение припахивает безумием, но рубикон уже был перейден. Надо действовать!..

Итак, монстр залег на шельфе близ Реплер-Сити. Значит, патрульных катеров можно не опасаться. Трусят, легавые! Тогда, в путь...

Роуз отправился в гавань. Став на пригорочке и оглядевшись, он зловеще улыбнулся, и в груди у него забулькал победный смех: в бухте стояло несколько аэромобилей и один катамаран! Транспортный катамаран. Непонятно, зачем он понадобился а-аннианцам, ненавидившим воду и избегавшим с ней всякого соприкосновения. Впрочем, в таком аппарате будет довольно безопасно, да и баки полны! Передняя палуба имела высокие бортики, защищав-

шие от брызг. Но не от сырости и от прохлады, к сожалению. А, до сырости ли сейчас?

Катамаран был рассчитан на долгие рейсы. То, что надо! На аэромобиле можно было достигнуть разве что столицы, а Роузу хотелось иметь власть над расстояниями. Что касается скорости, то она была вполне приличной.

Между Вомом и Хранителем шла борьба.

На определенных уровнях происходил распад молекул. Скоро должны были произойти кое-какие перемены, и оба бойца чувствовали это. Вом не мог сказать, как и когда зародилось это чувство, но вот... Вот огромная радость: прибыл флот А-Анн. Для Вома это означало: двигаться в космосе. Только паразитическим образом мог он путешествовать, только привлекая, приковывая к себе невидимыми цепями тела и умы представителей разных рас.

Киттен сидела за штурвалом аэромобиля, летевшего над спокойным морем. В лучах утреннего солнца искрились облака. Туман лез вверх и растворялся. Все предвещало хороший день!

Мэл мог бы наслаждаться пейзажем, если б не страшная бесплодность их поисков. Капитан не был голоден. Впервые за последнюю неделю ему удалось отдохнуть. Но спокойной обстановки в коллективе все-таки не складывалось. Такое бывало только на «Умбре»! Бурные приключения измучили Хаммураби.

— Послушайте, Киттен, меня ведь однажды уже заставляли проходить через все это. Канитель! Плевать мне на государственные тайны. Я намерен твердо узнать, куда мы летим. Я должен быть осведомлен также о том, во что мы с вами можем влипнуть, прежде чем из меня сделают бифштекс.

— В дерьмо! — коротко ответила Кай-Сунг. — Кстати, помните Роуза?

— Да, а что?

— Когда мы были в Анклаве, он всюду бегал с каким-то чемоданчиком, ни на секунду с ним не расставался. Думаю, чемоданчик и нынче при нем!

— Конечно... Но вам-то что? Мало материалов для судебного разбирательства? Да Роуз уже давно подох, смею вас уверить, Киттен. А чемоданчик лежит рядом с его трупом. Потом заберете.

— Забыли, капитан, что говорил Пеот? Он говорил, что Вом не пользуется кинетическим оружием. Он использует только биологическое.

— Шутите? У чудовища организм устроен совсем иначе. Он пришел из другой Галактики. К тому же и масса у него очень велика.

— Но ведь мы с вами знаем, насколько универсальный наркотик этот страшный винт! Насчет размеров и массы Вома можно не волноваться. Один грамм винта горы свернет, а в чемоданчике его — уйма! Отчеты говорят нам, что монстр поглощает пищу, а шлаков никаких из организма не выводится. Это идеальная система. Если в такую систему попадет винт, то сразу подействует на ее центр. Мы сразу заметим, как реагирует Вом на наркотик. Либо монстр погибнет, либо примет какие-нибудь меры, которые тоже неизбежно будут носить деструктивный характер, но...

— Но Вом может и проигнорировать все это. Осуществление затеи выльется в самоубийство. Гадина обязательно приметит тех, кто будет стрелять в него снарядами, начиненными винтом. А что, если порошок окажется выброшенным в атмосферу? Тогда мы уже с того света будем наблюдать за развязкой трагедии, если эта трагедия покажется нам оттуда хоть сколько-нибудь занимательной.

— А по-моему, капитан, нужно попытаться. Для начала давайте отыщем тот злополучный чемоданчик.

— Давайте. Мне все равно. На вооруженные силы Реплера столько же надежды, сколько и на ваш чемоданчик.

— Ну, значит, нечего и беспокоиться!

— Ну и договорились.

Хаммураби напряженно смотрел в заднее стекло. Затем отрегулировал зеркала обзора.

— Э, да я вижу, не все обитатели Анклавы отдали концы! — сказал Мэл.

— О-о-о? Что там такое?

— На ловца и зверь бежит. Чемоданчик желает встретиться с нами, он тащит с собой и дружка — Роуза.

— Ну почему подонки никогда не погибают при подобных катаклизмах? — топнула ногой Киттен.

— С возрастом эти сволочи становятся только крепче и живучее! Ваше открытие, мисс, не есть открытие: старо как мир! Скоро он обгонит нас с правого борта. Спускаемся на воду!

— Мы поймаем его, — с мрачной решительностью заявила Кай-Сунг. — Прибавьте скорость, капитан. Гм, куда ж эта скотина держит путь, а? Неужто в Реплер-Сити? Да его же там мигом пристрелят легавые!

— Роуз знает, что делает. Если чемоданчик при нем, то он не постесняется припугнуть самого Уошберна. Все зависит от направления ветра. Как только порошок развеется, мы все погибнем. Нельзя же всех мгновенно затиснуть в скафандры с фильтрами. С городом будет покончено... Может, свяжемся с ним по коммуникатору?

— Попробуем.

Мэл настроил передатчик и заревел в микрофон:

— Катамаран! Мы приближаемся к вам сзади на аэромобиле. Эй, ты, отзовись, паскуда!

Катамаран не отвечал.

— Неужели этот старый идиот не ведает о том, что поблизости где-то скрывается чудовище? Если он задумал свести счеты с жизнью, то существуют и менее хлопотные способы сделать это... Э-ге-гей, Роуз, вы находитесь в смертельно опасной зоне! Проснитесь!

— Я все знаю, Хаммураби, — отозвался наконец старикашка. — В моих глазах еще горят веселые огоньки, а хвост — трубой! Здесь мне не грозит опасность. Я знаю, что делаю.

— Рехнулся, — шепотом прокомментировала Киттен.

— Ничуть, хотя не буду скрывать, я нахожусь в критическом положении. Кстати, господа, мы могли

бы договориться. Пусть минуя законодательство. Но зато вы обеспечили бы себе безбедное существование. На долгие годы.

— И к старости я сделаюсь похожим на тебя? Нет, увольте...

— Винт у тебя, старик? — резко спросила Киттен.

— Мой страховой полис? Конечно, я с ним не расстаюсь!

— Нам он нужен! — сказал Мэл. — И ты сам нам нужен. Но не отдашь винт, не станем даже продолжать разговор. Пусть тебя сожрет монстр.

— Я уже поверил одному такому предложению и остался с носом. Это отбило у меня охоту заключать сделки без предварительных гарантий. Я должен все как следует обдумать.

— Постарайтесь убедить его, Мэл, — шепнула капитану Киттен, — вы же сами коммерсант. Надо торопиться. Реплер-Сити уже совсем рядом.

— Мне некогда спорить с тобой, старик, — рявкнул Мэл. — Поворачивай назад и отдавай наркотик. Тогда подумаем, что можно сделать для тебя!

— Не пойдет, Хаммураби. Меня больше не надуешь. Если у меня все получится, то я еще сам возьму тебя к себе на работу. В десятники.

— В десятники? Ну нет, — прошептал Мэл Киттен, — у него точно снесло башню.

— Видишь, парень, я знаю об этом мокром гнезде гораздо больше, чем ты думал. Я надеюсь прийти к определенному соглашению с чудовищем. Я укажу ему точное расположение пакгаузов, арсеналов, компьютерных центров. Это будет обоюдовыгодная сделка. У монстра есть свои нужды. Он, правда, умеет читать мысли, но и тут я его проведу!

— Роуз, не занимайся ерундой. Ставка в этой игре больше, чем твоя или моя жизни. Отдай чемоданчик и забудь свои бредни, не то Вом съест тебя.

— Но что вы мне предлагаете? — спросил Роуз. — Свободу в обмен на винт? А что, если вы сами вдруг сделаетесь наркодельцами?

— Нет, — сказал Мэл, — мы надеемся, что винт прикончит Вома.

— Ну, вы приписываете джастеру прямо-таки чудесные свойства! — захихикал Доминик. — Но

если б вы лично гарантировали мою безопасность и... возможность скорейшего отбытия с Реплера... защиту от уголовного преследования... Ну, я бы тогда поразмыслил.

— Я... я не могу. Трудно сделать, учитывая ваши проступки.

— Ха, ну вот видите!

— Погоди смеяться! — сказала Киттен. Было заметно, что в ней борются два желания: взять преступника и прославиться или поступиться личными интересами ради победы над всеобщим злом. — Мэл, попробуйте связаться с Церковным Приходом. Они наверняка держат канал открытым. Думаю, Орви согласится на такую сделку.

— Неужто вы и впрямь желаете иметь дело с этим Роузом?

— Не давите на меня, капитан. Мне и так сейчас не легко.

Киттен жалобно посмотрела на Хаммураби. Без притворства на сей раз.

Хаммураби настроился на частоту Прихода.

— Впервые, мисс Кай-Сунг, вы попросили меня о чем-то столь просто и естественно, без всяких выкрунтасов.

— Ладно, заткнитесь! — мигом сквиталась Киттен.

Орви на месте не оказалось, но его быстро вызвали к коммуникатору.

— Ну что, лейтенант, интересные происходят события, а?

— Интересные. Плем, аствирт, мирерр, хильц.

Киттен вкратце обрисовала ситуацию.

— Привет, — чисто и без помех прозвучал голос Роуза, — я подключился к вашему каналу. Мой видеокоммуникатор тоже работает, так что не вздумайте дурачить меня!

— Разве вы знакомы со мной? — осведомился Орви.

— Да кто ж вас не знает, майор! В прошлом вы доставляли мне массу хлопот.

— Впредь у вас их будет еще больше, Роуз. Однако уполномочен заявить, что ваши условия принимаются.

— Клянитесь пчелой-маткой, Королевой и вашими родимыми личинками!

— Клянусь, — едва выговорил майор.

— Значит, все прежние обвинения с меня снимаются?

— Все те, что находятся в моем ведении. Но другие миры могут вас преследовать, а могут и нет. Моя же власть весьма ограничена. Впрочем, не тяните время. Передайте наркотики мисс Кай-Сунг.

После этих слов воцарилось долгое молчание. Из микрофона Роуза доносился лишь шум ветра и плеск волн. Наконец — вздох.

— Согласен. Что ни говори, а это сделано с дальним прицелом.

— Он останавливает свой катамаран! — воскликнула Киттен.

— Вы и в самом деле полагаете, мисс, что винт поможет нам расправиться с Вомом?

Кай-Сунг посмотрела на капитана задумчиво и даже как-то отстраненно.

— Кто знает, — сказала она, — может и нет! Но ведь и все другие средства тоже не выручают нас пока что. Главную надежду я возлагаю на Пеота. Если и он не справится с чудищем, то мы все погибнем. Это понятно. Ладно, не грех и с винтом попробовать!

Роуз сделал аккуратный поворот и, обогнув скалу, влетел в бухту небольшого островка одного из тех, что сотнями окружали Реплер-Сити. Островок был так близко от столицы, что с его берега ясно различались небоскребы деловых кварталов.

— Приготовь чемоданчик, приятель! — напомнил Мэл старику, — и не вздумай хитрить, не то я тебе башку откручу. Мне это ничего не стоит сделать, ты же знаешь!

— Вы считаете, что я стану хитрить и увиливать? Я оскорблен. Отныне я честный человек. Разве вы плохо слушали, о чем говорил майор? Я кристальной души...

— О, да он еще и про душу вспоминает. Святоша.

— Готов, как видно, к переходу в новую воду. От этого человека у меня во рту кисло становится.

Чертов винт, из-за него приходится отпускать на волю такую великолепную сволочь!

— Постараюсь не делать глупостей, — пообещал Мэл, — например, не буду бить старика. Ну, идемте...

Хаммураби и Кай-Сунг остановились по левую сторону от катамарана, который слегка покачивался на волнах. Двигатели работали на малых оборотах. Мэл увидел Роуза пристегнутым лямками к пилотскому креслу. Киттен выключила движки аэромобиля.

— Вы сами почтите его своим визитом, мисс? — осведомился капитан.

— Всякий раз, когда я вижу его перед собой, моя вера в добро и справедливость начинает сильно шататься. — Киттен крутанулась в кресле. — Вижу, чемоданчик при нем цел и невредим. Дело ясное. Нет винта, нет амнистии. Идите и заберите у него контейнер сами, Малькольм!

Хаммураби пробурчал что-то и шагнул к двери, но пола под ногой не оказалось!

Палуба вырвалась из-под ног и стала косо, почти отвесно. Мэл растянулся на полу. В потолок превратилась дальняя стенка. Голова у Хаммураби закружилась, и тут машину начало с такой силой швырять из стороны в сторону, что, казалось, настал конец света. Сзади донеслось несколько громких ударов. Киттен закричала, и капитан мигом обернулся на этот крик. На фоне серого неба вырисовывался неясный силуэт девушки, пристегнутой ремнями к креслу. Между ним и солнцем проявился громадный черный занавес. Темнота, в которую он погружался, таила в себе что-то до боли знакомое и даже отрадное...

Там, в бездне разумения Вома, это маленькое происшествие было мигом замечено и отправлено на хранение в память. Сейчас Вом не мог тратить время на оценку столь ничтожного происшествия. Решался вопрос о судьбе Галактики, если не всей Вселенной!

Кое-где на Реплере датчики засекли, как железо в недрах превращается в золото. А на другом острове железо стало медью. Затем пошел обратный процесс. В косяки собирались рыбы разных пород.

Маленький рачок, испытав на себе мощное воздействие интеллектуального заряда, закружился в воде волчком и тотчас отправился в пасть вялого гробблера, промышлявшего донными рыбами.

Острая луна, двигавшаяся по орбите вспять, внезапно спустилась на сто километров.

Реплер-4 и Реплер-5 были громадными хранилищами газа. Они начали сотрясаться от конвульсий и распадаться. Этот процесс сопровождался образованием исполинских облаков метана и аммиака.

На большом острове рептилия лезла с одного дерева на другое и зацепилась за сук. Гибкое тело без рук и без ног напряглось. И тут стала действовать сила, способная уничтожать континенты. Другая сила старалась толкать и поднимать вверх. Триллионная доля секунды. Конец конфликта. Змея прыгнула и промахнулась. Упала и умерла. Ее смерть имела огромное значение, гораздо большее, чем взрыв предприятий по переработке газов и трансмутаций живых организмов. Тот, кто убил змею, радовался, что убил. Тот, кто пытался спасти, переживал, что не спас.

Камни начали разговаривать. Температура желтых карликов сильно подскочила, упала и вновь подскочила. Луна пропала, но прилив все равно наступил. Вом одерживал верх.

Мобилизовав все свои ресурсы Хранитель-Механизм отчаянно сопротивлялся. Но его сила и энергия уже исчерпывали себя. Комплекс не мог наращивать их так же быстро, как противник. Вом был сильнее, чем тогда, когда Пеот только появился на свет. Постоянные войны и схватки выработали в организме Вома рефлекс наращивать силу почти мгновенно. Он создаст теперь новую империю. Там все будут славить Вома! На этот раз ошибок не будет. Маленькие разумные организмы должны пройти отбор и постепенную ассимиляцию, чтобы обеспечить функционирование здоровой экологической

системы. Никаких излишком в потреблении. Принятие пищи сделается научным процессом. Развлечения и эксперименты всегда будут тщательно обдумываться!

Внезапно что-то ударило Вома. Этот удар был странным, непривычным, его происхождение не поддавалось анализу. Это была грубая сила в наиболее незамутненном своем проявлении. Куда более мощная, чем Хранитель с Механизмом. Но сила была прямолинейна. Она боролась круто и бескомпромиссно, каждую секунду щемилась вперед, наступала. Ее действия развивались по спирали, которая все глубже и глубже ввинчивалась в организм Вома, все шире охватывала его ткани.

Не успев испытать никаких эмоций, Вом отступил. Затем предпринял контрудар, который был тотчас отражен. Продвижение неизвестного противника по телу Вома замедлилось. Нет победы, нет поражения.

Схватка зашла в мертвую зону. Штиль. Тупик. Пат.

На другом конце Вселенной вспыхнул и погас кусок кварца. Некому было оценить это явление. Свет погас, а кварц остался жить.

Ничья. Пат.

— Ну что там еще случилось, Ганновер? — проворчал Ашвенария. Транксу не подобало волноваться до начала боевых действий, но тем не менее адмирал очень нервничал. Учитывая необычность ситуации, в которой оказалась его боевая группировка, не стоило этому особенно удивляться.

— Мы уже находимся в зоне действия системы, сэр! Корабли флота включили двигатели КК и переходят...

— Знаю-знаю, лейтенант. Флагманский звездолет еще тридцать минут назад сделал все это. Надеюсь, все последовали его примеру. Ближе к делу.

— Кажется, на реплерианской орбите находится еще один флот. Поскольку мы ничего об этом не слышали из официальных источников, я подумал, что...

Адмирал уже бежал к лифту, потирая свой больной глаз с силиконовой роговицей. Лейтенант с трудом поспевал за стремительно мчавшимся на четвереньках Ашвенарией.

— Вы запоминаете информацию, точно компьютер, Ганновер. Это одна из причин, в силу которых вы служите у меня адъютантом. Вы не ошиблись. Я не отдавал приказания о посылке других кораблей к Реплеру, а в окрестностях нету никаких боевых соединений и частей, чтобы они могли там оказаться раньше нас. Выходит, флот не принадлежит ни транксам, ни приматам.

Лифт поднял их прямо в боевую рубку.

— Какова предварительная оценка обстановки? — спросил грозно Ашвенария, влетев в центральный отсек.

— Расстояние между нами все еще существенное, сэр. А еще мешает светило, яркое донельзя, находящееся сейчас прямо перед нами. Судя по показаниям приборов, в состав флота входят тридцать девять кораблей.

— Таннелс, целых тридцать девять?

— Странно, сэр, почему начальник гарнизона не попытался предупредить нас по транскосмической связи о наличии чужого флота на орбите?

— Ну, Орвеналикс — способный офицер. Думаю, что раз он не сделал этого, значит, не имел возможности сделать. Может, его заглушили. А может, он попал в беду?

Флагман вошел в зону действия гравиполя. Внутри звездолета возникло состояние невесомости. Находиться в этом состоянии, — все равно что плавать в желатиновом растворе. Нормальное грависостояние есть только в середине корабля, а по бокам — нет. Как это нормальное состояние поддерживается — большой секрет. Такой же большой, как секрет двигателй КК СКАМ.

— Орвеналикс опасался, видимо, что а-аннианцы перехватят его шифровки. Это создало бы препоны осуществлению нашего плана.

— Значит, вы рептилий подозреваете, сэр?

— Поблизости у а-аннианцев есть база. Я не знаю другой такой расы в нашем районе, которая могла

бы сформировать такие вооруженные силы. Но даже если б это был не флот на орбите, а маленький отряд, я бы все равно подумал на рептилий. Предположим, с Земли.

— Вы думаете, а-аннианцы уже могли...

— Нет, не думаю. Коли так обстояло бы дело, мы бы уже что-нибудь услышали.

Военнослужащие многих рас, среди которых явно преобладали транксы и приматы, вытягивались по струнке, отдавая честь адмиралу, когда тот плыл мимо них. А плыл он в невесомости и в боевую рубку. Ашвенария отвечал бойцам тем же: отдавал честь. Оказавшись в рубке, он занял свое место на капитанском мостике. Лейтенант притулился в уголке.

Беседа с юным адъютантом-гуманоидом навела адмирала на тяжелые размышления. Он перебирал тысячи вариантов. В голову лезли страшные мысли. Заставив себя встряхнуться, Ашвенария подумал, что когда-нибудь Ганновер сделается хорошим командиром. Парень сметлив и остер на язык. Надо вот развивать как следует тактическую мысль. Что ж, выполнение этого задания во многом ему поможет!

— Центр связи! Установите контакт с флагманом наших гостей, к сожалению, незваных!

В этот миг хрупкий транкс, сидевший вместе с другими связистами перед приборными панелями и экранами мониторов, слегка повернулся к адмиралу.

— Какое удачное совпадение, сэр. Я только что принял сигнал, исходящий от предположительно неприятельского флота. Они преследуют такую же цель. Данное совпадение никак не назовешь случайным.

— Соединяйте скорей!

На экране появилось лицо рептилии средних лет.

— Его сиятельство, — начал Герольд, — барон Рында Бебето, правитель провинции Торси, исполнитель...

— Короче, Герольд, короче, — вскричал Ашвенария. — Давайте мне вашего командира.

Рептилия набычилась.

— Элементарная вежливость требует, чтобы...

— Не беспокойтесь, герольд, — сказал Рында Бебето. — Ну, с кем имею честь говорить?

— Адмирал Ашвенария, командир Четвертого Округа. Представляю Содружество Гуманоидов. Почему вы так далеко забрели, барон, от ваших обычных трасс?

— Ну, ведь и вы, адмирал, — усмехнулся Бебето, — не развлекаться прилетели на эту планетишку! Впрочем, мы здесь потому, что всей Галактике грозит серьезная опасность.

— Вы имеете в виду монстра невероятной силы?

— Его. Наши цели совпадают.

— Не совсем, Рында. Вы — ящерица, и вам не положено появляться на орбите тех планет, где живут люди. Это вызывает подозрение.

— Мы никогда не обижали гуманоидов. А здесь, на Реплере, без предварительного согласования с властями даже до ветру не ходим.

— Мне очень бы хотелось верить вам, барон. Очень хотелось бы. По многим причинам.

— И не последняя из них та, адмирал, что мы окажем собственным расам дурную услугу, если начнем воевать дружка с дружкой. Если вы просто свяжетесь с командующими национальной гвардией и майором Вселенской Церкви, то он согласится с моим планом. Военный совет лучше, чем кровавая бойня!

— Перебьемся и без вашей помощи! — сказал транкс.

— Командующий нашими силами в имперском Анклаве имел возможность лично наблюдать за действиями монстра. На глазах храброго воина в считанные минуты была уничтожена целая военная база. Он не согласился бы с вами. Я тоже осматривал руины. Впечатляет! Мне все-таки хотелось бы надеяться, что вдвоем мы смогли бы обуздать это донельзя распоясавшееся чудище.

— Ну ладно. Я доверяю вам.

— И я доверяю вам.

— Мои корабли выйдут на те же орбиты, на которых сейчас находятся ваши! Пока я буду ду-

мать, вы не должны предпринимать никаких самостоятельных действий.

— Понял, — миролюбиво сказал Бебето. — Постарайтесь не медлить, адмирал, иначе наше соглашение скоро станет бессмыслицей.

— Действительность может вынудить нас на сотрудничество с вами, хотя сама мысль об этом мне, транксу, довольно тяжела!

— Я тоже недолюбливаю вашу расу, адмирал, — осклабился Рында, — но только при обычных обстоятельствах.

— А сейчас ситуация крайне неординарная! — Ашвенария махнул лапкой и выключил связь.

Несмотря на мощную атаку, предпринятую каким-то новым и неожиданным противником, у Вома появились причины для ликования: второй флот на орбите! Еще больше энергии, которую он присовокупит к своей собственной. Он сможет теперь запросто путешествовать от планеты к планете.

Но эта новая сила!.. Что с ней делать? Что она из себя представляет? Можно ли с ней скооперироваться для общего блага? На карту поставлена власть над Галактикой!

Опять заработали органы восприятия и первичного анализа. Удалось кое-как установить контакт с новым противником. То обстоятельство, что противник засел не на уровне битвы, а на уровне досуга, поразило Вома. Противник, видимо, не научился еще пользоваться своей огромной мощью! Вом должен был соблюдать осторожность в прощупывании неприятеля, а то вдруг неприятель вскроет лед на резервных реках, увидит в самом себе силу бойца и перейдет в настоящее наступление! Да, потенциал нового врага оказался настолько велик, что Вом испугался.

В страхе Вом чуть не отступил от выбранной тактики. Но пока что враг в святая святых Вома не проник. Мысли его остались нетронутыми. Но Вом возобновил контакт и даже сделал его двухсторонним.

Любопытно: диалог на разных уровнях.

ТЫ КТО?

ПРОЗРАЧНАЯ ОРХИДЕЯ: СОЛНЕЧНЫЕ ПЯТНА НА ЛИСТЬЯХ: ТЫЧИНКА И ЛЕПЕСТОК: МЕДЛЕННЫЙ СИНТЕЗ.

А ТЫ, МОНСТР?

ВЕЛИКАЯ ПУСТОТА: ПУСТОТА: ЗЛОЙ ВАКУУМ: ИЗЛУЧЕНИЕ ТЬМЫ: НЕХОРОШИЕ МИАЗМЫ: РАК МЫСЛИ: ТУШЕННОЕ С ОВОЩАМИ МЯСО: ЖИРНЫЙ

ПОЧЕМУ ТЫ ВОЮЕШЬ СО МНОЙ?

ТЫ ЗЛОЙ.

ЗЛОЙ? НО ЗЛА ВЕДЬ НИКАКОГО НЕТ!

МОЖЕТ БЫТЬ И ТАК, НО ЗАТО ЕСТЬ ДОБРО. А ТЫ АНТИДОБРО. ДОБРО С ОТРИЦАТЕЛЬНЫМ ЗНАКОМ. ТЫ ПЫТАЕШЬСЯ ОПРАВДАТЬ ЗЛО. ХАОС!

НЕ НУЖНО ВОЕВАТЬ СО МНОЙ. Я СДЕЛАЮ ТЕБЯ ХОЗЯИНОМ. ПОЛГАЛАКТИКИ ТЕБЕ ДАМ.

НЕТ. У ГАЛАКТИКИ И ТАК МНОГО ХОЗЯЕВ.

ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ?

ЧТОБ ТЫ УМЕР!

ПОДЧИНЕНИЕ — КАПИТУЛЯЦИЯ? ВЫНУЖДЕННЫЙ СОЮЗ? НЕНУЖНОЕ ЗАЧЕРКНУТЬ!

НИКОГДА!

ВИДИШЬ? ТЫ НЕПОСЛУШНЫЙ. ТЫ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ.

Я НЕ УМРУ: Я НЕ УМЕЮ УМИРАТЬ.

НЕ УМЕЕШЬ: НАУЧИМ: НЕ МОЖЕШЬ: ЗАСТАВИМ!

Вом прекратил контакт. Со всеми своими оттенками и обертонами беседа заняла не более секунды.

Этот новый противник был страшно самоуверен, но почти не знал самого себя. Может, он ведет борьбу на персонификативным уровне?

Надо полагать, демонстрация силы окажет на него моральное воздействие. Вом простер свой могучий ум за пределы битвы.

На борту «Зимбабве», флагманского корабля гуманоидов, внезапно сломались все приборы. Через секунду загорелись лампочки. Тревога!!!

В командной рубке никакой паники не возникло. Все понимали, что надо быть смелыми и отважны-

ми, а то весь флот потерпит поражение. Персонал представлял собой элиту специалистов, готовых действовать везде и в любых ситуациях.

На других кораблях дело обстояло иначе.

— Связь! Передай мою команду! Всем звездолетам сообщить о себе! Запрещено менять свои позиции на орбите. Не прекращать огня. Командир, немедленно уточнить характер повреждений. Всем членам экипажей занять места согласно боевому расписанию!

Отвечали немедленно:

— Это связь говорит...

— Никаких видимых повреждений нет.

— Ничего не понятно. С ума сойти.

— Все каналы перестали работать, видеокоммуникаторы сломались.

— Это невозззз... Прррродолжайте рапорт!

— Коммуникаторы отключились все, не только видео. Из машинного отделения звонят и говорят, что КК не функционирует ни в режиме субсветония, ни в режиме суперсветония. Искусственная гравитация составляет 0954,4 единицы. Это значит, что во всех отсеках корабля теперь царит невесомость.

— Что еще? — спросил Ашвенария у вахтенного.

В боевой рубке над огромной приборной панелью повис инженер. Он проверял, как там компьютер работает. Мускулы инженера нервно подрагивали.

— Все процессоры внешних и внутренних каналов вышли из строя. Три систематизатора работают на четвертой мощности из-за сократившейся в пять раз подачи электропитания. Межблочные связи повреждены. За ислючением главных систем жизнеобеспечения и некоторых устройств мирного назначения все обрудование испортилось и не работает. Как боевая единица... гм, корабль перестал существовать.

— Корабль мертв! — вскричал Ашвенария. — Эй, Кьяш, можем мы положиться на помощь паромов?

Вместо Кьяша ответила Маорея:

— Все эти суда совершенно автономны, сэр, но даже если предположить, что невидимый враг оставит их в покое, мы не сможет поплыть туда. Видите

ли, шлюзы работают только от энергосети корабля... Остается аварийный выход, но...

— Нет, об этом еще рано заводить речь! — сказал Ашвенария. Не может быть, чтоб все запасы топлива в ячейках КК иссякли, ведь системы жизнеобеспечения продолжают функционировать!

Ашвенария позвал Ганновера:

— Ганновер!

— Да, сэр!

— Существуют другие способы установления связи с остальными кораблями флота. Мы все располагаемся очень компактной группой. Мне все равно, как вы это сделаете, но я должен знать, что происшествие с «Зимбабве» — случай единичный, понятно?

— Слушаюсь, сэр.

Ганновер покинул свое кресло-корзину и пошел к люку.

При движении корабля с досветовой скоростью для создания искусственной гравитации использовались специальные установки, питавшиеся энергией от батарей КК. Теперь же камеры с КК были почему-то блокированы; и очень трудно стало двигаться внутри корабля.

— Ганновер!

— Да, адмирал?

— Пусть наш лазарет приготовится. Нам нужно оказать помощь хирургу Фурману и дантисту Ли необходимую помощь. Резкий переход к невесомости повлек к травмам.

— Понятно.

Ганновер как перышко улетел в люк.

— Ну что, Маорея, — спросил Ашвенария, — может, это все а-аннианцы устроили? Если не они, то... ой, страшно подумать!

На борту тяжелого крейсера «Блюминг», находившегося от «Зимбабве» в сотне миль, барон Рында Бебето испытывал похожие на ашвенарьевские сомнения.

Мэл пришел в себя. Его взгляд уперся в потолок сильно исковерканной кабины аэромоби-

ля. Капитан перевернулся и встал на коленки. Потом и на ноги. Прислонившись к стене, Мэл постоял немного, чтобы очухаться, и тут до него дошло, что камни не являются обычной деталью аэромобилей. Тем не менее ребро рифа вылезало из пола на три фута.

Впереди послышался стон, сопровождаемый ругательствами. Стонала и ругалась явно женщина.

— Как вы? — спросил Мэл.

Киттен попыталась повернуться вместе с креслом пилота, но ничего не вышло. Ось заклинило. Морщась от боли, девушка кое-как отстегнула ремни и освободилась. Холодная морская вода тихо плескалась у покореженной двери. Маленький рачок уже деловито вползал в салон болида.

За исключением слабого крена на правую сторону, аэромобиль стоял довольно ровно. Мэл шагнул вперед и чуть было не рухнул на пол. Он успел схватиться за брус, выступавший из стены, и приметил, что тот был местами перепачкан чем-то красным. Посмотрев на себя, Мэл с удивлением обнаружил у себя на груди неглубокую царапину. Кожа на этом месте была стерта целиком, но крови вылилось немного. Капитан оторвал от рукава рубашки кусок ткани, чтобы сделать перевязку. К счастью, кровотечение уже почти остановилось само.

— Вы что-нибудь видите?

— Мы на рифе, — отозвалась Киттен. — Катамаран Роуза застрял прямо перед нами. Наш болид подмял под себя корму катамарана. Отсюда и крен. Ему досталось куда больше, чем нам, потому что он принял на себя всю силу удара и практически лишился дна, вместо которого теперь сплошная дыра.

— А где монстр?

— Похоже, он залег на шельфе. Там, где кончается риф. Это гораздо ближе, чем мне хотелось бы. Спокойствие Вома даже забавляет меня. Риф тянется в море еще чуть-чуть, простираясь на пятьдесят футов, и затем резко обрывается. Там уже вода, насколько хватает глаз, черней самой черноты!

Киттен двинулась к выходу. Мэл заковылял следом, держась за стену. Он все еще чувствовал небольшое головокружение. Кай-Сунг осторожно спу-

стилась по небольшому встроенному трапу. Встав в проходе и схватившись за поручни, Мэл окинул орлиным взором окрестности и заметил, что поверхность рифа местами покрыта водой, а местами выступает над ней, т. е. над поверхностью воды на несколько футов. Его внимание сразу же привлек Вом.

У Мэла возникло ощущение, будто на него направлена целая боевая установка снарядов СКАМ.

— Может, Вом и умен, но вот нас он и видеть не хочет, а?

— Мы не знаем механики восприятия, — сказала Киттен, осторожно ступая по скользкому полу, — поэтому ни о чем нельзя говорить с уверенностью. Скорее всего он давно уже за нами следит. Мы у него сейчас в роли подопытных кроликов. Ему интересно, что мы теперь будем делать. Убить он нас мог сразу, но не убил. Может, и в будущем пощадит. Малькольм, вы выше меня ростом. Загляните в катамаран и посмотрите, что там делает этот старый мерзавец.

Хаммураби медленно просунул голову в окошко. Сначала его тошнило, но вскоре морской воздух подействовал освежающе. Всматриваясь вперед через носовую часть аэромобиля, капитан хорошо различал прозрачный верх кабины катамарана.

С переднего сиденья, пристегнутая все теми же ремнями, свисала знакомая фигурка.

— Похоже на то, что на берег его не вышвырнуло.

— А где чемоданчик?

— Да там, при нем. Пристегнут цепочкой к правому запястью. Даже не треснул. Удивительно, как уцелел этот с виду хрупкий чемоданчик! С катамарана днище срезало, будто лазером.

— Роуз жив?

— Трудно сказать. Но, думаю, сопротивления в любом случае не окажет.

— Лучше бы ему остаться в живых, иначе нам потребуется несколько дней, чтобы сообразить, как открывается его сундучок. Можно побиться об заклад, что там есть взрывное устройство или ампула с кислотой. Но у нас нет этих нескольких дней. Эй, что вы там делаете?

Мэл медленно, дюйм за дюймом, спускался вниз, держась рукой за край дверного проема. Костяшки пальцев побелели. Падать было невысоко, но острые зубья рифа не очень-то располагали к падению. Резиновая оболочка воздушной подушки была изорвана в клочья по всему периметру основания болида. Чуть выше ватерлинии корпус опоясывала узкая металлическая лента. Гладкие обводы корпуса не давали возможности схватиться за борт руками. Однако Мэл встал на некий стальной выступ и стал продвигаться вперед с невероятной ловкостью. Очутившись на левом поплавке катамарана, капитан поплясал немного для сугреву и потом пробрался к телу Роуза. Взявши старика за руку, Хаммураби скоро нащупал пульс.

— Он жив! Впрочем, меня это не слишком радует.

Мэл перебежал на правый поплавок и подал руку Киттен.

— Осторожней, здесь очень скользкая палуба! Это небольшая прогулка по выступу была не очень приятной, но так зато быстрее, чем искать веревку и потом лезть по ней. А вот так еще быстрее.

При этих словах капитан взял девушку за правую руку и буквально подбросил ее на палубу катамарана.

Киттен подбежала к Роузу и некоторое время осматривала его, потом расстегнула у себя на поясе потайной кармашек и достала из него порошок в пилюлях, по размеру никак не превосходивших ноготь с мизинца.

Брюки Роуза в одном месте разорвались, и сквозь прореху были видны серые волны. Киттен достала помимо порошка еще ампулу с тем же препаратом из того же кармашка, потом шприц и сделала старику укол в четырехглавую мышцу.

— Какой препарат вы ему ввели? — поинтересовался Мэл.

— Дексатринабулин повышенной концентрации. Старик сейчас придет в себя и в течение часа будет весьма активен, а потом уснет и довольно крепко: на пятнадцать часов. Дексатринабулин действует быстро.

— Это уж точно, — сказал Роуз бодро и уставился вдаль, на риф, продолжением которого являлся Вом. — Эта штукенция почти неприметна. Какой-то маленький кусочек скалы причинил мне массу неудобств. Похоже, вы мне отнюдь не винт в вену задвинули, да, дочка?

— Поверьте, я сделала это не в порядке заботы о вашем здоровье, — презрительно проговорила Киттен. — А теперь показывайте, как открывается ваш чемоданчик.

— Зачем это вам?

Мэл наклонился к Роузу и схватил его за правое плечо. На лице старика появилась гримаса боли.

— Хорошо-хорошо. Вовсе не нужно поступать так круто. Внутри установлен особый заряд, от которого разрывается оболочка контейнера, но содержимое остается в полной сохранности. Взрывное устройство приводится в действие простым нажатием кнопки. Вот этой!.. Н-да, а затем беретесь за рукоятку, на которой есть дополнительный тумблер, ставите механизм на предохранитель: стоит только отпустить ручку и — трах-бабах!

— Сколько времени пройдет с момента отпускания ручки до момента взрыва? — спросила Киттен.

— Когда будете вставлять ключ и нажимать кнопку, поверните большой палец против часовой стрелки. Это вам добавит целую минуту. Настраивать механизм на более длительные временные отрезки не имеет смысла: еще набегут всякие сволочи и разрядят его!

— Ну, за минуту ты далеко не убежишь! — усмехнулся Мэл.

— Неужто вы сами собрались торговать винтом, а? Уж больно подробно вы обо всем спрашиваете!

— Если чемоданчик поместить рядом с монстром, — сказала Киттен, — то очень вероятно, что в случае взрыва во внутрь его организма попадет достаточное количество винта. Дельце довольно простое, ибо монстр залег максимум на глубине полутора метров!

— Сзади за катамараном есть небольшая лодка. На аэромобиле тоже была такая, но разбилась во время аварии. Это как раз то, что надо, потому что

лодка имеет очень маленькую осадку, и Вом не обратит на нее внимания.

— А ты как думаешь, а? — ткнул пальцем в Роуза Малькольм. — Подействует на чудище винт?

— Не знаю, ведь нам ничего не известно об особенностях организма этого, как вы называете его, Вома. Однако чемоданчик винта никто и никогда еще не видел. Но знаете ли, если монстр проглотит наркотик вместе с чемоданом, не проглотит ли он и нас вместе с лодкой?

— Другого выхода у нас нет, — вздохнула Киттен, — надо идти на риск!

— Да вы что? — изумился Роуз. — Вы с ума сошли. Я чувствую себя обязанным защитить вас от вашего же безумия. Не думаю, что следует отдавать вам винт.

Доминик схватил чемоданчик и крепко прижал его к груди...

— Разомкните цепочку, — грозно проговорил Мэл, — не то я оторву вам руку вместе с чемоданом.

— Ваши аргументы, как всегда, убедительны, капитан, — повиновался Роуз.

Хаммураби взвесил контейнер в руке.

— Даже не верится, — сказал он, — что несколько фунтов какого-то порошка заключают в себе столько силы. Киттен, помоги мне спустить лодку на воду.

— А почему вы решили, капитан, что именно вам придется ехать с гостинцем к Вому?

— Главным образом потому, что я могу идти на веслах быстрее и дальше, чем вы, мисс Кай-Сунг. Стало быть, у меня больше шансов на возвращение. У вас же их практически не было бы!

— А как же ваш драгоценный банковский счет, капитан?

— Считайте меня идиотом, — отозвался Мэл. — Приняв это положение за исходное, вы многого сможете добиться от старины Хаммураби! А потом, надо спасать Реплер. Реплер — мой хлеб. «Умбра» тут — частый гость.

— Ну смотрите, Малькольм, — улыбнулась Киттен, — я за вами на смерть не пойду. Справляйтесь как-нибудь сами. Я — отнюдь не чопорная леди.

— Киттен, вы никогда не были и не будете чопорной леди. И слава Богу!

Капитан стал отвязывать трос, которым маленькая лодка крепилась к талю. Но тут Киттен рубанула его, Хаммураби, ребром ладони по шее. Мэл мигом потерял сознание и рухнул на палубу.

— Четко сработано! — восхитился Роуз и даже захлопал в ладоши. — Мне помочь опустить лодку?

— Скорее я заложу душу дьяволу, чем соглашусь принять от вас помощь!

— Как бы там ни было, а ваша, мисс Кай-Сунг, помощь мне, например, очень нужна!

— Да ну? — вскинула брови Киттен. — Это становится интересным. Выходит, ты вооружен, старик?

— Конечно. Пистолетик, правда, паршивенький, но для того, чтобы уложить одного какого-нибудь противника, сойдет. С вами двумя я не справлюсь. Капитан очень силен и обладает великолепной реакцией. Но с вами, мисс... Впрочем, вы тоже неплохой боец!

Лодка покачивалась на волнах.

— Ну и куда вы поплывете в этой посудине? — спросила Киттен, не сводя глаз с дула стального пистолета в руке Роуза.

— Попробую обойти Вома с краю. Заодно проверю на практике одну свою полубезумную теорийку. Если ничего и не выйдет, то все равно проскользну в город незамеченным. Течение поможет мне. А потом у меня будет довольно широкий диапазон возможностей. Пока что же я включу взрывное устройство в этой игрушке!

Положив пистолет в сторону, но не слишком далеко в сторону, Роуз вставил ключ в чемоданчик и щелкнул тумблером, зафиксировав рукоятку при помощи шнурка.

— Я могу развязать этот узелок довольно быстро: потяну за кончик и все! Как только я доберусь до города, то буду все время держаться на ветренной стороне. Можете не глазеть на мой пистолет. Я не такой уж дряхлый и неповоротливый старик, как тебе кажется, детка! — Доминик запустил мотор. — А теперь прощай, милая.

Вода забурлила, точно содовая. Только виски не хватало. Или рубидиевки. Роуз старался плыть осторожно, чтобы не задеть Вома.

Киттен вернулась к Мэлу, усердно растиравшему рукой шею.

— Прошу прощения, капитан.

— Поздравляю! — скривился Хаммураби. — Мисс Кай-Сунг просит прощения. Скажите лучше, где старикашка?

— Уплыл, — тихо сказала Киттен, махнув рукой в сторону огибавшей риф лодчонки.

— Как же так, мисс? Вы его упустили?

— Он угрожал мне пистолетом.

— Пистолетом? Гм, но почему же он им раньше не воспользовался.

Киттен смутилась и, не выдержав укоризненного взгляда капитана, отвернулась в сторону.

— Он сказал, что ждал удобного случая.

— И дождался.

Мэл встал, кряхтя, и вдруг изо всей силы пнул ногой какой-то железный ящик. Это не помогло.

— Не надо нервничать, — прошептала Кай-Сунг. — Этим делу не поможешь. Вы же не ребенок, капитан. Я...

Киттен внезапно умолкла, глядя куда-то вдаль.

Мэл обернулся. На значительном удалении от их болида в лодке стол Роуз и махал руками. Вокруг посудины выросли огромные ловкие щупальца. Непроизвольно Мэл обнял Киттен, обхватил рукой за талию и прижал к себе, словно желая оградить от напастей. Девушка не сопротивлялась.

— По-моему, был крик, — прошептала она.

— Да, старик успел подать голос. Вот, слышите? Похоже на взрыв.

— Похоже, похоже...

Мэл и Киттен напряженно ждали развязки драмы. И вот на море опять все стало спокойно. Только лодочка вместе с пассажиром исчезла.

— Роуз был прав, — вздохнула Киттен, — наш план с винтом и впрямь ни к черту не годился.

Девушка решительно высвободилась из объятий Хаммураби и повисла на леере катамарана.

— По-моему, — предложил Мэл, — нам стоит пройти к острову вброд. Потом вернемся, заберем одеяла и еду. На острове будет теплее, чем здесь, в этом болиде, рядом с водой. Да и как только начнется прилив, все смоет с рифов...

Мэл не договорил. Киттен перегнулась через леер и прыгнула за борт, согнув колени в тот момент, когда ступни опустились на дно.

Вом вступил в реакцию с природным веществом. От микроскопической дозы поглощенной пищи с некоторыми рибосомами стало происходить что-то неладное. Эта информация поступала в разум Вома. Процесс расширялся и углублялся. Целая группа клеток потеряла ориентацию, а нервные центры стали распадаться. Вом пока что не придавал особого значения этому распаду, а продолжал биться с Пеотом, но потом встревожился и попытался принять меры к изоляции внутреннего противника и его уничтожению. Зачем я съел этого деда с чемоданом?! Некоторые клетки вовсе не подверглись странному воздействию, оставшись в стороне. Другим не было причинено никакого вреда, но они почему-то уже не выполняли своих функций.

Вом решил прибегнуть в разрушению синаптических областей в попытке поставить заслон дальнейшему проникновению яда в организм, но потерпел фиаско. Если б это явление распространялось по каким-то определенным законам, Вом смог бы вычислить форму этих законов и успешно противостоять распаду. Но удары врага не подчинялись никакой логике. Они были хаотическими и непредсказуемыми. Повреждения выглядели вполне поправимыми, но в разгар битвы с Хранителем они могли стать причиной катастрофы. Часть мозга у Вома вырубилась. Чудище стало ослабевать. Комплекс Хранитель-Механизм, почувствовал это и начал налегать еще пуще!

Целый сектор боевых клеток был полностью выведен из строя. Тело Вома пронзила острая боль. Огромные волны обрушились на близлежащие острова, потому что Вом стал колебаться.

ТЕПЕРЬ (торжествующе сообщил Хранитель).

ДА, ТЕПЕРЬ (передал ему свою спокойную и суровую мысль Другой).

Сопротивление Вома было отчаянным, но несмотря на лихорадочные попытки ликвидировать повреждения, рана все больше и больше разрасталась. Зараза, попавшая в его не знавший себе равных организм, продолжала распространяться. Впрочем, Вом еще не истратил своих ресурсов. Ему удалось замедлить катастрофические процессы, хотя и не сильно. Вом мог бы...

И тут вдруг рухнула двойная секция энергетических ячеек. Это было той гранью, на которой для Вома разверзлась бездна. Силы резко пошли на убыль.

Вом испытывал совершенно новые ощущения. Его разум уже частично перестал чувствовать физический процесс распада. Даже в момент отражения ударов. Когда же сознание пронзила мысль о смерти, то начались страшные конвульсии.

ПРЕКРАТИТЕ!: СДАЮСЬ!: ОТКАЗЫВАЮСЬ ОТ БОРЬБЫ ЗА АБСОЛЮТНУЮ ВЛАСТЬ!

(Другой не ответил. Хранитель-Механизм что-то промямлил невразумительное).

ВСЕЛЕННАЯ ТРЕБУЕТ ТВОЕЙ СМЕРТИ!

(Хранитель-Механизм и Другой больно ударили Вома).

Восприятие монстра приобрело странную окраску. Еще одно новое ощущение. Последнее новое ощущение.

(Последнее наблюдение. Сознание ширится под воздействием ослепительного света).

(Затем...).

РАЗУКОМПЛЕКТОВАНИЕ!

(Мысли Вома разлетелись по всему космосу).

РАСПАД!

Большая органическая капсула развалилась на кусочки.

(В заключение хотелось бы сказать...)

РАСПАД НА КОРПУСКУЛЫ!

Триллионы частичек понеслись в разные стороны. Они уже не были единым Вомом.

СМЕРТЬ!

(Из сознания удалили каркас мыслей и выводов, и оно превратилось в ничто!)

ГОТОВО (это Хранитель сказал: «Готово!»)

Он нашел мысленно Другого и просто сказал...

СПАСИБО!

НЕ СТОИТ БЛАГОДАРИТЬ МЕНЯ!

Ты спланировал эту акцию: ты лежал в укрытии: момент вступления в битву был точно рассчитан.

Да, так оно все и было. Что делать собираешься?

А ты как думаешь?

А Я ДУМАЮ, ЧТО ТЫ ПОМРЕШЬ!

ДА, ЭТО ТОЧНО: ЭТО ЗАЙМЕТ НЕМНОГО ВРЕМЕНИ!

Любой узел Механизма может быть отключен в один миг. Я покажу тебе кое-что, прежде чем это случится.

Я БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, И ЭТУ БЛАГОДАРНОСТЬ ТЫ НЕ ВПРАВЕ ОТВЕРГНУТЬ: Я МОГУЧИЙ: Я ДОЛЖЕН ПРИОБРЕСТИ МУДРОСТЬ.

В ОДНОЙ ЭТОЙ МЫСЛИ (какой?) УЖЕ ОЧЕНЬ МНОГО МУДРОСТИ: ТАК И БУДЕТ?

ТЫ НИКОГДА НЕ БОЯЛСЯ ПОТЕРПЕТЬ КРАХ.

ЭТО ТЫ МЕНЯ НАУЧИЛ: СМЕРТЬ ВОМА БЫЛА ПРЕДРЕШЕНА ДАВНО!

Мэл бережно опустил Киттен на землю, а потом и сам прыгнул, точнее сказать, выпал из сучьев и стал рядом.

— Только не говорите, капитан, что я похожа на утопленного котенка, ладно? — попросила Киттен, завязывая мокрые волосы в узел.

— Не беспокойтесь! — заверил Мэл, вытирая рожу рукавом. — Я очень устал. Нам страшно повезло, что первая волна оказалась не такой высокой, как все последующие, и мы успели проскочить и залезть на дерево. Иначе нас бы расшибло о скалы. Вы видели что-нибудь странное?

— Нет. Я заботилась лишь о том, как бы не свалиться с дерева и смотрела на сук, за который цеплялась изо всех сил!

— Грандиозное было зрелище. Сначала Вом заметался как угорелый. Фонтаны брызг, скалы все — вдребезги, ил — до небес. Потом монстр успокоился, сжался и растаял, как кусок рафинада.

— И все время Вом молчал, хотя ведь страшно мучился. Финал был довольно заурядным. Интересно, удастся ли нам выяснить, откуда прилетал к нам Вом?

Киттен пыталась выжать воду из блузки, не снимая этой блузки.

Мэл шагнул к девушке поближе и стал гладить ладонью по спине, потом дал ей кулаком в бочину и повалил на грунт.

Властно сжимая левой рукой ядреные ягодицы оперативницы, Малькольм задрал правую ногу и закинул ее на левое бедро партнерши, в результате чего образовался классический, хотя и не вполне приличный тандем.

Киттен попыталась вырваться, но Хаммураби это дело уже предвидел и не оплошал.

— Сдаюсь, капитан, — прохрипела Киттен, — но лучше отпустите меня, а то я разучусь понимать шуточки.

— Напрягите свою память, мисс. Перед тем как отправиться на Анклав вторично я кое-что вам пообещал. Суть обещания заключалась в том, что если вам не удастся удовлетворить свои суицидальные наклонности, то вы удовлетворите....

— А! — заорала Киттен, от злости позабыв все те приемы борьбы, которым она училась в полицейской академии.

— Физическое насилие над оперативным работником считается особенно тяжким преступлением!

— А я все равно рискну, лейтенант. Я привык, знаете ли, выполнять обещания. В бизнесе иначе нельзя. Но вы не волнуйтесь, я быстренько: чик-чик, вжик-вжик — и готово!

Руки у Мэла были очень твердые. Киттен прислонилась спиной к дереву. Капитан только что закончил работу над усовершенствованием небольшого передатчика, который удалось разыскать в обломках катамарана. Усовершенствование заключалось

в расширении радиуса действия направленного луча, работавшего в диапазоне, зарезервированном для сигналов бедствия. Передача сигнала в направлении Реплер-Сити должна была продолжаться около часа, пока не сядут аккумуляторы.

— Успокойся, пожалуйста. Не так уж и сильно я тебя стукнул... Впрочем, поделом тебе. Нужно вовремя созревать и вовремя готовиться к разным акциям, как об этом говорится в Книге Третьей.

Киттен по-прежнему пялилась в землю, и пальцы ее ступней чертили узоры на песке.

— Возможно, я немного...

— Виновата? — подсказал Мэл. — Наказание в воспитательных целях.

— Как вам будет угодно.

— Я еще мягко обошелся с тобой, детка. Ты получила гораздо меньше того, что заслужила. Но у меня рука устала.

— Эта рука? — улыбнулась Киттен и дотронулась до правого плеча капитана.

Мэл удивился, а Кай-Сунг возьми и укуси его в бицепс. Капитан попытался отстранить ее, но это только разожгло девчонку. Дед Хаммураби провел свое детство в трущобах Баджалцзы, одного из самых грязных портовых городов в Галактике. Заповеди, переданные им внуку, были действенными, хотя и несколько необычными.

Мэл тоже наклонился и в ответ укусил ее в плечо.

— Ты не джентльмен, Хаммураби! — вскричала Киттен, потирая укушенное место и бросаясь на капитана со своими приемчиками. Но Мэл перехватил обе ее руки и прижал к дереву.

— А ты не леди, Кай-Сунг.

Пауза разрешилась поцелуем, причем инициативу проявила Киттен. Потом ответил Мэл, и так уже пошло-поехало...

Когда Порсупах добрался до острова на катере, то пришлось много побегать, чтобы верно оценить ситуацию. Щупленький томианец все еще похохатывал, когда отплывал от острова на том же катере.

На борту двух очень разных флагманских кораблей все следили за тем, как из-за горизонта летит что-то.

Топка, в которой горели термоядерные дрова, раскалилась и светилась ярче луны, но через несколько секунд огонь погас. Маленькая вспышка прошла совсем незамеченной.

Осознавая, что признание в собственном бессилии противостоять агрессии едва ли будет способствовать их дальнейшему продвижению по служебной лестнице, оба командующих, независимо друг от друга, пришли к одному и тому же выводу, а именно: умолчать о происшедшем и не уведомлять ни о чем высшие инстанции.

Обе луны уже опустились, когда Порсупах, покачиваясь, вышел на улицу, что отделяла порт от злачных мест Реплер-Сити.

Размышления енота были окрашены в яркие тона, но отличались при этом некоторой расплывчатостью. Непосвященные обычно диву давались, как это такое маленькое млекопитающее может влить в себя столько спиртного. Но заслуги енота были отмечены начальством. Порсу дали месячный отпуск. Все первые три дня он пьянствовал напропалую. Такое поведение в глазах Церкви было, разумеется, предосудительным, но когда адмиралу доложили все обстоятельства дела, Ашвенария смирился и разрешил всей троице героев гулять в полный рост. Разве что никого не убивать. Но и на это, думается, начальство посмотрело бы сквозь пальцы, учитывая заслуги бойцов перед отечеством.

Порсупах вспоминал лицо Чэтема, вытянувшееся при сообщении о том, что на месте его Уэтплейса теперь — огромный кратер, воронка: союз с пришельцем Пеотом, который все, в том числе и самоубийство, совершал с вселенским размахом... Правда, Ашвенария приказал восстановить за счет Церкви все разрушенные здания. Кингсли сиял!

Киттен со своим волосатым капитаном решили провести отпуск на каком-то далеком острове, предаваясь плотским утехам. Енот от души радовался за них, опасаясь однако в то же время, что в занятиях любовью они дойдут до полного истоще-

ния и посинения пяток. Томианец был и сам не прочь завести с кем-нибудь интрижку. Чего бы он только не отдал за прелестный пушистый хвостик!

Порсупах вздохнул и нахмурился. Его сверхъестественное зрение немного расфокусировалось, но все же он понял, что забрел в совершенно незнакомый квартал. Верно его занесло в район, где стояли полуразрушенные склады и пакгаузы, оставшиеся еще со времен реплерианских пионеров. На некоторых воротах еще висели рекламные листки. В одном говорилось даже, что скоро в столице будет сооружен пирс наслаждений. Чуть поодаль начинались джунгли. Порсупах находился на окраине города.

Что ж, отлично! Да здравствует отважный исследователь! Нащупав лапой фляжку с рубидиевкой, енот поднес сосуд ко рту и сделал несколько больших глотков. Да чихать он хотел на всех этих надутых наглых политиков с харями, как у лягушек! Он сам сейчас посвятит этот пирс чему-нибудь. Сделав несколько нетвердых шажков, Порс качнулся и прислонился к деревянной стенке, чтобы не упасть.

Из узкого прохода между двух высоких, заколоченных досками, пакгаузов, вышел некто в черном. На плече незнакомца шевелилось что-то похожее на веревку. Несмотря на темень и красные круги в глазах от выпитой рубидиевки, Порсупаху удалось разглядеть лицо.

Филипп остановился на краю ветхих деревянных мостков и включил какой-то потайной механизм. Порсупах захихикал и довольно звучно рыгнул (стронциевая отрыжка, черт бы ее побрал!), но все-таки остался незамеченным.

Из моря рядом с причалом стало подниматься какое-то огромное тело. Корпус его заслонил собой почти все ночное небо. В носовой части горела горстка блеклых огоньков. Внизу корпуса, длиной в несколько сотен футов, заметно было слабое свечение, переливавшееся всеми цветами радуги.

В одной стороне судна появилось прямоугольное отверстие, откуда зафонтнировал яркий свет. Наружу выдвинулась небольшая платформа, плюхнулась в воду и причалила к мосткам. На нее ступил

высокий гуманоид, рядом с которым стоял большой волосатый чужестранец. Порсупах не смог определить расовой принадлежности последнего. Платформа возратилась к кораблю и исчезла в его утробе.

Порсупах, сильно покачиваясь, отошел от стены и заковылял в том направлении, откуда явился сюда. Три дня, всего три дня! Если так будет продолжаться, то можно и в ящик сыграть... Так что же это было? И было ли это вообще? Звездолеты с двигателями типа КК не имели права приближаться к поверхности Реплера ближе, чем тысячу миль. Всех нарушителей этого закона ждало неизменно строгое наказание!

Суперкрейсеры, оборудованные двигателями КК тем более не могли садиться на планету. И уж ни за что не стали бы они делать этого тайно, для того только, чтобы взять на борт какого-то сантехника, даже ученика сантехника. Нет, все, хватит! Пора завязывать с пьянкой!

Подожди-ка минутку. С пьянкой завязывать? Да это же богохульство! Святотатство! Из-за того только, что какая-то чушь примерещилась?

Да шут с ней! Решив залить баки еще чуть-чуть, Порсупах направился в залитый светом неоновых реклам престижный квартал, где размещались всяческие увеселительные заведения. По дороге енот затянул похабную томианскую балладу.

А за его спиной к звездам бесшумно поднимался огромный космический корабль...

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФЛИНКСА

Глава 1

Если бы не страстная речь пухлого, разовощекого человека со щеткой коротких волос на макушке, сопровождаемая бурной жестикуляцией, вы бы вряд ли обратили на него внимание, поскольку внешность его была весьма заурядна. В иных обстоятельствах пятеро его приятелей, отличающихся друг от друга только цветом кожи и возрастом, показались бы столь же невзрачными. Пожалуй, только одного из них можно было отнести к разряду физически сильных людей. Все они родились на разных планетах, и каждый прожил жизнь по своему. Но в этом не было ничего удивительного, а тем более замечательного.

Зачем собрались они сегодня в этой тесной комнате? Ответ был прост. Сюда их привело Дело, которому они служили со слепым фанатизмом, который подчас бывает тверже эпоксена или дюрасплава. Они свято верили в правоту своего Дела, были убеждены, что правда на их стороне и были готовы пожертвовать ради него своей жизнью.

Вот и сейчас они буквально преобразились, сбросив свои повседневные маски с такой же легкостью, с которой ящерица сбрасывает свою кожу. Они считали себя крестоносцами идеи и были исполнены воодушевлением.

Каждый вносил в Дело свой особый вклад. Тот, кто выступал, давал деньги, сидящий напротив него — силу и ловкость, сидящий рядом — свою врожденную хитрость. И все шестеро дополняли друг друга, горя одной и той же безудержной страстью.

Это были лидеры растущей организации, избранные для того, чтобы определить ее цели и разработать план действий.

Оратора знали в организации под кличкой Паук, которая как нельзя лучше отражала свойства его ума, но не внешность. Когда он говорил о деле, от его кажущегося добродушия не оставалось и следа: глаза буквально вылезали на лоб, а рот кривился в злобной усмешке.

Никто из них не знал настоящих имен друг друга. Так было надежней. Взяв себе клички Флора, Ящерица, Ормега, они позаимствовали их у животного мира и мира растений, которые взялись защищать с таким рвением. Экология стала символом их веры. Они молились ей, не зная колебаний и не задавая вопросов. Их система взаимоотношений, казавшаяся столь неестественной, была для того и создана — чтобы сохранить естественность между видами, которую цивилизация Содружества вознамерилась уничтожить во чтобы то ни стало.

Таковы были их воззрения.

И в них они не были одиноки, чего не скажешь об их методах, где они явно переходили границу разумного. Экология стала их религией, и всех, кто не разделял их веры, они записывали в еретики, которых следовало уничтожать любыми средствами.

Уже несколько лет они терпеливо дожидались своего часа, а тем временем набирались сил и иногда проверяли их, устраивая небольшие провокации и мелкий саботаж. То срывалось производство нежелательной продукции на химическом заводе, то откладывалось на неопределенный срок сооружение космопорта, и все благодаря тому, что при принятии ответственных решений они умело манипулировали голосами, перетягивая их на нужную сторону. В ход пускались любые средства: деньги, убеждения, а иногда и шантаж.

Так поступали они во имя Дела. И при каждом успехе их уверенность в себе крепла, а в организацию вливались новые члены. Это уже не был кружок ненормальных, от которого можно отмахнуться. И для властей они стали проблемой, пусть до поры не очень существенной, но все же приведшей к тому, что труднее стало привлекать в свои ряды прозели-

тов. Убеждать же старых членов в чем-либо не было никакой необходимости.

Что касается численности, то организация достигла своего предела. И теперь могла либо замкнуться в себе, загнивая и разрушаясь, либо совершить рывок вперед.

Настало время превратить Дело в широкое Движение. Чтобы это произошло, необходимо заявить о себе во весь голос перед всем Содружеством, мощно, чтобы это невозможно было проигнорировать и чтобы все увидели, насколько далеко они намерены зайти в отстаивании своих убеждений. Пришло время последнего рывка, который заставит весь мир ахнуть и содрогнуться. Этот шаг даст им всемирное признание, которого они до сих пор избегали, а теперь оно стало им жизненно необходимо. Именно теперь нужно продемонстрировать всю силу и несокрушимую мощь их организации, чтобы число тех, кто готов встать под их знамена, возросло вдвое, а то и втрое. Пришло время доказать, что с их организацией придется считаться.

По этой причине и собрались эти шестеро, скрывающие под кличками свои имена. В той тесной и душной комнате они собирались, чтобы окончательно решить: где, когда и как они заявят о своих намерениях. И хотя у них не было общепризнанного лидера, Паук, наделенный немалым даром красноречия, говорил первым и обычно дольше остальных.

Произнося свои пламенные речи о Деле, Паук становился неотразим. Внутри этого кругленького, пухленького тельца, которое можно было бы назвать ошибкой семейной наследственности, обитала высокая мрачная душа. Ее предки наверняка бродили где-то в застенках первых инквизиторов. Он не знал сомнений и никогда не раскаивался в содеянном, потому что был убежден в верности своих поступков при любых обстоятельствах. Его товарищи внимали ему с уважением, испытывая те же чувства, но не умея с такой же легкостью облечь их в слова.

Нынче стало опасно собираться в одном и том же месте. Против нее в последнее время были проведены некоторые акции, и организация понесла потери. Правда, человеческих жертв пока не было. Но вни-

мание властей к ним было привлечено, и каждый из шестерки добирался до места встречи окольными путями.

Они были уверены, что не вызвали в пути никаких подозрений. Осторожность была их защитой, анонимность — залогом безопасности. Кроме того, никто не знал, на каких планетах организация раскинула свои сети. Правительства хотя и были настойчивы в борьбе с ней, но страдали доверчивостью и неповоротливостью.

Но скоро и это не будет играть никакой роли. Одним стремительным движением на благо матери-природе они по собственной воле сорвут с себя маску секретности, представ перед Содружеством во всей своей мощи. И тогда каждый телеканал, каждое агентство новостей объявят их имена. Этот очистительный жест произведет впечатление на их многочисленных последователей, их ряды пополнятся, и это повергнет нечестивых промышленников на колени. И наступит в этой части Галактики новая эра уважения и любви.

Разумеется, это будет тщательно выверенный шаг, ведь они не только преданы Делу, но и осмотрительны. Все будет самым тщательным образом продумано.

Организация уже всюду пустила свои метастазы, поэтому недостатка в планах не было. Сделать предстояло слишком многое, а вот времени на это оставалось мало. Однако теперь, после столь долгих лет подпольной жизни, трудов и лишений, они могли, наконец, действовать по-настоящему. Отныне правительства, крупные корпорации и потерявшие всякий стыд эксплуататоры всего живого будут иметь дело с ангелом возмездия, который предстанет перед ними в облике их организации.

А если кому-нибудь из них суждено погибнуть? Это их не очень пугало, они давно согласились с тем, что отдать жизнь за правое дело почетно. Да и что может значить жизнь одного человека, когда на карту поставлена чистота и неприкосновенность десятков миров?

Завершая свою речь, Паук кратко обрисовал сложившуюся ситуацию, а затем кивнул Флоре —

женщине, сидевшей справа от него. Она была выше всех находящихся здесь мужчин, за исключением Щепки, который сидел на противоположном конце стола. Ее глаза сияли голубизной, а волосы имели оттенок золотой пряжи. Тело Флоры источало жар, словно раскаленные пески пустыни. Когда мужчины видели ее, их начинали одолевать галлюцинации. Она могла быть звездой, блистать на всех межзвездных телеканалах, пожиная богатство и славу, но подобная ерунда не привлекала ее. По профессии Флора была биологом. Ей был присущ тот же фанатизм, что и всем сидящим за столом — ни один мужчина и ничто другое не интересовало ее так, как Дело.

Когда Флора говорила, ее природная обворожительность несколько смягчала резковатую горячность ее преданности Делу. Первоначально ее красота отпугнула организацию, но ее преданность и военная подготовка, которую она когда-то прошла, помогли преодолеть барьер неприятия. Теперь на нее смотрели так же, как и на любого другого бойца. В одиночку ей удалось убедить правительства двух планет изменить решения по важным для ее товарищей вопросам. Один раз — уговорами, другой раз — шантажом.

И вот теперь она держала в руках кусок ткани сантиметров пяти толщиной и размером с носовой платок.

— Как вы думаете, что это такое? — спросила она. — Это новый продукт, и пока его можно считать предметом роскоши из-за дороговизны. Это последнее и самое гнусное извращение естества ради выгоды.

Ее безупречно очерченный рот скривился от отвращения, отчего красота несколько померкла. Зато был достигнут необходимый эффект.

— Это часом не Сплетение «Вердидион»? — спросила Ормега, вытягивая шею, чтобы получше разглядеть предмет.

Флора хмуро кивнула.

— Этот когда-то неприкосновенный организм из нетронутого, первозданного мира подвергся насильственной генной мутации ради создания невиданно-

го ранее комфорта для кучки толстосумов, — продолжила она. — Правда, уже стало известно о планах снижения себестоимости за счет увеличения объемов выпуска этой продукции.

В ее устах сказанное звучало как богохульство.

— Другими словами, негодяи вынашивают замыслы не ограничивать сбыт пределами той планеты, где этот продукт производят.

— Эта планета как нельзя лучше подходит для наших первых массовых выступлений, — сказал Паук, сложив ручки на животе. — Здесь полностью отсутствуют смягчающие обстоятельства, ведь речь не идет о том, что лабораторные крысы коверкают природу, скажем, злаков, чтобы накормить лишние рты. Налицо злонамеренная попытка манипулировать естественной средой исключительно в целях обогащения. И мы пойдем до конца, чтобы выкорчевать зло. Пусть тогда другие компании этой отрасли трижды призадумаются, прежде чем попытаются сделать нечто подобное на любой другой планете! Как вам хорошо известно, до сих пор наша деятельность ограничивалась отдельными попытками спасти какой-нибудь вид или биоформу. На этот раз, друзья мои, весь мир обратился к нам за спасением и поддержкой. Впервые нам представилась возможность обеспечить будущее целой экологической системы. И теперь мы сжимаем в руке меч, а не скальпель. Да, этот шаг таит в себе опасность и потребует огромных расходов. Любой, кто не желает участвовать в этой акции, может выйти из игры. От этого наше уважение к нему не уменьшится. Если наша разведка принесет необходимую информацию, то наши шансы на успех увеличатся.

— Я, к сожалению, не так хорошо знакома со Сплетением «Вердидион» и его происхождением, — перебила Паука Ормега, вторая женщина в составе совета шести.

Она была невысокого роста, темноволосая и намного старше Флоры. Однако между обеими существовали прочные духовные узы. Они обе были ревностными служителями одной и той же веры. Ормега не завидовала молодости и красоте Флоры,

а та, в свою очередь, уважала опыт и знания старшей подруги.

— Сплетение «Вердидион» — сложный органический механизм. Как и большинство биоформ, зарегистрированных к настоящему моменту на этой планете, имеет высокую способность к адаптации,— принялась объяснять Флора, положив образец на стол. — По своей структуре оно напоминает мох, только более высокоразвитый, чем его родичи на Земле, Ульдоме или любой другой планете с влажным климатом. Первоначально предполагалось, что его реакции чисто пьезоэлектрического порядка, но дальнейшие исследования указывают на более сложную природу. Нам в течение некоторого времени удается перехватывать засекреченную информацию этой фирмы. Так вот, в своем обычном состоянии этот мох абсолютно бесполезен. Но эти бездушные твари, именующие себя исследователями, нашли себе забаву — вмешиваться в структуру его ДНК.

— И во что превратился мох после опытов? — спросил Ящерица.

— В ковер. — Флора выплюнула ответ как кусок гнилого яблока. — В самый обыкновенный ковер.

— Ты хочешь сказать, что теперь по нему будут ходить? — в ужасе прошептала Ормега. — Это по живому-то существу!

— Он может выдержать значительный вес. Хождение по нему, похоже, не причиняет ему особого вреда. Взгляните.

С этими словами Флора положила на пол кусочек живого ковра. Все приподнялись со стульев. Под их взглядами Флора поставила ногу в середину густой поросли. Зелено-рыжие волоски тотчас прилипли к ступням, создавая им дополнительную поддержку.

— Если вы двинетесь в ту или другую сторону, ковер тоже как бы сам по себе сдвинется, подталкивая вас в нужном направлении.

Все тотчас увидели, как шелковистая поверхность ковра, точно колонна муравьев, слегка передвинула ногу Флоры влево. Женщина сошла с живого коврика, и волоски снова замерли неподвижно.

— Этот сложный организм можно выращивать до больших размеров или компоновать его кусочки как угодно в соответствии с размерами комнаты. Нужную ему влагу он поглощает из воздуха. Он лишен фотосинтеза, поэтому ему не нужно постоянное освещение. Когда по нему ходишь, возникает ощущение, что паришь в воздухе. Кроме того, от него исходит слабый аромат цветущей мальвы, — ее голос звенел, как натянутая струна, а голубые глаза горели огнем. — Но разве он создан природой для того, чтобы служить половиком у изнеженных толстосумов!

— В своем естественном состоянии, — вставил Паук, — это Сплетение съеживается при давлении, но отнюдь не приобретает дополнительную упругость. Этот же — отродье дьявола и не имеет права на существование.

Из нагрудного кармана комбинезона Флора достала небольшой пузырек из-под духов и вылила его содержимое на живой коврик. Паук бросил в лужицу небольшую зажигательную капсулу. Мох-мутант вспыхнул и под взглядами умолкнувшей шестерки превратился в обугленную корочку, но никому из присутствовавших и в голову не пришло, что экспонат может испытывать от сожжения гораздо большие мучения, чем от хождения по нему. Но разве это главное? Он же не творение природы, а всего лишь продукт фантазии извращенцев-экспериментаторов. Стоит ли задумываться о его страданиях! Впрочем, с не меньшей легкостью и тоже не задумываясь о чужих страданиях, они уничтожили бы и тех, кто породил этого мутанта. Сплетение, подобно и тем, кому оно было обязано своим появлением, не заслуживало ни сострадания, ни снисхождения.

В комнате некоторое время плавал едкий дым. Еще до того, как он рассеялся, человек, называвшийся Ящерицей, вскочил и принялся говорить.

Он был худ, но не костляв, а лицо его выглядело таким же изможденным, как у Щепки. Внешность он имел довольно заурядную — среднего роста и такого же среднего телосложения. По возрасту Ящерица был младше большинства своих товарищей. Однако эта заурядность делала его самым опасным

среди всех членов группы. Она позволяла ему незаметно растворяться в толпе, заглядывать людям через плечо, не привлекая к себе никакого внимания, и носить личину самой невинной добродетели. Его профессия была не более примечательна, чем внешность. Даже жена не смогла бы заподозрить в нем члена тайной организации. Если бы она узнала об этом, наверняка испугалась бы, ведь она пребывала в убеждении, что компания мужа — не более, чем невинное братство скучающих предпринимателей.

Когда речь заходила о вопросах, тревожащих каждого члена организации, Ящерица преображался на глазах. Его лицо становилось суровым, а под левым глазом начинался нервный тик, увеличивающийся или ослабевающий в зависимости от страстности выступления.

Однако сейчас Ящерица вполне сносно владел своими эмоциями. Раз уж организация решила заявить о себе развращенному человечеству, ей, как никогда, были нужны трезвые головы.

Ящерица был создателем той грандиозной картины, которая сейчас мерцала во всю стену позади стула, на котором восседал Паук. Ни стол, ни стены, ни пол, казалось, не скрывали в себе никакого голографического проектора. В этом проявился еще один талант Ящерицы — умение маскировать приборы в любом интерьере. Ящерица называл это гологенизирующей технологией.

Картина изображала небольшую часть Галактики. И пока шестерка заговорщиков смотрела на нее, она уменьшилась до таких размеров, что в поле зрения остались лишь звезды, составляющие Содружество. Затем перед взорами собравшихся предстала одна-единственная звезда, ничем не примечательная, вокруг которой кружились пять планет.

После того, как видоискатель сосредоточился на третьей планете, перед ними закружилось, подобно балерине не сцене, изображение чужого мира.

Ящерица снова заговорил. Он начал щедро осыпать своих товарищей статистическими выкладками.

Все краем уха слушали выкладки, касающиеся диаметра планеты и ее гравитации. Зато сведения об ее уникальной и почти нетронутой экологической системе вызвали настоящий восторг.

— Это Длинный Тоннель, — говорил Ящерица, указывая на изображение. — До сих пор исследована лишь крохотная часть планеты. Но и этого вполне достаточно, чтобы убедиться, что этот мир таит в себе удивительные природные чудеса. Атмосфера на планете вполне пригодна для дыхания, но климат крайне суров и неприветлив. Здесь так просто не разбежишься.

— Слава Богу, что существуют хотя бы такие утешительные мелочи, — прошептала Ормега.

— К сожалению, таких мелочей очень мало, — нахмурился Ящерица. — Вам известно, что из себя представлют наши общие враги. Если запахло барышами, их не остановит никакая погода.

Ящерица снова привлек внимание своих товарищей к голограмме.

— Пока что там существует только одна колония, по численности не больше экипажа исследовательской станции. — Ящерица водил пальцем, и изображение, послушное его тепловому излучению, менялось. На стене проступил небольшой фрагмент поверхности планеты, над которым толстым слоем клубились облака. — Мы особенно обеспокоены деятельностью одной компании, которая не является филиалом ни одной из крупных торговых фирм, — в глазах Ящерицы блеснул огонь, а в голосе послышались язвительные нотки. — Однако, несмотря на свои небольшие размеры, ей удалось нанести значительный ущерб природе планеты за очень короткий отрезок времени. Доказательством тому служит та прыть, которую они продемонстрировали, выбросив на рынок этот гнусный «Вердидион».

После этих слов все стали возмущенно перешептываться.

— Пока что сфера коммерческого применения этого изделия достаточно ограничена. Но, к сожалению, на рынке нет ничего, даже отдаленно напоминающего Сплетение. Следовательно, по мере роста

известности его потребительских качеств будет увеличиваться и спрос на него. Те, кто заказывает Сплетение, либо не знают, что популярная новинка — плод чьих-то преступных действий, либо им это безразлично. Разве мы собрались бы здесь, если бы речь шла о естественном биологическом организме? Но Сплетение — самый мерзкий продукт из всех известных нам, полученных в ходе незаконных генетических манипуляций. И фирма, создавшая его, только и занята попытками подчинить себе десятки других биоформ, — голос Ящерицы звучал все более страстно, а тик под левым глазом усиливался. — Сплетение «Вердидион» — лишь первый пробный шар в ряду новых чудовищных надругательств над природой. Беззащитные биоформы, населяющие планету, как нельзя лучше подходят для генетических опытов. Те же, для кого бессовестная эксплуатация беззащитных живых организмов стала второй натурой, нашли здесь поистине золотую жилу!

Только сейчас Ящерица сообразил, что сорвался на крик, и поспешил снизить тон.

— Мне уже попадались на глаза некоторые из их заявок на новые биоинженерные продукты, которые они собираются получить путем генных манипуляций с местными биоформами. Большинство этих продуктов — детища одного-единственного блестящего, но извращенного ума. Это глава биоинженерного подразделения фирмы, винтик в ее механизме, которому они, по-моему, вряд ли смогут найти замену. Мастерство в биоинженерии ценится дешево, зато интуиция — на вес золота.

— Этот человек несет ответственность за изготовление живого ковра? — спросил Щепка.

Ящерица кивнул.

— Тогда, мне кажется, всем ясен ход наших дальнейших действий, — произнесла Флора, на которую теперь нельзя было смотреть без содрогания. — Похитив эту конкретную человеческую особь, мы одним ударом решим все проблемы, что и требуется для успешного завершения нашей миссии. А заодно поставим заслон на пути дальнейшего надругательства над природой.

— Таково было и мое намерение. — Паук откинулся на спинку стула и снова сложил на брюшке пухлые ручки. — Планета Длинный Тоннель словно самой природой создана для того, чтобы мы отпраздновали на ней свой маленький дебют. Преступления, совершающиеся там против природы, — самые гнусные из числа им подобных. Однако фирма, которая их совершает, не столь велика и не располагает достаточными связями, чтобы противостоять нам. Кроме того, они нанесли пока что только одну рану планете, которая в остальном остается нетронутой. Эта рана безусловно заживет. Одновременно мы заявим о себе, и пусть это послужит предупреждением нашим врагам. Мы удалим раковую опухоль, пока она не пустила метастазы. Все согласны?

В голосовании не было нужды. Добавить к сказанному тоже было нечего. Правда, некоторые все же одобрительно закивали.

Щепка обернулся к Ящерице. Эти двое были самостоятельными деталями одного механизма. И напоминали своими действиями направляющие ножки насекомого, влекущие все тело вперед, к выбранной цели.

— Я полагаю, ваши люди готовы действовать? — лаконично спросил Щепка.

Ящерица в ответ быстро кивнул.

— Готовы и рвутся в бой. Они долго тренировались и теперь рады показать себя в деле.

— Такая возможность у них будет. — Паук обвел всех задумчивым взглядом. — Довольно скрываться в тени, ограничиваясь манифестами и подсовыванием информации в каналы новостей. Хватит унизженно вымаливать время в эфире у крупных межпланетных телестанций. После событий на Длинном Тоннеле наши имена будут у всех на устах. Все Содружество узнает, кто мы такие. Колеблющиеся примкнут к нам. И тогда мы всерьез сможем приступить к обузданию политики нашего насквозь прогнившего правительства.

Они наверняка подняли бы тост за успех дела, но никто из них не брал в рот спиртного и не употреблял наркотиков. Как можно проповедовать чистоту естественной среды, если сам не можешь содержать

в чистоте собственный организм. Им хватало экстаза от служения Делу и от предвкушения войны против насильников природы.

Существовали и другие организации, исповедующие сходные идеи. Но шестерке было прекрасно известно, что они из себя представляли. Слабые и нерешительные, они мало что могли. Лишь те, кто сейчас сидел вокруг стола, были поистине ударной бригадой будущего экологического джихада.

Ящерица незаметно повел рукой, и голограмма исчезла, словно ее вовсе не было. Все поднялись с мест и стали потихоньку расходиться, тихо, но достаточно возбужденно переговариваясь между собой. Каждый знал свою роль в операции. В успехе не было сомнения.

Жуликоватые промышленные бароны и их прислужники-франкенштейны слишком долго пользовались вседозволенностью и безнаказанностью. Пробил час очистительного удара.

Они еще недолго пошептались приглушенными голосами и исчезли из комнаты. Время научило их терпению, а опыт их требовал осторожности. Выйдя гуськом из невзрачного дома, они кто пешком, а кто на машинах направились к ближайшей остановке. Каждый из них уже обдумывал следующий свой шаг в выполнении своих обязанностей. И никто бы не смог заподозрить *в них членов правящей верхушки* набирающей силу террористической организации.

Глава 2

Хотя на Аляспин прилетали многие, лишь некоторых из них можно было назвать истинными любителями странствий. Большинство прибывающих сюда все же составляли ученые, которых не отпугивал неприветливый климат планеты.

Надо сказать, что на просторах поросшей высокой травой саванны и в подступавших к ней вплотную джунглях погода отличалась редким однообра-

зием. Здесь существовало лишь два сезона— более влажный и менее влажный.

Ученые прибывали сюда для изучения бесчисленных развалин храмов, оставшихся от исчезнувшей высокоразвитой цивилизации, которая была настолько застенчива, что нигде не упомянула своего названия. За неимением лучшего ее назвали Аляспинской. Обширное письменное наследие, оставшееся после нее, повествовало о путешествиях в этой части Вселенной, но в нем практически ничего не говорилось о самой цивилизации. Ее создатели предпочитали жить и работать в весьма примитивных постройках из камня и дерева. Хотя о причинах их исчезновения не было ничего известно, немалое число приверженцев имела теория массового суицида. Могло показаться, будто представители этой загадочной цивилизации, устыдившись собственных достижений, просто-напросто растворились среди других, словно их никогда и не было. Произошло это около семидесяти тысяч лет назад. Предполагают, что они покинули свой родной мир и переселились куда-то. Не решились же они в самом деле на массовый суицид! Где же в этом случае их останки? Но сторонники этой теории утверждали, что у них, возможно, были слишком хрупкие тела, которые кто-то кремировал в джунглях.

Новым теориям не было видно конца. Они еще более сбивали с толку отчаявшихся археологов. Ни одну из них нельзя было доказать, поскольку среди миллионов барельефов и письменных свидетельств, выгравированных с точностью до микрона на небольших кубиках, не нашлось ни одного изображения аляспинца. На них были животные и растения, природа и здания, но отсутствовали те, кто жил в этих зданиях.

Аляспин был одним из тех миров, где транксы чувствовали себя более уверенно, чем их братья по Галактике — люди. Жаркий и влажный климат напоминал транксам о полном испарении воздуха их родной планеты. Крупные стационарные исследовательские центры были постоянно укомплектованы транксами, в то время как люди то и дело менялись. Сразу же после того, как им удавалось

урвать толику сведений, позволяющих выдавить из себя сносную диссертацию, они тотчас возвращались туда, где было посуше и попрохладней.

Планета славилась залежами ценных минералов, и в пограничных районах разведчики недр численно превосходили ученых. Однако многие из тех, кто называл себя разведчиками недр, избегали богатых аллювиальных почв саванны, предпочитая копаться в бесчисленных руинах. Почва здесь была куда легче, а руда более концентрированной, когда-то уже обогащенной. Поскольку археологи и геологи никак не могли поделить между собой старинные развалины, они пребывали в состоянии враждебности друг к другу.

Для серьезных любителей старины эти горе-геологи были не более, чем осквернителями могил, уничтожавшими бесценное наследие этой мало доступной для понимания цивилизации. Наиболее дерзкие и легкомысленные авантюристы не колеблясь сравняли бы с землей любой храм ради находки, на которой хоть как-то можно было нагреть руки. А до того, что после них вся территория становилась непригодной для изучения, им не было никакого дела.

Беднейшие из разведчиков, лишенные финансовой поддержки для своих исследований и держащиеся на плаву только благодаря собственной находчивости, жаловались на все это властям, а те, в свою очередь, всегда стояли на стороне крупных учреждений. Эти жалобщики-бедняки и без того наоткрывали столько храмов и руин, что на их изучение требовались чуть ли не тысячи лет. Разведчики пытались доказать, что каждая новая находка в джунглях увеличивает конечную сумму научных знаний, но их не всегда слушали.

Между этими враждующими группами были «гибриды», признаваемые обеими сторонами. Эти герои-одиночки колесили по планете и были одновременно учеными и разведчиками. В их душах соседствовали, постоянно конфликтуя, жажда знаний и алчность.

Несколько особняком держались те, кто прибыл на Аляспин для того, чтобы попытать счастья иных-

ми путями, удовлетворяя, разумеется, за деньги потребности как ученых, так и рудокопателей.

Далеко не каждый ученый пользовался поддержкой какого-либо общепризнанного исследовательского института. Далеко не каждый геолог гнул спину на крупную компанию или синдикат. Поэтому всегда находились те, кто из-за ограниченности в средствах нуждались в дешевых магазинах и шумных, но недорогих развлечениях. Люди, содержащие такого рода заведения, были единственными, кто по праву мог назвать себя гражданином Аляспина. Они прочно обосновались здесь, в отличие от ученых, которые мечтали о том, чтобы как можно скорее совершить великое открытие, или от разведчиков, даже во сне видящих находку, которую можно причислить к разряду исторических, притаившуюся в ожидании их прихода в каком-нибудь увитом плющом храме или на дне безымянного ручья.

И, наконец, здесь был Флинкс.

Его нельзя было причислить ни к одной из этих групп населения Аляспина. Он прилетел сюда не для того, чтобы разведывать недра или заниматься исследованиями, хотя и изучал досконально все, что попадалось ему на пути. Ученые принимали его за чудака-студента, собирающего материал для диплома. Разведчики недр — за собрата-одиночку. Ведь кто, как не разведчик, мог обзавестись летающим змеем, или минидрагом, который постоянно восседал у Флинкса на плече? Кто еще стал бы избегать мимолетных знакомств и досужих разговоров? Нельзя сказать, чтобы молодой человек сам отпугивал навязчивых собеседников. Одно присутствие его отвратительного и смертоносного питомца заставляло любопытных держаться на расстоянии.

С теми, кто, набравшись смелости, а может быть, по незнанию заводил с ним разговор на улице или в каком-нибудь зале небольшой гостиницы, Флинкс всегда был предельно вежлив. Нет, он не студент. И не геолог. Нет, он не из числа работников какой-либо корпорации из числа обслуживающих планету. По его чистосердечному признанию, он прилетел на Аляспин, чтобы воссоединиться с родиной. Услышав такой ответ, любопытные сразу же спешили ос-

тавить его в покое, оставаясь еще в большем недоумении, чем до того, как обратились к нему с вопросом.

Что касается Флинкса, то ему были дороги все, кого он встречал: и те, кто донимал его вопросами, и те, кто, разглядев на спине минидрага по имени Пип яркие голубые и розовые ромбы, переходил на другую сторону улицы, едва заметив приближение этой странной парочки. Чем старше он становился, тем более завораживающим казался ему мир людей. До недавнего времени незрелость ума мешала ему по-настоящему постичь, каким удивительным организмом является человеческий род.

Транксы тоже представляли для него интерес. Их общественное устройство коренным образом отличалось от человеческого. Но несмотря на все различия жизненных приоритетов и верований, оба эти вида прекрасно уживались друг с другом. И Флинкс постепенно увлекся изучением транксов и людей, невзирая на все их различия. Частично это объяснялось тем, что он постоянно искал кого-то, кто был бы таким же единственным в своем роде, как и он сам. Поиски, впрочем, были безрезультатными.

Об этом всем он и размышлял, размахивая мачете. Это был на удивление примитивный инструмент — всего лишь кусок заостренного металла. В любой лавке Миммисомпо, торгующей снаряжением, можно было купить лазерный резак, но Флинкс предпочитал эту древнюю диковину. Разве может сравниться удовольствие, получаемое от размахивания увесистым лезвием, с каким-то простым нажатием кнопки? Резак работал чисто и бесшумно — нажал кнопку, и води лучом. Работая же мачете, можно было еще и обонять результаты своего труда, вдыхая запах отсеченных зеленых и пурпурных стеблей, побегов и листьев. То, что после себя он оставляет разрушения, не волновало Флинкса, поскольку ему было прекрасно известно, насколько они временные. Не пройдет и недели, как тропа, которую он прокладывал в чащобе, будет задушена новой растительностью, а почва снова лишится солнечного света.

Вокруг высились деревья-гиганты. Флинкс как зачарованный уставился на одно из них. Его ствол,

словно колонны, подпирали мощные корни. Они были увиты эпифитами и усыпаны яркими малиновыми цветами. Возле соцветий, похожих на миниатюрные раструбы, роились крошечные иссиня-черные насекомые. Четырехкрылые родственники земных мотыльков распихивали собратьев, отказываясь дожидаться своей очереди, чтобы набрать нектара.

Менее изысканные создания пытались прокусить ботинки Флинкса, вязнущие в серой грязи, через которую он пробирался. Эти твари учуяли кровь.

Флинкса спасал от гнуса высокочастотный репеллент, пристегнутый к поясному ремню. Кроме того, широкополая шляпа юноши, рубашка с длинным рукавом и брюки были пропитаны сильным отпугивающим составом. Все это пока что исправно спасало его от укусов.

Хотя сам Флинкс и не догадывался об этом, но внешне он вполне был похож на исследователя джунглей былых времен. Эти люди — наверняка не остановились бы даже перед преступлением, лишь бы обзавестись чудесными электронными и химическими средствами этих мерзких аляспинских тварей на приличном расстоянии от них. А вот транксы совершенно не нуждались в подобных средствах. Ну какой кровопийца сумеет прокусить их хитиновый панцирь! Обходились они и без охлаждающей подкладки в брюках. Это и для людей было некоторым излишеством, но создавало немалый комфорт.

Все эти приспособления были ужасно дорогими. Но деньги меньше всего волновали Флинкса. Хотя он и не был сказочно богат, но имел вполне достаточно для финансовой независимости.

Его уши наполнило жужжание. Но присутствие гостей он ощутил еще задолго до того, как услышал гул. Пип, которая до этого покоилась у него на плече, свернувшись калачиком, распрямилась и взмыла в воздух. Снова они пожаловали сюда. Их можно было увидеть справа, между деревьями.

Каждый из них был чуть больше колибри. Сбившись в стайку, они устремились к Флинксу и закружились вокруг его головы. Он ласково улыбнулся им, а затем, повернувшись, зашагал к озеру, которое

обнаружил на топографической карте. Тогда ему показалось, что лучшего места для прощания не сыскать. Но в действительности оно оказалось еще прекраснее. Он увидел это, прорубив себе дорогу сквозь заросли и оказавшись на высоком, крутом берегу.

Было рано. От гладкой, словно зеркало, поверхности озера поднимался туман, в котором очертания деревьев казались нерезкими, словно размытыми. В тусклом золоте солнечных лучей они тянулись к подернутому туманной дымкой светилу, напоминая образы из сновидений.

Просторная гладь озера, казалось, вдохновила необычных спутников Флинкса. Они бросились кружиться над водой вокруг Пип.

Так повторялось изо дня в день. Но все это время Флинкс знал, что расставание не за горами. Он чувствовал такие же эмоции в своей питомице. Пип была эмпатической телепаткой, способной как принимать, так и передавать эмоции хозяину. Полдюжины ее отпрысков, выписывающих сейчас над ней умопомрачительные круги, обладали не меньшим талантом.

Своим появлением на свет они были обязаны этому родному для них миру. Флинкс пришел сюда, чтобы разлучить их с матерью. Он чувствовал, что поступает правильно. Однако определить с уверенностью, в какой степени это решение было продуктом его мозга, а в какой подсказано Пип, он не мог.

Ему было хорошо в компании годовалых малышей, но они росли не по дням, а по часам. Иметь же при себе семь метровых, смертельно ядовитых минидрагов вряд ли было по силам одному человеку. Поэтому Флинкс принял решение вернуть их на родную планету.

На змей они были похожи только на первый взгляд. Даже ксенотаксономисты называли их минидраконами, или минидрагами, хотя на самом деле их ближайшими родственниками были вымершие на Земле динозавры, а точнее — целурозавры.

Стоя на высоком берегу с мачете в руке, Флинкс ощущал их замешательство. От Пип разбегались во все стороны, словно круги по поверхности потрево-

женного пруда, волны материнского отторжения. Постепенно инстинкт взял верх над недостатком понимания. Их круги становились все шире, и Флинкс ощущал, как на глазах ослабевают узы между матерью и ее потомством. Нет, они не обрывались, но теряли свою насыщенность. Это было прекрасное и в то же время печальное зрелище, наполнявшее Флинкса чувством своей правоты и умиротворения.

Он перестал терзать себя вопросом, правильно ли он поступил, приведя их сюда. Минидраги продолжали выделывать коленца и стремительно взмывали над озером. Их удивительно проворные очертания поблескивали радужной чешуей в лучах восходящего солнца. Наконец, один за другим, словно дети, играющие в догонялки, они исчезли среди деревьев на дальнем берегу озера. Теперь детеныши по-настоящему вернулись в тот мир, который даровал им жизнь. Флинкс глубоко вздохнул.

— Слава Богу, дело сделано! — произнес он вслух, зная, что хотя для Пип непонятен смысл его слов, она прекрасно поймет все по его настроению. — Вот и все, старушка! Нам пора назад. Становится жарко.

Пип тотчас метнулась к нему и зависла в метре от его лица. Перед ним мелькнул длинный заостренный язык, после чего она, спланировав, удобно расположилась у него на плечах и шее.

Флинкс позволил себе бросить прощальный взгляд на озеро. Его поверхность по-прежнему была спокойна, как зеркало. Затем он повернулся и зашагал по проложенному в джунглях пути.

Даже если Пип и было грустно расставаться с детьми, она не подавала вида. Флинкс чувствовал в ней одно удовлетворение.

Разумеется, нельзя было с уверенностью утверждать, действительно ли он чувствует то же, что и она. Его особая, врожденная чувствительность была для него постоянной загадкой. Правда, каждый прожитый год приближал его к разгадке ее природы. Но, вообще-то, это походило на поединок с туманом. Какое-то мгновение этот удивительный

талант был ощутим и надежен, *как сталь*, а порой, когда Флинксу его как раз недоставало, от его пресловутой чувствительности ничего не оставалось. Ну, совершенно ничего. Флинкс вывихнул себе мозги, *пытаясь разгадать эту загадку своей природы*.

Медленно ступая по густой грязи, он старался не задевать окружающей его растительности. Здесь, в джунглях, под любым листком могла скрываться какая-нибудь кусачая или ядовитая пакость.

Флинкс постепенно начал проникаться уважением к собственным талантам. Они уже не внушали ему былого страха и отвращения. Но если бы они были более предсказуемыми! Как можно соорудить изгородь, если в тот момент, когда вы приготовились забить гвоздь, топор почему-то валится из ваших рук. Пока что таланты Флинкса приносили ему больше хлопот, чем пользы. Но он должен научиться управляться с ними. Ведь попытку избавиться от них можно было приравнять к членовредительству.

Флинкса захлестывали волны эмоций, и Пип, ощутив их, встрепенулась у него на плече. Флинкс застыл на месте и обернулся, заслышав гул. Прямо перед ним завис годовалый детеныш-минидраг. Флинкс мысленно попытался отогнать его. Змееныш, попятившись метра на два, остановился и вытаращился на Флинкса.

Флинкс знал, что он не первый из людей, кому удалось наладить прочные эмоциональные узы с аляспинскими минидрагами. Существовали бесчисленные рассказы о разведчиках, которые сделали то же самое. Флинкс встретил себе подобного чуть более года назад. И минидраг того парня, по кличке Валтасар, спарился с Пип. Однако Флинксу еще ни разу не доводилось слышать, чтобы кто-нибудь дружил более чем с одним змеем. Один человек — один минидраг. Таково правило. Следовательно, детеныш должен улететь.

— Прочь! Хватит придуриваться! — Флинкс прыгнул на змееныша, размахивая мачете, и отпугнул его еще на метр. — Улетай! Чтобы духу твоего здесь не было. Ты больше не со мной и не с матерью. Пора нам с тобой распрощаться.

И Флинкс принялся отгонять минидрага. А тот, отлетев на пару метров, затаился за спасительной голубой корой ближайшего дерева.

Решительно повернувшись, Флинкс двинулся дальше, но не прошел и двадцати метров, как снова услышал шум. Обернувшись, он увидел, как годовалый малыш быстренько уселся на удобную ветку, плотно прижав к телу перепончатые крылья, а хвостом обвив ствол дерева.

— Да что это с ним такое? — он взглянул на Пип, молчаливо взиравшую на своего нахального отпрыска. — Вот твое чадо, которое не желает покидать гнезда. Что ты с ним собираешься делать?

Флинкс изумился, насколько сложные мысли можно передать с помощью эмоций. Пип не поняла ни слова из сказанного, однако чувства были предельно ясны. Она распустила кольца, расправила крылья и стрелой метнулась к своему надоедливому детенышу. Малыш чуть не свалился с дерева, пытаясь увернуться от атаки своей мамаши. Флинкс наблюдал, как два минидрага замелькали среди ветвей, распугивая притаившуюся в зарослях живность. Та с шумом бросалась от них в разные стороны.

Наконец Пип вернулась, тяжело дыша, и снова уселась на плечи Флинксу. Он немного постоял в ожидании. Прошла минута, прежде чем он услышал знакомый гул. Малыш завис в развилке двух крупных веток. Он явно выбился из сил и не хотел улетать. Почувствовав, что Пип шевельнулась у него на плечах, Флинкс, чтобы успокоить ее, положил руку на шею.

— Полегче? Все в порядке?

Она поняла. Отпрыск Пип тоже уловил эмоции Флинкса и, метнувшись, обвился вокруг его левого запястья.

— Нет, тебе нельзя. Ты меня понял?

Флинкс тряхнул рукой, отбрасывая летучего змея в воздух. Но не успел он и глазом моргнуть, как минидраг снова обвился вокруг него. Этакий ярко раскрашенный браслет с горящими красными глазками.

Флинкс несколько раз пытался стряхнуть детеныша, но каждый раз тот снова оказывался у него на руке, крепко обвив локоть или запястье.

— Какого дьявола я с тобой теперь должен делать?

Если бы летучий змей умел ежиться, после таких слов он бы обязательно это сделал, но поскольку такое было ему не под силу, он просто спрятал голову под крыло.

«Хорошо, черт возьми!» — подумал Флинкс.

Все детеныши Пип были просто загляденье — изящные кожистые фигурки. И каждый из них в своих ядовитых железах нес порцию нейротоксина, способную в считанные минуты уложить на месте дюжину взрослых мужчин.

Эмоциональные волны змееныша были слабыми и нечеткими, как у матери. Привязанность, смущение, одиночество, страх, непонимание — все вперемежку. А так как уровень развития у минидрагов был гораздо ниже, чем у людей, Флинкс не мог с уверенностью сказать, что в действительности чувствовал змей. Этот детеныш был слишком мал даже для годовалого минидрага. Пип, несомненно, колебалась, пытаясь поровну разделить внимание между своим хозяином и отпрыском. Флинкс гадал, как бы она повела себя, вздумай он применить к малышу силу. Если бы он направил на упрямца достаточно злости и раздражения, Пип, скорее всего, помогла бы прогнать детеныша, даже если ради этого ей пришлось бы ранить его.

А поскольку он был мал и, по всей видимости, последний, то неудивительно, что ему не хотелось расставаться с матерью. Но Флинкс не имел ни малейшего желания задерживаться на Аляспине даже на один день больше, чем это было необходимо. Поэтому ему меньше всего хотелось потакать упрямству годовалого детеныша.

Его планы не были связаны с Аляспином, где для него не оставалось ничего нового. Ему хотелось одного — поскорее снова отправиться в дорогу. Куда глаза глядят. И ему совершенно незачем таскать с собой такое беспокойное создание, каким был малыш минидраг.

Флинкс громко вздохнул. Неожиданно до него дошло, что последнее время он стал часто вздыхать.

— Ну что, тебе еще не надоело, дружок? — Крошечная, броско раскрашенная треугольная головка боязливо высунулась из-под крыла. — Нет, так дело не пойдет. Один минидраг — один человек. Эмпатической дружбы между тремя не бывает.

На увещевания Флинкса змееныш не отреагировал. Скорее всего, не дорос еще до понимания таких вещей. Он ведь был поскребыш — какой с него спрос? Флинкс поднял левую руку и взглянул малышу прямо в глаза.

— Что ж, раз ты так вцепился в меня, тебе полагается имя. Пип у нас малышка, а ты тогда кто? Лилипут? Да ты ведь поскребыш у нее, вот так я тебя и буду звать!

Флинкс подумал, что это звучит не слишком привлекательно, но зато точнее не скажешь. Вокруг его запястья сжалось небольшое колечко мышц — то ли змееныш отреагировал на свое имя, то ли просто устроился поудобнее. Что ж, много места малыш не займет, а Пип будет присматривать за ним на борту «Учителя», где было полно всякой живности. Там он почувствует себя как дома.

Теперь, когда от враждебного отношения хозяина к ее отпрыску не осталось и следа, мамаша-драконша расслабилась на шее Флинкса. На своего годовалого малыша она не обращала ни малейшего внимания. Судя по всему, Пип пребывала в уверенности, что до конца выполнила свой материнский долг. И если хозяин не стал прогонять ее детеныша, то уж ей-то это и вовсе ни к чему.

Флинкс больше не думал о своем новом спутнике, когда шагал назад по просеке. Аляспин был враждебным миром. Это было заповедник для различного рода плотоядных и ядовитых организмов, которым было все равно кого поедать, своих или пришлых. И те и другие служили отличной добычей. Флинкс успел убедиться во время своего предыдущего визита сюда, что на Аляспине лучше не рисковать. Это не та планета, где можно, расслабившись, зевать по сторонам. Поэтому он не обращал на Пип и ее

детеныша ни малейшего внимания, а глядя исключительно себе под ноги. Флинкс старался двигаться по своим же следам, которые он оставил, когда прорубал дорогу к озеру. Листья и лианы то и дело задевали его лицо, и Флинкс инстинктивно морщился.

Хотя на других планетах водились джунгли и повраждебнее аляспинских, однако опасностей хватало и в этих. Даже Пип не смогла бы защитить Флинкса от паразитов и едва различимых глазом кровососов.

Флинкс шел, сжимая в руке свое допотопное оружие. По крайней мере, размышлял он, древним хватило ума делать их из титана. Будь это мачете из какого-нибудь другого материала, оно вывернуло бы руки своей тяжестью.

Еще тридцать метров, и он оказался на небольшой поляне, где его поджидал небольшой «ползунок». Флинкс сумел продраться на нем сквозь заросли лишь до этого места. Машина хорошо шла по воде и сквозь джунгли, но здесь плотно стоящие древесные стволы оказались ей не по силам. Поэтому Флинксу пришлось оставить ее и пройти часть пути до озера пешком.

Машина очень походила на больших размеров каноэ из хрома, поставленное на колеса. Крыша была из плексосплава, поделенная в середине на два крыла. Начищенные бока отражали большую часть палящих лучей. Здесь, под пологом леса, это было не столь важно, однако на озере или реке — жизненно необходимо. Армированная решетка надежно защищала машину снизу. «Ползунок» по ширине был чуть больше водительского сидения, что позволяло легко проходить между деревьями, которые не удавалось подмять под себя. По своим размерам это был настоящий гигант, подвижный преобразователь тепловой энергии, способный перевозить своих пассажиров в довольно комфортных условиях по жаркой и влажной земле Аляспина. Флинкс взял его напрокат в Миммисомпо, рассчитавшись кредитной карточкой. И хотя обозначенный на ней счет не был астрономическим, у торговца, сдававшего машину в аренду, вытянулось лицо.

«Ползунок» двигался с помощью двойных гусениц: передних и задних. Он мог нести еще трех пассажиров, размещавшихся друг за другом позади водителя. Но кроме Пип у Флинкса никого не было, и ему не нужна была такая махина. Просто поменьше в тот момент не нашлось, вот и пришлось, пожав плечами, переплатить. На воде «ползунок» оказался сущей находкой — лучше, чем на земле. Судно на воздушной подушке, конечно, было более скороходным, но такого тоже не нашлось, потому что разведчики и ученые постоянно пользовались ими для перевозки грузов или для прогулок с друзьями.

Флинкс приехал на планету с деньгами, но без связей, а в маленьком приграничном городке это было куда эффективнее денег. Поэтому ему ничего не оставалось, как довольствоваться «ползунком».

Впрочем, какая разница? Ему ведь нужно было всего на несколько дней выехать из города, а потом снова вернуться домой.

Так как он уже проложил тропу, на обратную дорогу уйдет в четыре раза меньше времени. Главное — осторожно объезжать побеги, которые «ползунок» не смог сломать по пути сюда. Как только он вновь окажется на реке, течение само понесет его назад. Флинкс не мог дождаться, когда же вновь проведет ночь в гостинице, а не в тесной кабине «ползунка».

Миммисомпо стоял на краю бескрайнего песчаного пляжа. В ясный сезон здесь было приятно и сухо, а в сезон дождей под ногами хлюпала вода. Площадка для приема «шаттлов» располагалась дальше, в глубине материка. Она занимала одно из редких в этой области плоскогорий, которому были нипочем сезонные ливни. Вряд ли кому-либо захотелось попасть туда, чтобы провести отпуск, но в этот момент Флинксу не терпелось вернуться именно туда.

На верхней ступеньке лестницы, встроенной в бок «ползунка», Флинкс остановился и провел по замку магнитным ключом. Услышав щелчок, юноша влез внутрь и ощутил порыв прохладного воздуха. Усевшись на водительское место, он взялся за

переключатель, чтобы закрыть за собой дверь, так как по опыту знал, что забытая Богом глушь может преподносить самые неожиданные сюрпризы, сохраняя при этом безобидный вид. И хотя вероятность того, что кто-нибудь посторонний набредет на «ползунок», была крайне мала, все же она не исключалась, а зрелище дорогого экипажа с дверями нараспашку было искушением, перед которым не устоял бы даже честный разведчик.

В сознании Флинкса уже не было никаких следов от пятерых отлученных от матери змеенышей. Но их бьющий в ноздри запах, который все же не был противным, еще не выветрился из кабины. Однако вскоре установка вторичной очистки воздуха устранит и его.

Прозрачные бока из плексосплава и куполообразная крыша крепились изогнутыми металлическими ребрами. Бегло осмотрев местность, Флинкс начал переключать кнопки. Желтые огоньки на передней панели сменились на зеленые, что означало готовность.

Как и любое чудо техники, «ползунок» в один момент провел самопроверку и заявил о своем техническом здоровье. Покончив с этим, Флинкс слегка повернул рычаг системы очистки и вынул полотенце, чтобы вытереть лицо. При перемене среды без мер предосторожности не обойтись. Но кондиционер, вделанный в комбинезон, поддерживал в прохладе только тело, лицо же оставалось открытым духоте. Пот ручьями лился со щек и со лба, сбегая по шее за воротник. Сильно охлажденный кондиционером, он запросто мог привести к простуде. Впрочем, можно было надеть шлем и полностью изолироваться от местного климата. Но Флинкс почему-то счел это неуместным при прощании с минидрагами и оставил шлем в «ползунке», чем обрек себя на духоту и влажность во время своей недолгой прогулки по джунглям.

Отложив в сторону насквозь промокшее полотенце, он сделал большой глоток охлажденного сока из водительских запасов и завел мотор. Где-то внизу под ним приглушенно запел электропривод. Пип соскользнула с его плеча и устроилась, свернувшись

калачиком, позади Флинкса рядом с сидением. Даже если она и печалилась от разлуки с пятерыми малышами, то не подавала вида.

Дорога, проложенная Флинксом от реки, была хорошо видна. Но шустрые побеги тропической растительности уже боролись за свое место под солнцем на освободившемся от своих предшественников участке почвы. Флинкс резко развернулся, выгнув «ползунок» в дугу. Ему надо было объехать ствол дерева толщиной в добрых три метра. Затем, когда после этого маневра Флинкс повел его через высохшее русло какого-то ручья, «ползунок» прогнулся.

Теперь все. Флинкс, наконец, покончил с делами, ради которых прибыл на Аляспин, и вынужден был задуматься о том, что же ему делать дальше. Сейчас его жизнь уже не назовешь простой. А когда-то она была именно такой. Давно, еще на Мотыльке. Помнится, тогда ему приходилось заботиться только о том, как остаться сухим, как раздобыть чего-нибудь поесть да позволить себе время от времени маленькие удовольствия. Ну и, конечно, выручать матушку Мастифф, когда у той дела шли не лучшим образом. Последние же четыре года перепутали ему все карты. Он повидал и испытал больше, чем большинству людей выпадает за всю их жизнь, не говоря уже о подростках, подобных ему.

— Правда, меня уже не назовешь пацаном, — напомнил себе Флинкс.

Он вырос как физически, так и духовно. Он уже не мог с былой быстротой принимать решения, а суждения его потеряли былую прямолинейность. В девятнадцать он взваливает на себя огромную ответственность, не говоря уже о тех душевных переживаниях, которые автоматически даются в придачу без права отказа.

Главная проблема, связанная с тем, что он многое повидал, заключалась в том, что увиденное, за редким исключением, вызывало одни огорчения. И люди, и транксы разочаровывали его. Слишком многие из них были готовы и даже стремились продать за хорошую мзду как принципы, так и друзей. Даже такие в целом неплохие люди, как торговец Максим

Малайка, только тем и занимались, что выискивали, где бы побольше урвать. Матушка Мастифф была ничем не лучше. Но в ней хотя бы не было лицемерия. Грести под себя деньги, не задумываясь о высоких материях, — это была ее стихия. Флинкс поражался ее прямодушию. Зная ее печальные обстоятельства, можно было подивиться, как это ей удалось сохранить в себе человечность.

А что же получится из него? Пред Флинксом раскинулась целая вереница возможностей. Их было даже в избытке. И он не имел ни малейшего понятия, за которую из них схватиться.

К тому же его сейчас одолевали не одни только фундаментальные вопросы философии и морали. Все более вырастала, например, притягательная и щекотливая проблема взаимоотношений с противоположным полом. А так как последние четыре года Флинкс, главным образом был занят тем, как бы ему остаться в живых, то женщины оставались для него по большей части загадкой.

Впрочем, нет. Их у него было несколько. Давным-давно, еще на родном Мотыльке — прекрасная и сострадательная Лорен Уолдер. Ата Мун, личный пилот Максима Малайки. И еще несколько других, промелькнувших в его жизни подобно вспышкам голубого пламени, оставляя после себя воспоминания, сладким ядом отравлявшие душу и лишавшие покоя. Флинкс обнаружил, что его мучает вопрос, вспоминает ли о нем Лорен. Интересно, работает ли она все в том же отдаленном приюте для рыболовов или подалась куда-нибудь еще, может быть, даже в космические странствия. Она наверняка думает о нем, как о «парне из города».

Флинкс распрямил спину. Тогда он был совсем еще мальцом, к тому же ужасно застенчивым. Возможно, в нем и до сих пор сохранилось что-то мальчишеское, но вот застенчивости поубавилось. Да и внешне он уже далеко не подросток. И как раз это не давало ему покоя. Флинкс опасался любых изменений в своем организме, поскольку не мог с уверенностью сказать, являются ли они результатом естественного развития или же его противоестественного рождения.

Взять, например, рост. Флинкс выяснил, что для большинства молодых людей считается нормальным достичь предела роста к семнадцати-восемнадцати годам. Он же достиг своего предела к пятнадцати, а затем его рост будто заморозили. И вот теперь, совсем неожиданно и неизвестно, по какой причине, он за двенадцать месяцев вытянулся еще на девять сантиметров. И это, похоже, еще не предел. Совершенно внезапно он совершил прыжок от роста ниже среднего к росту выше среднего для мужчины. Это обстоятельство существенно повлияло на его собственное восприятие жизни и на то, как его воспринимают окружающие.

Проблема состояла в том, что ему теперь трудно было оставаться незаметным. Он все меньше ощущал себя подростком и все больше мужчиной. А когда ребенок превращается в мужчину, разве это не означает, что он должен иметь обо всем свое мнение? Но Флинкс обнаружил, что бывают случаи, когда еще более оказывается сбитым с толку, нежели в шестнадцать лет, причем это касалось не одних только женщин.

Уж если кто и имел право на сумятицу в мыслях, так это Филип Линкс, урожденный Флинкс. Вот если бы речь шла о нормальном сознании в нормальной голове! Нет, уж лучше постоянно чувствовать себя сбитым с толку, чем испуганным. Ему пока что удавалось удерживать страх на задворках сознания, в самых темных его уголках. Он был не способен понять, что именно этот страх и эта сумятица в мыслях мешают его общению с представительницами противоположного пола. Он знал только то, что устал.

Вот если бы где-нибудь поблизости оказались Бран-Дзе-Мэлори или же Трузензузекс, чтобы просветить его! Флинкс сильно тосковал по ним, гадая, куда их сейчас занесло, что они замышляют и какие загадки пытаются разгадать их на редкость прозорливые умы. Из того, что ему было известно, можно было достоверно предположить, что их уже нет в живых. При этой мысли Флинкс содрогнулся.

Нет, невозможно. Эти двое бессмертны. Каждый из них — исполин, чьи дух и природный ум слились

в прочнейший сплав, составные части которого дополняли и усиливали друг друга в неразрывном единстве.

«Они имеют право жить, как им хочется, — сказал он себе в тысячный раз, — каждый из них хозяин своей судьбы».

Разве можно требовать от них, чтобы они выкраивали время на обучение какого-то странного юнца не от мира сего, пусть даже показавшегося им забавным.

Привыкший с детства полагаться на самого себя, Флинкс, став взрослым, разумеется, мог действовать только так. Кому, как не ему самому придется искать ответы на вопросы? И кто сказал, что он не справится? Уж ему-то прекрасно известно, что в некоторых вещах превзошел остальных.

«А они неплохо смоделировали меня, эти врачи-пренатологи», — с горечью подумал он.

Горстка самонадеянных мужчин и женщин, для которых ДНК была не более, чем игрушкой. Чего, собственно, они надеялись достичь, создавая его и еще несколько его собратьев по экспериментам с зародышами? Интересно, стали бы они сейчас гордиться им или же их постигло бы разочарование, как это бывало в большинстве случаев? А может быть, он вызвал бы в них одно лишь голое любопытство, не затронув никаких душевных струн?

Все подобные размышления носили чисто умозрительный характер. Ведь его создатели были либо мертвы, либо подверглись удалению памяти.

А тем временем результат их трудов приготовился строить собственную судьбу, стараясь при этом привлекать к себе поменьше внимания и ни от кого не зависеть. К тому времени он уже исколесил изрядную часть Содружества в попытках отыскать своих естественных родителей. Ему удалось установить, что его матери нет в живых, а личность отца была окутана плотной завесой таинственности и всяких домыслов.

В течение нескольких лет желание докопаться до истины гнало его все дальше и дальше. Теперь же это стало ему безразлично. Если и суждено ему когда-либо узнать правду о своих предках, то ее

наверняка придется выуживать из какой-нибудь секретной базы данных, запрятанной подальше от людских глаз. Пора прекратить копаться в прошлом и устремить свой взгляд в будущее, которое наверняка будет ничуть не проще.

И все же Флинкс считал, что ему повезло. Правда, из-за своих непредсказуемых дарований он часто оказывался в переделках, но они же нередко помогали ему выпутываться из сложных ситуаций. А еще ему посчастливилось встретить несколько примечательных личностей: Бран-Дзе-Мэллори и Трузензузекса, Лорен Уолдер и ряд других, чуть менее привлекательных. А еще были уджурриане. Флинкс поймал себя на том, что ему до сих пор интересно, как у них идут дела с прокладкой тоннелей. А раса Аанн с ее бесконечными кознями против транксо-человеческого союза! Они вечно ищут слабое место и, притаившись, наблюдают за действиями Содружества, чтобы в моменты слабости и нерешительности расширить зону собственного влияния.

Мысли Флинкса сбивались в какую-то бесформенную массу, и он ничего не мог с этим поделать. «Ползунок» большей частью шел самостоятельно, поэтому Флинкс, выполнив то, ради чего и явился сюда, мог расслабиться и облегченно вздохнуть. Он легко представил себя этаким таинственным отшельником, какие издавна встречались на торговых векторах. Герой-одиночка, колесящий по просторам Содружества на своем замечательном корабле, построенном для него уджурриянами, и заглядывающий время от времени в самые дальние пограничные места.

«Учитель» — это имя дали кораблю явно не в его честь. И вот парадокс — чем больше он познавал, тем больше ощущал себя недоучкой.

Трузензузекс назвал бы это признаком возрастающей зрелости. Флинкс был учеником, а не учителем. И все вокруг казалось ему достойным изучения: народы и планеты, цивилизации и отдельные личности.

Иногда ему открывались по крупицам величайшие загадки. Абаламахаламатандре оказался вовсе не одиноким представителем некоей древней расы,

а биомеханическим ключом для запуска чудовищного устройства. Или Кранг — супероружие давно канувших в небытие Тар-Айимов, чьи странные механоментальные пертурбации вот уже доже годы эхом отзывались в его мозгу. Как много он уже видел, а сколько миров еще ждали своего часа! А сколько еще предстоит понять!

Да, разум — это тяжкое бремя.

Неожиданно мысли его оборвались. Он отпустил акселератор, и «ползунок» замер на месте. Пип резко вздернула голову, а Поскребыш нервно захлопал крылышками, стоило лишь Флинксу сжать ладонями виски. Приступы головной боли становились все более невыносимыми. Они давно мучили его, но за последний год превратились в постоянного спутника, давая о себе знать несколько раз в месяц.

Вот еще причина, чтобы избегать стабильных отношений. Ведь не исключено, что в самые мрачные моменты жизни он окажется всего-навсего результатом тупикового эксперимента, а Флинксу меньше всего на свете хотелось тащить за собой в бездну кого-нибудь еще. Просто ему повезло продержаться чуть дольше, чем остальным.

Постепенно в глазах Флинкса перестали плясать огненные пятна. Он сделал долгий надрывный вздох и выпрямился. *С ним явно что-то творилось. Какие*-то перемены происходили внутри его черепа, и он был не властен над ними, совсем как диспетчерская башня космопорта, которая не в состоянии перехватить угнанный «шаттл». Может быть, плюнуть ему на прародителей? Мерзавцы! Кто, скажите, дал им право превращать не родившееся дитя в игрушку для генетиков?

Но что поделать? Разве может он прийти в крупное медицинское учреждение и как ни в чем ни бывало потребовать полного освидетельствования, обосновав свою просьбу тем, что якобы является плодом преступного сообщества бесстыдных евгенистов, навечно запятнавших себя несмываемым позором. С другой стороны, Флинкс допускал, что просто предрасположен к головной боли. После такой мысли он попытался улыбнуться. Вот будет смеху, если окажется, что все его страхи беспочвенны, а един-

ственная причина страданий — переход от юношества к зрелости. Это было бы просто здорово, но слишком уж маловероятно.

Обычно приступы головной боли были связаны с резким эмоциональным отстранением от другого человека, но сейчас рядом никого не было. Может быть, голова разболелась просто так? Флинкс бы этому только обрадовался. Ведь иногда даже боль может служить хорошим признаком.

То, что в самой чаще джунглей Флинкс неожиданно оказался на грани эмоционального срыва, лишь еще раз подтверждало хаотичную природу его способностей. Однако Флинкс меньше всего нуждался в подтверждении этого факта. Его попытки обуздать все это при помощи интеллекта мало что меняли. Они лишь служили постоянным напоминанием его ненормальности. Поэтому какие бы старания он ни прикладывал, ему никогда не удастся вести более или менее упорядоченный образ жизни.

Вот если бы он смог научиться управлять своими талантами, направлять их в нужное русло, вызывать к жизни и отключать, словно воду в кране!

— Если бы! — сердито буркнул Флинкс себе под нос. — Если бы я был как все! А я не только другой, но еще и сам себе не хозяин.

Он ощутил на левом плече некоторую тяжесть. Искоса взглянув, он увидел чешуйчатую понимающую мордочку Поскребыша и не смог сдержать улыбки.

— А что прикажешь делать с тобой? Ты ведь наверняка не сможешь найти себе чудака, готового разделить с тобой дружбу. Тебе придется жить в эмоциональной пустоте, довольствуясь тем, что окажется лишним у нас с Пип. Тебе еще кое-что перепадет, а вот твои чувства окажутся никому не нужными.

Интересно, а как живут летучие змеи в естественных условиях? Способны ли они устанавливать эмпатические связи друг с другом? Разумеется, для своих они вряд ли становятся чем-то вроде телепатического передатчика, каким была для него Пип. Флинкс частенько задавался вопросом, а какую пользу извлекает для себя летучий змей из партнер-

ства с человеком? Речь ведь идет не только о физическом контакте.

«А вообще, что мне еще надо?» — подумал он беззлобно.

Однако кто же годится в товарищи самозванцу-бродяге, как не такой же, как он сам? От этих мыслей Флинксу стало легче на душе.

Он знает, что ему делать. Он будет изучать Содружество, летая на своем замечательном корабле, пока ему позволяют время и здоровье. Его имя обрастет легендами — скиталец с летучим змеем на плече. Сегодня он здесь, а завтра уже далеко, незаметно появляется и тихо исчезает, не оставляя после себя ни имени, ни сведений о происхождении, никому не говоря, куда и зачем направляется. Отшельник Содружества. Да, в этом есть своя привлекательность. Эстетика стоицизма.

Лишь одна проблема омрачала избранную им стезю. Флинкс не знал, как ему быть с девушками.

«Кто бы там ни напортачил с моими мозгами, — продолжал он свои мрачные рассуждения, — и перемешал мой генетический код, словно бармен лед в стакане, мои гормоны остались в целости и сохранности».

Целеустремленность и любовный зуд — не слишком удачное сочетание. Собственно, эта проблема испокон веку лежала в основе многих человеческих несчастий.

Может быть, со временем, после терпеливых поисков он сумеет найти сочувствующего хирурга, который, применив все свое умение, избавит его от тяжкого груза препарированной наследственности. Или хотя бы от головных болей. Может быть, после этого в конце концов ему удастся подчинить жизнь собственному контролю. Ведь каких только чудес он не насмотрелся, а некоторые сотворил сам.

Ему очень хотелось только мира, спокойствия и возможности учиться.

Подводя итог своим мыслям, Флинкс ощутил в мозгу знакомую, пропади она пропадом, пульсацию. Нет, на этот раз это была не головная боль, а просто что-то вроде щекотки. Но ощущение тем не менее противное. Его трудно было с чем-нибудь спутать,

ведь Флинкс до этого уже десятки раз испытывал нечто подобное. Оно означало, что кто-то где-то попал в беду.

Пип с Поскребышем тоже что-то уловили. Малыш, словно разъяренный шмель, заметался перед носом Флинкса, то и дело стукаясь о плексосплав стенок.

— Прекрати, убирайся, не мешай мне!

Тыльной стороной ладони Флинкс отогнал детеныша в сторону, забыв, что если годовалый минидраг разозлится, то запросто убьет его в ту же секунду.

Наклонившись вперед, Флинкс пытался разглядеть, что там впереди между деревьями. Джунгли через секунду остались позади, открыв взору песчаный берег реки. Сто метров чистого, слежавшегося серого песка. В сезон дождей он скрывался под водой, а сейчас напоминал лучший из пляжей Новой Ривьеры.

Тем не менее на Аляспине никому бы и в голову не пришло нежиться на этом песочке. Таких райских уголков здесь было тысячи. Они протянулись вдоль берегов многих крупных рек. И любой из них можно было купить буквально за гроши. Только если бы кто-то вздумал позагорать на пляже среди джунглей, сбросив с себя защитный комбинезон, кровососы в считанные секунды обезводили бы его тело, словно губку, выставленную им на развлечение.

Пляж был чист, словно лист бумаги, и пуст. Здесь невозможно нигде укрыться, если не захватить защиту с собой. «Ползунок» мял песок гусеницами. Флинкс без труда вел его по проложенным утром следам.

Мысли Флинкса приняли новый приятный оборот: он планировал перемахнуть не теряя времени из Миммисомпо в Аляспинпорт, где его уже поджидал собственный «шаттл», готовый перенести своего владельца на борт «Учителя», находящегося сейчас на высокой синхронной орбите.

Пип крыльями взлохматила ему голову: летучий змей неожиданно встрепенулся.

— Ну, что там?

В следующее мгновение Флинкс уже изо всей силы налегал на рычаг управления. «Ползунок» резко развернулся, выбросив из-под передних гусениц струю песка.

Глава 3

Перед ним лежал человек. Он был так же неподвижен, как бревна, которые река выбрасывала на берег в сезон дождей. Пока Флинкс выключал мотор, Поскребыш по-прежнему бился в лобовое стекло. Пип поднялась со своего места и пересела на плечо хозяина.

Флинкс, перед тем как спуститься по лестнице, слегка раздвинул куполообразную крышу, впустив внутрь волну жаркого влажного воздуха. По пляжу тянулся узкий след. Нечто подобное оставляет морская черепаха. След вел от воды к ногам распластанной фигуры, указывая путь беглеца. Флинкс окинул взглядом реку. Лодки нигде не было видно. Впрочем, он и не рассчитывал ее увидеть.

Подойдя к телу, Флинкс перевернул человека на спину и неожиданно для себя воскликнул словами из старой телепостановки вагнеровской оперы.

— Да это не мужчина!

Перед ним, разумеется, была не Брунгильда, однако и сам он отнюдь не напоминал Зигфрида.

Несмотря на грязь, кровоподтеки и следы от укусов жуков-миллимитов, в лежащей на песке женщине угадывалась красавица, которая, к счастью, была еще жива. Будь это не так, мозг Флинкса наверняка отреагировал бы иначе. Окажись она мертвой, это избавило бы его от головной боли. Но на какое-то мгновение он оказался даже рад перенесенным мучениям.

Пульс незнакомки едва прощупывался. Ясно, что она находилась в крайней степени упадка сил. След, ведущий от нее к реке, указывал, что она сумела

добраться сюда ползком. Так что мертвой она казалась лишь на первый взгляд.

Флинкс не мог постичь одного — почему на ней только шорты и рубашка с коротким рукавом. Такой наряд хорош для отеля с кондиционером, но в любой другой точке Аляспина мог оказаться смертельным. Ее ноги и руки были испещрены полосами от жуков-миллимитов, а глубокие красные язвочки указывали, что здесь потрудились бурильщики-кровососы. Все это было само по себе неприятно, однако вполне объяснимо. А вот кровоподтеки выглядели куда загадочнее. Такие отметины вряд ли могло оставить плывущее бревно, а на этом отрезке течения не было никаких порогов.

Ее белокурые волосы были коротко острижены, и только сзади за правым ухом был хвостик сантиметров в шесть, оканчивающийся спутанным узелком. Над ушами было выбрито по звезде. Флинкс не мог распознать стиль ее стрижки, поскольку не интересовался модой.

Он ощупал ее одежду из тонкой ткани. Прохладная и совершенно бесполезная против кровожадных аляспинских насекомых. Здесь поневоле напялишь на себя тропический комбинезон или что-нибудь еще, да к тому же еще и в два слоя.

И каким ветром ее занесло сюда?

Скорее всего, какая-нибудь твердолобая туристочка, вознамерившаяся в одиночку изучить эту глушь. Наверное, когда ее машина сломалась, она пыталась идти или плыть вместо того, чтобы оставаться внутри и ждать помощи. Этот вид человеческой глупости редко встречается здесь.

Однако Флинкс тотчас напомнил себе, что она могла подняться вверх по течению в закрытой лодке, и если та затонула, ей ничего не оставалось делать, как плыть или идти пешком. Такой оборот представлялся вполне вероятным. К тому же вода поглотила бы любой сигнал бедствия. Что ж, может быть, она вовсе и не дура. Просто ей не повезло.

Он без труда подхватил ее на руки и понес к ползунку. Однако поместить ее внутрь гораздо сложнее. Она весила не так уж много, но Флинксу пришлось соорудить некое подобие подъемника из

веревок и подтянуть ее вверх руками. И если бы не мускулатура, которую он успел нарастить за последний год, ему бы ни за что не справиться с такой задачей. Пип не мешала ему, а Поскребыш взволнованно носился вокруг обмякшего тела. Он явно недоумевал, как это человеческое существо может быть начисто лишено эмоций.

Четыре пассажирских сиденья раскладывались, и из них получались две кушетки. Флинкс положил женщину в задней части «ползунка», а затем стукнул по кнопке аптечки скорой помощи.

Как и полагалось, у взятой напрокат машины инструкции к ампулам для инъекций были просты и вполне доступны для понимания. Некоторые из ампул казались на вид довольно старыми, но ни у одной срок годности еще не истек.

Проще всего оказалось обработать укусы. Мазь — для ран от миллимитов, йодофтороден — для уничтожения яиц жуков-бурильщиков, которые те откладывают под кожей. Флинкс также под завязку накачал незнакомку универсальным антисептиком и фунгицидом. А так как ни одна из ампул при вскрывании не засветилась, женщина не страдала аллергией к этим лекарствам. Флинкс ввел внутривенный антибиотик, обработал из баллончика ушибы и порезы и выпрямился на сидении, чтобы обозреть свою работу. Кондиционер «ползунка» уже успел заменить душный тропический воздух на приятную свежесть.

Флинкса тревожили синяки, покрывавшие тело и лицо незнакомки. Но он был бессилен улучшить ее внешность. Аптечка «ползунка» предназначалась для неотложной помощи, а не для косметики. И вообще, какая ей разница, если она лежит без сознания. Лучше всего было доставить ее в госпиталь в Аляспинпорте.

Женщину слегка лихорадило. Несмотря на то, что она провела некоторое время в воде, организм ее был сильно обезвожен. Женщина либо остерегалась употреблять вполне пригодную для питья воду из реки, либо была просто не в состоянии пить. Неизвестно также, когда она в последний раз ела. На ощупь желудок и кишечник были пустыми.

Флинкс подождал часок, чтобы лекарства подействовали, а затем ввел ей две ампулы нутриентов широкого действия и витаминов в натриевом растворе. Инъекция питательной смеси поддержит ее силы и позволит внутренним системам начать восстановительные процессы.

Через час его усилия были вознаграждены. Она повернула голову вправо и передвинула руку на несколько сантиметров. Значит, ее нейромышечная система функционирует. Портативный сканер не обнаружил повреждений внутренних органов. Флинкс водил им вдоль тела, и изображение на экране оставалось в пределах розовой зоны «здоровье». Правда, сканер пропищал пару раз, когда Флинкс провел им под самым большим кровоподтеком. Но в этом не было ничего страшного. Вот если бы датчики дали красный или фиолетовый цвет, это означало бы переломы или что-нибудь похуже.

Взглянув на женщину еще раз, Флинкс снова уселся на водительское сидение. Наверняка в Миммисомпо кто-нибудь уже волнуется за нее — родственник, спутник или исследовательская группа. Ему придется выяснить, кто они, и вернуть им спутницу, которую они потеряли.

«А она очень даже симпатичная», — подумал он, включая мотор «ползунка».

Чем дальше он изучал ее ушибы, тем сильнее росла в нем уверенность, что это не результат несчастного случая. Да и наряд ее говорил о том, что она вряд ли принадлежит к числу следопытов-ветеранов нехоженных троп. Флинкс легко представил себе, как она соглашается подвезти какого-нибудь попавшего в переделку бродягу, чтобы в конце концов самой оказаться избитой и брошенной на произвол судьбы. Неприятная картина, но вполне правдоподобная. Если незнакомка стала жертвой чьей-то непорядочности, то все становится на свои места.

Правда, не совсем понятно, зачем грабителю понадобилось избивать ее до полусмерти. Профессионалу достаточно было вырубить ее и вышвырнуть из машины, после чего заграбастать ее вещи. Все остальное сделали бы за него река и джунгли — чистая работа и никаких следов.

Флинкс посмотрел на женщину в зеркало. Синяки беспорядочно покрывали ее тело. Здесь явно чувствовалась опытная рука профессионала-истязателя.

Флинкс хмыкнул. Что, собственно говоря, ему известно? Ведь это могло быть все, что угодно, — от простого несчастного случая до ссоры любовников.

«Ползунок» соскользнул в реку. Гусеницы превратились в гребные колеса. Загудев, ожили компенсаторы плавучести. Отправляясь в джунгли, Флинкс выбрал себе машину, исходя из ее надежности и крепости. А вот теперь, разглядывая свою израненную пассажирку, он пожалел, что не взял напрокат быстроходный «скиммер».

У Флинкса ушло три дня на путешествие вниз по течению, прежде чем из-за изгиба реки показались плавучие доки Миммисомпо. Его пассажирка так и не открыла глаз, хотя уже несколько раз стонала во сне. Ее бессвязное бормотанье ничуть не мешало ему, так как он специально сконцентрировался на эмоциональном состоянии ее подсознания. Как он и ожидал, там было все перемешано — от боли до удовольствия. Благодаря лекарствам в ней еще теплилась жизнь, и организм постепенно начинал залечивать раны.

Пришвартовавшись в Миммисомпо, Флинкс вернул хозяину «ползунок» и вызвал робокэб. Тот доставил их в скромную гостиницу, в которой Флинкс останавливался по прибытии на Аляспин пару недель назад. Управляющий выдал ему ключи без лишних вопросов. Он был прикован к телевизору и даже не взглянул в сторону Флинкса, когда тот явился с бесчувственным женским телом в руках. В Миммисомпо клиенты частенько заселяли и покидали номера именно с таким грузом.

Лифт доставил их на третий, верхний этаж отеля. Флинкс провел электронным ключом через середину замка, подождал, пока устройство считало код, и открыл замок. Первыми внутрь юркнули Пип и Поскребыш. Вслед за ними вошел и Флинкс, закрыв ногой за собой дверь.

Дивясь стройности ее тела, он нежно опустил незнакомку на одну из кроватей. Проверив ее жиз-

ненные показатели, он впервые за много дней позволил себе поблаженствовать в душе. Снова войдя в спальню, он увидел, что та спит все тем же беспробудным сном, что и в «ползунке». Этим утром он использовал последние запасы из аптечки скорой помощи. Завтра он отыщет ее приятелей, а если не сумеет, то хотя бы врача.

Она по-прежнему лежала на постели в тусклом свете, лившемся в комнату сквозь единственное, во всю стену, окно слева от нее. Над головой зеленым глазом горел электронный репеллент, отгонявший кровососов. Эта штуковина готова была отпугнуть любого незваного гостя, сумевшего пробраться внутрь, минуя внешние защитные устройства.

Флинкс, проверив, работает ли электронная «пугалка» над его кроватью, швырнул полотенце на пол и блаженно вытянулся под чистыми прохладными простынями. Обстановка была спартанской, зато сама комната — просторной, сухой и без насекомых. За пределами столичного города Аляспинпорта вряд ли можно было надеяться на нечто большее.

Женщина дышала ровно, и Флинкс перевернулся на бок, глядя на нее. Пип заняла свое излюбленное место у него в ногах, а Поскребыш примостился с ней рядышком.

Даже если кто-то, потеряв от отчаяния голову, сейчас разыскивает ее, все равно ему придется подождать, пока он выспится. Небольшая разница для нее и ее коллег, если, конечно, такие имеются в Миммисомпо. Остальное его просто не волновало. К чему волноваться, если в ногах, словно часовой на посту, устроилась Пип. Засыпая, Флинкс думал, что, по крайней мере, ему удалось совершить доброе дело, не впутываясь при этом в чужие проблемы.

Утро показало, что он ошибся и что все не так просто.

Он проснулся, беззвучно поднялся и собрался выходить. Незнакомка продолжала спать сном младенца.

Одеваясь, он не мог удержаться, чтобы еще разок не взглянуть на нее. Она лежала на боку. Простыни соблазнительными складками завернулись вокруг

ее тела. При утреннем свете она была не просто хороша, она была красавицей.

Флинкс беспрестанно убеждал себя, внимательно рассматривая, как вздымается и опускается ее грудь, что он просто-напросто проверяет ритмичность ее дыхания. Однако трудно кривить душой перед самим собой.

Он бросился вон из комнаты, застегивая на ходу комбинезон. Нет, ей не было больно. После всех антибиотиков, питательных смесей и аналогов эндоморфина, которыми он ее напичкал, боль исключалась. Последнее исследование сканером прошло гладко — он ни разу даже не пискнул. Прекрасная незнакомка быстро возвращалась к жизни, благодаря ресурсам своего организма и его лечению.

«А она крепкая барышня», — подумал Флинкс. Значит, тем более стоит попытаться узнать, с какой стати ее избили, а затем бросили на верную смерть посреди джунглей Ингра.

Это был всего второй визит Флинкса в Миммисомпо, поэтому в городе он ориентировался не очень хорошо. Однако по опыту знал, что не обязательно рыскать повсюду, чтобы найти ответы на интересующие его вопросы. Он знал также, в каких местах лучше всего наводить справки. При этом официальные справочные бюро занимали в его списке последнее место.

Наряд женщины явно не подходил для путешествий, поэтому Флинкс предположил, что в район Ингра она прибыла недавно. Даже начинающие разведчики-старатели или ученые ни за что бы не сунулись на верную смерть в джунгли в таком костюме, в котором ее обнаружил Флинкс. Пусть путешествие проходит в такой надежной машине, как «ползунок», никогда не знаешь, когда придется выйти наружу. А для этого нужны как минимум высокие ботинки, рубашка с длинным рукавом, брюки, репелленты и охлаждающие нити.

Те, кто напал на нее, знали свое дело. Любой человек в джунглях Ингра без машины — мертвец. К тому времени, когда обнаружат ваше тело, местная фауна постарается сделать невозможным опознание, а тем более — определение причины смерти.

Профессионализм нападавших не давал покоя Флинксу. Кровоподтеки виднелись по всему телу. Это наводило на интересную мысль: истязатели были заинтересованы, чтобы она как можно дольше оставалась в сознании. От этого несло садизмом. И очень напоминало допрос. Флинкс встревоженно размышлял об этом по пути в район Набережной.

Увеселительное заведение стояло полупустым. Было еще рановато. В этот час тут собрались водители, грузчики, старатели и один независимый заготовитель тропических пород, которого Флинкс определил по специальному инструменту, болтающемуся на поясе.

Была еще пара транксов, причем чувствовали они себя гораздо непринужденнее, чем их собратья-люди, с которыми они болтали. Поговаривали, что транксы вообще предпочитают человеческое общество. Флинкс прекрасно знал, что такие слухи специально распускали психологи транксов. Даже сейчас, спустя сотни лет после Объединения, все еще встречались отдельные представители человеческого рода, чья инсектофобия нуждалась в медицинском наблюдении и лечении.

Флинксу не было нужды обращать на них особое внимание. Люди и транксы давно уже жили бок о бок, отчего последние больше не воспринимались как инородцы. Походили они на низкорослых людей в блестящих костюмах.

Посетители проявляли почти полное равнодушие к играм и другим увеселениям, которые можно было здесь найти. В глубине двое мужчин без особого интереса палили по движущимся мишеням. Никто, кроме них, не обращал внимания на кошмарных и довольно похожих на настоящих чудовищ, которые выпрыгивали из-за скал, обрушивались вниз с лиан или выскакивали из-под земли, атакуя охотников. В этих фантомов нужно было попасть несколько раз, причем в строго определенную точку, только тогда засчитывалась победа. Предсмертные судороги монстров-мишеней были преувеличенно шумными и драматичными. Собственно, в них и заключался смысл игры. То, что каждый зверь из голограммы реально существовал либо на Аляспине, либо на

каком-нибудь другом мире, делало игру еще более увлекательной. Правда, любой педагог вряд ли назвал бы ее полезной и познавательной.

Сам Флинкс не был охоч до электронных забав. Всего один раз он играл в нечто подобное, и то только из уважения к напарнику. Эти забавы не затрагивали его души. И хотя ему на редкость везло, он оставался безучастным. Свою удачу он относил на счет хороших врожденных рефлексов и не придавал ей особого значения.

В конце игры какой-то шутник передвинул проектор, и с потолка на Флинкса шлепнулась огромная хищная рептилия. Результат получился именно такой, какого добивался шутник. От неожиданности Флинкс испуганно вздрогнул. Пип тотчас заняла оборонительную позицию. Ее в высшей степени сильный яд прожег линзы проектора, причинив тем самым значительный ущерб владельцу заведения. А так как Пип угрожающе зависла над головами посетителей, горе-шутнику пришлось полностью возместить ущерб из своего кармана.

Флинкс направился через весь зал к единственному занятому столику. Человек, сидевший к нему лицом, щеголял удивительными усами, напоминающими велосипедный руль. Они были щедро напомажены, а их заостренные кончики поблескивали, словно стеклянные. Когда человек смеялся, они начинали подрагивать подобно иголкам параксилоскопа. Звали этого человека Джебкоут, а прибыл он с Ульдома, главной планеты транксов, на которой родился и вырос. Вот почему духота и влажность были для него не в диковинку.

Насколько Флинкс мог судить о нем по их мимолетному знакомству несколько недель назад, когда он только прибыл в Миммисомпо, Джебкоут занимался всем понемногу. Если вы обращались к нему с вопросом, то шанс получить ответ был этак пятьдесят на пятьдесят. Однако вероятность получения правдивого ответа была еще меньше. Подружек же Джебкоута Флинкс видел впервые.

Джебкоут, заметив, что Флинкс направляется к их столику, оборвал разговор с дамами, чтобы поприветствовать молодого человека широченной

улыбкой. Одна из женщин сбернулась, с любопытством рассматривая незнакомого ей парня. Ее рост был лишь немногим меньше двух метров. На глазах у дамы были имплантированные линзы, отчего зрачки имели серебристый оттенок.

— Этот мальчишка из твоих знакомых? — спросила она Джебкоута, не сводя с Флинкса глаз.

Флинкс моментально напрягся, но вовремя понял, что она пытается его спровоцировать. На Аляспине было принято проверять чужаков подобным образом.

— Он вовсе не мальчишка, — беззлобно усмехнулся Джебкоут. — Но я бы не сказал также, что он уже мужчина. Откровенно говоря, мне вообще не известно, кто он такой. Однако если ты собираешься повертеться вокруг него, не советую распускать язычок. Он вместо игрушки таскает с собой смерть.

Словно поняв, о ком идет речь, Пип высунула голову из-под воротника Флинкса, а Поскребыш встрепенулся у него на запястье. Женщина мгновенно перевела взгляд с мамаши на змееныша. Флинкс не ощутил в ней ни малейшего страха. Это могло значить одно из двух. Либо эта особа действительно храбра, либо его фирменные таланты на сей раз, провались они, не сработали.

Вторая женщина тоже была велика ростом, но не такая великанша, как ее подруга.

— Ты с ним полегче, Лундамейла. А он даже очень ничего, хотя и немного костляв. — Она рассмеялась резким, отрывистым смехом, и все вокруг тоже осклабились. — Да, если вас обоих поставить боком в дверях, там хватит места для еще одной такой пары. Эй, присоединяйся к нам!

Флинкс покачал головой.

— У меня всего пара вопросов. Я тут был в Ингре, и мне нужно разузнать кое-что о человеке, на которого я там наткнулся.

Услышав это, великанша подняла брови.

— Ты что-то там нашел в этих джунглях? — спросил Джебкоут, пристально разглядывая его.

— То, что искал. — Флинкс заметил, что вырос в глазах этой компании.

Здесь, на Аляспине, не считалось невежливым задавать вопросы незнакомцу, а вот отвечать на них считалось прямо-таки глупостью. Иногда это могло показаться даже чем-то худшим.

— Еще я нашел нечто такое, чего не искал. Ростом сантиметров этак более ста, женского пола, хрупкого сложения, лет двадцати двух — двадцати пяти. Пепельная блондинка со странной стрижкой и голубыми глазами. Не исключено, что недавно она их покрасила. Ужасно симпатичная.

— Как это — симпатичная? — заговорил мужчина, сидевший за этим же столом и до сего момента хранивший молчание. Он был крепкого сложения и широк в плечах, а лицо его заросло многодневной щетиной.

— Ну очень. На ней были только шорты и тонкая рубашка.

— Это в Ингре-то? — великанша состроила гримасу.

— Вся искусана миллимитами и жуками-бурильщиками. — Флинкс в упор рассматривал второго мужчину. — А еще кто-то хорошенько потрудился над ней. Сразу видно, что профессионал.

Улыбку с лица тяжеловеса словно ветром сдуло. Он откинулся на спинку стула.

— Господи, до чего веселая планета! — он повернулся к Джебкоуту. — Это тебе о чем-то говорит?

Джебкоут задумался, и его усы на минуту застыли на месте.

— Даже представить не могу, кого бы понесло на погибель в джунгли в одних шортах и рубашке. Как ее состояние?

— Уже лучше. Я израсходовал на нее все запасы из походной аптечки. Когда я выезжал, она была набита до отказа.

— Еще бы. А иначе пришлось бы подавать в суд на владельца проката. — Джебкоут посмотрел на великаншу. — Лунди, может быть, кого-нибудь припомнишь?

Женщина только покачала головой.

— Нет, подобные красавицы и подобные дуры мне не встречались.

— А ее удостоверение? — спросил Джебкоут.

— Нету. Я проверил. — Флинкс посмотрел на второго мужчину, но тот как-то сразу притих.

Ситуация не располагала к веселью.

— Мы тут поспрашиваем людей. Правда, Блейд?

Подружка великанши с готовностью кивнула.

— Я тоже, — сказал Джебкоут. — Однако я что-то не слышал, чтобы пропадал кто-то из местных. А ты ведь знаешь, с какой скоростью тут распространяются новости.

— Здесь никто не пропадал, — пробормотал второй.

— Никто. Мы бы уже прослышали. А когда ты ее нашел?

— Несколько дней назад, — ответил Флинкс.

— В таком случае, будь она из местных, все бы уже знали об этом. А раз ничего не слышно, она наверняка из вновь прибывших, — предположил Джебкоут.

— И мне так кажется.

— Я знаю одного агента в Аляспинпорте. Если хочешь, позвоню ему и возьму копию списка пассажиров с последней пары «шаттлов» вместе с фотографиями. Мы можем все это пропустить через мой процессор.

— Что ж, из этого может что-нибудь получиться, — с благодарностью согласился Флинкс.

— А вдруг она прибыла частным рейсом? — заметила Блейд.

— Маловероятно.

— Согласна. Но не исключено, — она в упор посмотрела на Флинкса. — В этом случае ее прибытие нигде не отмечено.

— Может быть, и так, — тихо произнес Флинкс. — На это и могли рассчитывать те, кто избил ее до полусмерти.

Женщина вопросительно уставилась на него, затем обернулась к Джебкоуту.

— А ты прав, он вовсе не мальчишка. Ты, наверное, уже много повидал, малыш? — сказала она Флинксу.

— Это точно, детка, — ответил он, но тотчас осекся, однако она лишь одобрительно улыбнулась.

— Ладно, Лунди, нам пора.

Обе женщины поднялись из-за стола. Лундамейла, как каланча, возвышалась над сидевшими за столом мужчинами. Обе дамы притягивали к себе восхищенные взгляды.

— Обещаем, что наведем для тебя справки. А пока нам надо к себе, проверить свою драгу. У нас с Лунди в районе Самберлин есть свой прииск. — Блейд обошла вокруг стола и быстро наклонилась к уху Флинкса. — Если будешь в наших краях, заходи, будем рады. Может быть, даже покажем тебе, как мы с Лунди работаем вместе. Если скажешь, что тебе нужно, мы покажем тебе все — от и до.

— Оставь парня в покое, Блейд. — Джебкоут улыбнулся в усы. — Разве не видишь, он уже покраснел.

— Я не покраснел, — запротестовал Флинкс. — Просто у рыжих всегда красноватая кожа.

— Ну, ладно, ладно.

Лунди прошествовала мимо, и Флинкс явственно ощутил, как его ущипнули за левую ягодицу. Подмигнув напоследок, великанша оставила его в покое и заспешила вслед за подругой.

Флинкс состроил Пип рожицу.

— На меня напали, а тебе хоть бы хны.

Самка минидрага в ответ спокойно посмотрела на него.

— Я сейчас позвоню в одно место, — сказал Джебкоут, кладя обе лапищи на стол.

Для того, чтобы позвонить, ему вовсе не надо было выходить из-за стола. Флинкс смотрел, как он набирает номер по коммутатору, встроенному прямо в столешницу. Интересно, какому ослу пришло в голову завозить сюда пластиковые столы, сымитированные под натуральное дерево, когда в местных джунглях росли тысячи деревьев великолепных твердых пород. Неудивительно, что для транксов их друзья-люди были источником постоянного недоумения.

Джебкоут без умолку трещал в трубку. Наконец он пожал плечами и положил ее на место.

— Я попробовал обзвонить тех, кто всегда в курсе дела, — местную полицию, службу иммиграции,

парочку друзей. За последние два месяца на Аляспин не прилетал ни один человек, соответствующий твоему описанию. И никто не числится в списке без вести пропавших. Конечно, мы все равно можем проверить списки в Аляспинпорте, но я настроен не слишком оптимистично.

— Что ты предложил бы?

— Давай, я свяжусь со своим приятелем в космопорте. Лунди и Блейд разнюхают что да как у себя в глухомани. А в данный момент твоя отлупцованная кем-то приятельница для властей просто не существует. Она — твоя забота.

— Целиком и полностью, — игриво добавил второй мужчина.

— Но я же собирался дальше!

— Снова в полет? — Джебкоут опять попытался выудить из Флинкса информацию. — В твои-то годы, да еще без средств к существованию ты, парень, что-то много путешествуешь.

— Я получил наследство, — пояснил Флинкс.

«Правда, совсем не в том смысле, что ты думаешь», — добавил он про себя.

— Я не могу взять ее с собой, — продолжил он. — В гостинице мне ее оставлять не хочется, у нее нет даже кредитной карточки.

— И что из этого? Владелец гостиницы наверняка будет рад прибрать ее к рукам.

— Черт побери! — опять ввязался в разговор второй. — Раз ты говоришь, что она милашка, я и сам не прочь забрать ее у тебя.

— Хоуви, а не кажется ли тебе, что ты забываешься?

— Что ты имеешь в виду?

— Ты же женат.

Физиономия Хоуви омрачилась.

— И правда, я малость подзабыл.

— Да еще и дети, — безжалостно продолжил Джебкоут.

— Ага, дети, — уныло пробормотал Хоуви.

— Хоуви слишком долго засиделся здесь, в Ингре. — Джебкоут улыбнулся Флинксу. — Нет, дружок, она твоя. Что хочешь, то с ней и делай. Подожди, пока она поправится, и возьми ее с собой.

Или, если желаешь, сбеги от нее. Одним словом, тебе решать. А меня это не касается, — при этом он указал на дремлющих минидрагов. — У меня ведь нет с собой парочки эмпатов-убийц для охраны. А теперь, не обессудь, я займусь другими делами. Если мне удастся что-либо разузнать насчет твоей дамочки, я наведаюсь к тебе. А мы тут с Хоуви обсуждаем, сколько можно заломить за партию экстракта Сангретибарка.

Флинкс промолчал. Вывозить Сангретибарк было запрещено. На некоторых он действовал как мощный афродизиак, в иных случаях вызывал нежелательные побочные эффекты вплоть до остановки сердца.

«Это меня не касается», — подумал Флинкс.

Пока к нему относились нормально, Джебкоут отвечал дружелюбием. В противном случае худшего врага не сыскать.

Флинкс попытался навести справки еще в нескольких местах, однако столь же безуспешно. Никто и слыхом не слыхивал о женщине, похожей на ту, которую он описывал. Всего лишь один раз его вопрос был встречен неприкрытой враждебностью. Дальше слов, правда, дело не зашло. Присутствие Пип неизменно удерживало недругов от решительных действий. Они вынуждены были ограничиваться крепкими выражениями.

В тот день Флинкс вернулся в гостиницу озадаченный и расстроенный. Женщина лежала на спине все там же, где он ее оставил. Глядя на нее, он неожиданно понял, что пока занимался ее ранами, совершенно забыл о ее внешности. Ее до сих покрывал толстый слой грязи. Флинкс затратил не меньше часа на мытье ее лица, рук и ног. Рубцы на ногах, оставленные миллимитами, превратились в тонкие красные царапины, ранки от жуков-бурильщиков тоже затягивались. Кровоподтеки тоже почти прошли.

Он смертельно устал от вылазки в джунгли Ингра и от попыток разузнать что-нибудь об этой женщине, поэтому прилег вздремнуть. Он так бы и проспал, не шелохнувшись, всю ночь, если бы его не разбудил крик.

Глава 4

Моментально вскочив, он завертел головой в разные стороны. Такая же прекрасная, как и во сне, его гостья теперь стояла посреди комнаты, сжимая в правой руке небольшой, но весьма острый нож. Глаза ее горели безумием.

Примерно в паре метров от ее лица зависла Пип, приготовясь к атаке. Поскребыш нервно вился вокруг матери. Судя по всему, беспрестанное мельтешение змееныша испугало женщину куда сильнее, чем угрожающая поза Пип.

Флинкс разглядел это за одну секунду и весьма удивился происходящему. Откуда и с какой стати взялся нож? Почему так всполошилась Пип, если, конечно, нож не был направлен на ее хозяина? Зачем, если это так, понадобилось нападать на него во сне?

В этот момент она заметила, что Флинкс сел на постели. Ее взгляд тотчас метнулся от летучего змея к нему.

— Черт возьми, утихомирьте же их!

Флинкс без труда мысленно выполнил ее просьбу. Пип стрелой метнулась назад, к его кровати.

Дыхание женщины стало ровнее, а рука, сжимавшая нож, опустилась.

— Как это вам удалось?

— Все аляспинские летучие змеи — эмоциональные телепаты. Случается, они завязывают с человеком постоянную дружбу. Пип — моя подружка, она уже взрослая. А малыша зовут Поскребыш.

— Остроумно, ничего не скажешь, — сказала она неуверенно, затем вздрогнула и как-то сникла. — Не представляю, как вам удалось меня найти. И что теперь? Вы опять будете меня избивать? Почему вы тогда не убили меня, чтобы покончить со всем этим? Я ведь ответила на все ваши вопросы.

— Я тебя не избивал. — Флинкс сощурился. — И у меня нет ни малейшего желания тебя убивать. Будь у меня дурные намерения, разве я стал бы латать твои раны?

Она вскинула голову и несколько мгновений изучающе смотрела на него.

— Так ты, выходит, не из них? — неуверенно спросила она.

— Нет, кем бы они ни были.

— Боже мой!

Она глубоко вздохнула. Ноги ее вдруг стали ватными, и чтобы не упасть, она прислонилась к стене. Было слышно, как нож, звякнув, стукнулся о деревянный пол.

Флинкс соскользнул с кровати и направился к ней. Однако, заметив, как она напряглась, остановился. Она все еще не доверяла ему. Что ж, после всего случившегося ее трудно было винить в этом.

— Я не собираюсь делать тебе больно, — медленно произнес он, — я помогу тебе, если сумею.

Она перевела взгляд на летучих змеев, затем наклонилась и подняла нож. Медленно положила его на допотопный комод, который стоял рядом. Избавившись от ножа, она нервно расхохоталась.

— Ничего не могу понять, хоть убей. Ничего из того, что случилось со мной за последние несколько недель. И вообще, если хоть половина из того, что я слышала о минидрагах, правда, то нож против минидрага — бесполезная вещь.

— Не половина, — поправил ее Флинкс, выдерживая дистанцию. — Абсолютно все. Не желаешь ли присесть? Ты провела без сознания несколько дней.

— Когда я была там, мне казалось, что я мертва. За всю свою жизнь я вообще ни в чем не была уверена, а теперь тем более, — она заморгала и попыталась улыбнуться ему. — Спасибо, я сяду.

В комнате стояло кресло, сделанное из склеенных эпоксидной смолой лиан. Под слоем смолы дерево переливалось всеми цветами радуги. Это был единственный ярко раскрашенный предмет мебели во всей комнате. Флинкс присел на край кровати, а Пип примостилась на одной из четырех ее шишек, обвившись вокруг, словно резное украшение. Поскребыш уселся Флинксу на колени, и тот рассеянно поглаживал крошечную головку змееныша.

— Кстати, сколько тебе лет? — спросила женщина, устало повалившись в кресло.

И почему это их так интересует? Нет, чтобы сказать: «Спасибо за то, что спас меня» или «Откуда ты родом?», ну, на худой конец, «Чем ты занимаешься?» Так нет же, обязательно спросят про возраст. А ответ у него на этот вопрос был неизменный уже многие годы.

— Столько, сколько надо. По крайней мере, это не я раздетым лежал среди джунглей на съедение миллимитам. Интересно, как это тебя туда занесло?

— Я сбежала, — она сделала глубокий вдох, словно прохладный воздух гостиничного номера показался ей деликатесом. — Вырвалась от них.

— Мне тоже пришло в голову, что ты не по своей воле оказалась в джунглях. В таком виде туда не ходят. Аляспин не прощает легкомысленных.

— Те люди тоже не из тех, кто прощает. Как, ты говоришь, тебя зовут?

— Я не говорю. Вообще-то, Флинкс.

— Просто Флинкс? — он не ответил, и она слегка улыбнулась. — Что ж, это уже приятно. Ладно, можно подумать, что мне неизвестно, что здесь не принято отвечать на все вопросы.

Флинкс видел, что она пыталась бодриться. Но было ощущение, что она того и гляди начнет обвинять его или расплачется. Но тем не менее он спокойно сидел, поглаживая свернувшегося у него на коленях гада.

— Ты сказала, что сбежала. Я же подумал, что у тебя сломалась машина. А от кого тебе понадобилось сбегать? Полагаю, от тех, кто тебя избил.

Ее рука нервно скользнула по желтоватому следу от синяка под левым плечом.

— Теперь уже почти не болит.

— Я оказал тебе первую помощь, — пояснил он. — Мне уже приходилось заботиться не только о себе, но и о других. Правда, мои ресурсы были столь же ограничены, как и знания. Тебе повезло. Ни переломов, ни внутреннего кровотечения.

— Странно, а у меня было такое чувство, что из моих внутренностей сделали отбивную.

— Кто бы ни приложил к тебе руку, он явно не собирался тебя убивать. Чего они от тебя хотели?

— Информацию. Ответы на вопросы. Я старалась сказать им как можно меньше, но все же пришлось что-то выболтать... Чтобы они сделали передышку. Но я не сказала им всего, что они от меня требовали. Поэтому они продолжали меня избивать. Я сделала вид, что потеряла сознание. Это совсем не трудно. Я успела в этом поднатореть. А потом сбежала. Они держали меня где-то в джунглях. Наступила ночь, и я побежала к реке. Там я нашла обломок бревна и бросилась вниз по течению. Я понятия не имела, сколько оттуда до какого-нибудь места.

— Я обнаружил тебя на песке вдалеке от берега. Ты ползком выбралась из воды.

Она кивнула.

— Мне кажется, я помню, как выпустила бревно. Силы были на исходе. Я знала, что если не выберусь на берег, то наверняка утону.

— Ты сама не поверишь, какое расстояние проползла.

Она стала разглядывать свои руки, повернув ладони вверх. Кожа на них была огрубевшая.

— Ты сказал, что я несколько дней провела без сознания.

Он кивнул.

— Должно быть, ты удачно потрудился надо мной. Не могу сказать, что у меня отличное самочувствие, но мне уже явно лучше.

— Несколько дней отдыха — прекрасное лекарство для любых ран.

— Я проснулась и увидела тебя. Я подумала, что они снова схватили меня, а ты один из них.

На этот раз она не улыбалась.

— У меня с собой был небольшой ножик. Он помещался в ботинке. Благодаря ему мне удалось бежать. С ним бесполезно идти против целой банды, но вот против одного спящего... Я собиралась перерезать тебе горло.

— Пип никогда бы этого не допустила.

— Я это уже поняла. — Женщина посмотрела на спинку кровати, где устроилась летучая дракон-

ша. — Когда она напала на меня, я хотела выскочить за дверь. Но замок заперт с обеих сторон. Вот тогда я и подняла крик. Но никто так и не пришел взглянуть, что же здесь происходит.

— Я запер дверь, потому что терпеть не могу, когда меня ни с того ни с сего будят, — потянувшись за изголовье кровати, Флинкс вытащил оттуда тонкий браслет, затем нажал кнопку на его полированной поверхности. Дверь тихонько щелкнула. — Я обычно ношу с собой собственный замок. Никогда не доверяю чужим. А что до твоего крика, так этим здесь никого не удивишь. Это не то место, где люди привыкли совать нос в дела соседей. Временами трудно бывает сказать, с какой стати кто раскричался. Тебе никогда не приходилось видеть, что из себя представляет тело, изъеденное миллимитами?

Флинкс надел на запястье браслет, а она провела пальцами по едва заметным рубцам и осмотрела свои ноги.

— Вот это?

Флинкс кивнул.

— Миллимиты кормятся подкожно. Сами по себе они не слишком велики, но зато прожорливы и настырны. Они начинают с того, что прогрызают себе путь туда, где мышцы крепятся к костям. Сначала они буравят ноги. Затем, когда жертва уже не может передвигаться, они устраиваются в теле на месяц-другой и лакомятся вволю.

Женщину передернуло.

— Ой, я тут забросала тебя вопросами, спасибо же так и не сказала.

— Сказала. Только что.

— Неужели? — она замигала. — Извини. А мое имя? Я же не сказала, как меня зовут.

•Интересно, как она будет выглядеть, если на эти точеные черты нанести умелой рукой слой косметики?•

Она провела пальцами по светлым, коротко остриженным волосам.

— Меня зовут Клэрити. Клэрити Хельд.

— Рад познакомиться.

Она рассмеялась, на этот раз свободно.

— Неужели? Ведь ты ровным счетом обо мне ничего не знаешь. Может, ты бы вообще не захотел иметь со мной дело, если бы знал поближе.

— Я обнаружил израненное тело человека, брошенное на произвол судьбы посреди джунглей. При таких обстоятельствах я бы поспешил на помощь любому.

— Не сомневаюсь. А теперь, — снова поддела она его, — сколько все же тебе лет?

Он вздохнул.

— Девятнадцать. Но я уже многое повидал на своем веку. А вообще, лучше расскажи мне, что там у тебя случилось. Кто избивал тебя и почему. Зачем тебя насильно держали в плену?

Внезапно она принялась оглядывать комнату, не обращая внимания на его вопросы.

— Здесь есть ванная комната?

Флинкс притормозил свое любопытство и кивнул влево, где виднелось голографическое изображение фонтана.

— Вон там, за ним.

— И там есть настоящая ванна? — в ее голосе чувствовалась напряженность. — Пора возвращаться к нормальной жизни. Одним махом из преисподней — на небеса.

Он кивнул, а она встала и направилась к голографической картине.

— Погоди. Ты ведь еще *не ответила ни на один* из моих вопросов.

— Отвечу. Я скажу тебе все, о чем ты спросишь. В конце концов, я обязана тебе жизнью, — она покосилась на дверь номера. — А ты уверен, что сюда никто не ворвется?

— Уверен. Пусть только попробуют! — он кивнул в сторону Пип.

— Ладно. Потом мне надо подумать, как выбраться с этой планеты. Я уверена, что они все еще меня ищут. А сейчас у меня такое чувство, что я выбралась из выгребной ямы. Если я не отмоюсь, то просто не смогу отвечать на твои вопросы. Сначала ванна, — она улыбнулась сама себе. — На этом нельзя экономить.

Флинкс откинулся на подушку.

— Ну, раз ты настаиваешь. За мной-то никто не гонится, могу и подождать.

— Верно, — задумчиво пробормотала она. — За тобой никто не гонится. А как по-твоему, ты сумеешь помочь мне выбраться отсюда? Хотя бы из этого города. Кстати, как он называется?

— Миммисомпо. Тебя разве не сразу сюда привезли?

— Нет... Сначала меня долго везли на большом скиммере, — она нахмурилась. — По-моему, из Аляспинпорта. Меня накачали наркотиками и погрузили в скиммер. Я почти ничего не соображала, не считая тех моментов, когда меня приводили в чувство для допросов. Я объясню тебе все, что смогу, расскажу все, что помню. Но попозже. Вершина моих желаний — ванна.

— Валяй, наслаждайся, сколько тебе угодно. А я присмотрю за дверью.

Она шагнула к нему, а затем, словно передумав, сказала:

— Как хорошо, что у меня появился друг.

Быстрый поворот, и она исчезла за голографией, которая отделяла ванную от остального помещения. Пройдя сквозь картинку, она автоматически выключила изображение, но не удосужилась возобновить его. Мысли у нее были заняты одним — ванной. Несколько мгновений спустя до Флинкса донесся звук льющейся воды.

Положив руки за голову, Флинкс откинулся на постели, глядя в потолок. Странно. Любой на его месте наверняка бы подумал, что она уже достаточно накупалась в реке. Та особая страсть, которую весь женский пол питает к горячей воде, была для Флинкса совершенно непонятна.

Перевернувшись на бок и слегка потянувшись, он увидел, что она сидит на краю ромбовидной ванны, легонько намыливая себя губкой. Не зная ее происхождения, социального статуса, привычек, Флинкс не мог определить степень ее стыдливости. Неожиданно она подняла глаза и, заметив на себе его взгляд, улыбнулась. В этой улыбке не было ни попытки обольстить его, ни насмешки. Самая обыкновенная, полная радости улыбка. Однако Флинкс

в замешательстве отвернулся. И рассердился на самого себя.

Пип тоже с любопытством поглядывала на женщину. А Поскребыш принялся изучать ворох простыней, где только что спала Клэрити.

Вот она поднялась из ванны и стала вытираться. На этот раз, чтобы насладиться картиной, Флинксу не пришлось подтягиваться. И он демонстративно не стал отворачиваться.

— Это было блаженство! — сказала Клэрити.

Судя по всему, то общество, в котором она получила воспитание, не накладывало табу на обнаженное тело. Что ж, весьма интересная особенность в развитии некоей, пока неизвестной ему культуры.

Она что-то тихонько напевала себе под нос, слегка фальшивя, а затем, без намека на какую-либо стыдливость, отложила в сторону полотенце и принялась вытаскивать свою одежду из стирального автомата.

«Я разговаривал с мудрейшими мужами Содружества, — размышлял про себя Флинкс, — я разговаривал с промышленными магнатами и капитанами военных судов иных цивилизаций. Я один сумел установить контакт с тысячелетним искусственным разумом, в то время, когда другие были бессильны. Мне удавалось сохранять присутствие духа перед силами зла как в человечьем, так и в иных обличьях. Так почему же сейчас, черт возьми, я не в состоянии завязать самый обыкновенный разговор с представительницей противоположного пола моей же расы, а вместо этого теряюсь на каждом слове?»

Он не имел ни малейшего понятия, с чего начинать. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы она прониклась к нему столь великой благодарностью, что забыла бы, сколько ему лет, и воспринимала его как мужчину. Он желал околдовать ее, успокоить, произвести на нее впечатление своей находчивостью и остротой ума, развеять ее страхи и обострить ее чувства.

— Ну теперь, после ванны, тебе лучше? — спросил он после долгого раздумья.

— Намного. Спасибо.

Она сушила волосы, встряхивая головой, чтобы распушить короткий белокурый ежик, а тонкий хвостик подскакивал у нее за ухом, словно игрушка для котенка.

«Интересно, — подумал Флинкс, — кто сделал ей операцию по смене спектра цвета глаз? Ведь этот бирюзовый оттенок явно не врожденный».

— Если ты снова собираешься путешествовать, тебе придется поискать себе более подходящий наряд.

— Не волнуйся. Единственное, чего бы я желала, так это отправиться в космопорт. А оттуда, если ты мне поможешь, я прямиком отправлюсь на орбиту, — она кивнула в сторону окна, и в ее голосе вновь зазвучали нотки страха. — Ведь они уже бродят там, ломая голову, как это мне удалось сбежать. Ты сказал, что пока я ползла по пляжу, к которому меня вынесла река, то оставила за собой длинный след. Они наверняка уже обнаружили его. И поняли, что я жива.

— Но я же не знал, что тебя похитили. Поэтому я не видел необходимости уничтожать его. Но не волнуйся. Даже если они обнаружат его и правильно истолкуют, им прежде всего придется прочесать прилегающую местность тепловым сенсором и процессором образов.

— И тогда они наткнутся на отпечатки твоего «ползунка» и решат, что меня наверняка кто-то подобрал.

— Но сначала им нужно обнаружить то место, где ты пришла в себя, — резонно заметил Флинкс. — А теперь — как насчет того, чтобы рассказать, кто ты такая и чем ты так заинтересовала своих людей?

Клэрити направилась к окну. Пройдя полпути, она передумала и не стала выставлять себя на обозрение тех, кто мог увидеть ее снаружи. Она повернулась к комоду и заговорила:

— Мое имя ты уже знаешь, теперь другое. Я — шеф одного из подразделений набирающего силу предприятия. Эти фанатики выбрали меня, потому что мой талант уникален.

На мгновение Флинкс оцепенел, но потом ему стало ясно, что она говорит о каком-то ином виде таланта, а не о том, о котором подумал он.

— Для человека моего возраста, только вступающего в жизнь, это крупная удача. Под моим началом работают более десятка специалистов, в большинстве своем старше меня. Мне принадлежит определенная доля доходов. Еще работая над диссертацией, я знала, что у меня в этой области получается лучше, чем у других. Поэтому мне сделали солидное предложение, и я с радостью приняла его.

— А ты высокого мнения о себе.

Он попытался произнести эти слова так, чтобы они не прозвучали как осуждение. Но, похоже, это ее совершенно не волновало.

— Я доказала это в лаборатории, — она не выбирала слова, говоря на излюбленную тему. — Это просто потрясающе. Мне всегда хотелось быть в первых рядах. Разумеется, с моими талантами я могла бы зарабатывать кучу денег где-нибудь еще. Ну, например, разрабатывая косметику на Новой Ривьере или на Терре. Понимаешь, у меня была возможность слетать на Амропулос и поработать там с транксами. Ведь они до сих пор превосходят людей в том, что касается микроманипуляций. Кое-что из их трудов больше похоже на искусство, нежели на науку. Но я не переношу духоту и влажность. А те, что похитили меня, — худшие из экстремистов, которых только можно представить себе. Я уже слышала о них раньше. Ведь хочешь не хочешь, а приходится читать новости. Однако мне казалось, что они ничем не отличаются от полусотни других групп со схожими целями. Еще одно доказательство того, как мало мы знаем. Там был один парень. Он носил оболочку. Ну, такую радужную, как телезвезды.

— Симпатичный, — с чувством отозвался Флинкс. — Продолжай.

— Мы с ним до этого несколько раз встречались. Он мне сказал, что работает в управлении космопорта. Но раньше я его там не видела. Он не мог пройти ко мне через нашу пропускную службу, поэтому мы встречались с ним за пределами лаборатории. Мне

казалось, что я уже почти влюбилась в него. Он как-то раз предложил мне прогуляться ночью с внешней стороны. Там, наверху, все тихо и спокойно. И я, не раздумывая, согласилась.

После непродолжительного молчания она снова заговорила:

— Попробуй понять. Там, где я работала, с точки зрения интеллекта все было просто восхитительно. Но что касается развлечений — тоска смертная. Почти все вокруг меня были старше по возрасту, и, откровенно говоря, там не на кого было смотреть. Ты же знаешь, что физическая привлекательность до сих пор играет важную роль в личных отношениях.

Флинкса не радовало русло их разговора, однако сказать ему было нечего.

Она пожала плечами.

— По-моему, он чем-то опоил меня. Понимаешь, я знала, что буду говорить до тех пор, пока не выболтаю всего, что знаю. Не было сомнений и насчет того, что произойдет, когда я отвечу на их последний вопрос. Однажды я представила себе, как это будет, и бросилась в бега. Была темнотища, меня то и дело кусали и жалили какие-то твари. Я прибежала к реке, нашла себе подходящее бревно и поплыла на нем вниз по течению. Мне трудно было представить себе, где я и куда плыву. Было одно только желание — подальше унести ноги.

— Тебе повезло, что ты сумела добраться до реки, — хмуро заметил Флинкс. — Здесь на Аляскине полно ночных хищников. С насекомыми ты уже познакомилась.

Она машинально почесала ногу.

— А потом я проснулась здесь, подумала, что снова попала к ним в лапы, и решила тебя убить. Теперь, приняв ванну, я чувствую себя в тысячу раз лучше, чем в последний раз, когда я была в сознании. Ты непременно должен помочь мне бежать отсюда. Мне нужно к своим. Уверена, что они тоже разыскивают меня, но только не здесь. Ведь меня не просто ценили как друга, я незаменима в работе. Не сомневаюсь, что тому, кто отыщет меня, обещано

вознаграждение. Насколько мне известно, в подобных ситуациях всегда так поступают.

— Деньги меня интересуют меньше всего.

— Неужели? Ты что, уже настолько богат? Это в твои-то годы?

Он предпочел пропустить язвительную реплику мимо ушей.

— Я получил наследство. Мне хватает. А скажика лучше мне, за что тебя так ценят?

Она нервно улыбнулась.

— Я генный инженер. Собственно, я лучший у них генный инженер.

На лице Флинкса не дрогнул ни один мускул. Но Пип и без того мгновенно среагировала на бурю его эмоций. Драконша, подпрыгнув со своего насеста, резко опустилась на кровать. Флинкс отвернулся, раздумывая о том, насколько удалось ему скрыть свою реакцию. Судя по всему, не совсем.

— Какая муха укусила твою питомицу? Что с ней? Я что-то не так сказала, обидела тебя?

— Да нет, ничего, — говоря это, он чувствовал, что его ложь видна даже невооруженным глазом. — Просто когда-то давно один из моих близких знакомых попал в беду из-за генных опытов. Старая история, теперь уже все в порядке.

И Флинкс спешно вытащил на свет свою фирменную ребячливую улыбку, которая столько раз выручала его еще в годы воровства.

Однако Клэрити оказалась либо более наблюдательной, либо более зрелой духовно, чем он предполагал. Она шагнула к нему, и на лице ее была видна неподдельная озабоченность.

— Ты уверен, что все в порядке? Я ведь не могу переделать себя.

— Это не имеет к тебе ни малейшего отношения. Те события произошли, когда тебя еще не было на свете, — он улыбнулся кривой и вымученной улыбкой. — Меня тоже еще не было. Вот так.

«Нас обоих еще не было. Тогда Общество приступило к экспериментам. А когда тебе исполнилось несколько лет, у них родилась идея эксперимента под кодовым названием «Филип Линкс». Они принялись перемешивать ДНК, словно салат в миске.

Конечно, ничего об этом я рассказать не могу ни тебе, ни кому бы то ни было на свете. Правда, хотелось бы знать, как бы ты оценила меня, случись тебе самой догадаться, кто я такой. Как по-твоему, я удачный результат? Или нет?»

Разумеется, от этого была бы польза, будь он ученым. Но он провел свое детство в воришках, и теперь трудно сказать, какая стезя поможет ему лучше разобраться в тайнах своего происхождения.

Ее рука легла ему на плечо. Он сперва напрягся, а потом расслабился. Пальцы Клэрити, нежно массируя, погрузились в его мышцы.

«Болит-то глубже, чем ты можешь достать», — подумал он, глядя на нее.

— Флинкс, а ты случайно не боишься меня?

— Тебя? Ну ты сказала! А кто тебя полумертвую вытащил из джунглей? Ты что, забыла?

— Да нет, я благодарна тебе. Я ведь тебе обязана жизнью. Но ведь ты же поможешь мне сбежать с Аляспина, прежде чем меня обнаружат снова, правда? Эти безумцы ужасно хитрые. У них особый нюх. Берусь утверждать, что они хитрее тебя. Вообще, в тебе есть что-то такое... Обычно я сразу определяю, что за человек передо мной. Ты же для меня — неразрешимая загадка. С виду ты похож на длинного, неуклюжего подростка, но глядя на тебя, я бы сказала, что ты уже многое повидал.

«Повидал? — он мысленно улыбнулся. — Еще бы. Здесь ты попала в точку, крошка-инженер. Я летал в Мертвую Зону и по окраинам Содружества. Я совершал такое, о чем большинство людей могут только мечтать, а некоторые вообще не могут даже представить. Повидал — уж это точно!»

Он снова отвернулся от нее. Теперь она плотнее прижималась к нему, и он спиной ощущал ее грудь. Ее руки изящным змеевидным движением скользнули вокруг его талии. Клэрити принялась самым бессовестным образом демонстрировать ему, насколько велика ее благодарность и каким образом она могла ее проявить.

Не отдавая себе отчета, он резко вырвался из кольца ее рук и обернулся, глядя ей прямо в глаза. На ее лице читалась обида, а в голосе — неподдель-

ная тревога. От этого ее слова прозвучали несколько жестче.

— Что-нибудь не так?

— Я еще не настолько хорошо тебя знаю, чтобы ты мне нравилась такой. По крайней мере, сознательно.

— Я тебе больше нравилась без сознания?

— Я не это имел в виду. Ты это прекрасно знаешь. Но пора сменить предмет разговора. Если ты считаешь, что тебе до сих пор что-то грозит, следует доложить об этом властям.

— Я же тебе сказала, что у них повсюду шпионы. Именно таким образом им удалось подобраться ко мне. Стоит только обмолвиться обо мне не с тем человеком, и они снова схватят меня. А тебя, скорее всего, убьют, чтобы не болтал лишнего.

— Тебя бы это огорчило?

— Представь себе, да, — она смотрела ему прямо в глаза, кокетливо наклонив голову. — Странный из тебя спаситель, Флинкс. И мне бы ужасно хотелось выяснить, насколько. Неужели ты не находишь меня привлекательной?

Флинкс сглотнул комок в горле. Как всегда, он намеревался не выпустить ситуацию из-под контроля, и, как всегда, ему это не удавалось.

— На редкость привлекательной, — наконец сумел выдавить он.

— Это уже меняет дело. Ой!

Клэрити вздрогнула. Ни с того ни с сего ей на плечо сел Поскребыш. Змееныш, однако, не сумел устроиться там колечком и вместо этого плотно обвился хвостом вокруг густого белокурого хвостика за ее ухом.

— Его зовут Поскребыш. По-моему, ты ему нравишься.

— Рада познакомиться, — она наклонила голову, разглядывая миниатюрный инструмент смерти, уютно устроившийся у нее на плече. — А откуда ты знаешь, что я ему нравлюсь?

— Потому что еще жива.

— Понятно, — она надула губы. — Ты сказал, его зовут Поскребыш?

Услышав свое имя, змееныш слегка приподнял голову.

— Тебе известно, что у них есть склонность к устойчивым связям? Они устанавливают тесный эмоциональный контакт с человеком, к которому чувствуют расположение. Он не раздражает тебя?

— Я ведь генный инженер. Никто из живых существ не раздражает меня, кроме тех, кого я не могу видеть невооруженным глазом.

«Интересно, а что бы ты сказала обо мне, если бы знала мою историю?» — подумал он.

— Они телепаты на эмоциональном уровне. Ему известно, какие чувства ты испытываешь. И если он выбрал тебя в партнеры, то можешь быть уверена в том, что на свете не сыскать более преданного товарища и надежного защитника. Мы с Пип существуем бок о бок всю мою жизнь. И у меня ни разу, за исключением пары случаев, не возникло повода сожалеть об этом.

— А как долго они живут?

Клэрити поглаживала голову змееныша, увидев, как это делает Флинкс.

— Кто знает? Они не часто встречаются здесь, на Аляспине, а за его пределами практически не известны. Это не то место, где природу можно изучать без опаски. Тем более, когда речь идет о летучих змеях. Пип была взрослой, когда я нашел ее. Думаю, ей около семнадцати лет. Для рептилий это преклонный возраст, но ведь летучий змей — не рептилия.

— Точно. Я чувствую, какой он теплый, — она улыбнулась своему новому дружку. — Что ж, пожалуйста, можешь оставаться здесь, если тебе хочется.

Ему действительно хотелось. Флинкс это кожей чувствовал. Ему тоже кое-чего хотелось. Он даже представил, как заключает ее в объятья и крепко целует.

Тяжело вздохнув, Флинкс снова уселся на кровать. Он был большой спец по подобным сценариям, но как только доходило до дела, куда только девались его таланты. Он нервно сплел пальцы.

— Я же сказал, что помогу тебе. С чего бы ты хотела начать?

— Мне надо вернуться к моим коллегам. Уверена, что сейчас они уже голову потеряли от беспокойства. Насколько мне известно, ни одна живая душа не ведает, что случилось со мной. Они наверняка сходят с ума.

— Скучают по тебе, как милейшей барышне, или же ты — незаменимый винтик в механизме их исследований?

— И то и другое, — не моргнув глазом, заверила его Клэрити. — Но теперь речь идет не только обо мне одной. Судя по их вопросам, эти фанатики хотят сорвать целиком весь проект. Похитив меня, они замедлили ход исследований, а кроме того, разжились кое-какой полезной информацией.

— Ты уж меня прости, но, глядя на тебя, ни за что не скажешь, что ты — такая важная персона.

По ее лицу было видно, что она задета. Но скоро ей стало ясно, что он ее просто поддразнивает.

— Думай, как хочешь. Но давай лучше договоримся: я больше не буду комментировать твой возраст, а ты — мой.

— Это уже лучше.

— Мне надо как можно скорее вернуться. В мое отсутствие исследования наверняка замедлились. Меня можно считать генератором идей всего проекта. Ко мне приходят, когда *не знают, что делать* дальше, когда *надо по-новому взглянуть на привычные* вещи. Я не занимаюсь обычным *проектированием*. Я следую собственной интуиции там, где остальные идут дедуктивным путем, — она говорила об этом как о чем-то само собой разумеющемся, и Флинкс понял, что она не хвастается, а просто констатирует факт. — Без меня у них рано или поздно все застопорится, если уже не застопорилось. Ты просто подбрось меня до Аляспинпорта, а там мы решим, что делать дальше. По-моему, мне следует как-то замаскироваться. Если они меня ищут, то на взлетно-посадочной полосе их будет как блох на собаке... или как ты там называл эту гадость, что исполосовала мне ноги?

— Жуки-миллимиты, в основном.

Флинкс уставился на ее бедра. Оторвав взгляд, он увидел, что она широко улыбается ему.

— Ну как, понравилось?

Он притворился, будто ему все равно.

— Ноги красивые, укусы ужасные.

— Может быть, мне не следует пытаться попасть на первый же корабль. Готова поспорить, что Аляспин принимает не слишком много гостей. — Было видно, что она ведет дискуссию сама с собой. — Но если я не попробую улететь следующим рейсом, то наверняка могу застрять на несколько недель, пока на орбите не появится новый лайнер. Следовательно, у них появится время, чтобы снова расставить мне сети. Поэтому полагаю, что мне все же следует попытаться проскользнуть на борт первого же «шаттла», даже если космопорт находится под их неусыпным наблюдением.

И, словно вспомнив, что она не одна, Клэрити снова посмотрела на Флинкса.

— Как я понимаю, у тебя нет знакомых в Планетарной Администрации?

— Здесь нет никакой администрации. Это пограничная планета класса 8-Н. Здесь находятся назначенный Содружеством губернатор и подразделение миротворческих сил. Вот и все. Веселое местечко, делай, что хочешь.

— Ничего страшного, — твердым тоном произнесла она. — Мне необходимо попытаться первым же рейсом покинуть планету. Но не только, чтобы спасти себя. Я обязана предупредить своих коллег.

— Аляспин подключен к Глубокой Связи. Насколько я понимаю, разведчики платят за это из своего кармана. Почему бы тебе не попытаться связаться со своими?

Клэрити покачала головой.

— Там, где я работаю, нет принимающей станции.

— Почему бы не попробовать передать послание на ближайшую планету, где есть станция, а дальше отправить курьера?

— Трудно сказать. Вполне возможно, что они не спускают глаз с передающей станции. К тому же перехватить курьера с посланием для них — пара пустяков. И я никогда не узнаю, дошло сообщение

до места или нет. Не стоит недооценивать этих людей, Флинкс. Я бы не удивилась, если бы мне сказали, что они просвечивают каждое место багажа, который проходит через Аляспинпорт. Уж они-то знали, как незаметно протащить меня через контроль. Теперь же наверняка постараются, чтобы отсюда не выскользнула даже мышь.

— Похоже на то, что выбора у тебя не остается.

— Судя по всему — да, никакого, — ее голос звучал еле слышно, она смотрела на него в упор. — Ты сказал, что поможешь мне. Я просила тебя что-нибудь придумать. И теперь прошу снова. Мы могли бы дать кому-нибудь взятку, чтобы проскочить мимо контроля. Что ты на это скажешь?

— Здесь не слишком много народу, поэтому не надейся затеряться в толпе, — он тихонько кашлянул в кулак. — Но одна возможность все-таки есть. Я мог бы сам доставить тебя домой.

Она сделала удивленное лицо.

— Я не совсем понимаю. Ты хочешь сказать, что готов лететь со мной вроде бы как со своей супругой? Под вымышленным именем? Может, мне стоит загримироваться?

— Не совсем так. Я хочу сказать, что действительно могу сам отвезти тебя обратно. Видишь ли, у меня собственный корабль.

Наступила долгая пауза. Чувствуя себя неловко под ее пристальным взглядом, он заерзал на месте.

— У тебя свой собственный корабль? Ты хочешь сказать, что оставил его на орбите и теперь поджидаешь остальной экипаж? Ты это хочешь сказать? Это какое-нибудь грузовое судно, прилетевшее вне графика или что-нибудь в этом роде?

Флинкс покачал головой.

— Нет, я хочу сказать, что у меня свой собственный корабль, зарегистрированный на мое имя. Я его владелец, а называется он «Учитель».

— Хватит водить меня за нос. Почему у тебя на уме одни только шутки? Знаешь, Флинкс, это вовсе не смешно. Особенно после всего, что я пережила.

— Я не шучу. «Учитель» не так уж велик, но по моим потребностям он очень просторный. И лишний пассажир не займет слишком много места.

От удивления она открыла рот.

— Ты это серьезно, а? — она повалилась в кресло рядом со все еще отключенной картиной фонтана, заменяющей дверь в ванную. — Девятнадцатилетний маль... парень, у которого есть свой собственный корабль! На одного! А какая у него скорость? Он не тихоход?

— Нет, — быстро возразил Флинкс. — На нем можно летать по Содружеству куда захочешь. У него полный привод типа КК, очень узкое проекционное поле, обычное сканирование и начинка из комплекта автоматики. Я просто скажу, куда нам надо, и он доставит до места.

— Флинкс, кто ты на самом деле, если в твоем возрасте уже владеешь межпланетным судном? Я слышала, что главы крупных влиятельных семейств имеют в своем распоряжении частные суда, кое-кто имеет возможность пользоваться специальными судами своих компаний. Знаю, что правительство содержит спецфлот для дипломатической службы и что Первые советники Объединенной Церкви имеют для собственных нужд небольшие быстроходные кораблики. А кто ты такой, что обладаешь подобной привилегией? Наследник, получивший от папаши торговый дом?

«Матушка Мастифф от души бы похохотала, услышав подобное», — подумал Флинкс.

— Вряд ли. Я никогда особенно не интересовался коммерцией в привычном смысле слова.

«Разве что когда облегчал карманы толстосумов, не ставя их об этом в известность. Но это трудно назвать коммерцией», — добавил он про себя.

— Так кто же ты такой? Чем ты занимаешься?

Он хорошенько задумался, придумывая ответ, который, с одной стороны, прозвучал бы вполне правдоподобно, а с другой — не был бы излишне откровенным.

— По-моему, ты бы назвала меня студентом, углубленно изучающим избранный предмет.

— Какой предмет?

— Главным образом, самого себя и мое ближайшее окружение.

— А каково твое ближайшее окружение?

— Ты задаешь слишком много вопросов, разве ты забыла, что я спас тебе жизнь? Послушай! — продолжал он с твердостью в голосе. — Я же сказал, что могу доставить тебя туда, куда надо, обещал помочь тебе унести отсюда ноги. Разве тебе этого недостаточно?

— Более чем достаточно.

Флинкс считал, что не было причин продолжать этот разговор, но что-то внутри его заставило ответить на оставшуюся часть вопроса.

— Если тебя интересует, как я стал собственником корабля, так знай — это подарок.

— Ну и подарочек. Даже самый маленький из межпланетных судов стоит столько, что я могла бы на эти деньги до конца жизни не знать никаких забот. Да и ты тоже.

— Беззаботная жизнь не особенно меня интересует, — честно признался он. — Путешествовать, узнавать новое, встречаться с интересными людьми — вот что увлекает меня больше всего на свете. Как-то раз мне довелось оказать моим друзьям одну услугу, а они, в свою очередь, преподнесли мне в дар «Учителя».

— Ну, раз ты так говоришь, *пусть будет по-твоему*, — было видно, что она не *поверила ни единому* его слову, однако в ней было *достаточно благоразумия*, чтобы прекратить вопросы. — Твоя личная жизнь меня не интересует.

— Ты можешь не принимать ее близко к сердцу, если она тебя нервирует.

Флинкс сам удивился, с какой силой он надеялся, что она все-таки примет его близко к сердцу. Конечно, она генный инженер, представительница профессии, внушавшей ему страх, благоговение и трепет. Но она ведь такая симпатичная! Нет, просто красавица. А это качество не часто встречается в сочетании с удивительной проницательностью ума. Короче говоря, ему бы не хотелось потерять ее из виду. Даже если ее рассказ — тщательно сконструированная ложь с целью заручиться его помощью.

Если это так, то надо отдать должное, ее задумка удалась.

— Я принимаю, разумеется. Что же еще остается делать? Я готова отправиться в путь прямо сейчас, сию же минуту. Вещи мне собирать не надо, да и ты не производишь впечатление человека, таскающего за собой лишние чемоданы.

Он не стал искать в сказанном какой-то скрытый смысл.

— Ты права. Так оно и есть. Но мы пока не уезжаем.

— Почему?

Она была явно ошарашена.

— Потому что мне надо хотя бы один раз отоспаться в нормальной постели. Или ты забыла, что я на своем вездеходе проехал с тобой половину джунглей Ингра, а проснувшись с дороги, застал тебя с ножом в руке. Ты ведь сама призналась, что намеревалась перерезать мне горло.

Она даже покраснела.

— Этого больше не будет. Я же тебе сказала, что была совершенно сбита с толку.

— Не важно. Мне и без того последние две недели показались слишком долгими, а теперь я должен на себя взваливать еще и твои заботы. Мы отправимся в путь завтра утром, когда еще не так жарко. Запомни, нам надо как следует отдохнуть. Ты спала несколько дней подряд. А я? К тому же, если эти люди попытаются выследить тебя, то чем дольше мы задержимся здесь, тем скорее они будут вынуждены распространить свои поиски все дальше по джунглям. А в этом случае нам будет проще проскочить на борт моего корабля.

— Как знаешь, — неохотно отозвалась она. — Послушай, мне как-то неловко просить об этом после всего, что ты для меня сделал, но у меня в желудке так же пусто, как внутри Каскадной пещеры.

— А где это?

— На планете, где я работаю.

— Ничего удивительного, ты существовала на внутривенных вливаниях с тех пор, как я тебя обнаружил.

— Любая пища была бы мне сейчас очень кстати.

Флинкс задумался.

— Мне кажется, твои внутренности уже готовы к этому. Что ж, коли я собрался отвезти тебя за тридевять парсеков, то перед этим могу и раскошелиться на парочку обедов.

— Ой, я обязательно прослежу, чтобы тебе возместили расходы, — быстро ответила она. — Когда я вернусь к себе, моя компания заплатит тебе и за дорогу, и за причиненное беспокойство.

— В этом нет необходимости. Я уже забыл, когда приглашал к ужину хорошенькую женщину.

«Господи! — мысленно воскликнул он, словно ужаленный. — Подумать только, я ведь это произнес вслух!»

То, что ее лицо несколько смягчилось, было еще одним тому подтверждением.

— Только особенно не усердствуй, а то начнет выворачивать потом наизнанку, и всю дорогу проведешь в обнимку с унитазом.

— Можешь не волноваться. Нутро у меня железное. Я ем что угодно. Или это не вяжется с твоим представлением о прекрасной женщине?

Она явно расстроилась, когда он проигнорировал ее вопрос.

— По твоим словам, ты студент, но это еще ничего не говорит о том, чем ты занимаешься.

Флинкс придирчиво осмотрел коридор. Пип уютно устроилась у него на плечах, а Поскребыш покачивался, обвившись хвостиком вокруг пряди волос на голове Клэрити.

Убедившись, что коридор тих и пуст, он двинулся в направлении небольшого обеденного зальчика гостиницы.

— Ничего и не требуется говорить, — наконец ответил он Клэрити. — Просто студент, и все.

— Ничего подобного. Здесь наверняка кроется что-то еще. Я, конечно, не эмпатический телепат, вроде этих летучих змеев, но готова поклясться, Флинкс, что учением твои дела не ограничиваются. Можешь не говорить, если тебе не хочется. Черт, опять я лезу с расспросами, — он скорее почувствовал, нежели заметил, что она улыбается. — Ты уж

прости, пожалуйста. Это мозги у меня так устроены, плюс моя работа. Если ты хотя бы наполовину студент, как ты заявляешь, тебе понятно мое любопытство.

Любопытство? Она права, он испытывал и любопытство. А еще был зол и разочарован, напуган и полон воодушевления. Разве не испытывает подобную смесь эмоций любой из нас в юности?

Что же касается его действительных занятий в этой жизни, то никто, даже люди, еще до его рождения превратившие его тело и сознание в предмет своих жестоких забав, не могли иметь об этом ни малейшего понятия.

— Я, — неожиданно пришло ему на ум, — барабан, пытающийся разбудить своей дробью вакуум.

Глава 5

Народу в ресторанчике было немного. Флинкс был этому несказанно рад. Он не мог припомнить, когда в последний раз наслаждался легкой, ни к чему не обязывающей беседой, от которой становилось приятно на душе. Он сделал для себя открытие, что бесцельное времяпрепровождение может служить не только развлечением, но и исцелять.

Ему и раньше приходилось слышать о полусне. Некоторые называли это состояние пробуждением — человек уже не спал, однако сознание еще было словно сковано дремотой. Ничего подобного Флинкс никогда не испытывал. Он всегда просыпался быстро. Секунду назад он еще спал, а уже в следующую четко и ясно воспринимал мир. Переходной стадии, в отличие от многих людей, у него не было. Флинкс не мог точно сказать, является ли это особенным свойством его натуры или же результатом воспитания в темных закоулках Драллара. Он предпочитал ни с кем это не обсуждать.

Так уж случилось, что неожиданно для себя Флинкс уставился в почти полную темноту, слегка разбавленную тусклым светом одной из двух аляспинских лун. Лежавшая возле него Пип легонько постукивала своим длинным языком по его левому глазу, заставляя открыть веки. Флинкс тотчас понял, что таким образом она пытается разбудить его. А так как Пип никогда бы не стала делать этого без причины, он всполошился.

Полуоткрыв глаза, Флинкс принялся осматривать комнату. Под простынями на соседней кровати виднелись продолговатые очертания человеческой фигуры. Флинкс различал ровное дыхание Клэрити — она спала мирным сном младенца.

Что же заставило Пип разбудить его? Другой на месте Флинкса наверняка привстал бы с кровати, чтобы получше осмотреться, но только не он. Что бы там ни всполошило Пип, скоро оно станет очевидным и для него.

Лишь спустя некоторое время он сумел различить у дальней стены движущиеся фигуры. Флинкс слегка приподнял голову, чтобы получше разглядеть дверь. На первый взгляд она казалась закрытой. И только напрягши зрение, Флинкс увидел, что световая маска на двери опущена. Следовательно, дверь как минимум полуоткрыта. Возможно, позади установили шумопоглотитель. Благодаря пенному экрану «Милар» любой случайно забредший сюда человек наверняка решил бы, что дверь крепко заперта.

Флинксу удалось разглядеть двоих, но он был уверен, что их в действительности гораздо больше. Один из них вступил в полосу лунного света. Но, вместо того, чтобы снова нырнуть в тень, фигура уверенно двинулась вперед, играя пестрыми пятнами лунного света и поэтому почти неотличимая от стен.

«Хамелеонные камуфляжи!» — догадался Флинкс.

Такой камуфляж сидит как вторая кожа и моментально приспосабливается к любому фону и освещению. Будучи мальчишкой, Флинкс частенько мечтал о таком.

Единственное, чего не мог скрыть костюм, — это глаза, нос, рот. Поэтому было заметно, как вдоль другой стены по направлению к кроватям двигались еще три пары потусторонних, бестелесных глаз. Было бы глупо спрашивать у их обладателей, зачем они пожаловали сюда. И без того было ясно, что они облачились в защитные костюмы и взломали дверь вовсе не для того, чтобы вручить хозяевам выигрышный лотерейный билет.

Поступить в подобной ситуации можно было по-разному.

Например, сев на кровати, потребовать объяснений. Или, вытащив пистолет, устроить пальбу, оставив вопросы для полиции. Но Флинкс остался тихо лежать, имитируя дыхание спящего и наблюдая из-под полуопущенных век за незнакомцами.

Трое остановились. Не разговаривая между собой, они только обменивались взглядами. Судя по всему, каждый их шаг был хорошо продуман. Флинкс не решился поднять голову, чтобы получше рассмотреть их. Главарь что-то вытащил из кармана, и в лунном свете блеснула небольшая канистра с мягким резиновым наконечником.

«Газ!» — тотчас решил про себя Флинкс.

Возможно, без цвета и запаха. Конечно же, быстродействующий. Но не смертельный. Если бы незваные гости намеревались убить обитателей комнаты, они сделали бы это, не отходя от двери.

Низко пригнувшись, фигура двинулась к изголовью кровати, на которой спала Клэрити. Неожиданно этот человек замер на месте, как будто между ним и спящей женщиной возникла преграда. Так и было — нечто небольших размеров, быстрое, как молния, и шипящее.

Злоумышленники, по-видимому, рассчитали все наперед. Однако в их сценарии явно отсутствовали небольшие супербыстрые существа, издающие шипение. Летучий змей, внезапно появившись в полуметре от лица, мог бы вывести из равновесия даже профессионального убийцу.

Человек испуганно выругался и отшатнулся назад. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы разбудить Клэрити. Перевернувшись на спину, она

провела ладонью по лбу и тихо застонала. Флинкс увидел, как веки ее вздрогнули.

В это время один из преступников быстро распорядился:

— Оглуши сначала зверя, а затем ее. Живее!

Тип с канистрой приподнял свое орудие и уже намеревался нажать на кнопку, но не успел. Минидраг выпустил струю своего яда и попал преступнику прямо в глаза.

После этого отпала нужда в какой-либо осторожности и предусмотрительности. Порывистым движением человек отбросил через всю комнату канистру и уткнулся лицом в ладони. Едкий токсин жег ему глаза, и от боли несчастный вопил как недорезанный, одновременно пытаясь сорвать с себя маскировочный комбинезон. Даже среди шума, сразу наполнившего комнату, было слышно, как громко булькает и лопается пузырями разъедаемая ядом плоть.

Флинкс бросился с кровати, но не в дальнюю сторону, где его мог поджидать кто угодно, а на пол. Едва он успел проскользнуть в узкое пространство между кроватями, как с другой стороны выскочил еще один, не замеченный ранее бандит с лазерным пистолетом в руке. Острым лучом он пронзил подушку, матрац и даже, наверное, пол в том месте, где только что лежал Флинкс. Луч сверкнул в темноте ослепительным голубым пламенем и неприятно затрещал.

Сообразив, что он поразил одни лишь простыни, бандит приготовился произвести очередной выстрел, но, к ужасу своему, обнаружил прямо перед носом Пип, которая едва не задевала его крыльями. Выпучив от испуга глаза, так что они стали видны даже при тусклом освещении, он мотнул головой в сторону.

Следует отдать ему должное, парень оказался более проворным, чем его предшественник. Яд попал ему не в глаза, а в лоб.

Бандит, ставший жертвой Поскребыша, неподвижно лежал на полу и не подавал признаков жизни. Токсин летучих змеев, попав в кровь, действовал в считанные секунды. Тот, которому яд попал

на кожу, избежал мгновенной смерти. Ему пришлось порядком помучиться, потому что яд проникал в его мозг гораздо дольше. Он метался по комнате и палил вслепую из пистолета, заходясь в крике.

Пип с Поскребышем беспрепятственно носились среди бандитов, увертываясь от выстрелов палящих невпопад бандитов и создавая тем самым чудовищный хаос. Флинкс разглядел, что незваных гостей оказалось вовсе не трое, а как минимум пятеро. Именно в этот момент он заметил, что Клэрити намеревается подняться с кровати. Рот ее открылся, и она сделала глубокий вздох, обычно предшествующий крику.

Зажав ей рот ладонью, Флинкс стащил ее на пол. Она упала прямо на него. При других обстоятельствах это наверняка привело бы его в восторг, но сейчас оставило совершенно равнодушным.

— Тише! — настойчиво прошептал он, пока вокруг них кипело ожесточенное сражение. — Заткнись. Ты сейчас в самом безопасном месте в этой комнате.

Она непонимающе уставилась на него, а затем медленно кивнула. Он убрал ладонь с ее лица.

Вокруг них стоял оглушительный топот, вопли, металлическое шипение лазерных пистолетов и треск автоматов. Небольшая армия бандитов вела отчаянную пальбу по мельтешащим летучим змеям, обстреливающим их сверху ядом. Чаще всего преступники попадали в своих же товарищей.

Кажется, бандиты начали понимать, что дальнейшее их пребывание здесь бесполезно и далеко не безопасно. Раздался звук, напоминающий треск разрываемого шелка, — это один из бандитов бросился опрометью в коридор через светомаскировочный экран. В комнату хлынул яркий свет коридорных ламп. Вслед за первым беглецом бросились остальные. Их оказалось так много, что в возникшей сутолоке Флинкс даже не успел их сосчитать. Должно быть, оги по одному прокрадывались в комнату с полчаса, а то и больше, пока Пип не разбудила его.

Отступая, многие бандиты продолжали истошно выть — это действовал нейротоксин минидрагов. Вскоре послышались и другие крики — возмущен-

ные и сердитые. Начали открываться двери соседних номеров. Оттуда высовывались головы заспанных постояльцев, пытающихся понять причину шума. Увидев пистолеты и маскировочные костюмы, любопытные предпочли исчезнуть.

— Пип! — Флинкс выпрямился. — Пип, давай назад. Хватит!

Драконша вернулась в комнату только после того, как прогнала последнего из бандитов на нижнюю площадку лестницы. Но если бы Флинкс не позвал ее, она наверняка не успокоилась бы до тех пор; пока не уложила последнего из нападающих. Однако никакой необходимости в этом не было. Он задумал побег, а не массовую бойню. К тому же при лучшем освещении в Пип все же могли попасть.

Поскребыш висел в воздухе позади матери. Он там и остался, когда Пип опустилась на кровать к Флинксу. Однако, отметил тот про себя, она не стала складывать для отдыха крылья. А это могло означать только одно — жди новой беды.

Немного успокоившись, он заметил, как крепко прижалась к нему Клэрити.

— Это они! — запинаясь, произнесла она хриплым от испуга голосом.

— Разумеется, они. Если, конечно, кто-то другой не вознамерился во что бы то ни стало убить тебя, — он посмотрел на все еще открытую дверь. — А их порядком сюда набежало, больше, чем я ожидал.

Клэрити посмотрела на Флинкса. До нее было всего несколько сантиметров.

— Я же тебе говорила, что нужна им позарез.

Флинкс ощущал, как ее била дрожь. Куда только подевалась ее напускная храбрость! Было видно, что она напугана до смерти.

— Все в порядке, — ему хотелось казаться бесстрашным, находчивым, равнодушным, но, в конце концов, он остался самим собой. — Их больше нет.

— Змеи! — прошептала она. — Наши драконы!

Клэрити посмотрела на Пип и на ее по-боевому настроенного отпрыска. Поскребыш вертелся в воздухе, словно ему снова не терпелось ввязаться в драку. Он явно выискивал себе новые жертвы.

Клэрити встала, а вслед за ней встал и Флинкс. На полу валялось с полдюжины врагов. Некоторые лежали лицом вниз, некоторые — вверх. На последних было жутко смотреть. Яд летучих змеев действовал примерно как азотная кислота. Стоит ли удивляться, что люди, наслышанные об их способностях, спешили перейти на другую сторону улицы, едва завидев вдалеке Флинкса с Пип на плече.

— Пип разбудила меня, — сказал он Клэрити. — Она почувствовала угрозу. Мне не пришлось ввязываться в драку первым. Иначе бы меня наверняка прихлопнули. Я всегда предпочитаю избегать таких заварушек, ведь Пип не знает, что такое полумеры. Ей же не прикажешь только ранить кого-то. Увы, в природе не существует такого понятия, как «ограниченный удар летучего змея».

Они перешагнули через тело крупного мужчины, нашедшего смерть у спинок их кроватей. Взгляд Клэрити метнулся от мертвеца к дверному проему.

— Интересно, вернутся ли они сюда?

— Не сразу. А как бы ты поступила?

Клэрити резко покачала головой. Поскребыш метнулся к ней, и от страха она присела. Флинкс поспешил успокоить ее.

— Расслабься. По-моему, ты нашла верного друга. Правда, кто его знает, кого он хотел защитить — свою мать, меня или тебя. Запомни, он способен различать твои чувства, поэтому ему известно, что ты вовсе не собираешься причинять мне зло. А пока это так, тебе нет причин остерегаться его.

— Ладно, — сказала она, выпрямляясь. — И все-таки у меня в голове не укладывается, что они смертельно опасны.

— Многим хорошо известно, что летучие змеи опасны. Однако не все понимают, насколько они смертоносны, проворны и как быстро действует на человека их яд. Все средства защиты, кроме боевого обмундирования или же скафандра, бесполезны.

Флинкс ощутил и увидел, как Клэрити напряглась, когда Поскребыш снова задумал устроиться у нее на плече. И хотя змееныш притих, он не стал складывать крыльев, готовый в любую минуту взмыть в воздух.

— Они наверняка все еще там, внизу. Иначе Пип уже давно бы уснула после столь тяжких трудов. Должно быть, разрабатывают новый план действий.

Клэрити нервно повернулась к окну.

— Ясно одно — они не станут снова вторгаться в комнату.

— Согласен, не станут. Даже если не считать Пип с Поскребышем, слишком многие видели, как они убегали. Но если ты действительно нужна им позарез, то вряд ли они станут слишком долго обдумывать свои дальнейшие действия. Когда они ворвались сюда, в их намерения входило только усыпить тебя газом. Может, и меня заодно, чтобы не мешал. А вдруг у них этого газа — хоть пруд пруди? Что тогда может удержать их от того, чтобы перетравить весь отель? Тем более, что, судя по всему, газ только усыпляющий.

— А полиция?

Он улыбнулся.

— Миммисомпо — небольшой, открытый для всех приграничный городишко. Если владелец отеля живет тут же, он, конечно, может позвать на помощь стражей порядка. Но полиция доберется сюда не сразу. А если они узнают о стрельбе, то наверняка постараются приехать попозже, в надежде, что все уже перестреляют друг друга. — Флинкс стоял возле комода, кидая свои нехитрые пожитки в небольшой рюкзак. — Следовательно, нам нельзя терять ни секунды. Ведь если твои друзья захотят вернуться за тобой, им нужно будет успеть до полиции.

Клэрити неуверенно шагнула к двери.

— А как же нам уйти отсюда, если они еще там?

— Нам нельзя оставаться. Они сумели войти даже когда дверь была заперта. То, что их видели несколько человек, бандитов не остановит, — он взял ее за руку. — Кто знает, может быть, они снова торопятся сюда. Скажи, зачем нам оставаться здесь? Только для того, чтобы выяснить это?

Она покорно двинулась за ним.

— Куда ты ведешь меня?

Он не ответил.

Пип взлетела с плеча Флинкса, чтобы обшарить оба конца коридора. В течение нескольких секунд она со свистом пронеслась из конца в конец, а затем снова вернулась к хозяину. Из углублений в стенах тускло светили ночники, придавая коридору потусторонний зеленовато-коричневый оттенок.

Только одна дверь оставалась полуоткрытой. В проеме виднелся высокий мужчина с хорошо заметным брюшком. Голова его была обрита до самых ушей — ее обрамлял лишь венчик волос длинной в несколько сантиметров. В тусклом свете коридора казалось, будто он натянул на себя шапочку с бахромой.

— Эй, что тут у вас происходит? Что вам нужно? — он высунулся в коридор, увидев приближающихся людей. — К чему весь этот шум? Нет, видно, пора поискать себе другую гостиницу.

— И нам тоже, — произнес Флинкс, бросая взгляды вдоль коридора.

Пип, расправив крылья, взмыла вверх. Мужчина, производивший впечатление человека, который не спасует ни перед чем как на этом, так и на том свете, завидев минидрага, испустил вопль и нырнул назад в комнату. Флинкс услышал, как щелкнул запор электрического замка.

— Тут любому известно, что со змеями шутки плохи. — Флинкс бросился вниз по пожарной лестнице. — До тех пор, пока Пип прикрывает нас спереди, можно смело идти вперед.

Флинкс знал, что после этого Пип следует накормить. Воздушные подвиги требовали колоссальных затрат энергии. В голове не укладывалось, как можно в течение столь длительного времени находиться в воздухе. Но о внутреннем строении летучих змей было известно немного, впрочем, как и об остальной их природе.

Беглецы спускались вниз на цыпочках. Флинкс благодарил судьбу, что в гостинице всего три этажа. Никто не преградил им дорогу на лестнице, хотя здесь ночники светили еще тусклее, чем в коридорах.

Внизу было две двери — по обеим сторонам нижней площадки. Возможно, одна из них вела

назад в гостиницу, скажем, на кухню или в подсобные помещения. Другая же открывалась в служебный проход, протянувшийся между рядами складов. Сюда беглецы попали сразу после того, как Флинксу удалось отключить пожарную сирену. Посередине прохода тянулся узкий рельс. Он находился под напряжением, снабжая энергией роботов-грузчиков. Флинкс предупредил Клэрити, чтобы она не хваталась за железяку, и они бросились вдоль пропахшего сыростью коридора.

— Куда мы сейчас? Искать машину, я правильно понимаю? А потом мы сразу направимся в Аляспинпорт? Неужели, по-твоему, агентства по прокату еще открыты? Ведь уже поздно.

— В городе, вроде нашего Миммисомпо, можно достать что угодно и когда угодно. Были бы деньги. Но мы ничего не будем брать напрокат. Тогда они сразу бросятся по нашим следам.

Флинкс тревожно осмотрел проход. Уже не в первый раз он пожалел, что не носит с собой оружия. Правда, в этом случае возник бы и соблазн применить его первым. К тому же Пип гораздо более эффективное средство против любой серьезной угрозы. Ее реакция была раз в сто быстрее, чем у юноши. Еще в детстве он не раз оказывался в ситуациях, когда владение оружием могло принести больше вреда, чем пользы. Поэтому Флинкс привык обходиться без него. Впрочем, это не мешало ему время от времени сожалеть, что на поясе или под мышкой у него отсутствует внушающая дополнительную уверенность тяжесть.

Поскребыш гордо восседал на плече Клэрити — добрый знак. Пусть опасность еще не миновала, однако временно отступила от них. Флинкс не питал иллюзий насчет того, что им удалось окончательно оторваться от преследователей. Вполне вероятно, что бандиты снова ворвались в номер и не обнаружили там предмет своих поисков. Это наверняка могло побудить их обыскать гостиницу и прилегающую территорию: Они наверняка проверят, не укрылись ли беглецы в одном из соседних номеров. Разумеется, парадное крыльцо было под наблюдением с самого начала. Бандитам понадобится некото-

рое время, чтобы обнаружить на черной лестнице отключенную систему сигнализации. После этого они поймут, что кто-то успел прошмыгнуть в служебные помещения. Несмотря на все меры предосторожности, они с Клэрити оставляли позади себя целый букет следов: запах тела, усиленный страхом, феромоны, тепловые отпечатки — все это легко можно обнаружить, имея под рукой необходимое оборудование. Были ли у бандитов эти приборы? Это зависело от того, предвидели ли преступники возможный провал операции. Судя по всему — нет, но Флинкс предпочитал не надеяться на промахи противника.

— Сюда! — он едва не вывихнул ей руку, увлекая вслед за собой за угол.

Теперь, когда в ночном небе вторая аляспинская луна составила компанию первой, на улицах стало заметно светлее, а значит легче отыскать себе дорогу.

Они уже бежали вдоль жилых кварталов. Складской переулок остался далеко позади, но Флинкс все равно старался держаться в тени узких улочек. Темные силуэты домов смотрели желтыми совиными глазами круглых и овальных окон, а по опустелым улочкам эхом плыли обрывки музыки и телепередач. Здесь можно было не опасаться жуков-кровососов. Электронные репелленты отгоняли даже самых настырных миллимитов метров за сто от ближайшего человеческого жилья. К сожалению, власти Миммисомпо были не в состоянии раскошелиться на дорогие климатические установки, и на улицах была духота.

Пот градом катился с беглецов.

— Куда мы бежим? — задыхаясь, спросила Клэрити. — Не знаю, сколько я еще выдержу в таком темпе.

Она принялась жадно глотать ртом влажный воздух.

— Ты выдержишь столько, сколько необходимо, потому что я не стану тащить тебя на себе.

Жилые кварталы остались у них за спиной, и теперь беглецы оказались среди фабричных строений и складов.

— Я смотрю, на чем бы поехать дальше.

Окинув глазами окружающую местность, Клэрити нахмурилась.

— Здесь? Но я не вижу ни одной машины!

— А я не собираюсь искать воздушный автомобиль или скиммер, — отрезал Флинкс. — Ведь это же первое, что придет в голову любому человеку. Мне нужно нечто такое, за чем трудно уследить. Например, вот это.

Он указал в сторону заграждения. Оно представляло из себя ряд столбов, расставленных в пяти метрах друг от друга. Каждый был шести метров в высоту и пульсировал тусклым желтым цветом.

— Это же фотобарьер! — сказала Клэрити. — Его нельзя перелезть, это тебе не забор. Пройти сквозь него тоже нельзя. Если попробовать разомкнуть цепь, то вполне возможно, что тотчас же завоет не меньше десятка сирен.

На это Флинкс даже ухом не повел, а продолжал изучать полдюжины машин, припаркованных под навесом в дальнем конце стоянки, расположенной за фотобарьером. Там стояли порядком потрепанные и облупленные машины, внешний вид которых вряд ли мог привлечь чье-либо внимание. Это, несомненно, подходило для Флинкса и его спутницы. Флинкс облюбовал крупный скиммер, предназначенный для лесозаготовок. Задняя часть машины состояла из кубических ячеек для груза. На такой колымаге можно было развозить что угодно — от высокотоксичных отходов до молочных продуктов.

Клэрити в этот момент, казалось, забыла о существовании Флинкса. Она была поглощена разглядыванием темных очертаний домов, мимо которых они только что пробежали. Она пыталась разглядеть, нет ли среди них человеческих фигур. Она обернулась только тогда, когда услышала едва различимый щелчок. Это Флинкс извлек из заднего кармана нечто вроде пластмассовой колоды карт и, отойдя на пару шагов от стены, отвел назад руку и бросил предмет вперед. Вместо того, чтобы разлететься в разные стороны, пластиковые прямоугольники образовали ровную ленту длиной метров в пять. Ухватив ее обеими руками за концы, Флинкс согнул

ленту дугой. Получилась довольно устойчивая конструкция выше его роста и значительно шире его тела.

Клэрити недоуменно взирала на его манипуляции.

— А это еще что такое? На лестницу не похожа. Низковата, да и веса человека не выдержит.

— А это и не лестница. Это портативные ворота.

Прижав ладони изнутри к концам дуги, Флинкс без труда поднял удивительную конструкцию. Держа ее перед собой, словно парящую в воздухе диадему, он смело шагнул сквозь фотобарьер. Ни один из сенсоров не отреагировал, хотя Флинкс наверняка пересек сторожевые лучи. Сирены хранили молчание. Вместе с Флинксом гордо въехала на стоянку и Пип, восседавшая на его плече.

Оказавшись на стоянке, Флинкс повернулся и заново установил ворота.

— Давай! — скомандовал он Клэрити. — Или ты хочешь остаться снаружи?

Клэрити ничего не оставалось, как последовать призыву Флинкса. Пока он держал ворота, она, пригнувшись, проскользнула внутрь у него под мышкой.

Оказавшись в безопасности за оградой стоянки, Флинкс жестом фокусника тряхнул разок ворота, и они под изумленным взглядом Клэрити послушно вернулись в его ладонь. Потом он небрежно засунул их в задний карман.

— «Допплеровская колода», — пояснил он. — Искривляет световые лучи. Невидимым она, конечно, не сделает, но в некоторых случаях маскировка из нее получается классная. Сейчас она пустила вокруг нас лучи сенсоров. Мы их вовсе не пересекли, а прошли как бы мимо них.

— Потрясающе! — она едва поспевала за Флинксом, который уверенно шагал через мощеный двор стоянки. — Наверное, дорого?

Флинкс кивнул.

— Это тебе не игрушка с распродажи. Инструмент высшей точности. Его специально сделали похожим на безделушку. Но ты права — это

дорогое удовольствие. Когда я был помоложе, мне доводилось пользоваться штуковиной вроде этой, только попроще. Иногда она выполняла то, что от нее требовалось, но чаще выходила из строя. Иной раз это кончалось легкими дополнительными неудобствами, а в некоторых случаях ставило в дурацкое положение. И я поставил себе цель — как только у меня появится возможность, я обязательно заполучу лучшую среди штуковин в этом роде. Та, что сейчас у меня, сделана специально по моему заказу.

— Наверное, потому, что тебе часто приходится пересекать границы охраняемой собственности?

— Не обязательно. Я просто люблю, когда у меня под рукой надежный инструмент.

— Ты же сказал, что пользовался чем-то подобным, когда был моложе. Чем же ты занимался в детском возрасте, если тебе нужны были такие штучки?

— Воровал, — без тени смущения ответил он. — Только таким образом я сумел выжить.

— И ты до сих пор воруешь?

— Нет, теперь я плачу за все, что мне нужно. Рано или поздно.

— А как чаще — рано или поздно?

— В зависимости от настроения.

Они быстро шли мимо вереницы машин, пока не остановились возле громоздкого скиммера. Флинкс из другого кармана извлек складной ледериновый бумажник, который оказался настоящим хранилищем крохотных инструментов. Каждый из них был совершенен, словно ограненный алмаз. Не зря мастер-транкс, который изготовил футляр и его содержимое, прославился в первую очередь как ювелир. Флинкс питал слабость к мелочам вроде этого бумажника. Транксу же изготовление подобных штуковин приносило гораздо большие доходы, чем ювелирное ремесло.

Выбрав подходящий инструмент, Флинкс взялся за хитроумный замок на дверях скиммера.

Хотя Клэрити до сих пор опасалась нападения ее преследователей, она настолько увлеклась тем, что делал Флинкс, что перестала обращать внимание на

темные закоулки по ту сторону фотобарьера и оглядываться.

— Мне кажется, ты был неплохим вором.

— Меня всегда считали слишком умелым для моего возраста. Не думаю, что с тех пор я стал работать чище, просто теперь у меня лучшие инструменты.

Когда Флинкс открыл дверь, она не издала даже щелчка. Забравшись внутрь, он скользнул за приборную доску. Зажигание без ключа. Проще было запереть двери, чем возиться с мотором и аккумулятором. Однако под умелыми руками Флинкса быстро ожили датчики. Довольный, он кивнул Клэрити. Поскребыш, отпустив прядь ее волос, впорхнул в кабину и удобно расположился на спинке пассажирского сидения.

На других планетах скиммеры, как правило, обходились без закрытых кабин, но только не на Аляспине. Здесь все было наглухо задраено, кондиционировано и защищено от кровососов. Это было особенно ценно, потому что ехать им предстояло ночью.

Ухватившись за поручень, Клэрити тоже вскарабкалась в кабину. Закрыв за собой дверь, она восхищенно уставилась на Флинкса.

— Знаешь, я постепенно убеждаюсь, что ты действительно способен вытащить меня отсюда. Ты уверен, что ты всего лишь... — она осеклась. — Извини, я обещала тебе больше не поднимать эту тему.

— Точно.

При подъеме скиммер тарахтел куда сильнее, чем предполагал Флинкс, но так как стоянка, по мнению ее хозяев, была надежно защищена от любого вторжения, отпадала необходимость в ночной охране. Контрольный монитор будет молчать, и на центральный пост или в полицию не поступит никакой информации.

Над стоянкой не было ни легкого защитного купола, ни постоянной крыши. Поэтому Флинкс предположил, что сверху есть какой-нибудь небольшой электронный экран, нечто вроде фотостены, которую они только что беспрепятственно преодоле-

ли. Без такого экрана было просто невозможно уберечь стоянку от вандалов и воров, способных запросто перемахнуть через стену.

Флинкс для начала решил проверить машины, выстроившиеся у стены, на предмет наличия устройства отключения экрана, а потом занялся встроенным компьютером скиммера. Наконец он извлек желанный код. Пробежав пальцами по кнопкам, он принялся терпеливо ждать, когда машина поставит в известность о своем намерении покинуть стоянку центральный пост безопасности своей фирмы.

К счастью, никто не прочтет это донесение раньше, чем завтра утром. Но тогда отсутствие крупного скиммера будет замечено и без всяких приборов. Затем потребуется время, чтобы выяснить, что по графику не предполагалось никаких ночных рейсов и что никто из водителей, имеющих право на управление машиной, не брал ее.

К тому времени, когда аляспинские власти будут поставлены в известность о предполагаемой краже и получат все необходимые подробности происшествия, ночные странники оставят скиммер в целости и сохранности, не считая, конечно, посаженного аккумулятора. Но за это Флинкс, как он сказал Клэрити, собирался заплатить.

Беглецам пришлось пережить один неприятный момент, когда скиммер, поднявшись над стоянкой метров на восемьдесят, повернул влево от города. Над деловым кварталом, подальше от баров и стриптизов, огни виднелись реже. Неожиданно мимо них пронесся небольшой быстроходный скиммер. Клэрити взвизгнула и попыталась забраться между сидениями. Поскребыш, сорвавшись со своего насеста, заметался по кабине. Он ужасно мешал Флинксу, из-за чего машина чуть не лишилась управления.

В следующее мгновение Флинкс разглядел совсем рядом с ними другой скиммер. Машина пронеслась мимо, едва не задев их. Из его кабины на Флинкса уставились идиотские физиономии каких-то скалящихся пьяных юнцов. Мелькнув, словно привидения, эти рожи пронеслись дальше.

— Мальчишки, — сказал Флинкс, глядя вниз и вправо. — Вставай. Твои приятели еще не засекли

нас. Просто компании юнцов вздумалось пощекотать себе нервы. Чем же еще можно заняться в такой дыре, как Миммисомпо. Дети ведь есть и у ученых, и у разведчиков.

Теперь они летели над непроходимыми джунглями в сторону бескрайней саванны, разрезаемой на две части руслом реки Аракупа. Следуя вниз по ее течению на юго-запад, они доберутся до гранитного хребта, выступающего в море вроде искривленного пальца, на котором и расположился Аляспинпорт.

Клэрити медленно поднялась. Было видно, как испуг сходит с ее лица, словно нестойкий загар. В ней было что-то от беззащитного ребенка.

— Извини. Это случилось так неожиданно. Ведь поначалу у нас все шло так гладко, у тебя все так здорово получалось!

— А у меня и сейчас все идет гладко.

Его внимание периодически переключалось с ночного неба на экраны датчиков, показывающих положение скиммера относительно Миммисомпо и Аляспинпорта. Хоть на вид их допотопная колымага оставляла желать лучшего, ее электронная начинка была на высоте.

Откинувшись на спинку кресла, Клэрити провела по лицу тыльной стороной ладони и снова взглянула на Флинкса.

— А ты уверен, что это всего лишь компания пацанов?

Флинкс кивнул.

— Да, лет по семнадцать-восемнадцать. Миммисомпо — самое подходящее место для ловли удачи, особенно для тех, у кого ни образования, ни профессиональной подготовки.

— Таких, как ты, наверное? Правда, ты уже далеко не ребенок.

Флинкс постарался улыбнуться, полагая, что в этой ситуации такое поведение будет наилучшим, но не сумел.

— Я родился взрослым. Я никогда не был ребенком. То есть не совсем так. Я родился усталым от жизни.

— Я тебе не верю. По-моему, ты просто притворяешься, будто тебе все до смерти надоело. Просто

тебе не хочется, чтобы другие приставали к тебе с вопросами.

— Ну почему ты не можешь понять такую простую истину, что я одиночка, который любит свое одиночество, тишину и покой?

— Не знаю, почему, но не могу.

— И все же, почему?

— Потому что я уже успела чуть ближе с тобой познакомиться. Ты уж прости мне подобную самонадеянность. А еще ты самый непонятный парень из всех, кого мне доводилось встречать. Надеюсь, тебя не огорчит, если я добавлю, что ко всему прочему нахожу тебя на редкость привлекательным.

— Не огорчит. Можешь говорить, что тебе вздумается.

На самом деле он испугался, что она именно так и поступит, но Клэрити промолчала. По всей вероятности, ответ ее удовлетворил.

Больше она вопросов не задавала. По крайней мере, пока. Она уютно устроилась на сидении и молча впилась глазами в бездонную аляспинскую ночь. Флинкса же беспокоило отсутствие приличного сканнера. Скиммер был оборудован стандартной системой электроники для доставки грузов. Приборы давали информацию о том, где он находится, и не сообщали ничего о других. Эта электроника пригодится, когда они долетят до Аляспинпорта, где Флинкс планировал оставить машину в каком-нибудь надежном месте. Однако с ее помощью совершенно бесполезно выяснять, не сел ли кто-нибудь вам на хвост.

Пип была способна улавливать враждебные намерения только с близкого расстояния. К тому же она спала как убитая после изнурительной битвы с врагами хозяина. Даже Поскребыш утих, поблескивая, словно чешуйчатый браслет, в свете красноватых огоньков приборной доски.

Флинкс предпочитал думать, что их отлет прошел незамеченным, не мучая себя опасениями. Бандиты, напавшие на них, скорее всего, сейчас метр за метром прочесывают переулки и здания вокруг гостиницы. Вряд ли в это время им удалось обнаружить исчезновение скиммера, а

тем более увязать пропажу с бегством Клэрити. Правда, Флинкс тотчас напомнил себе, что ему неизвестно, обладают ли они какой-нибудь современной системой слежения.

Конечно, было бы неплохо сейчас быть в небе без какой-либо компании, но в этом случае одинокий скиммер засветится на любом экране.

Мало кому ночью приходило в голову летать над верхушками деревьев.

Вот так всегда, ищем неприятности там, где их нет. К чему изматывать себя умозрительным поединком с воображаемым противником, разумнее сохранить силы для настоящей опасности.

Искоса взглянув на свою спутницу, Флинкс еще раз убедился, что она не спит, а напряженно всматривается в окошко.

— Постарайся поспать. Вскоре начнет светать.

— Я смогу уснуть лишь тогда, когда, наконец, покину Аляспин. Помнится, когда я последний раз пыталась поспать, меня довольно грубо разбудили. Не может ли эта колымага лететь чуточку быстрее?

— Ее построили не ради скорости. Я выбрал ее потому, что, во-первых, она не привлекает к себе внимания на экране, а во-вторых, как я и предполагал, заправлена под самую завязку. Конечно, я мог бы выбрать что-нибудь поменьше, побыстрее и поманевреннее. Но кто знает, не остались ли бы мы без капли горючего посреди саванны. Надеюсь, ты не горишь желанием прогуляться пешком по аляспинской саванне? Ее поверхность имеет дурную привычку разъезжаться под ногами. Вдобавок она полна противнейших тварей, которые не слишком-то радуются, когда кто-либо вторгается в их царство. Уж лучше попасть в Аляспинпорт медленно, но верно. К тому же, кто бы там за тобой ни гнался, они наверняка пустятся вдогонку за пассажирским судном, а не за тяжеловозом вроде этого.

— У тебя, кажется, все предусмотрено. А мне поначалу показалось, будто ты схватил первую попавшуюся машину, которую тебе удалось взломать.

— Я бы мог взломать любую из них. И все-таки меня не оставляет мысль, будто я недоглядел что-то важное.

— Знаешь, — восхищенно произнесла она, — я все-таки лучше помолчу. Лучше ты побольше будешь заботиться обо мне, вместо того, чтобы отвечать на мои дурацкие вопросы.

— Это первое из всего сказанного с самого начала нашего знакомства, что соответствует твоему имени, которое обозначает ясность.

Она покачала головой, но не смогла сдержать улыбки.

— Такой молодой, а уже циник.

Она снова отвернулась к окну и принялась изучать кромешную темноту.

Скиммер теперь летел со скоростью сто пятьдесят километров и на высоте не более пятидесяти метров над верхушками самых высоких деревьев. Время от времени Флинкс резко выруливал влево или вправо, желая сбить с толку компьютер на тот случай, если за ними следят. Но часто он этого делать не мог, так как хотел приблизиться к Аляспинпорту по широкой дуге — со стороны океана, а не от саванны. Этот маневр еще больше запутает преследователей.

— Сколько нам еще лететь?

Он сверился с картографической выкладкой на приборной доске.

— По прямой от Миммисомпо до Аляспинпорта примерно тысяча километров. Мы успеем туда как раз к ланчу. Ты не огорчишься, если мы пропустим завтрак? Дело не в том, что мне вздумалось поголодать. Просто не хочется тратить время на рестораны.

— А я уже проголодалась.

Он вздохнул.

— Поищи, может быть, что-нибудь найдешь. Это ведь рабочая машина. Я что-то не вижу здесь белкового синтезатора, однако готов поклясться, что здесь есть установка для кондиционирования и конденсатор водяных паров из воздуха. А раз так, то должны быть концентраты и вкусовые добавки. К тому же тяжелая тарахтелка вроде этой должна иметь аварийный паек на случай вынужденной посадки.

— Я посмотрю.

Ей потребовалось не менее получаса, прежде чем она откопала фруктовые батончики и порошки для изготовления сока. Их оставалось только смешать с

водой, которую конденсатор извлекал прямо из воздуха. В результате получался питательный, хотя и спартанский завтрак. Этакое человеческое топливо.

Как только они окажутся на борту «Учителя», он сможет предложить ей настоящий обед. Там у него была потрясающая синтезирующая установка. Настоящий обед при свечах, приготовленный с помощью электроники. Роботов-ремонтников можно в два счета перепрограммировать в дворецких и официантов. Довольный своими планами, Флинкс расплылся в улыбке. Он ей покажет, на что способен. Пусть тогда оценит его ловкость и изобретательность.

Неужели ему и впрямь нужно производить на нее впечатление? Флинкс пытался удержаться от взглядов, которые он время от времени искоса бросал на Клэрити.

Она предложила сменить его у руля, но Флинкс отказался. Долгий полет действовал на него успокаивающе. И вообще, он увереннее чувствовал себя в окружении приборов, нежели людей.

Все-таки, почему бы не произвести на нее впечатление? А потом, оказавшись в привычной обстановке «Учителя», продолжить эту игру? Он лучше узнает ее, может быть, даже выяснит, настолько ли она одаренная, как себя считает. Во всяком случае, ее преследователи, вне всякого сомнения, высокого мнения о ее способностях.

Да, она не единственная, кого сейчас снедает любопытство. Так думал Флинкс, разворачивая скиммер к западу.

Глава 6

Поскольку с земли наперехват им никто не взлетел, Флинкс чувствовал себя в достаточной безопасности, приближаясь к Аляспинпорту по несколько иной траектории, чем он первоначально планировал, — с севера, а не с востока. Когда до места

назначения оставалось километров пятьдесят, он резко вырулил прямо по направлению к космопорту, сэкономив этим маневром около получаса летного времени. Они оставили за собой широкий северный залив с его пустынными белыми пляжами, над которыми виднелось с полдюжины небольших морских скиммеров, обрабатывавших плантации моллюсков у внутреннего рифа. Мелководные морские просторы Аляспина были идеальным питомником для разведения моллюсков — как местных, так и завезенных видов, но эта отрасль здесь еще только начала развиваться. Большая часть урожая предназначалась для местного употребления.

Нельзя сказать, чтобы Флинкса особо интересовали деньги. Так уж получилось, что большую часть своей жизни он вращался среди людей, для которых коммерция была единственным смыслом существования. Поэтому их образ мышления слегка заразил его. Матушка Мастифф только и говорила о всевозможных способах заработать деньжат. Но все же Флинкса всегда заботили иные вещи. Деньги — это, в конце концов, не более, чем средство достижения свободы, а свобода, в свою очередь, была необходима для получения знаний. А знания? Для чего они нужны были Флинксу? Этого он еще не уяснил.

К черту, ему ведь только девятнадцать. Подумайка лучше, что делать с Клэрити Хельд. А еще лучше — подумай о ее ногах и... он тотчас поставил заслон на пути своих мыслей. Не сейчас. Об этом еще думать рано. Пока следует сосредоточиться на одном — как поскорее оказаться в безопасности на борту «Учителя».

Нижняя часть Аляспинпорта была одноэтажной. Лишь кое-где над ней виднелись купола временных хранилищ, чьим единственным предназначением было отделить запасы от местного климата и фауны. Несколько многоэтажных зданий лепились друг к другу вдоль высокого гребня, обрывающегося отвесным утесом в конце портового полуострова.

Космопорт занимал расчищенный участок саванны к югу от главной части города. Хотя это существенно снизило их скорость, над городом Флинкс поставил скиммер в режим автоматического выбора

маршрута. Это позволило лететь анонимно, не привлекая к себе излишнего внимания. Клэрити была в восторге, что снова оказалась в городской толчее, где, как ей казалось, им ничего не угрожало. Флинкс не стал запрашивать официального разрешения на посадку в порту. Вместо этого он приземлился возле заправки среди других служебных машин. Отсюда было рукой подать до остановки городского трамвая, на котором они и отправились в порт.

Здесь, несколько особняком, были припаркованы несколько частных «шаттлов». Поскольку в этот день не было на орбите никаких пассажирских и торговых судов, то оживление царило только на стоянке воздушного транспорта. Отсюда самолеты отправлялись в рейсы до Крапинис и Мускупа — пограничных городков, лежащих еще дальше, чем Миммисомпо.

Не увидев нигде рейсового «шаттла», Клэрити упала духом.

— Если они уже здесь, то готова поспорить, что порт ими кишмя кишит. Им остается одно — взять в плотное кольцо любое готовое к взлету судно.

— С какой стати? Какое им дело, если какой-нибудь частный «шаттл» приготовился к старту? С чего они возьмут, будто и ты там на борту?

— Но ведь они увидят меня! Если они будут вести наблюдение над всеми залами отлетов, то, конечно, заметят меня.

Флинкс попытался не выдать своего раздражения.

— Прежде всего, нам пока неизвестно, какие контакты имеются у этих людей на Аляспине, а во-вторых, ни одна живая душа не имеет права войти в зал отлетов частных «шаттлов», не имея на то надлежащего документа.

— Но они могут просто поджидать снаружи.

Флинкс задумался.

— В таком случае нам придется провести тебя незамеченной.

— А как? Мне загримироваться?

— Нет, по-моему, есть более простой и более надежный способ.

По светящемуся табло над головой они легко разыскали нужную им часть космопорта. Там в небольшой кабинке за плоским дисплеем на жидких кристаллах сидел невысокий мужчина. Когда они вошли, он вопросительно посмотрел на них.

— Я чем-то могу вам помочь?

Флинкс отодвинул в сторону узкий барьерчик, отделявший посетителей от служебных помещений.

— Мне необходимо воспользоваться вашим оборудованием.

Доброжелательной улыбки на лице коротышки как не бывало.

— Прошу прощения. Мы будем рады оказать вам любую услугу, но самообслуживание здесь не предусмотрено. У нас свои правила касательно норм безопасности, страховок и всего прочего.

Флинкс извлек из кармана тонкую пластиковую пластинку. Поскольку карточка была снабжена образцом отпечатка его большого пальца и тепловых излучений, то послушно отделилась от предохранительного клапана, с помощью которого крепилась с внутренней стороны кармана. На вид это была ничем не примечательная ярко-голубая пластинка.

— Пропустите-ка это через вашу машину, а потом говорите.

Человек *замялся, но потом, пожав плечами, со*гласился. Клэрити отметила про себя, что как только карточка была считана, он не поднимал больше глаз от дисплея.

— Назначайте вашу цену, — наконец не выдержал Флинкс.

— Что?

— Я сказал, назначайте вашу цену за пользование оборудованием.

— Ах, да, цену, — он быстро кивнул, привстал и снова шлепнулся в кресло. — Но я же сказал, что у нас не самообслуживание. Я никак не могу...

Не говоря ни слова, Флинкс обошел барьерчик и провел пальцами по кнопкам дисплея. Человечек уставился на него.

— Как вы смеете!

Вместо ответа Флинкс нажал еще одну кнопку. Машина пискнула, записывая в память произведенную сделку. Человечек испустил долгий вздох.

— И что теперь? Чего вам от меня нужно?

— Пойдите куда-нибудь перекусить, если хотите, в туалет, супруге, наконец, позвоните.

— Я не женат, — ошарашенно пробормотал служащий.

— Тогда кому-нибудь из приятелей.

— Да, да, хорошо.

И он опрометью бросился из кабинки. Флинкс закрыл за ним дверь.

— Что такое ты сделал? — спросила Клэрити, глядя на Флинкса в упор.

— Взял напрокат их оборудование. Пойдем-ка.

Она двинулась вслед за ним.

— Что это за место такое?

Позади служебного помещения располагалось другое, доверху уставленное рядами ящиков и коробок.

— Сама увидишь. А пока постой здесь, — он поставил ее на круглую платформу.

— Что ты затеял? — она устало разглядывала платформу и механизмы по соседству с ней. — Ты собрался замаскировать меня?

— Не совсем.

Флинкс уселся за один из дисплеев большого размера и принялся внимательно изучать клавиатуру.

— А что, если нас здесь найдут?

Флинкс изучал компьютер уже в течение пяти минут, и Клэрити начала нервно крутиться на месте.

— Никто нас здесь не найдет, — рассеянно отозвался он. — Стой на месте.

Его пальцы уже потянулись к клавишам.

Она испуганно уставилась на него.

— Эй, ты что там?

— Я же сказал, стой и не двигайся.

Она замерла в замешательстве, но тем не менее доверяя ему. А что ей еще оставалось делать?

Коробка на вид была весьма даже элегантной. Обычно такие использовались для перевозки тропической растительности. Это был двухметровый ци-

линдр, окрашенный в зеленый и коричневый цвета, имитирующие окраску его обычного содержимого. Флинкс вспомнил, что забыл спросить у Клэрити, не страдает ли она клаустрофобией. Но было уже поздно.

Упаковочная машина сплела из волокон, вырабатываемых тут же, контейнер для дальнейшей транспортировки. Его прочное целлулоидное основание обеспечивало беспрепятственный доступ воздуха, одновременно предохраняя содержимое контейнера от радиации. Значит, ему не страшны любые сканеры, которые могли оказаться на пути. Внутренние шумы надежно глушились. Как и полагалось при транспортировке дорогостоящей тропической растительности, контейнер имел внутри мягкую пористую прокладку. Передвигался он при помощи встроенной иттрио-литиевой батареи, микропроцессоры точно соблюдали вертикальное положение, что позволяло перевозить в целости и сохранности нежнейшие лепестки тропических цветов. И последний штрих — Флинкс нанес на контейнер надпись: «Произведено на Аляспине. Чувствительная флора. Не вскрывать, не просвечивать, не трясти».

— Похоже, лучше не придумаешь, — вслух произнес он, когда закончил.

Ответа, разумеется, не последовало. Ни она его, ни он ее не слышали. Воздух внутри будет слегка перегрет, и хотя это доставит временное неудобство, ничто серьезное ей не угрожает, кроме разве что легкого удушья.

Флинкс исподтишка разглядывал персонал, пытаясь обнаружить подозрительные личности, пока катил свой багаж через контроль космопорта. Никто не пристал к нему в зале отлетов, никто не заинтересовался его грузом, когда он направлял свой цилиндр вдоль посадочного коридора к своему личному «шаттлу». Там он приступил к загрузке цилиндра в багажный отсек. Нажатие кнопки — и цилиндр сам начал плавно подниматься в брюхо корабля.

— Почти прошмыгнули, — вслух произнес он, хотя ей по-прежнему ничего не было слышно.

Флинкс дал компьютеру «шаттла» словесную команду относительно взлета и стыковки, а затем,

усевшись в кресло пилота, принялся ждать. Получив от администрации космопорта разрешение на взлет, «шаттл» выкатился на взлетную полосу. Мгновение спустя он уже с ревом набирал скорость и вскоре, втянув колеса под брюхо, взмыл над болотистой равниной. Еще долго на ней после взлета трепетали на тонких стеблях фиолетовые цветы.

Тревоги Клэрити оказались напрасными. Да, ее похитителям нельзя было отказать в изобретательности, однако они оказались далеко не всесильными.

Флинкс поднялся с сидения. При помощи захватов, так как гравитация сменилась невесомостью, подтянулся к грузовому отсеку в хвостовой части. Пора распаковывать пассажира.

Женщина, возвышавшаяся над ним, была на редкость рослой и хорошенькой, даже слишком хорошенькой по сравнению с безликим молодым человеком, который пришел вместе с ней. Странная парочка, но предельно вежливая. Можно даже сказать, почтительная.

— Вы сказали, что вместе с ним была женщина? Молодая женщина?

На высокой блондинке была форма офицера безопасности космопорта.

— Да.

Это привело их обоих в восторг, хотя было видно, что посетители изо всех сил старались скрыть свою радость.

Служащий космопорта никак не мог решить, кто же в этой парочке главный.

— А в чем дело? Какие-то проблемы?

Ему не давал покоя размер взятки, полученной от предыдущего посетителя.

— Нет, никаких проблем, — мягко заверил его молодой человек. — Нам просто хотелось бы задать юной леди несколько вопросов.

— Извините! — в дверь с цветочной корзинкой под мышкой вошла пышнотелая блондинка в кричащем желто-розовом платье. — Здесь у меня све-

жий саженец корня маниги, который бы мне хотелось прямо сегодня отправить на Таск...

Высокая блондинка преградила ей путь.

— Прошу прощения. Этот отдел закрыт.

Клерк за узким барьерчиком непонимающе заморгал.

— Закрыт? Но мы же работаем до шести.

— Закрыто! — повторила высокая, даже не удостоив его взглядом.

— Но ведь он только что сказал... — начала было пышнотелая, но высокая, упершись рукой в грудь посетительницы, с силой оттолкнула ее к выходу. Та, отлетев к дверям, едва удержалась на ногах и от удивления открыла рот.

— Ну, раз закрыто, значит закрыто, — она повернулась и опрометью бросилась вон.

— Эй, минуточку! — крикнул клерк, поднимаясь со стула. — Одно дело — официальный запрос, и совсем другое...

— Это не займет у нас много времени, молодой человек, — бесцветный шагнул ближе, а его спутница бесшумно закрыла дверь и повернула ключ в замке.

— Если вы проявите понимание, то мы быстренько все уладим.

— Разумеется, я его проявлю, — *раздраженно* отозвался клерк. — Но *я не вижу причины*, чтобы закрывать целый отдел.

— Смысл вопросов доходит лучше, если никто не прерывает, когда их задают, — заметила блондинка.

«Какой дивный голос!» — заметил клерк, разглядывая ее.

В блондинке все было восхитительно, кроме манер. А ведь офицеры службы безопасности славились своей предельной вежливостью.

— Может быть, — сказал клерк. — Но, может быть, все же мне лучше позвонить и согласовать с кем надо кое-что, прежде чем отвечать на ваши вопросы.

И он потянулся к переговорному устройству, расположенному под его терминалом.

Блондинка двумя прыжками подлетела к нему и впилась пальцами в запястье.

— Может быть, — вкрадчиво произнесла она, — но лучше не надо.

Она передразнивала его. Он пытался вырваться, но его руку словно стянуло тисками. Клерк пытался успокоить себя. Ведь им нужна только информация, а кто он такой, чтобы сопротивляться? Был, правда, еще черный ход, но как только высокая отпустила его руку, он тотчас подумал, что от них бесполезно спасаться бегством. Губить целый день, а может быть, и рисковать чем-то — и все ради того, чтобы сохранить секреты какого-то незнакомца?

— Хорошо. — Он медленно опустился на стул. — Давайте спрашивайте, что вам нужно.

— Благодарю, — произнес молодой человек. Его левое веко заметно подергивалось. — Люди, которых мы преследуем, пытаются разрушить весь мир. Вы же не хотите, чтобы это произошло?

— Разумеется, нет. Скажите, кто пожелает подобного, находясь в своем уме?

Веко бесцветного стало дергаться заметно слабее, хотя тик не прошел совсем.

— Вот видишь, — обратился он к блондинке, — я же говорил, что все будет в порядке.

— Я до сих пор считаю, что нам следовало бы поступить иначе, но... — она пожала плечами. — Ладно, продолжай.

Клерк поймал себя на том, что дрожит как осиновый лист, несмотря даже на то, что принял верное решение.

Глава 7

Как только «шаттл» прошел атмосферу, Клэрити впервые за время их знакомства смогла полностью расслабиться, чего нельзя было сказать о Флинксе. Он слишком много повидал на своем веку и поэтому знал, что сам по себе вакуум не обеспечивал никакой безопасности. Флинкс напряженно всматривался и вслушивался, но поблизости от них ничего не на-

блюдалось. Вокруг Аляспина не было никаких трасс. Переговорное устройство хранило молчание. Они были одни.

Описание «Учителя» произвело на Клэрити Хельд заметное впечатление. А когда в иллюминаторах «шаттла» замаячили обтекаемые очертания межпланетного корабля, она смотрела как зачарованная. И, наконец, когда она ступила на его борт, пройдя стыковочный шлюз, то замерла как вкопанная, потрясенная увиденным.

Они находились в отсеке, который на рейсовом судне именовался бы вестибюлем, но Флинкс по-домашнему называл его берлогой. В центре его на возвышении был устроен пруд, в котором плавали тропические рыбы, привезенные с разных планет. Этот пруд со всех сторон был окружен кустарником и другими прекрасно ухоженными растениями. Потолок украшали побеги плюща, что особенно хорошо рос при искусственном освещении и не ронял листьев.

Флинкс ужасно любил зелень. Планета, на которой он провел детство, славилась своими непроходимыми вечнозелеными лесами. Флинкс в своей жизни успел посмотреть на пустыни и льды, чтобы проникнуться нелюбовью к тем и другим. Благодаря искусственной гравитации стало возможным устроить в центре пруда журчащий фонтанчик, где весело скакали струи как нормальной, так и легкой воды. Тяжелая вода неплохо вела себя на борту корабля, но зато легкую воду без труда можно было окрасить в разные цвета. Делалось это с помощью глицерина и газов, заключенных в тончайшие полимерные мембраны; и вот теперь она россыпью разноцветных пузырьков устремилась вверх, исчезая под потолком, где втягивалась в спрятанную среди плюща воронку. Там пузырьки конденсировались и по трубам снова направлялись вниз в фонтан.

Мебель была настоящей, из грубо обработанного дерева, покрытого сверху слоем мягких подушек, которые, если кто-то садился на них, отзывались мелодией, причем эти мелодии менялись в зависимости от позы и настроения сидящих. По круглым стенам носились вдогонку друг за другом какие-то

синие и фиолетовые силуэты, напоминающие чем-то жуков на беговой дорожке. Кажущаяся беспорядочность их движений была частью общего замысла. Берлога представляла собой удивительное сочетание угловатых геометрических фигур и мягко светящихся огней, разросшейся зелени и искрящейся воды — союз природы и достижений науки.

Клэрити бродила, подолгу рассматривая растения и хитроумные приспособления. Каждый элемент убранства выделялся на фоне других, словно глаза на лице ребенка. Причем каждая мелочь и внешне, и своим расположением несла на себе отпечаток рук мастера. На самом же деле Флинкс произвольно собрал все это в одну кучу.

Лишь закончив осмотр, Клэрити снова смогла набрать полные легкие воздуха.

— И ты действительно хозяин всего этого?

— Люди почему-то имеют привычку одаривать меня, — смущенно улыбнулся Флинкс. — Сам не знаю, почему. Кое-что я подобрал за время моих странствий. Фонтан и растения здесь потому, что мне нравится смотреть на них. Есть тут и роботы, но я люблю возиться с зеленью сам. Мне кажется, что я имею к растениям особый подход.

Он не стал говорить ей, что, очевидно, его успех с растениями напрямую связан с его эмпато-телепатическими способностями. Не стал он также распространяться при ней о теориях, согласно которым растения способны на проявление чувств и эмоций. Она и без того считала его немного чокнутым, несмотря даже на то, что он спас ей жизнь.

Может быть, из него получился бы неплохой фермер? Нельзя сказать, что на Мотыльке хватало места всем фермерам. Но если бы ему понадобилась помощь, наверняка Матушка Мастифф начала бы склонять его к тому, чтобы он выращивал что-нибудь запрещенное.

— Нам надо скорее улетать, — внезапно проговорила Клэрити, словно до нее только что дошло, зачем они на корабле.

— А мы и так летим.

— Куда? — она удивленно огляделась по сторонам, но в зале не было никаких иллюминаторов.

— За пределы системы, подальше от орбиты Аляспина, — он посмотрел на ручной хронометр. — Это довольно простая команда. Кораблем можно управлять словесно. Это куда проще, чем вводить команды через компьютер. Если ты вдруг услышишь приятный женский голос, то знай, это говорит «Учитель». Он не способен вести дискуссии, поэтому с ним лучше не спорить. Мне так удобнее. Ведь с самого начала хотелось иметь нечто такое, что беспрекословно выполняет мои желания, а не вступает в ненужные споры о возможных последствиях.

— В отличие от меня?

Клэрити подошла к каменному барьеру, окаймлявшему пруд, и, присев на край, провела рукой по воде. Из глубины на бирюзовых плавниках к ней выплыла серебристо-малиновая рыба, словно для того, чтобы разглядеть ее пальцы. Лениво потыкавшись в них носом, она стрелой метнулась назад в глубину, вильнув на прощанье тройным хвостом.

— Люди делают тебе подарки. Например, этот корабль?

— У меня есть немало интересных друзей. Собственно говоря, это они построили весь этот корабль, — он покачал головой, *вспоминая минувшие события*. — Я до сих пор не могу понять, как им это удалось. Почему-то поначалу они мне показались не способными на такие шедевры. По правде говоря, тогда они вообще ничего не умели. Удивительные друзья!

— Ой, какое чудо! — поднявшись с края бассейна, она отступила назад. — Что это?

Клэрити провела рукой над скоплением из полудюжины лент Мёбиуса, вращавшихся вокруг общего центра. Казалось, что в точках пересечения они бесследно исчезали в пространстве. Когда Клэрити дотронулась до одной из них, зал наполнился низким рокочущим звуком. Прикоснувшись к другой, Клэрити вызвала хриплый свист. Прибор этот парил в воздухе без всякой подставки в полуметре над полом.

— Что-то вроде гравитационной проекции?

— Понятия не имею, — пожал плечами Флинкс. — Я приобрел его без сопроводительной инструкции, — он кивнул в сторону устройства. — Засунь руку в середину, там где сходятся все ленты.

— А зачем? Чтобы она тоже исчезла?

— Нет, — улыбнулся Флинкс.

— Ну ладно.

С вызовом глядя на него, Клэрити медленно опустила руку между пересекающимися поверхностями, слегка растопырив при этом пальцы. При этом она тут же зажмурилась, и на ее лице появилось выражение отрешенного блаженства. Рот ее слегка приоткрылся, обнажив плотно стиснутые зубы. Ее голова медленно качнулась назад, а затем упала на грудь, увлекая девушку вперед, словно подхваченную порывом ветра ленту. Флинксу пришлось броситься ей на помощь, чтобы не дать ей упасть.

Он не то отнес, не то оттащил ее к ближайшей кушетке и осторожно опустил на упругую поверхность. Левая ладонь Клэрити покоилась у нее на лбу — там на коже, подобно мелкому бирманскому жемчугу, блестели капельки выступившего пота. Это выражение сохранялось на ее лице еще пару минут. Затем она заморгала, вытерла рукой пот и в упор посмотрела на Флинкса.

— Так не честно, — сдавленным голосом произнесла она. — Я не ожидала... ничего подобного.

— И я тоже, когда ненароком впервые сунул туда руку. Немного ошарашивает.

— Немного? — она с тоской посмотрела на парящий клубок лент Мёбиуса. — Я в жизни не испытывала ничего подобного, а ведь моя рука была там всего несколько секунд. Но ведь дело не в одной руке, я ощутила нечто всем телом.

Она вопросительно посмотрела на него.

— Да, это была вся ты, целиком. Словно тебя присоединили к кабелю высокого напряжения, правда, без всякого риска для жизни. По крайней мере, мне кажется, что риска в этом нет. Одно лишь редчайшей силы наслаждение.

— Но в таком случае, — она решительно выпрямилась на кушетке, — эта штуковина противозаконна.

Флинкс отвернулся от Клэрити.

— Так оно и есть.

— Никогда не слышала о подобном устройстве. Где оно сделано?

— На незаконно заселенной планете не ведающими законов людьми. Но пока на нее нет ограничений, потому что она единственная в своем роде. Никто не ведает о ее существовании. — Флинкс обвел взглядом зал. — Она сделана теми же людьми, которые построили этот корабль. Еще один дар. Им хотелось, чтобы я постоянно чувствовал себя счастливым. Вот они и снабдили меня установкой для счастья.

— От такого счастья недолго и умереть.

— Знаю. Но ее создатели были более выносливыми ко всему, в том числе и к счастью. Главное — соблюдать меру. Я пользуюсь этой штукой только тогда, когда впадаю в депрессию.

— А как часто ты в нее впадаешь, Флинкс?

— Боюсь, что частенько. Я всегда был склонен к унынию, а с тех пор, как вырос, кажется, мои дела стали еще хуже.

— Понятно. Это, конечно, меня не касается, и ты не обязан признаваться мне в чем-либо. Скажи, может, на корабле кроме нас есть кто-то еще?

— Только я и ты, не считая Пип с Поскребышем.

Она пожала плечами.

— Я вовсе не требую, чтобы ты рассказывал мне, кто и чем снабжает тебя.

— Ничего страшного. Они очень даже милый народец, единственный в своем роде. Иногда я ловлю себя на мысли, что они избранные во всей вселенной. Они наивны. До такой степени наивны, что мне пришлось предпринять кое-какие шаги по исправлению этого недостатка. Церкви известно об их существовании и правительству тоже, и эта наивность пугает и тех, и других. К тому же мои друзья просто непостижимы.

— А я могу что-либо знать о них?

— Возможно, но я сомневаюсь.

Перейдя к высокому сине-зеленому папоротнику, он оттолкнул в сторону один из толстых стеблей, позади которого располагалась крошечная клавиатура. Флинкс быстро пробежал пальцами по клавишам. Разумеется, проще было бы отдать словесную команду, но ему совсем по-детски хотелось произвести на Клэрити более сильное впечатление.

Для любого, несведущего в голографии, созвездия, которые материализовались в воздухе между Флинксом и фонтаном, наверняка показались бы соединенными тончайшими нитями. Лишь приглядевшись, можно было различить над каждым светилом крошечные ярко-зеленые буквы. Небольшая часть этого скопления звезд была помечена не зелеными, а желтыми буквами.

— Это наше Содружество, — пояснил Флинкс, хотя это и без того было ясно.

Империя Ааннов не была указана на этой схеме, но Клэрити не сомневалась, что Флинкс мог запросто затребовать ее изображение. Движение пальцем — и все готово. Не было здесь и Ответвления Стрельца. Голограмма изображала только общее строение и векторы Содружества.

Пока Клэрити рассматривала схему, та сориентировалась в пространстве по отношению к «Учителю».

— Та планета лежит далеко отсюда, — Флинкс напряженно вглядывался в медленно вращающуюся голограмму. — Может, внутри Содружества, а может, и за его пределами. Это неподалеку от туманности Розетта, ближе к краю Галактики.

Флинкс снова пробежал пальцами по кнопкам позади папоротника, и Клэрити увидела, как одна из зеленых точек вспыхнула ярким изумрудным светом. Флинкс снова нажал на кнопки, и голограмма резко развернулась в пространстве. Когда она снова заняла устойчивое положение, то ярко-зеленым огнем на ней сверкала уже совершенно другая планета.

— Аляспин.

Флинкс переключил клавиши в третий раз, высвечивая какую-то планету на самой окраине Содружества.

— Первая планета, но с другой стороны. Начальная схема была официальной. И не более, чем маской. На ней все искажено до неузнаваемости. А вот последующие две — верны. Может быть, поэтому они запрещены.

Клэрити смотрела, не веря собственным глазам. Было заметно, что планета, которую Флинкс отметил светом, перемещалась в пространстве, и поэтому ее положение было не так-то просто определить. К тому же на этот раз она вместо зеленого светилась насыщенным красным светом.

— Мне не часто приходилось сталкиваться с объемными картами, — пробормотала Клэрити. — Поэтому я видела на них только те миры, что отмечены зеленым, голубым, розовым и желтым. Но такого цвета я не видела ни разу.

— Это значит, что планета целиком находится под действием Церковного Эдикта. Никому не дано право знать ее истинное расположение. На расстоянии шести планетарных диаметров вокруг нее на множественных орбитах располагаются автоматические ракетные установки для пресечения недозволенного вторжения. Я уже не говорю о приземлении.

Флинкс помахал рукой, и голограмма словно растаяла в воздухе.

— Если бы всем было известно о существовании этой планеты, а тем более, что она под Эдиктом, то наверняка нашлись бы горячие головы, кому захотелось бы отправиться туда только потому, что это запрещено. В результате искатели приключений отправились бы на тот свет, а администрация оказалась бы в дурацком положении.

Клэрити в упор посмотрела на Флинкса.

— Но ведь ты же там побывал. Ты же сам сказал, что корабль тебе построили жители именно той планеты.

— Верно. Мои друзья, уджурриане.

Его взгляд был обращен куда-то в пространство, будто он пытался что-то разглядеть за спиной Клэрити. Нечто такое, что обросло шерстью с ног до головы и трехметрового роста. Однако взору его предстали только цветы и фонтан.

— Но почему же она под Эдиктом?

— Если бы я сказал тебе, то тем самым тоже бы нарушил Эдикт.

— Я никому не скажу. Я ведь обязана тебе жизнью. Я умею хранить секреты.

Флинкс задумался, а потом вздохнул.

— Я уже приблизился к той черте, когда мне уже все равно, знает об этом кто-нибудь или нет. Уджурриане — это крупный медведеподобный народ. По нашим стандартам — они воплощение изобретательности. По крайней мере, они были такими, когда я встретился с ними. К тому же потенциально они — самая высокоразвитая раса из всех, что нам известны.

Клэрити нахмурилась.

— Но тогда какой смысл отправлять их под действие Эдикта?

— Они врожденные телепаты, — пояснил Флинкс. — Умеют читать мысли. Не то, что летучие змеи — те понимают эмоции.

«Совсем как я», — добавил он мысленно.

Клэрити задумчиво присвистнула.

— Ты хочешь сказать, что они действительно переговариваются, обмениваясь мыслями на расстоянии? Как в телепостановках или книгах?

Флинкс кивнул.

— Это то качество, которое более других ошарашивает нас в других расах, — они могут то, чего начисто лишены мы. Они читают не только наши мысли. Там, на Улру-Уджурре, была станция ааннов. Так эти уджурриане прочитали все, что было в ааннских мозгах, и прогнали ааннов прочь. По-моему, они умеют читать мысли даже у таких существ, как Пип, пусть там их не слишком уж много.

Драконша на мгновение встрепенулась у него на плече, но тотчас улеглась обратно.

— И это еще не все.

— По-моему, и этого достаточно.

— Они способны приобретать знания по экспоненте. Когда я впервые встретил их, наука у них была почти на нуле. Да и жили они в пещерах. А теперь их уровень устремился вверх, да еще с такой скоростью! К тому времени, когда мне нужно

было улетать от них, они сумели столько получить из файлов ааннской станции, что затеяли строительство этакого внушительного города. Еще они построили мне «Учителя», хотя я до сих пор ума не приложу, как это им удалось так быстро додуматься до его устройства. Есть у них и другие способности.

Флинкс улыбнулся.

— А еще они обожают шутки, резвиться и рыть тоннели.

— Тоннели? Странно.

— Что в этом странного? Скоро сама узнаешь.

— Но настроены они не враждебно?

— Наоборот. Они такие пушистые, ужасно забавные пухлячки. Если, конечно, ты можешь представить себе трехметровых пухлячков весом килограммов в сто двадцать. Я с ними действительно подружился.

— Представляю себе, — Клэрити принялась болтать пальцами в бассейне. — Раз они построили тебе в подарок корабль. А сколько у них всего кораблей?

— Насколько мне известно, «Учитель» — единственный построенный ими корабль.

Флинксу тотчас вспомнился некий уджурриан-ин, который был настолько своеобразен, что даже собратья находили его странноватым.

— Был там один самец по имени Может-быть-так, который вообще в них не нуждался. Впрочем, я, по всей вероятности, не должен об этом говорить, ведь я не знаю, каков был радиус его перемещений.

У Клэрити глаза вылезли на лоб.

— Телепортация? И это тоже?

— Не знаю. Они называют это как-то иначе. По-моему, они способны на многое другое, но я не слишком близко был с ними знаком, чтобы задавать лишние вопросы. Все это случилось уже довольно давно, и теперь мне снова надо туда. Теперь тебе понятно, почему вдруг Церковь зачислила эту планету под действие Эдикта. Уджурриане — раса телепатов. Не исключено, что эти невинные пухлячки обладают способностями к телепортации. И это впридачу к безграничным умственным способностям. Тебе ведь известно, какого мнения придерживаются в Бюро Инопланетных Контактов.

— То, что они дружелюбно настроены к нам сейчас, вовсе не означает, что они будут так же дружелюбны и завтра. У нас ведь все свихнулись на идее выживания и прочей дребедени.

Клэрити замолчала. Флинкс отвернулся, чтобы не смотреть ей в глаза, и вместо этого рассеянно уставился в пруд.

— Ты теперь можешь не волноваться. Вряд ли нас кто-то преследует. «Учитель» — быстроходное судно, к тому же мы вооружены. Правда, я не знаю, в каком состоянии находится система обороны. Мне ни разу не приходилось ею пользоваться.

— В отличие от тех, кто меня похитил, — тихо заметила она.

Флинкс бросил взгляд на хронометр.

— Скоро мы уйдем на достаточное расстояние и сможем включить дополнительный двигатель. А как только окажемся в свободном пространстве, нам уже никто не страшен.

Он не стал говорить ей, что «Учитель» был единственным судном во всем Содружестве, способным самостоятельно садиться прямо на поверхность планеты и взлетать оттуда. Этим наивным гениям уджуррианам удалось за неделю решить проблему, над которой тщетно бились лучшие умы Содружества со времен изобретения КК-привода.

У Флинкса было еще немало секретов, которые он не собирался раскрывать своей гостье. И один из них был замаскирован маленькой ложью, будто его корабль ничем не отличался от судов подобного класса.

— Но если планета находится под действием Эдикта, как тебе удалось проникнуть на нее, да еще войти в доверие к ее обитателям до такой степени, что они расщедрились на постройку корабля?

Флинкс сделал вид, что разглядывает потолок. Удивительно, но там завелись жуки, удобно устроившись между побегов плюща. Флинкс даже представить себе не мог, как и когда им удалось проникнуть на борт корабля. Вот уж кто подлинные хозяева вселенной. Не люди, не транксы, не аанны. Миром испокон веков правила мелюзга. Насекомые сумели расселиться повсюду, за исключением безвоздушно-

го пространства. Теперь им удалось прибрать к рукам даже «Учителя». Правда, от них в зале стало даже как-то уютнее, если не считать тех моментов, когда какой-нибудь из них падал на голову. До сих пор еще никто не пытался путешествовать у Флинкса в волосах. Следует отдать им должное, насекомые редко беспокоили Флинкса укусами. Возможно, на вкус он был хуже остальных людей.

Флинкс вспомнил вопрос Клэрити.

— Я кое-кого искал и поэтому странствовал по интересным местам, — уклончиво ответил он.

— А можно тебя спросить, кого именно ты искал?

— Отца с матерью.

— А-а-а, — такого ответа она не ожидала. — И ты нашел их?

— Нет, я только выяснил, что моей матери нет в живых. Но мне до сих пор неизвестно, что стало с моим отцом, не знаю даже, кто он был такой.

— И ты до сих пор его ищешь?

Флинкс затряс головой и даже сам удивился, с чего это он?

— Я пересек пространство из конца в конец, я посетил десятки планет, пытаясь докопаться до ответа. Поиски заметно поубавили мое огромное любопытство. Теперь мои интересы постепенно меняются. То, что несколько лет назад казалось мне достойным порицания, теперь представляется совершенно иным. И хотя мне до сих пор хочется найти ответ на мой вопрос, я не вижу смысла в том, чтобы целиком сосредоточиться на поисках.

— Значит, ты рос сиротой?

Флинкс улыбнулся. Он всегда улыбался, вспоминая свое детство.

— У меня была приемная мать. Матушка Мастифф. Лживая, изворотливая, грязная бабища, сквернословка и мошенница, которуя я люблю всей душой.

— Могу себе представить, — тихо сказала Клэрити.

— Знаешь, — неожиданно произнес он, — мне всегда хотелось одного: чтобы меня оставили в покое. Я не просил, чтобы мне дарили корабль, точно так же, как я не просил валить на меня все те

проблемы, которые мне пришлось решать в этой жизни. Господи, мне ведь нет даже двадцати!

— Ты намного старше своих лет, Флинкс, старше даже тех взрослых мужчин, которых я знала.

Он настолько глубоко погрузился в созерцание самого себя, что пропустил мимо ушей ее замечание.

— Я только начинаю постигать те силы, которые движут Вселенной, Клэрити. По крайней мере, доступную разуму часть. На поверку все оказывается иным, чем на первый взгляд. Что бы мы ни делали, под каждым из наших поступков существуют едва различимые течения и вихри, и по какой-то непостижимой причине, будь она проклята, большинство из них втягивают в свой водоворот и меня. И чем отчаяннее я пытаюсь спастись от них бегством, тем с большей силой они накатывают на меня.

Теперь наступила очередь улыбнуться Клэрити.

— Ну и чушь ты несешь!

— Если бы! А может быть, ты права. Может, я действительно несу чушь.

Он подумал о том, что его нервы настолько натянуты, что фантазии для него мало чем отличаются от реальности, что их очень трудно разграничить.

— Значит, ты полагаешь, что Вселенная вцепилась в тебя мертвой хваткой?

— Не в том дело. Просто почему-то она не желает оставить меня в покое. Мне от нее требуется одна-единственная вещь — я хочу знать, кто в действительности мои родители. Но пока я занимался их поиском, рядом со мной погибли несколько людей. Да, да, представь себе, — выразительно добавил он в ответ на ее скептический взгляд. — Я несу это бремя и не могу от него избавиться. Насилие преследует меня. Взять хотя бы тебя. Это еще один наглядный пример.

— Но это же чистой воды совпадение, — возразила она. — К тому же счастливое для меня. Неужели ты действительно вбил себе в голову, будто какие-то вселенские силы сговорились сделать твою жизнь несчастной?

— Я сам знаю, что все это попахивает безумием. Временами я не знаю, чему верить. Иногда мне кажется, что я должен навсегда остаться на борту

«Учителя», выбрать себе наобум вектор вдоль одной из галактических плоскостей и броситься очертя голову на предельной скорости вперед, пока не кончится топливо. Может быть, тогда я обрету спокойствие.

Клэрити помолчала немного, не желая нарушать возникшую тишину.

— Мне кажется, тебе все же придется выбирать между спокойствием и ответами на все твои вопросы.

Он снова повернулся к ней. Напряжение постепенно отпускало его.

— Знаешь, Клэрити, а это весьма тонкое замечание.

— Разве я не говорила, что у меня тонкая натура? Впридачу к тому, что я — гений в биологии. Самобичевание — ничем не лучший способ решения проблем, чем жалость к самому себе.

— А что тебе известно о том и другом? Ладно, как бы там ни было, спасибо за то, что ты пыталась приободрить меня. Принимая во внимание твою собственную ситуацию, должен сказать, что ты молодчина, если еще обо мне думаешь.

— Скажи, Флинкс, тебе действительно не по себе? Ты ведь независим, ты даже настолько богат, что у тебя есть свой собственный корабль, и это в девятнадцать-то лет! Знаешь, как-то нелегко сочувствовать человеку, который только и делает, что жалуется да стонет о свалившейся на него роскоши.

«Да она же анализирует только то, что лежит на поверхности, и слышать не хочет о внутренних мотивах, — подумал Флинкс. — И все же спасибо ей за отзывчивость».

— Хочешь верь, а хочешь нет, но мне все это осточертело. Я хотел бы одного: чтобы меня оставили в покое, чтобы мне никто не мешал предаваться размышлениям и изучению мира. Уджурриане назвали это судно «Учителем» в мою честь. Им следовало бы назвать его «Учеником», потому что я и есть ученик. И первый предмет, который я изучаю, это я сам. Мне хочется наконец постичь, кто я и что я. Может, мне это уже известно, но я слишком глуп,

либо слишком труслив, чтобы признаться в этом самому себе.

Как только он умолк, она поднялась и сделала шаг навстречу. Руки ее потянулись к нему.

— По-моему, тебе станет легче, если ты избавишься от этой своей глупости, которую добровольно взвалил на себя.

Флинкс попятился, а она заметно приуныла.

— Куда тебя надо отвезти? — заикаясь, пробормотал он.

Клэрити глубоко вздохнула:

— Тебе когда-нибудь доводилось слышать о планете под названием Длинный Тоннель?

Он покачал головой.

— Затребуй ее на своей голограмме. Неужели, по-твоему, Аляспин — действительно приграничная планета? У нас на Длинном Тоннеле только один контрольный пункт, да и там постоянно не хватает людей. На то есть свои причины. Ты сам увидишь, когда мы туда прилетим.

— Но если я привезу тебя туда, не случится ли так, что твои похитители уже будут разыскивать тебя там?

— Да я уверена в этом. Однако мне непременно надо поставить в известность о случившемся моих коллег, чтобы они смогли оградить себя от возможной опасности. Там ты сразу поймешь, почему я так отреагировала, когда ты сказал, что твои друзья-уджурриане обожают рыть тоннели. Я, конечно, не стану утверждать, будто все тоннели на моей планете — это их рук дело. Скорее всего — нет.

— Всегда было трудно разобрать, что у них на уме. Совершенное простодушие в сочетании с совершеннейшей заумью — такая комбинация не каждому по зубам.

Флинкс подумал о том, что сейчас простодушия в них наверняка поубавилось. Особенно после того, как они благодаря ему пристрастились к такой игре, как цивилизация. Кажется, он успел их неплохо изучить, и все равно за это время уджурриане вполне могли найти себе какую-нибудь новую забаву. Что ж, ему непременно стоит это проверить. Он все

выяснит, как только передаст сию молодую особу в надежные руки ее коллег.

Не желая тратить время на хождение к клавиатуре, Флинкс прошептал команду в хорошо замаскированный микрофон. Ладно, пусть ему невдомек, где находится этот Длинный Тоннель, зато «Учителю» это наверняка известно. В памяти корабля хранились данные о расположении всех известных Содружеству миров.

Клэрити подошла к нему сзади, и Флинкс даже подпрыгнул от неожиданности. Пип, вспорхнув с его плеча, предпочла временно переселиться на декоративную скульптуру в дальнем конце бассейна. Поскребыш забавлялся, гоняясь за рыбками. Он, словно стрекоза, носился над бассейном, пикируя к самой воде, когда те подплывали близко к поверхности.

«Чешуйчатый рыболов-любитель», — улыбнувшись, подумал Флинкс.

Клэрити обвила его руками, нежно привлекая к себе. Он мог бы и отстраниться, но на этот раз не видел в этом никакой необходимости.

— Значит, мы с тобой летим на Длинный Тоннель.

— Ага, летим. Постой, а что это ты делаешь?

— Давай, я тебе продемонстрирую, — прошептала она ему на ухо. — Это лучше, чем объяснять на словах.

И она действительно продемонстрировала ему надежное средство коротания времени во время путешествия. Впервые за многие годы ему не пришлось умирать со скуки во время перелета сквозь сверхпространство. Отпала всякая необходимость то и дело наведываться в библиотеку, чтобы как-то скрасить утомительные часы. Библиотека «Учителя» не отличалась особым богатством. В ней была информация, доступная уджуррианам в момент постройки корабля. Но Флинкс значительно расширил ее во время посещения других планет. Он познакомил с ней и Клэрити, когда им удалось выкроить немного времени.

Нет, он не влюбился в нее, хотя наверняка мог бы. Просто в душе его накопилось много такого, что

мешало этому. Правда, не было никакой нужды сильно переживать по этому поводу, ведь и про нее нельзя было сказать, что она влюбилась в него. Скорее всего, она стремилась помочь ему как можно приятнее провести длительный перелет с Аляспина на Длинный Тоннель. И чего греха таить, в таком путешествии вдвоем была своя особая прелесть. К чему отгораживаться от всего человечества, когда оно предстает в образе такого общительного, веселого, заботливого создания, как Клэрити.

Даже с орбиты Длинный Тоннель выглядел несколько странновато. Но его поверхности виднелся один-единственный маяк. Сориентировавшись по нему, «Учитель» определил, что скорость ветра в умеренной зоне была не менее ста пятидесяти километров в час.

— Относительно спокойный денек. — Клэрити заглянула через плечо Флинкса на показания датчика. — Обычно здесь дует куда сильнее.

Они стояли на самом настоящем анахронизме — мостике корабля. Флинкс мог обратиться к судовому компьютеру практически отовсюду, даже из ванной, поэтому мостик был не более чем данью древней моде. Однако в сидении перед приборной доской была своя прелесть. Где еще вашему взгляду предстанет целый ряд ручных переключателей? Флинкс разбирался в функциях некоторых из них, но не настолько, чтобы самостоятельно вести корабль в случае чрезвычайной ситуации. Управление межзвездными судами было столь сложным делом, что пилоты — и люди, и транксы — редко делали это вручную. Поэтому мостик был скорее декорацией, нежели средством аварийного управления в случае отказа практически безотказной системы.

Но датчики и вид из иллюминатора радовали глаз, и вообще, было интересно наблюдать, как в одном месте сходится самая разнообразная, уму непостижимая информация. Да и дисплеи мостика были крупнее, чем те, что располагались в других помещениях корабля.

— И с какой же скоростью здесь дует обычно? — поинтересовался Флинкс.

— Триста-четыреста километров в час. Иногда больше. Но никто не обращает на это внимания, если только в ближайшее время не ожидается посадка грузового «шаттла».

— Как можно не замечать такой ветрище, если вы живете среди него?

— В том-то все и дело, что мы не живем. Поверхность Длинного Тоннеля необитаема.

— То есть, вы живете в подземных помещениях?

— Скоро сам увидишь, — она кивнула на показания дисплея. — А пока следуй за навигационным сигналом.

— Ладно.

Но Флинкс даже не шелохнулся. Клэрити подождала несколько секунд.

— Разве мы не собираемся сажать «шаттл»? — не выдержала она.

— Разумеется, собираемся. Я просто напоследок кое-что проверил.

Как бы ни любил он встречу с новыми мирами и новыми людьми, ему всякий раз становилось грустно на душе, когда наступал момент покидать «Учитель». Корабль был его единственным прибежищем среди безумия вселенной, всегда послушный, всегда готовый послужить хозяину.

Они стремительно пошли на посадку по крутой дуге вокруг северного полушария, ориентируясь по одинокому маяку на взлетно-посадочной площадке. Так как на орбите не было других судов, отпала необходимость запрашивать разрешение на посадку, тем более, что Клэрити заверила Флинкса в полном отсутствии на поверхности какого-либо воздушного транспорта.

— Но это значит, что наше прибытие будет замечено всеми — не только твоими друзьями и Службой Безопасности порта, но и теми, кто работает на твоих похитителей.

— Ты всегда сможешь еще раз упаковать меня для перевозки в качестве цветка, — ответила она, лукаво улыбнувшись.

— Верно. На этот раз будут ленты и бантики. — Он внимательно посмотрел на показания приборов. — К этому времени они уже могли махнуть рукой на твои поиски или же до сих пор понапрасну тратят время на Аляспине.

— Последнее вполне возможно, но вот первое... — выражение ее лица стало серьезным. — Не думаю, что эти люди способны отступиться от чего бы то ни было.

Как только кораблик нырнул в бурные вихри верхних слоев атмосферы, его тотчас начало мотать из стороны в сторону. Оба пассажира благодарили судьбу, что на «шаттле» в дополнение к системе компенсаторов нашлись еще и древние пристяжные ремни. Вихри за бортом судна неслись навстречу друг другу и налетали на непрошеного гостя, словно не желая выпускать его из своих объятий. Пип с Поскребышем обвились вокруг двух свободных кресел.

Флинкса тревожил не ветер, а молнии. Постоянные вспышки сопровождались раскатами грома. Их стрелы рассекали тьму не только от туч до поверхности планеты, но и еще по горизонтали.

Молнии дважды падали в «шаттл», но единственное, что они повредили, — это крыло, которое обуглилось.

— И что, здесь всегда так?

Даже сквозь первоклассную звуконепроницаемую обшивку корабля до них доносился постоянный грохот.

— Климатологи говорят, что да. Ни за что бы не согласилась на такую работу. Им приходится жить поблизости от поверхности и вдобавок то и дело выскакивать наружу, чтобы проверить аппаратуру.

По местному времени был уже полдень, но когда «шаттл» пробился, наконец, сквозь слой облаков, внизу было темно, как ранним вечером.

Флинкс благодарил судьбу, что им ничего не надо было делать. Сиди себе в ремнях, откинувшись на удобную спинку кресла, а корабль пусть в это время договаривается с компьютером на взлетно-посадочной полосе. Обе машины без всякого труда рассчитали угол посадки, скорость приземления, направ-

ление ветра и его силу и тысячи других параметров, которые необходимо было учесть, чтобы доставить на поверхность два хрупких двуногих существа. Но несмотря на все их усилия и возможности, кораблик нещадно бросало из стороны в сторону. Освещение снаружи было настолько тусклым, что Флинкс едва смог рассмотреть место посадки в передний иллюминатор. Местность была не просто неприветливой, она удручала. Мрачные колонны из светлого камня, извилистая череда обломанных пиков и утесов, какая-то болезненная чахлая растительность, которая упрямо цеплялась за голые скалы, прячась в редких защищенных от ветра местах, словно в надежде спастись под безжалостными ураганными порывами.

Тучи источали мелкий дождик. «Шаттл» шел на посадку, рискуя врезаться в коварные скалы. Напрасно Флинкс вглядывался во мглу, пытаясь отыскать огни, очертания здания или что-нибудь еще, что указывало бы на космопорт или, на худой конец, просто взлетно-посадочную площадку.

«Шаттл» неожиданно взревел моторами, Флинкса вдавило в кресло, а предохранительные ремни больно впились в тело. Все же на мгновение за иллюминатором мелькнула цепочка голубоватых огней. А больше там ничего не было — ни взлетного поля, ни ангаров, ни стартовых площадок, ни других, столь привычных глазу атрибутов нормальной космической гавани.

— Заходим на посадку еще раз, — продребезжал в грохоте и реве голос компьютера «шаттла».

— Но почему? — раздраженно спросил Флинкс.

— Слишком сильный ветер. С поверхности поступила запрещающая команда. Выхожу на круговую орбиту.

— А если и в следующий раз будет сильный ветер?

— Мы будем вынуждены оставаться на круговой орбите, пока не поступит разрешение на посадку. Если кончится топливо, мы автоматически вернемся на базу для дозаправки.

Флинкс понял, что топлива у них от силы на две попытки. «Учитель» же не располагал достаточным

количеством топлива для «шаттла», потому что Флинкс имел привычку дозаправлять свой корабль в местах приземления. Теперь об этом поздно было сожалеть.

Они снова пошли на посадку по столь крутой дуге, что казалось, их обтекаемый «шаттл» вот-вот останется без обоих крыльев. На этот раз снижение прошло более или менее гладко, более того, в отдельные моменты на их счастье скорость ветра падала ниже ста километров в час.

Клэрити беспрестанно болтала, не желая сознаваться, что нервничает.

— А ты хорошо разбираешься во всех своих компьютерах?

— Я пытаюсь быть в дружеских отношениях с как можно большим количеством разумных существ. Впрочем, существует целая куча не заслуживающих этого звания. Признайся, ведь этот полет беспокоит тебя?

— Конечно, беспокоит, — натянуто отозвалась она. — Но только так можно попасть на Длинный Тоннель или же улететь с него. Мне доводилось испытывать это на своей шкуре с полдюжины раз, так что не в новинку.

— Иначе говоря, ты считаешь, что у тебя и на этот раз есть шансы приземлиться?

— Знаешь, хоть ты и душка, но временами нагоняешь зеленую тоску.

— Прошу прощения.

Теперь ему хорошо была видна цепочка голубых огоньков впереди, и «шаттл» развернулся носом вдоль их линии. Теперь они летели ниже самых высоких пиков. Наружная станция и космическая гавань располагались в глубокой долине, окруженной со всех сторон высочайшими горами.

«Будь осторожен! — предостерег себя Флинкс. — Кто знает, какие там внизу у поверхности ветры?»

Когда они наконец коснулись земли, Флинкс облегченно вздохнул. «Шаттл» на мгновение приподнялся в воздухе, подхваченный не желающим сдаваться вихром, а затем снова приземлился. На этот раз уже насовсем. Компьютер переключил моторы на задний ход. Когда их рев стих, Флинкс и

Клэрити яснее услышали порывы ветра и грозовые раскаты.

Слева от них, беспрестанно мигая, возник зеленый огонек. «Шаттл» развернулся при помощи поворотного устройства, ориентируясь по второму маяку, скрытому пока от их глаз.

— Удачное приземление. — Клэрити уже отстегивала ремни.

— Удачное? — Флинкс перетрусил куда сильнее, чем хотел бы признаться. — Да это сущий ад!

— Зато здесь полно самых разных возможностей. Иначе ни ты, ни я не попали бы сюда.

— А какой здесь воздух?

— Сносный. По крайней мере, не задохнешься. Запомни одну истину — на Длинном Тоннеле нет неудачных посадок. Ведь мы бы могли вообще не приземлиться.

— И почему же?

— Из-за оползней. — Клэрити смотрела в ближайший иллюминатор.

В космосе, по крайней мере, можно видеть звезды. Здесь же сквозь пыльную мглу практически ничего не было видно, только голые скалы. Легкая дымка рассеивалась, ветер продолжал завывать с прежней силой, а внешняя температура была просто невыносимой из-за парникового эффекта, вызванного густой облачностью.

Флинксу и раньше приходилось бывать на негостеприимных мирах, но ни разу не встречал он столь удручающей картины.

— Нет, я согласен жить даже на Фрифлоу, но здесь...

— Еще бы. Но ведь здесь никто и не живет. Сюда прилетают для исследований, для работы, для производства.

Барьер, который поднялся, пропуская их в терминал, крепился на стеллакритовых стенах, обрамлявших естественное отверстие в боку отвесной скалы. И словно напоминая ему слова Клэрити насчет оползней, откуда-то сверху на них покатились несколько крупных валунов. К счастью, камни разбились вдребезги, упав на полную ухабов взлетную полосу справа от их «шаттла». Затем Флинкс с

Клэрити прошли внутрь, оставляя снаружи пресловутые ветры, а их «шаттл» остался стоять в ослепительном блеске стерильного искусственного освещения. Позади с грохотом опустился барьер, отрезая от них ветер, пыльную дымку и духоту.

— А откуда вы здесь получаете энергию?

Щедрое освещение, проникавшее в самые дальние уголки ангара как-то не вязалось со скромной гаванью. Впрочем, Флинксу следовало и самому догадаться.

— Ветровые турбины на вершине этой горы, — ответила Клэрити. — Мощные лопасти и хороший крепеж. У нас про запас есть также термоядерное топливо, но, насколько я знаю, еще ни разу не было повода им воспользоваться. Те, кому для работы не хватает нескольких киловатт, без лишних разговоров лезут на гору и устанавливают там дополнительную турбину. Эти турбины предназначены как раз для таких ветров. Собственно, благодаря им и удалось наладить здесь работу. Нужно только заплатить за турбину, ее установку и за привязку к системе. А после — жги дармовую энергию. При скорости здешних ветров ее хватает с избытком.

Флинкс заметил, что навстречу им движутся какие-то фигуры. Они явно не спешили и продвигались с осторожностью.

— Похоже, здесь не привыкли к незапланированным посадкам.

— Насколько мне известно, наша первая. Ведь как ты знаешь, сюда не прилетают ради отдыха.

— Так что же мне сказать администрации гавани?

Клэрити усмехнулась:

— Какая тут администрация? Ты со мной, и этим все сказано. Я же работаю на «Колдстрайп», это все знают.

Клэрити покосилась на Пип, которая в этот момент распрямляла кольца, обвитые вокруг спинки кресла.

— А как быть с твоими питомцами?

— Пип со мной. А Поскребыш может поступать как угодно. Они привычны к климату Мотылька,

поэтому здесь наверняка вынесут любые условия, если только дело не дойдет до морозов.

— Такого здесь не бывает.

Флинкс вышел следом за Клэрити из «шаттла», и машина по его команде закрыла все замки. Несколько рабочих в бежевых комбинезонах мельком взглянули в их сторону и продолжили заниматься своими делами. Флинкс заподозрил, что их взгляды в первую очередь предназначались Пип с Поскребышем, а не их двуногим спутникам.

Когда Клэрити выходила из «шаттла», она вся напряглась. Теперь ей стало легче.

— Ничего из ряда вон выходящего. Интересно, а сколько людей знало о моем исчезновении? Ведь здесь все живут каждый в своем мире.

— По-моему, в таком маленьком месте весть об исчезновении должна быстро облететь всех.

— Если только ей будет позволено разнестись беспрепятственно. Нет, фирма наверняка постаралась бы держать все в секрете и не поднимать лишнего шума. Здесь не принято общаться с работниками других фирм. Каждый старается заниматься только своим делом и не лезть в чужие. Некоторые даже изолированы от остальных в буквальном смысле этого слова, в общем, здесь у нас конкуренция.

Она повела его дальше по гладкому полу. Позади массивных ворот ангара глухо раздавались раскаты грома, но Флинкс и Клэрити уходили все дальше от них.

Несколько быстрых взглядов, и Флинксу стало понятно, что они пересекают пространство огромной пещеры, приспособленной под ангар. Она была достаточно просторной, чтобы вместить несколько десятков «шаттлов».

— Поначалу тут было пусто, — пояснила Клэрити, когда Флинкс поинтересовался происхождением пещеры. — Чего-чего, а пустот на Длинном Тоннеле предостаточно.

— А как здесь с местной флорой и фауной?

— А-а! — улыбнулась она. — Именно из-за них мы здесь и находимся в первую очередь. Тут все на редкость разнообразно и хорошо приспособлено к

местным условиям. Уникальная экосистема с огромными потенциальными возможностями. Погоди немного, скоро ты сам все увидишь.

Флинкс обернулся на барьер ангара.

— Я что-то не заметил особого разнообразия, когда мы приземлились, и вообще, как при такой погоде можно ожидать хоть что-то интересное?

— Все верно. — Клэрити еще раз улыбнулась. — Низкорослые кустарники, несколько видов ползающих насекомых и низших млекопитающих. Природа не так глупа, как ты думаешь, Флинкс. Когда здесь впервые приземлились первооткрыватели этой планеты, первое, что они сделали — это постарались укрыться от местной непогоды. Аборигенные биоформы занимались этим на протяжении миллиардов лет. Согласись, что это весьма разумно с их стороны: снаружи — внутрь. И они это сделали.

Клэрити с Флинксом вошли в зал прибытий. Здесь все было устроено просто и экономно. Флинкс, как зачарованный, рассматривал голые камни потолка, пола и стен. «Вот мы и вернулись к своим истокам», — подумал он. Пусть все здесь увешано волоконными кабелями и набито аппаратурой, но все равно — это пещера. Изменилась только наскальная роспись. А вот сталакиты со сталагмитами остались на своих местах там, где они не мешали работать.

Опять в их сторону были обращены несколько взглядов. Теперь, когда они были далеко от Аляспина, люди, не знакомые с мрачной репутацией минидрагов, смотрели на них исключительно как на экзотическую забаву.

В гавани кипела работа, но работников было немного, возможно такое впечатление создавалось из-за обширного пустого пространства пещеры. Отличить новичков от давно работающих здесь было нетрудно даже с первого взгляда. У последних кожа была бледнее бледного.

— Здесь все принимают ультрафиолетовые ванны, — пояснила Клэрити. — Некоторые делают это регулярно, некоторые же не столь прилежны. Искусственное освещение не восполняет недостаток ультрафиолета.

— Но в таком случае ради чего они здесь торчат?

Флинкс понял, что задал глупый вопрос.

— Ради денег. А с какой еще стати все у нас здесь гробят свое здоровье? Ради денег и, может быть, ради славы.

— Ну и как, получается?

— У некоторых — да. По крайней мере в том, что касается славы. Деньги же только начинают появляться. В моем случае, например, это часть гонорара от недавно одобренного биопатента. И еще причитаются новые гонорары. Крупнее, чем ты можешь себе представить, принимая во внимание мой возраст. Исследования, в которых я здесь участвую, совсем недавно начали давать реальную отдачу.

— А что это за исследования?

— Ага! — поддразнила она Флинкса. — Разве я тебе о них еще не рассказывала?

— Мне известно только то, что ты генный инженер. Но ты не сказала мне, что конкретно ты создаешь.

— Увидишь сам. Я покажу тебе все, и к черту правила внутренней безопасности. Я тебе ведь многим обязана и с меня причитается. Если, конечно, тебе это интересно. А если нет — то я тебя не хочу здесь сколько-нибудь задерживать. Ты ведь сделал все, о чем я тебя просила и даже более того...

Флинкс тотчас припомнил прыжок через пространство между Аляспином и Длинным Тоннелем.

— Не могу сказать, чтобы я из кожи вон лез, — сухо сказал он. — К тому же я заинтригован, чем ты занимаешься, и вообще этим местом, кроме того, мне бы хотелось своими глазами увидеть, на что ты способна.

— Другого ответа я и не ожидала, — радостно отозвалась она. — Я достану тебе пропуск. Длинный Тоннель представляет собой гигантское карстовое образование. По крайней мере, так утверждают геологи. В течение миллиардов лет поверхность планеты покрывал мелководный океан.

Флинкс кивнул, рассматривая стены.

— Здесь сплошной известняк.

— Да, главным образом. Но не повсюду. Известняк, гипс, кальцит — это мягкие минералы. Когда

океан отступил по мере остывания планеты, три возникших материка оказались открыты всем ветрам и, что более важно, нескончаемым ливням. На протяжении тысячелетий дождь разъедал известняк. В результате возникли пещеры вроде той, где мы находимся. Или же той, где размещается ангар. К разведке недр здесь едва приступили, однако есть основания полагать, что Длинный Тоннель располагает самой крупной и разветвленной системой пещер во всем Содружестве. Здесь шагу нельзя сделать, чтобы не натолкнуться на помешанного на пещерах спелеолога. Как только были сделаны первые выводы о строении поверхностного слоя планеты, как вся эта компания принялась, спотыкаясь, бродить стадом по подземным залам и ахать от восторга. Они постоянно заняты тем, что рассылают пересмотренный перечень пещер, стоит только им наткнуться на какую-нибудь более удивительную, чем раньше. А тебе нравятся пещеры?

— Пожалуй, не очень. Не то, чтобы я их очень боялся, просто я предпочитаю солнечный свет и аромат настоящих растений.

— Половину из этого я тебе здесь, правда, не гарантирую, что все ароматы будут приятны для твоего носа. Здешний воздух постоянно прохладен, но с поверхности вниз просачивается духота. Поэтому здесь у нас не слишком холодно. Можно работать в рубашке с коротким рукавом. А насчет нижних уровней никто толком ничего не знает. Спелеологи были заняты тем, что мы называем умеренной зоной, поэтому у них не было возможности или желания забираться со своими лампами куда-нибудь поглубже. Между прочим, вода здесь чистая и свежая, как и повсюду, ведь она проходит естественную очистку. У нас тут ходят слухи о строительстве местной пивоварни, работающей на экспорт. Может быть, ничего особенного из этой затеи не выйдет, но, по крайней мере, — новинка. К настоящему моменту на планете обнаружено четыре подводных реки.

В этот момент Флинкс и Клэрити как раз проходили мимо кафетерия. Несколько человек вынимали из автомата подносы с едой.

— Предполагают, что обнаружат еще. Ходят разговоры даже о подземных морях.

— По-моему, пещера подобных размеров уже давно рухнула бы под собственной тяжестью.

— Кто знает? Длинный Тоннель то и дело заставляет пересматривать устоявшиеся геологические догмы. Да и биологические тоже.

С того самого момента, когда они оставили позади себя ангар, Флинкс постоянно ощущал в воздухе какое-то гудение, словно хор теноров снова и снова вполголоса тянул какую-то одну и ту же мелодию.

— Насосы, — объяснила Клэрити, когда он поинтересовался, что это за звук. — На Тоннеле слишком много воды. Пещеры же постоянно растут и формируются. А так как наверху постоянно льют дожди, вода должна куда-то стекать. Большая ее часть просачивается вниз естественным путем, но в некоторых местах ей приходится помогать. Это делается с помощью насосов. Как я уже сказала, энергия здесь — не проблема.

— Но кто-то ведь все же платит за все эти премудрости?

— Инфраструктура порта и вспомогательные средства содержатся совместно, часть денег выделяет правительство, часть — те компании, которые работают здесь по лицензиям. Все остальное — исключительно за счет частных инвестиций.

— Разумно. И что, все фирмы располагаются в одной и той же пещере?

— Нет, они разбросаны по всей планете, но поддерживают связь за счет волоконных коммуникаций. Радиосвязь довольно плохо пригодна для применения в скальной породе, независимо от того, к какой технике вы прибегаете. Дешевле и надежнее прокладывать волоконные коммуникации. Внутренние стены существуют исключительно для того, чтобы отгородиться от остальных, и каждая исследовательская группа занимает собственную пещеру. Делается все просто. Выбирается свободный зал, сглаживаются все наросты, устанавливаются столы, шкафы, постели, кухонные плиты и лабораторное оборудование. У нас на Тоннеле офисных площадей

в десятки раз больше, чем на других планетах вместе взятых.

— На первый взгляд здесь все отлично предусмотрено и содержится в образцовом порядке. Так почему, скажи, кому-то надо вмешиваться в ваши дела?

Ее лицо помрачнело.

— Я еще не до конца уверена. Они ведь не поставили меня в известность, что им в конечном итоге от меня надо? К тому же я реагирую исключительно на логические доводы.

У Флинкса едва не вырвалось, что она слишком хорошенькая для этого. Но он вовремя передумал говорить это вслух. Во-первых, ему показалось, что она не оценит скрытый юмор этой фразы, а во-вторых, он вообще никогда не знал, что следует и чего не следует говорить хорошеньким женщинам. Почему-то при общении с ними у него вместо улыбки вдруг получался хмурый взгляд, и вообще, дело шло лучше, когда он молчал.

— Эй, не зевай! — Она положила руку ему на плечо, подталкивая его вправо.

Поначалу он не заметил, так как смотрел прямо перед собой. Понадобилось несколько секунд, чтобы его глаза различили движение.

Глава 8

Всего их было трое. Они шествовали параллельно друг другу по левой половине пористого пластикового покрытия, по которому шли также и Флинкс с Клэрити. У каждого из них имелся рот несколько сантиметров в ширину. Как впридачу к нему полагалось широкое и плоское, словно у камбалы, туловище в желто-голубую полоску. Глотку окаймляли ярко-розовые губы.

Поначалу Флинксу показалось, будто это насекомые, передвигающиеся на малюсеньких ножках, похожих на волоски. Но, приглядевшись, он увидел

на них мех. Каждое существо было около полуметра в длину. Не считая сплющенных разинутых ртов, вздрагивающих при каждом шаге, существа не имели никаких других органов, заметных глазу, кроме двух черных точек, расположенных чуть повыше челюстей. Судя по всему, это были глаза.

Каждая из двух дюжин ножек, служивших им средством передвижения, имела посередине сустав и заканчивалась плоской круглой подушечкой. В задней части туловища рос безволосый хвост длиной в несколько сантиметров. Все вместе они походили на трио безлицых утконосов-мутантов, которым приставили ноги гигантской сороконожки.

Флинкс глазел на них, открыв от удивления рот, а они безмолвно шествовали мимо него, словно колонна миниатюрных жнецов.

— Поплавки, — пояснила Клэрити, махнув рукой в сторону странных существ. — Обычно мы изолируем все жилые и рабочие зоны. Здесь на Тоннеле водятся и опасные хищники. Вообще, кто знает, какие неведомые чудовища еще могут нам повстречаться. А поплавки по-своему полезны. Мы их вроде бы как приручили.

— И где, интересно, они плавают?

— Не я придумала им *название. Так их окрестил* кто-то другой. Они трехполые. Вот *почему их всегда* можно видеть втроем. Мы *позволяем* им бродить, где им вздумается.

— И что они делают? Пылесосят вам полы?

— Нет, — рассмеялась она. — Они не питаются грязью и пылью, если ты это имеешь в виду. Учти, это живой мир, Флинкс. Полы и стены, даже воздух в пещерах полон спор, дрожжей и грибков. Половина исследовательского персонала здесь — микологи. Они говорят, что большая часть микрофлоры безвредна, но не вся. Кое-что опасно для жизни. Спелеологи-картографы, отправляясь в экспедиции, берут с собой маски на тот случай, если наткнутся на что-нибудь опасное. А между безвредными и смертельно опасными видами существует обширная группа организмов, которые мгновенно вызовут у вас воспаление дыхательных путей, стоит лишь им

соприкоснуться с вашей слизистой оболочкой. Они, в основном, скапливаются на полу, но когда мы ходим, вместе с пылью поднимаются в воздух. А вот поплавки их просто обожают. Так что эти уродцы действительно что-то вроде пылесосов, только удаляют не одну лишь пыль. Они всасывают в себя органику и потом отфильтровывают ее. Что-то вроде китов, только гораздо меньших размеров. Разумеется, они пожирают безвредные организмы с не меньшим удовольствием, но для нас это небольшая потеря.

Клэрити вела его к привычному на первый взгляд терминалу наземных «шаттлов». Флинкс скоро разглядел, что машины, в отличие от виденных им ранее, не имеют крыши. Жителям Длинного Тоннеля не было необходимости укрываться от непогоды.

— Отсюда рукой подать до комплекса моей фирмы, — сказала Клэрити.

— Может, ты сначала позвонишь и дашь о себе знать? Скажешь, что вернулась?

Клэрити лукаво улыбнулась:

— Ни за что. Это довольно занудная компания. Их следует хорошенько встряхнуть. Пусть мое возвращение станет для них сюрпризом.

Она забралась в одну из пассажирских машинок, и Флинксу оставалось только последовать за ней. Клэрити пальцами пробежала по кнопкам, задавая направление движения. В то же мгновение небольшая машина поднялась на полсантиметра над магнитным рельсом и, набирая скорость, понеслась вперед.

Они неслись вдоль извилистого тоннеля. Флинкс заметил гладкие стены и узкий служебный тротуар, проложенный вдоль магнитного рельса. Освещение по всей длине скального коридора оказалось на редкость ярким, и если бы не массивные каменные стены, трудно было бы предположить, что путешествие проходит под землей. Точно так же мог выглядеть любой транспортный коридор на Земле или какой-нибудь другой планете промышленной зоны.

По проложенному над ними рельсу в противоположном направлении проносились другие машины,

направлявшиеся в порт. Некоторые были такими же маленькими пассажирскими суденышками, некоторые же представляли из себя небольшие грузовые составчики.

От основного рельса в боковые тоннели тянулись ответвления, но Флинкс с Клэрити по-прежнему неслись вдоль главной линии.

— Ты заметил, какая у них сильная пигментация?

— У кого?

Флинкс неотрывно смотрел вдоль тоннеля. Езда напоминала ему увеселительную поездку вместе с матушкой Мастифф по парку, которую они совершили, когда он был еще ребенком. Она была не столь стремительной и без всяких там голографий, но на свой старомодный манер не менее увлекательной.

— У поплавков. Она желтая и голубая. А все потому, что многие виды до сих пор зависят от той пищи, что проникает сверху. Ветры, дожди и жара не позволяют там выжить высшим биоформам, но вот некоторые виды растительности неплохо прижились и даже завоевали себе обширное пространство. Ведь там, на поверхности ими питаться некому. Поэтому производимая ими органика находит в конце концов себе дорогу в пещерные отверстия и расселины. Целая экосистема зависит здесь от переходной зоны между внешним и внутренним уровнями. И поплавки являются ее неотъемлемой частью. Вот почему они сохранили окраску, в то время, как большинство живых существ, заполнивших глубинные пещеры, полностью утратили пигментацию. Было бы здорово, если бы тебе удалось увидеть, скажем, горолакта. Зверь этот довольно внушительных размеров, примерно с корову. Но у него шесть ног, а главное, он почти прозрачен. Сиди себе и наблюдай его кровообращение, словно в учебном фильме по физиологии. Почти у всех обнаруженных к настоящему моменту видов есть органы зрения, но они по большей части рудиментарные. Как правило, эти животные неплохо реагируют на яркий свет, а один вид — фотоморфы, даже приспособили его себе на пользу.

— Что это за зверь такой — фотоморф?

Машина неожиданно покачнулась, сделав резкий поворот. Пип встрепенулась было, но потом снова уютно устроилась на плече Флинкса.

— Сам увидишь, — Клэрити лукаво улыбнулась, — когда он нападет не тебя.

— Нападет? — слегка встревожился Флинкс. — Мне что, следует ожидать атаки?

Теперь он смотрел на убегающий вглубь тоннель другими глазами. Он продолжал ломать голову над тем, кто такой фотоморф до тех самых пор, пока машина не замерла на месте. Клэрити повела его через анфиладу пещер и переходов. Все неровности пола и стен здесь были тщательно сглажены. Флинкс ясно различал какие-то голоса неподалеку. В этом не было ничего удивительного — звук отлично распространялся в системе подземных пустот.

Флинксу по дороге удалось разглядеть просторные залы, отделенные друг от друга стенами из фибергласового напыления. Делалось это просто — зал перегораживался сеткой, сверху на нее наносился слой фибергласового красителя, который, застыв, образовывал сплошные перегородки. Дешево и надежно.

Клэрити остановилась перед какой-то дверью, выкрашенной в какой-то на редкость безвкусный ярко-голубой цвет. Она вела в комнату, где им навстречу поднялся молодой человек, на вид чуть старше Клэрити. Он был высок, а его черные волосы почти полностью закрывали лицо.

— Клэрити! — Он нервно смахнул с лица непослушные пряди. — Господи, где ты пропадала? Мы здесь все с ума посходили от волнения, а начальство словно воды в рот набрало, как будто ничего не произошло.

— Теперь все позади, Джейз. Мне есть что рассказать, но первой должна услышать это наша Вандерворт, чтобы она успела принять надлежащие меры. — Она указала на Флинкса. — А это мой друг. Змей у него на плече — тоже, равно как и змей у меня на шее под волосами. Только не вздумай лезть за ним рукой.

Высокий молодой человек перевел взгляд с Флинкса на Пип, а потом снова на Клэрити. Лицо его светилось восторгом.

— Я должен немедленно сообщить всем, что ты вернулась. — Он уже было собрался идти, но затем передумал. — Да, но ты же сказала, что сперва поставишь в известность Вандерворт.

— Лишь кое-какие детали. Я тебе разрешаю огорошить Танджерина, Джимму и всех остальных.

— Идет, договорились. Да, а вы не желаете войти?

И он посторонился, уступая дорогу.

Флинкс прошел вслед за Клэрити в просторную лабораторию, а Джейз бросился к ближайшему переговорному устройству, чтобы сообщить последнюю новость.

— Похоже на то, что по тебе здесь соскучились, как ты и предполагала.

— Наверняка у них в мое отсутствие застопорилась пара проектов. Я вовсе не хвастаюсь. Просто так оно и есть.

Флинкс восхищенно рассматривал удивительные приборы, выстроившиеся на столах и вдоль стен. Все здесь было начищено до блеска, на поверхностях из плексосплава — ни единого пятнышка. Четверо техников были заняты в зале каждый своим делом. Двое были люди, двое — роботы. И те, и другие через плечо покосились на посетителей, люди помахали рукой и снова углубились в работу.

— А транксы тоже работают на вашу «Колдстрайп»?

— Двое или трое. Здесь для них довольно холодно. Если бы не ветер, они наверняка предпочли бы что-нибудь на поверхности. В основном, они осуществляют профилактический осмотр турбин. Постоянная влажность тоже играет для них не последнюю роль, и потому им нравится работать здесь, под землей. К тому же они носят теплокостюмы. Их жилая зона снабжена крышей и постоянно увлажняется изнутри подогретым паром. Если хочешь, чтобы тебе стало дурно, попробуй после пещеры зайти в квартирку Марлауино. Тотчас окажешься в

парилке, где на тридцать три градуса жарче, чем снаружи.

Они прошли сквозь одну перегородку, потом сквозь другую и оказались в помещении, где все вокруг издавало шипение, завывание и поиск, причем все эти звуки имели явно не электронное происхождение.

— Хранилище видов, — пояснила Клэрити, но в пояснении не было никакой необходимости.

Флинкс не сумел узнать ни единого из зверей, что скакали и резвились в клетках из тонкой, едва заметной проволоки. Все они, как один, был прозрачными.

— Основа из углеволокна. — Клэрити дотронулась до сетки. — Не дает убежать и в то же время не нервирует животное. Оно почти не чувствует себя в неволе. А вот и тот, которого я хотела тебе показать.

Флинкс посмотрел туда, куда она ему указала, и в тот же момент в лицо ему ударила слепящая вспышка света. Зрение вернулось к нему через несколько минут. А в глазах еще долго плясали искры. Клэрити давилась со смеху. Флинкс понял, что в нужный момент она зажмурилась.

— Вот это и есть фотоморф, о котором я тебе говорила. Я же сказала тебе, что ты сам увидишь, когда он тебя атакует. Поначалу можно предположить, что им понятно, что при таком освещении их вспышки не производят достаточного эффекта. Но в действительности они почти слепы и скорее всего не понимают, что их оружие здесь малоэффективно.

Как только зрение вернулось к нему, Флинкс разглядел несколько «зверюшек», медленно вышагивавших из глубины клетки к передней стенке. Все они были около полуметра в длину, как и поплавки, и покрыты тонким серым мехом и с усами, напоминающими велосипедный руль, под двойными ноздрями. Рыльца у них были короткими и туповатыми, а рот полон острых треугольных зубов. Ноздри же сидели на кончике четырехсантиметрового хоботка. Каждая из четырех ног оканчивалась трехпалой лапой с длинными серыми крючковатыми когтями. Полупрозрачные прутья клетки казались слишком

хрупкими и непрочными, чтобы удержать заключенного внутри нее крупного мускулистого зверя. Но Флинкс не сомневался, что они гораздо прочнее, чем могло показаться на первый взгляд.

Фотоморфы двигались медленной чередой, словно ленивцы.

— Они остановятся, когда наткнутся на переднюю стенку клетки, и тогда поймут, что им нас не достать. Глаз у них, можно сказать, нет никаких. В данном случае это нечто вроде наступательного оружия. Я же ведь говорила тебе, что у нас тут водятся хищники.

— Но если они не способны увидеть нас, как им известно, что мы здесь находимся? По запаху?

Клэрити кивнула.

— У других животных на мордочке и туловище есть электросенсоры, и они способны обнаруживать жертвы по слабым импульсам, присущим любому организму. Некоторые способны улавливать движение жертвы по изменению воздушных потоков и давления. Посмотри на их макушки, где обычно располагаются уши.

Флинкс приподнялся на цыпочки и обнаружил, что головы зверей украшает двойной ряд стекловидных бусин.

— Ты по ошибке можешь принять их за глаза, но у них нет ни зрачков, ни радужной оболочки. На самом деле это фотогенераторы. Звери накапливают световую энергию внутри тела, а затем испускают ее одной ослепительной вспышкой, если им надо ослепить свою жертву. Учти, что большинство высших животных, классифицированных нами, обладают способностью различать в темноте свет. Вот почему фотоморф, включая одновременно полный набор своих мощных прожекторов, временно выводит из строя фотосенсоры жертвы. Для ее мозга это настоящий удар, и она может оправиться от него только спустя несколько минут. Можешь называть это фотоксином. И пока животное сидит, не понимая ничего, фотоморф со своими приятелями вразвалочку подходит к жертве и начинает пиршество.

Флинкс признался, что потрясен.

— Я слышал о существах, использующих свет для приманивания жертв. Но чтобы атаковать светом!..

— Ты изумишься, если узнаешь, каких только наступательных и оборонительных ухищрений не выработали здесь живые существа при полном отсутствии света! Каждый раз, когда наши ксенологи отправляются в новую экспедицию, они обязательно открывают новое чудо. Здешние биоформы не зря считаются уникальными, иначе зачем мы здесь? А мы здесь для изучения потенциально полезных видов.

Флинкс кивнул головой в сторону плененных фотоморфов.

— Неужели из них может выйти какая-нибудь польза?

— Другие биоформы, например, светлячки или же глубоководные рыбы, излучают свет за счет химических реакций. Фотоморфы же наделены электронным процессом, ранее не известным науке. Независимо от того, насколько высок уровень наших технологий, на рынке услуг всегда есть место для новых способов выработки электроэнергии и света. Наши сотрудники пока что не подобрали ключа к тайне фотопушки этого зверя, но они постоянно бьются над этим.

— И тебе тоже пока что не удалось разгадать этот секрет?

— Это не мое направление. Я слишком занята. А вообще, это здорово, что у меня всегда здесь есть работа. А чем еще можно заняться в нашем подземелье. Слоняться и от нечего делать разглядывать пещеры и заводить случайные знакомства?

Клэрити направилась вон из зверинца.

— Если бы у здешней живности было побольше корма и поменьше врагов, то они бы все принялись плодиться и размножаться, как ненормальные. Так что, если вы находите полезное применение какому-нибудь чуду-юду, которое размножается, как угорелое и питается при этом исключительно слизью и грибами, можете считать, что в ваших руках готовый продукт. Выходи на рынок и продавай. Ты когда-нибудь слышал о Сплетении Вердидион?

Флинкс сперва отрицательно покачал головой, а потом задумался.

— Погоди. Что-то вроде живого ковра, если не ошибаюсь.

Клэрити кивнула.

— Наш первый настоящий успех. Благодаря ему нам удалось получить средства для финансирования других проектов. Этот коврик обязан мне своим появлением на свет. По крайней мере, наполовину. Было это лет пять назад. До этого нам удавалось поставлять на рынок только всякую мелочь. Со Сплетением ее, конечно, не сравнить. Теперь же мы снова стоим на пороге крупного достижения. Вернее, стояли бы, если бы нам не помешали. Я покажу тебе кое-что из наших разработок при первой же возможности.

— Что ж, мне было бы интересно взглянуть на них.

Клэрити с Флинксом вернулись в главную лабораторию. Молодой человек уже поджидал их там. Глаза его сияли радостью.

— Вандерворт хочет немедленно видеть тебя.

— Жаль. Мне хотелось бы первой преподнести ей сюрприз.

— Тебя видели, когда ты проходила через контроль. Все сгорают от нетерпения, хотят поговорить с тобой, но я подумал, что будет лучше, если ты сначала поговоришь обо всем с Вандерворт.

— Теперь, похоже, у меня не остается выбора, верно ведь, Джейз?

— Похоже на это. — Вид у него был озабоченный. — Случилось что-то неладное? Ходят слухи, что... в общем, фирма пыталась не предавать огласке твое исчезновение, но разве в таком месте, как здесь, можно что-либо удержать в тайне?

— Пока что не хочу вдаваться в подробности, но если бы не мой друг, меня попросту бы здесь не было.

Джейз уставился на худощавого молодого человека, молча стоявшего рядом с Клэрити. Изучив его с головы до ног, Джейз решил, что тот не заслуживает большого внимания. Флинкса это вполне устраивало.

— Просто я в тот момент был в состоянии прийти на помощь, что я и сделал, — объяснил он.

— Да-да, спасибо за любезность.

Джейз снова перевел взгляд на Клэрити. Флинкс понял, что этот парень по уши влюблен в нее. Интересно, а догадывается ли бедняга, что его чувства понятны для окружающих?

С высоты собственного роста и жизненного опыта Флинкс мог спокойно воспринимать соперника.

— Когда ты исчезла, тут у нас все с ума посходили.

Джейз решил, что может игнорировать Флинкса. Можно сказать, он уже достаточно уделил ему внимания, обследовав, словно обитателя подопытного зверинца.

— Могу себе представить. Не волнуйся. Я уже завтра приступлю к работе.

Клэрити протянула руку. Флинкс сначала подумал, что этот жест предназначался коллеге-исследователю, но она просто указывала на дверь.

— Пойдем. Пора наведаться к Вандерворт. Она тебе понравится. Она всем нравится.

— В таком случае, я уверен, что и мне тоже.

Они отправились пешком, вместо того, чтобы ехать в вагончике. По дороге им то и дело попадались навстречу люди, чей внешний вид с первого взгляда выдавал в них работников Службы Безопасности. Большинство были вооружены.

— Похоже, что в твое отсутствие здесь приняли кое-какие меры предосторожности.

— Эйми не такая уж дурочка. Любая фирма подняла бы переполох, если бы вдруг неожиданно пропал кто-нибудь из самых ценных работников, не оставив ни заявления об уходе, ни объяснительной записки. К тому же мое похищение прошло не так гладко, как хотели бы похитители. Готова поспорить, что на меня объявлен розыск по всему Содружеству.

Они шли по открытому до потолка коридору. Пол в нем был сделан из полированного песчаника и травертина. В некоторых местах с потолка свисали пластиковые щиты, и Флинкс мог различить стук

водяных капель о непроницаемый милар. Клэрити заметила, куда он смотрит.

— По-моему, я говорила, что большинство пещер исследованной системы все еще развиваются.

— Как это понять?

— Если сквозь пещеру протекает вода, то это значит, что она формирует новые полости и образования. Это живая пещера, а та, что уже высохла, считается мертвой.

— Понятно. Мне следовало бы это знать, но ведь большинство моих исследований были связаны с теми мирами, которые я успел посетить.

Клэрити внимательно посмотрела на Флинкса.

— А сколько миров ты уже посетил? Я вот была только на трех. Родилась я на Большой Талии, ну, разумеется, потом была на Малой Талии и вот наконец Длинный Тоннель. Да, я совсем забыла про Аляспин. Это четвертый мир.

— Я побывл более, чем на четырех.

Флинксу не хотелось вдаваться в подробности. Скорее всего, она просто не поверит ему. Поэтому Флинкс предпочел сменить тему и применил для этого свое давнее умение.

— У вас тут теперь смотрят в оба. Это видно невооруженным глазом. Но ты, между прочим, выглядишь сейчас гораздо спокойнее, чем когда-либо за прошлые дни.

— Они ведь еще не знают, что все позади. А я волновалась до последней минуты, пока мы не приземлились. Но теперь все в порядке, тем более, что Служба Безопасности в курсе дела. Ты ведь и сам убедился, что это такое — совершить посадку на Длинном Тоннеле. Здесь всего-навсего одна взлетно-посадочная полоса и одна-единственная гавань. Никаких условий. Зато достаточно держать под контролем порт, и ни одна живая душа не проникнет сюда, миновав Службу Безопасности. Так что советую тебе расслабиться.

Флинкс с удовольствием бы это сделал, однако поймал себя на мысли, что уже лет пять, как забыл, что это такое — расслабляться.

Они в очередной раз повернули за угол и остановились перед дверью в ярко-желтой стене. Клэрити

не стала нажимать на звонок или предъявлять удостоверение. Она просто открыла дверь и вошла. Здесь не оказалось ни заградительного сканнера, ни автосекретаря, чтобы доложить об их приходе.

Лишь очутившись внутри кабинета, Флинкс понял, в чем дело. Внутреннего контроля на Длинном Тоннеле просто не существовало. За ненадобностью. Для того, чтобы предотвратить недозволенное вторжение, достаточно было поддерживать связь с портом и следить за входной дверью. Черный ход, через который можно было проникнуть незамеченным, здесь просто отсутствовал. Этим и объяснялось, почему похитителям Клэрити удалось беспрепятственно выкрасть ее. Оказавшись внутри и не вызвав подозрений, им было достаточно пройти лишь один контрольный пункт, чтобы снова попасть наружу. Конечно, каждая фирма располагала своей системой охраны, но она больше следила за тем, чтобы не проникали снаружи, и не интересовалась тем, что шло в противоположном направлении.

Кабинет, в который вошли Клэрити с Флинксом, был просторным. Ничего удивительного, если для этого нужно всего лишь разгородить еще одну пещеру по собственному усмотрению. Эту пещеру украшал десяток сталактитов. Их почему-то предпочли оставить в первозданном виде. Блестящие сталакиты, гелектиты, причудливые гипсовые и известковые наросты — все это сверкало и искрилось в лучах светильников. Известняк и вода подарили пещере более прекрасные украшения, чем мог бы сделать дизайнер.

Климатическая установка здесь была ни к чему. Температура в офисе была такая же, как и в коридоре — прохладно и чуть сыро. Слева, ближе к дальней стене, из расщелины нежно струилась вода, стекавшая в отверстие, расположенное рядом.

Папки с материалами, кушетка, конторская мебель, сдвинутые столы — все это резко выделялось на фоне искрящихся природных украшений пещеры.

Женщина, которая поднялась им навстречу из-за стола, была гораздо ниже Клэрити. Ее рыжие длинные волосы, зачесанные назад и стянутые в тугой

узел, держались на трех острейших золотых иглах, сделанных в форме кристаллов. Улыбка женщины отличалась теплотой и искренностью, а голос имел грудной тембр и легкую хрипловатость. Из уголков губ, грозя свалиться, повис огрызок наркомундштука, что ничуть не мешало ей разговаривать. Походка и рукопожатие женщины оказались порывистыми и энергичными. По мнению Флинкса ей было что-то около пятидесяти, и он был искренне изумлен, когда оказалось, что семьдесят.

Она не стала обмениваться рукопожатием с Клэрити, а просто обняла ее и дружески похлопала по спине.

— Максим и вся его шумная компания все здесь вверх дном подняли, как только ты исчезла.

Услышав это, Клэрити нахмурилась.

— Они заходили в мой офис?

— Да, дорогая моя. Да, все, кому не лень, заходили туда. А ты на что надеялась? Когда безопасность заикнулась, что твое исчезновение скорее всего не было добровольным, видела бы ты, что здесь началось! Сплошные причитания и заламывания рук. Как мне кажется, пора в конце концов и власть употребить. Мне с самого начала следовало бы обеспечить более надежную охрану. *Но кому из нас,* скажи на милость, *могло прийти в голову нечто* подобное? И где! На Длинном Тоннеле! Права я или нет, лучше скажи сама. Тебя действительно похитили?

— Совершенно верно.

Вандервот понимающе кивнула.

— Для экспертов улики были очевидны. Для нас, конечно же, нет, но эти поняли с первого взгляда. Что ж, более этого не произойдет. Могу это обещать.

— По пути сюда мы видели новую Службу Безопасности.

— Прекрасно.

Вандерворт повернулась, чтобы взглянуть на Флинкса. Ей еще в первые минуты, как они вошли, бросился в глаза минидраг у него на шее.

— Забавная игрушечка у вас, молодой человек. Я уже заметила, что и Клэрити обзавелась такой же.

— Пип — не игрушечка. Наши отношения приносят нам обоюдную пользу.

— Вам виднее. Здесь у нас вы можете собственными глазами взглянуть, на каких принципах строится наша работа. Или вы уже и так все знаете? — Вандерворт посмотрела на Клэрити. — Сколько ты уже успела рассказать ему?

— Все, что не считается секретным. Он спас мне жизнь. Кто знает, может быть, и вам тоже. Я не могла сделать вид, будто остальное его не касается.

— Я никак не дождусь от тебя подробностей, — насмешливо отозвалась Вандерворт и повернулась к Флинксу. — Кстати, мое имя Алинасмолия Вандерворт. Но все называют меня просто Эйми. Или Момма. Я руководитель проекта «Колдстрайп».

— Я так и понял.

Флинкс ответил ей крепким рукопожатием.

— Так уж получилось, что мы теперь все ваши должники. Ведь вы вернули нам Клэрити. Кстати, а вы, случаем, не страдаете клаустрофобией? У нас на всякий случай есть таблетки для тех, у кого появляются первые симптомы.

— Со мной все в порядке. Как бы там ни было, здесь гораздо просторнее, чем я предполагал.

Казалось, Вандерворт довольна ответом. Она снова уселась в рабочее кресло, предложив посетителям стулья.

— И кто же это был? — спросила она у Клэрити.

Пока Клэрити рассказывала свою историю, Флинкс пытался изобразить полнейшее равнодушие. Руководительница проекта слушала рассказ Клэрити не шелохнувшись. Она даже забыла про свой наркомундштук. К тому времени, как Клэрити закончила рассказ, тот всего один раз переместился из одного уголка рта в другой. Наконец Вандерворт откинулась на спинку кресла и негромко фыркнула.

— Вполне возможно, что это одна из многих десятков группировок радикалов. У нас их тоже полно, но они ограничиваются тем, что толкают нудные речи, которые никто не слушает. В лучшем случае, они занимают эфир между новостями и развлекательными программами.

У Вандерворт была особая, отрывистая манера говорить, которая прекрасно сочеталась с привычкой беспрестанно стрелять глазами от одного собеседника к другому.

— Молодой человек, мы вам действительно весьма обязаны. Надеюсь, вы знаете, что на своем месте Клэрити просто незаменима.

— Знаю. Она мне говорила... несколько раз.

Услышав это, Вандерворт рассмеялась резко, однако далеко не мужеподобно.

— Да-да, застенчивой нашу Клэрити не назовешь. Если учесть все ее достижения, и впрямь получается, что ложная скромность ей ни к чему. Кто бы ни совершил этот чудовищный акт насилия, он наверняка прекрасно изучил здешнюю обстановку. Клэрити — одна из наших сотрудников, терять которых просто непозволительно. Ну, а теперь, когда ты вернулась в наши ряды, мы ни за что больше не позволим себе потерять тебя из виду.

— Я абсолютно спокойна. Похоже, Эйми, вы повсюду поставили прочные заслоны.

— Это точно. — Вандерворт задумалась. — Скажи, а как ты смотришь на то, что мы приставим к тебе круглосуточного телохранителя?

— Он у меня уже есть. — Она потянулась, чтобы приласкать Поскребыша, уютно примостившегося под ее косичкой.

Вандерворт еще раз фыркнула *в свойственной ей* манере и повернулась к Флинксу.

— Клэрити уже рассказала вам, чем мы здесь занимаемся?

— Вы работаете с податливыми местными биоформами с целью создания потомства с запрограммированными коммерческими качествами.

Вандерворт кивнула.

— В генетическом отношении Длинный Тоннель — это кладезь, причем некоторые пещеры как будто созданы специально для нас. Мы здесь обосновались не так уж давно. Едва приступили к классификации, не говоря уже о селекционной работе, выделении новых форм и генной инженерии. Но даже несмотря на это обстоятельство, нам удалось разработать несколько ценных продуктов.

— Клэрити обмолвилась о вашем Сплетении Вердидион.

— Пока что это наш самый крупный успех, но не единственный.

Вандерворт потянулась к стене у себя за спиной и открыла ящик в металлическом шкафчике. Оттуда она извлекла нечто такое, от чего помещение наполнилось целым букетом ароматов. Затем она поставила перед собой на стол мелкую вазу из голубого металлизированного стекла, наполненную до краев мармеладными кубиками — красными, желтыми, фиолетовыми. Они все были матовыми, без всякого блеска. Вандерворт передвинула вазу через весь стол поближе к гостям.

— Угощайтесь.

Флинкс с опаской посмотрел на мармелад.

— Ну давайте же!

Вандерворт выбрала фиолетовый кубик, живо бросила себе в рот и принялась энергично жевать. Клэрити угостилась розовым.

— А теперь ты, Флинкс. Объедение, вот увидишь!

Разумеется, Флинкс не мог позволить себе сидеть, морщась от брезгливости, когда рядом с ним две женщины самозабвенно жевали диковинные кубики. Он выбрал себе ярко-желтый кубик и осторожно поднес его ко рту, предполагая ощутить вкус лимона или крыжовника, но вместо этого его вкусовые рецепторы выдали ему целую гамму восхитительных ощущений. Другим сюрпризом для него стала упругость кубика. Он был потверже, чем желатин, а по консистенции приближался к каучуку, но тотчас таял на языке, как только его раскусывали. Букет же его ароматов еще долго после того, как был проглочен последний кусочек, держался во рту.

Флинкс потянулся за зеленым кубиком, затем за фиолетовым. И каждый раз букет вкусовых ощущений поражал неповторимостью и изысканностью. Он заметил вдруг, что жует уже четвертый кубик. А вдруг он с жадностью набросился на какой-нибудь сверхценный продукт? Правда, Вандерворт не убирала вазочку. Наоборот, судя по всему, она была в восторге от того, с каким аппетитом гость поглощает лакомство.

— Ну и как вам угощение, молодой человек? Пальчики оближешь. Кода люди устанут тратить деньги на всякую там электронику, на всякие там машины, облегчающие труд, и на предметы искусства, им останется разве что побаловать себя чем-нибудь вкусненьким. А невозможные ранее вкусовые ощущения подчас оказываются куда более ценными, чем самый мощный персональный компьютер. Для чего бы ни предназначалась услада, она всегда ценится больше, чем какое-либо изобретение генной инженерии, предназначенное для облегчения труда или для удобств.

— А что это такое? — насытившись и облизываясь, спросил Флинкс.

Вандерворт пришла в неописуемый восторг от его вопроса, который давал ей возможность раскрыть небольшой профессиональный секрет.

— Это слизняк-псевдоплазмодий.

Флинкс тотчас перестал облизывать пальцы. Вандерворт же еще шире расплылась в улыбке.

— Это слизистая плесень, молодой человек.

Во рту Флинкса стало противно.

— Боюсь, я вас неправильно понял.

— Псевдоплазмодий — создание наподобие амебы. Странные, однако, эти слизистые формы. Если их соединить вместе, то они ведут себя как единое целое, но если их разъединить и как следует встряхнуть, ну, например, в воде, они разбиваются на отдельные скопления, способные поддерживать жизнедеятельность. — Она жестом указала на полупустую вазочку. — Мы еще не решили, как назвать этот продукт. Впрочем, реклама и маркетинг не входят в круг моих обязанностей. Я уверена, что их назовут как-нибудь вроде «лакомых кубиков» или что-то в этом роде. «Лакомые кубики» из «сладких кладовых» Длинного Тоннеля. Словом, какая-нибудь слюнявая дребедень, лишь бы угодить публике. — Вандерворт произнесла эти слова едва ли не со злостью. — Уж наверняка их не станут рекламировать, как слизистую плесень.

— Насколько я понял, смысл выпускать этот продукт есть, — пробормотал Флинкс.

— Еще бы. Ведь это же сапроб. Он существует за счет разложения органического вещества. Некоторые из ему подобных — паразиты. Эти же, — Вандерворт указала на вазочку, — легко поддаются воздействию. Они, можно сказать, процветают, питаясь всякой дрянью. Ну чем вам не практичный источник получения продуктов? Совершенно новый пищевой продукт, приятный на вкус и достаточно аппетитный с виду, да еще и полезный. И все, что требуется для его производства — немного мусора и сырости.

— Он и в естественном виде произрастает там? — удивился Флинкс.

— Нет, милейший, но кое-что весьма на него похожее, — растет. Мы лишь сделали более насыщенной окраску, ускорили рост и значительно изменили естественный вкус. И теперь готовимся через пару месяцев начать его производство, правда, первое время в ограниченных количествах. И разумеется, не здесь. Тут у нас исследовательская база, ей она и останется. Сейчас к западу от нас приспосабливаются две крупные еще нетронутые пещеры. Поначалу кубики будут продаваться, как предмет роскоши, вроде Сплетения Вердидион. Но постепенно мы планируем наладить массовое производство.

«Все дело в названии», — размышлял Флинкс, разглядывая вазочку со слизистой плесенью.

Содружество было наводнено продуктами, к которым никто даже бы не прикоснулся, догадайся он об их происхождении. Собственно, ради этого и существует реклама — сделать так, чтобы вы не устояли перед совершенно ненужной вам, бесполезной ерундой.

Если бы Вандерворт позволила, Флинкс с удовольствием уничтожил бы все содержимое вазочки.

— Клэрити упомянула кого-то по имени Макс. Он тоже генный инженер?

— Нет, Макс наш ведущий миколог. Вы не подумайте, что мы тут занимаемся одними грибами и плесенью. Подземный мир Тоннеля полон удивительных биоформ. Вы даже не представляете, какое разнообразие царит в этой кромешной тьме. Здесь

немало млекопитающих или их ближайших родственников.

— Я уже видел поплавков и фотоморфов.

Вандерворт одобрительно кивнула.

— Здесь еще встречаются такие виды, которые таксономисты даже затрудняются отнести к тому или иному семейству. Это дальние родственники глубоководных обитателей на Земле или на Кашалоте. Их предки населяли участки поблизости от выхода серных паров. Сульфиды служили пищей бактериям, которые жили в жабрах этих созданий или же переваривались специальными органами. Микробы расщепляли серные соединения на отдельные компоненты, а полученную в результате реакции энергию использовали для синтеза углекислоты, белков и жидкостей. Когда же океаны на Тоннеле отступили, обнажая известняк и возникающие в нем пещеры, эти обитатели морских глубин даже и не думали вымирать. Вместо этого они переселились на сушу, начали дышать воздухом и превратились в источник пищи для других видов. Многие из них занимают под землей ту же экологическую нишу, что и хлорофилловые растения на поверхности. Нам казалось, что мы обнаружили здесь довольно простую пищевую цепочку, но вместо этого наткнулись на нечто совершенно удивительное и запутанное. Но эта система как нельзя лучше подходит для опытов по генной инженерии.

Вандерворт откинулась в кресле и выжидающе смотрела на гостей.

— Я позабочусь о том, чтобы вы, молодой человек, получили причитающееся вам вознаграждение.

— В этом нет необходимости.

— Действительно, он не стеснен в средствах, — вмешалась Клэрити. — У него есть свой собственный корабль.

Вандерворт сохранила невозмутимость. Флинкс отметил про себя, что ее брови, аккуратно выщипанные и окрашенные в тон волосам, не дрогнули.

— Свой собственный корабль, говорите? Звучит впечатляюще. Но все же, молодой человек, мы

должны что-то дать вам за то, что вы возвратили нам Клэрити. Например, мы могли бы подарить для вашего корабля один или два коврика. Вы ни за что не поверите, какую сногсшибательную цену платят за наше Сплетение Вердидион на Земле или Новой Ривьере. Это был бы вполне подходящий подарок.

— Благодарю, но меня вполне устраивают полы на моем корабле в их сегодняшнем виде. Но если вы так настаиваете на вознаграждении, я не прочь захватить с собой несколько упаковок вот этого.

Он кивнул в сторону нежного псевдоплазмодия. Вандерворт, усмехнувшись, взяла вазочку и вернула ее в небольшую холодильную камеру, расположенную в шкафчике позади нее.

— Я уже говорила, что мы пока не наладили его производство. Но я поговорю с завлабораторией и постараюсь уладить этот вопрос. Если вас это интересует, на наших полках найдется парочка других пищевых биопродуктов, которые наверняка порадуют ваше небо. Пусть Клэрити покажет их вам. Ведь она уже и так нарушила не одно правило секретности.

— Он спас мне жизнь, — напомнила Клэрити начальнице.

— Не принимай близко к сердцу, милочка. Я всего лишь шучу.

Она благосклонно улыбнулась Флинксу. Тот ни секунды не сомневался, что Вандерворт — прекрасная актриса. И ее роль заботливой тетушки прекрасно удалась ей. Флинкс ощущал, что излучаемые ею чувства были куда более профессиональными и жестко просчитанными. Будучи знатоком человеческих страстей, Флинкс не мог мысленно не поаплодировать мастерски разыгранной сцене. Вандерворт же приняла его улыбку за проявление безразличия.

— Вам ведь не интересны наши маленькие производственные секреты, я правильно говорю, молодой человек?

— Я — студент, но иного рода. Любой секрет всегда остается при мне. Меня ведь в первую

очередь интересуют знания как таковые. Я не торгую ими.

— Что за странные воззрения! Ладно, коль вы хороши для Клэрити, то хороши и для меня.

Улыбнувшись, она извлекла изо рта наркомундштук, который, как оказалось, вовсе не прилип к ее нижней губе.

— Пусть Клэрити судит о вас, ей виднее. Под ее присмотром вы можете осмотреть весь наш комплекс. Эту малость мы можем вам предоставить без труда. Только обещайте, что на вас не будет никаких тайных записывающих устройств. Как долго вы планируете оставаться у нас?

— Я не знаю, как долго я еще останусь здесь, а с собой у меня нет ничего, кроме того, что вы видите своими глазами, — ответил Флинкс, ничуть не сомневаясь, что его уже просветили на предмет владения недозволенными вещами.

— Что ж, прекрасно. Желаю вам с пользой провести время, — на этот раз Вандерворт улыбнулась Клэрити, и улыбка ее была совершенно иной. — Как вы думаете, милая, сумеем мы подыскать нашему молодому гостю подходящее жилье?

— Конечно сумеем, — ответила Клэрити, что удалось ей сделать со всей серьезностью.

Вандерворт поднялась с кресла, продолжая говорить. Она давала понять, что визит подошел к концу.

— Запомните, молодой человек, она у нас здесь по долгосрочному контракту без права преждевременного расторжения, и теперь, когда вы нам ее вернули, у меня нет ни малейшего желания отпускать ее. Ни по ее воле, ни по принуждению.

— Эйми, я тоже не намерена оставлять мою работу здесь.

— Рада это слышать, дорогая. Я отдаю себе отчет, что существуют и иные причины, заставляющие людей колесить по свету, кроме поисков богатства или славы. И я не настолько стара, чтобы не понимать, как легко они могут подчинить себе человека.

Глава 9

На следующий день Клэрити формально возобновила работу с коллегами. Когда же они услышали ее историю, на Флинкса обрушилась лавина дружеских хлопков по спине и поздравительных рукопожатий. Все как один выражали ему благодарность за его подвиг. Флинксу ничего не оставалось, как терпеливо принимать все это.

Он пытался завязать разговор, однако технические термины, которыми оперировали коллеги Клэрити, выходили за рамки его познаний. А вот она явно окунулась в родную стихию.

Флинксу представился невысокий, смуглый и вечно нервничающий молодой человек по имени Макс. Он был ненамного старше Флинкса. Его лаборатория была битком набита самыми невообразимыми безхлорофилловыми растительными формами. Некоторые из них обладали способностью передвигаться. Он был в явном восторге оттого, что ему выпала роль наставника и гида.

— Нам до сих пор не совсем ясно, произошли ли грибки от морских водорослей или от одноклеточных, но на этой планете существуют такие генотипы, что камня на камне не оставляют от традиционных теорий.

Флинкс слушал с воодушевлением. Впрочем, он поступал так каждый раз, когда подворачивалась возможность узнать что нибудь новенькое. К тому же он посещал не только одни лаборатории и библиотеки. У него находилась минутка, чтобы развлечься и отдохнуть. Индивидуальное меню, современные увеселения на дискетах и чипах, и даже, при случае, настоящий концерт. Их время от времени по графику давали в разных подразделениях фирмы. Флинкс заметил, что здесь делается все возможное, чтобы жизнь в подземелье была как можно приятнее.

— Невелика компенсация, — сказала на это Клэрити. — Солнца нет, неба тоже не видать. Правда, в «Колдстрайпе» стараются изо всех сил. Мы ведь крупнейшая исследовательская фирма на Тон-

неле. Другие фирмы гораздо меньше нашей и едва разворачивают свою деятельность. Большинство из них ограничиваются исключительно исследовательской работой. Мы же пока единственные, кто занят промышленной разработкой новых продуктов. В «Сометре» тоже пытаются кое-что сделать, но пока они не располагают для этого необходимым оборудованием. Как только «лакомые кубики» и Сплетение Вердидион поступят на рынок, люди наверняка перестанут задавать глупый вопрос — «А где этот Длинный Тоннель?» Мы планируем экспортировать их прямо на Большую Талию. Правда, если не ошибаюсь, тебя не слишком интересует экономика.

— Меня интересует все, — спокойно возразил Флинкс.

Наблюдать за работой Клэрити в лаборатории было сущим удовольствием. Она преображалась, едва переступив порог. Куда только девались ее улыбочки и смешки. Она становилась вполощением серьезности и внимания, как только дело доходило до разгадки какой-нибудь генной структуры грибков или пожирателей сульфидов. Она редко работала с биоформой как таковой. Это была работа хирургов и манипуляторов. Она же работала на гигантском мониторе, в чью память было заложено несколько миллиардов мегабайтов единиц хранения. Даже не притрагиваясь к живой клетке, Клэрити была способна разложить на части самый сложный живой организм или же при необходимости кирпичик по кирпичику воссоздать его. В считанные часы она могла построить схему эволюционного развития целого вида. Лишь после того, как все комбинации были несколько раз просчитаны и проверены, начинались опыты с живыми клетками.

Флинкс смотрел, как загипнотизированный, и в то же время на душе его было тревожно. Он почему-то испытывал сочувствие к этим примитивным созданиям. Ведь их генетические коды превращались в подобие детских кубиков. И какая разница, кто это — грибки ли, слизистая ли плесень. Флинкс мог без труда представить себе группу других безлицых незнакомцев, склонившихся над похожим оборудованием. Они точно так же передвигают молеку-

лы ДНК электронными щупами, вставляют их в белковые цепочки и удаляют гены. Кроме того, он столь же легко мог представить конечный продукт их бесстрастного рассудочного труда — себя.

Клэрити же вселяла в него тревогу совершенно другого рода. Хотя совсем недавно Флинкс дал себе зарок держаться подальше от проблем легкомысленного и фривольного создания, его неодолимо тянуло к симпатичной генинженерше. К тому же она сама по собственной инициативе продемонстрировала Флинксу, насколько велика ее тяга к нему.

Он с восторгом наблюдал ее среди коллег. Работая, она уже не выглядела испуганным, замученным созданием, которое он вытащил своими руками из джунглей Ингра. Нет, в ней прибавилось зрелости и уверенности в себе на целый десяток лет.

Их отношения постепенно приходили в спокойное русло. И дело было вовсе не в том, что она охладела к нему. Наоборот, наедине с ним она держалась куда раскрепощеннее, чем до этого. Но вместе с самоуверенностью к ней вернулась, чему Флинкс был рад, некоторая отстраненность. Если бы Флинкс того захотел, она наверняка с горячностью откликнулась бы на проявление его чувств. То, что она неравнодушна к нему, безошибочно читалось в ее глазах и в голосе. Просто теперь ее жизнь больше не зависела от него. Так оно и к лучшему.

К несчастью, ее возросшее самообладание и уравновешенность в их отношениях сопровождались постепенным спадом у него. Ведь хотя Флинкс в интеллектуальном плане чувствовал себя равней большинству ее коллег-мужчин, а иногда даже ощущал превосходство, в смысле социального общения он был куда менее опытен, чем самый заурядный молодой человек девятнадцати лет.

Что ж, он всегда был одиноким скитальцем, таким наверняка и останется.

Он хвостиком ходил за Клэрити, пока та выполняла свои эксперименты, радуясь тем редким моментам, когда им удавалось перебросить словом о чем-либо, кроме работы.

Клэрити с головой ушла в эксперименты с так называемой замшевой плесенью. Это было нечто среднее между грибом и желе. Сама по себе плесень была совершенно бесполезной, но ее созревшие споры имели аромат свежескошенного клевера. Но важнее всего было то, что порошок, приготовленный из них, был способен полностью перебить запах человеческого тела. Правда, всего на несколько часов.

Вот если бы Клэрити и ее коллегам удалось при помощи генной инженерии вывести плесень, чьи споры убивали бы неприятные запахи часов на двадцать, а еще лучше на два-три дня, в руках ученых оказался бы новый косметический продукт, способный сходу завоевать рынок Содружества. Было экспериментально доказано, что споры безвредны и не вызывают побочных эффектов. Кроме того, это был природный продукт, в то время, как многие дезодоранты содержали металлы, способные нанести человеку значительный вред. Клэрити сама пробовала новинку и убедилась в ее полной безвредности.

Клэрити отвернулась от экрана монитора.

— Не слишком впечатляет, конечно. Подумать только, собрать воедино все достижения генной инженерии только для того, чтобы избавить тело от дурного запаха. Эйми говорит, что подчас самыми выгодными оказываются те продукты, которые решают самые простейшие проблемы.

Дерек с Хингом работают еще над одним видом слизистой плесени, которая существует в полужидкой форме. Она способна перерабатывать токсичные соединения, превращая их в полезные удобрения. Ее естественная скорость протекания реакции может быть значительно увеличена. Тогда появится возможность производить ее в больших количествах при минимальных затратах. Этого вполне хватит, чтобы обеспечить по меньшей мере половину свалок Содружества. Ты только представь себе — мы в буквальном смысле сможем превращать отраву в персики. Слизняки и прочая бяка — вот чем мы тут занимаемся.

— Исключительно ради выгоды.

— Тебя это огорчает?

Он отвернулся.

— Не знаю. Просто мне не дает покоя эта проблема — имеем ли мы право ради выгоды изменять естественный ход вещей.

— Ну, ты заговорил прямо как мои похитители, — с легким упреком произнесла она. — Запомни, Флинкс — все, что человек делает с незапамятных времен, так или иначе меняет естественный ход вещей ради его выгоды. Мы просто вернулись к первоисточникам. К тому же мы не загрязняем окружающую среду, потому что работаем в рамках устойчивой экосистемы планеты. Мы не строим изрыгающие дым фабрики и не устраиваем свалок ядовитых отходов прямо в первозданных пещерах. Наоборот, мы работаем с продуктами вроде тех, что ты уже видел. Они предназначены для того, чтобы уменьшить загрязнение на других планетах или вообще устранить его. Здесь у нас начинается целая новая отрасль. И если нашим планам суждено осуществиться, эта ранее бесполезная планета станет источником целого ряда новых очистительных продуктов. Иными словами, мы работаем с одной экосистемой, чтобы излечить десятки других. До того времени, как Вандерворт и те, кто стоял у нее за спиной, решили попробовать счастья на Длинном Тоннеле, эта планета если чем-то и была, так только тонюсеньким файлом в голографическом изображении Содружества. Теперь же, когда мы развернули здесь наши исследования, нам удается каждый день обнаруживать десятки новых волнующих возможностей.

— А кому в конце концов от этого польза?

Клэрити заморгала.

— Ты имеешь в виду не только тех людей, которые покупают наши продукты?

— Именно. И какая крупная компания будет потом загребать денежки из этой мировой кухни ДНК?

— Никакая не компания и не корпорация, — Клэрити удивленно уставилась на Флинкса. — Я думала, ты все знаешь. «Колдстрайп» — независимая фирма. Эйми управляет всем сама. Максим,

Дерек, я, другие работники — мы вместе и есть «Колдстрайп». Каждый из нас владеет своей долей. Неужели ты думаешь, что кому-нибудь удалось бы нанять людей, чтобы они честно работали в нашем подземелье за одну только зарплату? Мы все здесь потому, что у нас есть шанс неплохо заработать. Мы все тут зависим друг от друга. Вот почему им меня так сильно недоставало.

Клэрити положила руку на то плечо Флинкса, которое было не занято Пип. Ему показалось, что его прожгло насквозь. У нее были красивые руки с длинными пальцами и аккуратно подстриженными ногтями. Флинкс не стал стряхивать ее руку.

— А ты предупредила Вандерворт о своих похитителях?

— Она уже приняла меры. Мы и без того были готовы противостоять промышленному шпионажу, но ведь эти экофанатики не признают никаких правил, кроме их собственных. Даже когда они не допрашивали меня, все равно трещали без умолку. Как я понимаю, промывали мне мозги. Их программа, если ее так можно назвать, сводится к тому, чтобы сохранить в неприкосновенности все миры, известные Содружеству. Причем любыми средствами.

— Для некоторых людей чистота — не более, чем самоцель, — пробормотал Флинкс.

— Абсолютный тупик, — отрезала Клэрити. — Независимо от того, что движет вперед науку —жажда наживы или знаний, это все равно означает прогресс. Как только наука замирает на месте, цивилизация обречена на гибель. Ни на одной из планет нет того, что они называют экологической чистотой. Кто-то всегда оказывается наверху — на социальной лестнице или в пищевой цепочке. Разумеется, все не так просто. Я первая соглашусь, что на деле все обстоит гораздо сложнее. Всегда найдутся нечистые на руку люди, готовые уничтожить целый вид, лишь бы потуже набить свой кошелек. Мы же здесь не такие. Наша фирма получила одобрение Церкви. Мы не собираемся наносить ущерб естественному состоянию природы, мы лишь только

используем ее. Но нас легко раздавить, потому что мы еще малы и только развиваемся. Обрати внимание, мы не экспериментируем здесь с существами, даже частично наделенными ощущениями. Мы работаем с грибками и слизистой плесенью — простейшими организмами. И у нас есть реальный шанс использовать их на благо всему человечеству. При условии, что разработки проводятся под надлежащим контролем, биоформы Длинного Тоннеля способны дать цивилизации массу полезных вещей. Учти, я говорю это вовсе не потому, что у меня есть возможность на всем этом неплохо заработать. Мы ведь занимаемся здесь не одним только декоративным искусством. «Колдстрайп» — это вам не только Сплетение Вердидион, — она поморщилась. — Кажется, это не всем еще до конца понятно. Некоторые наверняка бы предпочли, чтобы планета оставалась неприкосновенной, терзаемая суровым климатом, погруженная во мрак и запустение. Помнишь старую байку о дереве, упавшем в лесу? Если бы поблизости не было никого, кто услышал бы его треск, как узнать, был ли треск на самом деле? То есть, если бы не нашлось никого, кому бы захотелось изучить эту планету и увидеть ее красоту, то можно сказать, что этой красоты вовсе нет. Людям, похитившим меня, хотелось бы, чтобы красота оставалась под семью печатями, недоступная человеческому глазу. Я отказываюсь понимать такие воззрения. Наша работа не причиняет вреда никому и ничему. Те организмы, которые мы видоизменяем, живут и здравствуют в своем новом обличье.

Клэрити печально вздохнула.

— Эти фанатики поставили себе целью положить конец всем исследованиям в нашей области. Они горят желанием намертво заморозить все работы по генной инженерии и родственным дисциплинам. Существует примерно с полдюжины отраслей, которые бы они, не задумываясь, запретили. А что касается их пресловутой экологической чистоты, которую они, якобы стараются сохранить, скажи, может им в таком случае попытаться запретить саму эволюцию? Ведь если им удастся приостановить деятельность нашей фирмы, тем самым они прервут

здесь всякое развитие. Частные исследовательские группы быстренько свернут свою деятельность. Университеты вряд ли согласятся, чтобы их работники оказались втянутыми в перестрелку.

— А почему вы не запросите себе защиту со стороны миротворческих сил?

Она рассмеялась над его предложением.

— Наш Тоннель такой крошечный, что колония на нем еще не имеет официального статуса. Здесь еще слишком мало народу и предприятий, чтобы мы могли требовать для себя подобных затрат. Но мы пытаемся. Наша фирма расширяется, причем предельно быстро. Кроме того, мы стараемся привлечь сюда другие фирмы, не являющиеся нашими непосредственными соперниками. Мы стараемся привлечь к себе как можно больше внимания. Но до тех пор, пока этого не случилось, нам остается полагаться только на самих себя.

— Теперь мне понятно, почему им так хочется поставить точку на вашей работе.

Клэрити кивнула.

— Если они сумеют прикрыть «Колдстрайп» и выжить нас отсюда, то следом за нами последуют и другие фирмы. Содружество даже не подумает вмешаться, потому что здесь слишком мало людей и собственности для того, чтобы оправдать интервенцию. Эти фанатики запечатают все входы и выходы. И никто не рискнет вновь начать здесь дело. И в конце концов всему, что здесь есть, грозит полное забвение.

Клэрити развела руками в знак своей полной беспомощности.

— Весь наработанный материал пойдет прахом. Никаких вам Сплетений Вердидион, никаких «лакомых кубиков», никаких пожирающих яды грибков, ровным счетом ничего. Поплавки снова одичают, а их популяция значительно сократится, ведь они лишатся беспрепятственного и надежного доступа к пище.

Ее голос звучал печально и в то же время страстно.

— Пока исследована и нанесена на карты лишь малая часть пещер. Это ведь адский труд. Тон-

нель — первая планета, где совершенно бесполезны аэрофотосъемка и спутники, так как нас интересует только ее подземная часть. Как сундук с кладом. Даже на Кашалоте можно произнести картографическую съемку с орбиты. С пещерами этот номер не пройдет. Некоторые приемы, которыми пользуются местные картографы, известны уже тысячи лет. Тоннель, Флинкс, это настоящая пещера Аладдина, только набитая до верху не монетами, а биозолотом. Драгоценные камни в ней — это подвижные живые существа, которые ждут своего часа. И мы никак не можем позволить, чтобы кучка безумцев лишила нас наших богатств.

— Но ведь им однажды удалось пробраться сюда. Они могут попытаться второй раз.

— Мы встретим их во всеоружии, — с вызовом произнесла Клэрити. — Ты слышал, что сказала Эйми. Служба Безопасности смотрит в оба. На этот раз никто не сможет проскользнуть незамеченным сквозь ее фильтры в порту. Весь багаж будет подвергаться тройному досмотру, каждый прибывший трижды просвечиваться детектором. А так как теперь ни для кого не секрет, что случилось со мной, люди будут присматривать друг за другом. И если у фанатиков здесь действительно имеется свой агент, он не сможет пройти незамеченным даже в туалет. Ему придется не высовывать носа, иначе его тут же обнаружат и привлекут для дачи показаний. Я хочу, чтобы ты понял, Флинкс, что именно мы пытаемся здесь сделать. В твоих словах звучала неуверенность и даже вопрос. Ведь дело не только в том, сколько мы на всем этом заработаем. Каждую неделю, каждый месяц мы делаем какое-то важное открытие, которое обогатит запас человеческих знаний. И не только по экологии или геологии, но и в ряде других отраслей. Длинный Тоннель — единственный в своем роде. Во всем Содружестве не сыщешь планеты, подобной ему. Взять хотя бы воздушные сенсоры. Никто никогда не встречал подобного. Таксономисты ломают головы, но так и не могут решить, к какому классу их причислить или выводить новый класс животных, чтобы хоть как-то объяснить их. И все это поразительно интересно. Живые организ-

мы существуют в таких формах, о которых мы и не подозреваем. Уже одно это — довольно веская причина, чтобы бороться за сохранение исследовательской станции. Ведь ежедневно мы вносим свой вклад в копилку человеческого познания и прибавляем людям и транксам хоть чуточку комфорта. Транксы, которые работают здесь, полагают, что могут начать серию экспериментов с пожирателями сульфидов. По их мнению этих пожирателей можно с помощью генной инженерии приспособить для восстановления экзоскелета. Обычно хитин не поддается регенерации, но пожиратели выделяют его как побочный продукт. Вы помещаете их в рану и ждете, пока она не зарастет, словно ее и не было. Ты понимаешь, насколько это важно для транксов? Тебе же ведь известно, как они страшатся повреждения экзоселета. Для них это самая серьезная внешняя травма, которую они могут победить. Они пока что не подобрали ключика к решению задачи, но мы пытаемся им помочь. А доходы от открытия мы поделим пополам. Оно наверняка станет крупнейшим достижением в области лечения травм их скелетов и спасет не одну жизнь. Разве ради этого не стоит бороться?

— Трудно сказать, — Флинкс отвернулся от нее и уставился в стену. — Я еще слишком молод, чтобы обсуждать серьезные этические проблемы. С меня достаточно того, что мне постоянно приходится разбираться в собственном понимании этики, не говоря уже об общечеловеческой или об этике транксов.

Клэрити была явно расстроена.

— Так значит, ты не согласен, что проводимые нами исследования стоят незначительного вмешательства в экосистему?

— Разумеется, они стоят того в глазах вашей фирмы. Что до остального, то я не возьмусь сказать что-либо определенное.

— Но мы же не наносим вреда здешней экосистеме! — совсем потерянным голосом сказала она. — Те грибки, которые стали Сплетением Вердидион, существуют и в своем естественном состоянии. Мы же выращиваем только ту их разновидность, кото-

рая была получена с помощью генной инженерии. На подземный же мир мы не оказываем ровно никакого воздействия.

Он повернулся так резко, что она вздрогнула.

— Я здесь исключительно ради тебя. И не имею права высказывать собственного мнения в чью бы то ни было пользу. — Он сделал шаг навстречу ей, а потом замер как вкопанный и уставился в пол. — К тому же мне уже давно пора отправиться восвояси.

— Ты улетаешь? — Клэрити отказывалась верить собственным ушам. — Но ты ведь только что прилетел сюда. К тому же ты сам сказал, что ты студент. Я думала, тебе у нас интересно взглянуть на оборудование, познакомиться с другими работниками, побольше узнать о наших исследованиях. Если же это наводит на тебя тоску, почему бы тебе поближе не познакомиться с самими пещерами? Возьми снаряжение и глазей себе на местные подземные красоты сколько душа пожелает.

Он в упор посмотрел на нее.

— А что тебе до этого? Почему тебя так интересует, чем я занимаюсь?

— Потому что ты спас мне жизнь, разумеется. И тем самым, возможно, спас всю нашу лабораторию. И еще потому, что ты мне нравишься, — произнеся эти слова, она нахмурилась. — Странно, вообще-то. Обычно я предпочитаю мужчин постарше. Но в тебе, Флинкс, определенно что-то есть. Я имею в виду не только то, чем мы занимались по пути сюда.

— А что именно?

Вопрос прозвучал немного резче, чем ему хотелось бы, но Флинксу всегда мерещилась проницательность там, где в действительности была лишь наивность и бесхитростность.

— Просто ты... другой.

Она шагнула ближе. Пип нахохлилась, но осталась сидеть у него на плече. Клэрити же, подойдя к нему, обхватила его обеими руками. Ее прикосновение заставило Флинкса вздрогнуть.

— Наверное, я не совсем ясно выразилась, — прошептала она. — Мне почему-то лучше удается выражаться на экране монитора. Я только хочу

сказать, Флинкс, что испытываю к тебе нечто большее, чем простое влечение. Мне хотелось бы, чтобы ты здесь остался. Не для учебы. Для того, чтобы быть со мной. У меня еще не было времени, чтобы поговорить с тобой об этом, не было ни единой минуты с тех самых пор, как я вернулась сюда. Я только и делала, что говорила о Длинном Тоннеле, о его значении, о своей работе. Настало время поговорить о нас с тобой.

— А о чем здесь говорить?

Ему хотелось, чтобы слова прозвучали совершенно спокойно, безразлично, равнодушно, но близость ее тела сделала это невозможным. Клэрити ощутила его сомнения и обняла Флинкса еще сильнее.

— Есть о чем. Ты ведь для меня так много значишь. Мне бы хотелось думать, что я для тебя тоже. По-моему, наши отношения, если их подпитывать, могли бы перерасти в нечто большее.

— Прекрати!

Столь бурная реакция напугала ее, и она опустила руки.

— Я думала...

— Ты думала! О чем тут можно думать, Клэрити! Ты ничего не понимаешь, ты совершенно ничего не понимаешь во мне.

Встревоженная гневной вспышкой хозяина, Пип взмыла в воздух в поисках *невидимого врага. Но его* не оказалось, потому что Флинкс злился *на самого* себя.

Клэрити призналась ему разве что не в любви, и это камня на камне не оставило от душевного равновесия, которое Флинксу с таким трудом удавалось сохранять в последние дни. И это вовсе не потому, что она не скрывала своей увлеченности им. С этим он уже имел дело раньше. Истина была в том, что его тоже неодолимо влекло к ней не только душевно, но и физически. Она была умна, красива, старше, чем он, но никогда не разговаривала с ним покровительственным тоном. Впервые в жизни ему довелось наблюдать, как женщину с головой захлестывает волна чувств. И как никто другой на свете Флинкс понимал, что в этом нет никакого притворства.

Поэтому для того, чтобы противостоять этому натиску чувств, ему ничего не оставалось, как прибегнуть к единственному известному ему способу — отталкиванию. Он изо всех сил пытался отстраниться от нее и сохранить резвый взгляд на вещи. Но вскоре Флинкс с ужасом обнаружил, что ему не удается достичь и половину той холодности, которую он вознамерился сохранить в себе. Как оказалось на деле, любовь — гораздо более сложная вещь, чем любое философское понятие.

— Что-то не так, Флинкс? Скажи мне!

— Ты ведь по-настоящему не знаешь меня. Ты знаешь только то, что лежит на поверхности.

— В таком случае, позволь мне заглянуть поглубже. Я хочу понять тебя до конца, — она почти умоляла его. — Дай мне эту возможность. Я постараюсь изучить тебя, чтобы нам обоим быть счастливее.

— Мы бы никогда не были счастливы вместе, — решительно возразил он. — Я ни с кем не могу быть счастлив.

Растерянность в ее голосе сменилась обидой.

— Ты противоречишь самому себе.

Флинксу ничего не оставалось, как броситься в эту пучину с головой. Он был подобен небольшому плотику, который безжалостно кидало и подбрасывало на стремнине жизни и, казалось, ему никогда не прибиться к берегу.

— Ты — генный инженер и притом неплохой. Наверняка тебе приходилось слышать об Обществе Облагораживателей.

— Обла... — она запнулась, и было ясно, как Божий день, что этого она никак не ожидала услышать от него. Однако она быстро пришла в себя. — Преступники из преступников. Выродки-евгенисты. Они производили генные манипуляции на еще не родившихся людях без всякого согласия.

— Именно, — внезапно Флинкс ощутил усталость. — Их намерения заслуживали всяческих похвал, но их методы были преступны. Своими действиями они нарушали буквально каждую строчку закона, касающегося комбинирования генов и

косметической хирургии ДНК. Как я понимаю, потом в Кодекс были добавлены новые статьи исключительно для того, чтобы наказать этих преступников.

— И что с ними стало? Насколько я помню, в конце концов был обнаружен последний из них. Его поместили в больницу и подвергли полной очистке памяти. Но это было так давно.

— Не так уж и давно. По крайней мере, не так давно, как говорится в официальной версии. Последние представители вовсю творили свои дела еще несколько лет назад. — Он как-то странно посмотрел на нее. — Ты дипломированный генный инженер. Я надеюсь, ты относишься к ним с большей степенью неодобрения, чем рядовой гражданин.

— Разумеется, что за вопрос! Но подробности их работы никогда не предавались огласке. Правительство пыталось замять это дело. Но так как это моя специальность, еще студенткой я имела доступ к тем крохам информации, которые просачивались сквозь фильтры секретности. Мне известно, чем занимались Облагораживатели, вернее, чего они пытались достичь. Они в точности повторяли варварские эксперименты двадцатого века до эры Содружества, но в более крупных масштабах. Теперь они принадлежат истории. Это были преступники с научной степенью. И ни один из их проектов никогда не получит доступа на страницы любого уважающего себя журнала, посвященного генной инженерии. Правительство распорядилось поставить на всем этом печать секретности.

— Верно. Но при этом осталась одна нерешенная проблема. Одно дело — поставить крест на исследованиях Облагораживателей и совсем другое — выявить результаты всех их экспериментов. Да, правительство отследило большую часть их жертв, излечило тех, кто еще поддавался лечению, дало возможность сносного существования тем, кто был искалечен безнадежно. Но ему не удалось найти всех жертв, до последней. По крайней мере, один из подопытных кроликов Облагораживателей достиг зрелости, ничем не выдавая себя и не проявив признаков какого-либо тяжелого заболевания. Вос-

можно, по сей день здравствуют и другие. Об этом никто не ведает. Даже сама Церковь.

— Я как-то не задумывалась над этим. В заключительном докладе по этому вопросу, который является единственным доступным источником информации, говорится, что последний из этих преступников был пойман и осужден много лет назад и что вся их работа была так или иначе проанализирована.

— Не вся. Кое-что они проглядели, — он впился взглядом ей в глаза. — Они проглядели меня.

Пип наконец успокоилась, усевшись на какой-то поручень рядом. Поскребыш отлетел от Клэрити, чтобы быть поближе к мамаше. Он был настолько напуган и сбит с толку вспышкой эмоций Флинкса, что попытался забраться под крыло Пип.

Клэрити неотрывно смотрела на юношу, который вдруг отпрянул от нее. Наконец она улыбнулась, но то была кривая и растерянная улыбка.

— О чем ты говоришь? «Они проглядели меня!» Ты ведь слишком молод, чтобы быть одним из членов Общества даже в последние дни его существования.

Настала очередь Флинкса улыбнуться безрадостной улыбкой.

— Я же сказал, что ты ничего не понимаешь. Какой я член Общества, я — плод их экспериментов. Смешно, не правда ли? На вид я вроде бы как нормален.

— Да ты и есть такой, — с горячностью подхватила она. — Тем более нормален, чем кто-либо еще, кого мне доводилось встречать. Застенчив, это верно. Но это только еще один признак нормальности.

— Я вовсе не застенчив. Я осторожен. Я прячу себя среди теней, предпочитаю темноту и пытаюсь не оставлять после себя никаких воспоминаний.

— Что касается меня, то это тебе явно не удалось. Флинкс, ты должно быть, шутишь. Да и вообще, откуда тебе знать обо всем этом.

— Я был на Мотыльке, когда последние члены Общества сражались с правительством, видел, как

эти две группировки разнесли друг друга к чертовой матери. Они сражались из-за меня. Но я не дал себя уничтожить. Я бежал.

Он не стал рассказывать ей, как ему удалось спастись, потому что сам еще не до конца понимал, как это случилось. К тому же, он не любил задумываться над этим.

Она изучала его глазами. Он с внутренней усмешкой подумал о том, что, по всей вероятности, она пытается увидеть шишковатый лоб, лишние пальцы или что-нибудь еще в этом роде. Но ничего она не найдет. Изменения, которые были заложены в него, имели место еще во внутриутробном возрасте. Правда, Флинкс подозревал, что их можно увидеть и глазами.

— Я не был рожден как все, Клэрити. Меня сконструировали. Да, да, клетка за клеткой, согласно проекту, разработанному компьютером. — Он постучал пальцами по виску. — Там внутри — надругательство над природой. Я всего лишь рабочая гипотеза. Люди, задумавшие меня, мертвы либо подвергнуты стерилизации памяти. Поэтому нет никого, кто бы знал, что они пытались из меня сделать. Разумеется, я такой же нарушитель законов, как и любой член общества. Но это вина, унаследованная с рождением, а не по причине сотрудничества. Если власти узнают, кто я такой, меня тотчас посадят за решетку и начнут допросы и вынюхивание. Если они решат, что я не представляю опасности и могу быть признан приемлемым, меня, возможно, отпустят восвояси. Но если нет, то...

— Флинкс, ну как ты можешь заявлять об этом с такой уверенностью! Независимо от того, что ты видел, что ты узнал, что тебе когда-либо говорилось!

Флинкс понимал, что его признание не только шокировало Клэрити, но и заставило ее усомниться. Ее отношение к нему, полное надежд, было по-прежнему теплым и нежным, но уже не столь безоглядным. И поток ее чувств постепенно ослабевал под тяжестью вопросов, гнетущим грузом ложившихся ей в душу. Разумеется, с его стороны было низко выуживать из нее признания, но при всем желании

он уже не мог удержаться. Она больше не знала, как ей относиться к мужчине, что стоял напротив нее. Радужные очки, сквозь которые она до этого смотрела на него, оказались разбиты. Вместе с ними что-то исчезло из их отношений и, как опасался Флинкс, навсегда.

Конечно, у Флинкса оставался выбор. Главное, чтобы Клэрити на минутку сделала шаг назад, чтобы получше разглядеть, с кем имеет дело. А все потому, что он был готов вот-вот безоглядно влюбиться в нее и одновременно не мог себе этого позволить. Возможно, так никогда и не сможет.

— Флинкс, я не знаю, что и думать, — столько всего ты наговорил. Не знаю даже, смогу ли я поверить хоть одному твоему слову. Ты, судя по всему, и сам не всему веришь, о чем говорил. Я точно знаю только одно — ты добрый, заботливый и отзывчивый. В этом я не позволю себе усомниться, я это видела своими глазами. Не думаю, что хотя бы частично это было... — Она запнулась, подыскивая нужное слово. — Запрограммировано в тебя еще до твоего рождения. Эти качества являются частью твоего «Я» и именно они оказались для меня наиболее притягательными.

Клэрити была честна, она говорила то, что думает, Флинкс видел это. В ответ на это бесхитростное излияние чувств что-то дрогнуло у него внутри.

— У каждого из нас свои проблемы, — продолжала она. — И если то, что ты поведал, хотя бы частично правда, то кто, скажи на милость, сможет лучше тебя понять, чем я? У кого ты найдешь сочувствие всем твоим бедам?

— Но я понятия не имею, на что я способен, — предостерег он Клэрити. — Я не знаю самого себя. Становясь старше, я ощущаю, как во мне происходят перемены. Я не имею в виду переход от юности к зрелости. Все гораздо глубже. И имеет физическую основу. Вот здесь.

Он снова прикоснулся к виску.

— Какие перемены?

— Не знаю. Не могу сказать. Это невозможно выразить. Просто у меня такое ощущение, будто со

мной происходит что-то сверхважное, но я это не способен контролировать. Раньше мне казалось, что я знаю, в чем тут дело, что я смогу понять суть этих перемен и затем научусь управлять ими. Теперь во мне нет былой уверенности. У меня такое чувство, что это гораздо серьезнее, чем я сначала думал. Мутация влечет за собой нечто такое, что может быть известно одному лишь Богу.

Когда человек становится старше, он, как известно, начинает находить ответы на свои вопросы. Я же, как мне кажется, нахожу одни только вопросы. Порой это выводит из себя, — заметив выражение ее лица, он поспешил успокоить ее. — Я не имею в виду, будто мне хочется крушить все вокруг, просто временами я ощущаю себя в полной беспомощности и растерянности.

Она выдавила из себя слабую улыбку.

— И со мной случается точно такое же, Флинкс. Оно бывает у всех. Я думаю, если мы будем вместе, если ты будешь испытывать ко мне те же чувства, что и я к тебе, нам не страшны любые беды. У меня есть доступ к секретным файлам. Моя служебная репутация ничем незапятнана. Пусть «Колдстрайп» небольшое предприятие, у нас отличные связи.

Флинкс отрицательно покачал головой.

— Тебе ни за что не добыть архивных документов Церкви, касающихся деятельности *Общества. На* них лежит моральное табу. *Я* знаю это, *я уже* пытался. Если с правительственными копиями можно не мытьем, так катаньем добиться своего, то с Церковью этот номер не пройдет.

— Мы сумеем. Когда человек любит, ему любые горы по плечу.

— А ты уверена, что любишь?

— Ты не позволишь мне небольшую натяжку?

— Нет. Так ты уверена?

— Теперь не совсем. Я думала, что да, но скажи, в чем можно быть уверенным до конца? — Ее улыбка стала шире. — Понимаешь, ты не единственный, кого тревожат происходящие с ним перемены. Я только не могу взять в толк, почему ты постоянно отталкиваешь меня от себя, когда все,

чего я хочу — это понять и помочь. Ну почему ты не хочешь, чтобы я помогла тебе?

— Потому что я опасен. Неужели это не ясно?

— Вовсе нет. Неужели ты думаешь, что если какие-то горе-ученые наломали дров с твоими генами еще до рождения, то от этого ты мгновенно превратился в угрозу обществу? Когда я смотрю на тебя, я вижу обыкновенного молодого человека, сомневающегося в себе и в своем будущем. Этот молодой человек сделал все, чтобы помочь мне, когда я оказалась в беде, а ведь он вполне мог бы бросить меня на произвол судьбы и жить себе дальше припеваючи. Молодой человек, рискующий собственной жизнью, чтобы спасти незнакомого ему человека. Человек отзывчивого сердца, доброй души, тонкого ума, пусть даже временами чуточку циник. Объясни, почему во всем этом я должна видеть угрозу?

— Потому что ты не знаешь, на что я способен. Потому что я сам этого не знаю.

Теперь он почти умолял ее, надеясь сохранить возникшую между ними дистанцию и одновременно не желая отпугнуть ее от себя.

— Насколько я припоминаю, Облагораживатели пытались улучшить человеческую природу. И если твое сознание отражает твой нравственный кодекс, то мне совершенно не о чем волноваться.

— Клэрити, ну неужели ты так ничего и не поняла?

— Ты же сказал, что я не смогу. Вот и помоги мне, Флинкс!

Она сделала шаг навстречу ему и остановилась. Ей всем сердцем хотелось обнять его, приласкать, убедить в том, что даже если что-то не так, в конечном счете все устроится. И в то же время не могла сбросить со счетов его предостережение.

Они оба разрывались надвое между тем, что хотели их сердца и чего требовал от них рассудок. Правда, каждый разрывался по своим причинам. Пожалуй, они сумели бы решить все свои вопросы, смогли бы изменить свои жизни в ту или другую сторону, но так уж случилось, что внезапно их разговор оборвался.

Глава 10

Казалось, взрыв отозвался по тоннелям и коридорам бесконечными раскатами эха. Прикрепленные к стенам и потолку флюоресцентные лампы, к счастью, продолжали светить, так как каждая из них была независима от соседней.

Вскоре за первым взрывом последовал второй. Он раздался со стороны входа в пещеру «Колдстрайп» чуть выше лабораторий и жилой зоны.

— Несчастный случай! — крикнула Клэрити.

Флинкс покачал головой.

— Вряд ли.

Он узнал отдачу разрушительного заряда ограниченного действия, но не хотел понапрасну пугать Клэрити, пока полностью не удостоверится.

Он проклинал себя за свою идиотскую самоуверенность. Ведь на борту «Учителя» было оружие, но он не посчитал нужным взять его с собой в убеждении, что без него доставит Клэрити ее коллегам и преспокойно отправится дальше. Разумеется, Флинкс с самого начала предполагал, что похитители не отступятся от задуманного, но чтобы они проявили себя так быстро, этого он не ожидал. Экскурсии по лаборатории усыпили его бдительность — и вот результат.

Но на свете не бывает непреодолимых преград. Дзе-Мэллори наверняка *разочаровался бы в нем*. Этот старина изо всех сил старался вложить в черепную коробку своего юного друга такой же объем знаний по стратегии и тактике, какой имел по гуманитарным и точным наукам.

— В основе нашей цивилизации лежат закон и здравый смысл, — как-то раз сказал он Флинксу. — Но никогда не забывай, что на ее окраинах постоянно бродят темные силы, пробуя ее на прочность, пытаясь проникнуть внутрь. Меня в первую очередь страшат не они, а внутреннее разложение, падение нравов. Ведь для некоторых мораль — лишь помеха в жизни. Против таких постоянно нужно быть начеку, потому что они способны исподтишка подрывать цивилизацию, словно простуда, которая, если

ее проморгать, может перерасти в пневмонию, и тогда конец. Причем их жертвами могут стать как отдельные люди, так и целые общественные институты. Вот для чего существует Объединенная Церковь — для того, чтобы обеспечить моральное лидерство и приходить на помощь тем, кто в ней нуждается. Разумеется, она далека от совершенства, и ее отцам это хорошо известно.

Флинкс подумал, что сейчас ему позарез нужно оружие, а не моральная поддержка. Он со всех ног мчался по коридору, увлекая за собой Клэрити.

Крики и панические вопли слились с затихающим эхом взрыва.

— Твои друзья вернулись за тобой, — сказал Флинкс, стараясь преодолеть шум.

— Невозможно! Как они могли проникнуть через контрольные посты?

Пип мельтешила над головой Флинкса, пострелявая глазами вглубь коридора.

— А если они проникли где-нибудь в другом месте? — спросил он Клэрити.

— Нет здесь другого места, — не унималась она. — Лучший из «шаттлов» имеет шансы пятьдесят на пятьдесят остаться целым, если вздумает приземлиться где-нибудь еще. А шансы на успешный взлет и того ниже. Что же касается контрольно-пропускного пункта, то там один-единственный вход и заслонка, под которой мы вкатились внутрь. Если нарушитель попробует прорваться без разрешения, он тотчас наткнется на эту преграду. Любой прибывающий на планету неминуемо проходит через этот пост.

— Все время, что я здесь, только и слышу о разветвленной системе пещер Тоннеля. И если террористам удалось проникнуть внутрь, неужели они не могли отыскать или расширить другое отверстие. Ведь непременно должны существовать и другие выходы на поверхность, кроме того, что был приспособлен под официальный пропускной пункт.

— Это можно представить. Да, такое вполне возможно. Тот, кто пытается отыскать новый вход, наверняка обзаведется полным спелеологическим оборудованием. Здесь у нас есть страшнющие про-

пасти и отвесные бездны, но у этих фанатов, похоже хватает решимости справляться с подобными задачами.

— Вернее, фанатизма.

Они поворачивали за угол, когда в глубине тоннеля прогрохотал третий взрыв, который был чуть слабее предыдущих. Флинкс успел вовремя остановиться.

Следующий заряд взорвался впереди и чуть правее от них, причем настолько близко, что они ощутили тепловую волну и увидели вспышку. Потолок, к счастью, был полностью очищен от наростов, иначе бы беглецов пригвоздило к полу падающими сталакитами. Однако силы взрыва оказалось достаточно, чтобы с потолка посыпались камни, сбив Клэрити и Флинкса с ног.

— С тобой все в порядке?

Флинкс помог Клэрити подняться на ноги и в этот момент заметил высокую блондинку в костюме-хамелеоне. Она как раз вбегала в помещение, с которого только что взрывом снесло дверь. Вслед за ней туда прошмыгнули еще несколько человек ниже ростом, облаченные в такие же костюмы. Некоторые из них показались Флинксу уже немолодыми для подобных дел, но, как известно, фанатизм не знает возраста.

Для того, чтобы проникнуть в исследовательский комплекс, они воспользовались маскировочными костюмами. Но теперь, когда прятаться было ни к чему, бандиты сбросили с голов капюшоны, чтобы лучше видеть и слышать.

В коридоре валялось два тела. Один человек еще стонал и перекатывался на полу, прижимая к себе оторванную левую руку. Клэрити бросилась к ним, но ее удержал Флинкс.

— Но это же Сара! Она ранена!

— Мы ничего не сумеем сделать. Ведь они совсем рядом. Если ты снова попадешь к ним в лапы, я уже не смогу тебе ничем помочь. О ней позаботится кто-нибудь другой.

Отступая, он потащил ее за собой. Флинкс был не только выше ростом, он вдобавок имел силу гораздо большую, чем это казалось на первый

взгляд. Сказывалась тренировка, полученная в его воровской жизни, когда приходилось висеть на пальцах, прыгать со стен, спасаясь от полиции.

В помещении, захваченном террористами, прогремел новый взрыв. Вверх рванулось желтое пламя и начало быстро распространяться по потолку.

— О Господи! — простонала Клэрити. — Ведь это отделение микрохирургии. Для того, чтобы поставить сюда кое-что из оборудования, потребовались годы.

— По-моему, для тебя настало время позаботиться о судьбе оборудования между твоей прической и ботинками. На его замену уйдет гораздо больше времени, — резко оборвал он ее.

Пещера наполнилась треском ручного оружия и тихим шипением лазеров. Лазерные пули беспорядочно пробивали тонкие пластиковые стенки. Коридор начали застилать клубы дыма — это загорелись воспламеняющиеся материалы.

Клэрити с Флинксом слышали, как пламя пожирает прохладный воздух пещер. Другие помещения и лабораторное оборудование были охвачены огнем. Террористы разрушали содержимое пещер методичностью и безжалостностью. Каким бы образом террористы ни проникли внутрь, Флинкс заметил, что первое их действие было направлено на то, чтобы отрезать «Колдстрайп» от остальных подземных обиталищ. После этого они начали отступление, разрушая на обратном пути все, что только возможно.

— Ну почему! — кричала Клэрити, пока Флинкс не то вел, не то тащил ее вдоль тоннеля. — Ну почему?

— Одного твоего похищения им было мало, — буркнул он, осматривая каждую дверь, каждый проход и лишь затем устремляясь дальше. — Твой побег вынудил их действовать открыто. Ты ведь сама, кажется, говорила, что конечная их цель — приостановить ваши исследования.

— Но не таким же образом! Зачем убивать, жечь?

— В их глазах это нечто вроде очистительной операции. Не думаю, что убийства входят в их первоочередные планы. Им просто не терпится

уничтожить лабораторное оборудование. Это, разумеется, не означает, что они готовы остановиться и вступить в дискуссию с теми, кто придерживается иных взглядов или просто окажется у них на пути.

Неожиданно Клэрити подняла глаза.

— Ты думаешь, им известно о моем возвращении?

— Кто знает? По крайней мере, их служба оповещения гораздо эффективнее, чем это можно было предположить.

Становилось все труднее смотреть сквозь сгущающий дым. Справа от Флинкса из мрака выскочил какой-то человек. Он представлял собой такое комичное зрелище, что какое-то мгновение Флинкс не мог сообразить, как ему реагировать.

Это был коротышка с проплешинами на голове, густыми белыми бакенбардами, обрамлявшими мощную челюсть, и заметно выпиравшим брюшком. Защитный костюм был ему слишком велик и, собравшись в складки на груди и бедрах, почти полностью утратил свои маскировочные качества. Респиратор прилип к лицу коротышки, придавая ему сходство с морскими арахнидами. Но это было лишь еще одним доказательством того, что террористы заранее приготовились действовать среди дыма и отравленного воздуха.

Человек этот шагнул из служебного коридора, наполненного едким дымом. И хотя вид коротышки был далек оттого, чтобы внушать ужас, глаза его грели безумием, не вязавшимся с несуразной внешностью. Кроме того, он обеими руками сжимал мощный пистолет, отчего Флинксу сразу стало не до смеха. Как только террорист заметил беглецов, то сразу попытался взять их на мушку. Говорил он визгливым истеричным голосом, в котором не было ничего смешного.

— Для вас все кончено, черт возьми! Вам крышка, финиш. С вашим богохульством будет покончено навсегда! И это лишь первый шаг, только самое начало, — пистолет в его руках все еще искал цель. — Смерть разрушителям окружающей среды!

Флинкс с силой толкнул Клэрити, а сам бросился в противоположную сторону. Лазерная пуля просви-

стела мимо, слегка задев его плечо. Флинкс машинально вскинул руку, упал, живо перевернулся, привстал и снова увидел направленное на него дуло. Однако второго выстрела не последовало. Коротышка зашелся в душераздирающем крике — это Пип попала ему прямехонько в глаза. Возможно, до этого он никогда не видел летучих змеев. Пип настолько увлеклась, защищая своего хозяина от опасности, угрожавшей тому из глубины коридора, что не сразу пресекла действия бандита, дав ему время на выстрел. Однако хоть и с некоторым опозданием, она обезвредила врага.

Коротышка упал на спину, отбросив в сторону пистолет, и впился пальцами в разлагающееся на глазах лицо. Яд все глубже проникал под кожу и от нее шел пар. И хотя несчастный еще не догадывался об этом, фактически он уже был мертвецом.

Когда Флинкс помог Клэрити подняться на ноги, террорист неподвижно лежал на спине. Падая на каменный пол, Клэрити поранила себе руки и колени. Убедившись, что она в состоянии держаться на ногах, Флинкс отошел, чтобы снять с коротышки респиратор, не забыв однако и про пистолет. Пара мощных патронов прекрасно разместилась в его карманах. Быстро обыскав костюм террориста, Флинкс не обнаружил ничего, указывающего на личность или принадлежность убитого.

Проверив на ходу пистолет, Флинкс догнал Клэрити.

— Кем бы они ни были, в предусмотрительности им не откажешь. Никаких зацепок. Кто они, откуда, где их база, ровным счетом ничего.

Клэрити по-прежнему стояла, уставившись в пространство. Флинкс поднял руку, словно собирался ударить ее.

— Клэрити! Проснись!

Она машинально вскинула обе руки, защищаясь. Этого оказалось достаточно, чтобы скинуть с себя оцепенение.

— Извини. Я... ладно, все нормально.

Позади них в потолок с шипением впился лазерный луч, пробуравив отверстие во влажном извест-

няке. Описав рукой с пистолетом плавную дугу, Флинкс выстрелил в том направлении, откуда был направлен луч. Из клубов дыма никто не выскочил и ответного выстрела не последовало.

— К такому повороту событий они явно не готовы, — буркнул Флинкс, чтобы успокоить Клэрити и заодно себя самого. — Солдаты из них неважнецкие. Они в основном полагаются на неожиданность атаки и готовность стоять до конца. Что ж, того и другого им не занимать. Но на продуманную военную операцию все это не похоже. Будь они профессионалами, мы бы уже давным давно оказались бы либо на том свете, либо у них в плену.

Фликс пытался разглядеть, что происходит за клубами дыма.

— Если не ошибаюсь, представители Службы Безопасности открыли ответный огонь.

Верхние ярусы пещеры «Колдстрайпа» были полны дыма и пламени. В таких условиях трудно было разобрать, где свои, а где чужие. Местная система вентиляции, к счастью, еще функционировала, в противном случае все бы уже давным-давно задохнулись.

Флинкс старался не думать о возможности заражения различного рода токсинами, попавшими в воздух замкнутого пространства пещеры во время взрывов. Не случайно фанатики захватили с собой респираторы. А вот работники «Колдстрайпа» к этому оказались не готовы.

Интересно, остановятся ли эти безумцы после того, как они полностью уничтожили исследовательскую лабораторию. Не окажется ли эта их победа чем-то вроде мощного наркотика. Вдруг им придет мысль овладеть всей колонией? Кто может поручиться за то, что на орбите у них нет подкрепления из таких же фанатиков, которым не терпится последовать за первой командой? А если они сумеют овладеть портом, все на Длинном Тоннеле окажутся их заложниками. Не исключено, что это может понадобиться для того, чтобы поставить условия правительству.

— Скажи, а есть тут у вас другой проход к ангару и порту?

Глаза Клэрити слезились от дыма. Прежде чем ответить, она прокашлялась.

— Нету. У каждой фирмы свой собственный подземный комплекс. Единственный путь назад к поверхности — это тот, которым я тебя привела сюда. Некоторые исследовательские станции, финансируемые университетами, в целях экономии занимают одну общую пещеру, но каждая частная фирма, как, например, «Колдстрайп», имеет собственную пещеру с отдельным входом. Это в целях обеспечения безопасности. Так что, если они прорвались в помещение порта...

— Именно это и не дает мне покоя. По крайней мере, теперь я знаю, что к поверхности ведут несколько коридоров. Террористы проникли сюда, не прибегая к взрывам. Поэтому, если существует один-единственный проход, ведущий внутрь, то должен быть и другой, ведущий отсюда к порту.

— В таком случае, он не отмечен на карте, — настаивала Клэрити, пока они, спотыкаясь, бежали сквозь дым. — Даже в качестве трещины, которую можно преодолеть лишь ползком.

Флинкс сосредоточенно всматривался перед собой. Странно, что обыкновенный дым может так разъедать глаза. Должно быть, это из-за пластиковых перегородок.

— Нам надо захватить с собой фонарь, — Флинкс с тоской посмотрел на трубки химических ламп, освещавших им путь, но те были прикреплены намертво. Так или иначе, нам надо выбраться за пределы комплекса. Не думаю, чтобы им пришло в голову специально разыскивать тебя. По крайней мере, не сейчас. Вокруг слишком много мертвых. Прежде всего, им нужно удержать то, что они до сих пор захватили, а потом поразмыслить, что с этим делать дальше. И только после этого действовать.

— Какая разница, особенно теперь, — Клэрити рыдала вовсе не из-за едкого дыма. — Они рушат все! Вся наша работа, все наши образцы, наш научный архив! Все пропало!

— Неужели ты думала, что они будут действовать выборочно?

Эта фраза вырвалась у него гораздо резче, чем ему бы хотелось.

— Разборчивость предполагает наличие системы ценностей. Гораздо проще уничтожать все подряд, чем тратить время на рассуждения о своих действиях. У них свои принципы, которые весьма отличаются от общечеловеческих. Ты сама видела, какое выражение лица было у того типа. — Он махнул рукой в сторону коротышки, убитого Пип. — Некоторым из них участие в нападении щекочет нервы куда сильнее, чем какие-то словопрения о морали. Они получают удовлетворение не отходя от кассы. Сейчас они наверняка возомнили, что весь мир в их руках. К счастью, в их руках только малюсенькая часть планеты, но для них это не имеет значения. Особенно сейчас, в эти минуты.

Косичка Клэрити задела его по уху.

— А откуда у тебя такие знания о психологии толпы?

— У меня были учителя, которые прекрасно в ней разбирались. Но давай-ка брать ноги в руки.

Теперь она бежала свободно, позволяя увлекать себя все дальше вглубь, поближе к складам «Колдстрайпа». Вскоре они оказались среди сложенных штабелями ящиков. Осветительные трубки мерцали тускло — большинство из них нуждались в замене. Они были меньше по размеру, чем те, которые освещали лаборатории, но все же великоваты по сравнению с теми, которые искал для себя Флинкс. Он пытался узнать хоть что-то о таких трубках у Клэрити, но не особенно надеялся на успех. В конце концов, она генный инженер, а не завхоз. Вдвоем они принялись осматривать ящики и читать этикетки на них, досадуя, что не имеют сканера для чтения электронной маркировки.

Им удалось обнаружить целую гору концентратов, которыми они тут же набили карманы. В глубине обширного склада беглецы наткнулись на несколько небольших пещер, опечатанных от непрошеных гостей. Некоторые ящики по ту сторону барьера были помечены, как радиоактивные. Другие же были помещены под замок из-за дороговизны их содержимого. Барьеры же эти оказались доволь-

но примитивными. По-видимому, они предназначались для мелких воришек. Ни один из них не устоял перед профессионалом, каковым, несомненно, являлся Флинкс. В карманах он нашел инструменты, которые сослужили ему добрую службу на Аляспине. По иронии судьбы обстоятельства складывались таким образом, что ему рано было выходить на пенсию и бросать занятия своей ранней юности.

Клэрити наблюдала, как он буквально за минуту разделался с замками и открыл ворота.

— Судя по всему, ты был мастером своего дела.

— Был. Но затем начал взрослеть и забросил свою профессию. Рослому вору трудно оставаться неприметным.

Он оттянул ворота в сторону. Дорогостоящая электроника и научные приборы не интересовали его. Ему нужны были исключительно мощные, но компактные осветительные трубки вроде тех, которые освещали склад. Каждая из них была в длину около полуметра. Флинкс без особого труда отвинтил от стены парочку сияющих цилиндров. Один светильник он вручил Клэрити, а второй оставил себе. Он постарался выбрать самые яркие трубки. Лампы были рассчитаны на длительный период эксплуатации, не требовали никаких батарей или подзарядки. Пока трубка была цела, она очень долго испускала свет.

— А как быть с водой? Ведь пока ситуация прояснится, пройдет какое-то время.

Теперь, когда у них была пища и свет, Флинкс чувствовал себя намного спокойнее.

— На Тоннеле можно не запасаться водой. Пещеры полны ею до краев. Не забывай, что в наших подземельях текут настоящие реки. — Клэрити неуверенно взглянула на него. — Что ты задумал, Флинкс?

— Нам нужно переждать. Мы найдем себе тихое укромное местечно, где никто не стреляет, и будем ждать. Через пару деньков мы вернемся и посмотрим, что к чему. Если порт все еще не захвачен, попробуем пробиться к нему. Ведь после первых боев стороны, как правило, начинают переговоры. Кто знает, может террористы ограничатся разруше-

нием «Колдстрайпа». Вдруг они потребуют, чтобы им предоставили возможность беспрепятственно покинуть планету и действительно отправятся восвояси. Кто знает? А если им удалось захватить весь порт целиком, нам придется попробовать подобраться к моему «шаттлу». Ты знаешь дорогу по незанятым пещерам?

— Нет. У меня ни разу не возникло необходимости идти глубже, чем самая дальняя лаборатория. Некоторые из моих друзей увлекались спелеологией, но только не я.

— Ладно, что делать? Как-нибудь выкрутимся.

Они снова вернулись в главное помещение склада. Оба старались ступать как можно тише, прячась за ящиками и коробками. В конце концов путь им преградила стена из пластикового напыления. Это была скорее символическая преграда — тонкая, как картон. Флинкс пощупал ее — она оказалась легкой и податливой.

— А что за стеной?

Не дожидаясь ответа, он откинул тонкую, как бумага, задвижку, на которую была заперта пластиковая дверь. Она открылась внутрь. Флинкс просунул в зияющий проем световую трубку. С той стороны перегородки освещение отсутствовало — ни адаматиновых ламп на потолке, ни биотрубок вдоль пола. Под ногами перекатывались камни.

— Ничего, — сказала Клэрити. — Просто пустая пещера. Одна из многих на Тоннеле.

— А насколько здесь распространены те опасные твари, о которых ты говорила? Или все они не страшнее фотоморфов?

— Ты бы не стал утверждать, что фотоморф не опасен, если бы он напал на тебя. Обычно спасает то, что они медлительны, — она пыталась разглядеть что-то в темноте. — Они, конечно, опасаются бродить рядом с лабораторией. Здесь слишком светло и шумно.

— Это именно то, что нам надо. Темно и пусто, — Флинкс шагнул через порог. — Пойдем, чего ты ждешь?

Он пытался смотреть поверх полок и цистерн, заполнявших складскую пещеру. Пока никого из

террористов здесь не было, но они вполне могли нагрянуть и сюда, чтобы разгромить или ограбить склад. Этих фанатиков можно было ожидать с минуты на минуту, а у Флинкса не было никакого желания столкнуться с ними нос к носу.

Должно быть, те же самые мысли посетили и Клэрити, но она почему-то упорствовала.

— Не могу, — выдавила она наконец.

— Не можешь? Объясни, пожалуйста, чего ты не можешь? Ты боишься подземных страшилищ?

— Нет, дело не в этом, — она говорила с трудом и так тихо, что слова едва можно было разобрать. — Просто я... Флинкс... я боюсь темноты.

Тот даже раскрыл рот от удивления.

— И ты прилетела сюда? Выбрала для себя такое местечко?

— Но у нас же не всегда темно, — с вызовом ответила она. — Биотрубки горят круглосуточно, большинство сотрудников работают посменно. Темно бывает только тогда, когда выключаешь свет в жилом помещении. А это совсем другая темнота, — и Клэрити кивнула в сторону бездны, поглотившей свет от трубки Флинкса. — Ведь кого там только нет, Флинкс. На одного найденного нами зверя приходится сотни других, о которых мы даже не ведаем.

— Значит, тебе придется выбирать между тем, о чем ты не ведаешь и тем, что тебе хорошо известно. Я имею в виду происходящее, — и он махнул осветительной трубкой в сторону коридора, по которому они пришли сюда.

Пока Клэрити стояла в нерешительности, оттуда раздался чей-то крик. Это был долгий душераздирающий вопль. Так не стал бы кричать человек, сраженный оружием. Для Клэрити этого оказалось достаточно.

— Я с тобой, только будь добр, сделай одно одолжение.

— Какое?

— Возьми меня за руку, ладно?

Клэрити была взрослым, разумным человеком. В конце концов она была уже ученым! Как можно страшиться простого отсутствия света? Ведь само по

себе оно почти ничем не грозило, не таило ровным счетом ничего опасного. И тем не менее вполне здравомыслящие люди испытывали перед темнотой первобытный ужас. Флинкс ощущал этот ужас внутри Клэрити и понимал, что она не шутит. Но сейчас было не время и не место обсуждать эту слабость. Флинкс просто взял ее за руку и заботливо провел сквозь проход, после чего закрыл за собой тонкую дверь. Две световые трубки обволакивали их свечением на несколько метров в диаметре, заставляя темноту держаться на почтительном расстоянии. Флинкс вообще не ощущал на себе давления мрака. Подумаешь, темнота!

Первое, что следовало сделать, это углубиться на достаточное расстояние в следующую пещеру, так чтобы любой, кто сунет нос в дверь, сквозь которую они только что прошли, не смог обнаружить их по свечению трубок. Флинкс сомневался, что кому-либо придет в голову устраивать проверки, ведь первое, что пришло бы на ум любому, задумавшему спастись бегством, — это попытаться пробраться в относительно безопасный порт. Но Флинкс не собирался понапрасну рисковать.

Пол был относительно гладким, если не считать рассыпанных по нему камешков. В некоторых местах вода промыла ровную, скользкую дорожку. Беглецы пересекли какую-то речушку, и Флинкс задержался, чтобы сделать глоток чистой студеной воды. Как только он нагнулся к подземной речке, из-под его ног бросилась наутек целая стайка крошечных белых безногих существ. Одновременно до Флинкса донесся другой, скрипучий звук, словно некое гораздо более крупное существо метнулось в сторону, ища укрытия в темноте. Он резко обернулся, обшаривая мрак своим импровизированным фонариком. Но там ничего не было видно — ничего такого, что похоже было бы на какое-то движение между сверкающими сталагмитами. И все равно Флинкс ощущал вокруг себя присутствие живых существ, затаившихся в своих укрытиях.

Беглецы все дальше углублялись в пещеры. Иногда уже за пределами досягаемости их световых трубок Флинкс мог различить отдельные точечные

вспышки света. Должно быть, фотоморфы или еще какой-нибудь удивительный вид биолюминисцентных существ, которые еще могли быть неизвестны науке. Но кем бы они ни были, их огоньки неизменно гасли, как только к ним приближались куда более мощные источники света беглецов. Пройдя мимо, Флинкс, как правило, оборачивался, и у него перед глазами снова вспыхивали ослепительные точки.

Дорога была достаточно гладкой, и они за короткое время преодолели значительное расстояние. В течение какого-то времени до них еще доносились крики и взрывы. Вскоре звуки стали значительно глуше.

У Флинкса было впечатление, что террористы добрались до склада. Они с Клэрити вовремя успели унести ноги. Флинкс попытался представить себя на месте этих фанатиков. Если у них хватит мозгов, они наверняка выставят у входа в склад парочку охранников. Однако Флинкс не мог определить, насколько у них развит боевой дух. Скорее всего, он довольно высок. Об этом говорило то, что они решились на открытое нападение. Акция по уничтожению вполне законного коммерческого предприятия, не говоря уже о целой колонии Содружества, подтверждала их преданность своим бредовым идеям и готовность пожертвовать ради них не только чужими, но и своими жизнями. Но это еще не было доказательством того, что они будут последовательны в своих действиях.

Беглецы были уже достаточно далеко от опасности со стороны людей и могли расслабиться. Однако Флинкс не спешил останавливаться. Он наметил себе найти еще один студеный ручей и там строить привал, пережидая нападение. А там, глядишь, все кончится, бандиты уйдут, власти же порта возьмут ситуацию под контроль. Если где-то поблизости окажутся миротворческие силы, это только подстегнет террористов убраться восвояси. Однако Флинкс помнил, что здесь нет установки для глубокой связи, и боевому кораблю для того, чтобы уловить сигнал бедствия, действительно нужно быть где-то совсем близко.

Флинкс проверил хронометр. Теоретически сейчас была ночь, но здесь, в подземелье, это было единственное время суток. И хотя Флинкс приучил себя при необходимости дремать урывками, он сомневался, что Клэрити наделена подобной способностью. Поэтому ради нее им придется придерживаться привычного двадцатичетырехчасового цикла.

Конечно, было бы просто прекрасно, сумей они более основательно подготовиться к переходу — запастись веревками, шлемами, мощными фонарями и даже палаткой со спальными мешками.

Нет, Флинкс не жаловался. Уже одно то, что им вовремя удалось унести ноги, было хорошо. Слава Богу, что у них есть пища и осветительные трубки, ведь хоть Флинкс и не боялся темноты, он вовсе не горел желанием бродить по пещерам вслепую, спотыкаясь на каждом шагу. Ведь здесь очень просто сбиться с дороги, заблудиться и скитаться по бесконечным пещерам, пока не кончится пища, а вместе с ней и надежда.

— Нам придется переждать здесь несколько дней, — пробормотал Флинкс, рассуждая вслух. — Если террористы не ушли, это значит, что они решили задержаться здесь на какое-то время. А если порт все еще оказывает им сопротивление, нам придется предпринять что-то еще. Я, конечно, понимаю, что это доставляет тебе мало удовольствия.

— Какой ты, однако, наблюдательный! — сказала Клэрити, хотя в душе вовсе не собиралась язвить. — А что ты намерен предпринять?

— После того, как все уляжется, *я сделаю разведывательную вылазку с Пип. Бандиты наверняка* тщательно прочешут все помещения и вряд ли будут готовы к моему визиту. Если мне удастся засечь парочку моей комплекции, я постараюсь тихонько уложить их. Мне нужны их маскировочные костюмы с капюшонами. Они дадут нам возможность под видом боевиков пробиться к порту. Но я не хочу рисковать до тех пор, пока не подвернется подходящий момент. Уж лучше тогда пересидеть здесь. Если, конечно, ты согласна потерпеть.

— Нет. Не согласна. Неужели ты и впрямь считаешь, что они выторгуют себе «шаттл» и уберутся восвояси?

— Все зависит от того, каковы их конечные цели. Если в их планы входило одно только уничтожение «Колдстрайпа», можно считать, что им это удалось. Если же они намерены обосноваться здесь надолго...

— То у нас кончатся припасы. — Ее глаза настороженно бегали из стороны в сторону, словно ожидая, что из мрака на нее вот-вот кто-то прыгнет. Решительный, уверенный в себе исследователь постепенно уступал в ее душе место маленькой испуганной девчушке. Флинкс не питал иллюзий — в пещерах она протянет не более недели. И все из-за того, что ей здесь недостаточно света.

— Тебе нельзя поддаваться страху.

— Я и без тебя это знаю! — огрызнулась она. — Это глупо, это по-детски — вот так, без всяких причин бояться темноты. Я сама все прекрасно понимаю. Мне известно, как это называется в медицине и чем бывает вызвано. Но какая, к чертям собачьим, разница! Не будь тебя здесь со мной, и мне конец. Я либо окаменею от страха, либо запаникую и начну метаться как сумасшедшая, пока с разбегу не налечу на что-либо. Или кто-либо налетит на меня.

— Но ведь я здесь, успокойся, — ласково проговорил он. — Не принимай близко к сердцу. Мы отдохнем, чего-нибудь перекусим, может быть, даже поспим. Если ты так боишься, я перенесу свою вылазку на завтра.

— Все мои друзья, — теперь она говорила сама с собой. — Максим, Линг, Шорона...

— Но нам на пути попались лишь двое раненых, с чего ты взяла, будто все погибли. Не считая того типа, которого уложила Пип. Ведь бандитам для того, чтобы прекратить ваши исследования, вовсе не обязательно убивать людей. Скорее всего они нагрянули сюда для разрушения вашего исследовательского комплекса. Имея же за собой несколько убийств, им нелегко будет вести переговоры о том, чтобы их отпустили с планеты. Возможно, они не в состоянии выбраться отсюда тем же путем, каким

проникли сюда. Не исключено, что им понадобятся заложники. К тому же твои друзья не из тех, кто привык оказывать сопротивление. Ведь это за них должны делать охранники.

— А как, скажи, смогли бы сражаться мои друзья, если у них нет оружия?

— Вот видишь, это значит, что скорее всего перестрелка их не коснулась, и они просто пережидают, пока не выяснится, чья взяла. Стоят себе где-нибудь у стеночки и в ус не дуют.

— Возможно. — В глазах ее блеснула надежда. — Да, да, ты прав. Скорее всего, так оно и есть. Может, даже никто из них не пострадал.

Ее голос зазвучал увереннее.

— Сколько в «Колдстрайпе» работников, не считая охраны?

Она на минуту задумалась:

— Около шестидесяти вместе с администрацией.

— Но это же уйма заложников. Захватив такое количество людей, можно с толком торговаться о чем угодно. А шестьдесят трупов вряд ли пойдут им на пользу в такой ситуации.

— Подумать только, ведь тебе нет еще и двадцати, — сказала она, изумленно глядя на него. — Скажи, а тебе когда-нибудь раньше приходилось задумываться о судьбе заложников или же разрабатывать тактику захвата?

— Я был вынужден взрослеть в спешке. Теперь мне даже вроде бы как и жаль. Но у меня не было того, что принято называть нормальным детством. Да это и неудивительно. Я ведь далеко не нормален. И все равно мне жаль.

По пещерам прокатилось эхо взрыва. На плече у Клэрити встрепенулся Поскребыш. Эмоциональное напряжение последних нескольких часов не могло не сказаться на юном змееныше. Теперь он почти не летал, предпочитая оставаться у Клэрити на плече или на косичке.

Флинкс удивился:

— А я-то думал, что они поставили точку. Должно быть, рвануло где-то поблизости, иначе мы бы не услышали.

Через десять минут за первым взрывом последовал второй.

— Что-то здесь не так. К этому времени они должны были уже закончить разрушение. Может быть, существует еще одна часть комплекса, которую ты мне не показала?

Клэрити покачала головой.

— Ты видел все.

Флинкс покусывал нижнюю губу.

— Ума не приложу, что там еще можно взрывать. Если они, конечно, не свихнулись и не начали уничтожать запасы.

Флинкс поднялся на ноги и подобрал трубку, лежащую рядом.

— Пойду посмотрю. Если хочешь, можешь подождать меня здесь.

— Ни за что. — Она нервно вскочила. — Уж лучше бы я осталась валяться без сознания на песчаном берегу там, на Аляспине, чем оставаться одной здесь.

— Ладно. Но когда мы подберемся поближе, нам придется маскировать свет наших трубок. Например, их можно будет завернуть в рубашки.

— Все, что ты скажешь, только не бросай меня здесь одну.

Но им так и не удалось пробраться к месту происшествия. Когда они прошли, как им казалось, половину расстояния, Флинкс заметил, что слабого свечения биотрубок сквозь пластиковую стенку склада как не было, так и нет. А отзвуки взрывов докатывались до них все слабее.

— Мы где-то неправильно свернули.

— Нет, все правильно. Должно быть, правильно. — Она поглаживала странно изогнутый сталагмит. — Я старалась запомнить приметы, что-нибудь особенное. Это первое, что начинают вкладывать здесь, на Тоннеле, в голову всякому вновь прибывшему. На тот случай, если вы отклонитесь от освещенного коридора.

— В таком случае, мы еще слишком мало прошли.

Когда им показалось, что они прошли достаточно, то уткнулись в сплошную стену из скальной

породы. Флинкс поводил по шероховатой поверхности стены лучом трубки, пока Пип с Поскребышем с любопытством порхали поблизости. И снова до них донеслось эхо взрыва — уже совсем издалека.

«Странно, — подумал Флинкс, — ведь должно быть совсем наоборот».

Он нагнулся, чтобы получше рассмотреть обломки камня, которыми было усеяно основание сверкающего бело-коричневого сталагмита. Клэрити, опустившись на колени, разгребала осколки в разные стороны.

— Они похожи на рога единорога. Здесь нет свежей поросли, и сталакиты еще сырые в тех местах, где они оторвались от потолка.

Клэрити перевела взгляд на сплошную каменную стену.

— Должно быть, бандиты уничтожают дальные ходы.

— Значит, им мало того, что они загубили все ваши труды. — Флинкс нахмурился и поднялся на ноги. — Теперь они пытаются замуровать разрушенное, взрывая ближайшие к ним пещеры и коридоры.

В голосе Клэрити зазвучала дрожь.

— Но если они, отступая, взрывают за собой тоннели, это значит, что мы с тобой угодили в ловушку.

— Нет, если они отыскали себе дорогу внутрь, то мы наверняка сможем отыскать дорогу наружу.

— Да, но у них было с собой спелеологическое снаряжение и к тому же обнаруженный ими проход пролегал где-то там, — она указала на каменную стену. — А у нас с тобой только пара трубок. Когда они погаснут...

— Успокойся! — рявкнул Флинкс. Результат не заставил себя ждать — истерика Клэрити поутихла. — Отсюда наверняка должны быть другие выходы на поверхность, а иначе здесь не было бы свежего воздуха, которым мы дышим.

— Должно быть, здесь сотни отверстий, выходящих на поверхность, — устало произнесла Клэрити. — Но почти все они меньше метра в диаметре и к тому же изогнутые. Сквозь них не то, что человеку — кошке трудно пролезть. А воздух циркулирует

свободно. Все возможные пути к порту были проверены и перепроверены еще до начала строительных работ. Единственный сносный путь в комплекс пролегает через древний речной каньон, который приспособлен под взлетно-посадочную площадку.

Клэрити провела рукой по стене.

— Она, должно быть, простояла миллионы лет. С чего же они решили, что им удастся пробиться сквозь эту толщу обрушившегося известняка?

— И все-таки нам следует попытаться отыскать проход, — настаивал Флинкс. — Кто знает, может две крупные глыбы навалились одна на одну и между ними осталось хоть чуточку свободного пространства.

Им действительно удалось обнаружить одно место, где гигантский поваленный сталактит около трех метров в диаметре образовал что-то вроде арки. Окрыленный надеждой Флинкс ползком пролез в отверстие, но через пять метров снова уперся в каменный завал. Он не сумел развернуться и пополз обратно ногами вперед. Вскоре он снова оказался перед аркой.

— Бесполезно. Они, наверное, взорвали здесь несколько зарядов.

Флинкс стряхнул с себя пыль и улыбнулся, заметив, как змееныш посматривает на него из-за плеча Клэрити.

— Кстати, Пип с Поскребышем вполне могли бы воспользоваться одним из воздушных ходов, о которых ты говорила. Правда, они не в состоянии передать от нас послание. К тому же Пип ни за что не бросит меня в такой ситуации.

— Значит, мы в ловушке. Нам никогда не выбраться отсюда. Даже если существует другой выход, нам его все равно не отыскать. У нас для этого нет никакого снаряжения.

— Зато есть время. Запасы пищи можно растянуть на несколько дней, если расходовать их экономно, а воды здесь достаточно.

— Не в том дело. Не в том. — Клэрити сжимала трубку с такой силой, что Флинкс испугался, как бы она не раздавила ее. — Что будет с нами, когда лампы начнут потухать?

— Они не потухнут, пока мы не найдем выход.

— А откуда ты знаешь?

— Потому что нам надо отыскать выход, — он смотрел куда-то мимо нее. — Если они постепенно заваливают весь ваш комплекс, то для нас разумнее всего было бы постараться пройти в порт кружным путем. Если же они захватили всю колонию, то какая разница, в какую сторону нам идти. Нам остается только все время двигаться вперед, уповая на то, что где-то в конце пути нас ждет тихая гавань. Но нам надо обязательно постараться отыскать путь в освоенную часть пещеры. Вряд ли у них хватит людей, чтобы расставить посты во всех коридорах, во всех помещениях. Как мне представляется, они окружили персонал и держат всех вместе под охраной в одном из залов. К тому времени, как мы проберемся в другую часть колонии, они уже прекратят поиски беглецов.

Флинкс решительно зашагал мимо Клэрити. Она не сдвинулась с места.

— По-твоему, это так легко? Да что ты знаешь о пещерах и подземных пустотах? Крупные пещеры, которые вместили бы целый город, частенько соединяются такими тесными и низкими проходами, через которые пролезет разве что годовалый ребенок. Ну еще чуть-чуть, еще немножно, и все может оказаться позади, но вместо этого даже ползком на брюхе не можешь продвинуться ни на пядь, как бы ты ни упирался ногами. Даже пыль с лица смахнуть нечем — рукой не шевельнешь. Возможно, тебе удастся подползти настолько близко, что ты увидишь перед собой новую пещеру, но в следующий момент лаз сузится на два сантиметра, и ты застрял, тебя не пропихнуть вперед и не вытянуть назад. Останется только лежать там, пока не отощаешь и не сможешь пролезть.

— Заткнись!

Клэрити разревелась. Ей было безразлично, как она при этом выглядит, все равно сидеть в этой ужасной пещере, которая превратилась в их будущую гробницу. Уж лучше было попасть в плен к бандитам, лучше терпеть от них унижения, чем ждать медленной смерти в каменной ловушке.

— Ф-ф-флинкс, я не хочу умереть здесь.

— Мне как-то все равно — где, — хладнокровно отозвался он. — Для меня гораздо важнее — когда. И главное — не сейчас. Пойдем, не будем понапрасну терять время. Как ни крути, а нам придется идти в обход — ползком, шагом, карабкаться вверх, спускаясь вниз, но идти. Говорю тебе, другой выход должен быть обязательно!

Они пустились в путь вдоль стены, следуя в северном направлении по светящемуся компасу Флинкса. Это была одна из сотен функций его замечательного хронометра. Флинкс надеялся, что они быстро отыщут проход, ведущий к дальним помещениям какой-нибудь другой исследовательской компании. Но Клэрити оказалась права. Он мог назвать себя знатоком космических бездн, но о подземных действительно имел самое смутное представление.

Первая проблема заключалась в том, что поверхность у них под ногами была неровной. Несмотря на постоянные усилия держаться на одной глубине, они вскоре обнаружили, что опускаются все глубже. Да и стена, которая осталась у них слева, почему-то не изгибалась плавно по направлению к порту, а тянулась изломанной линией, раздваивалась, образуя новые коридоры, пока, наконец, они перестали понимать, где кончается старая стена и начинаются новые.

Самый тесный лаз мог привести их к спасению, в то время как самый просторный чаще всего кончался завалом. Беглецы предполагали, что отыщут дорогу, ориентируясь по ветерку, проникающему с запада, но отверстия в потолке в несколько сантиметров в ширину и несколько сотен метров в высоту хорошо пропускали воздух с поверхности. В результате образовывались воздушные завихрения без четкого направления, а потому бесполезные.

Яркие трубки, которые они захватили с собой, мало чем помогали им избавиться от чувства полной дезориентации. Флинкс понятия не имел о планировке порта и знал только направление, в котором они следовали. Клэрити же, все еще напуганная темнотой, пребывала в растерянности. Следует от-

дать ей должное, она держалась из последних сил, не впадая в истерику, чтобы не растерять последние крохи надежды.

— Может, оно и к лучшему, что мы опускаемся вниз, — рассуждала она, пытаясь убедить себя, что нет худа без добра. — Под «Колдстрайпом» были низкие уровни. По-моему, под портом располагаются обширные хранилища. Главное для нас — не забраться чересчур глубоко, а не то мы пройдем под ними и выйдем с другой стороны.

— Мы найдем выход. Или что-либо поблизости от него, — сказал Флинкс с уверенностью, которой вовсе не испытывал.

Глава 11

Они прошли какое-то расстояние, несколько раз останавливаясь на привал, чтобы перекусить, и снова двигаться дальше. Флинкс начинал понимать, что здесь недолго тихо сойти с ума. Его мало утешили слова Клэрити о том, что многие геологи предполагали существование системы пещер вдоль всего континента. Проход, ведущий к пещерам других компаний, так и не обнаружился. Даже не спуская глаз с компаса, заблудиться в этом лабиринте не составляло никакого труда.

Дикие фотоморфы разбегались в стороны, испуганные лучами их трубок. Как-то раз беглецы наткнулись на какое-то невидимое существо, ткущее удивительно яркую светящуюся паутину розового цвета. Флинкс и Клэрити предельно осторожно обошли липкие нити и предпочли полюбоваться паутиной на расстоянии, зная, что там они не привлекут к себе внимания ее хозяина.

Оказалось, что следовать прямым маршрутом здесь невозможно. Чем дальше они шли, тем труднее было определить, близко ли от них расположена колония. Исключительно ради Клэрити Флинкс придерживался положительной точки зрения. Но

после нескольких дней блуждания среди сталагмитов, не повстречав ни разу признаков присутствия людей или транксов, Флинкс чувствовал, что надежда оставляет его самого.

Настроение Пип и Поскребыша полностью отражало душевное состояние их хозяев. Они почти не летали, а большей частью сидели, нахохлившись, как на насесте, на плече или на руке. Присущей им обычно прыти и любопытства как не бывало. Флинкс понимал, что заторможенность Пип — это не что иное, как отражение его собственной подавленности. Это был дурной знак.

Одни только гигантские размеры подземных пустот заставили его частично расстаться с былой самоуверенностью. За это время они могли пройти мимо полудюжины тоннелей, которые вывели бы их прямиком к порту. Но вместо этого они попадали либо в тупики, либо в проходы, которые постепенно сужались до толщины лезвия ножа. Клэрити все время повторяла, что карабкаться вверх — это лишь заново затеряться в другой пещере.

Вот если бы только им удалось подобраться поближе к колонии, увидеть вдалеке мерцающий свет, услышать хоть какой-нибудь шум! Но вокруг раздавалось лишь журчание воды, пронзительные визги ночных обитателей и странные, леденящие душу шорохи. Их издавали какие-то тени, которые тотчас ныряли во мрак, лишь только в их сторону падал луч осветительной трубки.

— Мне кажется, они действительно задумали уничтожить здесь все, не один только «Колдстрайп», — сказала Клэрити на третий день блуждания в подземелье.

— Откуда ты знаешь? — спросил Флинкс, пытаясь протиснуться сквозь узкий проход между рядами сталагмитов.

Клэрити последовала за ним, опасаясь разбить свою драгоценную трубку о торчащие в разные стороны отростки.

За последние дни свет их трубок несколько потускнел. На первый взгляд это было не слишком *заметно, но и этого* оказалось достаточно, чтобы Клэрити впала в панику. Она не ныла, не впала в

истерику, но Флинкс видел и без этого, что с ней творилось. Она сохраняла спокойствие немалым усилием воли.

— Если они в состоянии подчистую уничтожить всю колонию, завалить все до последнего коридора, все освоенные пещеры, то наверняка им придется сочинить какую-нибудь правдоподобную версию, например, о глобальной катастрофе. Они могут попробовать заявить, будто прибыли сюда для какого-нибудь своего эксперимента или же для мирной акции протеста, а вместо этого обнаружили, что вся колония разрушена недавним землетрясением или чем-то еще. В общем, представят дело таким образом, что во всем виновата стихия. А если им удастся сочинить что-нибудь сносное, то отдел Содружества, в чьем ведении находится этот сектор, даже не сочтет нужным послать сюда свою собственную инспекцию. Ну а потом бандитам ничего не стоит убедить власти, что дальнейшее освоение Длинного Тоннеля бессмысленно. Для этого не надо прикладывать слишком много усилий, достаточно показать компетентной комиссии видеозапись поверхности планеты. И тогда те, не раздумывая, внесут ее в запретительные списки. С исследованиями здесь будет покончено навсегда. Но для этого им придется уничтожить всех до последнего, не только ученых, но и управляющий персонал. Всех.

Они прошли некоторое расстояние молча.

— Иногда, — наконец произнес Флинкс едва слышно, поднимая трубку, чтобы лучше осветить дорогу, — те, кто на словах печется о сохранении жизни, в действительности признают только свои цели. Частенько их совершенно не интересует такое проявление жизни, как существование их братьев — людей.

Опустив трубку, Флинкс в задумчивости посмотрел на нее.

— Жаль, что мы не можем выключить одну из них, чтобы оставить про запас.

Клэрити покачала головой.

— Это устойчивая химическая реакция. Как только она запущена, ее уже не остановить, разве что разбить трубку. А лампа уже гаснет.

— Еще не слишком.

— Все равно они не вечны. Когда лампа становится слишком тусклой, от нее мало проку, и ее попросту заменяют. В большинстве своем они надежны, не выкидывают сюрпризы. И все-таки некоторые из них горят чуть дольше, чем остальные, а некоторые гаснут слишком быстро. И никогда не угадаешь, какими они окажутся. Все это результат химического дисбаланса, присущего каждой отдельной партии люминесцентной смеси. И ничего тут не сделаешь никаким контролем. Я собственными глазами видела, как некоторые трубки гасли и считанные часы после их установки, другие сияют, ничуть не тускнея, чуть ли не с тех самых пор, когда на Тоннеле прокладывали первые коридоры.

— Будем надеяться, что наши две — из долгожителей. Послушай, а чего конкретно мы должны опасаться в подземелье? Я постоянно слышу какой-то шум.

— Я же тебе говорила, что здесь водятся хищники. Пока что нас Бог миловал. Мы наткнулись на нескольких фотоморфов и прядильника. Но я постоянно была начеку, чтобы нам не нарваться на соломенных червей. Внешне они ужасно похожи на известковые нити, мимо которых мы вчера проходили.

— Известковые нити?

— Ну, длинные тонкие кальцитовые сталактиты. Те самые, что похожи на свисающие с потолка иголки. Между ними любят прятаться соломенные черви. Они тоже свисают с потолка, прикрепившись присоской на хвосте. Если внизу движется что-нибудь съедобное, они просто бросаются сверху на добычу. Ни один из четырех известных видов не ядовит, но у всех во рту есть три концентрических ряда зубов. Эти твари чем-то напоминают пиявок, только их еще труднее оторвать от себя. Они присасываются, вгрызаются и выделяют жидкость, которая растворяет мышцы и костные ткани. К счастью, они не большие мастера кусаться. Если червяку не удалось приземлиться на участок обнаженного тела и как следует присосаться, то достаточно покрепче ухватить его позади головы и просто отшвырнуть

подальше от себя. Самое главное — не дать ему прокусить одежду. До сих пор у нас не было жертв от соломенных червей, но с другой стороны, еще не было случая, чтобы кто-нибудь заблудился в пещерах в темноте. Ты сказал, что вроде бы слышишь шум. А не напоминает он тебе звон в ушах?

Флинкс кивнул.

— Особенно вчера.

— Здесь водятся небольшие млекопитающие, у них огромные уши и конусообразные рты. С виду они очень маленькие, у них нет глаз. Мы называем их конусиками. Представь себе — одни только рот и уши на непропорционально огромных лапах. Они определяют нахождение жертвы при помощи ультразвука. Самый крупный из них — не более тридцати сантиметров в высоту. А питаются они исключительно слепыми насекомыми. Как только им удается засечь какую-нибудь букашку, они тотчас включают нужную частоту и сшибают беднягу на землю — с воздуха или со стены. Иногда мы тоже чувствуем их вибрацию. Ничего страшного. Они, конечно, и нас бы съели, да у них нет зубов. Один лишь похожий на воронку рот. Поэтому они предпочитают не путаться у нас под ногами. Правда, конусики — не единственные животные, которые охотятся при помощи звука. У нас был всего один экземпляр некоего создания — на вид помесь тигра с гиппопотамом. Если бы это чудовище было способно генерировать звук пропорционально своим размерам, то наверняка представляло бы для нас опасность. Но так как наш экземпляр попал нам в руки уже мертвым, то об этом гадать бессмысленно. Зубки у него довольно внушительных размеров.

— Наверное, нечего даже пытаться заткнуть уши?

— Бесполезно. Но нам нечего особенно беспокоиться из-за генераторов звука. Меня больше тревожат ядовитые твари. Есть один вид. Он предпочитает селиться на верхушках вполне определенных сталагмитов. Причем взглянув на этот сталагмит, вы ничего не обнаружите. Разница заметна только профессионалу. У этих гадов дюжина ножек, при помощи которых они цепляются за сухой известняк.

А еще у них есть хоботок. Длинный, сантиметров десять. Под давлением он выпускает из него небольшую стрелу. Нечто вроде органического шприца, прикрепленного к внутренней стороне ноздри при помощи нити соединительной ткани. Стрела содержит особо сильный токсин на основе гементина, поражающий фибриноген. Если не принять неотложных мер, жертва умирает от потери крови, так как гементин не даст ей свернуться. После этого эти паразиты спустятся со своих насестов и высосут все до конца. Если мы будем осмотрительны, нам ничего не грозит. Вот почему я рада, что это живая система. Стрелки сидят только на высохших сталагмитах. Главное — держаться к влажным, еще растущим сталагмитам. Стрелки не выносят воды, капающей с потолка.

— А я-то думал, что здесь внизу все тихо да мирно!

— Пусть темнота не вводит тебя в заблуждение. Мы с тобой продираемся сквозь джунгли, правда, без деревьев. В своем роде это подземная экосистема столь же опасна и исполнена борьбы за существование, как на Аляспине. Просто все дело в том, что мы с тобой крупнее большинства обитателей подземелья. И еще — если они не утратили способность различать свет, то инстинктивно они будут искать в темноте укрытие от наших ламп. Впрочем, здесь, судя по всему, водится довольно крупное существо. Его никто ни разу не видел, были измерены лишь следы. Восемь ног и отпечатков лап размером в метр. Должно быть, оно обитает в самых крупных пещерах. Мы называем его «мегалап». А есть еще создания, населяющие подземные озера и реки. Но я не думаю, что они повстречаются нам. Мы вряд ли захотим здесь искупаться.

Внезапно трубка Клэрити потускнела. Она энергично потрясла ее, перемешивая люминесцентный коктейль, и лампа, словно вознаграждая ее за усилия, засветилась с прежней яркостью. Флинкс ощутил, как у нее отлегло от души.

— Вот почему трубки для нас — не только проводники, но и средства самозащиты. Если они погаснут, страшно представить, что может

произойти. В ту же секунду к нам потянутся гораздо больше представителей местной фауны, чем до сих пор.

— Но с какой стати им гаснуть? — попытался успокоить ее Флинкс. — Если верить тому, что ты о них рассказала, им еще гореть и гореть. По меньшей мере несколько недель.

— Ты прав, с какой стати.

— Ведь даже если на нас кто-нибудь нападет, Пип с Поскребышем не дадут нас в обиду.

— Знаю, но ведь летучим змеям свет так же необходим, как и нам. Если, конечно, у них нет какого-нибудь эхолокатора.

— Чего не знаю, того не знаю. Но в природе они ведут ночной образ жизни. И оба обладают хорошим зрением даже при самом слабом освещении.

— Здесь от этого мало пользы. Когда трубки погаснут, у нас не останется вообще никакого света, ни от луны, ни от звезд. Это будет тьма погуще, чем в космической бездне.

— Если не считать биолюминесцентов, — напомнил он ей. — По-моему, мы всегда сможем поймать парочку фотоморфов и взять их на поводок. Будет нечто вроде собачки, которая сама себе освещает дорогу.

Его попытка рассмешить Клэрити оказалась неудачной. Ей явно не давала покоя мысль о том, как она будет вести себя, когда трубки начнут неотвратимо гаснуть.

Флинкс подумал, что нет никакой разницы в том, что может произойти, когда погаснут трубки. Ведь к тому времени они наверняка найдут выход отсюда. И все же им было бы лучше, если бы они знали, как там происходит борьба с экофанатиками. Интересно, ограничились ли они «Колдстрайпом» или прибрали к рукам всю колонию? Кто знает, может быть, Службе Безопасности удалось оттеснить их назад к поверхности по запасному коридору, пока они с Клэрити блуждают в потемках не помеченных на карте подземелий. От этой мысли становилось горько на душе. Не знать, что там происходит, было так же невыносимо, как не знать своего местонахождения.

Неожиданно Клэрити замерла на месте, едва не потеряв равновесие, и повернулась к Флинксу.

— Там что-то происходит.

Поскребыш задрал голову из-за ее уха. Он по-прежнему напоминал некое экзотическое украшение, а не живое существо. Его поза выдавала готовность к атаке — он нахохлился и приподнял свои крылья. Флинкс подумал, что змееныш очень привязан к Клэрити.

— Я тоже что-то слышал.

Он вытащил лазерный пистолет, снятый с убитого бандита, и проверил его — в «пушке» оставалась половина зарядов. Этого должно хватить, если они на кого-нибудь наткнутся. Лазерный пистолет входил в число любимого оружия Флинкса. С этой штуковиной нужен глаз да глаз. Иногда они протекали и тогда начинали самопроизвольно палить. И все же Флинкс был рад, что вооружен.

— Может быть, нам стоит немного вернуться назад? — предложила Клэрити.

— Вернуться куда? Давай немного постоим на месте. Вдруг все стихнет.

Однако шуршащий звук раздавался где-то поблизости. Флинкс с Клэрити замерли, прислушиваясь. Шорохи раздавались с другого конца пещеры. Сначала они приближались к тому месту, где стояли беглецы, а затем начали удаляться вперед. Сталактиты и сталагмиты играли со звуком свои злые шутки. Эхо то отскакивало от известковой соломки, то отражалось от шероховатых поверхностей, искажаясь до неузнаваемости. Невозможно было определить, далеко источник звука или близко. Осторожный преследователь мог воспользоваться водой и камнем, чтобы заглушить звук шагов.

Теперь шорохи раздавались впереди от беглецов и совсем рядом, иногда переходя в хриплое мяуканье.

— Не узнаешь, что это такое? — шепнул Флинкс.

Клэрити удрученно покачала головой.

— Что ж, я не собираюсь стоять здесь истуканом.

Он решительно шагнул вперед, оставив позади себя стенку из шероховатого травертина и оказался лицом к лицу с пастью.

Это была крупная, внушительная пасть. Судя по всему, круглые челюсти были обычным явлением на Длинном Тоннеле. Этот же «ротик» украшали три концентрических ряда изогнутых внутрь острых зубов. Пока Флинкс глазел на него, широко открыв от удивления рот, резинообразные губы растянулись, и в нос ударил тошнотворный запах разлагающейся падали. Пасть закрылась, сузившись, словно зрачок.

Да, если голова попадет в такую пасть, ее тотчас отсекут от шеи, словно мощным хирургическим инструментом. Пасть составляла морду, и морда составляла пасть. Если у твари и были какие-нибудь рудиментарные глаза, то их совершенно не было видно под длинной ослепительно белой шерстью, на фоне которой резко выделялись черные губы. А на макушке массивного черепа зверя сидело одно единственное мягкое веерообразное ухо. Интересно, было ли у этого вида только одно ухо или же первоначально их все-таки было два и они срослись в процессе эволюции?

Размышлять над этим вопросом долго не пришлось. Флинкс был вынужден резко броситься в сторону — пасть метнулась к нему на короткой шее. Блеснули острые зубы, и она снова захлопнулась, словно диафрагма фотокамеры.

Взвизгнула Клэрити. Это чудовище на четырех тяжеленных ногах бросилось в ее сторону. Флинкс успел разглядеть над пастью небольшие ноздри. Челюсти, нос и ухо размещались на одной линии, чем-то напоминая устройство ружья, где все служит для максимальной точности стрельбы. Больше Флинкс ничего не увидел, так как трубка Клэрити погасла. Не зная, что ему делать, Флинкс аккуратно отложил свою лампу в сторону и нацелил на чудовище пистолет. Пип с Поскребышем взвились в воздух, но тотчас оказались сбиты с толку, потому что у врага отсутствовали глаза. И пока они кружили и хлопали крыльями, не зная, какую же цель поражать, чудовище тоже застыло в растерянности, словно раздумывая, какую добычу предпочесть в первую очередь.

Клэрити с воплем пыталась укрыться от хищной глотки за крупным сталагмитом.

Взбешенная паникой, которую она ощутила в сознании своего хозяина, Пип выпустила струю яда прямо в морду чудовищу. Густой мех впитал в себя большую часть едкой жидкости, но несколько капель попали на слуховую мембрану. И хотя та была не столь чувствительна, как глаза, однако реакция последовала незамедлительно.

Нет, зверь не взревел и не зарычал. Вместо этого он издал пронзительный сон, поднялся на задние лапы и бросился, слегка вытянув вперед пасть на своего крылатого обидчика. Для своих размеров зверь оказался довольно прытким, но ему было далеко до юркого минидрага. Пип лишь подалась назад в воздухе, отыскивая себе новую цель.

Тянуть резину было опасно. Главное — отвлечь внимание хищника от Клэрити. Оружие издало негромкий свистящий звук, и тонкий луч поразил чудовище позади головы. Оно испустило еще один стон и ринулось на Флинкса. Тот выстрелил еще раз, целясь в открытую пасть. Чудовище передернулось и простонало. Круглые челюсти раскрылись и сомкнулись еще несколько раз. Однако зверь продолжал наступать, и Флинкс выстрелил снова, не обращая внимания на то, что убойная сила оружия таяла на глазах. Когда чудовищу оставалось до него несколько метров, оно рухнуло на колени и продолжало свое наступление столь странным образом, несмотря на три выстрела, которые свалили бы тварь и покрупнее. Флинкс выждал несколько секунд, чтобы перезарядить пистолет. Затем он, не торопясь, навел его на цель и только после этого выстрелил. На этот раз луч поразил чудовищу позвоночник. Испустив жалобный вздох, зверь передернулся всем телом и застыл на месте. Пасть медленно раскрылась наполовину и осталась в таком положении. Закрывать глаза в последний раз зверю не пришлось, потому что их просто не было.

Беглецам не составило труда определить, что он мертв, потому что дыхание прекратилось. Едва при-

дя в себя, Флинкс подобрал свою трубку и прислушался на тот случай, если зверь был не один. В пещере по-прежнему было полно шорохов, но хрипловатого мяуканья нигде не было слышно. Пип в ярости металась над головой поверженного хищника, словно пчела. Поскребыш тоже порхал поблизости. Однако уже не было необходимости стрелять ядом.

Клэрити стояла, прислонившись к сталагмиту, за которым пыталась спастись. Ей хотелось отдышаться и одновременно рассмотреть огромную мохнатую тушу.

— Все в порядке, — пробормотала она, прежде чем Флинкс нашелся что сказать. — Со мной все о'кей. Ты уж прости, что я закричала.

— Ладно, не стоит. Я бы тоже закричал, да только вот не успел.

Она посмотрела ему в глаза.

— Нет, ты бы не закричал. Но все равно спасибо за твои слова.

— А кстати, кто это такой?

— Только не мегалап, — она отпустила свой сталагмит и на цыпочках подошла к мертвой туше, опасаясь, что зверь не сдох, а только набирается сил. — У того конечностей в два раза больше. Но вполне возможно, что это какая-то родственная разновидность. Я никогда не видела ничего подобного и, насколько мне известно, другие — тоже.

— Скорее всего, я испугнул его. Иначе он наверняка бы не подпустил меня так близко к себе. А может быть, не имея глаз, просто не смог точно определить мое положение.

— Не забывай, что мы болтали несколько часов подряд. Он мог слышать нас.

— Если, конечно, не вел слежку на другой частоте, пытаясь поймать кого-то еще. А если он тайком крался за нами с самого начала, то почему не напал сзади?

Внезапно Флинксу на ум пришло что-то еще, и он обернулся к сталагмиту.

— А где твоя трубка?

Клэрити, сглотнув комок в горле, повернулась и указала куда-то в сторону.

— Вон там.

Высоко подняв руку, Флинкс посветил и увидел, куда Клэрити зашвырнула свой источник света. Трубка разбилась вдребезги, ударившись в поросль невысоких сталагмитов. Подобно фосфоресцирующему червяку, светящаяся жидкость вытекла из трубки наружу и извилистыми струйками растеклась в разные стороны, исчезая в трещинах и дырах пола.

— Ладно, не горюй. У нас есть еще моя.

Однако он не стал предлагать ей свою лампу.

— Я ужасно перепугалась и потеряла голову. Извини. Это ужасно глупо с моей стороны.

— Ты права. Глупее не придумаешь. Но и я за свою жизнь совершил по меньшей мере парочку таких глупостей. Ладно, теперь уже ничего не поделаешь, а может быть, это не так уж страшно. Скорее всего, обе трубки погасли бы одновременно. В любом случае, сколько времени будет у нас свет, столько и будет. Другое дело, теперь его будет чуть меньше.

Неожиданно Флинкс нахмурился.

— А где Пип?

Клэрити посмотрела мимо него.

— И Поскребыша тоже не видать. Но ведь они оба были здесь еще минуту назад.

— Пип! — громко выкрикнул Флинкс и помахал трубкой.

С потолка блеснуло белое с коричневым мерцание, но нигде он не заметил знакомого орнамента из розовых и голубых ромбов.

— Она вон там. — Клэрити махнула в угол, где на одном месте зависла Пип, глядя на них щелочками глаз.

— Пойдем, — тряхнул головой Флинкс. — Нам нельзя останавливаться.

Но вместо того, чтобы выполнить команду хозяина, драконша закружилась на месте, а затем унеслась куда-то в темноту. Через минуту она вернулась, однако тотчас исчезла опять.

— Она что-то нашла.

— Надеюсь, не хищника с воронкообразной пастью?

— Пошевели мозгами. Разве в таком случае стала бы она пытаться привести нас к нему?

— Нет, но что еще может заставить ее вести себя подобным образом?

— Сильная эмоциональная реакция. Но сейчас это невозможно, ведь здесь только мы с тобой.

Флинкс задумался, наблюдая беспокойное поведение своей питомицы.

— А может быть, я ошибаюсь?

Транкс лежал на боку в неестественной и неудобной для таких, как он, позе. К его грудной клетке крепились легкие ремни, на которых болтался какой-то предмет из двух трубок. Подойдя ближе, Флинкс разглядел, что прибор этот — наплечный прожектор. И он не работал. Из сумки на поясном ремне торчали небольшие щупы и другие инструменты из дюрасплава. Сама сумка была из когда-то желтой кожи, однако порядком износилась и облезла за долгие годы.

Флинкс подошел еще ближе и посветил трубкой. Не заметив яйцеклада, он определил, что раненый транкс мужского пола. Его хитиновый панцирь отливал темно-синим и лишь слегка отдавал пурпурным блеском на спинных пластинах. Это означало, что он средних лет и, если не считать травм, обладает отменным здоровьем. Яркие оранжевые с желтым омматиды составляли сложные фасеточные глаза. Напоминающие перья антенны обвисли, закрыв транксу лицо.

Флинкс бочком сделал еще несколько шагов и замер. Любопытство на его лице сменилось отвращением.

— Господи! Что за гнусная пакость напала на него!

Транксы передвигались на четырех конечностях. Правая передняя конечность этого была едва видна из-за густого пучка блестящих щупалец, растущих из влажной массы, заполняющей большую часть углублений и трещин под нависшим выступом стены.

— Осторожно! — Клэрити положила руку на плечо Флинксу, увлекая его назад.

Флинкс послушался, хотя был не в силах оторвать взгляд от раненого транкса. Ему казалось, что его вот-вот вырвет.

Это некромариум. Хищная разновидность лишайника. Он выбрасывает щупальца. Правда, от них не трудно увернуться, как, например, от фотоморфа.

— Сомневаюсь, что он согласился с тобой, — произнес Флинкс, указывая на неподвижного транкса.

— Он еще жив?

— Взляни сама. — Флинкс передал Клэрити свою трубку. — Но если что, то уж лучше бейся головой о стенку, чем трубкой.

— Не волнуйся.

— Уж лучше я сломаю себе руку, чем лишусь лампы.

Опустившись на колени, Флинкс прижал три пальца к верхним грудным пластинам транкса. Экзоскелет у него был прочный, поэтому пульс прослушать оказалось не так-то просто. Верхняя часть грудной клетки транксов, соответствующая человеческой шее, была самым удобным местом для этого. Вместо ритмичного биения, присущего людям, Флинкс ощутил теплую пульсацию, словно его пальцы прикоснулись к скрытому от глаз кровеносному сосуду. Кровообращение не было нарушено. Это означало, что сердце по-прежнему бьется. Транкс был жив.

Что-то легонько дотронулось до тыльной стороны его кисти. Это одна из антенн транкса поглаживала его кожу. Вслед за этим транкс мучительно медленно повернул голову, раскрывая четырехстворчатый рот. Флинкс наклонился ниже, пытаясь разобрать невнятное бормотание на низком транксовом диалекте. Такой диалект мог легко вывернуть человеческий язык. Но низкое транксовое наречие было все же проще высокого. Вообще-то транксы владели терроанглийским лучше самих людей, а еще всегда была возможность изъясняться на симбодиалекте. Но так как повстречавшийся беглецам транкс испы-

тывал мучительную боль, то неудивительно, что он обратился к Флинксу на родном наречии.

Флинкс не снимал руки с грудной клетки, стараясь приободрить транкса.

— Не переживай. Мы друзья.

Антенна отдернулась, челюсти расслабились. Транкс был взрослой особью, но стоя на четырех конечностях, он не достал бы головой и до плеча Клэрити, а Флинкс вообще возвышался над ним, как каланча.

Что-то легонько ужалило Флинкса в другую руку. Обернувшись, он к своему ужасу обнаружил, что от руки тянется тонкая серебристая нить. Флинск отдернул руку, но щупальце оказалось прочнее нити шелкопряда. В ту же секунду рядом с ним оказалась Пип, мгновенно среагировав на его беду. Но на этот раз она вообще не обнаружила никакого врага, которого можно было поразить ядом, если, конечно, не считать осклизлой коричневой с серебристым отливом массы, похожей на сгнившую подушку.

Флинкс поднялся от раненого транкса. Тотчас откуда-то из-под нависшего уступа из рыхлой массы лишайника выстрелила вторая нить, лишь чудом не задев его пальцев. Нить шлепнулась на грудь транксу, дергаясь и извиваясь. Флинксу удалось рассмотреть, что ее конец снабжен крохотным крюком, перекрученным на манер сверла. Именно при помощи этого приспособления нить-хищница пыталась проникнуть в тело транкса. Однако на ее пути возникло препятствие — панцирь экзоскелета.

Флинкс сделал вывод, что лишайнику-паразиту удалось поразить транкса через сустав на ноге. Он чувствовал, как впившаяся ему в руку нить буравит себе ход в глубь его мышцы. Боль была острейшая. Кое-как подавив тошноту, Флинкс свободной рукой дотянулся до пистолета, умудрился отрегулировать заряд и выстрелил в рыхлую массу гадины, методично водя лучом по ее поверхности. Однако ком слизистого лишайника был слишком примитивен, чтобы убить его с первого выстрела. Приходилось разделываться с ним

по частям. Он, казалось, впитывал в себя заряд, так что приходилось палить по нему снова и снова, тратя заряды. Но Флинксу было не до размышлений. Он стрелял до тех пор, пока весь организм не превратился в рыхлую дымящуюся массу. От нее противно пахло гарью и чем-то еще.

Но щупальце намертво впилось в руку Флинкса. С помощью слабого заряда он перебил его в нескольких сантиметрах от запястья.

Клэрити внимательно осмотрела ранку. Щупальце на глазах теряло серебристый блеск, становясь грязно-серым.

— К счастью, не ядовито, а то бы ты уже почувствовал.

— Когда оно буравило себе ход, я едва не выл от боли. Теперь оно уже не сверлит меня, но все равно чувствуется жжение.

Аккуратно прицелившись, Флинкс срезал толстые, как канаты, щупальца, которые висели из пораженной конечности транкса.

— Чем мы еще можем ему помочь?

Порывшись в кармане на левой штанине, Клэрити извлекла оттуда небольшой пакетик.

— Фунгицид широкого действия, — пояснила она. — Здесь на Тоннеле носа не высунешь, не имея его при себе. Поставляется вместе с костюмом.

Флинкс уставился на тончайшее щупальце, свисавшее с тыльной стороны его ладони.

— А ты не знаешь, случайно, что это за штуковина?

— Нет. Этот вид мне в диковинку. Впрочем, неудивительно. Я же тебе говорила, как мало мы знаем о Тоннеле.

Клэрити приложила к руке Флинкса аппликатор. Тотчас же жжение стихло, а на смену ему пришла приятная прохлада. Флинксу пришлось подождать, пока щупальце не отвалилось и не упало на пол, словно обрывок хлопчатобумажной нити.

Поднеся ладонь к лицу, Флинкс осмотрел крошечную ранку, оставленную нитью-бурильщиком.

Из ранки показалась единственная капелька крови и тотчас свернулась. Флинкс сжал пальцы.

— Уже не больно. А ты уверена, что эта пакость не ядовита?

— Как я могу быть уверена? Разве я миколог? Но большинство ядовитой флоры и фауны, уже описанной нами, имеют быстродействующие токсины. Ты же пока ходишь и говоришь. Если эта тварь и ядовита, это значит, что прошло слишком мало времени, чтобы яд возымел действие. — Она кивнула в сторону неподвижно лежащего транкса. — В отличие от него.

Флинкс носком ботинка сбил с ног транкса обугленные концы щупалец.

— А это что за гадость?

— Хаусторий. Саморазмножающаяся сеть. Ее выпустил только что застреленный тобой лишайник. Они наделены способностью делиться до бесконечности, практически до тех пор, пока не проникнут в каждую клетку жертвы. Так уж эта сеть питается. Между прочим, принялась и за тебя. А транксом, похоже, эта гадость лакомилась уже несколько часов.

— Я не смог бы оторвать ее голыми руками, — пробормотал Флинкс. — С виду она тоньше нити, но попробуй разорви ее. А в твоих карманах не найдется чего-нибудь такого, чтобы привести его в чувство?

— А как же!

Клэрити ощупала карманы.

— А это поможет?

— Эта штуковина действует на любого, кто дышит кислородом. Сейчас узнаем.

Клэрити вытащила из кармана две трубки. Нагнувшись над транксом, Флинкс разломил одну из них около ближайшего дыхательного отверстия. От мощных химикалий грудная клетка дернулась, транкс застонал, издав странный, нечеловеческий звук. С помощью Флинкса ему удалось перекатиться на грудь, подобрав под себя четыре ноги и конечности, выполнявшие функции рук. Транкс повернул к Флинксу средцевидную голову. Челюсти его подрагивали — верный при-

знак дискомфорта и боли. Мимикой он не обладал, поэтому, чтобы выразить свои чувства, он прибег к помощи всей головы, антенн на ней и тонких пальцев конечностей — рук. Он то и дело потирал их друг о друга.

— Постарайся расслабиться.

Бесконечное трепыхание крошечных пальцев замедлилось. Когда транкс заговорил снова, слова прозвучали еле слышно, но вполне понятно.

— Вы не из их числа? Не из этих сумасшедших людей, которые напали на нашу колонию?

— Нет. Мы сами спаслись от них бегством.

Клэрити пододвинулась ближе.

— Я Клэрити Хельд, ведущий генный инженер фирмы «Колдстрайп». А кто ты?

— Совелману. Я из исследовательской группы, прибывшей сюда с планеты Уиллоуэйн для изучения пищевых ресурсов.

Транкс повернул синеватую голову, чтобы лучше рассмотреть дымящуюся массу щупалец под уступом скалы.

— Похоже, у нас был взаимный интерес. По-своему справедливо, хотя я бы предпочел, чтобы мой интерес остался без взаимности, — транкс перевел взгляд на свою пораженную ногу, все еще обвитую лохмотьями хаустория. — Я уже успел вкусить здесь свою порцию местной флоры. Теперь, полагаю, наступил их черед полакомиться мной.

Его голос дрожал и не вязался с шутливым тоном, которым он хотел сгладить ужас произошедшего.

— Однако, это довольно болезненно, должен вам признаться.

— Что он сейчас говорит? — спросила Клэрити. — я не слишком сильна в низком транкс-ском.

— Ему больно, — объяснил Флинкс. — Эта гадость питалась его ногой.

— Надеюсь, она не успела пустить отростки в брюшную полость.

Флинкс объяснил их новому знакомому лингвистические затруднения Клэрити и заодно перевел ее последнюю фразу.

— Нет, — ответил транкс на безупречном земном английском. — Как мне кажется, поражена одна только нога.

Затем он с любопытством уставился на Флинкса.

— Ты говоришь на чистейшем низком транкс-ском, на какой только способен человек. Ты лингвист?

— Нет. — Флинкс отвернулся. — Но у меня был отличный учитель-транкс. Но давай лучше обсудим мои таланты в следующий раз. Пока же, как мне кажется, нам лучше заняться твоей ногой.

— Ах, да, ногой. — Он внимательно оглядел самого себя. — Боюсь, что это напрасная трата времени. От нее почти ничего не осталось. Готов поспорить, что если бы вы не поспели вовремя, эта пакость наверняка бы сожрала меня со всеми потрохами. Голову, конечно, оставила бы напоследок. Не лучший способ уйти из этой жизни.

— Мы могли бы попробовать тащить тебя, — предложил Флинкс.

— В этом нет никакой необходимости, полагаю, вы тоже об этом догадываетесь. И тем не менее весьма благодарен. Вы воистину знатоки обычаев Улья. Конечно, я в состоянии ковылять дальше на трех ногах, но мне кажется, куда разумнее будет отбросить чувство собственного достоинства и снизойти до использования рук. Конечно, не очень степенный способ передвижения, моя поза будет унизительной, зато я смогу передвигаться достаточно быстро. Благодарю вас.

Флинкс так и предполагал. Но хоть транкс и предпочел это решение, кодекс поведения Улья требовал, чтобы Флинкс предложил раненому транксу нести его в прямом положении, как то предписывалось правилами. В дополнение к четырем нижним конечностям и двум небольшим рукам у инсектоидов была еще четвертая пара конечностей, расположенная у основания грудной клетки между руками и передней парой истинных ног. Их можно было использовать либо как дополнительную пару рук, что обычно и делалось, либо как дополнительную пару ног, но в этом случае тело приходилось держать параллельно земле. Обычно транксы избегали пере-

двигаться подобным образом, потому что это было лишним напоминанием об их примитивном происхождении от насекомых.

— Я занимаюсь разведкой наскальных пищевых ресурсов, — произнес транкс и повернулся к Клэрити. — Ты сказала мне, чем ты занимаешься.

После этих слов транкс испытующе уставился на Флинкса.

— Я изучаю все, что меня окружает, — сказал Флинкс. — Послушай, если ты в состоянии идти, то нам лучше поскорее оставить это место. Здесь не слишком много по-настоящему опасных форм, но я терпеть не могу паразитов.

— Я понимаю. Я способен передвигаться. А ты кто, студент?

Клэрити объяснила все сама. Она даже упомянула о том, как Флинкс угодил в эту историю и разделил их судьбу. Все из-за того, что пришел ей на помощь.

— Мне очень жаль, что ты оказался втянут в эти события, — посочувствовал Совелману. — Но с другой стороны, мне жаль и самого себя. И дело не только в моей ноге. Если бы ты работал здесь, тебе, безусловно, было бы ясно, что оставлять открытую рану необработанной в течение длительного времени означает подписать себе худший из смертных приговоров. И против этого надо что-то предпринять, прежде, чем я рискну идти дальше.

— О чем он бормочет? — спросил Флинкс Клэрити.

— О спорах. Пещеры обсеменены ими. А потоки воздуха подхватывают их и переносят дальше. Большинство плесени и лишайников размножаются при помощи спор. И любая открытая рана тотчас оказывается инфицированной. Не сейчас, так позднее нити мицелия разрастутся и заполнят собой все тело жертвы. Вот почему здесь нигде не встретишь валяющиеся трупы. А ведь тут нет ни стервятников, ни муравьев, ни их аналогов. Уничтожением падали здесь занимаются лишайники.

— Нам надо постараться как-то запечатать рану, — пробормотал транкс.

— Но рана представляет собой не больше, не меньше, как то, что осталось от твоей ноги.

— Именно это я и хочу сказать, — спокойно ответил Совелману. — Я успел обратить внимание на твое оружие. С его помощью ты вполне успешно расправился с хаусторием. Это говорит о том, что оно в рабочем состоянии.

Флинкс проверил датчик заряда.

— Да, в запасе есть еще несколько выстрелов.

— Что ж, прекрасно, — транкс вздохнул, издав негромкий свистящий звук. — А ты, случайно, не дипломированный хирург?

Флинкс покачал головой.

— Жаль. Но, по крайней мере, тебе известно, как обращаться с оружием, — транкс с трудом перевернулся на бок. — Будь добр, прицельсь как следует и избавь меня от этой бесполезной конечности.

Флинкс вытаращился на него.

— Но я понятия не имею, как производить ампутацию. Если я отважусь на такой шаг, тебе наверняка не выжить. Ведь прежде чем мы сможем получить медицинскую помощь, может пройти уйма времени.

— Я все это прекрасно понимаю. Но ведь могло быть и хуже. Эта тварь могла поразить мне глаза. В таком случае ты оказался бы в гораздо более затруднительном положении — тогда тебе пришлось бы ампутировать мне голову. А пока шансы выжить у меня есть. Если ты не сделаешь то, о чем я тебя прошу, не пройдет и суток, как разовьются споры, с которыми будет не так-то легко справиться. А так твое оружие отсечет конечность и достаточно надежно запечатает рану. Это может оказаться достаточно до того, как мне будет оказана профессиональная медицинская помощь.

— Разумеется, — тихо сказал Флинкс. — При условии, что эти ненормальные представители человеческой расы не разрушили заодно и больницу.

— Я даже и не сомневаюсь.

— Ты говоришь, как будто хорошо знакома с их целями. Естественно, я заинтересован. Чего они добиваются?

Пока они разговаривали, Флинкс регулировал заряд. Правда, у него было впечатление, что геолог-транкс просто болтает без умолку, чтобы отвлечься от предстоящего испытания.

— Они хотят целиком уничтожить весь Длинный Тоннель, — говорила Клэрити транксу. — Уничтожить все исследовательские разработки. Они — худшие из экопуристов, из тех, кто готов все крушить, как только узнает, что кто-то занимается генными опытами над улитками, желая изменить цвет их раковины. Все мы здесь в их глазах заняты надругательством над Единственно Верной Религией, которая называется «Все по-старому».

— Понятно, — транкс свистом выразил третью степень понимания в сочетании с сочувствием. — Теперь мне ясно, почему для нанесения первого удара они выбрали именно «Колдстрайп». Разумеется, для них это средоточие самых опасных «осквернителей».

— И все-таки я не могу считать себя польщенной. А кстати, как протекает борьба? Мы бежали толком не сообразив что к чему.

— Я точно так же. Поэтому я не в состоянии рассказать вам больше, чем вы, вероятно, уже знаете. Когда они ворвались в нашу пещеру, кое-кто начал отстреливаться. Обычно мы носим с собой оружие против крупных хищников. А после этого мне показалось, будто все вокруг превратилось в пыль и хаос. Я как раз входил к нам в лабораторию после завершения полевых исследований, когда до меня донесся звук перестрелки. Увидев, что вокруг меня творится нечто невообразимое, я развернулся и бросился бежать. — Согнув верхнюю конечность, он постучал по ременной перевязи, на которой крепилась необычная лампа. — К сожалению, заряд был уже на исходе, да я и не ожидал, что его хватит надолго. Лишь остановившись, чтобы отдышаться после бега, я заметил, что лампа светит слишком тускло. Я пытался найти дорогу назад, прежде чем она погаснет совсем, но в спешке не оставил опознавательных пометок. Как вы, наверное, знаете, мы довольно сносно видим

даже при слабом освещении, но при полном отсутствии света не видит никто. Я пытался определить дорогу наощупь, но в кромешной тьме любой сталагмит ничем не отличается от своего соседа. Я совершенно потерял чувство направления и заблудился. Затем я почувствовал, как что-то впилось мне в ногу. Попытался оторвать от себя и не смог. Затем в меня впились новые жала. Мне совершенно не было видно, кто же напал на меня. Когда я попытался вырваться, то упал и стукнулся об пол головой.

Транкс поднял глаза на Флинкса, который уже был готов к операции.

— В этом и заключается вся беда, как вы понимаете. Здесь нет ничего мягкого, даже в старых тоннелях. У нас, на Улейном Доме, мы создали цивилизацию из мягкой земли. Нам было незачем рыть ходы в скалах. Но я, наверное, нагружаю вас общеизвестными фактами транкссской истории, которые проходят в любой человеческой школе на стадии куколок.

— Поднеси поближе лампу, — попросила Клэрити Флинкс.

Она подошла к нему и приняла древнюю стойку самурайского воина, изготовившегося для нанесения удара.

— Жаль, что у нас с собой нет обезболивающего.

— Конечность полностью утратила чувствительность, так как все нервы в ней поражены.

Флинкс постучал по рукоятке лазерного пистолета.

— Я бы мог стукнуть тебя *вот этим по голове.*

— Благодарю, — *сухо отозвался Совелману.* — Но мой череп и без того дает о себе знать в том месте, где я им стукнулся о землю. С меня достаточно и одного удара.

Транкс весь напрягся, плотно сомкнув переплетенные пальцы рук, сначала основной пары, потом дополнительной. Затем он сцепил и ноги, приготовившись к экзекуции.

— Ты оказал бы мне неоценимую услугу, если бы не тянул время. Было бы нелепостью подвергнуться столь значительным испытаниям и впоследствии

обнаружить, что внутренности уже заражены спорами.

— Давай, Флинкс, не тяни резину. Он прав.

— Самка говорит истину.

Когда Флинкс нажал на спуск, Пип встрепенулась, как ужаленная. Для операции потребовалось лишь два выстрела. Пораженная нога отвалилась в сторону, все еще опутанная серыми лохмотьями хаустория. Оставшаяся культя длиной не более шести сантиметров слегка дымилась.

Трудно было сказать, какие мучения доставила ампутация ноги транксу-геологу. У него не было ни век, которыми можно было плотно закрыть глаза, ни губ, чтобы их прикусить от боли. Но накрепко сцепленные руки и ноги еще долго оставались в этом положении, словно окаменевшие.

Клэрити, не теряя времени, опустилась на колени, чтобы осмотреть культю. Ученый в ней победил чувствительную барышню.

— Похоже, что рана чистая. Я не могу разглядеть в ней нитей хаустория, — она перевела взгляд на транкса. — Скорее всего, вторичная инфекция тебе не угрожает.

Совлеману пришлось медленно выговаривать слова, чтобы его поняли.

— Я благодарен. Мне жаль, что вы попали в каменную западню, как и я, но все равно рад, что вы нашли меня. Иначе меня здесь ждала бы позорная смерть.

После этого он попытался присесть. Флинкс поддержал его под грудь, стараясь не закрыть при этом дыхательных отверстий.

— Эта поросль представляет для вас большую опасность, нежели для меня. Если бы я, упав, не потерял сознания, то лишайник не смог бы овладеть мной. Ведь он способен проникать под экзоскелет только через суставы или глаза. Вы же носите свои тела поверх скелета и поэтому чрезвычайно ранимы.

— Буду иметь в виду. — Флинкс поддерживал ослабевшего транкса из-за спины. — Ты не желаешь попробовать встать?

— Нет, но с другой стороны, мне не хочется валяться здесь, словно беспомощная куколка.

Транкс подтянул под грудь пару дополнительных конечностей, оставив под брюшком три из когда-то четырех ног и сделал рывок. Шагал он шатко, стараясь найти компенсацию потерянной ноге. Это было для него весьма нелегко.

— Как, однако, противно ходить вот так, едва не волоча голову по земле. Такую позу были вынуждены сохранять в древние времена наши рабочие особи, даже после того, как мы сами выпрямились во весь рост.

— Не стоит жаловаться, — сказал ему Флинкс.— Случись мне потерять ногу, я вообще не смог бы сдвинуться с места. Ты же лишился одной, но у тебя остается еще пять в запасе.

— Тем не менее трудно спокойно воспринимать потерю конечности и не испытывать при этом никакого сожаления.

— Не двигайся.

Совелману уставился на склонившуюся над ним Клэрити.

— Если я правильно понял, ты не дипломированный врач.

— Нет, но я генный инженер и поэтому знакома с основами медицины.

Из небольшого баллончика с аэрозолем она обработала культю.

— Это предназначено для обработки человеческих ран. Обрабатывать им хитин бесполезно.

— Верно. Однако он образует защитную пленку. К тому же это стерилизующее средство. Можно сказать, дополнительная мера против дальнейшего распространения инфекции.

— Между прочим, остается такой деликатный вопрос, как питание. Я уже поглотил те скудные запасы, что захватил с собой. Рассчитывал, что все это растянется не больше, чем на полдня.

— У нас с собой есть концентраты, — успокоил его Флинкс.

Многое из того, чем питались транксы, подходило для людей и наоборот. Это, конечно, не касалось вкусовых соответствий, но в том состоянии, в котором пребывал Совелману, он вряд ли стал бы привередничать.

Глава 12

Транксы предпочитали мягкую пищу, но Совелману без особого труда заглатывал белковые кубики, которые составляли большую часть из скудных припасов.

— Мне кажется, этого будет достаточно.

Флинкс протянул геологу третий кубик, после чего снова запаковал мешок с пищей.

— Нам придется экономить. Ведь кто знает, сколько еще времени мы будем вынуждены провести в этой ловушке.

— Прошу величайшего прощения. — Совелману издал звук, означавший вторую степень сожаления. — Но я до смерти проголодался.

— Ты оказался здесь, следуя другой дорогой. — Клэрити пыталась сдержать охватившее ее волнение. — Как, по-твоему, ты сумеешь отыскать обратный путь? Бандиты взрывали все наши служебные коридоры и хранилища. Они отгораживались от нас завалами.

— Я долго бежал со всех ног, причем большую часть пути в полном мраке. Но значительное время провел в главном хранилище под стоянкой «шаттлов». У моей исследовательской группы были ограниченные финансовые возможности, поэтому мы были вынуждены хранить там самое громоздкое оборудование. Вполне возможно, эти террористы задумали камня на камне не оставить от всей колонии. Однако подземные склады слишком велики, чтобы их можно было с легкостью уничтожить. Вот почему, как мне кажется, лучшего места для нас просто не придумать.

— По-твоему, подземные хранилища — место безопасное?

— Они располагаются как раз под помещениями порта. Там сосредоточено буквально все: Служба Приземления, Служба Безопасности, да вы сами все знаете. И если какой-либо участок устоит перед фанатиками, то это, вне всякого сомнения, — порт. Если Служба Безопасности удержит ситуацию под контролем, то вполне вероятно, что она сумеет от-

править сигнал бедствия ближайшему кораблю в этом секторе. Вот почему террористам, каковы бы ни были их конечные планы, надо пошевеливаться как можно быстрее.

— Если, конечно, корабль, на котором они прилетели сюда, тоже не оснащен вооружением, — мрачно заметила Клэрити.

— Слишком много неясностей. Поэтому давайте в первую очередь побеспокоимся о нашем положении здесь, в подземелье, а не потенциальными проблемами диаметром в несколько планетарных поперечников. Первое, что от нас требуется, — это отыскать дорогу назад к цивилизации. Второе — сохранить надежду, что мы отыщем хотя бы крохи того, что осталось здесь от цивилизации.

— Готов выслушать все предложения. Когда Пип нашла тебя, мы с Клэрити двигались вот в этом направлении, — он показал данные на многофункциональном хронометре. — У меня есть компас, а Клэрити разъяснила мне особенности магнитных линий этой планеты. Вот почему, как мне кажется, мы не слишком отклонились от правильного маршрута.

— Великолепно. Имея при себе такой инструмент, вы, можно сказать, наделены даром предвидения.

Флинкс даже вздрогнул, но затем, поняв, что Совелману вряд ли известны его удивительные способности, а тем более невероятное происхождение, успокоился.

Этот геолог просто одарил его принятым среди транксов комплиментом.

— Мы могли бы двигаться вверх по течению этой речушки, — пробормотал он.

— У меня нет оснований для возражения. — Совелману еще раз испробовал стойку, и снова его голова, как это было ни печально, оказалась слишком близко к земле. — Довольно нелепая поза.

— Уж лучше попресмыкаться, чем умереть, — попыталась утешить его Клэрити.

— Двое просвещенных представителей человеческой расы! Мне воистину повезло. Одну минуту, — при помощи рук он отстегнул на груди ремни, на

которых держался двойной фонарь. — Как мне кажется, надеяться, что удастся перезарядить батареи в этих катакомбах, не приходится. Посему нечего отягощать себя лишним весом.

— А что у тебя в сумке? — поинтересовался Флинкс, когда они двинулись вдоль ручья.

Перекинув через плечо почти непригодный для обороны лазерный пистолет, он забрал у Клэрити осветительную трубку. Та была только рада избавиться от лишней тяжести.

— Буровое оборудование, устройства для взятия проб, набор реактивов, пробирки. Все, что я обычно ношу с собой для полевых исследований. Я выбросил образцы, пока бежал. Как-то ни к чему куски породы, когда вокруг перестрелка.

— Но если некоторые из инструментов работают от батарей, то почему бы тебе не перезарядить лампу?

— Разное напряжение, несовместимые контакты и ни малейшей возможности подогнать их, — геолог свистом выразил первую степень отрицания в сочетании с изрядной долей убежденности.

— Жаль, — проговорила Клэрити.

— Действительно, жаль.

Казалось, что Совелману нипочем давившая со всех сторон тьма, что, впрочем, и неудивительно. Цивилизация транксов возникла и достигла расцвета в подземных коридорах Большого Улья. Они до сих пор предпочитали не высовываться на поверхность, хотя и не сидели, разумеется, в кромешной тьме. Вместе в развитием промышленности возникла потребность в освещении, потому что теперь транксам приходилось полагаться в основном на глаза.

Поэтому беглецы тешили себя мыслью о том, что если их единственная трубка потускнеет и станет не ярче свечи, Совелману будет вести их вперед благодаря своему острому зрению.

Но Флинкс твердо пообещал себе к тому времени найти дорогу к обширному общественному хранилищу под портом и присоединиться к его защитникам, если тем удалось устоять перед натиском фанатиков.

Благодаря способности Севелману видеть в столь слабом свете, беглецы стали продвигаться вперед гораздо быстрее. Транкс без труда распознавал даже едва освещенные предметы, чего нельзя было сказать о Флинксе и Клэрити. Благодаря геологу, они не тратили попусту времени на тупики, а сразу направлялись по наиболее перспективному коридору. Но Совелману мог лишь видеть дальше, чем они. Поэтому на каждый новый проход, по которому они продвигались вперед, приходилось по два тупика.

Через два дня бесконечного хождения по подземным катакомбам уныние завладело беглецами еще сильнее, чем прежде.

— Если мы будем экономно расходовать припасы, их нам хватит еще на неделю, — сообщил Флинкс товарищам по несчастью.

— Еда — не самое главное. Как нам быть со светом?

Голос Клэрити звучал глухо и подавленно. Бесконечное лазанье вверх и вниз по подземелью лишило ее последних сил, и теперь она с трудом воспринимала происходящее.

Флинкс тоже пребывал в полном отчаянии. Вот если бы им удалось пробраться поближе к базе, они наверняка воспряли бы духом. По крайней мере, у них бы появилась конкретная программа действий. Но дни блуждания по лабиринтам *сделали свое дело,* и Флинкс, сколько бы он *ни напрягался, не мог уже* уловить в душах своих товарищей хоть искру надежды. Он еще не утратил способность читать их эмоции и без труда распознавал подавленность Клэрити и типичный для транксов стоицизм Совелману. Кроме этих эмоций он не чувствовал ничего, одну только эмоциональную опустошенность, под стать холодному мраку пещер.

Для того чтобы потерять надежду окончательно, достаточно было одной магнитной бури. Она могла увести их далеко от порта. Ведь кто тогда поручится за его компас? Вдруг они не приблизились к порту, а отдалились от него?

Транкс хотя и утверждал обратное, поручиться наверняка не мог. У Флинкса же не было никакого

желания обсуждать эту тему. В подземелье всегда надежнее полагаться на интуицию транксов, даже таких травмированных, как их спутник, чем на доводы самого здорового из людей.

— По-моему, мы сделали слишком большой крюк, — сказал Совелману, рассматривая очертания и тени сталагмитов. — Теперь нам нужно снова отклониться к западу.

— А почему ты считаешь, что мы все-таки выйдем к хранилищу? Ведь наверняка во время строительства подрядчик запечатал все подступы к нему, чтобы предохранить помещение от проникновения хищников.

— А вдруг он что-нибудь проглядел? Подумай сам, ведь нам достаточно одного-единственного маленького входа. Если мы набредем на вход, запечатанный при помощи высоких температур, мы без труда сможем пробиться внутрь. По крайней мере, нам будет ясно, что мы у цели. — Транкс кивнул на лазерный пистолет Флинкса. — Оружие, которое ты отобрал у бандита, способно разрезать любую стену из напыления.

— Если я не израсходую заряды раньше. — Флинкс бросил взгляд на запястье, где у него был хронометр. — Прекрасно. Мы пойдем вот в этом направлении.

— Нет. — Совелману издал щелкающие звуки, соответствующие крайнему несогласию. — Это тупик. Мы должны обойти его. Идем сюда.

Как Флинкс ни щурился, впереди была одна лишь тьма. Пожав плечами, он двинулся вслед за геологом.

— Воистину жаль, — сказал он на следующий день Совелману.

— Чего?

— Как геолог, я должен был бы сейчас сгорать от восторга. Ведь за последние дни нам попадались десятки уникальнейших пещерных формирований, но во мне не возникло ни малейшего желания описать хотя бы одну из них.

— Когда наши скитания останутся позади, ты сможешь вернуться и заняться исследованиями в свое удовольствие, — сказал ему Флинкс. — Что

касается меня, то я восхищаюсь твоей способностью думать о работе в такие минуты.

— Настоящий ученый всегда в трудах, какими бы ни были его личные обстоятельства.

— Все это звучит несколько философски, — заметила Клэрити. — Но лично я...

В следующий момент ее слова переросли в вопль. Она шла справа от Флинкса. Тот бросился в сторону, увидев, как под Клэрити разверзлась пропасть. Совелману тоже успел отскочить на своих пяти лапах. Не успела осесть пыль, как они оба склонились над бездной.

— Клэрити!

Флинкс был готов к отступлению. Хоть камень под ним и казался устойчивым, но таким же казался и пол пещеры, который разверзся под их спутницей.

Когда она падала вниз, Флинкс ощутил охватывающий ее ужас. Сейчас же он ощущал в ней страх, что служило доказательством функционирования ее сознания. Вскоре к ним присоединилась еще одна тень. Это был Поскребыш — весь перепачканный в пыли, но целый и невредимый. Флинкс посветил в образовавшийся колодец.

— Клэрити, ты слышишь нас?

Ее ответ едва можно было разобрать. В нем чувствовались испуг и изумление. Жгучие нотки — боль — в нем, к счастью, отсутствовали.

— Судя по всему, она отделалась ушибами, — заметил Совелману. — Посмотри вон туда, левее.

Флинкс перевел трубку. Яма, в которую угодила Клэрити, была отвесной и глубокой. Откуда-то сочилась вода, и все дно было покрыто известковым налетом. Ни сталактитов, ни сталагмитов не было видно.

— Дождевая промоина, — уверенно заявил геолог. — Можно назвать и по-другому, но обычно этот вид образований именуют так.

По ним избыток осадков из верхних уровней переносится в нижние. Вот почему в нем нет никаких формаций. Их смывает постоянный поток воды.

— Ужасно интересно, но что делать нам? Ведь все припасы здесь, наверху.

— Мы могли бы оставить ей немного пищи, а сами отправимся за подмогой. Я уверен, что она сумеет дотянуться до воды.

— А вдруг мы не сможем снова найти это место, даже если нанесем опознавательные метки? К тому же она боится темноты. Разумеется, транксу это трудно понять.

— Люди унаследовали от предков уму непостижимые фобии. Я, конечно, сочувствую, но не более того. — Транкс неодобрительно щелкал челюстями. — Может быть, нам стоит спуститься к ней и затем всем вместе попытаться отыскать выход на этот уровень? Там наверняка должен быть не один десяток лазов, по которым мы могли бы вскарабкаться. Однако, если откровенно, мне эта мысль не нравится.

— И мне тоже. Если хочешь, можешь остаться здесь.

Флинкс подкинул Пип в воздух, а затем уселся на край промоины. Поскребыш завис рядом с мамашей. Оба не сводили глаз с Флинкса. Тот глубоко вздохнул и, прижав к животу осветительную трубку, соскользнул вниз.

Спуск был головокружительным, но, к счастью, быстрым. Флинкс в одну секунду оказался посреди неглубокого озера с ледяной водой. По соседству с ним в озеро падал двухметровый водопад, давая жизнь стремительной подводной реке.

Когда Флинкс шлепнулся в воду, Клэрити от неожиданности даже вскрикнула, но, узнав его, успокоилась.

— Извини, извини меня, прошу! — Она кинулась в его объятия так, что Флинксу пришлось высоко поднять трубку, чтобы не разбить сей драгоценный предмет.

Клэрити рыдала. Ее одежда после падения была разорвана в клочья. Флинкс напомнил себе, что она прокатилась в кромешной тьме по размытому водой колодцу, не зная, где и как закончится это падение. Тьма вселила в нее панический ужас.

— Все в порядке, — пробормотал он, пытаясь успокоить ее. — Все будет хорошо.

Еще один всплеск воды, обдавший их ледяными брызгами, и около них очутился Совелману. Как только геологу стало ясно, что вода доходит только до нижней части его брюшка, он тотчас навострил свои антенны.

— У тебя все цело, Клэрити Хельд?

— Да-да, спасибо. — Она отпустила Флинкса и шагнула из озера. Ужас уступил место сконфуженности. — Просто я не знала, что тут на дне, вернее, есть ли вообще тут дно.

— Тебе нет никакой необходимости оправдываться. Это вполне естественный страх. В подобной ситуации любой бы испугался. Просто тебе не повезло, и ты свалилась первой.

— Нет, ты бы вел себя иначе, — попыталась улыбнуться Клэрити. — Ты бы все досконально изучил по пути вниз.

— Возможно, но не все. Только кое-что, — геолог свистом выразил средний уровень смеха. — В любом случае, мне следует извиниться, ведь это я проглядел промоину, слегка прикрытую грунтом.

— Ее не было видно, поэтому ни тебе, ни Клэрити не нужно извиняться друг перед другом. Нам необходимо другое — как можно быстрее выбраться отсюда.

— Это вполне возможно. Скорее всего, мы выйдем чуть севернее или западнее того места, где были до падения. Как мне кажется, излишне говорить о том, что нужно внимательно смотреть себе под ноги на тот случай, если на пути еще попадутся промоины. Как правило, их бывает по несколько сразу.

Транкс указал в конец колодца, по которому они съехали вниз в подземное озеро. С травертинового уступа падали капли воды.

— Этот желоб сравнительно короткий, нам доводилось измерять и побольше. К счастью, мы провалились не слишком глубоко и имеем все шансы выбраться.

И они снова двинулись дальше. На этот раз впереди шел Совелману. И не только потому, что мог лучше разглядеть впереди дождевые промоины.

Просто, двигаясь на пяти ногах и двух руках, он мог скорее избежать падения.

Флинкс настолько увлекся, наблюдая за передвижением геолога, когда они уже начали карабкаться вверх на прежний уровень, что забыл сам о необходимости смотреть себе под ноги. Они как раз вылезали из ужасно сырой пещеры. Пол в ней был донельзя скользким не только от влаги, но и от густо разросшихся в сырости мхов, лишайников и плесени. Были здесь и пожиратели сульфидов.

Оставшись в живых после встречи с псевдомегалапом, лишайником-хаусторием и дождевой промоиной, Флинкс не иначе как по иронии судьбы споткнулся о сухой округлый валун. Он почувствовал, как нога подвернулась в щиколотке, взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, и рухнул навзничь. В довершение ко всему он услышал предательский треск. К своему неописуемому ужасу он тотчас понял, что это значит. Клэрити, спотыкаясь, бросилась к разбитой трубке и что есть сил вцепилась в нее, словно надеясь одним усилием воли залатать трещину.

— Скорее клейкую ленту, какой-нибудь спрей, ну хоть что-нибудь!

— Баллончик со спреем ты израсходовал на меня, — буркнул Совелману.

Они вместе с Флинксом обшаривали запасы. Наконец, Флинксу удалось обнаружить баллончик, и он выпустил все содержимое его на трещину в пластике, в то время как Клэрити и Совелману пытались сжать вместе обе половинки трубки. Светоноситель стекал по их пальцам.

Спрей-восстановитель творил чудеса на человеческой коже, вполне сносно запечатывал панцирь транксов, но оказался совершенно непригодным для заклейки прозрачной трубки из плексосплава. Несмотря на самые отчаянные усилия, светоноситель продолжал капать из поврежденной лампы.

Если бы проблема состояла в том, чтобы заделать дырочку! Увы, трещина пролегала по всей длине осветительной трубки. Наконец устав, Флинкс уселся, прислонившись к гладкому осколку скалы.

— Какая разница! — мрачно произнес он. — Как только внутрь попал воздух, жидкость в лампе начинает разлагаться.

— Ты прав, — Клэрити пересела поближе к нему, поджав под подбородок колени и обхватив их руками.

Воцарилось молчание. Начинали вырисовываться масштабы катастрофы. Совелману тоже подсел к людям, и все вместе принялись наблюдать, как люминесцентная жидкость стекает на пол тоненьким светящимся ручейком. По мере того, как жидкость соприкасалась с воздухом, она тускнела.

Клэрити, вытянув ноги, прильнула к Флинксу.

— Чтобы бы не случилось, когда свет погаснет совсем, ты, главное, держи меня. Я не вынесу, если не буду постоянно чувствовать тебя рядом.

Флинкс промолчал. Страшное местечко для того, чтобы умереть. Здесь было вдоволь воздуха, пищи и воды, но не было выхода. А если пытаться ее отыскать, то вместо долгожданной свободы нарвешься на собственную погибель. Искать дорогу в кромешной тьме — пустая затея. Ведь они ступили в ту часть подземелья Длинного Тоннеля, где еще не ступала нога картографов. Здесь не было ни помет, ни указателей, ничего, что могло бы указать выход отсюда.

В любом случае, им не придется погибнуть от встречи с мегалапом или хищным лишайником. Флинкс обнаружил, что рассеянно поглаживает пистолет, и тотчас задался вопросом, а хватит ли ему заряда, чтобы в случае чего выполнить задуманное.

Последняя капля люминесцентной жидкости погасла. Погасла и надежда, уступив место непроглядной мгле. Клэрити ахнула от испуга. Вокруг них воцарился мрак, ни с чем ранее виденным не сравнимый. Ни темнота ночи, ни темнота межзвездной бездны не могла даже рядом с ним стоять.

Но безмолвным этот мрак назвать было нельзя. Вокруг них беспрестанно раздавалось журчание воды. А когда свет наконец погас, постепенно из укромных уголков начали вылезать обитатели под-

земелий, и пещера наполнилась странными всхлипами, стрекотом и завываниями. Наверное, это переговаривались между собой населяющие мир тьмы троглодиты.

— У нас нет иных источников света? — осведомился Совелману.

— Никаких, — в кромешной тьме даже шепот казался едва ли не криком.

Флинкс чувствовал, как Клэрити изо всех сил прижимается к нему, и неожиданно проникся благодарностью за ее близость и тепло, пусть даже эта ее реакция была продиктована страхом, а не симпатией к нему.

— Я все еще ломаю голову над вопросом: а нельзя ли нам приспособить батарею твоего пистолета к моему фонарю? Хотя, может быть, уже поздно думать об этом.

— Сомнительно. Батареи, предназначенные для оружия, сильно отличаются от тех, что годятся для освещения. И даже если они подойдут, вряд ли долго протянут. Это при условии, что они не разрядятся при первом же контакте.

— Понятно. Как ни странно, мне даже как-то легче от этой мысли. Остается шанс, если силам безопасности удалось оттеснить бандитов, и наше отсутствие замечено. Возможно, нас отыщет поисковая команда.

— Прежде всего им нужно будет удостовериться, что нас нет в числе погибших, — напомнил ему Флинкс. — Затем они вполне могут предположить, что в разрушенных коридорах и неосвещенных участках тоже остались обитатели колонии. И только потом они отправятся на наши поиски. Слишком много всяких «но» и слишком много проблем у тех, кто может нас искать.

— Я об этом не подумал, — подавленно сказал геолог. — Подумать только — все разрушено, и во имя чего?

Флинкс замигал, вглядываясь в мрак. Его сознание не знало отдыха. Даже когда он спал, ему не удавалось отключаться полностью.

— А почему бы нам не использовать природных биолюминесцентов, например, фотоморфов? По-

пробовать поймать одного из них и взять на привязь или что-то вроде нее. Ведь даже редкие вспышки куда лучше, чем полное отсутствие света.

— По-моему, можно попытаться, — в голосе Клэрити не чувствовалось уверенности. — Фотоморфы излучают больше света, чем другие, но и его будет не ахти сколько — одни только кратковременные вспышки. Еще есть что-то вроде длинной сороканожки. Вдоль ее тела тянется светящаяся полоса.

— Предположим, нам удастся поймать несколько таких созданий. Мы могли бы соединить их вместе. Тогда, по крайней мере, был бы виден пол. Не забывайте, что я лучше могу использовать освещение, чем вы, — с некоторой надеждой отозвался Совелману. — Если при свете сороканожек вам будет видно лишь на несколько сантиметров, то я, скорее всего, смогу видеть на вдвое большее расстояние. Этого достаточно, чтобы медленно двигаться дальше. По крайней мере, есть шанс снова не угодить в бездну.

— Тогда давайте поскорее протрем глаза, — сказал Флинкс, ухмыляясь собственной шутке. — Будем смотреть в оба, вдруг заметим что-нибудь движущееся и светящееся.

Так они и сидели, замерев на своих местах и вглядываясь в темноту. Постепенно их глаза начали привыкать к темноте, а иначе им было бы просто не рассмотреть едва заметные светлые пятна, которые начали проникать в подземелье. К сожалению, все они были крылатыми млекопитающими. Поймать их было невозможно, но, по крайней мере, попавшая в западню троица нашла себе занятие. Создания размером в четверть метра носились взад и вперед среди сталактитов, время от времени резко срываясь вниз. На нижней стороне их крыльев то и дело мелькал треугольный узор, по которому они и узнавали друг друга.

Теперь в пещере стоял, можно сказать, настоящий гам. Постепенно из укрытий появлялись все новые представители фотофауны.

— Они попрятались, испугавшись наших ламп, голосов, шагов, а теперь заново занимают свое про-

странство, — прошептала Клэрити. — Все это время они сидели притаившись вокруг нас, наблюдали за нами в ожидании своего часа.

Пока она говорила, одно из крылатых существ камнем упало вниз. Несколько секунд он судорожно хлопал крыльями на полу, поблескивая светящимися узорами, после чего, не совершив ни единого взмаха, полетел прямиком на Флинкса.

Клэрити и Совелману были совершенно сбиты с толку, но Флинкс только улыбнулся.

— Это Пип охотится. Что бы ни случилось с нами, летучие змеи здесь с голоду не умрут. Зрение у нее ничуть не лучше нашего, но она вполне способна преследовать светящиеся цели.

Было слышно, как мамаша с сыном шумно рвут на куски свою жертву. Для них, привыкших заглатывать пищу целиком, терзать добычу было в новинку, но ведь минидраги не были змеями в прямом смысле слова. У них имелись небольшие зубы, при помощи которых они могли пережевывать куски пищи. В конце концов пища крупных размеров была лучше, чем никакая.

У Флинкса немного отлегло от души, когда он убедился, что его давнишняя подруга переживет его, по крайней мере, пока здесь водятся эти крылатые твари.

— Будь у нас достаточно света и чье-нибудь эмоциональное присутствие поблизости, Пип наверняка бы вывела нас отсюда. Ведь нельзя сказать, что у нас абсолютно безвыходное положение. Кажется, я иногда забываю, что она нечто большее, чем ручной зверь.

Неожиданно он весь напрягся. Клэрити тотчас почувствовала это.

— Что случилось? Что-нибудь не так?

— Здесь поблизости кто-то есть. Нет, не мелкая живность. Нечто гораздо большее.

— Мегалап, — в страхе прошептала Клэрити.

— Нет, что-то другое, не мегалап.

— Но я ничего не слышу.

— И я тоже, — произнес Совелману, тараща огромные фасеточные глаза. — Откуда вам известно,

мой юный человеческий друг, что здесь поблизости кто-то есть?

Флинкс заколебался, а затем пожал плечами. В конце концов, если им суждено здесь всем вместе погибнуть, какая разница, узнают они о его способностях или нет.

— Потому что я чувствую их присутствие.

— Ничего не понимаю, — сказала Клэрити. — Что здесь можно почувствовать?

— Я не имею в виду, что их можно ощупать.

— Молодой человек, вы что-то от нас утаиваете.

Флинкс повернулся в темноте на голос транкса.

— Моя питомица — аляспинский летучий змей. Они телепаты на эмоциональном уровне и способны иногда устанавливать с человеком прочную эмоциональную связь. В любом случае это двухсторонняя связь. Видите ли, я тоже телепат на эмоциональном уровне.

Клэрити заерзала на месте, но из-за страха перед темнотой не стала отодвигаться прочь.

— То есть, ты хочешь сказать, что умеешь читать эмоции других точно так же, как и летучие змеи?

Флинкс кивнул, но сообразил, что ей не виден его кивок и подтвердил его голосом.

— Так значит все это время, пока мы вместе, тебе было известно, что я... чувствую? — спросила она.

— Нет, не всегда. Это не постоянная способность. Она то возникает, то пропадает без всяких на то причин, но всегда проявляется сильнее, если Пип где-то поблизости. Мне кажется, Пип для меня что-то вроде усилителя или, скажем, лупы.

— Мне доводилось слышать об эмпатических телепатах с Аляспина. — Флинкс ощущал, как Совелману во мраке предается размышлениям. — Но я ни разу не слыхал, чтобы они фокусировали свой дар на другом существе.

— Это потому, что, насколько мне известно, таких как я больше нет, — натянуто отозвался Флинкс. — Ты уж извини, Клэрити. Мне казалось, будет лучше, если все останется в секрете. Я тебе говорил, что я не такой, как все. Теперь ты знаешь, почему.

— Все нормально, — еле слышно отозвалась Клэрити. — Если тебе действительно известно, что у меня на душе, ты должен знать, что все в порядке.

— Уму непостижимо! — пробормотал Совелману.

— До сих пор телепатия считалась чем-то вроде суеверия или же просто бреднями.

— Но это не настоящая телепатия, — пробормотал Флинкс. — Связь устанавливается исключительно на эмоциональном уровне.

— Значит, ты способен читать эмоции, — бесстрастно произнесла Клэрити. — А ты не можешь уловить присутствие мегалапа или фотоморфа?

— Нет. На меня влияет присутствие исключительно разумного существа.

— В таком случае, твой талант сыграл с тобой злую шутку, — с убежденностью проговорил Совелману. — На Длинном Тоннеле нет разумных существ.

— Что ж, я говорю, что там кто-то есть, и эмоционально это куда более сложные создания, чем летучий змей.

— Уж нам ли не знать? — терпеливо возразила Клэрити. — Здесь нет разумных форм. С точки зрения разума этот мир пуст.

Флинксу было трудно вести одновременно разговоры и поиски.

— А если эти существа не желали выдавать свое присутствие? Вы же сами говорили, что колония слишком мала и все исследования были сосредоточены на небольшом участке вокруг порта.

— Но как может разумная раса существовать в абсолютной темноте?

— Не сомневаюсь, Клэрити, что они сочтут твое замечание интересным.

— А как выглядят твои разумные существа? — скептически спросил транкс-геолог.

— Откуда мне знать? Я же их не вижу. У меня в мозгу нет их изображения. Это только ощущение.

— И что же ты ощущаешь?

— Любопытство. Миролюбие. Причем неведомой мне ранее интенсивности. Но, пожалуй, самое главное — это то, чего я не чувствую.

— Ничего не понимаю, — заявила Клэрити.

— Ни гнева, ни враждебности, ни злобы.

— Но это уже много, если читать одни эмоции.

— У меня за спиной долгие годы практики. Эмоции не обязательно всегда очевидны. Очень часто тончайшие оттенки могут поведать гораздо больше. Сейчас вокруг нас собрались десятки этих неведомых нам существ.

— Может, нам стоит передвинуться поближе к ним? — предложил Совелману.

— Нет. Никаких резких движений. Никаких жестов. Их мучает любопытство. Пусть пока так и остается.

Так они и продолжали сидеть в темноте — двое людей и транкс.

Насколько могли догадаться товарищи Флинкса, загадочные существа, о которых поведал Флинкс, находились от них в считанных сантиметрах.

Клэрити прислушивалась в надежде хоть что-нибудь услышать. Дыхание, царапанье когтей об пол, или ног, словом, что угодно. Но было полное безмолвие, что, впрочем, не удивительно. Способность бесшумно передвигаться в этом подземном мире была обязательной, иначе не выжить.

Лишь Флинксу было известно, что они передвигаются, рассматривая гостей. Он был способен почувствовать смещение индивидуальных эмоциональных центров. И если неведомые существа переговаривались между собой, то не при помощи слов, а при помощи эмоциональных всплесков.

— Они совсем близко.

Клэрити негромко взвизгнула.

— Кто-то дотронулся до меня.

— Успокойся. Я же говорил, в них нет враждебности.

— Но это ты так утверждаешь, — буркнул Совелману, а затем тоже издал легкий щелчок — значит, дотронулись и до него.

Мимолетный, неуверенный контакт сменился ласковым прикосновением, словно чьи-то трепетные пальцы прошлись по коже. Эти прикосновения сопровождались таким мощным эмоциональным подъемом, который был в диковинку даже Флинксу. Пип, свернувшись колечком, прильнула к его шее. Флинкс не сомневался, что она ощущает ту же нарастающую волну чувств. Но в отличие от своего хозяина ей недоставало умственного развития, чтобы осознать нахлынувшую на них лавину эмоций. Достаточно было того, что она не ощущает в них враждебности.

Наконец Флинкс вопросительно протянул руку. Его пальцы прикоснулись к чему-то мягкому, пушистому и теплому. Чьи-то пальцы тоже ответили ему прикосновением. Оно было столь нежным и трепетным, что он поначалу даже не понял, пальцы ли это. Но одно из существ позволило провести ему ладонью вдоль всей руки. Это действительно оказались пальцы, тонкие и нежные, как те гелектиты, которые в начале бегства с восторгом показывал им Совелману. Тактильная чувствительность — тоже весьма полезная черта в мире вечного мрака.

Они позволили Флинксу дотронуться до их лиц или до того места, где полагалось быть лицу. Судя по всему, там не было даже рудиментарных глаз, хотя, впрочем, они могли скрываться под слоем густого меха. Флинкс обнаружил слишком уж крохотные ноздри; по бокам головы торчали небольшие уши, две руки, две ноги и еще хвост, чей кончик, казалось, был столь же чувствительным, как и пальцы. Во время физического контакта Флинкс был поражен исходившим от незнакомцев благоговением и восторгом.

Их мех был коротким, но густым и покрывал все тело, за исключением ушей и кончика хвоста. Одежды на них не было, что, впрочем, понятно. Мех укрывал и согревал их. И вообще, как можно запрещать наготу в мире, где царит мрак.

На протяжении всего знакомства от них исходила одна конкретная эмоция, касающаяся их самих. И

хотя это было чувство, а не звук. Флинкс приписал ей последовательность слогов.

СУМАКРЕА.

Неожиданно во мраке раздался голос — не человеческий и не транксский.

— Сумакреа!

— Они умеют разговаривать! — поразилась Клэрити.

— Я не совсем уверен, что это так. Просто у них богатый эмоциональный язык. Они способны производить звуки, чтобы привлечь к себе внимание или же предупредить об опасности. Но я вовсе не уверен, что они переговариваются между собой как-то иначе, нежели читая и передавая эмоции.

— В таком случае, они не наделены разумом, — произнес Совелману.

— Не согласен, — Флинкс попытался подтолкнуть одного из сумакреа, который был рядом с ним, чтобы тот издал новые звуки. В ответ раздалось что-то вроде чириканья, в котором слышались интонации. Если это и впрямь был язык, то довольно примитивный.

Все это представляло довольно резкий контраст высокоразвитому эмоциональному общению, полному понимания и участия. После долгого общения с транксами и людьми Флинксу показалось, что он вновь обрел когда-то давно потерянных друзей. Он с удивительной легкостью понимал их, не нуждаясь ни в каких разъяснениях и одновременно чувствуя, что они так же прекрасно понимают его, несмотря даже на то, что по сравнению с ними ему не хватало утонченности и изысканности.

Правда, если не считать их уникального способа общения, они были не более разумными, чем стая обезьян. Но как замечательно они были приспособлены к окружающей среде! К чему изобретать слова для описания того, чего тебе никогда не увидеть и не показать товарищу, если можно сообщить что угодно на свете посредством эмоционального резонанса? Без труда можно объяснить такие понятия, как «хорошо» и «плохо», «твердое» и «мягкое» и так далее.

То, что Флинкс поначалу принял у них за оттенки цветов, затем оказались оттенками чувств. Этот народ был способен ощущать обширную гамму эмоций. Для Флинкса это был уникальный, неведомый людям способ общения. С его помощью можно было без труда преодолевать межвидовые барьеры, когда на словах невозможно передать отвлеченные понятия.

Средний сумакреа ростом был чуть выше метра. Все, кого ощупал Флинкс, были такими же. Значит, либо поблизости не было детенышей, либо их просто не подпустили к гостям. Возможно, это группа охотников или разведчиков.

— По-моему, им уже какое-то время известно о присутствии здесь людей и транксов, — сказал Флинкс своим товарищам, которые сгорали от любопытства, сидя рядом с ним. — Просто они предельно осторожны. Один из них позволил мне ощупать его зубы. Готов поспорить, что они вегетарианцы. Люди же и транксы всеядны, поэтому не исключено, что им известно о мясе, которое мы употребляем в пищу. Поэтому нет ничего удивительного в том, что они не спешили первыми вступать в контакт.

— Все-таки в голове не укладывается, как это мы до сих пор не повстречали их.

Клэрити протянула руку, и ей тотчас ответили прикосновением. Она сразу же забыла страх перед окружающей темнотой. Присутствие теплых, дружелюбно настроенных существ помогло ей преодолеть его.

— Подумай сама, какие чувства они должны испытывать при вашем приближении со всякими приборами и прочими штуковинами.

— Но если они способны читать наши эмоции, то наверняка догадались, что мы не желаем им зла, — возразил Совелману.

— Возможно. — В этот момент сумакреа, которого поглаживал Флинкс, внезапно отскочил в сторону.

Флинкс попытался отогнать от себя дурные мысли. Через пару минут сумакреа вернулся и позволил Флинксу возобновить прикосновения.

На этот раз Флинкс проявил гораздо большую осторожность, добравшись до того участка головы, прикосновение к которому вызвало такую бурную реакцию.

— А у них действительно есть глаза. Только совсем малюсенькие.

— Я ничего не почувствовала, — отозвалась Клэрити.

— Они у них на затылке, — Флинкс едва не расхохотался. Это произвело на сумакреа благотворный эффект, и они придвинулись *еще ближе. — Не* знаю, *было ли так всегда, или же их глаза пропутешествовали* вокруг всей головы, как у палтуса, у которого они переехали на макушку. Если это исключительно световые сенсоры, то очень удобно видеть, что там происходит сзади тебя. Нос впереди, глаза сзади. Можно, убегая от врага, следить за его действиями, не оглядываясь.

Неожиданно Флинкса осенило.

— Ну конечно же! Любой, кто отправляется на изучение пещер и их картографирование, обязательно берет с собой самые мощные лампы.

Флинкс попытался представить себе ослепительные вспышки. Разумеется, это были мысли, но Флинкс добавил к нарисованной в воображении картине еще и чувства. Сумакреа тотчас отпрянули и вернулись только тогда, когда он поостудил воображение.

— Реагируют на свет. Значит, фотоморфы тоже представляют для них угрозу. Их представление о свете сродни картине гигантского пламени, бушующего внутри головы. Здесь, в глубинах подземелья, наверняка должны быть естественные источники тепла — горячие источники, термальные озера. Я отчетливо ощущаю их эмоции, относящиеся к восприятию разных уровней температуры. Свет идет почти во главе этого списка, хотя для нас он почти что холоден. Вот если бы кто-нибудь спустился сюда без света, они тотчас же пошли бы на контакт.

— Как нам, однако, повезло! — пробормотал Совелману. — Благодаря несчастью мы совершили, пожалуй, самое важное научное открытие за всю

недолгую историю изучения истории Длинного Тоннеля. Величайшее открытие, о котором никому не суждено узнать.

В этот момент Флинкса меньше всего заботило их будущее. Он с блаженством погрузился в фантастический, невероятный мир, который открылся ему. Его нетерпеливым товарищам теперь придется подождать, пока ему не наскучит изучать все эти чудеса.

Глава 13

Сумакреа сумели выработать гораздо более сложный эмоциональный язык, чем могли себе представить люди, и они не имели ничего против того, чтобы обучить ему Флинкса. Они были в восторге оттого, что встретили себе подобных среди чужаков, которые забрели сюда из верхних этажей мира. Они очень хотели поближе познакомиться с Флинксом и разузнать, откуда он пришел. Совелману и Клэрити были вынуждены сидеть и ждать. Лишь изредка они переговаривались между собой, в то время как Флинкс сидел, не шелохнувшись, с закрытыми глазами и контактировал с аборигенами на том уровне, который был недостижим для его спутников.

Время от времени он говорил, пытаясь объяснить, какие чувства испытывает и что нового узнал. Слова были невыразительным эрзацем того, что он испытывал на эмоциональном уровне.

Одновременно Флинкс пытался лучше разобраться в тех чувствах, которые испытывает к нему Клэрити. Его признание в сочетании с тем, что он рассказывал ей раньше, вполне было способно пробудить в ней враждебность и страх перед ним. Но Флинкс не заметил ничего подобного. Ее отношение к нему оставалось по-прежнему дружеским, даже несколько восторженным, однако ко всему этому теперь прибавилась некоторая растерянность, кото-

рую Клэрити изо всех сил старалась не выдать голосом.

Впрочем, Флинкса это мало волновало. Что вообще могло его волновать после того, как он оказался в водовороте разнообразнейших эмоций, исходивших от сумакреа!

Флинкс не переставал удивляться, как много можно было передать посредством одних только эмоций. Если, конечно, вы достаточно чувствительны и проницательны в выражении себя и понимании другого. Голод и жажду, страх перед фанатиками, захватившими верхние уровни, свое восхищение перед сумакреа и их удивительной способностью жить в мире вечного мрака — все это Флинкс выразил без труда и сумел понять их ответы. Под их руководством его способности стремительно обретали силу, его талант обострялся. Сумакреа поняли, что Пип такой же друг, как и ее хозяин. Поскребыш — тоже, но вот эмоциональная слепота последнего и его хозяйки огорчала и озадачивала их. Флинкс пытался объяснить, что прекрасно их понимает, просто его спутники лишены способности тонко выражать собственные чувства и понимать эмоции других. Флинкс поверг сумакреа в ужас, сообщив им, что лишь он один из всего человеческого рода наделен даром беспрепятственно общаться посредством чувств и эмоций.

Флинкс сделал для себя вывод, что слепота — понятие относительное и что отсутствие зрения — лишь следствие развития. Зрение — это все способы восприятия. Если для зрения используются глаза, то их зоркость можно усилить или при необходимости восстановить. Трансплантация, вживление линз, миниатюрные видеокамеры, присоединенные непосредственно к зрительному нерву — все это было возможно, если есть тугой кошелек.

Но при всей мощи медицинских технологий Флинкс не мог припомнить случая восстановления эмоциональной чувствительности у человека или транкса. И в арсенале медицины не было ничего такого, что способно было помочь слышать диалог, подобный тому, какой он вел с сумакреа.

— А ты уверен, что не просто обменивался чувствами с этим народцем? — спросила его на следующий день Клэрити. — Неужели ты действительно общаешься с ними?

— Совершенно уверен. С каждым часом мне все легче общаться. Самое главное — научиться управлять своими эмоциями, вроде того, как мы строим предложение. Или еще лучше — как в древнем китайском письме, когда обмениваются целыми понятиями, вместо того чтобы выстраивать слова. Например, вместо того, чтобы сказать: «Я хочу пойти в другой конец пещеры», нужно в эмоциях выразить свое желание переместиться на это место. И если сделать это, на минуту позабыв обо всем остальном, я гарантирую, что сумакреа отреагируют. Конечно, такой способ неприменим для науки, но для передачи простейших понятий он куда более эффективен, чем можно себе представить.

— Ну, а если ты так поднаторел в этом уникальном способе общения... — начал было Совелману.

— Я не сказал, что поднаторел. Просто мне удается следовать потоку их эмоций.

— А не пора ли тебе попробовать выразить для них наше настойчивое желание вернуться в места нашего обитания? Каким-нибудь окольным путем, если такой существует.

— Если только он существует, готов утверждать, что сумакреа с ним знакомы. У нас еще есть время. Может быть, подождать еще пару дней? Запасов у нас пока хватает. И если они действительно согласятся вывести нас, то вряд ли для этого понадобится слишком много времени.

Транкс издал челюстями звук, соответствующий легкой степени презрительности, смешанной с нетерпением второй степени.

— Я готов признать, что постепенно привыкаю к темноте, но это вовсе не значит, что она начинает мне нравиться.

— Чем больше мы здесь задержимся, тем лучше я освою способ общения с моими собеседниками.

— А ты уверен, что это та самая причина, по которой ты не спешишь покидать это место? — спросила Клэрити.

Он знал, что она сидела в темноте совсем рядом, бок о бок с ним. Ведь за несколько дней полного отсутствия света у них предельно обострились слух и обоняние.

— Готова поспорить, что у тебя с этими существами есть нечто общее, чего нет у других. Нечто такое, что мы с Совелману не в состоянии разделить с тобой. Что касается вашего способа общения, мы ведь фактически глухи и немы. Вернее, слепы, как ты сам выразился. Знаешь, Флинкс, я не вижу ничего приятного для себя в том, чтобы оставаться слепой в обществе частично зрячих. Возможно, тебе не резон торопиться назад в порт. Возможно, эмоциональное общение и есть именно то, в чем ты сейчас нуждаешься. Но мне и Совелману ужасно недостает света и нормальной речи. А еще нам всем следует как можно быстрее выяснить, что же все-таки происходит.

— Ну потерпи еще чуть-чуть. Это все, о чем я прошу. — Флинкс даже не заметил, сколько мольбы он вложил в эту просьбу, а вот от сумакреа ничего не укрылось. — Ведь ты ничего не понимаешь. Я чувствую здесь себя как дома. Я впервые встретил существа, с которыми мне совершенно не надо притворяться — с ними я остаюсь самим собой. Мне совершенно не надо следить за тем, что и как я сказал, как среагировал. Мне не нужно постоянно быть настороже. Я не могу ничего скрыть от них, да мне и не надо ничего скрывать. Точно так же они не в состоянии скрыть свои чувства от меня. И это так, заявляю с полной уверенностью.

— Но это ведь ты, а не я и не Совелману, Флинкс. Нам с ним надо срочно возвращаться в порт. Мы просто обязаны выяснить, выдержала ли натиск фанатиков остальная часть колонии, и вообще, можем ли мы хоть чем-нибудь помочь. Это требуется сделать безотлагательно, в первую очередь. Если все улеглось, и бандиты либо сами покинули Тоннель, либо их вынудили это сделать, то ты вполне можешь снова вернуться сюда вниз и... — на секунду Клэрити умолкла, подыскивая нужное слово, — ...и медитировать, сколько тебе вздумается. Открытие сумакреа в корне изменит весь ход исследований,

проводимых здесь, на Тоннеле. Но ни в коем случае не остановит. Наша работа будет продолжена, и мы отыщем способ помочь этим существам. Ведь они наверняка страдают от нападений хищников, таких как мегалапы или стрелки.

В голос Клэрити, пока она убеждала Флинкса, закрались новые нотки.

— Флинкс, послушай, мы с Совелману тут потихоньку сходим с ума, пока ты сидишь как статуя и обмениваешься эмоциями со своими аборигенами. И если мои чувства для тебя хоть что-нибудь значат, я умоляю тебя помочь нам отыскать дорогу назад в порт, где от нас тоже будет какая-то польза. Ведь мы чувствуем ответственность перед друзьями и коллегами.

— А я — нет, — спокойно произнес Флинкс.

Его тотчас захлестнула теплая волна эмоций сумакреа — такая отточенная и такая сложная, как любой другой язык. Здесь была и любовь, и чуть-чуть голода с жаждой, и привязанность, и восторг. Были любопытство, недоумение, удивление, печаль, восхищение и разочарование. И все это не нуждалось в разъяснении и словесной оболочке, оно ощущалось буквально кожей.

Флинкс мог разговаривать одновременно со всеми или же, отключив остальных, обмениваться с каким-то одним из сумакреа и начать обмениваться с ним родственными эмоциями. При этом ему не надо было ни притворяться, ни кривить душой, ни лгать, ведь любая фальшь была бы замечена мгновенно. Здесь полностью исключались кражи, ведь в этой кромешной тьме воровское клеймо пылало бы, словно неоновая реклама. Здесь никто не мог хвастать красотой, потому что она была просто неразличима. В мире сумакреа внешность не играла ровным счетом никакой роли. Важны были одни лишь чувства.

Уму непостижимо, но общество слепых оказалось более мирным и уравновешенным, чем общество зрячих. Сумакреа держались друг с другом спокойно и уверенно. Живя среди них, можно было многому научиться, но из всего человеческого рода один Флинкс был способен

на это. Многочисленные философы древности рисовали картины человеческого сообщества, каждый член которого существовал бы в гармонии со своим естественным окружением, но насколько Флинкс мог припомнить, никто из них не провозглашал слепоту как предпосылку успешного развития такого социума. И конечно, никто из них не мог себе представить ничего, что могло бы сравниться с эмпатической телепатией.

Если бы не Клэрити и Совелману, Флинкс без колебания остался бы здесь навсегда, чтобы шаг за шагом и миг за мигом познавать мир вечной тьмы, обмениваясь на эмоциональном уровне информацией о нем с его обитателями и не проронив при этом ни единого слова. А чтобы не соскучиться, при нем осталась бы Пип.

Все это было замечательно, но его друзья могли сойти с ума. Они ведь не в состоянии включиться в его общение с сумакреа. К тому же их преследует мысль о том, что сейчас происходит с их друзьями и коллегами. Его общение с сумакреа не восполнит их одиночества.

Но давно дал себе зарок — никому не позволять втягивать его в свои дела и всегда оставаться в стороне. Но именно этот зарок он то и дело нарушал.

Однажды придя на помощь Клэрити, он совершенно запутался в своих чувствах к ней. Не бросив в беде Совелману, надолго связал себя с транксами. Теперь он отвечает за них обоих. Словом, как бы он ни усердствовал, какие бы усилия ни прилагал, в результате всегда оказывалось, что он накрепко привязан к судьбам людей, которых до этого на знал вовсе.

Возможно, защитникам порта удалось подавить атаку не готовых к серьезным действиям фанатиков. Не исключено также, что враждующим сторонам удалось достичь перемирия, и бандитам разрешено покинуть планету. Клэрити все же права. Скорее всего, они могут вернуться в колонию без особого риска. А если нет — наверняка сумеют на время укрыться в главном хранилище, как и намеревались с самого начала. Если же бандиты по-прежнему держат оборону, то сумакреа с радостью примут их

обратно. А раз так, значит надо возвращаться назад, как того хотят Клэрити и Совелману.

Что уж тут поделаешь, если его друзья так страстно хотят снова увидеть свет! Их желание общаться с себе подобными пересиливало страх снова оказаться в руках бандитов, хотя у Клэрити были все основания держаться от них как можно дальше. Ну а раз им так хочется вернуться, Флинкс обязан уступить им в этом желании, хотя бы ради того, чтобы узнать, что там происходит.

С тех пор как они лишились второй осветительной трубки, Клэрити, надо отдать ей должное, держалась молодцом, однако Флинкс постоянно ощущал, что она вот-вот сорвется от страха и напряжения. Дискомфорт — это меньшее из того, что она сейчас испытывала. Не способная понимать сумакреа, она не могла ощутить в их присутствии моральную поддержку и душевное равновесие. Для нее они оставались пустым местом, а не кладезем доброты и сочувствия. Похрюкивающие и посвистывающие создания, больше ничего.

Что касается Флинкса, он понимал, что тоже не сможет похоронить себя здесь. Поразмыслив, он шумно втянул в себя прохладный воздух.

— Я поговорю с ними, чтобы они вывели нас отсюда. Нет, это не пойдет. Для начала мне следует хорошенько просветить их насчет этого. Я постараюсь объяснить им, что происходит в колонии и каково наше положение. Иначе они не поймут, почему нам так нужно вернуться. Между прочим, они в курсе, что у планеты имеется поверхность. У них даже ходят легенды об этом. Этакие предания о храбрых героях, достигших огненной пещеры, что лежит над обитаемым миром. Этим храбрецам пришлось надеть маски, чтобы защитить себя от света, каким бы тусклым он ни казался нам.

Чья-то рука робко коснулась плеча Флинкса, чьи-то пальцы боязливо пробежали по его руке, и, наконец, его ладонь оказалась в ладони Клэрити, у которой от слов Флинкса стало легче на душе.

— Спасибо тебе, Флинкс. Я действительно больше не вынесла бы. Я и так изо всех сил пыталась сдерживать себя.

— А тебе и не надо было себя сдерживать, — ответил Флинкс, и тотчас ему стало неловко оттого, что он лишний раз напомнил ей о своем даре читать ее чувства. — Я поговорю с ними прямо сейчас, объясню им, что нам надо.

Сумакреа по соседству не оказалось, но подозвать их не составляло труда. Флинксу достаточно было распространить вокруг себя эмоциональный призыв к общению. Между прочим, у Клэрити и Совелману тоже была способность распространить такой призыв, но они пользовались им слабо и неосознанно, без всякого волевого контроля.

Мгновение спустя послышался шорох — это несколько сумакреа откликнулись на призыв Флинкса.

Флинкс почувствовал, как его спутники повернулись навстречу гостям, и тихонько улыбнулся. Пусть Клэрити и Совелману лишены его талантов, зато слух и обоняние частично компенсируют им другие органы чувств. Они вовсе не так беспомощны, как им кажется.

— Надеюсь, вы понимаете, что они могут не согласиться быть проводниками. Кроме того, дороги в колонию просто может не оказаться.

Для пессимизма существовали еще десятки причин, но он предпочел оставить их при себе. Надежда Клэрити на спасение была так сильна, что Флинксу не хотелось омрачать ее.

Эмоции в пещерах передавались прекрасно, и Флинксу оставалось лишь ждать. Интересно, как бы реагировали сумакреа, если бы им, подобно Флинксу, оказаться где-нибудь в крупном городе среди чувств и эмоций многих тысяч людей. Что бы они ощутили — дискомфорт или восторг? Здесь, под землей, было гораздо легче читать чувства каждого и столь же легко излучать свои.

Подумать только — им удалось наладить обмен самым сокровенным, практически не зная друг друга. Контакт с народом, который Флинкс, возможно, никогда больше не увидит. А ведь он успел привыкнуть к сумакреа, по крайней мере, к тем, с кем контактировал и кого знал по именам. Эти имена были подсказаны ему их эмоциональными доминан-

тами. Был среди них Плакальщик, между прочим, самый эмоциональный из всех, был Тугодум, был его ближайший друг Воздыхатель. Эта троица, поглощая направленные на них чувства Флинкса, любила предаваться размышлениям.

Как Флинкс и предполагал, обмен эмоциями на этот раз прошел не слишком гладко. Сумакреа были убеждены, что если они подойдут слишком близко к Внешней пещере, то потом не смогут отыскать дорогу назад. Внешние уровни были совершенно лишены каких-либо чувств, и это пугало сумакреа. Флинкс терпеливо убеждал их, а Пип тем временем сонно восседала у него на плече, прекрасно чувствуя эмоции, которые он передавал сумакреа — ясные, чистые, недвусмысленные. Наконец он убедил сумакреа, и те согласились помочь.

Оказалось, что Тугодуму и Воздыхателю был известен путь к Внешней пещере. В последнее время до них оттуда долетали обрывки каких-то непонятных эмоций и ощущений. Впрочем, после того, как Флинкс им все объяснил, эти чувства стали им гораздо понятнее. Несомненно, там наверху обитали существа, похожие на спутников Флинкса — разумные и способные мыслить, хотя и слепые.

Долго собираться в дорогу не пришлось. Пищу можно отыскать по пути. Правда, маршрут, который их ждал, был хоть и близок, но довольно сложен.

Когда подошло время прощаться, на Флинкса обрушилась лавина прикосновений и сильных эмоций. Впервые за время их знакомства сумакреа продемонстрировали свое доверие во всей силе. Они привели с собой детенышей. Эти небольшие пушистые существа на коротких ножках принялись порывисто гудеть, ласково поглаживая непомерно большие тела гостей из Внешней пещеры.

Когда умолкли последние из сумакреа, Воздыхатель занял положение во главе колонны, а Тугодум был замыкающим. Двигаться вперед им придется наощупь. Впереди Воздыхатель, отыскивающий дорогу, за ним Совелману, затем Клэрити, Флинкс и Тугодум. Поскребыш нервно трепыхал крыльями, сидя на косице у Клэрити. Как только они покинули

убежище в пещере сумакреа, к нему тотчас вернулись все его страхи. Флинксу не составило труда определить чувства его хозяйки, и он то и дело ласково проводил рукой по ее спине — от плеча до бедра. Это слегка смущало Клэрити и тем самым помогало вытеснить страхи на второй план. Клэрити была не в состоянии оттолкнуть его руку, ведь для этого ей пришлось бы оборачиваться в темноте и терять контакт с Совелману. Поэтому ей пришлось ограничиться комментарием по этому поводу.

— Надеюсь, эти существа способны нащупывать дорогу столь же эффективно, как и эмоции. Мне бы не хотелось еще раз оказаться в дождевой промоине или в какой-нибудь дыре наподобие этой, — сказал Совелману.

— Это их мир, Совел, — напомнил геологу Флинкс. — Они прекрасно знают, по какой дороге надо идти. Мы здесь не заблудимся. Сумакреа найдут нас по эмоциям.

— Мы поднимаемся к поверхности, — впервые голос Клэрити прозвучал радостно. — Они действительно знают дорогу.

— Мы еще не пришли, барышня, — транксы по натуре отличались осмотрительностью. — Я бы не советовал проявлять чрезмерный энтузиазм.

— Чем меньше мы будем производить шума, тем лучше, — Флинкс говорил исключительно шепотом. — Кто знает, а вдруг здесь есть уши не менее чувствительные, чем у сумакреа. У их хозяев могут оказаться не столь мирные намерения к нам.

Клэрити тут же перешла на шепот, хотя и не могла до конца подавить свое возбуждение. Чем выше они поднимались, тем ближе становился для них свет, а вместе с ним и способность видеть окружающий мир.

Постоянно держа в голове услышанное от Совелману описание главного хранилища, Флинкс пытался объяснить их проводникам, что войти в мир Внешней пещеры следует в строго определенном месте. Но он не был уверен, что ему удалось достаточно конкретно передать детали. Несмотря на полученный навык общения, информация о деталях

была намного труднее для выражения, чем самые сложные эмоции.

После нескольких часов упорного подъема они, наконец, ступили на относительно ровную тропу. Воздыхатель призвал сделать передышку. Клэрити и Совелману, не способные разгадывать намерений сумакреа, споткнулись и налетели в темноте друг на друга.

— А что теперь? — спросила Клэрити.

Флинкс напрягся, чтобы правильно уловить эмоции их проводников.

— Предостережение. Неуверенность. Смятение и боль.

— Ты хочешь сказать, что он поранил себя?

— Нет. Это эмоциональная боль. Что-то находящееся поблизости отсюда огорчает их. Вы с Совелману оставайтесь здесь. А я пойду проверю, в чем дело.

Пробравшись наощупь мимо своих товарищей, он медленно двинулся вперед, осторожно ступая и нащупывая путь перед собой.

Если бы им грозила непосредственная опасность, Воздыхатель наверняка бы предостерег его от этой вылазки. Впрочем, это вовсе не значило, что где-то совсем рядом не было отвесной километровой пропасти. Но иногда отсутствие света из проклятия превращалось в благословение. Опасность, которую не видишь, просто не существует.

Флинкс прикоснулся к Воздыхателю, и тот посторонился. Флинкс осторожно пробрался наощупь еще немного вперед и вскоре правой ногой коснулся чего-то мягкого. Он тотчас замер, как вкопанный. Потом, аккуратно переступая, Флинкс двинулся вдоль лежащего тела и, наконец, обошел его. Поначалу он решил, что этот кто-то весьма крупных размеров, но более тщательное обследование показало, что лежащих было двое.

— Что там? — раздался из темноты из-за его спины голос Клэрити.

Хотя она была всего в двух шагах позади него, не могла угадать, что происходит.

— Люди. Оба мертвы. Лежат. Уже окоченели. Мужчины. У обоих оружие.

— Кто это? Бандиты или охранники порта?

— Не знаю, — Флинкс нагнулся, и в отсутствии света продолжил обследование руками. — Если не ошибаюсь, у одного из них на голове фонарик. У другого на груди ремнями прикреплены какие-то линзы. Возможно, тоже светильник.

— А ты попробуй, может быть, они в исправности.

— А чем, по-твоему, я занимаюсь? — раздраженно ответил Флинкс и через несколько секунд выпрямился. — Бесполезно. Глухой номер. Обе не работают.

— Но если они погибли именно здесь, — задумчиво произнес Совелману, — не исключено, что лампы у них тогда еще работали. Возможно, у них остались запасные батареи. Я помогу тебе искать.

— И я тоже.

Клэрити налетела сзади на Совелману, и тот пробормотал типичное для транксов беззлобное проклятие. После этого они втроем обшарили карманы на одежде погибших.

— Я что-то нашла, — Клэрити передала Флинксу небольшой цилиндр.

— Все может быть, в том числе и использованная батарейка.

— В данный момент, мой друг, я предпочел бы реализму оптимизм, — в голосе Совелману угадывалась высшая степень нетерпения. — Давайте попробуем.

— Сейчас проверю, подойдет ли она к нагрудной лампе. Сдается мне, ее легче вскрыть. Вы только не торопите меня. Вот уж будет комедия, если я ее уроню и она закатится в какую-нибудь трещину.

Замена батарейки заняла у них не меньше часа, когда при нормальном освещении на эту процедуру ушло бы несколько секунд. Флинксу хотелось убедиться, что все сделано правильно. И лишь когда у него не осталось сомнений, что батарейка плотно сидит в гнезде, он решился отстегнуть ремни от тела ее бывшего владельца.

— Ну, чего ты еще ждешь? — подстегивала его Клэрити. — Попробуй нажать на выключатель.

— Я еще не готов. Надо сделать еще кое-что.

Сосредоточившись, как его учили сумакреа, он представил гигантскую жаркую вспышку. Ему удалось создать образ, по силе в десятки раз превосходивший фотоморфа. Может, это было и слишком, но лучше не рисковать. Ведь луч фонаря может нанести невосполнимый ущерб чувствительным органам сумакреа. Воздыхатель и Тугодум тотчас поняли его намерения и повернулись к нему лицом, чтобы глаза были обращены в противоположную сторону.

Флинкс настолько был озабочен глазами проводников, что совершенно позабыл предупредить Клэрити и Совелману. Поэтому, когда зажегся свет, все трое, кто громче, кто тише, вскрикнули от неожиданности. Они так долго пробыли в сплошном мраке, что луч света бил им по глазам не слабее, чем сумакреа. Пип с Поскребышем тоже поспешили спрятать головы под крылья.

Воздыхатель и Тугодум отступили за какие-то матовые выступы, прикрывая затылки, где у них были глаза, руками. Но даже несмотря на защиту меха, лап и камня, свет, проникающий в их глаза, причинял им резкую боль. Флинкс безошибочно ощутил исходящую от сумакреа мольбу, настоящий крик души, и поспешил выключить фонарь.

— Зачем ты это сделал? — громко спросила Клэрити. — Зачем ты выключил свет? А вдруг он не включится снова? Что если..

— Успокойся. Батарейка в порядке. И лампа тоже. Но свет причиняет боль нашим проводникам. Им больно даже тогда, когда они отворачиваются от него. А ведь мы по-прежнему нуждаемся в их помощи. Оттого, что у нас есть свет, нам ничуть не легче идти правильным маршрутом. Мы блуждали не там, где надо, даже когда у нас было две трубки.

— И все-таки нам надо хоть чуточку света, — стояла на своем Клэрити. — С какой стати я должна спотыкаться в кромешной тьме, когда у нас есть исправная лампа!

— У меня предложение, — Флинкс и Клэрити обернулись на голос Совелману. — Давайте найдем лучшее применение одежде — обмотаем ею головы нашим проводникам и таким образом снизим яр-

кость света для приемлемого уровня. Они ведь не раз сталкивались с крылачами, фотоморфами и прочей их светящейся родней. Поэтому наверняка стерпят слабую освещенность. Разумеется, мы могли бы обойтись без света, следуя за ними, но, как говорит Клэрити, гораздо приятнее двигаться вперед, видя, куда следует ставить ноги.

Флинкс задумался.

— Неплохая мысль. Я попытаюсь объяснить твое предложение Воздыхателю и Тугодуму. Если они согласны, и впрямь можно попробовать.

Но когда Флинкс попытался стянуть рубашку с первого тела, ему показалось, будто под ней что-то шевелится.

На убитом была специальная пластиковая рубашка, способная защитить если не от лазера, то от небольшого пистолета. Но она оказалась, судя по всему, бессильной преградить путь чем-то более примитивному и зловещему.

— Назад! — крикнул Флинкс, в спешке поднимаясь. — Всем назад!

— А что случилось?

Флинкс понял, что второй раз повторять команду не придется.

— Я почувствовал там нечто шевелящееся. Под броней. Что-то ужасно знакомое.

— Ничего не понимаю, — взволнованно произнес геолог.

— Дайте мне минутку подумать.

И снова Флинкс предупредил Воздыхателя с Тугодумом, чтобы те оставались в укрытии. На этот раз они отнеслись к его просьбе с большей серьезностью, потому что представляли, что их ждет. Только когда Флинкс убедился, что сумакреа и его спутники в безопасности, то вновь нажал кнопку фонаря.

Зрачки медленно и болезненно привыкали к бьющему по глазам свету. На самом деле освещение было довольно тусклым, но для них оно было подобно солнцу, на которое приходилось смотреть без защиты. Когда, наконец, Флинкс и его друзья обрели способность видеть, они разглядели мертвецов. Один был в униформе охраны порта. На другом

мертвеце был маскировочный костюм явно не по размеру, но для организма, убившего их, это было совершенно безразлично.

На обоих телах были следы рукопашной схватки. Сражаясь друг с другом, они упали рядом. Вокруг шеи первого и предплечий второго обвились тонкие, но прочные нити лишайника. Второму, кажется, повезло — он умер от удушья.

То движущееся, что нащупал Флинкс под рубашкой первого, были туго переплетенные нити хаустория.

Клэрити осторожно подобралась поближе, чтобы разглядеть трупы. При свете фонаря не составило труда проследить, что сеть мицелия тянется к соседней расселине. В длину она была около десяти метров и примерно половина уже обросла блестящим лишайником.

— Он не обращает на нас внимания, так как уже заполучил себе достаточное количество пищи.

Клэрити говорила со спокойствием лаборантки, готовящей для исследования новые образцы.

— Узнаю хаусторий, — пробормотал Флинкс. — Но откуда, черт подери, взялись эти кольца?

Он был не в состоянии отвести взгляд от посиневшего лица второй жертвы. Руки несчастного до сих пор сжимали одно из колец, словно пытаясь сорвать его с шеи.

— Из того же самого места, откуда вся остальная гадость, осмелюсь заметить, — Совелману обернулся к Клэрити за подтверждением своей догадки.

— Дактиэлла и артоботрис, только крупных размеров. Миколог рассказал бы нам побольше. Они заарканивают свою жертву. Эта особь — наверняка их гигантский родственничек.

— Нам надо спалить его или предпринять что-то еще, — с отвращением произнес Флинкс.

Клэрити пожала плечами. Это была местная флора, и здесь она оказалась в своей стихии, спокойно воспринимая увиденное.

— Через несколько дней от них ничего не останется. Ни косточки.

Флинкс еще на секунду задержал взгляд на мертвецах, затем уменьшил яркость лампы. Когда

свет стал таким тусклым, что с трудом можно было увидеть носки собственных ботинок, из укрытия показались Воздыхатель и Тугодум. Они были по-прежнему взбудоражены, как, впрочем, и Флинкс. Когда все снова двинулись в путь, они старались ступать с предельной осторожностью.

Охранник и фанатик наверняка долго гонялись друг за другом по верхним коридорам Тоннеля.

Флинксу и компании потребовался еще один день, прежде чем они настолько приблизились к порту, что он начал различать слабое мерцание человеческих эмоций. Без Пип он вообще не смог бы ничего различить, но она была рядом, и его талант оставался в силе, причем действовал на значительном расстоянии. На улицах города это было бы просто невыносимо, а здесь — как нельзя более кстати.

Флинкс заметил, что теперь он намного лучше способен контролировать свой талант и применять его в деле. Он считал, что это влияние сумакреа, но в действительности его способности начали возрастать еще до встречи с ними. Возможно, это как-то было связано с возмужанием, как физическим, так и духовным.

— Мы приближаемся, — сказал он друзьям. — Но я не слышу никакого боя.

— Я тоже, — сказала Клэрити. — Ни криков, ни выстрелов.

— Мы еще не настолько приблизились, чтобы до нас донеслись какие-либо звуки, за исключением ружейной стрельбы, пожалуй.

— Из чего вытекает, что либо в этом районе временное затишье, либо одна из сторон, победив, взяла ситуацию под свой контроль, — заметил Совелману.

Внезапно Клэрити со всех ног бросилась вперед, не замечая [illegible] коварной поросли под ногами.

— Свет! Я вижу свет!

Флинкс с Совелману последовали за ней более размеренным шагом, но вскоре мощный эмоциональный толчок заставил его остановиться.

— Воздыхатель и Тугодум не могут идти дальше. Нам всем нужно попрощаться с ними. Но я попрошу их, чтобы они еще задержались здесь немного.

— А зачем? — удивился геолог.

— На случай, если верх одержали фанатики. Кто знает, вдруг нам придется отступать вглубь подземелья.

Совелману кивнул — транксы переняли этот жест вскоре после Объединения.

Все трое двинулись в сторону света. Клэрити шла впереди. Свет проникал сквозь узкую щель в стене слева от них. Клэрити сразу прильнула к ней.

— Если мы не вернемся сюда в ближайшие часы, то сумакреа будет ясно, что им можно возвращаться домой, — сказал геологу Флинкс. — Но мне бы хотелось в один прекрасный день снова прийти сюда. У нас было слишком мало времени, чтобы чему-то научиться друг у друга, чтобы поговорить по душам. Кто знает, вдруг я единственный из людей, кто способен найти с ними общий язык. Мне трудно объяснить, но среди них я чувствую себя как дома, словно в родной семье.

— И вы давно обитали в темноте, мой юный друг?

Флинкс испуганно обернулся, но тотчас понял, что транкс всего-навсего употребил цветистый оборот. Как и все букашки, транксы считали себя философами.

Затем они поделили оставшиеся запасы продовольствия, Клэрити прижимала к груди драгоценный фонарь, а Флинкс держал наготове заметно подрастерявший свою мощь пистолет. Но даже и со слабым зарядом с его помощью еще можно было бы вывести из строя двух-трех противников, прежде чем он заглохнет совсем.

Повернувшись к расселине, Флинкс ощутил на себе излучение Воздыхателя и Тугодума. И хотя он больше не видел сумакреа, грусть и сожаление, исходящие от них, бы[illegible], словно мысли, четко сформулированные словами. Для Флинкса это было связано с чувством потери, как будто бы там, в подземельях, он оставил частичку самого себя. Сумакреа понимали его, делили с ним его чувства и его дружбу. И все это без всяких слов.

Впереди маячило совсем другое. Флинкс сделал глубокий вдох и боком протиснулся в трещину известняковой стены.

По ту сторону находилась обширная пещера, которую освещали тусклые трубки под потолком. Они неярко мерцали над ровными рядами полок с броско раскрашенными пластиковыми коробками и цилиндрами. Это и было главное хранилище под портом, которое им описал Совелману.

— По-прежнему все спокойно, — с надеждой прошептал транкс. — Должно быть, Служба Безопасности все-таки сохранила контроль по крайней мере над этой частью колонии. Ведь она охранялась лучше других, и у нее, вне всякого сомнения, шансов было больше.

— Но я нигде не вижу охранников, — сказала Клэрити, протиснувшаяся в трещину следом за Флинксом.

В просторном помещении царила тишина. Не слышно было даже роботов-погрузчиков. Если бы не шипение нагнетаемого компрессорами воздуха, здесь не раздавалось бы ни одного звука.

— Наверняка где-нибудь наверху должны держать успешную оборону, — рассуждал Совелману. — Если фанатиков удалось оттеснить к порту, то их песенка, можно сказать, спета. По-моему, мы можем не опасаясь подниматься дальше.

— Я бы все же предпринял кое-какие меры предосторожности, — пробормотал Флинкс, рассматривая пустынную лестницу, шедшую по бокам служебных лифтов.

Беглецы старались держаться в тени самых крупных из ящиков, огромных контейнеров с бурильным оборудованием. Каждый ящик имел цветовую маркировку, указывающую место его назначения. Некоторые были раскрашены в малиновый цвет Объединенной Церкви, некоторые — в бирюзовый цвет Содружества.

Совелману шел впереди. Хотя Клэрити проработала на Тоннеле дольше транкса, ей ни разу не подворачивалась возможность посетить помещение главного хранилища. К тому времени, как партия

оборудования достигала их лаборатории, все уже было записано в реестры, накладные и бухгалтерские книги.

Вооруженный охранник резко обернулся, но увидев Совелману, тотчас опустил оружие.

— Ты ведь из команды исследования пищевых ресурсов, если не ошибаюсь?

— Верно. Скажи, власти все еще контролируют эту часть колонии?

Охранник немного расслабился и перебросил оружие за плечо.

— Ты уж извини. Я поначалу решил, что это опять те свихнувшиеся чурбаны. Да, мы контролируем ситуацию, причем не только на территории порта, — заявил охранник с мрачным удовлетворением.

— Ты говорил что-то о чурбанах, — Флинкс пытался смотреть мимо охранника. — А что, собственно, произошло? Мы все это время прятались и поэтому не в курсе.

— Тогда я с самого начала расскажу, идет? Эти ублюдки в маскировочных костюмах посыпались на нас со стен, будто крысы. Ну и шуму они наделали! Пока мы приходили в себя, пока выясняли, что к чему, они успели взорвать несколько зарядов, но стрелки из них никудышние. Сразу видно, что не профессионалы. Как только стало ясно, что вся колония подверглась нападению, лейтенант Кикойса собрал нас всех вместе и приказал организовать контратаку. Судя по всему, эти фанатики прилетели сюда на «шаттле», причем какому-то идиоту из них удалось посадить его где-то за пределами взлетно-посадочной полосы. Как только мы стали их теснить, куда подевалось их нахальство — они тут же сорвались с места и во всю прыть кинулись назад к «шаттлу». По крайней мере, так говорят. Сам я не видел никого из них вот уже пару дней.

— Так значит, здесь все в порядке? — переспросила Клэрити. — Значит, вы их все-таки выгнали отсюда?

— Еще не всех. Целая куча разбежалась по коридорам, которые они не успели разрушить. Но это забота похоронной команды, а не моя.

Вы, случаем, не знаете, кто эти чертовы фанатики?

— По-моему, я знаю, — сказала Клэрити.

— Без дураков? — глаза охранника полезли на лоб. — Вам надо поскорее к лейтенанту или другому начальству, ведь у нас только и делают, что ломают голову над этим вопросом с тех самых пор, как объявились эти бандиты. Между прочим, они не оставляли после себя раненых, а у мертвых не было никаких опознавательных документов. Даже этикетки на маскировочных костюмах, и те сорваны. Уверен, что Кикойса захочет с вами побеседовать, мисс...

— Клэрити Хельд. Я из фирмы «Колдстрайп».

Охранник скорчил гримасу и посмотрел куда-то в сторону.

— «Колдстрайп», говорите? Хм, вот уж где натворили дел бандиты, можно сказать, камня на камне не оставили от вашей фирмы. Они ворвались туда в самом начале и времени зря не теряли. Теперь надолго можно поставить крест на исследованиях. Между прочим, боюсь, что кое-кому из ваших приятелей уже вообще ничего не надо. Мы все поначалу решили, что бандиты обрушатся в первую очередь на коммуникации и ангар, но не тут-то было. Они нанесли первый удар по «Колдстрайпу», а затем принялись крушить ваших соседей. В жизни не видел ничего подобного. Такое впечатление, что им все было до лампочки, кроме лаборатории с подопытным зверьем.

Охранник посмотрел на Совелману.

— И вашим тоже досталось. Правда, я слышал, будто кое-кому из ваших удалось унести ноги.

— Да благословит Господь Улей!

— Теперь от некоторых лабораторий остались лишь груды обломков. Глядя на них, ни за что не поверишь, что там когда-то шла работа.

У Клэрити перехватило дыхание.

— А куда, куда мне обратиться, чтобы узнать, кто остался жив?

— Понятия не имею. Ведь я обыкновенный часовой. Попробуйте разузнать в лазарете. Если не ошибаюсь, на них возложили обязанности справочного

бюро. С тех пор, как мы разделались с бандитами, у нас все в образцовом порядке.

Флинкс утешающе положил руку на плечо Клэрити, заставив Поскребыша немного потесниться.

— Кто знает, может быть, уничтожение людей для бандитов было не столь важно, как массовое разрушение. Если бы они задумывали массовое убийство, то вряд ли стали бы терять время на закладку взрывчатки.

— Ты еще надеешься? — еле слышно сказала Клэрити.

— Мы все надеемся. Пойдем, посмотрим.

Глава 14

Клэрити пребывала в подавленном состоянии до тех пор, пока они не нашли Эйми Вандерворт. Она лежала в постели в индивидуальной палате, отгороженная от остальных раненых. Главу фирмы поместили в лазарет с переломом — одна рука ее покоилась в пластиковом лангете. Лицо Эйми было распухшим и все в синяках, однако как только троица беглецов появилась на пороге, она проворно села в постели.

Совелману стеснялся войти в палату.

— Теперь я тоже должен выяснить, повезло ли мне, как вам.

Он протянул обе антенны, и Флинкс с Клэрити на прощание коснулись пальцами их пушистых кончиков, как это было принято у транксов.

— Возможно, мы еще увидимся. Ведь место невелико. Тогда я с удовольствием приглашу вас обоих на самый шикарный обед, какой только можно заказать на Тоннеле.

— При условии, что ты позволишь мне заплатить за спиртное, — отозвался Флинкс.

Они с Клэрити посмотрели вслед транксу. Совелману, их раненый товарищ, проведший вместе с

ними без света не один день, ковыляя, направился в другое крыло лазарета, отведенное специально для транксов. Это было закрытое помещение с более высокой температурой и влажностью. И лишь когда он отошел на достаточное расстояние, до Флинкса дошло, что Совелману отправился проведать своих товарищей вместо того, чтобы сперва обратиться за медицинской помощью после ампутации конечности. Вот вам и транксы! Спокойные, сдержанные, донельзя учтивые и постоянно пекущиеся о благе других. Частично это было заложено воспитанием, а частично отголоском давно утраченного менталитета, когда каждый из них отвечал за других, а другие отвечали за него.

Вандерворт протянула им здоровую руку.

— Клэрити, дорогая моя! — она обняла свою юную подругу, а затем испытующе посмотрела на Флинкса. — Вижу, ты все еще держишь при себе этого очаровательного и бесценного молодого человека. Когда тебя не оказалось в числе доставленных сюда раненых, тебя объявили пропавшей без вести. Это случилось уже много дней назад. С тех пор мы потеряли всякую надежду. В общем, ты второй раз преподносишь нам сюрприз. Я так рада, так безмерно рада, что ты жива и здорова! Как тебе удалось спастись от перестрелки?

— Мы вышли через запасную дверь, — коротко ответила Клэрити. — И пошли не вверх, а вниз. И обнаружили кое-что интересное.

Она искоса посмотрела на Флинкса.

Вандерворт удивленно выгнула брови.

— Ты хочешь сказать, что пока вы спасались бегством, у вас еще было время для научных исследований?

— Не знаю, теперь я не уверена, кто кого изучал. Наши представления о Длинном Тоннеле нуждаются в коренном пересмотре. Буквально во всех отношениях. На этой планете имеется раса разумных существ. В нижних уровнях подземелий.

— Я бы сказала, что подобное невозможно, но ведь я говорила то же самое про Сплетение Вердидион, пока не увидела собственными глазами.

— И их ты увидишь, если мы найдем способ смотреть друг на друга, не причиняя при этом никому вреда. Как ты догадываешься, они не переносят света. Насчет чувствительности к инфракрасным лучам мне ничего не известно. Они называют себя сумакреа. Позже я подготовлю официальный отчет. Может, даже не один. Но главное, ты пока...

— Милая моя, да если бы не эти чертовы врачи, духа моего здесь не было бы.

— А что все-таки с нашей фирмой?

Флинкс с Клэрити слушали, не проронив ни звука, пока Эйми рассказывала им о разыгравшемся в подземелье сражении. Некоторым работникам повезло. Они вовремя сумели заметить бандитов и спаслись бегством. Обезумевшие бандиты не обращали особого внимания на бегущих людей, сосредоточив все усилия на разрушении оборудования и архива, а затем лабораторий и связующих их коридоров.

Некоторые проявили больше храбрости, нежели здравого смысла, пытаясь помешать бандитам. Эти поплатились жизнью, большинству же удалось спастись. Некоторые погибли во время взрывов под обломками. Теперь никому не известно, кто же лежит погребенным под многотонными завалами известняка.

Служба Безопасности сумела собрать своих людей и оружие. Они нанесли ответный удар. В течение последних нескольких дней не было поймано ни одного бандита. Поэтому начали высказывать предположение, будто все фанатики либо убиты, либо сумели уйти по каким-то неизвестным до сих пор коридорам в другие пещеры или даже на поверхность. Перестрелка оборвалась так же внезапно, как и началась.

— Готова поклясться, что знаю, кто это такие, — сказала Клэрити.

— Та же компания, что похитила тебя? Да, моя дорогая, теперь нам это известно. Они допрашивали тех, кто временно угодил к ним в заложники, о конкретных работниках формы. Твое счастье, что ты вовремя сумела унести ноги. Джейзу тоже повез-

ло. В самом начале битвы ему удалось сбежать в охраняемый сектор. А вот Максиму... Если верить очевидцам, его принесли раненого, произнесли над ним какую-то сумасшедшую речь о том, что самых главных преступников непременно настигнет кара, и тут же застрелили. Никто из наших даже не надеялся уйти от бандитов живыми. Но когда они бросились наутек, просто-напросто бросили всех заложников на произвол судьбы. Между прочим, фанатики спрашивали и обо мне. Как я понимаю, в первую очередь их интересовал ведущий персонал. В некотором смысле нам с тобой повезло.

— Они хотели похоронить наши исследования. Я тебе уже говорила. Но никогда бы не подумала...

— И никто бы не подумал, моя милая. Ведь «Колдстрайп» не производил боеголовки и вообще никогда не имел никакого отношения к вооружениям. На Длинном Тоннеле нет военных заводов. Поэтому никто и подумать не мог, что мы подвергнемся вооруженному нападению. Оголтелые фанатики, вот кто они такие. Никому ранее не известная группа, хорошо организованная, хотя и недостаточно подготовленная в военном отношении, за что мы должны быть благодарны провидению. Известие об их чудовищном нападении будет отправлено Содружеству с первым же грузовым судном. Миротворческие силы живо возьмут их в окружение, чтобы не дать совершить еще раз что-либо подобное. Как ты верно заметила, они поставили себе целью остановить наше производство, и это им, несомненно, удалось. Нам потребуется слишком много времени, чтобы восстановить даже малую долю того, что у нас было прежде. И все-таки бандиты плохо продумали свою операцию. Верно, они сумели вывести из строя наше оборудование, уничтожить образцы, но ведь как у нас заведено, все данные об исследованиях хранятся у нас в двух экземплярах. Поэтому мы сумеем восстановить большую часть того, что по мнению фанатиков уничтожено навсегда. Что касается помещений, то мы просто переберемся в новую, еще нетронутую пещеру. Ведь нас самих бандиты не уничтожили, значит, и фирма жива. Все теперь

сводится к одному — как можно скорее заказать новое оборудование и переехать в новое помещение. Мы продолжим наши исследования гораздо раньше, чем предполагают бандиты. Разумеется, я ни в коей мере не хочу преуменьшать масштабов катастрофы. Восстановление будет проводиться в пределах отпущенных нам средств до тех пор, пока мы не выйдем на новые источники финансирования.

Эйми снова переключила свое внимание на Флинкса.

— То, что здесь обитает раса разумных существ, в корне меняет многое. Полагаю, что нам будет разрешено продолжить наши разработки. А интерес со стороны Церкви и правительства к нашим исследованиям несомненно возрастет. Не исключено, что мы получим доступ к фондам развития Содружества.

— Я, возможно, забегаю вперед, но мне хотелось бы знать, а нет ли у вас каких-либо видов на сумакреа в плане проведения генных опытов?

Вандерворт нахмурилась. Вопрос Флинкса явно ошарашил ее.

— Но с какой стати мы станем это делать? Они ведь разумная раса, если ваши наблюдения верны. Разве их можно сравнить с лишайниками? Даже если бы кому-нибудь действительно пришло в голову сделать то, о чем вы говорите, он тотчас попадет в кандидаты на очистку сознания. Скажите, ну кто посмеет превратить наделенное разумом существо в продукт? И вообще, есть правило: чем примитивнее биоформа, тем больше шансов на успех генинженерии. Высшие формы обычно плохо поддаются усовершенствованию.

— Рад это слышать. А теперь, если позволите, я вас покину. Уверен, что вам есть о чем поговорить, а мне надо найти, чем бы покормить Пип, — Флинкс протянул руку к Клэрити, и Поскребыш перемахнул к нему. — Все это время они, как и мы, сидели на одних концентратах и только иногда пробавлялись тем, что им удавалось поймать в подземельях. Их пища обязательно должна содержать определенные минералы. Лучше покормить их, а то могут возник-

нуть осложнения. Видите, какой бледной стала Пип?

По мнению Клэрити мини-драконша оставалась такой же, как и прежде, но кто станет спорить с хозяином?

— Порт и прилегающие к нему службы остались нетронутыми. Уверена, что там тебе помогут решить все твои проблемы с питомцами.

Обе женщины проводили Флинкса взглядом. Первой нарушила молчание Вандерворт.

— Однако какой удивительный молодой человек! Жаль, что его не интересует биомеханика. Уверена, что он бы мог сделать в этой области большие успехи.

— Это только первые шаги, — возразила Клэрити. — Тебе доводилось слышать об эмоциональных связях, которые могут устанавливаться между людьми и аляспинскими летучими змеями?

— Нет, но судя по твоим словам, именно так и обстоит дело с нашим знакомым и его питомцами.

— Но все гораздо сложнее. Эти сумакреа, которых мы обнаружили, тоже эмпатические телепаты. Это их способ общения. Помимо того они используют нечто вроде зачаточного языка, но их эмоциональный язык развит у них гораздо сильнее.

Вандерворт задумалась над сказанным Клэрити.

— Если то, что ты говоришь, правда, тогда, милочка, средства, отпускаемые на исследования Тоннеля, должны быть увеличены по меньшей мере в четыре раза. Но это при условии, что те организации, которые выделяют средства, способны заглянуть в будущее. Пусть даже с коммерческой точки зрения это открытие не сулит доходов, но любой результат пойдет во благо. Ведь вследствие всего этого можно ожидать значительного расширения официальных правительственных структур, а значит, и помощи на восстановление нашей фирмы. Как ученый, я аплодирую твоему упорству. Пока что в пределах Содружества, Империи и в прилегающих областях не зафиксировано ни одного случая обнаружения телепатических видов. Правда, ты говоришь, что они не являются телепатическим видом в привычном смысле этого слова.

— Они телепаты на эмоциональном уровне. Точно так же, как летучие змеи и наш замечательный Флинкс.

Вандерворт снисходительно улыбнулась.

— Ну, детка, ведь если между ним и летающим созданием существует взаимная привязанность, это вовсе не означает, что он какой-то особенный.

— Как раз очень даже особенный! Эйми, он разговаривал с сумакреа. Ведь только благодаря этому мы смогли вернуться назад в колонию. Он разговаривал с ними, включившись в какой-то непостижимый для нас обмен эмоциями! Ему удалось подружиться с ними и убедить их вывести нас в безопасное место.

— Чушь собачья! Ты просто неверно интерпретируешь то, что видела или слышала. Он не общался с ними, он просто излучал эмоциональное поле, точно так же, как ты и ваш приятель-транкс. А эти сумакреа или как их там, они...

— Они сами себя так назвали.

— Пусть так. Они просто догадались, какие чувства вы испытываете, разгадали вашу тоску, ваше желание вернуться домой и поэтому учтиво вызвались проводить вас назад.

— Извини, Эйми, но все было вовсе не так. Флинкс в действительности эмоциональный телепат, как и сумакреа. Он может устанавливать такую связь и с людьми. Он может сказать, какие чувства я испытываю в каждый конкретный момент.

Вандерворт насупилась.

— Такого не может быть, моя дорогая. Человечество изучало телепатию на протяжении вот уже более тысячи лет и сделало вывод, что телепатов просто не существует, даже на эмпатическом уровне. Я допускаю, что твой Флинкс способен излучать эмоциональное поле более интенсивно, нежели остальные, но чтобы читать чувства? Нет, ты что-то недопоняла.

Вандерворт выпрямилась, сидя в постели, а затем, откинувшись на подушки, покачала головой и принялась поглаживать больную руку.

— Просто он весьма наблюдательный молодой человек и наверняка способный убеждать, — продолжала Вандерворт.

Возможно, всему виной было охватившее Клэрити возбуждение, а возможно, желание во что бы то ни стало убедить подругу.

— Он подвергся генным изменениям, — выпалила она. — Надеюсь, ты когда-нибудь слыхала о запрещенной организации, так называемом Обществе Облагораживателей?

Если кто-то и способен понимать все с полуслова, так это Эйми Вандерворт — женщина-ученый с сорокалетним стажем работы в области генной инженерии, биомеханики и смежных наук, а также с большим опытом руководства научными исследованиями.

Что ж, Клэрити не постигло разочарование. Вандерворт отреагировала, как будто ее ужалили. Она тотчас выпрямилась и уставилась на коллегу, затем медленно откинулась на подушку. Так она и лежала, переплетая пальцы, пока до нее не дошло, что это может нанести вред больной руке. В раздражении она остановилась.

Когда она заговорила, голос ее звучал ровно, вежливо и сдержанно.

— Откуда у тебя такое предположение?

И никаких «милочка» или «дорогая моя». Холодный, деловой тон.

— Он сам мне сказал. — Клэрити пыталась вспомнить, как это произошло.

— Мы стали близки. Если не ошибаюсь, ему тогда хотелось излить кому-нибудь душу. Нет, не хотелось, а требовалось. Ведь с каждым годом ему все труднее удержать это в себе.

— Так значит, мой лучший генный инженер в свободное от работы время понемногу занимается психологией? А тебе не приходило в голову, что он просто хотел произвести на тебя впечатление? А может быть, просто морочил голову?

— Это вовсе не для того, чтобы производить впечатление. И тому у него есть доказательства гораздо более убедительные, чем самые лучшие из слов. По-моему, он пошел на эту откровенность

потому, что между нами возникла близость, а он хотел сохранить некоторую дистанцию.

— Какой, однако, обаятельный молодой человек! — задумчиво произнесла Вандерворт. — Разумеется, он прав. Вам непременно надо сохранять дистанцию. Держись от него на расстоянии, моя дорогая. Не позволяй себе чересчур увлекаться им, не дай вскружить себе голову.

Пришел черед Клэрити недоумевать.

— Но почему? Что в этом плохого? Неужели только из-за того, что шайке беспринципных мерзавцев взбрело в голову позабавиться с его ДНК еще до того, как он родился? Неужели он от этого сразу превратился в чудовище? Ты ведь сама сказала, какой он исключительный молодой человек — спокойный, вежливый, рассудительный, привлекательный. Правда, сам он так не считает. А еще отважный и мужественный. Ведь ради меня он подвергал себя опасности не раз и не два. Скажи, какое из этих качеств должно настораживать меня? Признаюсь, не всегда приятно думать, что мужчина рядом с тобой прекрасно знает, какие чувства ты испытываешь, но ведь он же неспособен читать мысли. И если он действительно тот, за кого себя выдает — эмоциональный телепат — я не вижу причин его опасаться.

— Ты для него просто находка, Клэрити. И вообще-то ты права. Если он всего-навсего эмоциональный телепат, тебе нет причин его опасаться. Но вот это как раз нам и неизвестно. Мы не знаем, мы не представляем себе, кем он может еще оказаться. Вдруг кем-то еще, в чем ему не хочется признаться? Или о чем он сам не догадывается? Ведь это так и есть — никто, включая его самого, не ведает, кем он может стать, несмотря на все его обаяние.

— Значит, ты полагаешь, что он может измениться и стать тем, кого следует опасаться?

— Я всего лишь хочу сказать, что раз дело касается результатов деятельности Общества Облагораживателей, ни в чем нельзя быть уверенным, ничего нельзя предсказать. Члены Общества принадлежали к числу самых талантливых генинженеров нашего времени. И одновременно самых неурав-

новешенных. Они пытались сотворить то, что никому бы никогда и в голову не пришло. И при этом совершенно не задумывались о последствиях. Большинство же их жертв вызывало содрогание. Лишь в некоторых из них угадывались человеческие существа. А несколько, считанные единицы, так и не были найдены. Так что тело и душа твоего молодого человека подобны бомбе с часовым механизмом. Только время взрыва неизвестно. Сейчас, возможно, он почти нормален, в зависимости от того, насколько этот эмпатический талант, который он себе приписывает, действительно присущ ему. Твой Флинкс может остаться нормальным еще долгие годы. А потом совершенно неожиданно могут дать знать о себе те изменения, что накопились в его душе и теле, во всей его личности. Как, по-твоему, почему деятельности Облагораживателей так быстро был положен конец?

— Потому что евгенические опыты над людьми запрещены самой Церковью.

Вандерворт лукаво улыбнулась.

— И не только поэтому, моя дорогая. Облагораживатели замахнулись на нечто такое, что превосходило их собственные возможности, они пытались вмешаться в святое святых человеческой природы. Они поставили себе задачу улучшить ее — уничтожить серьезные заболевания еще в генах, устранить последствия старения, увеличить физическую выносливость и повысить уровень интеллектуального развития. Что ж, это было бы прекрасно. Но они пытались производить и другие опыты. От некоторых становится страшно. Они пытались переделать человеческое тело, приспособить его для того, к чему оно вовсе не предназначено, к тому, что вовсе недостижимо для человека. Они пытались запустить ускоренный эволюционный механизм, чтобы перескочить некоторые стадии развития. Так что дело не ограничивалось только косметическими усовершенствованиями.

Вандерворт посмотрела на свою руку в пластиковом лангете.

— Слишком много, пугающе много их экспериментов кончилось позорным провалом. Для целого

ряда жертв смерть стала спасительным избавлением. Кое-что мне доводилось видеть своими глазами. Тогда я была еще молода и только начинала проявлять интерес к генной инженерии. Повзрослев, я, как это часто случается, обнаружила, что во мне проснулся какой-то патологический интерес к Обществу и его деятельности. Через эту стадию проходит любой, кто изучает генную инженерию. Люди пытаются докопаться до истины, что почти невозможно. А то, что удается узнать, наводит на мысль, что Облагораживатели в равной степени были блестящими учеными и безумцами. Это тот случай, когда научная мысль и инженерный талант словно срываются с цепи.

— Ты многое помнишь, — заметила Клэрити. — А что в конечном счете стало с ними? Я тоже кое-что читала, будучи студенткой. Интересно, насколько это соответствует тому, что знаешь ты.

— Ты имеешь в виду членов общества? Большинство из них были убиты во время схваток с миротворческими силами, когда те прибыли арестовывать их. Некоторые предпочли сдаться и пройти очистку сознания. В их числе был младший брат моей матери, — добавила Вандерворт, не дрогнув лицом. — Нет, он не принадлежал к узкому внутреннему кругу, просто разделял их взгляды.

Клэрити изумленно уставилась на старшую подругу.

— Я даже не подозревала, Эйми...

Вандерворт мягко улыбнулась.

— А как ты могла подозревать? Разве на мне написано, какой информацией я располагаю? И вообще, подобными штуками не принято хвастаться. Мой дядя был блестящим биомехаником. Нет, не гением, конечно, не первооткрывателем. Но он был специалистом высочайшего класса в своей области. Его спасло лишь то, что он был в числе сочувствующих Облагораживателям и не принимал непосредственного участия в незаконной деятельности Общества. Когда я была маленькой девочкой, он, бывало, рассказывал мне истории. Тогда они казались мне забавными. Вот ты сказала, что Флинксу было необходимо излить кому-то душу. Как мне

теперь кажется, моему дяде требовалось то же самое. Поэтому он исповедывался перед маленькой девчушкой, которая в то время имела очень смутное представление о том, что он рассказывает. Уверена, он даже и не предполагал, что в один прекрасный день я изберу себе то же поприще, что и он. И запомню многое из того, что он мне говорил. И вышло именно так. Дядя беспрестанно что-то твердил о древних земных философиях, сочинил историю о создании сверхлюдей. В его представлении они не знали, что такое боязнь или сомнения, были преисполнены жизненной силы, уверенности в себе, были способны побороть любые трудности, решить любые проблемы.

Клэрити с облегчением рассмеялась.

— Вот уж не о Флинксе будет такое сказано! Да, он сильный, но в пределах нормы. Я знала мужчин куда более сильных, чем он. Я знаю о его хворях, поэтому нельзя сказать, что он невосприимчив к болезням. Что касается умственного развития, то у него оно, конечно, повыше, чем у среднего молодого человека девятнадцати лет, но ведь можно привести десятки других факторов, способных повышать интеллект и влиять на развитие. Я провела в его обществе достаточно времени и ни разу не заметила, чтобы он выдвигал какие-нибудь заумные идеи или же пытался объяснить мне необъяснимое. В результате вмешательства Облагораживателей в его организм он получил лишь способность читать эмоции других людей, да и то я не взялась бы утверждать на сто процентов, что это дело рук сумасшедших гениев генетики. Не исключено, что наш Флинкс — просто естественный мутант.

— Все, что ты говоришь, вполне возможно, дорогая моя. Это и есть главная беда несчастных Облагораживателей, в том числе и моего дяди — они поставили перед собой великую цель, ради которой трудились, не покладая рук, но не создали ничего стоящего, напротив, навлекли на несчастных, которых пытались «облагородить», неисчислимые страдания. Правда, Флинкс, надо отдать ему должное, не производит впечатление несчастного человека. Да и внешне с ним все в порядке. Церкви и прави-

тельству пришлось изрядно потрудиться, чтобы засекретить сведения о тех подопытных, кого не удалось уничтожить, деформировать или хирургическим путем привести в подобное человеку состояние. То есть, о считанных единицах, буквально двоих-троих, из которых, возможно, получилось что-то еще. Нечто такое, чего не могли предвидеть даже сами Облагораживатели с их сумасбродным подходом к евгенике. Нечто совершенно невиданное.

— Как эмпатическая телепатия?

Вандерворт усилием воли заставила сесть себя прямо и потянулась к зачарованной Клэрити.

— А так как я имела личный интерес к их деятельности и их истории, то в первые годы самостоятельных исследований проводила в лаборатории, нежели мои коллеги. Я так и не утратила своего увлечения тем, что в конце концов составляет самую драгоценную и самую манящую область науки. Как признанный ученый и научный руководитель, я постоянно получала доступ к определенной информации, которую принято держать в секрете от широкой публики, да и от исследователей низших рангов.

Вандерворт взглянула на Клэрити, а потом снова опустила глаза.

— Я никогда не подозревала, я представить себе не могла, что кто-то из этих особенных людей до сих пор жив. Впрочем, интересно отметить, что даже спустя много лет в самых секретных документах Облагораживатели до сих пор фигурируют как действующая организация. Те подопытные, кого удалось спасти и реабилитировать, признаны нормальными людьми. По идее, белых пятен в этом деле уже не осталось, и тем не менее кое-что все же всплывает.

— И по-твоему, Флинкс — одно из этих пятен?

— Если то, что он утверждает, верно, то да.

— Скажи, а твой дядя рассказывал тебе об эмпатической телепатии или о чем-нибудь подобном?

— Нет, никогда. Но я расскажу тебе одну историю, которая наверняка заставит тебя задуматься. — Вандерворт поудобнее устроилась на больнич-

ной койке. — Существуют туманные упоминания об одном безымянном свидетеле, оказавшемся при захвате последней группы самых несгибаемых членов Общества. Случай этот имел место примерно шесть лет назад на какой-то заштатной планете. Правительство тогда решило, что приберет этого свидетеля к рукам, так же, как и остальных.

Вандерворт в упор посмотрела на Клэрити.

— Имеющиеся свидетельства допускают возможность того, что этот некто сжался в точку, увлекая за собой весь складской комплекс, группу миротворческих сил и членов Общества.

Клэрити еще долго смотрела в упор на Вандерворт, прежде чем нарушить тишину нервным смехом.

— Ну и бредни, скажу я тебе. Но даже если все это правда, какое отношение это имеет к Флинксу, ведь он сейчас здесь. Ты сама видела, как он ушел в административную часть. Он что, напоминает тебе точку?

— Нет, моя дорогая.

— Твоя история и все эти документы, судя по всему, имеют отношение к *кому-то другому*.

— Да, очевидно ты права. Само собой разумеется, хоть он и был втянут в эту историю, но в точку не сжался.

Больше она не сказала ничего, а продолжала сидеть в постели, дожидаясь, когда ее любимица уловит смысл ее намеков.

— Ты подразумеваешь нечто такое, что вообще лишено смысла.

— Я абсолютно ничего не подразумеваю. — Вандерворт следила глазами за передвижениями медицинского персонала через занавеску, отделяющую ее палату от соседней. — В любом случае он свободный человек, и кто он такой, а также чем занимается, вовсе не наше дело.

— Верно. — Клэрити даже удивилась, почему у нее отлегло от души.

— Ну, а теперь можешь бежать ему вдогонку. Только постарайся сохранить хотя бы маленькую дистанцию. Не забывай о том, что я тебе сказала и не теряй голову. Говорю тебе, детка, для

твоего же блага. Кто знает, может быть, он просто приятный молодой человек, наделенный даром эмпатической телепатии. Или не наделенный. Но если то, что он о себе заявляет, верно, то в любой день у него может открыться что-либо еще.

Клэрити поднялась со стула.

— По-моему, здесь ты ошибаешься. Мне кажется, я его хорошо изучила.

— Моя дорогая Клэрити, не ты ли мне рассказывала, что по его собственным словам, он сам себя толком не знает.

— Но как он мог быть тогда в том складе, раз сейчас он находится здесь, к тому же в полном здравии? Надеюсь, твоей руке уже лучше?

— Спасибо, милая. Я иду на поправку. Мы поговорим с тобой позже. Не забывай, что мы по-прежнему полноправные представителя фирмы «Колдстрайп». Так что относись к этому небольшому перерыву как к незапланированному отпуску, к тому же оплачиваемому. Я уже решила, что обращусь с просьбой об этом. Это касается всех оставшихся в живых сотрудников. Уверена, что наши спонсоры нас поддержат.

— В таком случае я могла бы немного развлечься. — Клэрити повернулась и направилась к выходу из лазарета.

«Да, милая девочка, — подумала Вандерворт, — иди, развлекись немного, только будь осмотрительной».

Их замечательный молодой человек не производил впечатления сжавшегося в одну точку. Он был целым и нормальным от макушки до пяток. Что ж, возможно, в прочитанный ею много лет назад отчет закралась ошибка. Или же попросту кто-то пытался замести следы, выдавая невообразимое за реальное. Из этого следовало, что в том разрушенном складе произошло нечто не поддающееся объяснению. И если Флинкс — тот самый некто, обозначенный в отчетах цифровым шифром, это означает одно. Он, не сжавшись до точки, уцелел в то время, как склад вместе со всеми, кто там был, нашел свой конец. Что же там произошло на самом деле в тот день и час?

Это гораздо интереснее какой-то точки. Ведь это наводило на некоторые интересные мысли.

Лежа в постели со сломанной рукой, Вандерворт располагала временем, чтобы хорошенько все обдумать.

Флинкс обедал один за пустым столом в окружении таких же пустых столов. Причина его обособленности стала ясна Клэрити, как только та вошла в административную часть. Перед Флинксом во всей своей красе лежала Пип, растянувшись во весь стол. Рядом присоседился Поскребыш. Оба летучих змея приподняли головы над столом, напоминая земных кобр, и слегка расправили крылья. Они выпрашивали пищу.

Флинкс неторопливо кидал им куски, а сам в это время попивал из высокого стакана какую-то темную жидкость. Клэрити решила, что это белковый напиток. Питательно, но безвкусно.

Неожиданно Клэрити поняла, что Флинкс ни разу не обсуждал с ней проблемы питания. Должно быть, он принадлежал к тем людям, для которых пища была не более, чем биологическим топливом. Этим же, наверное, объясняется его поджарость.

— Тебе привет от Эйми.

Флинкс *оторвал взгляд от стола.*

— Я рад, что ей лучше. А еще я рад, что здесь, наконец, все улеглось. Это значит, что как только все будет готово, мы без проволочек улетим отсюда. Меня ждут кое-какие дела, которые нужно уладить прежде, чем я вернусь сюда изучать сумакреа.

Клэрити подсела к нему, убедившись, однако, что между ними осталось расстояние.

— Флинкс, нам надо с тобой кое о чем поговорить.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, нахмурясь.

— Я вернулась к себе, в свой мир. Мне нет необходимости лететь куда-то дальше.

— Ты хочешь остаться здесь? После всего, что случилось?

Флинкс бросил небольшой соленый кусочек в сторону Поскребыша, наблюдая, как змееныш тотчас метнулся к нему, чтобы поймать на лету.

— Ведь здесь моя работа и мои друзья. Те, кому повезло остаться в живых. Здесь еще столько предстоит сделать! Восстановить архив, заново оборудовать лабораторию...

— Но какое тебе до этого дело? Ты ведь генинженер, а не строитель. Я постоянно думал о том, что мы оба говорили, что ты сама сказала по пути сюда, и потому решил, что, возможно, тебе захочется немного развеяться, совершив небольшое путешествие. Как ты смотришь на то, что это будет Новая Ривьера?

— Но это исключено, Флинкс. Конечно, я бы с радостью отправилась туда, честное слово. Ведь я всю жизнь мечтала о подобном путешествии.

— Что же, в таком случае, тебя держит? Для «Учителя» это пара пустяков, — Флинкс улыбнулся Клэрити такой доверчивой и невинной улыбкой, что у той защемило сердце. — Разве нам плохо было вдвоем, когда мы летели сюда в Аляспина?

Клэрити отвернулась от него, притворившись, что наблюдает за змеями, хотя на самом деле ей было трудно взглянуть ему в глаза.

— Это было чудесное время, но теперь мне снова пора за работу.

— Не понимаю. Ведь после всего, что ты пережила, твоя фирма наверняка не будет против отпуска. Если все упирается в деньги, если тебе неловко, я готов буквально за все заплатить.

Флинкс протянул к ней руку, но Клэрити слегка отпрянула. Это получилось совершенно машинально, помимо ее воли. И хотя жест ее был едва уловим, однако не ускользнул от Флинкса.

— Так, значит, дело в чем-то другом. Значит, все, что я только что сказал, не имеет отношения к предмету нашего разговора. Ты ведь только что отшатнулась от меня. Дернулась в сторону.

— Просто нервы сдают, вот и все. После стольких дней, проведенных в темноте, после всех этих похищений, побегов, стрельбы... У меня это не проходит так быстро, как у тебя, Флинкс.

Флинкс нагнулся, чтобы заглянуть ей в лицо. Клэрити показалось, что взгляд янтарных глаз пронзил ее насквозь.

— Так в чем же тогда дело? Признайся, Клэрити!

— Я уже сказала тебе.

Она жалела, что пошла на этот разговор. Поначалу ей казалось, что она сумеет повернуть его в нужное русло, но не сумела.

— Мне пора идти. Надо заняться кое-какими делами.

Но едва она повернулась, чтобы уйти, как Флинкс потянулся и довольно бесцеремонно схватил ее за руку. Он редко когда провоцировал первым контакт с другим человеком. От него не ускользнул ее испуганный вздох, и он тотчас почувствовал, как ее пронзил страх.

На этот раз это был страх вовсе не перед темнотой. Это был страх перед черной бездной иного рода.

— Признайся, с какой стати ты стала бояться меня? Я всегда старался держать тебя на некотором расстоянии от себя, как только мы становились чересчур близки. Но потом я решил, что все изменилось. Несмотря даже на то, что я рассказал тебе. А теперь все снова стало не так. Что случилось? Только не пытайся меня убедить, что я не прав.

— Я не могу, — ее голос прозвучал едва слышно. — Разве я смогла бы скрыть от тебя свои чувства, даже если бы захотела?

Флинкс отпустил ее руку.

— Нет, не смогла бы. И я ощущаю твой страх. Но он не так прост и однозначен. Ты запуталась в собственных чувствах, ты сама не знаешь, что в действительности ко мне испытываешь.

— Ну, пожалуйста! — умоляла Клэрити. — Не надо!

К собственному удивлению, она обнаружила, что вот-вот расплачется.

— Может, так оно и есть. Может, мне просто не по себе от того, что рядом со мной человек, которому все время известно, что я чувствую...

— Но это же бывает не все время. Моя способность то обостряется, то исчезает...

— А как мне в это поверить?

Клэрити повернулась и опрометью бросилась вон. Сидевшие за дальними столами проводили ее взглядами, потом переключили свое внимание на Флинкса и снова уткнулись в свои тарелки. Флинкс медленно перевел взгляд на стол перед собой. Уловив его внутренний дискомфорт, Пип выжидающе уставилась на него. Вскоре она снова принялась за еду, однако время от времени удивленно поглядывала на хозяина. Поскребыш, хоть и пребывал в недоумении, но все же продолжал есть с прежним аппетитом. Флинксу удалось сосредоточить свое внимание на кормежке летучих змеев только наполовину.

Интересно, что все-таки произошло? Отчего Клэрити так резко изменилась к нему? Ведь одно дело — принять решение остаться на работе, и совсем другое — испытывать страх. Флинкс, схватив ее за руку, ощутил в ней именно страх.

Во время их перелета с Аляспина на Тоннель она постоянно заигрывала с ним, а теперь этого как не бывало.

Судя по всему, эти перемены не имели ровным счетом никакого отношения к их мытарствам в темноте пещер нижних уровней Тоннеля. Исходящая от нее неприязнь была направлена на него, а не на совместно пережитые испытания.

Флинкс не сомневался, что сумакреа наверняка бы правильно интерпретировали ее чувства, но ведь ему еще далеко до их мастерства и тонкости восприятия. Поэтому Флинксу удавалось ощутить только терзающий ее страх, но не причины, его порождающие.

И именно в этот момент ему стало ясно, что он любит ее. А так как Флинкс до этого еще ни разу не влюблялся, это состояние было ему совершенно не знакомо. Вот почему он понял все с таким опозданием. Его любовь к Матушке Мастифф была совершенно другого рода, точно так же, как и его скованные чувства к женщинам вроде Аты Мун. На этот раз все было совершенно по-другому.

Поначалу ведь именно Клэрити старалась сделать их отношения более близкими. Именно она держала

палец на спусковом крючке страстей, а теперь ей вздумалось выйти из игры. Но ведь это несправедливо!

Флинкс с горечью обнаружил, что за годы, проведенные в изучении чувств других людей, он так и не смог подготовить себя к подобным испытаниям. Клэрити играла с ним, хотя должно было быть наоборот.

Но больнее всего его ранило то, что он никак не мог разглядеть истинных причин ее перемены к нему. Возможно, снова оказавшись среди друзей и коллег, Клэрити осознала, как все-таки ей не хватало их общества и их дружбы. Джейз остался в живых после нападения фанатиков. Может быть, ее отношения с ним на самом деле гораздо глубже, чем ему показалось вначале. И вообще, что она нашла в нем, зеленом еще юнце? Хотя, конечно, он вообще никогда не был зеленым юнцом.

Будь он такой, как все, не умей он читать эмоции, ему, возможно, удалось бы лучше справиться со всем этим. И без того больно, когда твою любовь отвергают, но куда больнее осознавать, что человек, которого любишь, тебя просто боится.

Ну почему он не такой, как все? Уж лучше быть в неведении, зато нормальным. Тогда ему не было бы так больно. Но в том-то и дело, что его талант просыпался именно тогда, когда ему безумно хотелось, закрыв глаза и заткнув уши, отгородиться от мира. И он никогда не срабатывал, когда Флинкс отчаянно в нем нуждался. Так ради чего тогда вся эта романтика?

По какой-то причине ей до него нет дела. Она даже боится его. Собственно, а почему бы и нет? Он ведь сам предостерег ее, сам в своем уродстве и расписался.

К тому же она старше его. Пусть ненамного, но уже пользуется уважением как ученый. Он спас ей жизнь, и в какое-то время она просто не знала, как бы ей получше выразить свою благодарность. Теперь же, среди друзей и коллег, где ей больше ничего не угрожает, она больше не нуждается в его защите. И

теперь в ее глазах он предстал таким, каким был на самом деле. Собственно говоря, ничего не изменилось.

В горле у Флинкса защипало. Глаза тоже будто огнем жгло. Вот так оно всегда. Возможно, для него так навсегда и останется, пора бы уже и привыкнуть.

Нужно свыкнуться с мыслью, что ты таков, каков есть и научиться вести себя как Трузензузекс или Бран Цзе-Мэллори — спокойно, рассудительно и хладнокровно при любых обстоятельствах. Ведь куда проще впитывать в себя новые знания, не тратя времени на дешевую игру страстей. В конце концов, именно он наделен исключительным даром ощущать чувства других людей. Поэтому глупо становиться жертвой своих собственных чувств.

Надо заканчивать обед — и прочь отсюда, вообще прочь из этого Тоннеля.

Флинкс сделал большой глоток белкового напитка с каротином. Жидкость проскользнула внутрь, холодная и безвкусная. Нет, вовсе ничего не изменилось. Перед ним по-прежнему целый мир, все Содружество — изучай, путешествуй. И он отправится исследовать миры, как первоначально и задумывал. Возможно, в один прекрасный день вспомнит эту историю как одну из многих в ряду его приключений. Знание, как вещь в себе. Знание, как умение проникнуть в чувства другого человека. Бесценный урок. Удивительно, как все, оказывается, просто! Надо только хорошенько призадуматься. Главное — сохранить в себе способность рассудительно разобраться в самых мучительных переживаниях.

Улетай отсюда. Включи голографическую карту и ткни пальцем наугад в любую еще неизведанную точку. Пусть это будет случайный выбор. Лишь бы только не Новая Ривьера, где тотчас одолеет расслабляющая лень, и не Аляспин, где на каждом шагу подстерегает опасность. Пусть это будет нечто среднее, место, дышащее нормальностью. Обыкновенный, счастливый, довольный собой мирок, весело смотрящий в будущее. Нечто вроде Колофона или Касастана, где никому не известно о нем и его

способностях, где ему не надо будет сознаваться, что он владелец космического судна, где у него будет возможность, затерявшись в толпе людей и транксов, незаметно для всех наблюдать и обретать зрелость.

Ему больше всего на свете сейчас хотелось обыденности, чтобы все оставили его в покое и никто не мешал ему. Однако, следует признать, это почти невозможно.

Флинкс продолжал сидеть за столом, довольный тем, что обрел, наконец, душевное равновесие, поборов мрачные мысли. Но его решительности как не бывало, когда ему показалось, что к столику возвращается Клэрити.

Но вместо Клэрити Флинкс оказался лицом к лицу с высоким мужчиной в униформе Службы Безопасности порта. Фуражка его была сдвинута на правое ухо, а правый рукав изорван полосками. Сквозь прорехи виднелся слой прозрачного дезинфектанта — видно врачи наскоро провели санацию раны.

— Это вы гость по имени Флинкс?

Пип поймала последний кусочек и проглотила его, не раскусывая. Офицер не замедлил обратить внимание на движение летучего змея, и Флинкс ощутил на мгновение вспышку страха.

— Теперь каждому встречному-поперечному известно, кто я, — вдруг до него дошло, насколько недружелюбно прозвучали его слова. — Извините. Мы с моими друзьями пережили тяжелые испытания. Подумать только, как быстро распространяются вести!

Это верно. Я — Фенг Кикойса, шеф местной Службы Безопасности, вернее, того, что от нее осталось.

На вид ему было немного за пятьдесят, он был еще крепок, как дюрасплав. Настоящий профессионал, которому по плечу служба на такой планете, как Длинный Тоннель.

— На геосинхронной орбите нами замечен корабль. Прибытие ближайшего судна ожидается только в конце месяца. Мне доложили, что это, возможно, ваш корабль.

Флинкс поводил пальцем под носом у Пип, наблюдая, как мини-драконша игриво пытается поймать его за палец.

— Сегодня у меня нет настроения вступать в препирательства. Скажите, я нарушил какие-то правила?

— Даже если бы и так, какая разница! Сейчас не до этого. Я даже рад, что вы сейчас здесь.

Флинкс повернул голову вполоборота и, прищурясь, взглянул на офицера.

— Приятно, однако, когда тебя все знают. Но мне почему-то кажется, что за этим что-то скрыто.

Флинкс уже догадывался, к чему клонит офицер.

— Вы производите на меня впечатление наблюдательного молодого человека. Наверняка от вас не ускользнуло, насколько ограничены здесь наши возможности. Мы никогда не предполагали, что нам когда-либо придется отражать вооруженное нападение. У нас не хватает техники, необходимых...

— Я всех заберу, — устало произнес Флинкс.

Офицер явно не ожидал, что юноша угадает его просьбу. Ему очень хотелось довести до конца свою заранее отрепетированную речь.

— Их не так уж много, — офицер говорил таким тоном, словно никак не мог поверить, что его просьба не вызывает возражений.

— Я сказал, что всех заберу.

Что же еще ему оставалось? Нельзя же улизнуть втихаря, оставив за собой шлейф дурной славы.

— Правда, особых удобств не обещаю. У меня ведь не пассажирский лайнер. На судне всего три жилых помещения.

— Куда бы вы ни поместили раненых, уверен, им все равно будет удобнее у вас, чем здесь. Наши врачи рекомендуют в качестве пункта назначения Большую или Малую Талию.

— Я бы, пожалуй, доставил их на Горису. Расстояние примерно такое же.

— На Горису? Я сам там ни разу не бывал, но наслышан о ней. В этом секторе Гориса известна всем. Что ж, не вижу причин для возражений. К тому же мы не в том положении, чтобы приказывать

вам или оспаривать ваши решения. Это ваше личное судно.

— Верно. Мое личное.

— Я доложу о вашем благородном согласии моим коллегам. Насколько мне известно, для некоторых пострадавших время — решающий фактор. А когда вы будете готовы к отлету?

— Хоть сию минуту.

— Какое благородство с вашей стороны!

Шеф охраны шел сюда в убеждении, что ему придется силой либо лестью вырывать согласие. Он был совершенно сбит с толку готовностью этого юноши прийти на помощь по первому зову. Собственно говоря, благородства тут было немного. Частично это объяснялось стремлением Флинкса сохранить защитную окраску, частично — желанием поскорее убраться с Тоннеля.

— Надеюсь, вы согласитесь захватить с собой официальное донесение о случившемся для властей? К сожалению, у нас даже нет описания судна, на котором сюда прибыли бандиты.

— Я отправлю ваше донесение по высокоскоростной связи, как только мы выйдем из сверхпространства, — заверил Флинкс офицера. — Сколько, по-вашему, мне понадобится сделать вылетов «шаттла», чтобы доставить всех на орбиту?

— Я взял на себя смелость и хорошенько рассмотрел ваш «шаттл». По-моему, двух рейсов будет достаточно. Вы возьмете с собой тех, кто лишился конечностей или внутренних органов. Здесь у нас, к сожалению, нет трансплантационных банков и регенерационной техники. Вместе с пострадавшими мы пошлем двух врачей, чтобы на время полета больные не остались без ухода. Право, я не знаю, как выразить вам мою...

— Не стоит благодарить меня. Любой на моем месте поступил бы точно так же.

Разумеется, это не совсем соответствовало действительности, но Флинкс не любил, чтобы его благодарили за доброе дело, даже когда он того заслуживал.

— Тем более спасибо.

Лейтенант повернулся и быстро зашагал из административной части. Флинкс не сомневался, что он торопится сообщить добрую весть начальству колонии.

Юноша методично осушил стакан жидкости и задумался.

Глава 15

Флинкс меньше всего ожидал увидеть Клэрити во время второго, последнего рейса «шаттла». Крошечное суденышко было набито до отказа, несмотря на заверения лейтенанта, что тяжело раненых будет немного. Но это не тревожило Флинкса. Какая разница, места хватит на всех. Жилые помещения уже заполнили койками и кислородными камерами, но вокруг фонтана все еще оставалось свободное пространство.

— Ты тоже ранена?

Клэрити поморщилась. Слова Флинкса прозвучали довольно резко, и он тотчас раскаялся.

— Нет, просто потребовалось отправить кого-то из официальных представителей компании. Необходимо передать отчет о нанесенном ущербе, чтобы потом приступить к заказу нового оборудования. Эйми пока что не в состоянии взять на себя эту миссию. Вот и послали меня, как ведущего генинженера. Вандерворт доставили сюда еще первым рейсом «шаттла». Да и потом там все разрушено, мне нечем заняться.

— Понятно.

Он повернулся, чтобы идти.

— Извини, — торопливо добавила она. — Я постараюсь не попадаться тебе на глаза. Прости, если сделала тебе больно.

— Мне? Больно? Не смеши меня. Посмотри, разве я похож на раненого?

— Флинкс!

— Прекрати. Я знаю, что ты меня боишься. Боюсь, я наговорил тебе лишнего. А кое-что ты даже видела своими глазами. Но у меня не было выбора. Без помощи сумакреа им ни за что бы не выйти назад.

Из-за плеча Флинкса выпорхнул небольшой, ярко окрашенный силуэт. Это Поскребыш снова устроился на шее Клэрити и затеял игру с косицей за ее ухом. Флинкс заметил, что она вплела в волосы золотистую нить.

— Между прочим, кто-то рад тебя видеть.

Флинкс не смог сдержать улыбки, наблюдая, как Поскребыш забавляется с белокурыми волосами Клэрити. Та, хихикая, потянулась рукой, чтобы погладить змееныша.

— Когда он устраивает возню, бывает ужасно щекотно. Он ужасно рад тебе. Ты могла бы позволить ему остаться с тобой. К тому же он успел неплохо изучить корабль.

Клэрити посмотрела на Флинкса. На какой-то момент страх перед Флинксом оставил ее.

— Спасибо тебе, — просто произнесла она.

Однако Флинксу уже пора было идти.

— Да ладно, забудем об этом, — произнес он.

Флинксу не особенно хотелось заводить с Клэрити разговор. Впереди был долгий путь сквозь сжатое пространство. Жилая же зона «Учителя» была слишком мала, а корабль переполнен. Находиться все время на мостике не было никакой необходимости, и Флинкс обнаружил, что у него масса свободного времени, проводить которое совершенно негде, кроме своей спальни. Но он не был таким нелюдимом, каким себе казался. Поэтому его встречи с Клэрити происходили довольно часто.

Они постепенно начали разговаривать, правда, теперь уже без той игривой интимности, которая сопровождала их прежние отношения.

Поначалу оба нервничали. Вторая встреча прошла довольно гладко, третья — непринужденно. Это радовало Флинкса, ведь если расставаться, то лучше друзьями.

Несколько раз Флинксу казалось, что она вот-вот начнет изливать душу, попытается объяснить при-

чину своего страха и неуверенности, но в последний момент она сдерживалась и меняла тему разговора. Если ей в чем-то хочется признаться, она все равно это рано или поздно сделает. Но он вовсе не был уверен, что захочет ее выслушать.

Большая и Малая Талия были по сравнению с Горисой основательно обжиты, а их жители страдали скукой и пресыщенностью. Репортажи о вооруженном нападении на научно-исследовательскую станцию наверняка встряхнут сонную публику. А когда прибудут раненые и их сопровождающие, то к ним наверняка хлынут потоком назойливые и дотошные репортеры вперемежку с секретными агентами. В отличие от обеих Талий Гориса не страдала от недостатка сенсаций, и факсы ее информационных агентств пекли новости двадцать четыре часа в сутки. Гориса была наглядным примером быстрорастущей колонии. Ее недра изобиловали тяжелыми металлами, океаны — дарами моря, а плодородные аллювиальные почвы как нельзя лучше способствовали развитию сельского хозяйства. Сама планета находилась на окраине Содружества по соседству с выступом Империи Ааннов и довольно далеко от края Галактики.

Гориса превратилась к этому времени в кишащий человеческий улей с населением более ста миллионов. Основная часть населения размещалась на втором по величине континенте, но еще с десяток быстро развивающихся городов были разбросаны по четырем другим материкам. Климат был умеренным, атмосфера богата кислородом, а сила тяжести чуть меньше земной, что было почти незаметно. Каждый новый день сулил прибывающим сюда иммигрантам радужные перспективы на будущее.

На этой планете, которой прочили судьбу самого процветающего мира Содружества, соперничали сто шестьдесят информационных и развлекательных каналов.

Прибывшие группы пострадавших исследователей и обслуживающего персонала с далекой пограничной колонии для крупнейших агентств новостей не заслуживали даже упоминания. Правда, один-единственный дотошный репортер заинтересовался,

каким образом девятнадцатилетний юнец без громкого имени и без жизненного опыта сумел обзавестись собственным космическим судном. Причина же, которая привела Флинкса на Горису, показалась репортеру не столь интригующей. Впрочем, в сумятохе прибытия и прохождения таможенного досмотра Флинкс потерял его из поля зрения.

Оунгрит был восьмимиллионным гигантом с тремя крупными космопортами и всем, что к этому полагается на планете, где не стесненные в средствах конкуренты наступали друг другу на пятки.

На Большой и Малой Талии раненым был бы, возможно, обеспечен чуть лучший уход, зато на Горисе их приняли без проволочек и лишних вопросов, ведь среди крупных лечебных учреждений планеты существовала жесточайшая конкуренция.

В распоряжение Эйми Вандерворт были предоставлены с полдесятка каналов космической связи для передачи доклада, который подготовила Клэрити. И еще до того, как с борта «Учителя» был доставлен последний раненый, в ее палате вовсю кипела разработка планов восстановления на Тоннеле исследовательского комплекса.

«Колдстрайп» был единственной фирмой, сильно пострадавшей от рук фанатиков. Понесли урон некоторые университеты и исследовательские институты. Требовалось поставить обо всем в известность Первого Советника Объединенной Церкви и власти Содружества. Очень быстро нашлось занятие буквально для каждого.

Клэрити наблюдала, с каким достоинством и уверенностью держал себя Флинкс в этом сложном и лихорадочном мире Горисы, и с каждым часом проникалась все большим уважением к своему спасителю. Он вел себя так, будто всю свою жизнь имел дело исключительно с торговцами-толстосумами и самодовольно-чванливыми бюрократами. Его манеры всегда оставались ровными. В них не было ни развязности или нахальства, ни заискивания перед чиновниками. Флинкс был учтив и почтителен. Но умел стоять на своем до конца, особенно если вопрос

представлял для него особую важность. И при этом ему удавалось вести переговоры, не выдавая себя. Ему потребовалось целых десять лет, чтобы овладеть таким искусством. Правда, высокий рост теперь был помехой для того, чтобы, когда надо, оставаться в тени. Рыжая шевелюра тоже привлекала излишнее внимание. Он даже стал подумывать, не перекрасить ли ему волосы в более спокойный цвет. Но поскольку на Горисе в моде были яркие цвета типа электрик, он не стал этого делать.

Клэрити казалось, что она начала понемногу понимать Флинкса: то, как работал его ум, почему именно так он держал себя на людях и чего в действительности ему хотелось. Его юные годы и внешность многих вводили в заблуждение. Но Флинксу, как она подозревала, это было только на руку. Уж кому, как не ей знать, что за этими невинными зелеными глазами скрывается уникальный по своим возможностям ум, не знающий ни минуты покоя.

Флинкс рассказывал ей о своем трудном детстве. Интересно, стояло ли за этим нечто большее, чем желание выговориться? А может быть, он и в самом деле был милым, обыкновенным молодым человеком, пусть даже с редким талантом и пытливым умом?

Несмотря на все предостережения Вандерворт, Клэрити была уверена, что во Флинксе нет никакой потенциальной элокачественности. И разве не естественны ее опасения, если он сам страшится своей сущности?

Клэрити наблюдала, как он без лишней суеты помогал ухаживать за ранеными, как умел ободрить тяжелобольных. Чем дольше его не трогали, тем большее внимание он уделял остальным. Порой казалось, что он стесняется своего сочувствия к людям и особенно того, что кому-то оно может показаться чрезмерным.

Клэрити все больше убеждалась, что опасения Эйми необоснованы, а ее предостережения беспочвенны. Этот молодой человек заслуживал, чтобы его любили, даже жалели, но ни в коем случае не боялись.

Наконец-то сломанной рукой Вандерворт занялись первоклассные врачи.

Эйми и другие высшие представители колонии доложили обо всем местным властям, а те, в свою очередь, связались с Большой Талией. К Длинному Тоннелю было отправлено судно с миротворческими силами для расчистки завалов и поисков оставшихся в живых бандитов. Это был в большей степени широкий жест, нежели практическая мера, но широкие жесты зачастую оказываются очень важны для поддержания авторитета правительства среди населения. Вот почему на борту корабля в полной боеготовности находился корпус морских пехотинцев, несмотря даже на то, что уже некому было против них воевать.

Вандерворт сумела связаться также со спонсорами фирмы. Они расстроились не так сильно, как предполагала Клэрити, но в конце концов, она была генинженером, а не менеджером.

Большую часть убытков покрыла страховка. Невосполнимыми оказались лишь потери ведущих специалистов. Однако все с облегчением вздохнули, узнав, что Вандерворт, Хельд, Джейз и большинство исследовательского персонала остались в живых.

— Мы для них на вес золота, моя милая, — сказала Клэрити Вандерворт по видеосвязи. — Погоди, мы еще получим деньги за риск и щедрые премии. Возможно, мы лишимся части сотрудников, но смею надеяться, что большинство из них предпочтет сохранить за собой свои должности. Вскоре они вернутся к своей работе. А каковы твои планы?

— Я не собираюсь уходить, Эйми. Мне хочется вернуться на Тоннель, и чем скорее, тем лучше. Я бы хотела продолжить то, что прервано, и предложить кое-какие новые идеи.

Вандерворт улыбнулась ей с плоского экрана.

— Я так и думала, что ты сумеешь разглядеть новые перспективы, правда, слегка сомневалась. Ты даже себе не представляешь, какой камень свалился с моей души, когда я это услышала! Я тебе обе-

щаю — вскоре ты разбогатеешь и прославишься. И это при твоей молодости!

Вандерворт посмотрела куда-то в сторону.

— Мне бы хотелось, чтобы ты осмотрела нашу временную штаб-квартиру. Я буду координировать оттуда приобретение нового оборудования и инструментария. Мы уже приступили к закупкам.

Эйми нажала несколько кнопок, и на экране загорелся ряд цифр, из которых можно было узнать расположение штаб-квартиры в деловом пригородном районе к северу от Оунгрита. Теперь Клэрити будет легче связаться с начальством.

— А почему бы тебе не заглянуть ко мне сегодня вечером?

— Вообще-то я планировала встретиться с Флинксом.

Вандерворт изумленно приподняла брови.

— А я полагала, что ты по моему совету будешь держаться от этого молодого человека подальше.

— Я так и делаю. Но мне непонятно, что страшного в том, что я изредка навещаю его. Хоть он и держится молодцом, ему здесь очень одиноко. И вообще, Эйми, мне кажется, что ты не права. Если он для кого-то и опасен, так это для самого себя.

Вандерворт вздохнула.

— Я же говорила тебе, что если сейчас он и не представляет никакой опасности, то это вовсе не значит, что так будет продолжаться всегда. А вообще-то, какая разница? Сегодня он тоже будет у меня. Я послала ему приглашение, и он его принял. Поэтому, если хочешь, можешь повидать его у меня. Удобно и тебе, и мне.

Что-то в голосе Вандерворт заставило Клэрити насторожиться. Она хотела было задать еще пару вопросов, но передумала. Ведь Флинкс уже принял приглашение посетить их центр.

— Ладно, договорились. Я приду. Жди.

— Прекрасно. Как мне кажется, от этого зависит твое будущее. Для меня это тоже важно, моя дорогая.

Клэрити расплылась в улыбке.

— Уж не собираешься ли ты повысить меня в должности или что-нибудь в этом роде?

— Какая ты догадливая, моя милая. Верно, что-то в этом роде. Жду тебя около девяти по местному времени.

— До скорого.

Вандерворт отключила связь, и Клэрити оставалось только гадать, какое повышение замыслила для нее директриса. Она ведь и без того была ведущим генинженером целого отдела и к тому же представляла для их лаборатории слишком большую ценность, чтобы ее ни с того, ни с сего протолкнули на управленческий пост. Но, в конце концов, Эйми не говорила, что это именно повышение. Она просто сказала: «Что-то в этом роде«. Любопытно, очень любопытно. Но Эйми всегда была любительницей сюрпризов.

Ужин в ресторане отеля был великолепным, хотя и немного тоскливым. «Колдстрайп» на расходы не скупился. Это было скорее отражением старой корпоративной политики, нежели воздаянием за пережитые испытания. Как когда-то заметила Эйми, персонал был дороже оборудования. И теперь фирма намеревалась сохранить ее, Джейза и всех остальных в работоспособном состоянии.

Клэрити доехала до узловой северной станции, пересела на местную линию и, наконец, взяла роботакси, чтобы добраться до места.

Временная штаб-квартира «Колдстрайпа» располагалась в только что выстроенном здании посреди искусно разбитого парка.

Ни один из корпусов не поднимался выше крон деревьев, привезенных из разных уголков Содружества. У входа в штаб-квартиру, словно часовые, застыли два раскидистых клена с красновато-ржавыми листьями. Вывеска над парадной дверью извещала, что здание арендовано компанией «Дакс Энтерпрайз«. Клэрити сначала удивилась новому названию фирмы, но, подумав, решила, что смена вывески вызвана скорее всего соображениями конкуренции. Строчки слегка разъехались вкривь и вкось — следовало хорошенько настроить электронный экран.

Наступила ночь, и в просторном холле было пусто. Почти все соседние конторы закрылись до

следующего утра, а те немногие, на которых еще светились вывески, располагались в дальней части комплекса.

На вахте никого не оказалось, да собственно, «Колдстрайп» и не нуждался в подобной роскоши.

Клэрити при помощи служебного удостоверения прошла через несколько автоматических контрольных постов и, наконец, встретила Эйми Вандерворт, едва не столкнувшись с ней нос к носу у дверей ее офиса.

— А ты вовремя. Молодчина.

— Вовремя? Да ведь рабочий день окончен. Кстати, как твоя рука?

Вандерворт подняла недавно перебинтованную руку.

— Как видишь, больше не надо держать ее в лангете. Повязка, правда, тоже весьма неудобна, ну да ладно. Рука ужасно чешется, но надеюсь, что это вскоре пройдет.

— Мне бы хотелось посмотреть, каких успехов мы уже достигли. Скажи, спонсоры дали согласие приобрести для лаборатории новый моделирующий проектор «Сентеген»?

— Вечно ты со своими игрушками.

Вандерворт, вместо того, чтобы пойти с Клэрити в склад позади офиса, повела подругу к боковой двери.

— Проектор еще не привезли, но уверена, что его доставят со дня на день. Спонсоры не вмешиваются в наши дела, и я могу заказывать что угодно. Главное — как можно скорее возобновить наши работы на Длинном Тоннеле. Правительство согласно выделить для нас бесплатную охрану. Между прочим, оно пошло и на другие уступки. Даже готово снизить для нас сумму страховых отчислений.

Вандерворт вставила в прорезь соседней двери электронную карточку. Клэрити еще ни разу такой не видела. Карточка была совершенно нового образца и неярко светилась. Дверь сию же секунду открылась, и они оказались на ступеньках лестницы, ведущей вниз.

— Еще один склад? Я думала, с нас хватит тех, что наверху.

Вандерворт улыбнулась.

— Это для особо ценного оборудования.

Лестница изогнулась на девяносто градусов. Еще один пролет и обе женщины оказались в ярко освещенном помещении. Поскольку они были в подвальном этаже, окон в комнате не было, одни только голые стены. С потолка свивали провода, вдоль стен тянулись вентиляционные и водопроводные трубы. Было такое впечатление, что это помещение соорудили напоследок, в ужасной спешке.

Один конец комнаты был приспособлен для временного жилья — там стояла пара раскладушек, холодильник, умывальник, туалетный столик и небольшой шкаф. А еще там оказался здоровенный детина, который, увидев их, выставил перед собой весьма внушительных размеров пистолет. Как только охранник узнал Эйми Вандерворт, он тотчас опустил его.

— Мое почтение, мадам!

— Привет, Дабис.

Клэрити заметила на одной из раскладушек второго мужчину. Он лежа смотрел на вмонтированный в стену телеэкран. Незнакомец даже не соизволил подняться или обернуться. Судя по звукам, он смотрел спортивную передачу.

— Все в порядке? — спросила Вандерворт, спускаясь с последней ступеньки, и двинулась было через всю комнату.

— Тихо, как в морге, — ответил громила и в упор, недобрым взглядом уставился на Клэрити.

Та отвернулась в сторону.

— Что это у вас такое? Какая-нибудь засекреченная лаборатория? Мы что, будем теперь производить наркотики?

— Ни то, ни другое, милочка. То, что перед тобой, всего лишь промежуточная станция. Короткая остановка на пути к славе и богатству, которого нам бы никогда не достичь, останься мы в «Колдстрайпе».

Клэрити недоуменно воззрилась на начальницу.

— Я вас не совсем понимаю. А где же Флинкс? Ты говорила, что он будет здесь.

— А он и так здесь, милочка.

Вандерворт подошла к свисающей с потолка плотной занавеске и отдернула ее в сторону. За ней стоял на столе огромный восьмиугольный контейнер из серой пластостали. По виду он напоминал огромных размеров гроб. Поверхность его была пупырчатая, скользкая и холодная. Рядом с первым контейнером стоял второй, из такого же материала и длиной метра в полтора. По форме он был точно такой же, как и первый, только выкрашен в бежевый цвет.

В боковой стенке серого контейнера была контрольная панель, на которой посвечивали квадратики датчиков. Вандерворт быстро пробежала по ним пальцами. Послушный команде, негромко заурчал мотор, и серая крышка наполовину отъехала.

Клэрити, будто ее подстегнули, бросилась к ящику и вперила взгляд в прозрачный плексосплав внутреннего контейнера. Внутри у нее все похолодело.

В саркафаге покоился Флинкс. Глаза его были закрыты, а руки скрещены на груди, словно у древнеегипетской мумии. Ниже перекрещенных рук, свернувшись плотными яркими кольцами, лежала Пип, а по соседству с ней примостился ее крошечный отпрыск.

Клэрити резко обернулась к Вандерворт.

— Он умер?

— Вовсе нет, — Вандерворт рассмеялась, и для Клэрити это стало не меньшим шоком, чем вид Флинкса в саркофаге. — Он всего лишь спит.

Вандерворт прошлась вдоль стола и положила руку на бежевый контейнер.

— А вот это следит за тем, чтобы они спали.

— Лучше объясни мне все как следует, — сказала Клэрити и удивилась, услышав враждебные нотки в собственном голосе.

Вандерворт проигнорировала ее тон.

— Мне никогда не забыть одну вещь из того, что рассказывал мой дяля. Это страх перед непродуманным подходом Облагораживателей к евгеническим операциям. Он всегда опасался, что у тех, кто подвергся генным манипуляциям, могут развиться не-

предсказуемые способности. Мои действия — не более, чем результат вполне понятной предосторожности, раз уж мы столкнулись с таким случаем.

Вандерворт внимательно посмотрела на серый саркофаг из пластика.

— Даже если наш юный друг вполне нормален, как он сам о себе заявляет и как кажется тебе, его питомцы далеко не такие и с ними нужно обращаться с предельной осторожностью. Ты ведь сама мне все рассказывала, когда описывала ваше бегство с Аляспина. — Вандерворт улыбнулась *Клэрити*. — К счастью, наш юный друг старался привлекать к себе как можно меньше внимания, это сыграло нам на руку. Вряд ли кто спохватится и будет его искать. Обедал он в заурядных ресторанчиках, ездил обыкновенным транспортом и, что самое главное, останавливался в гостиницах попроще. Не слишком дорогих, но и не слишком дешевых. То есть, в таких, где легко при необходимости дать взятку. Ну, а так как я специалист в области управления, мне не составило труда подыскать себе помощников. Я уже представила тебе Дабиса. А джентльмен на кровати фигурирует под именем Монконкви.

Названный персонаж так и не удосужился оторваться от экрана.

— Они дали мне ряд полезных советов, раздобыли необходимое оборудование и обеспечили захват. В вентиляционную систему гостиницы был пущен специальный газ без цвета и запаха. Мы предприняли дополнительную предосторожность — пока наш юный друг спал, сделали ему на всякий случай инъекцию. Твой рассказ заставил меня предусмотреть все до последней мелочи. Поначалу мы опасались, что газ будет неэффективен против его чешуйчатых друзей, но в конце концов удалось справиться и с ними. Дабис хотел разделаться с ними на месте, поэтому мне пришлось объяснять ему связь между человеком и летучим змеем, ведь это важнейшая часть будущих исследований. Как можно проводить эти исследования, если половина подопытных мертва?

— Будущие исследования? О чем ты говоришь, о каких еще исследованиях?

Вандерворт, проигнорировав вопрос Клэрити, продолжила свою речь.

— Как только мы их анестезировали, нам не составило труда поместить их в специальный контейнер. Обычно такими пользуются в зоопарках и подобных учреждениях для транспортировки опасных животных. Как мне кажется, наш юный друг и его питомцы отлично вписываются в эту категорию. Мне очень не хотелось, чтобы он оставался в полном сознании в тандеме со своими змеями. Спокойнее, когда они там, где не представляют опасности для окружающих. — Вандерворт постучала ладонью по бежевому контейнеру. — Здесь хранится усыпляющий газ и оборудование для получения дыхательной смеси. Подача газа отрегулирована таким образом, чтобы исключить всякую угрозу для здоровья содержимого серого контейнера. Собственно говоря, оба контейнера представляют собой не что иное, как уникальную систему жизнеобеспечения. Отверстия с другой стороны позволяют производить внутривенное питание, не нарушая при этом целостности системы. И не надо впадать в истерику. Флинкс со своими друзьями отдыхает, погрузившись в глубокий сон. Уверяю тебя, любой из нас может только мечтать о подобном блаженстве. Эта система разработана специально для того, чтобы самые ценные образцы оставались в отличном состоянии.

— Но ведь он не образец!

Клэрити не могла больше сдержать возмущения и горечи.

Вандерворт надулась.

— Дорогая моя, по-моему, ты говоришь это, поддавшись минутному порыву. Должно быть, тебе еще не ясно, какие перед нами открываются возможности. Этот молодой человек способен в буквальном смысле озолотить нас. А если он окажется сговорчивым, то и сам как следует заработает.

— Сомневаюсь, чтобы это его особенно интересовало. Какое ему дело — озолотитесь вы или нет.

Вандерворт пожала плечами.

— Люди частенько говорят, что им не нужны деньги, но лишь до тех пор, пока им не предоставит-

ся возможность хорошо заработать. Однако меня настораживает, что ты не проявляешь должного интереса к нашему проекту. Ведь насколько нам известно, твой молодой человек на сегодняшний день — единственный продукт деятельности Общества, который находится в своем уме. По-моему, ты должна сгорать от восторга и любопытства.

— А я и так сгораю. Но это вовсе не значит, что теперь я должна без всякого на то разрешения с его стороны начать копаться в его мозгах и нервной системе. Он такой же человек, как и все, точно так же наделен правами...

— Ну конечно! — Вандерворт отмахнулась от ее возражений. — Можно подумать, что я не знакома со всеми этими строгими предписаниями! Но сейчас мы скорее имеем дело с исключением из правил. Таким исключением, которое стоит того, чтобы во имя высоких целей пожертвовать кое-какими формальностями.

— А что если он окажется несговорчивым? Об этом ты подумала?

И снова в ответ улыбка, но такая, от которой мороз шел по коже. Куда более зловещая, чем у Дабиса.

— Дорогая моя, хочется думать, что я предусмотрела все. Смею предположить, что он окажется сговорчивым в конечном итоге. Если нет — есть способ склонить его к сотрудничеству, не прибегая к физическому принуждению. Например, он привязан к своим питомцам. Я имею в виду настоящую, серьезную привязанность, а не только уникальные эмоциональные узы, которые существуют между ними. И если я не склонна подвергать его опытам вопреки его собственной воле, то что касается змеев, здесь вряд ли уместно снисхождение.

Клэрити попыталась взять себя в руки.

— А ведь я так тебя любила, Эйми. Ты была для меня вроде приемной матери.

— Ты мне льстишь, но я все же предпочла бы в твоих глазах оставаться лишь товарищем по совместным исследованиям. — Вандерворт кивком указала на саркофаг. — Наш юный друг торопится познать самого себя, потому что еще не понимает

собственного «я». Это естественно. Конфликт, раздирающий его изнутри, обусловлен социальными, а вовсе не биологическими причинами. Но как только ему помогут осознать это, по-моему, он первый пойдет нам навстречу. Мы непременно обеспечим ему для жизни самые благоприятные условия, он получит от нас все, что только пожелает. Ну, а кроме того, он будет сотрудничать с преданными своему делу профессионалами, главная цель которых — помочь ему познать самого себя. Не сомневаюсь, что он будет нам только благодарен. Ему не надо будет больше скрываться от окружающих, бежать прочь от мира. Мы спрячем его подальше от правительственных бюрократов, которые хотят одного — привести его в «норму».

Внезапно Клэрити осенило, словно где-то в глубинах ее сознания открылось окошко.

— И мое новое назначение заключается в том, чтобы выступать в роли наставника и наблюдателя?

— А что еще, скажи на милость, ты бы хотела?

— Но ты не будешь пытаться сделать из меня часть того, что он пожелает?

Вандерворт даже бровью не повела.

— Если твое присутствие в лаборатории, которая только еще создается специально для проведения этих исследований, потребует чего-то дополнительного, уверена, наша фирма найдет чем отблагодарить тебя за это.

— Единственное, чего я хочу, так это выяснить, какую роль ты отводишь мне в этом эксперименте. Предположим, Эйми, что ты просчиталась, и он отвергнет любое из твоих щедрых предложений? Что, если ему хочется только одного — чтобы никто не лез ему в душу? Что если для него это в тысячу раз важнее твоего желания «расширить границы человеческих знаний» с целью личного обогащения?

— Но ведь он тоже на этом неплохо зарабатывает! — в голосе Вандерворт звучала обида. — Ему достанется куш побольше, чем другим. Я в этом совершенно уверена.

— А я нет. К тому же я отказываюсь верить, что наши спонсоры согласятся на проведение подобных экспериментов, ведь у меня была возможность

встретиться с некоторыми из них, когда я устраивалась на работу. Они не производят впечатления людей, готовых ввязаться в подобную авантюру. Они, конечно, были бы не против, если бы их имена прогремели бы в связи с крупным научным открытием. Не сомневаюсь, что они не отказались бы на этом хорошенько заработать. Но у меня в голове не укладывается, чтобы те люди, с которыми я разговаривала, дали свое согласие на похищение как неотъемлемую часть задуманного.

— Дорогая моя, а ты резка. Хотелось бы думать, что мы все-таки помогаем этому несчастному как следует разобраться в себе. Ладно, так уж и быть, признаюсь, что «Колдстрайп» не имеет к этому никакого отношения. Так что ты по-своему права.

Клэрити тотчас насторожилась.

— А кто же тогда?

— Все наши расходы взяла на себя компания «Скарпания Хаус». У меня там уже в течение многих лет есть кое-какие знакомые. Это, можно сказать, залог выжидания в мире бизнеса — иметь на черный день запасной вариант. «Скарпания» в сотни раз крупнее «Колдстрайпа». Она обеспечила нам частное космическое судно, таможенное разрешение на вывоз чего угодно, предусмотрено все до последней мелочи. Как только я объяснила им, что поставлено на карту, они с готовностью пошли мне навстречу. В том числе, предоставили кредиты. Я все еще уверена, что ты не до конца разобралась, какие перспективы открываются перед нами. Ты только представь себе, что мы наблюдаем в соответствующих условиях, как развивается и взрослеет наш молодой человек. И даже если он не проявит никаких новых талантов, пристальное изучение его дара эмоциональной телепатии останется для нас достаточной гарантией того, что мы не останемся без работы до конца наших дней. А так как у тебя с ним отношения еще и иного рода, то ты как никто другой подходишь для проведения этих исследований.

— Мне понятно, к чему ты клонишь, Эйми, но я скажу тебе сразу, что отказываюсь ввязываться в эту историю. Тебе понятно?

— Подумай как следует, моя дорогая. Посмотри на мое предложение непредвзято. Постарайся пробудить в себе здоровое любопытство ученого.

— Я не собираюсь обхаживать его, чтобы ты потом замеряла и анализировала его реакцию, — с горечью произнесла Клэрити. — Неужели, по-твоему, я тоже нечто вроде того транквилизатора, который ты впрыснула ему, чтобы он не слишком переживал свое положение подопытного кролика?

Вандерворт отошла в сторону от бежевого контейнера.

— По крайней мере, теперь ты знаешь, что от тебя требуется. Уверена, что ты в итоге примешь правильное решение, хотя бы потому, что ему без тебя не обойтись. Я призываю тебя не поддаваться минутному настроению, а все хорошенько и не торопясь обдумать. Ведь помимо всего прочего, он весьма симпатичный молодой человек, хотя изо всех сил старается не выставлять этого напоказ.

— Я не орудие в твоих руках. Меня не купить за деньги.

На этот раз Вандерворт искренне изумилась.

— А это мы еще посмотрим, моя дорогая. Я ведь еще не сделала тебе конкретного предложения. Подумай вот о чем. Если ты вернешься в «Колдстрайп», я не стану препятствовать. Но тогда ты не узнаешь, что же стало с нашим драгоценным Флинксом — как он развивается, какие таланты проявляет, а главное — ты никогда не узнаешь, кто занял твое место около него.

Клэрити думала, что это какое-то наваждение. Неужели перед ней Мамочка Вандерворт, неужели это она с таким спокойствием раскрывает перед ней карты в преступной игре? Нет, такое случается только в телепередачах. Просто не верилось своим собственным глазам, которые говорили, что на столе слева от нее в саркофаге лежал Флинкс, неподвижный, как покойник.

Клэрити не сомневалась, что Вандерворт выложила ей всю правду. И если она не согласится, то Вандерворт и те, кто за ней стоит, постараются уговорить кого-нибудь еще занять ее место в сердце

Флинкса. Они не остановятся до тех пор, пока не найдут требуемое сочетание ума и красоты. И пусть той другой не будет никакого дела до Флинкса, зато она не станет задавать лишних вопросов. Если Клэрити не безразлична судьба Флинкса, ей ничего не остается, как согласиться с предложением своей начальницы поработать на «Скарпанию». Хотя бы временно, пока у нее не созреет какого-нибудь решения. Или пока не подвернется случай вырваться из цепких лап Вандерворт. Главное — выиграть время.

— Мне бы хотелось знать — чисто теоретически — что будет, если я отвергну твое предложение и поставлю в известность обо всем власти Горисы.

Голос Вандерворт даже не дрогнул.

— Вот чего бы я тебе не советовала, моя милая. Независимо от того, что ты думаешь обо мне в эту минуту, за время нашей совместной работы я сильно привязалась к тебе. В моих глазах ты всегда останешься талантливым генинженером, к тому же наделенным редким даром увлекать за собой других.

Вот и все. Больше Вандерворт не добавила ни слова. Никаких угроз, ни явных, ни скрытых. Лишь вкрадчивая просьба, подкрепленная, правда, присутствием Дабиса и Монконкви и их оружием.

— Допустим, я сделаю вид, что согласна на все твои предложения, а сама потихоньку улизну и донесу обо всем Церкви.

Вандерворт на минуту задумалась, а затем кивнула.

— Что ж, не исключаю, что ты способна на такой шаг. Тебя всегда отличала находчивость, и к тому же ты далеко не тот наивный ребенок, каким пришла в нашу фирму. Возможно, тебе удастся найти падре, способного поверить в твою историю. Но к тому времени, как начнутся поиски, мы и молодой спящий человек будем уже далеко отсюда в надежном месте. Вы даже не сможете проследить, куда мы исчезнем, ни ты, ни Церковь. Лично я спокойно отношусь к дополнительным расходам, а вот «Скарпания» — вряд ли. А поскольку у тебя вряд ли найдется сумма, способная возместить ущерб, бо-

юсь, что они будут вынуждены прибегнуть к сведению счетов.

Клэрити исчерпала свои аргументы и поникла. Вандерворт тотчас поняла, что ей удалось добиться своего и она с большим трудом сдержала довольную улыбку. Теперь ее юная подруга ограничится эмоциональной реакцией, а это не страшно.

Флинкс привык к странным сновидениям. Этот сон не был исключением. Он ощущал себя парящим где-то под поверхностью озера с кристально чистой водой. Пип примостилась рядышком с ним, а вместе с ней и Поскребыш. Но никто из них не плыл. Никто не дышал. Они словно находились в подвешенном состоянии под гладкой зеркальной поверхностью, скованные холодной умиротворенностью.

И хотя Флинкс знал, что рискует захлебнуться, он попытался попробовать воду на вкус. Выяснилось, что он не способен втянуть в себя ни единой капли ни ртом, ни носом. Это была какая-то особенная вода, скорее напоминавшая воздух. Может, так оно и было. Или же он плавал под самой поверхностью моря из метана или жидкого азота.

Временами Флинкс различал, как сверху мелькали какие-то тени, но это случалось не часто. Он различал лица каких-то крылатых существ, скорбно склонявшихся над ним прежде, чем упорхнуть прочь. Он пытался заговорить с ними, пытался дотянуться, но не мог. Он вообще не мог пошевелиться. Судя по тому, что невозможно было почувствовать исходящие от существ эмоции, талант его тоже дремал. Образы, которые он видел, были расплывчатыми, в них не было ни враждебности, ни душевной теплоты, а лишь спокойное безразличие.

Происходящее не тревожило его. Наоборот, каждой клеточкой он чувствовал умиротворение. Голод и жажда представлялись отвлеченными понятиями. Правда, где-то в глубинах сознания едва ощутимо пульсировала мысль, что так не должно быть, что ему следует постараться стряхнуть с себя оцепенение, пошевелить онемевшими членами, попробовать встать.

Напрасная трата времени. К чему все эти попытки проанализировать это странное состояние? Достаточно того, что он покоится под поверхностью озера, не замечая остального мира, каким бы тот ни был.

Зато он ощущал эмоции летучих змеев и знал, что они испытывают то же самое. Им грезилось, что они летят в пустынном пространстве, где нет ни облаков, ни земли внизу, ни лесов, ни рек. Однако сон этот будоражил змеев, и у них подрагивали крылья.

Никто из находившихся в комнате не заметил, как оба летучих змея слегка пошевелились и затрепыхали крыльями. Какая разница, ведь в любом случае они продолжали находиться под действием снотворного. И хотя их устойчивость к морфогазу была выше, чем у Флинкса, ни один из них так до конца и не пришел в сознание. Они только слегка пошевелились, а затем снова впали в оцепенение. Так повторялось несколько раз, пока они, попавшие в западню на земле, грезили о небе.

Глава 16

Клэрити дала согласие на предложение начальницы. Вандерворт не ошиблась, полагая, что в конечном счете та проявит присущее ей благоразумие. Не исключено, что в душе она все еще лелеяла надежду вызволить Флинкса, но у нее не было для этого ни опыта, ни знаний. Вандерворт не сомневалась, что со временем научится манипулировать этой юной парой.

Вандерворт заблаговременно позаботилась нанять для транспортировки контейнеров частную фирму. Дабис и Монконкви тоже окажутся весьма кстати. Перевозка саркофага, на котором уже закрыли верхнюю крышку, чтобы не привлекать внимания, не представляла особой проблемы.

Был выходной, и поэтому Эйми пришлось заплатить за услуги вдвое большую сумму, но ведь на то ей и предоставлен неограниченный кредит, чтобы им пользоваться. Служащие «Скарпании», пытаясь хоть краем глаза взглянуть на сокровище Вандерворт, сгорали от любопытства.

На подготовку к отлету отводилось две недели. На одной из незаметных планеток в противоположном уголке Содружества подыскали затерянный в океане островок и вовсю развернули на нем сооружение специального исследовательского центра.

Во время перелета на судне не будет никакого другого груза, кроме их бесценного «спящего красавца» и их самих.

Постороннему наблюдателю показалось бы, что Вандерворт без зазрения совести сорит деньгами, но те из персонала «Скарпании», кто был посвящен в дело, уже осознали всю важность сделанного ей открытия и возможности, открывшиеся перед ними.

Клэрити безучастно готовилась к отлету, будто происходящее почти не касается ее. Вандерворт заметила это и подумала, что та что-то замыслила. Оно и к лучшему. Будет чем занять себя во время долгого, утомительного перелета.

С верхней площадки лестницы донесся зычный голос Дабиса.

— Они прибыли, мэм.

— Ты проверил их удостоверения?

— Да, мэм.

— Тогда можешь их впустить. Пора приступать к делу.

Вандерворт обвела взглядом комнату, в которой провела за последний месяц не один день, погрузившись в работу. Монконкви проверял исправность баллонов с морфогазом. Они должны быть полны и не давать сбоев. В отличие от Дабиса он был молчун, но, казалось, и тот, и другой скроены из одного материала. И дело тут было вовсе не в том, что этим двоим не составляло ровным счетом никакого труда убрать человека. Имея деньги, нетрудно найти громилу с мозгами.

Рабочие транспортировочной бригады были одеты в зеленые комбинезоны и шапочки. Вандерворт ожидала, что они окажутся ростом под стать Дабису, но ошиблась. Видимо, компания предпочитала комплекции лишнюю пару рук. А может быть, за такое короткое время трудно подыскать силачей даже за двойную плату. Однако, в век механизации буквально всего это не имело никакого значения. У прибывших были с собой левитационные носилки и при желании четверка сумела бы без труда перенести груз и в две тонны весом. Среди них была высокая женщина с надменным лицом. Глядя на нее, нетрудно было представить, как эта особа без какой-либо помощи поднимает край саркофага, а вот ее спутники не выглядели столь внушительно. Даже принимая во внимание носилки, никак не верилось, что один из трех мужчин, почти уже старик, способен выполнять даже *легкую физическую работу. Но* Вандерворт предположила, что она ничего не понимает в транспортировке грузов.

Подойдя к занавесу, она в последний раз отдернула его.

— Что ж, давайте приступим.

— Верно, — отозвался молодой человек, который, судя по всему, возглавлял бригаду.

Четверка поставила носилки и запустила их механизм. Легкого движения запястьем было достаточно, чтобы без усилий приподнять саркофаг с присоединенным к нему дыхательным аппаратом на несколько сантиметров над столом. С величайшей осторожностью носильщики развернули груз к лестнице.

— Помните, что вам доверена транспортировка особо хрупкого и ценного оборудования, — сказала им Вандерворт.

За ее спиной возмущенно фыркнула Клэрити. Вандерворт было нахмурилась, но тотчас прогнала это выражение лица.

Высокая блондинка улыбнулась. С чего бы это? Вообще, почему она среагировала на это? Но улыбка быстро исчезла. Вандерворт не стала углубляться в размышления по этому поводу, но все же спросила блондинку, что смешного та видит в ее словах.

— Ничего такого, мисс, — потом, поколебавшись, добавила. — Знаете, мы просто гордимся своей работой, поэтому меня позабавила мысль, что мы можем относиться к любому грузу с осторожностью, меньшей, чем предельная.

— Понятно.

Вандерворт отступила в сторону. Что ж, вполне правдоподобное объяснение невинной усмешке. Слишком уж правдоподобное.

— Извините. Еще одна мелочь.

Четверка носильщиков приостановилась, не спуская, однако, рук с рычагов носилок.

— Разрешите мне еще раз познакомиться с вашими удостоверениями.

Возглавлявший бригаду молодой человек на мгновение замешкался, но затем потянулся к нагрудному карману. Старик же допустил роковую ошибку. Он решил, что говорит гораздо тише, чем это было на самом деле. Возможно, он был слегка глуховат. Но как бы там ни было, Вандерворт отчетливо расслышала его шепот.

— Не показывайте ей ничего.

Белокурая амазонка стрельнула глазами в его сторону. Оставив совет старика без внимания, молодой человек отстегнул удостоверение с груди и протянул его Вандерворт. Та принялась его рассматривать.

— Что-нибудь не так, мисс? — спросил молодой человек, лукаво поглядывая на нее.

— Так, обычная проверка.

Все еще держа в руках удостоверение, Вандерворт слегка повернулась в сторону, чтобы носильщики не видели ее лица. Губы ее зашевелились, не издавая ни единого звука. Она смотрела прямо на Дабиса. Тот вытаращился в ответ, потом едва заметно кивнул. В следующую секунду Вандерворт нырнула за груду наскоро упакованных ящиков.

Дабис, присев, вытащил лазерный пистолет. Монконкви, который не получил предупреждения, среагировал медленнее. Но и он, заметив, что партнер принял боевую позу, тотчас метнулся в укрытие. Носильщики пришли в себя довольно быстро, но им не хватило нескольких мгновений. У них был кое-

какой опыт, но не было мастерства профессионалов. Замыкающий в их четверке получил в грудь полный заряд из пистолета Дабиса, пробивший ему грудь, спаливший нервные окончания и кровеносные сосуды и вылетевший из спины.

Комнату наполнили истошные вопли. Клэрити была удобной мишенью для носильщиков, но у тех не было времени, чтобы сосредоточиться на ней, и она тоже сумела юркнуть в укрытие.

Главной проблемой были Дабис и Монконкви. Они забаррикадировались за тяжелыми ящиками с электроникой и лабораторным оборудованием. И хотя численный перевес оставался за лже-носильщиками, оба охранника были превосходными стрелками и занимали более выгодную позицию. Им нужно было целиться только в дверной проем, в который бросились трое бандитов, чтобы оттуда вести огонь по комнате.

Пальба не прекращалась. Мимо Клэрити просвистел заряд, выпущенный из нейропистолета, и она тотчас почувствовала, как у нее парализовало левую половину тела. Но стреляющий все же промахнулся, и чувствительность быстро восстановилась, оставив ощущение легкой щекотки.

Вандерворт лежала поблизости, наблюдая за боем.

— Не поднимай головы, детка! Мы с тобой должны остаться в живых независимо от исхода поединка.

Вандерворт вела наблюдение за боем сквозь щель между двумя огромными ящиками. Это было довольно легко, так как бандиты были заняты главным образом охранниками.

Застреленный носильщик валялся, скорчившись, у нижней ступеньки лестницы. Его остекленелые глаза таращились в потолок, а рана в груди все еще дымилась.

Саркофаг, выпущенный носильщиками из рук, плыл по воздуху к противоположной стене под жужжание моторов. Там он и завис.

— Это твои друзья с Аляспина и Длинного Тоннеля, — прошептала Вандерворт.

Она старалась отыскать лучший обзор и при этом не выдать себя.

— Сдавайтесь! — выкрикнула она во весь голос. — Эти двое рано или поздно возьмут вас на мушку. Они профессионалы в отличие от вас. Здесь для вас ничего нет, что бы вы ни пытались найти. И я не отдам вам Клэрити.

— Мы все равно заполучим ее.

Клэрити показался знакомым голос молодого человека, который старался держаться вне поля зрения на верхних ступеньках.

— Откуда только это все им известно? — Вандерворт удивленно покачала головой. — И как они сумели до нас добраться?

Неожиданно она перевела взгляд на съежившуюся рядом Клэрити. Та смотрела на нее широко открытыми от ужаса глазами и недоуменно качала головой.

Вандерворт на минуту задумалась, а затем заговорила снова.

— Понятия не имею, к чему вы клоните.

На это рослая блондинка отозвалась резким смешком.

— Мы уже давно проникли в коммуникационный код «Колдстрайпа», поэтому бессмысленно нам лгать. Мы знаем о вас все. Нам стало известно о существовании вашего мутанта еще до того, как вы проболтались об этом «Скарпании».

— Черт побери! — буркнула Вандерворт. — Я ведь отдала распоряжение, чтобы шифр менялся хотя бы через день. Ленивые задницы!

Но блондинка еще не окончила речь.

— А как, по-твоему, мы узнали, где вас найти на Тоннеле, где хранится информация и как расположены лаборатории? Когда эта паршивка гостила у нас на Аляспине, она кое-что выболтала, но не все, что нам было нужно. Остальное мы сумели выудить из ваших радиограмм и от нашего агента, действующего у вас под носом, — она злорадно рассмеялась. — Разве тебя ни разу не насторожило, что твой приятель Джейз поразительно живуч?

На лице Вандерворт не осталось ни кровинки. Испуг начальницы привел Клэрити в злорадный восторг.

— Вот тебе и продумала все до конца.

Вандерворт не ответила. Блондинка продолжала.

— Эта твоя паршивка, осквернительница генов, пойдет с нами, так будет спокойнее. По крайней мере, будем знать, что она не сможет продолжать свое гнусное дело.

— Но зачем вам наш молодой человек? Ему обеспечен прекрасный уход, его имя Флинкс, и вы не имеете права...

На этот раз заговорил главарь.

— И ты еще смеешь пудрить нам мозги насчет прав личности? Мы что, по-твоему, круглые идиоты вроде твоих бывших спонсоров? Твоя песенка спета, Вандерворт!

Клэрити вскинула голову, чтобы получше расслышать, что говорили террористы.

— В таком случае, он не достанется никому. Почему бы вам просто не отпустить его?

Клэрити не обращала никакого внимания на отчаянную жестикуляцию Вандерворт и продолжала.

— Ведь он вам ничего не сделал!

— В данном случае важно то, что сделали с ним, — на этот раз раздался голос другого человека, заговорившего впервые, причем тоном, не терпящим возражений. — Мы отнесемся к нему по-доброму и в то же время попытаемся устранить причиненный ему Облагораживателями вред. У нас есть несколько генинженеров, разделяющих наши взгляды.

— Облагораживатели работали с ним еще до его рождения, — вмешалась Клэрити. — Это совершенно другое дело. Вы не имеете права вмешиваться в генетический код зрелой личности. Все кончится тем, что вы загубите его мозг или сознание, а может быть, и то, и другое.

— Это не входит в наши намерения, — сказал незнакомец. — И вообще, независимо от результатов, такая операция безусловно пойдет ему на пользу. После нее мутант превратится в человека в прямом смысле этого слова.

Над головой Клэрити просвистел нейрозаряд, и ей пришлось снова нырнуть за ящики. На этот раз ей щекотало голову. Дабис и Монконкви не замедлили с ответом.

— Так он вам нужен? Тогда пойдите и заберите его, если сможете. — Дабис намеренно поддразнивал бандитов. — Смотрите, он плавает совсем рядышком, у самой лестницы, там, где врезался в стену. Почему бы вам не подобрать его?

— Не волнуйся, так оно и будет. Нам, конечно, недостает вашей сноровки, но и мы кое-что мыслим в ведении боя. Хоть нам и не удается выкурить вас, вы в западне. Мы перекрыли все коммуникации, все ходы-выходы. Даже мышь не проскользнет отсюда наружу. Вы полностью отрезаны от внешнего мира, и вам неоткуда ждать помощи. Кроме того, о вас никто не спохватится и не пустится на поиски. Твоя конспирация, Вандерворт, сыграла нам на руку. Мы не можем проникнуть к вам внутрь, зато и вы не можете выйти наружу. Пора поискать какой-нибудь другой способ решения проблемы.

— Мы ее решим, будьте уверены, — зло отозвалась Вандерворт. — Вся ваша троица присоединится к тому, что валяется под лестницей.

— Позволю себе не согласиться. Мы всего лишь останемся сидеть на ступеньках и немного передохнем, пока один из нас сходит за подмогой. В этом наше преимущество. Для охраны выхода достаточно одного человека.

— Да ты можешь привести сюда хоть сотню кретинов, но ни одному из них не преодолеть этих ступенек, — сказал Дабис, который явно не зря получал зарплату.

— А зачем нам это? Газ, которым вы усыпили мутанта, подойдет и для вас. Вы все хорошо выспитесь.

К такому повороту событий Дабис был не готов.

— У нас есть респираторы, — вмешался Монконкви. — Нам не страшен ваш газ.

— Как сказать, как сказать. Давайте выясним это на деле, что мы от этого теряем? Если, конечно, вы все же не предпочтете вступить с нами в переговоры.

Инициативу перехватил молодой бандит.

— Эй, вы, двое с пистолетами! Вы ведь просто наемная сила! К чему вам рисковать собственной шкурой, вместо этого можно хорошо заработать.

— Для того нас и наняли, — ответил Дабис.

— Интересно, а сколько вам платят Вандерворт и компания? Скажите, и мы удвоим ставку. Нет, даже утроим!

— Прошу прощения, — в голосе Монконкви действительно слышалось нечто вроде сожаления. — Но если мы нарушим контракт, нам до конца своих дней не найти новой работы. К тому же, если мы доставим наших клиентов до места назначения, нас ждет солидное вознаграждение.

— Достойная восхищения этика на службе! Особенно, если служишь проигранному делу.

— Может быть, нам все же удастся заключить сделку? — предложила Вандерворт.

— Какую еще сделку? — в голосе главаря слышалась явная подозрительность.

— Вам нужен наш генинженер. Для нас же более важен мутант.

Клэрити не верила собственным ушам. Уставившись на Вандерворт, она начала пятиться и остановилась только тогда, когда уперлась спиной в стену.

— Извини, дорогая, но ситуация слишком серьезна. И чтобы решить проблему, придется пойти на крайние меры.

Клэрити ответила возмущенным шепотом.

— Я не должна была тебя слушать. Мне следовало послушаться Флинкса. Если кто и опасен, то только не он. По крайней мере, он не виноват, что родился таким. А вот ты — воплощение зла и продажности.

— Раз ты такого мнения, то, как мне кажется, я имею полное право не извиняться перед тобой. — Вандерворт отвернулась и снова повысила голос. — Так что вы скажете? Вы ведь уже разрушили нашу лабораторию на Тоннеле. Я же— всего лишь обыкновенный администратор, который собирается занять новый пост. Поэтому генинженер — ваша.

На этот раз ответила амазонка.

— Нам нужны оба, она и мутант. И, как мне кажется, со стратегической точки зрения, все преимущества на нашей стороне. Вы можете пройти через всю комнату и попытаться вырваться наружу по лестнице, если пожелаете, конечно. Но я не вижу причин торговаться с вами.

— Что ж, можно рискнуть, но тогда кое-кто из вас расстанется с жизнью, — выкрикнул Дабис. — Но было бы куда лучше, если бы всем нам удалось выбраться отсюда без лишних трупов.

Блондинка ответила после долгой паузы.

— Мы подумаем над вашим предложением.

— Тогда не тяните время, — предупредила ее Вандерворт. — Мы можем принять решение уйти отсюда без вашего позволения.

Сказав это, она вновь опустилась за баррикаду, внезапно постарев на несколько лет. Оберегая раненую руку, она осторожно отбросила от лица волосы и поймала на себе застывший ненавидящий взгляд Клэрити.

— Ну-ну, милочка, не надо на меня так смотреть, — раздраженно пробормотала она. — Тебе это просто не идет, а мне от твоего взгляда ни жарко, ни холодно.

— Знаешь, — сказала Клэрити, — когда-то мне ужасно хотелось походить на тебя. Я восхищалась тем, как легко тебе удавалось совмещать науку с бизнесом. Ты была человеком, кто легко добивался своего, причем без чьей-либо помощи.

— Ты верно заметила, я делала все без чьей-либо помощи. И я намерена продолжать в том же духе. Было бы хорошо, если бы ты оставалась при мне. Ты все-таки лучший специалист в своей области, но я уж как-нибудь обойдусь, заменив тебя следующим в списке лучших. Незаменим в данной ситуации только наш молодой человек, а вовсе не ты.

Озеро покрылось рябью. Внезапно вода утратила былую прозрачность, а сам он больше не парил в отрешенном блаженстве. Он скорее ощущал, нежели видел, что Пип с Поскребышем парили неподалеку,

и откуда-то ему было известно, что их безмятежности тоже пришел конец.

Над поверхностью озера по-прежнему плавали какие-то силуэты, но теперь от их умиротворенности не осталось и следа. Они приобрели злобную демоническую выразительность, полную напряженной враждебности. Впервые Флинкс ощутил, что вовсе не одинок в водах странного озера. В его глубинах что-то пришло в движение, но это было слишком далеко, чтобы это можно было как следует рассмотреть. Там, где толща воды становилась холодной и темной, была некая огромная бесформенная масса, которая вся напряглась, пытаясь дотянуться до него для того, чтобы высечь искру в его сознании, подобно тому, как кремень ударяется о кремень и дает огонь. Силуэты, заполнившие бездну, казались одновременно знакомыми и неузнаваемыми.

Флинкс напрягался из последних сил. Зеленая масса поблекла, демонические же лица застыли и остекленели. Ему казалось, будто он начинает всплывать к поверхности озера, приобретая некую душевную и физическую непотопляемость. И все равно Флинкс не был готов к тому, что ждало его, когда он пробился наружу.

Что-то было явно не так. Когда он словно парил под водой, ничто не затрудняло его спокойного, мерного дыхания. Теперь же, заново вернувшись в воздушную среду, он обнаружил, что задыхается и жадно хватает ртом воздух. Глаза его вылезли из орбит, а легкие работали, словно кузнечные меха. Рядом с ним Пип и Поскребыш превратились в два конвульсивных клубка колец.

Когда саркофаг остался без присмотра, его отнесло на левитационных носилках к стене, где он натолкнулся на бетонную преграду. Вспомогательный цилиндр из бежевой плексостали, в котором находился морфогаз и дыхательные клапаны, слегка тряхнуло, и в одной из проводящих трубок возникла трещина. Монконкви наверняка бы заметил ее во время очередного профилактического ос-

мотра, но в настоящий момент он был занят совершенно иным делом.

И вот теперь в проводящую трубку поступал воздух, в то время как газ просачивался наружу. Постепенно состав атмосферы внутри саркофага приблизился к нормальному. И хотя контейнер был герметичным, он не был звуконепроницаемым.

Вскоре до Флинкса донеслись возбужденные голоса, спорившие о чем-то, и звуки перестрелки. Но смотровое окошко было закрыто, и внутри контейнера стояла такая же кромешная тьма, как и в пещерах Длинного Тоннеля.

Флинкс постарался стряхнуть с себя сонливость. Последнее, что он мог припомнить, это то, как он, сидя на кровати в гостиничном номере, смотрел телепередачу. Пип тогда свернулась калачиком на соседнем кресле, а Поскребыш гонялся за собственным хвостом вокруг светильника под потолком. И вот теперь оказалось, что он лежит на спине, словно скованный по рукам и ногам, в каком-то контейнере, а рядом с ним томятся Пип и ее отпрыск. Сквозь стенки контейнера до него доносились голоса и выстрелы. Ясно, что снаружи были люди, а значит, вполне пригодный для дыхания воздух.

Флинкс попытался наощупь исследовать свою тесную камеру, но не обнаружил ни кнопки, ни замка. Это значило, что контейнер открывался только снаружи. Что ж, вполне разумно. Вскоре пальцы Флинкса нащупали не что иное, как три толстенные завесы.

От тотчас представил себе блаженное парение в озере грез. Значит, с помощью укола или чего-то еще его усыпили. Судя по онемевшим мышцам, он провел без сознания довольно длительное время. Но даже несмотря на ломоту в теле, Флинкс ощущал себя здоровым и бодрым. Флинкс дал волю своему таланту и тотчас ощутил, что способен довольно четко воспринимать ближайшее эмоциональное излучение. Не исключено, что длительный вынужденный отдых в сочетании с наркотическими средствами способствовал обострению его восприятия. Кто знает, может в то время, что он пребывал в заточении, бодрствовало одно только подсознание. С ним

что-то произошло. У него остались лишь смутные воспоминания о каких-то едва различимых, но мощных образах, в особенности о бескрайней зеленой массе. Это были отголоски восхитительного мира грез.

Флинкс ощутил несколько враждебных образов и мысленно двинулся дальше, словно бабочка, порхающая от цветка к цветку. Эмоции вокруг него и звуки однозначно свидетельствовали о том, что люди стреляют друг в друга. В бушующем море незнакомых чувств Флинкс различил два хорошо известных ему течения. Первое исходило от Анасмолии Вандерворт — этакое неповторимое сочетание алчности, ненасытности, честолюбия, надежды и ненависти. Клэрити же переполняли отвращение, страх, беспокойство и нечто еще, что никак не поддавалось определению. И тогда он шепотом позвал Пип. Их общение не всегда проходило на эмпатическом уровне.

Драконша была достаточно разумным созданием, чтобы научиться реагировать на ряд несложных словесных команд.

Придвинувшись, насколько позволяла теснота, к правой стенке, Флинкс постучал пальцем по нижней из петель крышки и одновременно дал команду Пип. Та по звуку определила положение его пальца, подождала, пока хозяин убрал руку, а затем плюнула.

Саркофаг тотчас наполнился едкой вонью растворяющегося металла и пластика. Флинкс едва не задохнулся. С трудом дыша, он повторил процедуру еще пару раз и выждал немного, пока яд Пип произведет нужную работу.

Никто даже не подошел к контейнеру, чтобы проверить, в чем дело. Либо снаружи не было заметно, как плавится материал контейнера, либо, что более вероятно, воюющие стороны слишком увлеклись своим занятием.

Поперхнувшись от вони, Флинкс ужасно разозлился. Подумать только, ведь все, что стряслось с ним в последнее время, произошло лишь потому, что он пришел на помощь другому человеку.

Его собственные эмоции частенько становились чужой игрушкой, и чем больше он помогал другим, тем чаще они старались причинить ему зло. Словом, он был сыт по горло и готов выместить обиду на первом встречном.

За то время, что он находился в водах озера грез, он многое о себе узнал. Вынужденное состояние транса раскрыло перед ним неизвестные ранее истины. Одна из них заключалась в том, что во всей вселенной лишь два вида разума понимали его до конца. Первым видом были сумакреа, вторым — некое супероружие, созданное давно исчезнувшей расой.

Главной целью жизни сумакреа было понимание и сочувствие. Главной целью супероружия — разрушение. Что ж, пусть так и будет. Но только сам он — никакое не оружие. Он лишь Филип Линкс, девятнадцатилетний сирота невероятного происхождения, с загадочной генеалогией и сумбурным талантом неясного назначения.

Кем бы ни был Флинкс для всех присутствующих здесь людей, для них стало настоящим шоком, когда он, сбросив с саркофага крышку, восстал из гроба. Лишь мгновение потребовалось ему, чтобы глаза привыкли к освещению. Но этого мгновения оказалось достаточно, чтобы остальные пришли в себя.

Наполовину высунувшись из-за ящиков, Вандерворт истошно заорала.

— Ну давайте же! — поторапливала она Дабиса и Монконкви, которые неохотно зашевелились.

Пожилой мужчина из террористов, присев на корточки, в ужасе разглядывал Флинкса с верхней площадки лестницы, словно вместо худощавого молодого человека его взору предстала ужасная хищная рептилия.

— Убейте же эту гадину! — проревел он. — Убейте немедленно!

Молодой человек, сидевший на верхней ступеньке лестницы, заколебался, а вот рослая амазонка, сидевшая рядом с ним, не нуждалась в напоминании. Она живо вскинула дуло нейропистолета, который держала в руке, однако, хотя с виду и не была никем ранена, рухнула вперед

и покатилась вниз по ступенькам, где осталась лежать бесформенной массой, навалившись на мертвеца с пробитой грудью.

Пип с Поскребышем уже взмыли в воздух, готовые к атаке, однако впервые в жизни Флинкс мог прекрасно обойтись и без них. Вырвавшись из глубин озера, он обнаружил, что теперь без всяких усилий способен выходить за рамки собственного «я». Используя Пип в качестве своеобразной линзы, он мог теперь не только воспринимать эмоции, но и целенаправленно изучать их.

Возможно, дело здесь не только в озере грез. А вдруг к этому причастны те образы и видения, которые пытались прикоснуться к нему? Может быть, это им удалось? Кто может сказать это?

Но если он останется жив, обязательно выяснит.

А в сознание рослой террористки он послал мысленный луч, полный страха и первобытного ужаса. Затем настиг точно таким же лучом ее приятеля, который поднялся было для того, чтобы пуститься наутек, но, издав стон, свалился без чувств на ступеньки. Пожилой бандит успел выстрелить, но промахнулся, слегка задев Флинксу руку. Флинкс инстинктивно вырубил его еще более мощным лучом. Результат оказался сильнее предполагаемого. Пожилой фанатик, дрожа всем телом, приподнялся, глаза его вылезли из орбит, и мгновение спустя он рухнул на своего молодого сотоварища. Правда, в отличие от молодого, просто валявшегося без чувств, у него от страха произошел разрыв сердца.

Наблюдая, как у них на глазах без всякой стрельбы тают ряды противников, оба охранника застыли посреди комнаты, раскрыв рты. У них отлегло от сердца, когда они поняли, что по ним больше никто не будет стрелять. Но почти одновременно Дабис с Монконкви заметили, что их пленник, присев в гробу, пристально смотрит на них в упор. Правда, они еще не осознавали связи между Флинксом и разгромом противника.

Монконкви неуверенно поднял пистолет. Клэрити, заметив его движение, встала во весь рост и закричала.

Охранники оказались более твердыми орешками, чем бандиты. Они были мало восприимчивы к тому виду страха, который Флинкс только что опробовал на бандитах. Но тем не менее, у каждого есть свой предел прочности. Не выдержав мощного залпа леденящего ужаса, оба охранника в конце концов вырубились так же, как и бандиты.

И тогда Флинкс остался в комнате один, если не считать Клэрити и Вандерворт.

Последняя вышла из-за своего укрытия и с широкой улыбкой, протягивая руку для приветствия, направилась навстречу Флинксу.

— Ну, мой мальчик, я не знаю, как тебе это удалось, но могу поклясться, что без твоих талантов здесь не обошлось. От меня не укрылось, как ты сразил их взглядом или чем бы то ни было. Сначала тех подонков на лестнице, а потом и моих охранников. Бедняги не сообразили вовремя опустить оружие. Им ведь и в голову не могло прийти, что мы на одной стороне.

Флинкс уже вылезал из саркофага.

— И на которой же?

— Не слушай ее, Флинкс! — поспешно выкрикнула Клэрити. — Ведь это она напичкала тебя наркотиками и засунула в этот ящик.

Вандерворт злобно обернулась к Клэрити.

— Сейчас же заткнись, паршивая сука! Раз не понимаешь, что для тебя самой же будет лучше, то заткнись и не высовывайся.

Все еще улыбаясь, Вандерворт снова повернулась к Флинксу. Тот смотрел на нее, не выказывая никаких эмоций.

— Наша крошка Клэрити ужасно расстроена. Происшедшее совершенно выбило ее из колеи, но я ее не виню... — и Вандерворт рассмеялась бархатистым, вкрадчивым смехом. — Я и сама порядком сбита с толку.

— Я тоже.

Казалось, будто Вандерворт стала выше ростом.

— Уверена, что мы сумеем выяснить, кто виноват во всем этом.

— Так значит, вы не имеете к случившемуся никакого отношения?

Голос Флинкса не дрогнул, взгляд был по-прежнему спокоен. Пип повисла в воздухе неподалеку от хозяина, а Поскребыш сначала метался от Флинкса к Клэрити, но не сумев сделать выбор, завертелся волчком между ними обоими.

— Я не совсем правильно выразилась. То есть, я хотела сказать, что трудно сразу во всем разобраться.

Но это были только слова. На самом же деле от Вандерворт исходила противоречивая смесь страха и злобы и много чего еще. И все эти эмоции не были направлены на поверженных бандитов, лежащих грудой у лестницы. Одни чувства были направлены на Клэрити, а вот другие — на него самого.

— Но если вам так искренне хочется мне помочь, почему же вы в таком случае боитесь меня?

— Я боюсь вас? Молодой человек, вы заблуждаетесь! — неожиданно ей словно открылась истина, она улыбнулась, но улыбка получилась вымученной. — Так значит, ты все-таки способен читать мои чувства? Не мысли, а что я испытываю в душе?

— Именно, и в настоящий момент у меня такое ощущение, что вы не столь расположены ко мне, как изображаете.

— Молодой человек, не советую вам воспринимать чужие эмоции столь прямолинейно. Они могут быть весьма противоречивы и неоднозначны. Вы только что, даже не пошевелив пальцем, уложили на месте пятерых. Поэтому, как мне кажется, я имею полное право чувствовать себя несколько запуганной.

— Но вы не запуганы. Вас пробирает не страх, а нечто другое. Не ошибусь, если скажу, что отвернись я на минуту, как вы, не раздумывая, броситесь поднимать пистолет, который уронил один из ваших головорезов.

В лице Вандерворт не осталось ни кровинки.

— Ты не можешь чувствовать этого. Ведь это не эмоция, а вполне конкретная мысль. — Вандерворт сделала шаг назад. — Ты не способен...

— Совершенно верно. Я не способен читать мысли. Но когда я высказываю предположение и потом

вижу вашу реакцию, то мне не составляет труда догадаться, где же истина, которая для меня столь же очевидна, как будто вы сами признались в ней. Среагируй вы как-то иначе, я, может быть, и призадумался бы, мог бы заколебаться, подвергнуться соблазну выслушать вас.

— Но ты же не собираешься меня убивать? — прошептала Вандерворт потерянным голосом. — Ведь в тебе этого не заложено!

— Эй, неужели вы не помните, что никому не известно, что во мне заложено? Я ведь непредсказуемый мутант, и вы без конца предостерегаете людей опасаться меня.

Флинксу было противно видеть на лице Вандерворт неприкрытый ужас, но еще противнее испытывать при этом странное удовольствие.

Он вздохнул.

— Хватит с нас убийств, — и он указал в сторону лестницы. — Двое из них мертвы, двое других — без сознания. Одна смерть от ранения, другая наступила случайно. Я не собираюсь вас убивать, Вандерворт.

Та словно окаменела.

— А что в таком случае ты собираешься делать? — она уставилась куда-то мимо него. — Что ты сделал с ними?

— Просто позаботился, чтобы некоторое время они не действовали мне на нервы. Скажите мне честно, существуют ли вещи, которых вы по-настоящему боитесь? Нечто такое, что действительно страшит вас?

— Нет. Ведь я ученый и смотрю на мир глазами рассудка. Мне неизвестно, что такое страх.

Неожиданно Вандерворт выпучила глаза, словно рыба, которую выбросило на сушу отливом. Голова ее мотнулась назад, а сама она медленно повернулась вокруг себя. Пальцы ее впились в волосы. Издав один-единственный душераздирающий вопль, Вандерворт согнулась пополам и упала в глубокий обморок.

Из-за другой груды ящиков навстречу Флинксу шагнула Клэрити.

— Что ты с ней сделал?

Флинкс печально посмотрел на скорчившуюся у его ног фигуру.

— То же самое, что и с другими. Направил на них луч ужаса и держал до тех пор, пока их нервная система не отключилась. Я ощутил в ее сознании каких-то ползучих существ. То ли насекомых, то ли чего-то еще, не знаю. — Флинкс покачал головой. — Мне не нужны подробности. Вот и весь аналитический подход.

— Флинкс, как я рада, что все...

Он резко обернулся.

— По-моему, будет лучше, если ты останешься стоять на месте.

В недоумении она послушалась, но была *явно* обижена.

— Могу себе представить, что ты думаешь. Но я не имею к этому никакого отношения.

— Ты все знала. Попробуй, скажи мне, что это не так.

— Не могу. И вообще, ты бы сразу догадался, вздумай я солгать тебе. Флинкс , я не знаю, что мне делать, что мне думать. Она наговорила мне такого... — она мотнула головой в сторону своей недвижимой начальницы. — Об Обществе Облагораживателей, их работе, о тебе. О том, что может из тебя впоследствии выйти. Я не верила ей. Мне не хотелось верить ни единому слову из сказанного ей. Но ведь у нее гораздо больший опыт в этой области, чем у меня. И потом у *меня не было выбора. Откажись* я, и они наверняка нашли бы другую, кому бы ты был совершенно безразличен.

— Выбор есть у каждого из нас. — Флинкс опустил голову, устав смотреть ей в глаза. Да, он устал. Точка. — Просто дело в том, что некоторым недостает для этого присутствия духа.

— Прости меня, прошу тебя, прости! — Клэрити расплакалась. — Они засунули тебя в этот ящик еще до того, как я обо всем узнала. Было уже поздно, я не могла остановить их. Я вынуждена была согласиться, чтобы затем помочь тебе. Позже, когда они потеряют бдительность. Ты должен мне поверить! Неужели ты не слышал, как я криком пыталась предупредить тебя? Ты ведь слышал, как я сказала,

что это она повинна во всем, что случившееся — целиком ее рук дело!

— Да, я все слышал. Вот почему ты по-прежнему стоишь на ногах, а не валяешься на полу вместе с остальными. И я знаю, что все сказанное тобой — правда. В противном случае — ты самая искусная лгунья из всех, что мне встречались. Но если ты знаешь, если ты чувствуешь это, тебе наверняка должно быть известно, что я люблю тебя!

Флинкс отвернулся.

— А вот этого я как раз и не знаю. Твои чувства сильны. Но независимо от того, что ты говоришь, они все еще противоречивы и запутаны. В один момент ты утверждаешь, что любишь меня, а в следующий тебя начинает одолевать страх. То холодно, то горячо. Такие отношения мне не нужны.

— Предоставь мне шанс, Флинкс! — взмолилась Клэрити. — Я действительно запуталась в себе.

Он резко повернулся к ней.

— А как, по-твоему, я себя чувствую? Есть определенный набор ощущений, от которых я никогда не смогу избавиться. Неужели ты после всего случившегося еще надеешься, что я доверю тебе хоть что-то, не говоря уже о собственной жизни? Собственно, какая разница? Тебе не разделить со мной мою жизнь. Ведь как ни парадоксально, но твоя Вандерворт была по-своему права. Я не имею права и ни за что не соглашусь рисковать жизнью других. Ведь не исключено, что я действительно представляю для окружающих опасность, и когда-нибудь это проявится. Раньше я в этом не был уверен. Теперь же все иначе. Прежде всего, мне не следовало позволять себе увлечься тобой. Эту вину я готов признать.

— Флинкс, я знаю, кто ты такой. И теперь меня это вовсе не пугает. Тебе как раз нужен кто-то вроде меня. Тот, кто умеет проявить не только сочувствие, душевную теплоту и любовь, но и понимание.

— Тот, кто помог бы мне стать человеком? Ты это имеешь в виду?

— Да нет же, черт тебя побери! — несмотря на все усилия, Клэрити не смогла удержаться от слез. — Я имею в виду совершенно другие вещи!

Как ему хотелось поймать ее на лжи, но она не лгала.

— Пока я спал или, может быть, лежал, одурманенный газом, мое сознание блуждало совершенно свободно, чего никогда не случалось прежде. И теперь я чувствую себя гораздо лучше, чем раньше. Знаешь, Клэрити, этот отдых, как ни странно, пошел мне на пользу, наполнил меня свежими силами. Что-то случилось со мной, пока я находился в ящике. Я затрудняюсь сказать, что это такое, потому что не разобрался до конца. Но когда я находился там, то ощущал странные вещи. Некоторые из них были прекрасны, другие пугали меня, третьи не поддавались никаким объяснениям. И пока я не разобрался, что к чему, мне надо побыть одному. Ты, если хочешь, возвращайся к своему старому ремеслу, смешивай натуральные гены с искусственными, усовершенствуй природу. Я же вернусь к своему излюбленному занятию — буду постигать мир. Так оно будет лучше.

— Ты несправедлив! — разрыдалась Клэрити. — Однажды мне было сказано, что Вселенная не знает, что такое справедливость. И чем больше я ее узнаю, тем больше проникаюсь уверенностью, что это верно.

Поначалу грохот проявил себя гулом в ушах и легким подрагиванием пола. Затем то и другое слилось воедино где-то в области желудка. Нет, это не было землетрясение, это было что-то гораздо большее. Клэрити для того, чтобы удержаться на ногах, бросилась к пластиковым ящикам, пытаясь найти в них опору. Флинкс же, пока это ему удавалось, не сделал ни шагу со своего места. Пип продолжала парить в воздухе, а Поскребыш, приняв, наконец, решение, осторожно опустился на плечо Клэрити. Флинксу это показалось обидным, но не было времени для того, чтобы вдаваться в такие детали.

Гораздо больше его беспокоило то, что пол под ногами начал покрываться трещинами и крошиться. Перебравшись поближе к стене, Флинкс наблюдал, как прямо у него на глазах сетка из дюрасплава со стелакретовым покрытием, рассыпавшись в прах,

исчезла в разинутой пасти огромной черной дыры около трех метров в диаметре.

Огромное существо просунуло голову в дыру и принялось с любопытством оглядывать комнату. Ростом оно было тоже никак не меньше трех метров. Его густой мех покрывали грязные пятна, а весом оно было около тонны. Плоская морда оканчивалась малюсеньким носиком, над которым, словно два фонаря, горела пара пронзительно-желтых глаз величиной с блюдце. Уши по сравнению с головой были до смешного малы.

Положив на край дыры пару увесистых семипалых лап, существо, оттолкнувшись, вскочило в комнату. Его мохнатая голова едва не касалась потолка. Клэрити вытаращилась на странное создание, не веря своим глазам. Перед ней наяву предстало чудище из какого-то кошмарного сна. Флинкс тоже лишился дара речи, но по совершенно иной причине. В этот момент чудной зверь заметил Флинкса и расцвел в улыбке от уха до уха.

— Рад тебя видеть, дружище Флинкс, — произнес он.

Его рот при этом не двигался.

Глава 17

Клэрити уловила приветствие.

— Нет на свете никаких телепатов. Нет и быть не может, — растерянно пробормотала она себе под нос.

— Боюсь, что есть, — вздохнув, ответил ей Флинкс, а затем повернулся к чудовищу. — Привет, Пушок. Давненько не видались.

— Давно, давно, дружище Флинкс, — густой бас прогудел прямо у Флинкса в голове.

Огромный уджуррианин вразвалочку приблизился к рыжеволосому юноше и взгромоздил ему на плечи свои массивные лапищи.

— У моего друга Флинкса все в порядке?

— Все прекрасно, спасибо за работу.

Флинкс слегка удивился, что немой диалог между ним и уджурианином на этот раз прошел гораздо свободнее, чем раньше, когда он впервые столкнулся с сородичами Пушка на их планете, внесенной в Запретительный Кодекс. Теперь трудностей в понимании друг друга как не бывало.

Пушок одобрительно кивнул, а из дыры, словно два пружинных чертика из шкатулки с сюрпризом, выскочила еще пара гигантов-урсиноидов. Флинкс тотчас узнал Няма и Голубого. С присущим их виду любопытством они принялись оглядываться по сторонам.

— Разум друга-Флинкса проясняется. Теперь у него в голове почти не осталось грязи, не то что раньше! — Пушок постучал себе по виску мясистым пальцем.

Флинкс показал направо.

— А это моя подруга Клэрити.

Переполненный грубоватой симпатии, Пушок направился к девушке.

— Привет, подруга-Клэрити!

Та испуганно попятилась, пока не уперлась в стену. Уджурианин остановился и оглянулся на Флинкса.

— Почему твоя подруга испугалась Пушка?

— Не тебя, дружище, а твоих размеров.

— Хо-хо! — уджурианин проворно опустился на четвереньки. — Так будет лучше, подруга-Клэрити?

Та нерешительно шагнула вперед от холодной стены.

— Да, так лучше, — подняв глаза, она увидела, что Флинкс с улыбкой наблюдает за ней. — Так вот какие у тебя есть друзья!

— А разве ты еще не поняла?

— Но как они попали сюда? Кто они такие?

— Уджурриане. Кажется, я тебе уже говорил о них.

— А, планета, что под Эдиктом. Это значит, что туда нельзя попасть, но и покинуть ее тоже нельзя.

— Судя по всему, уджурриане забыли поставить о своем отбытии в известность. А вот как они попали сюда, для меня тоже загадка.

— Я услышал тебя, — телепатический голос Голубого был так же хорошо различим, как и голос Пушка. — А у нее светлый разум.

Клэрити нахмурилась, не поняв, о чем идет речь.

— Что он хотел сказать?

— То, что у тебя сильная ментальная аура. Для уджурриан все подобно свету, от яркого до тусклого, в зависимости от обстоятельств. И не пугайся, пожалуйста, их размеров. Конечно же, им по силам разделаться с человекам как с деревянной игрушкой, но мы с ними давние союзники. И если это как-то успокоит тебя, знай, они главным образом вегетарианцы. Им не по вкусу существа, излучающие «свет».

Поскребыш обвился вокруг шеи Клэрити. Флинкс впервые увидел, что мини-драг напуган. Юному летающему змею эмоциональная аура уджурриани-на должно быть показалась слишком насыщенной. А вот Пип ничуть не испугалась, потому что помнила первую встречу.

— Услышали твой зов, — объяснил Ням, рассматривая валяющиеся по всей комнате бесчувственные тела. — Примчались к тебе, не теряя времени, чтобы предложить свою помощь.

— Зов? — Флинкс на какое-то мгновение забыл о Клэрити. — Я никого не звал. Я вообще был без сознания.

Он попытался вспомнить свои ощущения, когда грезил под поверхностью озера, но в памяти почти ничего не осталось от той ужасающей таинственной мелодии, которая звучала в его мозгу под действием морфогаза.

— Как вы, ребята, попали сюда? — Клэрити так и подмывало заглянуть в дыру, откуда они вылезли. — Флинкс сказал мне, что вы построили для него корабль.

— Да-да, корабль, — гордо произнес Пушок. — «Учитель» в подарок Учителю. Что касается нас самих, мы не любители кораблей. Слишком шумно

и тесно. Мы построили его для Флинкса, потому что это подходило к нашей игре.

— Игре? — Клэрити обернулась к Флинксу. — Какой еще игре?

— Игре в цивилизацию, — он говорил рассеянно, все еще пытаясь вспомнить видения. — Уджурриане обожают игры, поэтому перед тем как покинуть Улру-Уджурр, я начал обучать их этой забаве. К тому времени, как «Учитель» был закончен, они уже неплохо наловчились играть в нее. Но не берусь судить, какой стадии они достигли к настоящему моменту.

— Любим отдельные части игры, — сказал Голубой. — Не любим другие. Оставляем те, что нам нравятся, выкидываем те, что не по душе.

— Не нахожу ничего разумного, — Клэрити не могла скрыть своей растерянности.

— Это не обязательно должно иметь смысл. Слушай, и тогда научишься кое-чему.

— Все идет нормально, — сказал Пушок. — Нам все еще нужно проложить много новых тоннелей. Услышали твой зов. Решили прорыть новый тоннель. Справились с ним быстрее, чем со всеми прежними, но наш учитель оказался в беде. И все-таки, может быть, мы опоздали?

— Со мной все в порядке.

Настал черед Флинкса нахмуриться. Если бы он не знал из собственного опыта, на что были способны уджурриане, он бы никогда не задал следующего вопроса.

— Ты хочешь сказать, что вы вели тоннель сюда прямо от Улру-Уджурра?

Пушок состроил обиженную гримасу.

— А откуда же еще?

Улыбаясь, чтобы показать, что он никого не хотел обидеть, что, впрочем, прекрасно можно было прочитать в его мыслях, уджуррианин сказал:

— Подруга-Клэрити права. Это действительно полнейшая бессмыслица.

Огромный уджуррианин усмехнулся. В его голосе звучало притворство.

— Но как же мы тогда сюда добрались? Это было нелегко, дружище Флинкс, но в то же время одно удовольствие.

— Сдаюсь, — промямлила Клэрити.

— Да не надо сдаваться, — серьезно сказал Ням, неверно истолковывая ее мысли, как, впрочем, и слова. — Смотри. Вот ты начинаешь тоннель. Делаешь поворот здесь, потом перекручиваешь его так и эдак, потом тянешь его за собой так и вот так, и ты уже здесь.

— Интересно, а может, они прокладывали тоннель в плюс-пространстве или нуль-пространстве? — завороженно пробормотал Флинкс. — Или в каком-нибудь еще месте, которое математики-теоретики еще даже не изобрели? Как же вы нашли меня? Вы что, можете перехватывать особый почерк моих мыслей через все эти парсеки?

— Это было нелегко, — сказал Ням. — Поэтому мы и послали кое-кого сходить и посмотреть.

Флинкс вопросительно наморщил лоб.

— Сходить и посмотреть? Но кто?

Голос, раздавшийся за спиной Флинкса, заставил его вздрогнуть.

— А ты как думаешь?

Это был Может-быть-так, выглядевший, как всегда, суровым и опечаленным.

Даже для уджурриан Может-быть-так был единственным в своем роде. Приятели считали его совершенно безумным. И если обитателей Улру-Уджурра принять за аномалию среди разумных рас, тогда Может-быть-так был аномалией из аномалий.

— Привет, Может-быть-так!

— Пока, друг-Флинкс!

Медведеподобный гигант исчез так же бесшумно, как и появился. Разговорчивым его назвать было никак нельзя.

Флинкс перехватил взгляд Клэрити. Она убедила себя в том, что вышла из состояния шока, но недолгий визит Может-быть-так доказал обратное.

— Он появляется там, где ему заблагорассудится, — извиняющимся тоном объяснил Флинкс. — И ему не нужны для этого никакие тоннели. Никто не

знает, как ему это удается, даже другие уджурриане, а он никому об этом не рассказывает. Они думают, что он немножечко того.

— Да не того, а совсем. Сумасшедший!

Из бездонной ямы в центре комнаты появился четвертый мохнатый персонаж. Нечто среднее между медведем-гризли и лемуром. Звали ее Мякуня. Она шлепнулась на пол и стала отряхиваться.

Именно тогда Флинкс заметил сияние колец, которые были на каждом из его гостей.

— Это, что ли? — отозвался на его немой вопрос Голубой. — Игрушки, которые помогают нам копать. Мы построили для тебя корабль. Мы сделали и это. Все это — часть игры, верно?

— Погодите минуту. Другой, тот, что появился за твоей спиной, Флинкс, — слабым жестом указала Клэрити. — Откуда он возник? И куда подевался?

— Никто не знает, откуда он возник. Так же, как никому не известно, куда он вечно исчезает.

— Мне кажется, я начинаю понимать, — медленно проговорила Клэрити, — почему Улру-Уджурр находится под Эдиктом Церкви.

— Ты, пожалуйста, не забывай о том, — сказал ей Флинкс, — что уджурриане абсолютно невинны. Аанны начинали незаконное освоение их мира, когда я там появился. В то время у уджурриан не было понятия о цивилизации, о современных технологиях или о чем-либо, что имеет отношение к тому и другому. Они ели, пили, спаривались, рыли свои тоннели. Играть в игры — так они называли все это. Поэтому я познакомил их с новой игрой, игрой в цивилизацию. И им потребовалось не слишком много времени, чтобы построить космический корабль. Это как раз и был мой «Учитель». Представить себе даже не могу, чему они могли научиться за это время. Одно ясно — умеют делать кольца.

— Как развлекаться еще больше, по-новому! — прогудел Пушок. — Я добрался сюда на помощь другу-Флинксу слишком поздно, но не слишком поздно, чтобы еще больше поразвлекаться. В любом случае пришлось бы найти тебя. Появился новый элемент игры. Очень интригующе. Ты бы сказал

так: «Предусматривает наличие не-эксплицитных астрофизических и математических метастаз».

— А может быть, и не сказал бы, — осторожно заметил Флинкс.

— Нам необходимо выбраться отсюда, — сказала Клэрити, изучая взглядом ступеньки. — Сюда может нагрянуть еще целая армия фанатиков в поисках своих друзей.

— Это уже не имеет значения. Ведь здесь уджурриане.

Эти слова Флинкс адресовал Клэрити, но поток мыслей был направлен на Пушка.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь о новом элементе игры? Мне казалось, что правила, которые я установил вам, были недвусмысленны.

— Были, это точно. Не забывай, что ты научил нас также и тому, что не каждый играет в игру по правилам. Ты объяснил нам, что такое жульничество. Так вот это— разновидность жульничества.

Эту мысль подхватила гладкая Мякуня, и в ее мысленном голосе слышалась отчетливо различимая женственность.

— Ты знаешь, что мы всегда рыли тоннели, друг-Флинкс. Среди той информации, которую оставили «холодные умы», мы раскопали кое-какие интересные идеи для новых тоннелей. Таким вот образом мы и взялись за новый тоннель, — она улыбнулась, обнажив длинные клыки и зубы, способные разгрызать кости. — Мы можем рыть любые тоннели — в скалах, в песке, в том, что ты называешь пространством-временем.

— Это очень забавно — копаться в других мирах, — прокомментировал Ням. — Один и тот же мир скоро надоедает.

Он рассматривал один из лазерных пистолетов, который обронил один из телохранителей Вандерворт. Флинкс оставался спокойным. Единственное, что интересовало Няма — это устройство пистолета.

Мякуня продолжала.

— Копаем много тоннелей к другим мирам.

Она указала рукой на пустую яму. Флинкс поостерегся приближаться слишком близко к ее краю.

Если упасть туда, то неизвестно, где и когда окажешься.

— Я прорыла тоннель до места, которое твой народ называет Лошадиным Глазом, а местные жители — Тсламайна. И нашла там кое-что интересное.

— Большую машину, — влез в разговор Ням. — Самую большую из всех, которые я когда-либо видел.

Фривольность, столь характерная для него, на этот раз отсутствовала в его мыслях.

— Я кое-что изучила, — продолжала Мякуня. — Некоторое время спустя нечто действительно странное засекло, что мы заняты изучением, и принялось нас преследовать, но мы убежали прежде, чем оно добралось сюда. Ты же знаешь, мы передвигаемся очень быстро, когда нас к этому вынуждают. Я нашла на планете Лошадиного Глаза маленькие предметы, подобные этим, неотделимые от большой штуковины. Звенья, которые их связывают, действуют как наши тоннели, только они намного меньше.

— А что такое лошадь? — неожиданно спросил Пушок.

— Земное животное на четырех ногах, — ответил Флинкс. — Но теперь их редко где встретишь.

— Плохо. Внешне они смотрятся прекрасно.

— Помолчи, Пушок, — одернула его Мякуня. — Сейчас говорю я.

— Не затыкай мне рот.

Они обменялись тумаками, самый легкий из которых выбил бы напрочь дух из взрослого мужчины, после чего стычка прекратилась, как будто ничего не было. Клэрити в самом начале драки подбежала к Флинксу и прижалась к нему. Он с неохотой позволил ей остаться рядом с собой. Разум его был спокоен и ясен, чего нельзя было сказать о его чувствах.

— Прежде, чем нечто действительно очень странное бросилось нам вдогонку, мы успели уяснить для себя, что же собой представляла эта машина.

— Это сигнальная сирена, — пробормотал Ням.

Флинкс увидел, что он с головой ушел в разборку лазерного пистолета. Его огромные пальцы ловко ковырялись в электронной начинке оружия.

— Какая еще сирена?

— Чтобы предупреждать кого-нибудь о чем-нибудь. О большой опасности. Правда, людей, которых она должна была оповестить, уже давным-давно нет.

В мозгу Флинкса мелькнул образ понятия «давным-давно», который Мякуня спроецировала так, что он уходил в бесконечность. Это производило сильное впечатление, потому что уджурриане никогда ничего не преувеличивали.

— Вы сказали, что вам все же пришлось поискать меня. Из-за этого?

Все четверо урсиноидов одновременно кивнули головами.

— А почему вы пришли ко мне? Мне ничего не известно о планете, именуемой Лошадиным Глазом, так же, как о ее зловещих машинах.

— Ты — учитель, — просто ответил Пушок. А потом с потрясающей откровенностью добавил. — Все потому, что ты каким-то образом с ними связан.

— Кто? Я? — Пип легонько подпрыгнула на плече хозяина. — Да как я могу быть с ними связан, если в первый раз слышу об этом?

— Это ощущение — вот здесь. — Пушок показал на голову. Теперь даже он разговаривал с величайшей серьезностью. — Ты — ключ к чему-то вроде машины или опасности. Или к чему-то такому, чего мы еще не знаем. А нам бы хотелось знать. Это помогло бы нашей игре. Опасность заставляет тревожиться.

Если все было действительно так и настолько беспокоило уджурриан, то тогда всем остальным полагалось впасть в самую настоящую панику. В этом Флинкс нисколько не сомневался.

— А опасность эта неминуема.

— Неминуема? — эхом повторил Голубой, округливший от удивления глаза.

— Она скоро разразится? — устало поинтересовался Флинкс.

При всей своей наивности уджурриане могли мгновенно вникать в самые сложные механические и математические понятия, но в то же время мало что смыслить в намного более простых вещах.

— Не знаю. Ты должен помочь нам разобраться в этом, — сказала Мякуня. — Ты ведь Учитель.

— Да не учитель я! — сердито ответил Флинкс. — Я сам еще ученик. Уже сейчас каждый из вас накопил столько в своей памяти, сколько мне за всю жизнь не накопить.

— Но ты же знаешь игру, — напомнил ему Пушок. — Игру в цивилизацию, которой мы все еще учимся. А это каким-то образом является частью игры.

Теперь на Флинкса смотрели все четверо, и он был не в силах лгать, глядя в эти огромные желтые глаза.

Опять. Опять все сначала. Стоило ему подумать, что он уже справился с чьими-то проблемами, как на их месте появлялись новые. Если бы он проявил твердость, они наверняка ушли бы и оставили его в покое. Если бы только он смог настоять на этом.

Они молча просили его. Ему мало бы что дало, если бы он отвернулся от них, потому что тогда он должен был посмотреть на Клэрити, а это ничем не лучше.

Что ж, выхода нет. От себя не убежишь. Ни в этой комнате, ни в это время, ни в этом месте. Может быть, вообще никогда и нигде.

— Я ничем не могу вам помочь, — наконец проворчал он. — Я ведь сам об этом ничего не знаю. Неужели вам это не понятно?

— Понимаю незнание, друг-Флинкс, — без колебания проговорила Мякуня. — Но мы можем это устроить.

Ее слова застали Флинкса врасплох.

— Каким же образом? Возьмете меня на Лошадиный Глаз?

Он окинул яму беспомощным взглядом.

— Нет. Разве только покажем тебе кое-что, но немного. Мы сами этого не можем видеть, но тебе поможем. Надеемся, это будет не опасно.

Пушок подошел поближе и положил лапу на плечо Флинкса.

— Нам очень нужно знать, друг-Флинкс. Для нас это очень важно. Это может оказаться достаточно серьезным и остановить игру. Все остальные игры — тоже.

В самом деле, можно ли было им думать о чем-то другом? Да и был ли какой-нибудь выбор? Хоть когда-нибудь прежде?

— А как вы собираетесь мне это показать? Эта угроза близка?

— Она очень, очень далеко. Мы можем только догадываться, где. Тебе придется поверить нам. Учитель должен верить своим ученикам.

— Если она так далека, то каким образом вы можете мне ее показать?

— Тем же самым образом, каким мы отыскали тебя здесь. — Огромный палец указал на его шею. Ощутив направленные на нее эмоции, Пип подняла голову.

— Пип?

— Именно она. — Пушок с усилием сформулировал трудное определение. — Она и есть усилитель того, что находится глубоко внутри тебя, в глубине твоего сознания. Нечто такое, что даже мы не можем увидеть. Как бы то ни было, это позволяет тебе воспринимать ощущения других и может когда-нибудь одарить тебя другими способностями. Мы можем немного помочь тебе с этом. Твой маленький спутник — такой усилитель. Мы можем быть предусилителем. Очень, очень большим.

Он откинул назад голову, устремив взгляд в потолок.

— Твое тело останется здесь, а вот твое сознание мы можем отправить куда угодно.

— Куда угодно? А нельзя ли чуть поточнее?

— Там впереди угроза. Опасность. Наблюдать и учиться. Мы не можем делать это с себе подобными, а с тобой — вполне. Потому что ты не такой, как мы. И потому что ты не такой, как другие.

Масштабы маленькой проблемы уджурриан увеличивались с гораздо большей скоростью, чем та, за которой он был способен угнаться.

— А почему бы вам просто не прорыть в том направлении еще один тоннель?

— Потому что это слишком далеко. Невообразимо далеко.

— Если это невообразимо далеко, то почему оно может представлять опасность для нас?

— Оно может передвигаться. Не похоже, что оно уже передвигается, но мы не уверены. Нам необходимо убедиться в этом.

Пушок смотрел на Флинкса восхищенным взглядом.

— Мы не заставляем тебя, учитель.

— Знаю, черт побери. Какая разница? Главное, чтобы вы не потеряли меня из виду после того, как зашвырнете меня туда, куда вам взбредет в голову.

Юноша протяжно вздохнул.

— Так что от меня требуется?

— Было бы неплохо, друг-Флинкс, если бы ты лег на землю, чтобы не свалиться и не пораниться.

— Разумно. Если я буду участвовать в каком-то сверхуджуррианском перемещении или что это там будет, мне бы не хотелось возвращаться из него искалеченным.

Как всегда, сарказм Флинкса не дошел до его косматых друзей, но помог замаскировать страх, который начал подниматься из глубин сознания.

Флинкс подошел было поближе к «гробу», но быстро передумал. Он не собирался путешествовать в этой штуковине. В комнате стояла пара раскладушек. Он выбрал себе ту, что поближе. Убедившись, что кольца Пип лежат на его шее свободно, лег. Затем прижал руки к бокам, надеясь, что смотрится не слишком скованно и неуклюже.

— Ну хорошо. Что мне теперь делать? Поднимете меня и подбросите к потолку?

Слова эти были сказаны с нервным смешком. Уджурриане встали по углам. Между Пушком и Голубым Флинксу была видна Клэрити, не сводившая с него полного тревоги взгляда.

— Флинкс, а может быть, не надо этого делать, а?

— Возможно, ты и права. Но мне никогда не удавалось делать то, что хорошо лично для меня. Похоже, что я всегда делаю только то, что хорошо другим.

Он зажмурил глаза. Ему было любопытно, изменится ли от этого хоть что-нибудь.

— Ну, давай, Флинкс, делай, что тебе суждено!

И не было никакой задержки и никакого перехода. Он снова находился в озере. Пип была рядом с ним. Это было не то, что он ожидал. На этот раз он не плыл куда-то бесцельно. Теперь он был способен двигаться. Эксперимента ради он проплыл несколько кругов, а Пип — следом за ним. Прозрачная жидкость не забивалась в ноздри и не попадала в легкие. Она совсем не затрудняла дыхания.

К тому времени, когда он пошел на четвертый круг, вода в озере потемнела. Он продолжал плыть, охваченный ощущением, что перемещается с огромной скоростью. Одновременно ему казалось, что его тело почти неподвижно. Руки и ноги лениво двигались, в то время как мимо с бешеной скоростью проносилось космическое пространство.

Солнечный свет и прозрачность сменились полосами малинового и пурпурного света, как будто окружающее пространство представляло собой доведенный до крайности допплеровский эффект. Перед ним взрывались звезды и туманности, стремительно затем исчезавшие где-то внизу, у него под ногами. Любопытная иллюзия, не более того.

«Неужели я уже превратился в квазар?» — лениво подумал Флинкс.

Он был не прочь, немного помедлив, повнимательней рассмотреть каждую из звезд и планет. Подобно электрическим искрам, в его сознании стремительно проносились образы могущественных цивилизаций, покоривших целые галактики, и тут же им на смену приходили другие миры. Все они были Флинксу в новинку, незнакомые, чуждые, невообразимые. Иногда его разум соприкасался с ними, а затем откатывался, словно волна, которая набегает на берег и спешит назад в море. Флинкс несся все дальше к краю Вселенной, оставляя позади себя последние вспышки разума и сам превращался

не более чем в мысль, вернее, в вопиющее противоречие. От его имени ничего не осталось, кроме слабого-слабого воспоминания, чудом вырвавшегося из темницы подсознания.

А потом исчезли все звезды и последние проблески разума. Он оказался в той области мироздания, которой просто не могло существовать. Здесь, в вакууме, лишь кое-где, словно тонкая паутина, проплывали клочки межзвездного водорода, да редкое раскаленное ядро звезды вспыхивало, подобно язычку свечи, которую, предварительно поместив в бутылку, бросили в волны океана «великого ничего».

И что-то еще.

Слишком большое, чтобы быть живым существом, и все же живое, в котором было перемешано все — жизнь и смерть, добро и зло. И хотя сила, что постоянно гнала Флинкса вперед, попыталась подтолкнуть его почти в самую гущу этого «нечто», юноша почувствовал, что движение его замедлилось. По пути он соприкоснулся с целыми цивилизациями, осознал природу многих галактик, но то, что предстало перед ним, было слишком всеобъемлющим и зловещим, чтобы его бесплотный дух мог разобраться в сути неведомого ранее явления. Флинкс разглядел его тень и отвернулся, а затем, развернувшись, бросился в бегство, продираясь сквозь бездну по тому же пути, который привел его сюда.

Но пока он стремительно мчался, это нечто обнаружило его. Флинкс попытался прибавить скорость, и вселенная вокруг него превратилась в бесконечную череду фантастических лазерных всполохов, а «нечто», огромное и неповоротливое «нечто» протянулось вдогонку за беглецом и... промахнулось. Что спасло Флинкса — один километр, световой год или поперечник целой галактики — этого уже никогда не узнать. Главное, что «нечто» промахнулось, и Флинкс остался цел. Теперь он невредимым возвращался в свое тело.

И так он продолжал стремительно мчаться назад, когда почти в последний момент мимо него промелькнул чей-то великий, но совершенно растерянный разум, еще более невинный и наивный, чем у уджур-

риан, но исполненный великих предначертаний. Он походил на расплывающееся разумное пятно, будто растекшееся по стеклу, сквозь которое он смотрел на себя, Клэрити и остальное человечество. По цвету оно было похоже на лазурь. Словно некий изумрудный клей не давал картинке рассыпаться.

Затем все исчезло.

На смену пришел иной разум, совершенно отличный от своего предшественника. Флинкс воспринял это как плавание в другой части того же самого озера. Новый разум пронесся мимо, легонько задев Флинкса, и тот ощутил небывалое умиротворение. Этот разум был теплым, дружелюбным и даже слегка смущенным. Еще мгновение, и он растворился в просторах Вселенной вслед за зеленым образом.

Третье, самое легкое из прикосновений разумных миров показалось Флинксу знакомым. Это был зов одиночества. Такой никак не может исходить из искусственно созданного разума. Зов доносился издалека, из-за края Вселенной, из «пустыни». Оружие и инструмент одновременно, оно дожидалось, когда же Флинкс наконец вернется, чтобы исправить его, чтобы слиться с ним в единое целое, придать смысл всему его существованию, несмотря даже на то, что все его исконные враги давно канули в вечность. А может быть, им на смену пришли новые? Кто же те существа, которые создали огромную сигнальную сеть, приводимую в действие с Лошадиного Глаза? Откуда они явились и зачем? Этого не знал никто. Но уджурриане хотели это во что бы то ни стало выяснить. Флинкс сам теперь хотел того же.

И в тот момент ему все стало ясно. Он был нужен. Он был мутантом, уродом, боковым отростком. То есть, тем, чье существование создатели сигнальной сети попросту не предусмотрели. Точно также, как они не сумели предусмотреть эволюцию залени и тепла, разрушительную машину Тар-Айима, вопиющую о своем одиночестве.

Существа, которые создали сигнальную сеть в попытке оградить себя от уму непостижимой угрозы, исходящей с задворок бытия, по всей вероятности, были вынуждены спастись бегством,

поскольку не сумели справиться с собственным изобретением.

Но непредвиденное преследовало их по пятам. Оно породило жизнь и стало развиваться само по себе вопреки логике. А может быть, они как раз все это предвидели, все от начала и до конца, потому и оставили после себя сигнальную систему на случай, если в эти места забредет кто-то другой.

Зелень, тепло и оружие.

Лишь одного они не смогли предусмотреть — что сюда явится девятнадцатилетний парень по имени Флинкс.

Не исключено, что уджурриане это как-то уловили. Но каким образом? Это просто не укладывалось у него в голове. Вот на какие вещи подчас бывают способны урсиноиды, хотя многое из того недоступно их собственному пониманию. Почему Может-быть-так, способный перемещаться в пространстве как ему вздумается, ни за что не стал бы делать это по чьей-либо просьбе? Потому что он был с большим приветом?

Сколько событий свалились одновременно на Флинкса и, как всегда, он оказался в самой их гуще. Ему еще ни разу не удавалось увильнуть от ответственности. И что бы лично не грозило ему, это «нечто» грозило любому разуму во Вселенной. Всем великим цивилизациям, чье присутствие он ощутил мимоходом, пролетая через пространство. Тем, кто уже пробивался к свету, тем, кто лежал еще в колыбели, зелени, теплу и поющему оружию. А еще Содружеству, его Содружеству. Людям, транксам и всем остальным.

Бесконечность, которую он потревожил своим здравым рассудком, потихоньку стряхивала с себя оцепенение и готовилась к броску, пусть даже не сейчас и не в обозримом будущем. Чьем будущем? Его или галактики?

Флинкс обнаружил, что не знает. А именно это ему и следовало выяснить.

И в этом заключался великий смысл. Разве он не изучал бытие? Ему помогут уджурриане и те из старых наставников, которых он сумеет разыскать. И ему снова придется совершить путешествие на

грань сущего, к границам пространства, чтобы получше разглядеть «нечто». И он непременно отправится туда, ибо только он наделен этим даром. Непозволительно оставить без внимания то, что ему удалось засечь, пусть не сейчас, так позже. Ведь те, кто создал систему предупреждения, рассчитывали, что так оно и будет.

Флинкс проснулся весь в холодном поту. Пип распласталась у него на груди, устало разметав крылья и совершенно обессилев. Четверо мохнатых уджурриан озабоченно смотрели на него вместе с измученной представительницей человеческого рода.

Клэрити взяла его за руку и заморгала, чтобы стряхнуть слезы. Поскребыш по-прежнему цеплялся за ее плечи и шею.

Насколько Флинкс мог судить, во время своих странствий он даже не шелохнулся. Но когда он попытался присесть, у него ничего не получилось. Каждый мускул, каждая косточка в его теле болели.

— Это было восхитительно, — прошептал он. — А еще ужасно страшно и поучительно.

Клэрити отпустила его руку, чтобы вытереть глаза.

— Я подумала, что ты при смерти. Сначала ты лежал такой спокойный, такой умиротворенный, а потом неожиданно закричал. Флинкс нахмурился.

— Что-то я такого не припомню.

— Ты кричал, — заверила его Клэрити. — Ты весь извивался и изворачивался, я испугалась, как бы ты себе не вывернул или не сломал чего-нибудь. Твоим друзьям пришлось держать тебя.

— Нелегкая работенка, — буркнул Голубой. — Вот уж не подумал бы, что у нашего малышки-учителя столько сил.

— Я был близок к этому «нечто», — неожиданно вспомнив, произнес Флинкс. — Слишком близок.

Ему ничего не нужно было объяснять уджуррианам, но для Клэрити его слова были загадкой.

— Там что-то есть.

— Где? Возле Горисы?

— Нет, за границами Содружества, вне пределов Галактики. Дальше, чем наш разум может представить. Мне еще непонятно, как они, — он кивнул на притихших уджурриан, — вместе с Пип объединились в единое целое, чтобы послать мое сознание за пределы обозримой Вселенной. Но не за пределы досягаемости радиотелескопов. По-моему, они уже не раз засекали это «нечто», но вся беда в том, что люди, занятые обработкой данных, просто не ведают, на что смотрят, хотя мне тоже пока не совсем ясно, что же это такое. Несомненно одно — это «нечто» таит в себе опасность. И оно велико. Оно лежит за пределами пределов и пределами величин.

Пушок посерьезнел.

— Теперь не до веселья. Игра пошла не шуточная.

— Да, не шуточная, — согласился Флинкс.

— И что теперь делать, учитель Флинкс? — спросил его Ням.

— Мы попробуем разузнать об этом «нечто» побольше. Ведь речь идет обо всех нас. Не только обо мне или о тебе, но и обо всех тех, о ком мы еще не подозреваем. Придется и о них все хорошенько выяснить. На это потребуются силы и время. Я не против того, чтобы взвалить на себя эту ношу. Надеюсь, у нас еще достаточно времени. Но мне понадобится ваша помощь.

— Можешь на нас рассчитывать, дружище Флинкс, — прогудели в ответ все четверо.

— А почему бы вам не говорить вслух?

Флинкс обернулся к Клэрити и только тогда до него дошло, что до сих пор он вел с уджуррианами телепатическую беседу.

— Я понял, чему мне следует посвятить свою жизнь. Поначалу мне казалось, будто мне предначертано самой судьбой бесцельно скитаться по свету, накапливая неизвестно зачем никому не нужные знания. Теперь же у меня появилась цель. Где-то там, за гранью Вселенной, существует пустота. Согласно законам, регулирующим распределение вещества, такого просто не может быть. Однако на

самом деле эта пустота все же есть, а в ее средине есть что-то еще. Нечто недоброе и злокачественное. И я намерен выяснить, как нам следует вести себя, если оно начнет перемещаться в нашем направлении. Возможно, что в процессе этой деятельности я стану, наконец, полезным человеком.

— Да ты и так полезный человек, черт возьми!

Флинкс ласково улыбнулся.

— Клэрити, мне всего девятнадцать лет. А в этом возрасте никто не имеет права считать себя стопроцентно полезным человеком.

— Ты что, издеваешься надо мной?

— Да нет же.

Мякуня протянула Флинксу лапу, помогая подняться с постели. У Пип едва хватило сил, чтобы удержаться на плече хозяина. Из ее открытой пасти безвольно свешивался заостренный язык.

— Мне надо попить чего-нибудь. Чего-нибудь похолоднее. — Флинксу только сейчас бросилось в глаза, что на полу никого нет. — А где остальные?

— Они проснулись один за другим, — пояснила Клэрити, кивнув на то место, где валялся Дабис. — Этот пришел в себя раньше других. Первое, что он увидел, был Голубой с его разобранным пистолетом в лапах.

— Они все задали стрекача, — сказал Ням. — Мы бы поговорили с ними, но в головах у них была такая каша, что мы не стали их удерживать.

— Еще бы! — Флинкс повернулся к Пушку. — А что вы намерены делать дальше?

— Вернемся к себе и будем дальше разучивать игру в цивилизацию.

— Прекрасно. Я тоже попытаюсь изучить кое-что из новых правил. А затем свяжусь с вами.

Пушок громко хлопнул в ладоши, и по комнате прокатилось гулкое эхо.

— Замечательно! Мы сделаем из них новую игру. Может, она окажется не такой серьезной.

— Мы попытаемся, — заверил его Флинкс. — А пока мне нужно приобрести новые знания и слегка повзрослеть.

— Когда придет время, мы тебя снова разыщем.

Мякуня обняла юношу за плечи, лишив его тем самым какого бы то ни было обзора, и нежно прижала к себе. Шейные позвонки Флинкса от этого слегка хрустнули.

— Никогда не потеряю из виду друга-учителя Флинкса. Всегда смогу попросить Может-быть-така отыскать тебя.

— Ага. Жаль, что его сейчас нет с нами.

И тут же, как по команде, в комнате возник пятый уджурриании. Его вечно кислое выражение лица ни капельки не изменилось.

— Вот он я, — пробасил он.

— Что-нибудь добавишь ко всему этому? — спросил его Флинкс, которому не надо было объяснять, что он имел в виду под «всем этим», потому что, когда имеешь дело с Может-быть-так, ничто не нуждается в объяснениях.

— Попозже! — пробубнил тот и снова исчез.

— Ну и странное же создание! — восхищенно произнес Флинкс.

— Очень странное, — подтвердила Мякуня.

«Мне кажется, такое же, как и ты», — подумал Флинкс.

— Не думаю, что кто-нибудь из этих вернется сюда, — произнес он вслух, бросив взгляд на ступеньки.

Его слова заставили Клэрити улыбнуться.

— Вот уж никогда бы не подумала, что эти громилы окажутся такими проворными.

— Ладно, позже поговорим.

Четверка уджурриан образовала кольцо вокруг Флинкса. Они осторожно положили ему на руки свои лапы.

— Позже! — произнесли хором все четверо.

Потом они повернулись и прыгнули в дыру посреди комнаты.

Флинкс «услышал», как они мысленно прощались с ним, и их «голоса» звучали в его «ушах» до тех пор, пока совсем не исчезли из его сознания.

Прошло несколько минут. Потом земля вздыбилась, как будто чья-то исполинская нога пнула здание снизу. Из дыры вверх полетели камни и

грязь. Флинкс и Клэрити бросились к лестнице и оставались там до тех пор, пока пыль не начала оседать.

— Они заблокировали за собой тоннель, — задумчиво заметил юноша. — Неплохая идея. Не хочется, чтобы что-то оставалось открытым, куда кто-то может свалиться.

Он повернулся к Клэрити.

— А сейчас ты попросишь взять тебя с собой, куда бы я ни отправлялся, потому что тебе кажется, что ты меня любишь.

— Мне это не кажется, — ответила она. — Я точно знаю, что люблю тебя.

Флинкс медленно покачал головой.

— Извини, но мне кажется, что я правильно говорю. Тебе кажется, что ты любишь меня. Ты заинтригована мной, ты даже, может быть, находишь меня привлекательным, но ты должна понять, что тебе со мной идти нельзя.

Услышав его отказ, Клэрити невольно съежилась.

— Ты все еще не доверяешь мне? Ведь так? После всего, что я сделала, я не могу обвинять тебя за это. Но теперь все позади. Я воспринимаю тебя в том же виде, теми же глазами, которыми увидела тебя в первый раз. Таким, какой ты есть на самом деле.

— Неужели? Это весьма интересно, потому что мне пока что самому не ясно, кем же я являюсь на самом деле. Я долго пытался выяснить, кто мои родители, но из этого ничего не вышло. Может быть, мне больше повезет в поисках того, кто я такой. Но это вовсе не повод, чтобы не брать тебя с собой. Я не могу сделать этого потому, что не знаю, что еще может приключиться со мной. Как это ни странно, но вполне возможно, что правда все-таки на стороне старушки Вандерворт. Кроме того, на карту поставлено такое, перед чем любые личные взаимоотношения просто блекнут. И я намерен посвятить все свое время изучению сути этого явления. Но для того, кто окажется рядом со мной, это будет просто несправедливо. Особенно, если это будешь ты. Могу поклясться, что проведя в странствиях инкогнито

несколько лет, изучив всякие туманные штуки и набравшись тайного знания, ты будешь сыта всем этим по горло. Возможно, и я тоже, но у меня нет выбора. Я вынужден взяться за все это. Ты — нет. Ты можешь отправиться на другие планеты, где тебя как специалиста ждет увлекательная работа и хорошие перспективы.

— Для меня это больше не имеет значения.

Флинкс видел, что она сдерживается, чтобы не расплакаться.

— Возможно, так оно и есть, но потом все изменится. Тебе встретятся другие мужчины, старше и опытнее меня. Возможно, более привлекательные и не отягощенные поисками собственного «я». С кем-нибудь из них ты можешь обрести счастье. Может быть, даже не с одним, словом, с тем, кого ты сама себе выберешь. И ты будешь счастливее, чем со мной. Я не пророк, но не думаю, что ошибаюсь, — он бережно смахнул навернувшиеся на глаза слезы. — По-моему, Поскребыш всей душой привязался к тебе. Он будет тебе верным спутником и наверняка поможет тебе выбираться из самых сложных ситуаций и выбирать самых лучших мужчин. Прекрасный аксессуар для независимой женщины! Защитник и почитатель в одном лице. Пусть даже крошечный чешуйчатый комочек. Пока, Поскребыш!

Он протянул мини-драгу палец. Поскребыш не понял этого жеста, зато ощутил эмоциональную окраску момента. Его острый язычок несколько раз нежно коснулся теплой человеческой кожи.

— Странные мы существа, люди. Создатели космической сигнализации не предвидели нашего появления. По правде говоря, они много чего не сумели предвидеть. Некоторое из этого я узрел собственными глазами, но пока что не могу рассказать тебе больше, так как сам не разобрался до конца. Эволюция частенько ставит подножки самым современным методам предсказания будущего. Но может, оно и к лучшему.

Он повернулся, направляясь к лестнице.

— Флинкс, подожди! Ты ведь не можешь просто так взять и оставить меня. Ты не можешь бросить меня здесь!

Флинкс задумался.

— Ты права. Тебе некуда деваться, не так ли? Кто может знать, какие бредни начнет сочинять о тебе твоя бывшая начальница, чтобы только спасти собственную шкуру перед «Скарпанией»! Давай-ка поразмыслим. Тебе известно, что она распродала «Колдстрайп». По-моему, спонсоров фирмы наверняка заинтересует эта информация. Кто знает, может быть у них найдется для тебя новая работа где-нибудь в другом месте. Свяжись с ними и как следует все объясни. Уверен, в этом случае они сумеют уберечь тебя от мести Вандерворт. Есть немало способов проверить обоснованность твоего заявления. Да и того, что станет утверждать она.

Внезапно в его голосе зазвучала грусть.

— Ведь это же все — часть игры, не так ли? Игры в цивилизацию, в которую мы играем от рождения до смерти. По-моему, то, что происходит со мной — это не что иное, как переход на новый, более высокий уровень игры. Только не бросай свою генную инженерию, Клэрити. Возможно, в один прекрасный день я с твоей помощью сумею лучше разобраться в себе.

Он склонился к ней, и она взяла его руку в свою. Они вместе поднялись вверх по лестнице.

— Я помогу тебе всем, чем смогу, — сказала она, когда они добрались до пустынного офиса. — Я сделаю все, что ты посоветуешь.

«Что бы ты ни сделала, делай это ради себя, а не ради меня», — подумал он.

— Эта система предупреждения существует уже не один десяток лет, и мне кажется, у нас есть хоть немного времени, прежде чем угроза, которую она держит под контролем, потребует нашего вмешательства, — сказал он вслух. — Чтобы понять ее как следует, мне сперва нужно разобраться в самом себе. А для этого, в свою очередь, мне нужно лучше разбираться в других людях. Я не могу обещать тебе каких-либо постоянных взимоотношений, но, как это теперь мне мыслится, ничто не может помешать

тебе стать помощником в моих исследованиях. Если тебе, конечно, это интересно.

Она долго не сводила с него глаз, затем медленно покачала головой.

— Когда мне кажется, что я поняла тебя, в следующую секунду мне уже приходится выбросить эту мысль из головы и начинать все сначала.

— Если тебе это так сложно, подумай, насколько пугающим это должно быть для меня, — мрачно сказал Флинкс.

Клэрити очень обрадовала перемена в его настроении, и она решила остаться с ним, сколь долго он ей позволит. И все-таки, каким бы прекрасным ни оказалось это время, что они проведут вместе, она знала, что вряд ли когда-нибудь сможет сказать тебе, что знает его до конца.

Содержание

Зелье *(перевод И. С. Соколова)* 5

Последнее приключение Флинкса
(перевод Т. С. Бушуевой) 263

Литературно-художественное издание

Фостер Алан

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФЛИНКСА—III

Роман

Редакторы *П. Н. Рыбкин, С. В. Шейдт*

Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*

Сдано в набор 01.02.95. Подписано в печать 20.02.95. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,92. Тираж 50 000 экз. Зак. 179.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432.
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание осуществлено при участии АО «Ключ».
214016, Смоленск, ул. Победы, 20.
МП «Лерокс». 220013, г. Минск, пр-т Ф. Скорины, 79.

Типография издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр-т Ф. Скорины, 79.

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

